ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Профессору
Геннадию Федоровичу Горскому
посвящается

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2014

УДК 343.9.:343.13(470)(06)
ББК 67.515
П78

Редакционная коллегия:
проф. *О. Я. Баев*,
канд. юрид. наук *В. В. Горский* (отв. секретарь),
канд. юрид. наук *М. В. Горский* (отв. секретарь),
доц. *В. С. Листенгартен*, проф. *В. О. Лучин*,
проф. *В. А. Панюшкин* (отв. редактор), проф. *В. А. Михайлов*,
проф. *Ю. Г. Просвирнин*, доц. *В. М. Самороковский*,
доц. *Т. М. Сыщикова*, *Н. И. Третьяков*, проф. *С. А. Шейфер*

П78 **Проблемы предупреждения и расследования преступлений : прошлое и настоящее. Профессору Геннадию Федоровичу Горскому посвящается** / под ред. В. А. Панюшкина ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2014. – 700 с.+16 отд. л. ил.

ISBN 978-5-9273-2254-1

В книгу, посвященную 80-летию со дня рождения известного ученого, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики, проректора Воронежского государственного университета Геннадия Федоровича Горского (02.04.1934–01.08.1977), вошли воспоминания коллег, учеников и друзей о его научной, педагогической и общественной деятельности. Публикуются главы из монографий и научные статьи, написанные Г. Ф. Горским на протяжении 1962–1977 гг. Работы посвящены проблемам выявления и изучения причин преступности, криминалистической профилактики, организации следственного аппарата и расследования преступлений, применения современных научно-технических средств и информационных технологий в процессе доказывания по уголовному делу, профессиональной этики юриста и перспективам развития высшего юридического образования. Интерес представляют библиографический указатель трудов, а также фотографии из архива Геннадия Федоровича Горского. Издание содержит также материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы предупреждения и расследования преступлений: прошлое и настоящее. 80-летию со дня рождения профессора Геннадия Федоровича Горского посвящается» (18–19 апреля 2014 г.).

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, должностных лиц правоохранительных органов, а также всех интересующихся проблемами предупреждения и расследования преступлений.

УДК 343.9.:343.13(470)(06)
ББК 67.515

ISBN 978-5-9273-2254-1

© Воронежский государственный университет, 2014
© Оформление, оригинал-макет Издательский дом ВГУ, 2014

Предисловие

Настоящая книга посвящена памяти выдающегося ученого, доктора юридических наук, профессора Геннадия Федоровича Горского. Она содержит материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня его рождения (г. Воронеж, 18–19 апреля 2014 г.). В издании представлены любопытные повествования о жизненном пути Геннадия Федоровича, фотографии, иллюстрирующие различные аспекты его жизни и деятельности, другие интересные материалы.

Книга состоит из шести разделов:

1. Профессор Геннадий Федорович Горский: ученый, педагог, общественный деятель.

2. Выявление и изучение причин преступности и проблемы криминалистической профилактики.

3. Проблемы организации следственного аппарата и расследования преступлений.

4. Проблемы применения современных научно-технических средств и информационных технологий в процессе доказывания по уголовному делу.

5. Проблемы профессиональной этики юриста.

6. Проблемы развития высшего юридического образования.

Каждый раздел книги начинается с извлечений из работ Г. Ф. Горского соответствующей научной направленности.

Несколько слов, к сожалению, о короткой, но глубоко насыщенной практической (правоприменительной), научной и общественной жизни Геннадия Федоровича.

Геннадий Федорович Горский родился 2 апреля 1934 г. в деревне Липно Вышневолоцкого района Калининской (Тверской) области.

Окончив в 1957 г. с отличием юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, он 5 лет проработал в органах МВД СССР, закончив службу в должности заместителя начальника Ленинского РОВД г. Воронежа.

В 1962 г. Г. Ф. Горский перешел на преподавательскую работу в Воронежский государственный университет, где прошел путь

от преподавателя до профессора, одного из руководителей этого учебного заведения.

В 1965 г. на юридическом факультете Воронежского государственного университета он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования». Научным руководителем был доктор юридических наук, профессор Владимир Евгеньевич Чугунов. Официальными оппонентами выступили выдающийся советский ученый-правовед, член-корреспондент АН СССР М. С. Строгович и известный процессуалист А. М. Ларин.

В 1967 г. Геннадий Федорович Горский избирается на должность заведующего кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Воронежского государственного университета, в том же году ему присваивается ученое звание доцента.

В 1969 г., оставаясь заведующим кафедрой, он был назначен проректором Воронежского государственного университета, должность которого он исполнял до своего внезапного ухода из жизни.

В 1973 г. Геннадий Федорович защитил в Высшей школе МВД СССР докторскую диссертацию на тему: «Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР». Официальными оппонентами выступили доктора юридических наук, профессора Сергей Сергеевич Остроумов, Владимир Карлович Звирбуль, Георгий Георгиевич Зуйков.

Ученое звание профессора ему было присвоено в 1974 г.

Профессор Г. Ф. Горский был крупным ученым-правоведом. За свою непродолжительную творческую жизнь он опубликовал свыше 80 научных работ по проблемам уголовного процесса, криминалистики, криминологии, судебной этики, научной организации труда и управления в следственной деятельности, а также по проблемам педагогики высшей школы, в том числе «Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования» (Воронеж, 1964); «Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР» (Воронеж, 1970); «Уголовный процесс РСФСР» (Воронеж, 1968; в соавт.); «Народный суд» (Воронеж, 1970; в соавт.); «Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса» (Воронеж, 1973; в соавт.); «Проблемы доказательств в советском уголовном процессе» (Воронеж, 1978; в соавт.).

Г. Ф. Горский не был кабинетным ученым. Вся его научная работа тесно связана с практикой. Он неоднократно (1969–1977 гг.) избирался депутатом Воронежского городского Совета депутатов трудящихся и председателем постоянной комиссии городского Совета по социалистической законности и охране общественного порядка, заседателем Воронежского областного суда, членом научно-консультативного совета при Облпрокуратуре, членом ряда ученых советов, членом Комитета права Советской Социологической Ассоциации.

В 1976 г. Г. Ф. Горский назначается председателем Головного Совета Минвуза РСФСР по экономике и планированию высшего образования (на общественных началах).

После преждевременного ухода Геннадия Федоровича в августе 1977 г. Криминалистической лаборатории юридического факультета ВГУ присвоено его имя; с 1978 г. и по настоящее время лучшим студентам уголовно-правовой специализации нашего факультета ежегодно назначается повышенная стипендия его имени.

Память о Геннадии Федоровиче Горском, – а человек жив, пока о нем помнят, – не исчезла, и будет сохраняться еще долгие годы…

Редколлегия выражает глубокую признательность сотрудникам Воронежского государственного университета, ученым из многих других вузов, практическим работникам правоохранительных органов, принявшим участие в ее проведении.

Редколлегия

Раздел 1

ПРОФЕССОР ГЕННАДИЙ ФЕДОРОВИЧ ГОРСКИЙ:

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Л. Д. Кокорев

доктор юридических наук, профессор

ГЕННАДИЙ ФЕДОРОВИЧ ГОРСКИЙ: КРАТКИЙ ОЧЕРК НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[1]

Доктор юридических наук, профессор Г. Ф. Горский был крупным ученым-правоведом. За свою непродолжительную творческую жизнь он опубликовал 82 научные работы по проблемам уголовного процесса, криминалистики, криминологии, судебной этики, научной организации труда и управления в следственной деятельности, а также по проблемам педагогики высшей школы. Обширная проблематика его работ свидетельствует о широте научных интересов, разносторонности научных знаний. Труды профессора Г. Ф. Горского внесли существенный вклад в развитие советской правовой науки.

Г. Ф. Горский родился 2 апреля 1934 г. в деревне Липно Вышневолоцкого района Калининской области; в 1957 г. с отличием окончил юридический факультет Московского университета и несколько лет работал на различных должностях в органах МВД СССР. В 1962 г. он перешел на преподавательскую работу в Воронежский университет, с которым в дальнейшем была связана вся его творческая жизнь. Здесь он прошел путь от ассистента до профессора, проректора университета.

Свою научную деятельность Г. Ф. Горский начал с подготовки кандидатской диссертации на тему «Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного следствия», защитив ее на юридическом факультете Воронежского университета в 1965 г. Материалы диссертации легли в основу опубликованной в 1964 г. Издательством Воронежского государственного университета монографии «Выявление и изучение причин преступности», по-

[1] В статье использованы публикации : Геннадий Федорович Горский : библиогр. указатель / отв. ред. Л. Д. Кокорев ; сост. : А. И. Землянова, И. И. Тарарыкина. – Воронеж, 1978 ; *Кокорев Л. Д., Баев О. Я., Литвинов Р. В., Торубаров В. И.* Вклад профессора Г. Ф. Горского в развитие уголовно-процессуальной теории // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы : сб. статей / под ред. Л. Д. Кокорева. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. С. 161–168.

© Кокорев Л. Д., 2014

священной актуальным вопросам борьбы с преступностью. Автор показал социальную значимость установления причин преступления по каждому уголовному делу. Г. Ф. Горский рассматривал причины и условия, способствовавшие совершению преступления, в качестве обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, и убедительно доказал необходимость дальнейшего развития процессуального законодательства с целью придания указанным обстоятельствам именно такого значения. В его работе не только обосновывается задача установления в каждом случае обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, но и анализируются основные процессуальные средства ее решения, даются рекомендации по дальнейшему совершенствованию этих средств, развитию процессуальной формы в целях создания оптимальных условий, обеспечивающих решение указанной задачи.

Г. Ф. Горский анализирует сущность причин и условий, способствующих совершению преступлений; их место в системе обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу; роль участников процесса в собирании, представлении и исследовании доказательств, с помощью которых можно установить причины и условия, повлекшие преступление.

Значительное внимание автор монографии уделил повышению эффективности процессуальной деятельности, совершенствованию тактики доказывания обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Он пишет о процессуальной форме как законодательной основе тактических действий, о процессуальном оформлении, закреплении фактических данных, на основании которых можно судить о причинах, приведших к преступлению.

В решении задачи по выяснению причин преступности Г. Ф. Горский большое место отводил участию общественности в уголовном судопроизводстве. В развитии взаимодействия государственных органов с общественностью, в совершенствовании форм и методов участия представителей общественности в уголовном процессе он видел резерв повышения эффективности всей процессуальной деятельности. Не случайно одна из глав монографии посвящена организации и методике конкретно-социологических исследований причин преступлений по материалам уголовного дела. Анализируя методы и основные направления конкретно-социологических исследований причин преступности и личности

преступника, автор пишет об использовании кибернетических и счетно-аналитических машин, о роли социального эксперимента в изучении этих вопросов.

Проблемы развития и совершенствования уголовно-процессуальной формы в аспекте выяснения причин преступности Г. Ф. Горский исследовал не только в указанной монографии, но и в ряде своих статей, опубликованных в юридических журналах и сборниках. В них он писал о процессуальном порядке выяснения обстоятельств, способствовавших совершению преступления; об имеющемся опыте и перспективах использования научно-технических средств в конкретно-социологических исследованиях причин преступности; о роли показаний обвиняемого в выявлении обстоятельств, повлиявших на совершение им преступления; о совершенствовании деятельности следователя по предупреждению преступлений; о повышении эффективности прокурорского надзора за выяснением причин и условий, способствовавших совершению преступлений; об участии адвокатов в профилактике правонарушений.

Научная деятельность Г. Ф. Горского была тесно связана с исследованиями, проводившимися криминологической лабораторией юридического факультета ВГУ, которой он руководил с 1965 г. В те годы это была одна из первых организаций, занимавшихся проведением конкретно-социологических исследований причин преступности. Под руководством и при участии Г. Ф. Горского лабораторией подготовлено и опубликовано четырнадцать сборников научных статей (в том числе и статьи самого Г. Ф. Горского, посвященные методологии и методике изучения и предупреждения преступности, роли в этом процессуальных средств и процессуальной формы; использованию математических методов в анализе судебных ошибок, а также в исследовании причин преступности и личности преступника; изучению и предупреждению отдельных видов преступлений, рецидивной преступности; повышению эффективности процессуальной деятельности должностных лиц и органов, осуществляющих борьбу с преступностью).

В 1973 г. Г. Ф. Горский защитил докторскую диссертацию на тему «Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР». В 1970 г. в Издательстве ВГУ вышла его монография по теме диссертации. В ней рассмотрены актуальные

проблемы следственного аппарата в СССР. На основе достижений современной науки в различных областях знаний автор показал перспективы развития следственного аппарата, возможности его организационного совершенствования и повышения эффективности процессуальной деятельности; роль процессуальной формы в решении этих задач, основные направления ее развития.

Разработка проблем научной организации следственного аппарата осуществляется автором в разных аспектах и прежде всего – с точки зрения исторического и сравнительного анализа. Рассматривая историю создания, организации и деятельности следственного аппарата в СССР, а также его организационное построение и функции в других социалистических странах, Г. Ф. Горский обосновывает необходимость использования и развития оправдавших себя форм и методов следственной деятельности.

Центральную часть монографии занимают проблемы развития научной организации (НОТ). Автор пишет о задачах и принципах, методике исследования проблем НОТ и управления в следственном аппарате, о роли информации, о значении криминологического прогнозирования и влиянии научно-технического прогресса на практику борьбы с преступностью.

В монографии рассмотрены новейшие, малоразработанные проблемы: влияние советской уголовной политики на развитие научной организации труда и управления в следственной деятельности; психологические основы НОТ следователей; профессиональная этика следователя и ее роль в повышении эффективности следственной деятельности; роль педагогики в работе следователя. Заслуга автора состоит в том, что он сформулировал ряд важных для своего времени проблем уголовного судопроизводства и внес значительный вклад в их решение. Творческий, дискуссионный подход стимулировал дальнейшую разработку данных вопросов, развитие уголовно-процессуальной теории.

Г. Ф. Горский был соавтором ряда коллективных работ. В 1968 г. Издательство ВГУ выпустило книгу «Уголовный процесс РСФСР», в которой профессором Горским написан раздел, посвященный особенностям судопроизводства по делам о хулиганстве. В нем рассмотрены вопросы дифференциации судопроизводства по этой категории уголовных дел. Книга вызвала живой интерес во многих социалистических странах и использовалась в качестве

учебного пособия при изучении советского уголовного процесса. В 1970 г. в Издательстве ВГУ вышла еще одна книга – «Народный суд», в которой Г. Ф. Горский в соавторстве с доктором юридических наук В. И. Гуськовым написал главу о деятельности народного суда по предупреждению правонарушений. Развивая идеи своей кандидатской диссертации, ученый писал о формах и методах судебной деятельности, направленной на выяснение причин и условий, способствовавших совершению преступлений, на предупреждение правонарушений; о совершенствовании процессуальной формы судопроизводства в целях успешного решения профилактической задачи суда.

В 1973 г. Издательством ВГУ была выпущена первая советская монография, посвященная проблемам судебной этики («Судебная этика»), которая вызвала огромный научный и общественный резонанс (достаточно сказать, что на эту книгу было опубликовано 9 рецензий). Г. Ф. Горский принимал участие в написании разделов о понятии судебной этики и ее значении в уголовном процессе, о нравственных началах предварительного расследования, о нравственном воспитании в советском уголовном судопроизводстве. Судебная этика – наука сравнительно молодая, развивающаяся, ей еще предстоит решить многие спорные вопросы. Г. Ф. Горский творчески подошел к анализу ряда из них, используя накопленный им опыт конкретно-социологических исследований проблем профессиональной морали юриста. К числу дискуссионных проблем, рассмотренных им в монографии, следует прежде всего отнести вопросы о сущности и задачах профессиональной этики и профессиональной морали, о нравственной стороне так называемых «следственных хитростей», о необходимых нравственных качествах и возможной профессиональной деформации следователей, судей, прокуроров и адвокатов.

О профессиональной морали в юридической литературе высказаны различные суждения, с одной стороны, отрицающие нормы профессиональной морали юриста, а с другой – не только признающие их существование, но и наделяющие их особыми свойствами, в силу которых они якобы могут дополнять и даже ограничивать действие общих нравственных принципов. Оспаривая подобные суждения, Г. Ф. Горский пишет о значении норм профессиональной морали юриста, которые находятся в тесном

единстве с общей моральной системой и применительно к профессии юриста, с учетом ее особенностей, воплощают общие требования коммунистической морали. Он последовательно проводит мысль о том, что развитие нравственных начал уголовного судопроизводства, совершенствование в этом отношении процессуальной формы должны идти не в русле поиска особых норм, не согласованных с общими принципами морали, а по пути внедрения общих нравственных принципов в уголовное судопроизводство с учетом его особенностей.

Анализируя нравственные качества, необходимые следователям, автор показывает, что деятельность по осуществлению судопроизводства, направленная на решение высоконравственных, гуманных задач, способствует развитию и укреплению профессионально необходимых моральных качеств. Однако иногда, в силу тех или иных обстоятельств, она может привести к так называемой «профессиональной деформации» следователей и других должностных лиц – участников процесса. Несмотря на то, что в юридической литературе высказано мнение, будто следователи, судьи, прокуроры, адвокаты не подвержены этому отрицательному процессу, Горский, опираясь на опыт социологических исследований, пишет о встречающихся случаях профессиональной деформации; о появлении у следователей и других лиц таких отрицательных качеств, как подозрительность, равнодушие, черствость, невнимательность к людям, формализм в работе и т.п.; о необходимости изучения и преодоления этих отрицательных явлений.

Дискуссионный характер в юридической литературе носит вопрос о так называемых «следственных хитростях». Порой их квалифицируют как некую разновидность методов, направленных на изобличение виновных, и при этом рекомендуют приемы, не соответствующие общим нравственным принципам. Возражая против такого решения вопроса, Г. Ф. Горский утверждает: не может быть никаких особых «следственных хитростей», речь должна идти об обычных тактических приемах следственных действий, направленных на всестороннее и объективное выяснение всех обстоятельств дела и полностью соответствующих правовым и нравственным требованиям. Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы, по мнению ученого, должно укреплять правовые и нравственные основы тактики следственных действий.

Еще одна проблема, разработкой которой активно занимался профессор Горский, – влияние научно-технического прогресса на уголовно-процессуальное доказывание. В 1978 г. в Издательстве ВГУ вышла книга «Проблемы доказательств в советском уголовном процессе», одна из глав которой, посвященная обозначенной теме, была написана Геннадием Федоровичем. Ее отличают актуальность и новизна в постановке вопросов. Автор исходит из того, что внедрение достижений науки и техники в оперативную, следственную, судебную и экспертную деятельность является решающим средством повышения эффективности уголовного судопроизводства; это требует совершенствования процессуальной формы в целях наиболее полного использования достижений научно-технического прогресса. Автор пишет о научно-технических средствах, применяемых в уголовно-процессуальном доказывании; о научной организации труда его субъектов; о перспективах дальнейшего совершенствования использования научно-технических средств в уголовном судопроизводстве, о требованиях, которым должно соответствовать их применение, о значении достижений научно-технического прогресса в борьбе с преступностью.

Многочисленные научные статьи Г. Ф. Горского, опубликованные в центральных журналах, сборниках научных трудов, касались самых разных научных проблем. Целый ряд статей посвящен вопросам криминологии. В них профессор Горский писал об использовании кибернетических и счетно-аналитических машин в конкретно-социологических исследованиях причин преступности и личности преступника; о деятельности следователя по предупреждению преступлений; об исследовании и предупреждении рецидивной преступности; о роли показаний обвиняемого в выявлении и изучении причин преступления; о роли общественности и прокурорского надзора при выявлении и изучении причин преступности; об участии адвоката в профилактике правонарушений.

Двенадцать научных статей Г. Ф. Горского посвящены вопросам развития и совершенствования советского уголовного процесса: о влиянии научно-технического прогресса на совершенствование деятельности следственного аппарата; о научной организации труда следователей; о влиянии нравственных принципов на уголовно-процессуальную деятельность; об эффективности процессуальной

деятельности участников судопроизводства; о процессуальных гарантиях прав и интересов обвиняемого в уголовном процессе.

Ряд научных работ Г. Ф. Горского посвящен проблемам педагогики высшей школы. Ученого волновали состояние современного университетского образования, его совершенствование; перспективы развития юридического образования в СССР; экономико-организационные проблемы управления высшей школой; управление учебным процессом в университете; составление профессиограммы в университете; этика преподавателя как педагога и как воспитателя во внеучебное время. В 1976 г. на ВДНХ экспонировался альбом по вопросам педагогики высшей школы, одним из авторов которого был Г. Ф. Горский.

Научная работа Г. Ф. Горского всегда характеризовалась тщательностью исследования проблем, добросовестностью научного анализа, принципиальностью суждений, глубоким, всесторонним обоснованием научных выводов. Профессор Горский обладал хорошо развитым чувством нового, потому и исследования его, как правило, отличались научной новизной: разработка проблем научных основ организации и деятельности следственного аппарата, влияния научно-технического прогресса на уголовное судопроизводство, проблем следственной этики, организации конкретно-социологических правовых исследований. Социальная ценность научной деятельности во многом определяется чувством ответственности ученого – готовности способствовать развитию нашего общества, его прогрессу. Научная деятельность Г. Ф. Горского была направлена на укрепление социалистической законности, совершенствование средств и методов борьбы с преступностью, на дальнейшее развитие демократических начал советского уголовного процесса и совершенствование в нем гарантий прав и законных интересов личности.

Профессор Горский был не только ученым, но и талантливым педагогом, прекрасным лектором, отдававшим все свои знания и силы воспитанию студенчества. На юридическом факультете ВГУ он читал лекции по криминологии, криминалистике и расследованию отдельных видов преступлений. Большое значение ученый придавал взаимосвязи науки и учебного процесса, использованию в ходе обучения новейших научных достижений. Особое внимание он уделял общетеоретической подготовке студентов, их специализации в обучении, индивидуальной работе со студентами. Работая с 1969 г. проректором Воронежского государственного университета, Г. Ф. Горский активно занимался вопросами организации высшего образования, совершенствования учебного процесса.

Несколько раз профессор Горский выезжал за рубеж для участия в конференциях, семинарах, чтения лекций о советском праве. В этих поездках он достойно представлял советскую юридическую науку. Медалью ГДР была отмечена его работа по подготовке специалистов с высшим образованием для этой страны.

В то же время надо отметить, что Г. Ф. Горский не был кабинетным ученым. Вся его научная работа была тесно связана с практикой. Член КПСС с 1954 г., он вел большую общественную работу, пять раз избирался депутатом Воронежского городского Совета депутатов трудящихся и председателем постоянной комиссии городского Совета по социалистической законности и охране общественного порядка.

За плодотворную научно-педагогическую и общественно-политическую деятельность Г. Ф. Горский награжден орденом «Знак Почета»; медалями; знаком министерства высшего и среднего специального образования СССР «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР»; знаком «Победитель социалистического соревнования»; медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина»; Почетным Знаком ГДР за заслуги в развитии социалистического народного образования в Германской Демократической Республике; грамотами Обкома и Горкома КПСС, Министра Внутренних Дел СССР, Минвуза РСФСР.

Оказав существенное влияние на развитие советской уголовно-процессуальной теории, научные труды профессора Г. Ф. Горского и сегодня являются источником идей, направленных на дальнейшее совершенствование уголовного судопроизводства, его процессуальной формы.

В. С. Листенгартен

кандидат исторических наук, доцент

ВКЛАД ПРОФЕССОРА Г. Ф. ГОРСКОГО В РАЗРАБОТКУ ПРОБЛЕМ ПЕДАГОГИКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Геннадий Федорович Горский, получивший базовое высшее образование на юридическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, после нескольких лет практической работы осознанно в 1962 г. пришел в высшую школу, чтобы продолжить начатые научные исследования и принять участие в подготовке кадров специалистов в области юриспруденции на недавно созданном юридическом факультете Воронежского государственного университета. Причем он изначально не разделял обе эти задачи, понимал необходимость их диалектической сопричастности. Об этом со всей очевидностью свидетельствует его деятельность и на факультете, и в рамках всего университета, где он в 1969–1977 гг. занимал должность проректора по учебной работе.

Г. Ф. Горскому, наряду с научными и методическими монографиями, статьями и учебными пособиями, принадлежит ряд публикаций по проблемам педагогики высшей школы.

Следует отметить, что названное направление в годы педагогической и управленческой деятельности Геннадия Федоровича активно развивалось в Воронежском государственном университете, который благодаря усилиям П. М. Гапонова, В. С. Рахманина, М. А. Красносельского, С. М. Годника, А. М. Милешиной, В. В. Гусева, С. И. Черепинского, А. В. Лосева, Л. Д. Кокорева, В. С. Основина и других ученых и педагогов разных научных специальностей, являлся со второй половины 60-х гг. прошлого века одним из признанных центров разработки проблем педагогики высшей школы в стране[1].

Интересы Г. Ф. Горского в области педагогики высшей школы, как следует из его публикаций, охватывают такие актуальные аспекты, как современное университетское образование в целом и юридическое образование в частности; управление учебным процессом в университете; взаимодействие и преемственность вуза и школы, довузовская подготовка абитуриентов; роль вузовского преподавателя как воспитателя студенческой молодежи.

[1] См.: Воронежская историко-культурная энциклопедия : персоналии / под общ. ред. О. Г. Ласунского. 2-е изд., доп. и испр. Воронеж, 2009. С. 134—135.

© Листенгартен В. С., 2014

Даже простое перечисление проблем, ставших предметом рассмотрения Г. Ф. Горского, даем представление о широте вопросов, находившихся в сфере внимания авторитетного ученого и педагога, о его стремлении рассмотреть целый комплекс актуальных сторон вузовской жизни, имевших и имеющих теоретическое и практическое значение.

Остановимся более подробно на содержательной части статей Г. Ф. Горского 1969–1976 гг.

Анализируя задачи подготовки специалиста с университетским образованием, и в частности будущего правоведа, ученый исходил из необходимости для руководителей и организаторов учебного процесса конкретных знаний перспектив развития отрасли, для которой готовятся университетские кадры. Так, для будущего юриста важно конкретное знание перспектив развития всей правовой системы, направлений развития законодательства, кодификационных программ[2]. Отсюда требования к учебному процессу: формировать глубокие профессиональные знания; воспитывать чувство гражданственности, верность профессиональному долгу, способность к этическому решению правовых конфликтов; развивать творческое мышление. Обращает на себя внимание, что в перечисление требований к целевым установкам учебного процесса автор органично включил этическую компоненту. Акцент на этическую составляющую в подготовке специалиста характерен для позиции Г. Ф. Горского как ученого и педагога, и эту линию он настойчиво проводил в теории и практике научной и учебной работы.

Еще одно требование к организации учебного процесса – интегрированные обучение и воспитание, подразумевающие сочетание фундаментальной подготовки и практического профессионального обучения, причем обе эти тенденции должны быть ориентированы на непрерывность у выпускника процесса самообразования и развития. Задолго до того, как это стало повсеместной практикой,

[2] См.: *Горский Г. Ф.* Актуальные проблемы совершенствования университетского юридического образования //Актуальные проблемы улучшения подготовки специалистов в университете : материалы VI науч.-метод. конф. Воронеж. гос. ун-та «Научно-техническая революция и проблемы улучшения подготовки специалистов в университете». Воронеж, 1975. С. 206–208.

Г. Ф. Горский, основываясь на опыте Воронежского государственного университета, ратовал за прямые договорные отношения вуза с предприятиями и организациями, в том числе профессиональными общественными объединениями.

Геннадий Федорович был среди тех педагогов и руководителей высшей школы, которые считали, что работа преподавательских коллективов по совершенствованию учебных планов и программ, составлению планов воспитания на весь период обучения должна основываться на четкой и научно выверенной профессиограмме специалиста – обобщающем документе, где системное выражение находит совокупность знаний, умений, навыков и качеств, которыми должен обладать выпускник университета к тому времени, когда он начнет самостоятельную профессиональную деятельность[3]. Горский не просто обосновывал необходимость данного подхода, но и практически участвовал в подготовке такого документа для выпускников юридического факультета и педагогических специальностей университета.

Объемная статья, написанная совместно с коллегой, крупным ученым и талантливым педагогом, профессором В. С. Основиным, была специально посвящена проблемам совершенствования высшего юридического образования[4]. Авторы исходили из государственного требования об укреплении законности и правопорядка в стране, тесно связанного с решением задачи повышения качества подготовки юридических кадров. Справедливо выделено основополагающее условие выполнения данной задачи – повышение уровня профессорско-преподавательского состава, которому государство доверило подготовку специалистов-правоведов. На момент написания статьи, что вызвало тревогу у авторов, доля докторов юридических наук составляла 10 % – ниже, чем в других гуманитарных науках.

Отрадно отметить, что резерв исправления такого положения был воспринят вузами и органами управления высшей школы. И пусть не скоро – в 2013 г. – в Воронежском государственном университете доктора юридических наук составили 16 % (разница не-

[3] См.: *Горский Г. Ф., Листенгартен В. С.* О некоторых вопросах составления профессиограммы учителя в университете. Воронеж, 1974. С. 38─40.

[4] См.: *Горский Г. Ф., Основин В. С.* Проблемы совершенствования высшего юридического образования // Известия вузов. Правоведение. 1976. № 3. С. 15–22.

большая с тем временем, но все-таки есть), и процесс пополнения отряда докторов постоянно продолжается.

Г. Ф. Горский и В. С. Основин не просто констатировали тревожащие их факты, но и предлагали возможности улучшения дела: повышение эффективности аспирантуры, приход на преподавательскую работу практических работников, внедрение системы поощрения за успехи в научной и педагогической деятельности. Авторы настойчиво проводили мысль о значении для преподавателей овладения педагогическим мастерством, современными методическими приемами, основами педагогики высшей школы; аргументированно представляли конкретные условия, которые должны создаваться для этого в кафедральных, факультетских и вузовских коллективах.

Много внимания в статье уделено направлениям совершенствования учебного процесса. Рассмотрен целый комплекс мер: от разработки научно обоснованных профессиограмм и логически выстроенной структуры дисциплин до обязанности применения современных методов, форм и средств обучения и контроля знаний.

Поднят очень важный вопрос – совершенствование критериев эффективности учебного процесса. Опираясь на свой опыт, ученые показали, что критерий учета оценок, полученных студентами в ходе сессий, и процент отсева за неуспеваемость далеко не в полной мере отражают объективную картину качества. Поэтому предлагаются такие показатели: количество лиц из числа окончивших вуз в отчетном году и работающих по специальности; количество выпускников ряда прошлых лет, получивших поощрения и продвинувшихся по службе, и ряд других, само наличие которых обуславливает постоянное взаимодействие вуза со своими выпускниками и организациями-работодателями. Отмечено и такое условие повышения качества подготовки специалистов, как укрепление материально-технической базы учебного и научно-исследовательского процесса.

Когда Г. Ф. Горский и В. С. Основин писали свою статью, юридический факультет, кстати, один из самых многолюдных в университете, размещался в достаточно стесненных условиях, соседствуя в учебном корпусе еще с двумя факультетами. Сегодня юридический факультет располагает современным учебным корпусом, общая площадь которого 10 563 м^2, с компьютерными классами,

библиотекой, кабинетами и лабораториями. Две лаборатории по праву носят имена профессоров Г. Ф. Горского и В. С. Основина. Но, конечно, проблема укрепления материально-технической базы для подготовки будущих юристов и научных исследований не стала менее актуальной.

Профессор Г. Ф. Горский в своем воззрении на проблемы высшей школы всегда позиционировал себя государственником, т.е., выступая за широкие возможности для вузов проявлять инициативу, творческий подход к делу, отдавал приоритет единой государственной политике в сфере образования. Государство определяет требования к вузам, а вузы призваны реализовать все имеющиеся в их распоряжении интеллектуальные и материальные ресурсы, чтобы эти обоснованные требования осуществить как можно более творчески и эффективно[5].

Думается, излишне доказывать, насколько последовательно в наши дни это положение должно воплощаться в довузовскую практику, стать предметом научно-педагогического осмысления.

Государственный, а значит, научный подход в управлении высшим учебным заведением, по мнению Г. Ф. Горского и его единомышленников, должен состоять в последовательном осуществлении логики развития всего учебно-воспитательного процесса, что включает объективный анализ информации о ходе обучения, понимание существа задач, методов и форм профессиональной, гражданской и нравственной подготовки специалиста, умение быстро выявить «узкие места» и отреагировать на них, аккумулировать и распространять положительный организационный, методический и педагогический опыт[6].

Многие проблемы совершенствования высшего, в том числе юридического, образования Г. Ф. Горский связывал с системой профориентации молодежи и формирования студенческого контингента. В статье, о которой уже шла речь выше[7], авторы сетовали на отсутствие научно обоснованных методик подбора абитуриентов, выдвигая данную проблему в ряд первоочередных для решения стоящих задач. Не случайно одно из своих выступлений на межвузовской научно-практической конференции, проходившей в ВГУ в 1975 г., Г. Ф. Горский посвятил подготовительному отделению как социальному инструменту формирования студенческого контингента[8].

Созданные в 1969 г. подготовительные отделения продолжили традиции рабфаков, открыли дорогу в высшую школу тысячам молодых людей, которые прошли большую производственную и армейскую школу, стремились учиться, но на тот момент не могли конкурировать по уровню довузовской подготовки со вчерашними школьниками. Воронежский государственный университет оказался среди первых вузов страны, где были организованы рабфаки нового типа. Г. Ф. Горский анализировал шестилетний опыт работы подготовительного отделения, к которому и сам имел непосредственное отношение. Анализ показал, что подготовительные отделения успешно справлялись с поставленными задачами: как в первые послевоенные годы демобилизованные участники Великой Отечественной войны «задавали в вузах тон» в учебе и общественной работе, так и слушатели подготовительных отделений, влившись в студенческую среду, определяли серьезный настрой в деле овладения знаниями и проявлении гражданской позиции в многогранной жизни вуза. Это, по мнению Г. Ф. Горского, не было результатом стихийного процесса, а достигнуто большими организационными, методическими и воспитательными усилиями коллективов преподавателей подготовительных отделений, коллективов и общественных организаций вузов, среди которых одно из ведущих мест занимал Воронежский государственный университет. В то же время ученый предлагал конкретные меры, направленные на повышение эффективности подготовительных отделений: проявлять заботу о формировании слушателей подготовительных отделений, ввести в практику для этого заключение договоров с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, оснастить подготовительные отделения современной

[5] См.: *Горский Г. Ф.* Современное университетское образование. Состояние. Проблемы. Перспективы // Материалы научно-методической конференции / науч. ред. Н. Н. Бельский. Воронеж, 1974. С. 1–4.

[6] См.: *Горский Г. Ф., Листенгартен В. С.* Некоторые вопросы управления процессом в университете // Экономико-организационные проблемы управления высшей школы : тезисы докл. на Респ. науч. конф. Воронеж, 1973. Вып. 1. С. 99–101.

[7] См.: *Горский Г. Ф. Основин В. С.* Указ. соч.

[8] См.: *Горский Г. Ф.* Подготовительные отделения как социальный инструмент формирования студенческого контингента высших учебных заведений // Учебно-воспитательная работа со слушателями и выпускниками подготовительных отделений : межвуз. науч.-метод. конф. Воронеж, 1975. С. 7–13.

учебной техникой и оборудованием, обеспечить слушателей специально подготовленными учебными пособиями и т.д.

К сожалению, опыт работы подготовительных отделений в 70-е – 80-е гг. прошлого века изучен и осмыслен еще недостаточно. И публикация Г. Ф. Горского на эту тему представляется весьма полезной не только в научном плане. Прекращение в начале 1990-х гг. деятельности современных рабфаков нанесло серьезный удар по социально не защищенным слоям молодежи, сузило для них возможности получения высшего образования. Думается, это не может не заботить государство. Поэтому в Законе «Об образовании в Российской Федерации», вступившем в силу 1 сентября 2013 г., вновь речь идет о подготовительных отделениях вузов, а следовательно, и накопленный опыт, и его анализ в работах Г. Ф. Горского могут оказаться своевременными и полезными.

Опытный педагог и организатор учебно-воспитательного процесса, Геннадий Федорович Горский придавал особое значение роли преподавателя не только в системе передачи студентам знаний, но и в формировании личности будущего специалиста. Одна из его статей раскрывает воспитательные возможности вузовского преподавателя, в том числе и за пределами обязательных академических занятий, во внеучебное время[9]. «Роль преподавателя вуза как воспитателя определяется прежде всего его положением организатора, руководителя и вдохновителя учебного процесса и всей общественной жизни в коллективе», – утверждал автор. Учебную и внеучебную работу объединяет единая цель – формирование личности специалиста, – а вот методы и формы разные, но все они требуют от преподавателя разносторонних знаний, четкой гражданской позиции, высокой культуры, умения понимать запросы и интересы студентов, положительно влиять на них. «Преподавателю-воспитателю, знающему студентов, легче привить им любознательность, тягу к научным знаниям, стремление к постоянному расширению профессионального, научного, политического и культурного кругозора». При этом, как подчеркивал автор, особенно велика роль преподавателя-куратора. Г. Ф. Горский ссылался и на опыт Воронежского государственного университета, других вузов страны, зарубежный опыт, подчеркивая, что именно от куратора во многом зависит повышение субъектной роли студента в жизни вуза.

[9] См.: *Горский Г. Ф.* Преподаватель как воспитатель во внеучебное время // Педагогика высшей школы : цикл лекций / под ред. П. М. Гапонова. Воронеж, 1969. С. 102─114.

Педагогические идеи Г. Ф. Горского, как и целого ряда других прогрессивных университетских ученых и педагогов, сыграли важную положительную роль в кризисные 1990-е гг. прошлого века, когда возобладало суждение о том, что дело вуза – учить, а не воспитывать. Передовые преподаватели Воронежского государственного университета оказались среди тех, кто не отказался от своей воспитательной миссии, что и позволило университету не только сохранить достигнутые позиции, но и продвинуться дальше в своем развитии как одному из ведущих образовательных, научных и культурных центров, по праву претендующему на лидерство в вузовском сообществе страны.

Сегодня можно с полным основанием констатировать, что положения, высказанные профессором Г. Ф. Горским при рассмотрении им проблем педагогики высшей школы, не утратили своего значения. Они по-прежнему актуальны и востребованы и служат тому благородному делу, которому отдал свой талант и свои силы Геннадий Федорович.

В. А. Михайлов[1]

доктор юридических наук, профессор

ПАМЯТЬ О ГЕННАДИИ ФЕДОРОВИЧЕ ГОРСКОМ

80-летие со дня рождения Геннадия Федоровича Горского является поводом и основанием для воспоминаний о нем, его творческом таланте, его кипучей организаторской деятельности, его роли в образовании и укреплении юридического факультета Воронежского государственного университета, его криминологической лаборатории, формировании профессорско-преподавательского коллектива кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, интернациональной роли в организации обучения и воспитания в ВГУ студентов из стран социалистического содружества.

80-летие Геннадия Федоровича – это и повод, и основание для воспоминаний о его личности, о его дружбе с Владимиром Евгеньевичем Чугуновым, Львом Дмитриевичем Кокоревым, Зоей Филипповной Ковригой, Романом Васильевичем Литвиновым, Виктором Васильевичем Труфановым, Виктором Степановичем Жгутовым, Семеном Иогановичем Сиротой, Виктором Степановичем Основиным и в целом со всем дружным коллективом преподавателей, которые формировали юридический факультет, его студенческий коллектив, которые чутко, внимательно, доброжелательно приняли участие в судьбе немногочисленных, но талантливых аспирантов.

Геннадий Федорович пришел на юридический факультет ВГУ в 1962 г. на созданную Владимиром Евгеньевичем Чугуновым кафедру уголовного права, уголовного процесса, криминалистики из Ленинского районного отдела милиции Воронежа, где был заместителем начальника по личному составу. Принял непосредственное участие в организации быта студентов третьего курса, ставших первым выпуском юрфака по дневной форме обучения. Преподавал криминалистику.

Геннадий Федорович Горский особенно запомнился мне в его роли повседневного организатора научной деятельности криминологической лаборатории, научным руководителем и создателем ко-

[1] В 1962 г. окончил с отличием юридический факультет ВГУ (первый выпуск дневного отделения); в 1964–1966 – аспирант; в 1966–1967 – младший научный сотрудник криминологической лаборатории юридического факультета ВГУ.

© Михайлов В. А., 2014

торой был Владимир Евгеньевич Чугунов. Одной из первых в СССР криминологическая лаборатория интенсивно и весьма продуктивно использовала метод конкретных социологических исследований преступности в Центральном Черноземном Экономическом Районе, организаторами, вдохновителями и непосредственными участниками которых были В. Е. Чугунов и Г. Ф. Горский.

Главная проблема в деятельности лаборатории в первые годы состояла в установлении творческих деловых контактов с партийным и государственным руководством шести областей ЦЧЭР, с первыми руководителями органов внутренних дел, прокуратуры, судов, лишь при согласии которых были возможны проведения научными сотрудниками криминологической лаборатории и преподавателями юридического факультета социологических опросов, анкетирования, их доступ к статистике, к архивным уголовным делам, осуществление включенного наблюдения посредством участия в оперативных совещаниях, посещения судебных заседаний, заседаний комиссий по делам несовершеннолетних, наблюдательных комиссий, комиссий социалистической законности, комиссий по борьбе с пьянством, заседаний товарищеских судов, собраний трудовых коллективов и т.п. Весьма важной была проблема с полиграфическим воспроизводством результатов конкретных социологических исследований, с бумагой, редактированием, с помещениями для сотрудников, машинописными работами. Важным был кадровый вопрос, «выбивание» ставок младших научных сотрудников, литературного редактора, секретаря-машинистки. Все эти проблемы были решены Владимиром Евгеньевичем Чугуновым совместно с Геннадием Федоровичем Горским.

Вспоминаю свои командировки по ЦЧЭР. Впервые с анкетами прибыл в Белгород, а потом в Курск; зашел по «необходимым» адресам, представился, назвал своих руководителей В. Е. Чугунова и Г. Ф. Горского, и этого было вполне достаточно для поселения в гостиницы в центре городов, получения доступа к судебным архивам в районных судах Белгорода и областного суда, к архиву УВД. В Воронеже также с помощью Владимира Евгеньевича, а в его отсутствие – с помощью Геннадия Федоровича получал доступ в УВД, областной прокуратуре, областном суде к материалам статистики (1957–1967 гг.), что в то время было большой проблемой, к архивам прекращенных уголовных дел и к архивам уголовных дел, рассмотренных судами.

Большая организаторская работа была проведена Г. Ф. Горским по криминологическому исследованию преступности в городе Ельце Липецкой области (1955–1966 гг.). Инициатива исходила от В. Е. Чугунова и Г. Ф. Горского, предварительно была согласована с прокурором Липецкой области В. Г. Коршуновым и затем – с Липецким обкомом КПСС. Была сформирована бригада исследователей в составе В. Е. Чугунова, Г. Ф. Горского, С. И. Сироты, З. Ф. Ковриги, младших научных сотрудников криминологической лаборатории А. А. Ковалкина, В. С. Пыльнева, заведующего административным отделом Липецкого обкома КПСС И. И. Мещерякова, прокурора Липецкой области В. Г. Коршунова, работников прокуратуры, органов внутренних дел, адвокатов, учителей, исполнительного комитета города Ельца. В результате проведенного исследования получены результаты по следующим направлениям:

история города Ельца (краткий очерк);

социально-экономическая характеристика города Ельца;

характеристика административных и общественных органов, осуществляющих борьбу с преступностью в городе Ельце;

состояние, структура и динамика преступности в городе Ельце (конкретные условия и причины рецидивной преступности; количество нераскрытых преступлений; предупреждение преступлений; проведение профилактической работы городским судом; профилактическая работа городского народного суда);

причины и условия, способствовавшие совершению преступлений по отдельным категориям уголовных дел (убийств, покушений на убийства, тяжких телесных повреждений, хулиганства, грабежей, разбойных нападений, хищений государственной собственности, дорожно-транспортных происшествий);

рекомендации и предложения по повышению эффективности борьбы с преступностью в городе Ельце.

Исследование преступности в отдельном городе, организованное и проведенное по инициативе В. Е. Чугунова, Г. Ф. Горского и с их участием, было первым в СССР криминологическим исследованием преступности в отдельно взятом городе. Последующие криминологические исследования преступности в отдельных городах проводились Институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (при Генеральной прокуратуре СССР) и другими научными коллективами с учетом первого опыта

изучения преступности Ельца, организованного В. Е. Чугуновым и Г. Ф. Горским, и с учетом методики, разработанной В. Е. Чугуновым, Г. Ф. Горским и научным коллективом возглавляемой ими криминологической лаборатории юридического факультета ВГУ.

Результаты проводимых криминологической лабораторией конкретно-социологических исследований под научным и организационным руководством В. Е. Чугунова и Г. Ф. Горского опубликованы в специальном издании в формате сборников «Изучение и предупреждение преступности», начиная с выпуска 1 по 10; постоянный член редколлегии – Г. Ф. Горский, ответственный секретарь и литературный редактор – Л. А. Семенко.

Геннадий Федорович причастен и к разработке мною темы кандидатской диссертации. По его совету с самого начала обратился к истории, к архивам, к дореволюционным публикациям, затем к уголовной статистике, насколько это было возможно, к современным монографиям, статьям, иным публикациям. Не часто, но были беседы с Г. Ф. Горским по мере освоения материала, особенно архивного, статистического и дореволюционной литературы. Вспоминаю об участии Г. Ф. Горского в обсуждении на кафедре моей кандидатской диссертации в начале июня 1967 г. и сравниваю с тем, как проходят обсуждения диссертаций сейчас.

Все девять членов кафедры и хвалили диссертацию, и сделали замечания, и дали советы. Главный совет Г. Ф. Горского – не торопиться, не отвергать, все замечания обдумать и сделать по диссертации так, как считаешь правильным. Так и поступил, диссертацию тщательно доработал и через год защитился.

С января 1968 г. стал преподавать уголовный процесс в Высшей следственной школе МВД СССР, там же был начальником научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела; связей с кафедрой юридического факультета ВГУ не прерывал, по роду профессиональной деятельности организовывал приглашение студентов юридического факультета ВГУ в Высшую следственную школу МВД СССР по линии НИРС-УИРС и направление слушателей ВСШ МВД СССР в Воронеж в ВГУ тоже по линии НИРС-УИРС – и всё это по согласованию с Г. Ф. Горским, Л. Д. Кокоревым. Были и личные встречи с воронежскими коллегами, в том числе с Геннадием Федоровичем Горским, на конференции в ВГУ, было и заочное общение.

В 1970 г. Издательством ВГУ опубликована монография Г. Ф. Горского «Научные основы организации и деятельности следственного аппарата СССР». На основе монографии Геннадий Федорович разработал докторскую диссертацию и защитил ее 14 июня 1973 г. в Совете Высшей школы МВД СССР. Официальными оппонентами выступили профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук С. С. Остроумов, доктора юридических наук, профессора В. К. Звирбуль и Г. Г. Зуйков. Ведущая организация – Высшая следственная школа МВД СССР. Проект отзыва на докторскую диссертацию подготовлен мною совместно с заместителем начальника ВСШ МВД СССР Анатолием Константиновичем Гавриловым. На основе данного отзыва и с учетом дополнительных суждений начальника кафедры советского уголовного процесса Сергея Петровича Ефимичева и Дмитрия Петровича Котова была подготовлена обстоятельная рецензия на монографию Г. Ф. Горского о научных основах организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Рецензия опубликована Высшей следственной школой МВД СССР в выпуске третьем сборника «Проблемы предварительного следствия» (1974).

Очное общение с Г. Ф. Горским было во время его двух приездов вместе с Л. Д. Кокоревым в Волгоград в Высшую следственную школу МВД СССР на конференции по организованным мною приглашениям. Выступали с научными докладами на пленарных заседаниях, публиковались в изданиях Высшей следственной школы МВД СССР.

Особо мне запомнилась Всесоюзная научная конференция «Проблемы предварительного следствия в свете решений XXVсъезда КПСС», ответственным секретарем оргкомитета которой я был. После открытия конференции с докладом выступил Геннадий Федорович, посвятив свой доклад XXVсъезду КПСС и деятельности следственного аппарата в условиях научно-технической революции. Лев Дмитриевич выступил с докладом на тему «Гуманизм в следственной деятельности как выражение требований демократизма». Оба доклада получили высокую оценку участников конференции. Доклады и научные сообщения участников конференции опубликованы в сборнике: Проблемы предварительного следствия в свете решений XXV съезда КПСС / отв. ред. В. А. Михайлов. – Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР, 1978. Сборник открывается докладом Г. Ф. Горского (с. 3–12), помещены в сборнике доклады Л. Д. Кокорева, А. М. Ларина, И. М. Лузгина, Я. О. Мотовиловкера, А. В. Наумова, Н. И. Кулагина, Б. Т. Безлепкина, Р. Х. Якупова и других известных правоведов.

Кроме самой конференции и выступлений Г. Ф. Горского, Л. Д. Кокорева, А. М. Ларина, И. М. Лузгина мне запомнилось также вечернее время после конференции, когда в гостинице УВД Волгоградской области произошла встреча с Юрием Никулиным.

Юрий Владимирович Никулин был с гастролями в Волгограде, и его фронтовой товарищ, ставший начальником ГАИ УВД, организовал проживание Ю. В. Никулина в гостинице УВД (в отдельном доме на два смежных номера). В этом же доме (в гостинице) организовали размещение Г. Ф. Горского и Л. Д. Кокорева. После пленарного заседания приехали в гостиницу, накрыли стол припасами, вели разговоры. Тут входит Юрий Владимирович Никулин. Пригласили за стол. Согласился. Попросил подождать, пока не поговорит по телефону с супругой и сыном. Необычное и неожиданное для нас застолье. Тосты в честь Юрия Владимировича. Анекдоты от Никулина. Его сольное пение под гитару. Засиделись до двух часов ночи. На второй день после секционных заседаний встреча с Ю. В. Никулиным повторилась.

Уход из жизни Геннадия Федоровича был для меня неожиданным. Думаю, и для всех он был неожиданный. Не исчерпан огромный творческий потенциал Отечественного Правоведа. Не исчерпаны потенциальные возможности крупного вузовского организатора. Не исчерпан жизненный потенциал Большого Человека. Но Он в нашей памяти, наших сердцах.

И. В. Подкопаева

главный библиограф

Г. Ф. ГОРСКИЙ И КНИГИ

Книги ученого, не только им самим написанные, но и собранные за годы работы, – это целый мир, в котором отражаются время, личность человека, его интересы, увлечения и круг общения. Сохранение этого мира для будущих поколений является одной из важных историко-культурных миссий научных библиотек. Вот почему библиотека ВГУ в течение многих лет формирует фонд мемориальных книжных собраний ученых, бережно сохраняя их целостность, изучая и приобщая к ним заинтересованных читателей.

В 1987 г. в редкий фонд научной библиотеки Воронежского университета поступила владельческая библиотека профессора Г. Ф. Горского. Прежде чем перейти к ее характеристике, следует напомнить о том, кто был ее хозяином.

Геннадий Федорович Горский, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе университета, крупный ученый-правовед, прожил короткую, но яркую жизнь. Когда он умер в 1977 г., ему едва исполнилось 43 года. Он ушел из жизни в расцвете творческих сил и планов. Его библиотека, которую он собирал со студенческих лет, вобрала в себя и его научные устремления, и круг его общения, и несбывшиеся планы.

Г. Ф. Горский родился в 1934 г. в деревне Липно Вышневолоцкого района Калининской области в многодетной семье. С детства его отличали стремление к знаниям и любовь к книге. В 1952 г. он поступил, а в 1957 г. с отличием окончил юридический факультет Московского государственного университета. Проработав несколько лет на практической работе, в 1962 г. он стал преподавателем ВГУ. Прошел в нем путь от ассистента до заведующего кафедрой и проректора. Конечно, это только внешняя канва его биографии, в содержательные рамки которой вмещаются подготовка кандидатской и докторской диссертаций, написание монографий и учебников, активная педагогическая и общественная деятельность... Это была очень насыщенная жизнь. Но какую бы ее грань мы не взяли, в ней обязательно присутствуют книги, составляя заметную и значительную часть той большой и повседневной творческой работы, которую вел Г. Ф. Горский. Он уважительно и деятельно относился к книгам, пополняя свое книжное собрание. Много времени работал в библиотеках, был тесно связан с нашей библиотекой, всегда стремился помочь ей. О своем книжном увлечении он говорил в ноябре 1972 г. на шестом заседании «Воронежского библиофила», посвященном теме «Как и какую библиотеку я собираю», выступая вместе с такими известными воронежскими собирателями, как Г. Ф. Бирюков, С. Г. Богоявленский, И. В. Бубнов.

© Подкопаева И. В., 2014

Замечу, что книжное собирательство в то время требовало больших усилий, ибо проходило в пору книжного дефицита, которая, к счастью, ушла в историю.

Личная библиотека Г. Ф. Горского насчитывает 3064 издания (книг, научных сборников, периодики). Для себя собиратель выделил тематические разделы, которые стремился постоянно пополнять. Это справочная литература, библиография, персоналии видных юристов, политические биографии, книги по университетскому образованию, мемуары, публикации по истории книги, и, конечно, самый обширный раздел содержит литературу по специальности, отражающую научные и профессиональные интересы ученого.

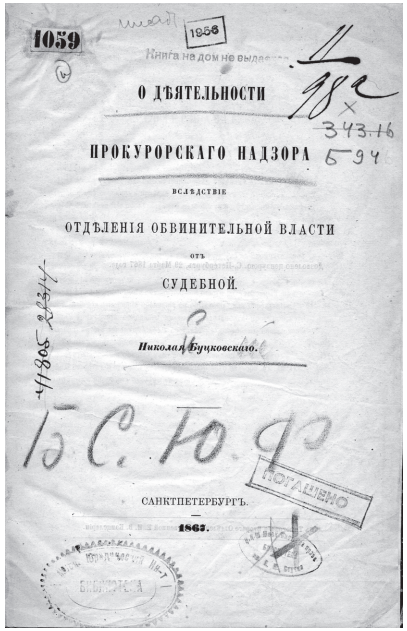
Как уже говорилось, Г. Ф. Горский положил начало своей библиотеке еще в студенческие годы, активно посещая букинистические магазины Москвы. Так начал складываться раздел библиотеки, куда вошли 28 книг, вышедшие в свет в конце XIX – начале XX в. Назову лишь некоторые из них: «О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной» Н. Буцковского[1] (1867), «Курс уголовного права» И. Фойницкого[2] (1901), «О значении и причинной связи в уголовном праве» Н. Сергиевского[3] (1880), сборник «Новые идеи в правоведении»[4] (1914) и др. Юридические персоналии представлены публикациями о А. Ф. Кони, М. С. Кедрове, А. Х. Артузове и др.

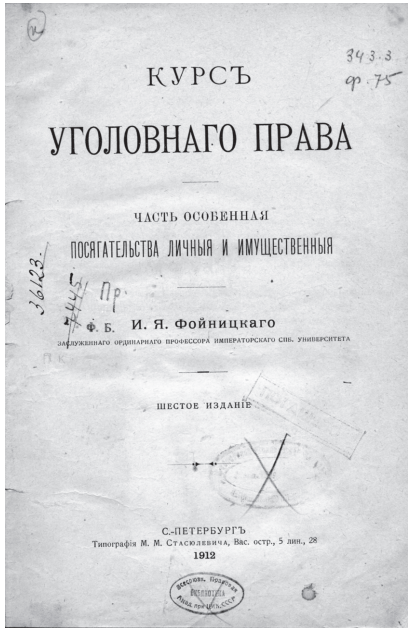
[1] См.: *Буцковский Н. А*. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб., 1867. 80 с.

[2] См.: *Фойницкий И. Я*. Курс уголовного права. Часть Особенная : посягательства личные и имущественные. 4-е изд. СПб., 1901. 433 с. ; *Его же*. Курс уголовного права. Часть Особенная : посягательства личные и имущественные. 6-е изд. СПб., 1912. 451 с.

[3] См.: *Сергиевский Н. Д.* О значении и причинной связи в уголовном праве. Ярославль, 1880. 369 с.

[4] См.: Новые идеи в правоведении / под ред. Л. И. Петражицкого ; при ближайшем участии Б. А. Кистяковского, М. М. Ковалевского, П. И. Люблинского [и др.]. СПб., 1914–1915. Сб. 1 : Цели наказания / сост. П. И. Люблинский. 135 с.


О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОКУРОРСКАГО НАДЗОРА
ВСЛѢДСТВІЕ
ОТДѢЛЕНІЯ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
ОТЪ
СУДЕБНОЙ.
Николая Буцковскаго.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.


КУРСЪ
УГОЛОВНАГО ПРАВА
ЧАСТЬ ОСОБЕННАЯ
ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ЛИЧНЫЯ И ИМУЩЕСТВЕННЫЯ
Ф. Б. И. Я. Фойницкаго
ЗАСЛУЖЕННАГО ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО СПБ. УНИВЕРСИТЕТА
ШЕСТОЕ ИЗДАНІЕ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1912

Из детских лет и семейных преданий у Геннадия Федоровича сформировался интерес к литературе, посвященный партизанскому движению. Книги на эту тему он собирал постоянно и тщательно.

Будучи человеком широких научных интересов, Г. Ф. Горский в своем книжном собрании не ограничивался узкопрофессиональными рамками. Об этом говорят разделы библиотеки, посвященные таким проблемам, как история полиции, разведка, русское дореволюционное правоведение, деятельность Интерпола, кибернетика и право...

Последние годы своей жизни ученый проявлял большой интерес к политическим процессам в России, упорно искал и собирал литературу по этой проблеме. В начале 1970-х гг. он остро чувствовал научную и общественную значимость этой темы. Стремился критически осмыслить как устоявшийся взгляд на нее, так и новые тенденции подхода в ее анализе и оценке. В этом разделе библиотеки стоят тщательно проштудированные тома протоколов до- и послереволюционных политических процессов. К сожалению, этот научный интерес оказался творчески не реализованным.

Особо следует сказать о подборе книг, посвященных истории книги и книжного дела. Всё, что в ту пору можно было купить по этой теме, приобреталось бережно и ставилось на полку. Это книги

П. Н. Беркова «О людях и книгах (из записок книголюба)»[5], «История советского библиофильства»[6], В. Г. Лидина «Друзья мои – книги!»[7], Е. Н. Осетрова «Этюды о книгах»[8], работы О. Г. Ласунского[9], и др.

Но, конечно, главный массив библиотеки – книги, отражающие профессиональный интерес Г. Ф. Горского к криминалистике, криминологии, уголовному процессу. В этом разделе более двух тысяч томов, в том числе свыше 100 томов сочинений лучших следователей, все вышедшие к тому времени монографии и научные сборники. Они нужны были ученому для педагогической работы и собственных научных исследований.

Готовя к печати свои книги и статьи, Г. Ф. Горский всегда тщательно прорабатывал имевшуюся литературу, а потому его собственные труды отличались основательностью, делали шаг вперед в научной разработке и до сих пор не потеряли своего научного значения. К ним активно обращаются студенты, преподаватели, практические работники.

Первая монография Г. Ф. Горского «Выявление и изучение причин преступности» была опубликована в 1964 г.[10]. В ней автор показал социальное значение, важность и необходимость выяснения по каждому уголовному делу причин и условий, способствовавших совершению преступлений. В 1970 г. вышла его новая объемная монография «Научные основы организации и деятельности следственного аппарата СССР»[11], где он не только обобщил большой научный и практический материал, но и сформировал ряд проблем, требующих современного решения, заложил основы их дальнейшей научной разработки.

Особенностью Г. Ф. Горского как ученого было умение работать в коллективе, с людьми, творчески ему близкими, выбирая актуальные

[5] См.: *Берков П. Н.* О людях и книгах (из записок книголюба). М., 1965. 142 [2] с.

[6] См.: *Его же.* История советского библиофильства (1917–1967). М., 1971. 255 [1] с.

[7] См.: *Лидин В. Г.* Друзья мои – книги! Заметки книголюба. М., 1966. 351 с.

[8] См.: *Осетров Е. И.* Этюды о книгах. М., 1974. 46 [2] с.

[9] См.: *Ласунский О. Г.* Власть книги : рассказы о книгах и книжниках. Воронеж, 1966. 303 с. ; «Я Руси сын!..» : к 150-летию со дня рождения И. С. Никитина / ред.-сост. О. Г. Ласунский. Воронеж, 1974 . 226 [2] с. ; и др.

[10] См.: *Горский Г. Ф.* Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования. Воронеж, 1964. 94 с.

[11] См.: *Его же*. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж, 1970. 208 с.

и малоисследованные аспекты науки. Так, в 1973 г. в Издательстве ВГУ вышла первая советская коллективная монография «Судебная этика»[12], вызвавшая большой общественный резонанс. За короткое время на нее было опубликовано девять рецензий в центральной печати. В этой книге Г. Ф. Горскому принадлежали разделы о понятии судебной этики, ее значении в судебном производстве, нравственных началах предварительного расследования и нравственном воспитании в уголовном судопроизводстве. В них автор не уходил от острых, дискуссионных вопросов, аргументируя свою точку зрения. То же самое можно сказать о других книгах, в написании которых ученый принимал активное участие, – «Уголовный процесс РСФСР»[13] (1968), «Народный суд»[14] (1970), девять сборников «Изучение и предупреждение преступности»[15], и др.

В библиографическом указателе трудов Г. Ф. Горского (сост. А. И. Землянова; отв. ред. Л. Д. Кокорев)[16], составленном и изданном нашей библиотекой уже после его смерти, указана 61 публикация ученого. Не ставя перед собой задачи дать характеристику его творчеству, подчеркну лишь значимость сделанного, высокую научно-педагогическую продуктивность ученого, его огромную работу с книгой, отразившуюся в научных трудах. Вот почему они являются органичной частью его библиотеки, до сих пор пользуются постоянным спросом читателей.

Двести экземпляров в библиотеке Г. Ф. Горского составляют книги его коллег с автографами. Среди них именитые профессора и молодые ученые, которые высоко оценивали творчество Геннадия Федоровича и в своих исследованиях опирались на его труды. Сейчас Отдел редких книг ЗНБ систематизирует и атрибутирует автографы, проводит их описание. У книг с дарственными надписями очень широкая география: Москва, Ленинград, Свердловск, Киев, Калининград, Саратов, Архангельск, Пермь, Душанбе, Минск, Ростов-на-Дону, Рига, Волгоград, Ташкент... Это наглядное свидетельство множества научных связей и высокого научного авторитета того, кому книги были подарены. Приведу лишь несколько примеров дарственных надписей на книгах, характеризующих отношение дарителей к адресату.

[12] См.: *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж, 1973. 271 с.

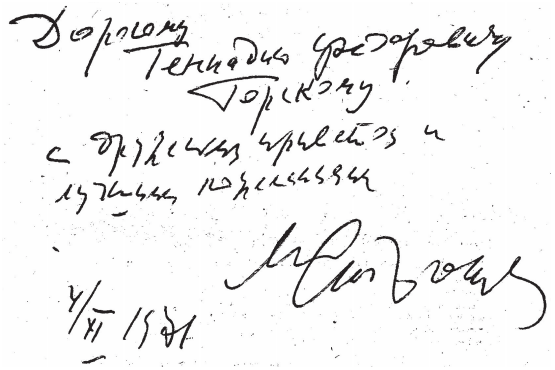
[13] См.: Уголовный процесс РСФСР. Воронеж, 1968. 392 с.

[14] См.: Народный суд / под ред. Л. Д. Кокорева. Воронеж, 1970. 260 с.

[15] См.: Изучение и предупреждение преступности / редкол.: В. Е. Чугунов (отв. ред.) [и др.]. Воронеж, 1966–1968.

[16] См.: Геннадий Федорович Горский : библиогр. указатель / Воронеж. гос. ун-т, юрид. фак., науч.-библиогр. отдел ; отв. ред. Л. Д. Кокорев ; сост. А. И. Землянова, И. И. Тарарыкина. Воронеж, 1978. 32 [2] с.

Видный ученый, член-корреспондент АН СССР М. С. Строгович так подписал свою книгу «Судебный процесс над убийцей Жана Жореса» (М., 1971)[17]: «Дорогому Геннадию Федоровичу Горскому с дружеским приветом и лучшими пожеланиями». Это пожелание маститого ученого молодому исследователю символизировало преемственность поколений, передачу научной эстафеты.



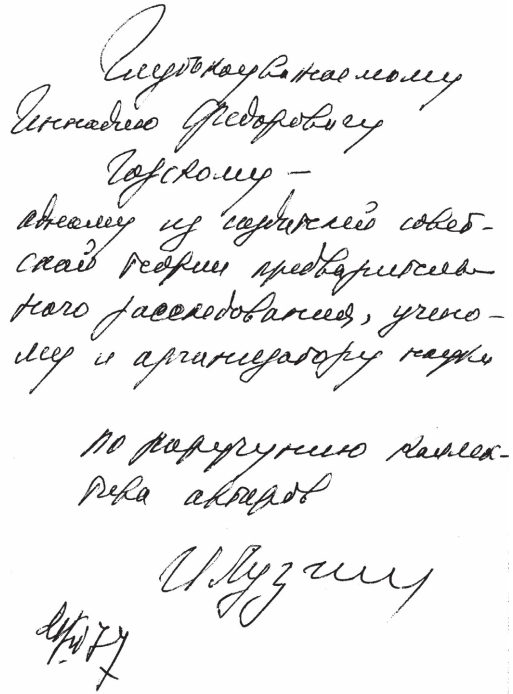
Вот автограф И. М. Лузгина, профессора кафедры организации расследования преступлений Академии МВД СССР, поставленный по поручению коллектива авторов книги «Криминалистика» (М., 1976)[18]: «Глубокоуважаемому Геннадию Федоровичу Горскому – одному из создателей советской теории предварительного расследования, ученому и организатору науки».

Один из самых авторитетных преподавателей юридического факультета нашего университета и частый соавтор Г. Ф. Горского – Л. Д. Кокорев – на своей работе[19] в 1971 г. оставил такую надпись: «Моему дорогому другу – Геннадию Горскому на безжалостную критику и с пожеланиями скорейших докторских успехов».

[17] См.: *Строгович М. С.* Судебный процесс над убийцей Жана Жореса. М., 1971. 64 с.

[18] См.: Криминалистика : учеб. для юрид. вузов / Р. С. Белкин [и др.] ; под ред. Б. А. Викторова, Р. С. Белкина. М., 1976. 550 с.

[19] См.: *Кокорев Л. Д.* Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. 160 с.

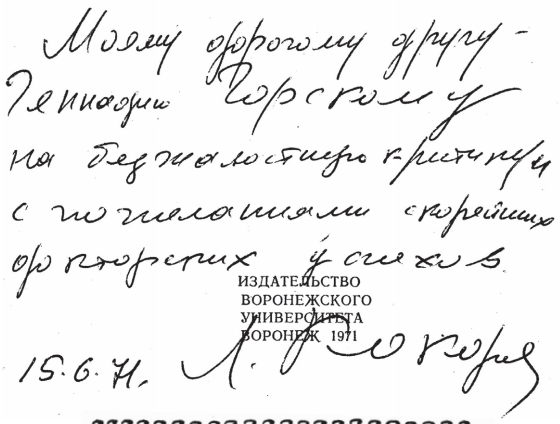

Уважаемому
Геннадию Федоровичу
Горскому –
одному из создателей совет-
ской школы предварительно-
го расследования, учено-
му и организатору науки
по поручению коллек-
тива авторов
И. Лузгин
8/VII 77

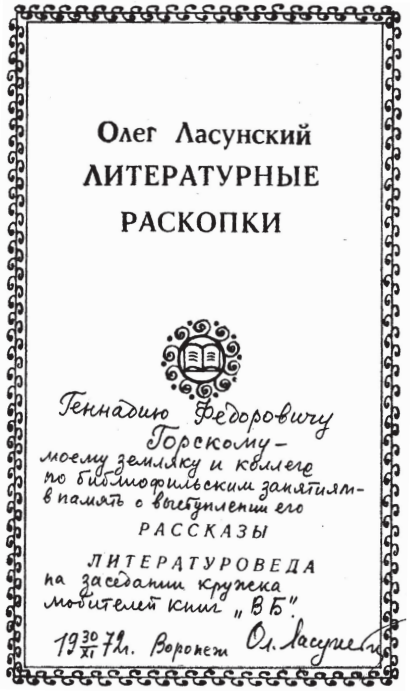
Еще две дарственные надписи от людей, чьи научные интересы далеки от профессиональных запросов Г. Ф. Горского, но которые ярко характеризуют адресата как личность. «Геннадию Федоровичу Горскому, моему земляку и коллеге по библиофильским занятиям в память о выступлении его на заседании кружка любителей книги “ВБ” 30.XI.1972 г.» – автограф О. Г. Ласунского на книге «Литературные раскопки» (Воронеж, 1972)[20].

Вклейка в фотоальбом[21] «Схема Братского энергопромышленного района» гласит: «Проректору ВГУ Г. Ф. Горскому. Уважаемый Геннадий Федорович!... Специальное управление “Братскгэсстрой” выражает Вам сердечную благодарность за Вашу исключительную чуткость и оказание большой помощи в учебе студенту... факультета ПММ, инвалиду Зайцеву А. Н., сыну ветерана нашего строительства. Зам. начальника управления С. Евстигнеев».

[20] См.: *Ласунский О. Г.* Литературные раскопки : рассказы литературоведа. Воронеж, 1972. 253 [2] с.

[21] См.: Братская ГЭС : фотоальбом. Альбом подарен проректору ВГУ Г. Ф. Горскому управлением «Братскгэсстрой».


Моему дорогому другу –
Геннадию Горскому
на безмолвствующей критику
с пожеланиями скорейших
творческих успехов
15.6.71. Л. Ласунский


Олег Ласунский
ЛИТЕРАТУРНЫЕ
РАСКОПКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ВОРОНЕЖ 1971
Геннадию Федоровичу
Горскому –
моему земляку и коллеге
по библиофильским занятиям –
в память о выступлении его
РАССКАЗЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДА
на заседании кружка
любителей книг „ВБ".
19 30/XI 72 г. Воронеж Ол. Ласунский

Книжное собрание Г. Ф. Горского – живая память о времени, в котором он жил, память о талантливом ученом и ярком человеке. Его библиотека и сегодня активно служит людям, способствуя их профессиональному и культурному развитию. Она стала составной и неотъемлемой частью культурной жизни университета.

В. М. Самороковский

кандидат юридических наук, доцент

ТАКИХ ЛЮДЕЙ НЕ ЗАБЫВАЮТ...

Пускай прошло немало лет,
Как Вас среди коллег не стало,
Но память добрая, что свет,
Нас согревать не перестала.
Мы помним Вас, наш друг, всегда!
Благодарим за всё сердечно…
Пусть над землей летят года,
О Вас мы будем помнить вечно!

В. М. Самороковский

Впервые я познакомился с Геннадием Федоровичем Горским, когда перешел на работу на юридический факультет ВГУ из Воронежской научно-исследовательской криминалистической лаборатории МЮ РСФСР на юридический факультет ВГУ старшим лаборантом учебной криминалистической лаборатории кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. В то же время я поступил на заочное отделение юрфака, сразу на второй курс, так как уже имел высшее образование (в 1958 г. я окончил Воронежский лесотехнический институт), и все совпадающие по программе общеобразовательные учебные дисциплины были мне зачтены. Названной кафедрой в то время заведовал доцент Виктор Васильевич Труфанов, а Геннадий Федорович, будучи кандидатом юридических наук, читал курс криминалистики на дневном отделении. Кафедра тогда объединяла три большие юридические дисциплины. Я сразу оказался под участливым вниманием ко мне Геннадия Федоровича Горского. Чувствуя его такое внимание и поддержку, я старался поддерживать в лаборатории порядок и чистоту. Практические и лабораторные занятия по курсу криминалистики в то время вели преподаватели Николай Федорович Пахомов и Геннадий Максимович Серебряков, оба в прошлом практические работники, без ученых степеней и званий.

Я же продолжал работать старшим лаборантом в учебной криминалистической лаборатории и усиленно «грыз» юридическую науку.

© Самороковский В. М., 2014

На последнем курсе моего обучения, когда пришла пора готовиться к написанию дипломной работы, я показал Геннадию Федоровичу рукопись моей экспериментальной разработки метода исследования почерка при решении вопросов судебно-почерковедческой экспертизы. И несмело спросил, можно ли будет взять эту проблему для написания дипломной работы. А я уже и придумал, как назвать эту методику – «Координатно-графический метод исследования почерка». Быстро познакомившись с содержанием рукописи, Горский тут же раскрыл мне значение и перспективность того, чем я занимался, работая экспертом-криминалистом. Математический подход к решению данной проблемы, по словам Геннадия Федоровича, был очень важен и актуален в то время – период внедрения математизации с применением ЭВМ. И, одобрив сформулированную мной тему исследования, Горский согласился выступить научным руководителем при написании мной дипломной работы.

Во всё время работы над дипломом я ощущал моральную и методическую поддержку Геннадия Федоровича, его интерес к развитию моей работы. Он говорил мне: «У вас, Василий Михайлович, должна получиться отличная работа». А когда я вышел с ней на защиту, она оказалась практически единственным такого рода методически и теоретически самостоятельным научным исследованием. Я до сих пор храню отзыв Геннадия Федоровича на мою дипломную работу, в котором он, как научный руководитель, доброжелательно и объективно оценил ее достоинства и пожелал мне дальнейших успехов в будущей научной работе.

После защиты на заседании кафедры Геннадий Федорович предложил опубликовать мою дипломную работу в университетском издательстве. Так и произошло[1]. «Я полагаю, – сказал он при этом, – что Василий Михайлович продолжит работу по ее совершенствованию и доведет свою методику исследования почерка до уровня кандидатской диссертации. Это мое ему поручение. Вы справитесь, я в вас верю. Не всю же жизнь ходить вам в лаборантах!»

Как только я получил юридическое образование, мне иногда поручали проведение лабораторных занятий со студентами по кримини-

[1] См.: *Самороковский В. М.* Координатно-графический метод исследования почерка. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1973. 29 с.

налистической технике. Видя, что эта работа у меня получается, мне определили вести курс «Судебная статистика» как специалисту еще и с техническим образованием. Таким образом, я постепенно стал привлекаться и к преподавательской работе. А Геннадий Федорович меня торопил, чтобы я готовился к сдаче кандидатских экзаменов и приступал к работе над диссертацией. Он готов был, несмотря на свою активную и научную, и педагогическую, и общественную деятельность, руководить и моим диссертационным исследованием.

Считаю, мне очень повезло с тем, что на моем трудовом пути встретился такой замечательный человек, что я имел возможность работать под его руководством, наблюдать за его кипучей деятельностью. Геннадий Федорович был Личностью в полном понимании этого слова – знающий, неравнодушный, открытый, принципиальный, с чувством ответственности и заботы о своих соратниках. Все, кто работал в то время и встречался с ним, хорошо его знал, подтвердят эти слова. Мой большой друг, полковник милиции в отставке, Василий Тимофеевич Томилин (с ним Горский работал в Центральном райотделе милиции г. Воронежа следователем) очень тепло отозвался о Геннадии Федоровиче как об энергичном, знающем свою работу, честном и принципиальном товарище-сослуживце и хорошем человеке.

Но, увы... Тяжело это осознавать, но еще вполне молодого, полного творческой энергии, планов и радужных надежд, Геннадия Федоровича не стало... Эта огромная беда, свалившаяся на наш факультет, да и на весь университет, была для всех ошеломительной, несправедливой. Никто не мог, да и не хотел поверить в это!

О себе скажу – с его уходом во мне будто что-то оборвалось, будто лопнула внутри светящаяся лампочка, и всё померкло...

И так неожиданно...

Еще за день или два до случившегося мы с моим коллегой Алексеем Степановичем Одиноких проведывали Геннадия Федоровича в больнице. Он вышел к нам в больничный дворик, и мы в беседке делились с ним новостями, справлялись о его самочувствии. Он в свою очередь интересовался делами факультета, кафедры. Выглядел и чувствовал себя Геннадий Федорович неплохо, шутил и под конец нашего визита сказал, что, как только выберется «из лап эскулапов», сразу же уедет в свой родной Вышний Волочёк и займется рыбалкой

на природе: подходил летний отпуск. Прощаясь, мы пожелали ему быстрого выздоровления и хорошего отдыха...

Потеряв своего наставника и руководителя, я был в полной растерянности и чуть было не забросил начатое. Но вспомнив наказ Геннадия Федоровича и его веру в меня, я решил, что мне отступать некуда; продолжил карабкаться по «каменистой тропе» науки. И, надо сказать, в этом мне помогали мои товарищи по кафедре, особенно Лев Дмитриевич Кокорев, ставший после Геннадия Федоровича заведующим кафедрой. Светлая и ему память...

Не буду описывать все перепетии на этом для меня адски сложном пути, так как их было немало! Дважды пришлось сдавать кандидатский минимум – первый раз в Саратовском юридическом институте, а второй – в Москве, во Всесоюзном научно-исследовательском институте судебных экспертиз Министерства юстиции СССР (ВНИИСЭ) – в связи с изменением специальности на 12.00.09 – уголовный процесс; судоустройство; прокурорский надзор; криминалистика. Необходимо было найти научного руководителя, который в свою очередь изменил название темы исследования на «Криминалистическая экспертиза почерка с применением знакового моделирования»[2] (хотя содержание и существо работы не изменились).

Защита диссертации состоялась во ВНИИСЭ в 1979 г., весьма успешно прошла с присуждением мне ученой степени кандидата юридических наук.

Следует сказать, что еще до защиты кандидатской диссертации опубликованный метод исследования почерка был мною разослан для получения отзывов от экспертов-почерковедов во многие криминалистические лаборатории страны и *впервые* стал использоваться экспертами-почерковедами при производстве почерковедческих экспертиз. Я получил десятки самых положительных отзывов.

Метод – по сути дела технико-криминалистическое *изобретение* – заслуживал получения *патента*, но так как был уже опубликован, оформить заявку на патент было нельзя. После защиты диссертации методическим советом ВНИИСЭ метод был официально рекомендован для внедрения его в экспертную практику в целях оконча-

[2] См.: *Самороковский В. М.* Криминалистическая экспертиза почерка с применением знакового моделирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 19 с.

тельной проверки практической эффективности метода как нового и нетрадиционного с использованием математического аппарата и теории вероятностей в экспертных почерковедческих исследованиях.

Таким образом, спустя семь лет, когда мой метод благодаря поддержке Геннадия Федоровича Горского был впервые опубликован в печати и принят в практику экспертного исследования почерка, я, наконец, стал кандидатом юридических наук. Выполнил наказ учителя!

Прошло достаточно много времени с того дня, как не стало Геннадия Федоровича, а я и сейчас, вспоминая, благодарю его за то, что он для меня сделал. За его доброту, участие и поддержку на первых шагах моего пути в науку.

Светлая вам память, дорогой Геннадий Федорович!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА Г. Ф. ГОРСКОГО

Геннадий Федорович Горский родился 2 апреля 1934 г. в д. Липно Вышневолоцкого района Калининской области.

1948 Вступил в члены ВЛКСМ.

1952 Окончил среднюю школу.

Поступил на юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

1954 Принят в члены КПСС.

1957 Окончил юридический факультет Московского государственного университета.

Назначен следователем Управления внутренних дел Воронежского облисполкома.

1962 Избран на должность преподавателя кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Воронежского государственного университета.

1963 Переведен на должность старшего преподавателя кафедры уголовного права, процесса и криминалистики ВГУ.

1965 Присуждена ученая степень кандидата юридических наук.

Назначен заведующим криминологической лабораторией кафедры уголовного права, процесса и криминалистики ВГУ.

1966 Избран на должность доцента кафедры уголовного права, процесса и криминалистики ВГУ.

1967 Утвержден в ученом звании доцента. Избран на должность заведующего кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики ВГУ.

1968 Награжден Почетной грамотой Воронежского обкома КПСС и облисполкома.

1969 Избран депутатом Воронежского городского Совета депутатов трудящихся; председателем постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка горсовета.

Назначен проректором ВГУ по заочному и вечернему обучению и работе с иностранными учащимися.

1970 Награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

1971 Награжден орденом «Знак Почета».

Избран депутатом Воронежского городского Совета депутатов трудящихся; председателем постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка горсовета.

1973 Избран депутатом Воронежского городского Совета депутатов трудящихся; председателем постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка горсовета.

Назначен проректором ВГУ по учебной работе.

1974 Избран на должность заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ВГУ.

Присуждена ученая степень доктора юридических наук.

Утвержден в ученом звании профессора.

1975 Избран депутатом Воронежского городского Совета депутатов трудящихся; председателем постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка горсовета.

Награжден нагрудным знаком «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР».

1976 Участник Выставки достижений народного хозяйства СССР. Награжден Почетным знаком ГДР «За заслуги в развитии социалистического народного образования в Германской Демократической Республике».

Награжден знаком «Победитель социалистического соревнования».

Назначен председателем Головного совета Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР по экономике и планированию высшего образования.

1977 Избран депутатом Воронежского городского Совета депутатов трудящихся; председателем постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка горсовета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ Г. Ф. ГОРСКОГО*

I. МОНОГРАФИИ, ДИССЕРТАЦИИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

1964

1. Вопросы методологии и практики конкретных исследований причин преступности и личности преступника в Центрально-Черноземном экономическом районе. – Воронеж, 1964. – 171 с. (Соавт.: В. Е. Чугунов, С. И. Сирота, В. Ф. Зудин, В. И. Гуськов, Г. Р. Ткачев, Ю. А. Красиков, Э. Ф. Побегайло, С. И. Рязанов).

2. Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования / под ред. В. Е. Чугунова. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1964. – 94 с.

1965

3. Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 1965. – 301 с.

4. Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 1965. – 20 с.

1966

5. Изучение и предупреждение преступности. – Вып. 3. – Воронеж, 1966. – 124 с. (Соавт. : И. А. Галаган, З. Ф. Коврига, Ю. В. Калинин, В. С. Пыльнев, В. И. Тростянский, В. Е. Чугунов).

6. Изучение и предупреждение преступности. – Вып. 7. – Липецк, 1966. – 114 с. (Соавт. : Н. Д. Денисов, В. С. Жгутов, А. А. Ковалкин, В. С. Пыльнев, З. Ф. Коврига, В. Г. Коршунов, С. И. Сирота, В. Е. Чугунов).

1967

7. Изучение и предупреждение преступности. – Вып. 4. – Воронеж, 1967. – 41 с. (Соавт. : В. Г. Анпилогова, А. С. Григорьян, П. И. Горбань, П. Г. Шамраев, В. С. Жгутов, В. Е. Чугунов, А. А. Ковалкин, В. И. Тростянский).

8. Изучение и предупреждение преступности. – Вып. 5. – Воронеж, 1967. – 110 с. (Соавт. : С. В. Бородин, В. И. Воскобойников, С. И. Коневский, В. А. Михайлов, А. А. Ковалкин, Э. Ф. Побегайло, Н. Н. Семенов, А. И. Туровцев).

---

* Печатается по изданию: Геннадий Федорович Горский : библиогр. указатель / отв. ред. Л. Д. Кокорев ; сост. : А. И. Землянова, И. И. Тарарыкина. Воронеж, 1978.

9. Изучение и предупреждение преступности. – Вып. 6. – Воронеж, 1967. – 70 с. (Соавт. : И. А. Галаган, Б. А. Жуков, А. А. Ковалкин, Ю. А. Красиков, В. В. Труфанов, В. Е. Чугунов).

1968

10. Уголовный процесс РСФСР / под общ. ред. проф. В. Е. Чугунова, доц. Л. Д. Кокорева. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1968.

Гл. XXIII. Производство по делам о хулиганстве, с. 382–387.

1969

11. О практике применения уголовного законодательства в борьбе с особо опасным рецидивом / под ред. А. М. Рекункова, П. П. Святохина, В. В. Труфанова. – Воронеж, 1969. – 51 с.

1970

12. Народный суд / под ред. Л. Д. Кокорева (отв. ред.) и др. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1970.

Гл. VII. Деятельность народного суда по предупреждению правонарушений, с. 237–258 (Соавт.: В. И. Гуськов).

13. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР / науч. ред. В. Е. Чугунов. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1970. – 208 с.

1973

14. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 1973. – 476 с.

15. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1973. – 33 с.

16. Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1973. – 271 с. (Соавт.: Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов).

1978

17. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1978. – 294 с. (Соавт.: Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд).

II. СТАТЬИ, ТЕЗИСЫ, РЕЦЕНЗИИ

1958

18. Книги о нашей жизни (Обзор художественных произведений о советской милиции) // На боевом посту (Воронеж). – 1958. – 18 сент.

1962

19. Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования // Первая научная сессия : тез. докл. и сообщ. – Воронеж, 1962. – С. 163–164.

20. Деятельность следователя по предупреждению преступлений // Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства в стадии предварительного расследования : тез. докл. и сообщ. на науч. конф. (19–21 дек. 1962 г.). – М., 1962. – С. 16–19.

21. Некоторые процессуальные вопросы выявления и изучения причин преступности в стадии дознания и предварительного следствия // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма : тез. докл. науч. конф. – Воронеж, 1962. – С. 67–68.

22. Страницы истории : (Из истории милиции в Воронежской области) // Коммуна (Воронеж) – 1962. – 10 нояб.

1963

23. К вопросу о роли показаний обвиняемого в выявлении и изучении причин преступления // Социалистическая законность и охрана прав граждан : тез. – Воронеж, 1963. – С. 92–95.

24. На юридическом факультете Воронежского государственного университета : сообщение // Сов. государство и право. – 1963. – № 10. – С. 149–150. (Соавт.: Ю. А. Красиков).

25. Рец. на кн.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М. : Госюриздат, 1961 // Известия вузов. Правоведение. – 1963. – № 4. – С. 149–155 (Соавт.: В. Е. Чугунов, Л. Д. Кокорев, Р. В. Литвинов).

26. Роль общественности в выявлении и изучении причин преступности в стадии предварительного расследования // Повышение роли общественности и государственных органов в борьбе с правонарушениями в период развернутого строительства коммунизма. – Саратов, 1963. – С. 29–31.

1964

27. Прокурорский надзор за выявлением и изучением причин преступности в стадии предварительного расследования // Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием : материалы науч. конф., посвященной вопросам прокурорского надзора за дознанием и предварительным следствием / под общ. ред. Н. В. Жогина. – М., 1964. – С. 68–71.

1965

28. Вопросы методологии и методики конкретно-социологических исследований преступности и причин ее порождающих // Тезисы

докладов и сообщений на межвузовской конференции по практическим и методологическим проблемам правовой науки. – Кишинев, 1965. – С. 220–225 (Соавт.: В. Е. Чугунов).

29. Въпроси на методологията на конкретно-социологическите изследвания в правото // Правна мисъл (София). – 1965. – № 3. – С. 3–22 (Соавт.: В. Е. Чугунов).

1966

30. Използване на кибернетическите и сметачно-аналитическите машини в конкретно-социологическите изследвания на причините на престъпника // Правна мисъл (София). – 1966. – № 2. – С. 21–34 (Соавт.: В. Е. Чугунов).

31. Использование математических методов в конкретно-социологических исследованиях причин преступности и личности преступника // Изучение и предупреждение преступности : материалы практ. конф. (май, 1965 г.). – Вып. 2. – Воронеж, 1966. – С. 30–44.

32. Использование математических методов при анализе ошибок судебно-следственной практики // Статистические методы в криминологии и криминалистике : тез. докл. и сообщ. на симп. (20–21 апр. 1966 г.). – М., 1966. – С. 59–61.

33. Применение кибернетических устройств для анализа ошибок в судебной и следственной практике // Сов. государство и право. – 1966. – № 11. – С. 39–44 (Соавт.: В. Е. Чугунов).

34. Роль конкретно-социологических исследований в развитии правовых наук : (на материалах криминологической лаборатории) // Конкретно-социологические исследования правовых отношений : тез. докл. и сообщ. науч.-теорет. конф. – Иркутск, 1966. – С. 1–5 (Соавт.: В. Е. Чугунов).

35. Участие адвокатов в профилактике правонарушений // Сов. юстиция. – 1966. – № 20. – С. 14–15 (Соавт.: В. Чугунов, А. Ковалкин).

1967

36. Использование кибернетических и счетно-аналитических машин в конкретно-социологических исследованиях причин преступности и личности преступника // Вопросы кибернетики и право. – М., 1967. – С. 150–163 (Соавт.: В. Е. Чугунов).

37. Рец. на кн.: Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1966 // Известия вузов. Правоведение. – 1967. – № 2. – С. 118–120 (Соавт.: З. Ф. Коврига, Л. Д. Кокорев, В. Е. Чугунов).

38. Die Bedeutung konkret – soziologischer Untersuchungen für den Kampf gegen die Kriminalitat // Forum der Kriminalistik. – 1967. – № 5. – S. 17–19 (Совм. с В. Чугуновым).

1968

39. Исследование и предупреждение рецидивной преступности в Центрально-Черноземном районе // Проблемы борьбы с рецидивной преступностью и задачи органов МООП СССР : материалы науч.-практ. конф. – М., 1968. – С. 130–133 (Соавт.: В. С. Жгутов).

40. К вопросу о возможности использования математических методов исследования при анализе ошибок в судебно-следственной практике // Изучение и предупреждение преступности. – Воронеж, 1968. – Вып. 9. – С. 16–42. (Соавт.: В. Е. Чугунов).

41. Некоторые проблемы научной организации труда и управления в следственном аппарате // Изучение и предупреждение преступности. – Воронеж, 1968. – Вып. 8. – С. 359–385.

42. Университет и молодежь // Молодой коммунар (Воронеж). – 1968. – 9 мая.

43. Methodologische Problem konkret – soziologischer Untersuchungen in ihrer Bedeutung für das Strafrecht // Wissenschaftliche Beiträge der Martin Luther Uniwersität. – Halle ; Wittenberg, 1968/14 (B 7). Staat Recht Wirtschaft. – S. 54–70 (Совм. с В. Чугуновым).

1969

44. Рец. на кн.: Криминология : учебник. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Юрид. лит., 1968 // Социалистическая законность. – М. – 1969. – № 6. – С. 91–92 (Соавт.: В. Чугунов).

45. Преподаватель как воспитатель во внеучебное время // Педагогика высшей школы : цикл лекций. – Воронеж, 1969. – С. 102–114.

1970

46. Теоретические основы, принципы и задачи научной организации труда и управления в следственном аппарате // Научная организация труда в органах прокуратуры : материалы конф. прокурорско-следственных работников Воронежской области. – Воронеж, 1970. – С. 24–51.

1971

47. Актуальные вопросы научной организации управления и труда в следственном аппарате // Совершенствование деятельности органов внутренних дел по укреплению социалистической законности и правопорядка на современном этапе : материалы Всесоюз. науч. конф. (6–8 окт. 1970 г.). Вып. 4 : Секция проблем управления. – М., 1971. – С. 111–118.

48. Актуальные проблемы научной организации труда в следственном аппарате // Вопросы научной организации труда в органах прокуратуры. – М. ; Орел, 1971. – С. 40–56.

49. Перспективы юридического образования СССР // Известия вузов. Правоведение. – 1971. – № 4. – С. 104–110 (Соавт.: В. С. Основин).

1972

50. Научно-технический прогресс и совершенствование деятельности следственного аппарата // Проблемы предварительного следствия. – Волгоград, 1972. – Вып. 1. – С. 89–103.

51. Проблема совершенствования образования без отрыва от производства в университете // Научно-методическая конференция по высшему географическому образованию (14–15 марта 1972 г.) : тез. докл. – Воронеж, 1972. – С. 1–4.

52. Проблемы профессиональной следственной этики // 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия : краткие тез. докл. к науч. конф. (17–18 апр. 1972 г.). – Л., 1972. – С. 75–78.

1973

53. Некоторые вопросы управления учебным процессом в университете // Экономико-организационные проблемы управления высшей школой : тез. докл. на Респ. науч. конф. – Воронеж, 1973. – Вып. 1. – С. 99–101 (Соавт.: В. С. Листенгартен).

1974

54. О некоторых вопросах составления профессиограммы учителя в университете // Университет и школа : материалы науч.-метод. конф. (март 1974 г.). – Воронеж, 1974. – С. 38–40 (Соавт.: В. С. Листенгартен).

55. Современное университетское образование. Состояние. Проблемы. Перспективы // Материалы региональной научно-методической конференции по высшему географическому образованию. – Воронеж, 1974. – С. 1–4.

56. Этика преподавателя на вступительных экзаменах // Подготовка и проведение вступительных экзаменов в вузы : тез. докл. конф. (май, 1974 г.). – Воронеж, 1974. – С. 15–17.

1975

57. Актуальные проблемы совершенствования университетского юридического образования // Актуальные проблемы улучшения подготовки специалистов в университете : материалы VI науч.-метод. конф. ВГУ «Научно-техническая революция и проблемы улучшения подготовки специалистов в университете». – Воронеж, 1975. – С. 206–208.

58. Подготовительные отделения как социальный инструмент формирования студенческого контингента высших учебных заведений // Учебно-воспитательная работа со слушателями и выпускниками подготовительных отделений : межвуз. науч.-метод. конф. – Воронеж, 1975. – С. 7–13.

59. Рец. на кн.: Дулов А. В. Судебная психология : учеб. пособие. – Изд. 2-е. – Минск : Вышэйш. школа, 1975 // Известия вузов. Правоведение. – 1976. – № 3. – С. 138–139 (Соавт.: Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов).

60. Проблемы совершенствования высшего юридического образования // Известия вузов. Правоведение. – 1976. – № 3. – С. 138–139 (Соавт.: В. С. Основин).

1978

61. Рец. на кн.: Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1976 // Сов. государство и право. – 1978. – № 1. – С. 145–146 (Соавт.: Л. Д. Кокорев).

III. РЕДАКТИРОВАНИЕ

1966

62. Изучение и предупреждение преступности : материалы практ. конф. (май 1965 г.). – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1966. – Вып. 2. – 275 с.

63. Изучение и предупреждение преступности. – Воронеж, 1966. – Вып. 3. – 124 с.

1967

64. Изучение и предупреждение преступности. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1967. – Вып. 4. – 41 с.

65. Изучение и предупреждение преступности. – Воронеж, 1967. – Вып. 5. – 110 с.

66. Изучение и предупреждение преступности. – Воронеж, 1967. – Вып. 6. – 70 с.

67. Изучение и предупреждение преступности. (г. Елец, Липецк, обл.). – Липецк, 1967. – Вып. 7. – 114 с.

1968

68. Изучение и предупреждение преступности. – Воронеж, 1968. – Вып. 8. – 448 с.

69. Изучение и предупреждение преступности. – Воронеж, 1968. – Вып. 9. – 573 с.

1970

70. Научная организация труда в органах прокуратуры : материалы конф. прокурорско-следственных работников Воронеж. обл. / под общ. ред. Н. А. Чернышева – Воронеж, 1970. – 243 с.

1971

71. Основин В. С. Основы науки социального управления. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1971. – 260 с.

1974

72. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1974. – 243 с.

73. Подготовка и проведение вступительных экзаменов в вузы : тез. докл. конф. (май 1974). – Воронеж, 1974. – 137 с.

74. Проблемы повышения эффективности борьбы с пьянством : материалы науч.-практ. конф. (3–4 апр. 1974 г.). – Воронеж, 1974. – 160 с.

75. Университет и школа : материалы науч.-метод. конф. (март 1974 г.). – Воронеж, 1974. – 128 с.

1975

76. Баев О. Я. Содержание и формы криминалистической тактики. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1975. – 59 с.

77. Учебно-воспитательная работа со студентами и выпускниками подготовительных отделений : межвуз. науч.-метод. конф. – Воронеж, 1975. – 218 с.

1976

78. Котов Д. П., Шиханцов Г. Г. Психология следователя. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1976. – 134 с.

79. Учебные и производственные практики в университете : материалы докл. и сообщ. на науч.-метод. конф. – Воронеж, 1976. – 175 с.

1977

80. Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1977. – 115 с.

81. Котов Д. П., Шиханцов Г. Г. Психология следователя. – Изд. 2-е. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1977. – 134 с.

82. Совершенствование организации и повышение эффективности педагогического труда : тез. докл. и сообщ. на межвуз. метод. конф. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1977. – 147 с.

Раздел 2

ВЫЯВЛЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Г. Ф. Горский

ВЫЯВЛЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ*

(Извлечения)

Глава 2

РОЛЬ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА В СОБИРАНИИ, ПРЕДСТАВЛЕНИИ И ИССЛЕДОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ

Юридическое основание тезиса о праве участников процесса представлять и исследовать доказательства о причинах и условиях, способствующих совершению преступления, содержит ст. 70 УПК РСФСР в части 2-й: «Доказательства могут быть представлены подозреваемым, обвиняемым, защитником, обвинителем, а также потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями и любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями».

Статья 70 УПК РСФСР говорит о праве участников процесса представлять доказательства вообще. Но эту статью можно и нужно применять к частному случаю рассматриваемого нами вопроса. На такой позиции стоит и профессор А. А. Герцензон. «Хотя УПК, – пишет он, – и не содержит постановлений о праве участников процесса выявлять указанные причины и условия, нет никаких оснований лишать их этой возможности, коль скоро они могут представить суду важные материалы по данному вопросу»[1].

Применительно к стадии предварительного расследования можно разделить участников процесса на две основные группы: исследователи доказательств (следователь, лицо, производящее дознание, прокурор и защитник) и источники доказательств (свидетели, эксперт, специалист). Несколько особое положение занимают обвиняемый и потерпевший. Они являются источниками доказательств и в то же время принимают активное участие в исследовании доказательств в процессе доказывания.

---

* Первая публикация данной работы: *Горский Г. Ф.* Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1964. 96 с.

[1] А. А. Г е р ц е н з о н. Теоретические предпосылки изучения и предупреждения преступности, «Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений». М., 1962, стр. 22. (Здесь и далее в извлечениях сохранено оформление ссылок, принятое на момент первой публикации издания.)

Роль следователя в выявлении, изучении, доказывании и устранении причин преступности в стадии предварительного расследования нами освещается по всей работе. Необходимо только остановиться на одном обстоятельстве. Разъясняя в соответствии со ст. 58 УПК РСФСР права участвующим в деле лицам, следователь обязан обратить их внимание и на возможность представления ими доказательств о причинах и условиях, способствующих совершению преступления. Роль участников процесса, отнесенных нами ко второй группе, подробно будет освещена при характеристике средств доказывания причин преступности в стадии предварительного расследования.

Исключительно важная роль в доказывании причин преступности в стадии предварительного расследования принадлежит защитнику. Однако в нашей литературе вопрос об участии адвоката в предупредительной работе освещен явно недостаточно. Уголовно-процессуальное законодательство также, на наш взгляд, недостаточно полно регламентирует его.

Задачи адвоката в уголовном процессе вообще и в части доказывания причин и условий, способствующих совершению преступлений, в предупреждении преступности вытекают из ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ст. 2 УПК РСФСР. Статья 21 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК союзных республик в число участников процесса, обязанных изучать причины и условия, способствующие совершению преступлений, и принимать меры к их устранению, не включают адвоката. Но вряд ли кто сможет оспаривать тот факт, что у адвоката не может быть других задач, кроме вытекающих из содержания и смысла ст. 2 Основ.

Некоторые авторы, в частности Г. М. Шафир, полагают, что отсутствие в ст. 21 УПК РСФСР упоминания об адвокате как об одном из участников деятельности по выявлению, доказыванию и устранению причин преступности вызвано специфическими особенностями деятельности защитника в процессе, когда им допускаются оспаривание обвинения, отрицание события преступления или состава преступления в действиях подзащитного[2]. Но в практике подобных случаев не так уж много. Когда же такое оспаривание отсутствует, задача доказывания причин преступления и последующего их устранения становится обязанностью защитника.

[2] См.: Г. М. Ш а ф и р. Новый уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и роль советской адвокатуры, «Некоторые проблемы уголовного и уголовно-процессуального законодательства РСФСР». Доклады научной теоретической конференции, изд. Президиума Ленинградской городской коллегии адвокатов, 1961, стр. 7.

Выявление и представление доказательств, характеризующих причины преступления и личность преступника, его совершившего, является в ряде случаев средством осуществления защиты, а «защитник обязан использовать вое указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность...» (ст. 51 УПК РСФСР).

Ученик средней школы совхоза «Байчуровский» Борисоглебского района Воронежской области О. длительное время жил в невыносимых условиях, создаваемых в семье его отцом. Систематическое пьянство отца, его буйство и издевательства над членами семьи не могли не отразиться на характере, поведении и учебе мальчика. Однако эта длительная травмирующая обстановка в семье и связанные с нею душевные переживания мальчика прошли мимо общественности и, в частности, педагогического коллектива школы, где он учился. И вот во время одной из буйных сцен, когда отец в состоянии алкогольного опьянения бесчинствовал, сын ударом топора убил его. Позиция защиты в этом деле определялась прежде всего правильным, объективным, основанным на доказательствах установлением причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Пункт «ж» статьи 19 Положения об адвокатуре РСФСР в настоящее время возлагает обязанность на Президиумы коллегий адвокатов изучать причины преступности. Такое разрешение важного вопроса недостаточно. Представляется, что ст. 21 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК союзных республик должны быть дополнены указанием на право защитника, наряду с органами предварительного расследования, прокурором и судом, изучать и устранять причины и условия, способствующие совершению преступлений.

Какими средствами адвокат может осуществить указанные обязанности и право? Они предусмотрены ст. 51 УПК РСФСР, где защитник наделен правом иметь свидание с обвиняемым, знакомиться с материалами дела, представлять доказательства, приносить жалобы на действия следователя, прокурора, присутствовать при допросах обвиняемого и при производстве следственных действий, выполняемых по ходатайствам обвиняемого или его защитника. В случаях допущения защитника к участию в деле с момента предъявления обвинения ему предоставлено право присутствовать при предъявлении обвинения и задавать вопросы обвиняемому, делать письменные замечания в протоколах следственных действий, с разрешения следователя задавать вопросы свидетелям, эксперту, потерпевшим. Этих

средств достаточно для установления адвокатом причин, обусловивших совершение преступления его подзащитным.

Следует, однако, еще раз поставить вопрос о возможности участия защитника в стадии предварительного расследования *по всем делам* с момента предъявления обвинения. Реализация этого предложения позволит больше демократизировать уголовный процесс и усилит возможности следствия в предупредительной работе, в доказывании причин преступления, в установлении обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого.

При ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке требований п. 4 ст. 202 УПК РСФСР адвокат обязан использовать свое право заявить ходатайство о дополнении расследования в случаях, если по делу не доказаны причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Многое могут сделать адвокаты в комплексном изучении причин преступности по материалам следственных дел. Например, только по инициативе адвокатов Воронежской области за полугодие 1963 года было вынесено 96 определений судов и представлений органов расследования, в том числе 10 – в адрес колхозно-совхозных управлений о недостаточной охране зерна и кормов, отсутствии должного технического надзора за сохранностью сельскохозяйственной техники; 17 – в адрес руководителей предприятий и общественных Организаций о необходимости коренного улучшения воспитательной работы в коллективах. Многие адвокаты стали принимать непосредственное участие в работе по устранению тех причин и условий, на почве которых возникали или могли возникнуть преступные проявления.

Работа по выявлению, изучению и устранению причин преступности является важным средством обеспечения социалистической законности в стране. В ней особая роль принадлежит прокурору. В докладе XX съезду КПСС Н. С. Хрущев отметил, что в стране «полностью восстановлен в своих правах и усилен прокурорский надзор»[3]. То, что прокурорский надзор был однобоким и не включал в себя важнейшую часть надзорной деятельности прокурора – надзор за выявлением, изучением и устранением причин преступности в стране вообще и в стадии предварительного расследования в частности, является одним из последствий культа личности, в период которого происходило искусственное свертывание форм и методов прокурорского надзора и последующего реагирования. Между тем этот участок деятельности прокурора при

[3] «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза», стенографический отчет, М., 1956. т. 1, стр. 94.

осуществлении надзора за производством расследования по уголовным делам следует считать одним из наиболее важных. В то же время нужно отметить значительное несовершенство нашего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего данный вопрос.

Мы различаем прокурорский надзор за выявлением, изучением и устранением причин и условий, способствующих совершению преступлений, по конкретному уголовному делу и по категории дел, объектам и отраслям промышленности, сельского хозяйства, населенным пунктам и т.п.

Осуществляя надзор по конкретному уголовному делу, прокурор в решении задачи исследования причин преступления опирается только на материалы расследования и действует в рамках норм уголовно-процессуального права. Здесь прокурор проверяет все возможности получения доказательств о причинах преступления из предусмотренных законом источников (показаний обвиняемых, свидетелей, материалов экспертиз, осмотров, экспериментов и т.д.), следит за реальным обеспечением возможности представления доказательств о причинах преступления всеми участниками процесса, за реализацией их иных прав, обеспечивающих полноту и объективность расследования.

Большое значение имеет изучение личности преступника в социологическом плане. Поэтому прокурор обязан не только устанавливать возраст, вменяемость, судимость обвиняемого, но и все другие обстоятельства, характеризующие его личность: характер, привычки, волевые качества, прошлую деятельность, отношение к работе, поведение в быту, семейное положение, интересы и т.д. Все это позволит более правильно и обоснованно поставить работу по изучению и устранению причин преступности и надежно обеспечить охрану субъективных прав граждан, поможет избежать многих ошибок. Данное положение следует особо распространить на все случаи привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних.

У прокурора имеется много возможностей эффективного осуществления надзора за выявлением и изучением причин преступности в стадии предварительного расследования. Сюда относятся личное изучение первичных материалов, ознакомление с каждым расследуемым делом, заслушивание следователей, непосредственное участие в расследовании в целом по делу или в производстве отдельных следственных действий, проверка полноты учета и регистрации преступлений, рассмотрение жалоб и заявлений, требование неуклонного выполнения норм уголовно-процессуального закона о

выявлении, изучении и устранении причин преступности, обязательные указания.

Пунктом 10 ст. 213 УПК РСФСР на прокурора возлагалась обязанность проверить, выяснены ли обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и приняты ли меры по их устранению. Представляется, что, если причины, обусловившие расследуемое преступление, по делу не доказаны, прокурор, руководствуясь п. 2 ст. 214 УПК РСФСР, обязан возвратить уголовное дело следователю для производства дополнительного расследования с письменными указаниями о том, какие именно вопросы о причинах и условиях совершения преступления должны быть исследованы. Если в материалах дела имеются достаточные данные о причинах и условиях преступления, а в обвинительном заключении это не нашло отражения, прокурор дает указание о его пересоставлении или пересоставляет обвинительное заключение лично.

Важнейшим процессуальным документом, где сосредоточиваются сведения о причинах, обусловивших преступление, является представление следователя. В целях усиления гарантий в обеспечении социалистической законности целесообразно ввести утверждение представлений прокурором, осуществляющим надзор за расследованием. Закон ничего не говорит о праве прокурора пересоставить представление. На наш взгляд, оно должно быть ему предоставлено.

При осуществлении предварительного расследования по уголовному делу лично прокурором на него в полном объем распространяются требования закона о выявлении, изучении устранении причини условий, способствовавших совершению расследуемого преступления.

Надзор прокурора не ограничивается конкретным делом. В стадии предварительного расследования особое значение он приобретает при обобщении следственной практики по отдельным категориям дел, объектам и отраслям промышленности, сельскохозяйственного производства, торговли, населенным пунктам, субъектам, совершающим преступления (особенно при изучении преступности молодежи и рецидивистов).

В настоящее время остро стоит вопрос об эффективной организации прокурорского надзора за устранением причин и условий, способствующих совершению преступлений, теми организациями, учреждениями и предприятиями, а также должностными лицами, в адрес которых были направлены представления. Думается, что правильно установить и эффективно осуществить такой надзор прокурор сможет только с помощью органов партийно-государственного контроля, их групп и постов содействия на местах, с помощью общественности: партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, депутатских групп, добровольных народных дружин, товарищеских судов, производственно-технических советов н т.п. Необходимо при этом информировать общественность о тех профилактических мероприятиях, которые провели или намереваются провести органы предварительного расследования.

Известно, что преступление является результатом сложного взаимодействия ряда причин и условий объективного и субъективного порядка. В ряде случаев в рамках даже хорошо исследованного дела невозможно установить все причины и условия, способствующие совершению преступлений, на конкретном предприятии, в учреждении и т.д. В таких случаях прокурор в целях правильного обеспечения предупредительной работы в своем представлении дает комплексное, аналитическое исследование причин и условий с учетом материалов ранее расследованных уголовных дел, проверок по линии общего надзора, фактов привлечения к дисциплинарной и административной ответственности.

На одном из шинных заводов были вскрыты факты крупных хищений социалистической собственности. Устанавливая причины этого явления по материалам предварительного следствия, прокурор выяснил, что на предприятии плохо организован учет материальных ценностей и контроль за их движением, отсутствовал контроль за начислением и выдачей заработной платы в цехах со стороны начальников цехов и старших бухгалтеров. Работники охраны халатно относились к выполнению своих служебных обязанностей, не проводили сплошной проверки транспорта, выходящего за пределы предприятия. Учет движения готовой продукции в складах *сбыта* был запущен. Сменные кладовщики и приемосдатчики допускали перегрузы и недогрузы покупателям, неправильно определяли размер покрышек, камер, ободных лент при приеме их от цеха комплектации, чем создали путаницу в учете и пересортицу. Передача складов сменными кладовщиками осуществлялась крайне редко. Письменных разрешений на отпуск изделий для испытаний, анализов, исследований не было, в результате чего исследованные экземпляры шин, камер и других изделий похищались. Плохо была организована работа бюро межцехового учета. Инвентаризация на складах производилась только один раз в год. Не было внезапных инвентаризаций и сверки их результатов с данными по незавершенному производству. В случаях установления крупных излишков или недостач готовой продукции недостача одного вида шинных покрышек списывалась за счет излишков другого

вида. Все перечисленные условия создали возможность для совершения ряда крупных хищений кладовщиком Х.

По обобщенным материалам в соответствии со ст. 16 Положения о прокурорском надзоре прокурор внес представление об устранении причин и условий, способствующих хищениям, и потребовал строгого наказания виновных. Контроль за устранением причин и условий показал, что на предприятии резко снизились случаи хищений и злоупотреблений.

Совершенно недостаточно используется прокурорами предоставленное им ст. 9 Положения о прокурорском надзоре право законодательной инициативы в части устранения причин преступности мерами законодательного характера. Мало изучаются возможности обратного влияния того или иного закона на уровень и характер преступности как важного средства ее предупреждения, слабо изучаются последствия применения законов. А конкретное социологическое изучение этих вопросов каждым прокурором в пределах своей компетенции позволит целенаправленно, реально влиять на устранение преступности и причин, ее порождающих. Речь идет о конкретном исследовании влияния правовых норм на преобразование общественных отношений.

Этот вопрос ставится в нашей литературе[4]. Деятельность прокурора по выявлению, изучению и устранению причин преступности нуждается в более детальной регламентации в нормах права и должна быть предметом изучения в курсе по прокурорскому надзору в СССР.

[4] Б. С. Никифоров в статье, опубликованной в газете «Известия» от 10 апреля 1963 г., писал: «Устанавливая уголовную ответственность, усиливая или смягчая наказание за те или иные действия, мы не можем, например, с научной точностью сказать, какого именно полезного результата следует ожидать. Мы не знаем точно, каков, так сказать, коэффициент полезного действия различных видов наказания в отношении различных категорий преступлений и различных групп преступников».

Этот вопрос в более широком плане ставится перед *общественной психологией,* которая должна изучать действенность мер экономического, юридического и педагогического порядка на преступность в целом и отдельные категории преступников. См.: Б. Поршнев. Общественная психология и формирование нового человека, «Коммунист», 1963, № 8, стр. 99.

Данный вопрос ставят С. Эрлих и С. Завадский в работе «Проблемы развития науки права в народной Польше» («Советское государство и право», 1963, № 5, стр. 106) и В. Кнапп в работе «Об основных направлениях развития юридической науки в Чехословакии» («Советское государство и право», 1963, № 6, стр. 109).

Глава 3

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Выполнение требований Программы КПСС о ликвидации преступности в стране и всех причин, ее порождающих, не может быть обеспечено без перестройки одной из важнейших наук криминалистического цикла – советской криминалистики. Упрек в отсутствии необходимого внимания к разработке методики доказывания причин и условий, способствующих совершению преступлений, и методики предупредительной работы органов предварительного расследования относится к криминалистике в целом и ее следственной тактике. Учитывая, что историзм является обязательным элементом всякого научного исследования и познания, обратимся к истории вопроса.

Авторы первого учебника криминалистики[1] определили криминалистику как науку о расследовании преступлений и признали в качестве основной задачи вооружение работников расследования необходимыми для этого техническими сведениями. В определении криминалистики не ставилась важнейшая задача расследования – профилактика преступлений на основе изучения и устранения причин преступности. Это произошло не без влияния взглядов А. Я. Вышинского, редактировавшего учебник. Вышинский акцентировал внимание на технической стороне криминалистики. Рассматривая наказание как панацею от всех зол, универсальное средство в борьбе с уголовной преступностью, предав забвению вопросы уголовной профилактики, объявив «болтовней» участие общественности в расследовании и предупреждении преступлений, Вышинский не мог поставить в число задач криминалистики освещение вопросов методики доказывания причин и условий, способствующих совершению преступлений. Таким образом, органы расследования в течение длительного времени даже не ориентировались на решение этих вопросов в своей практической деятельности. Это не означает, что такая работа не проводилась совершенно. Работа по профилактике проводилась, но мероприятия были малоэффективными и в известной мере волюнтаристскими, ибо они не основывались на доказывании и глубоких социологических исследованиях. А это не могло не

[1] Криминалистика, кн. 1. Техника и тактика расследования преступлений. Под редакцией А. В. Вышинского, М., 1935, стр. 6.

привести к серьезным издержкам в борьбе с уголовной преступностью[2].

Задача выявления, изучения и устранения причин преступности не ставилась в криминалистике и перед криминалистами н в более поздних работах[3].

В 1950 году после длительного перерыва профессор А. И. Винберг в своем определении криминалистики включил в число других признаков изыскание «способов предупреждения преступлений»[4]. В 1959 году С. П. Митричев также в определении криминалистики как науки ставит задачу предупреждения преступлений[5]. Но названные работы не давали подробной разработки вопроса в рекомендациях следственной тактики и методики расследования отдельных видов преступлений.

Нужно отметить, что до середины 30-х годов проблема изучения и устранения причин преступности при производстве расследования разрабатывалась не безуспешно.

Основываясь на ленинском указании и требовании «деловой, беспощадной, истинно-революционной *войны с конкретными* носителями зла»[6], Ф. Э. Дзержинский, Д. И. Курский требовали выполнения этой задачи органами расследованиями суда.

В (протоколе № 61 заседания СНК от 31 января 1918 года указывалось: «В Чрезвычайной комиссии концентрируется вся работа розыска, пресечения и предупреждения преступлений...»[7]. Постановление СНК было принято по докладам Ф. Э. Дзержинского и В. Д. Бонч-Бруевича.

I Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий, проходившая в июне 1918 года, анализируя деятельность по борьбе с такими распространенными преступлениями, как спекуляция и должностные злоупотребления, сочла необходимым обратить внимание на их причины. «Одним из факторов, способствующих и укрепляющих спекуляцию всеми товарами и предметами первой необходимости, –

[2] См.: Н. И. Загородников. О преодолении культа личности и его последствий в научной работе и преподавании юридических и специальных дисциплин, «Труды Высшей школы МООП», вып. 7, М., 1962, стр. 111–119.

[3] См.: А. И. Винберг и Б. М. Шавер. Криминалистика, М., 1949, стр. 3.

[4] Криминалистика. Под редакцией А. И. Винберга и С. П. Митричева, ч. 1. М., 1950, стр. 4.

[5] См.: Криминалистика. Под редакцией С. А. Голунского, М., 1959, стр. 5.

[6] В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 80.

[7] «Из истории ВЧК» (1917–21 гг.). Сборник документов, М., 1958, стр. 91.

указывалось в резолюции конференции, – является отсутствие органа контроля, проведения в жизнь декретов и постановлений Советской власти об учете, контроле и распределении товаров»[8].

Залог успеха в борьбе с уголовной преступностью Ф. Э. Дзержинский видел в быстроте и эффективности применения наказания «в возможно краткий срок после совершения преступления»[9]. Он требовал в деле своевременного пресечения и предупреждения преступлений, установления тесного контакта органов ЧК с губкомами[10], вменял в обязанность «ответственным работникам ЧК регулярно посещать места заключения и посредством личной беседы с арестованными рабочими и крестьянами выяснять мотивы проступков», «пресекать корни козней и злонамерений врагов»[11]. На четком анализе причин преступности формулировал Ф. Э. Дзержинский вопросы уголовной политики, вопрос изучения и устранения причин преступности он считал важнейшим и разрешал его в зависимости от сложившихся конкретных условий действительности. «Все наше внимание, – говорил Ф. Э. Дзержинский в речи на открытии IV конференции губернских чрезвычайных комиссий, – должно быть обращено на экономические, совнархозовские, продовольственные, распределительные, транспорт и другие органы, и вопрос, который до сих пор отнимал у нас много времени в общем и целом, до сих пор не занимал у нас достаточного внимания, – это вопрос борьбы со спекуляцией, ибо в этой спекуляции есть выражение остатков того капитализма, с которым мы не можем справиться, потому что спекуляция, поскольку она процветает, она является отражением той неналаженности, неспособности овладеть экономической жизнью, которая у нас есть»[12].

Д. И. Курский считал важнейшей задачей судебных органов «устранять то, что непосредственно мешает складывающемуся новому строю...»[13].

Такая позиция руководителей судебно-следственных органов, их ориентация на борьбу с преступностью методами глубокой профилактики находила всяческую поддержку у В. И. Ленина. В. И. Ленин подписал специальный декрет СНК о борьбе со спекуляцией, хищениями, подлогами и другими преступлениями по должности и

[8] «Из истории ВЧК», 1958, стр. 135.

[9] Там же, стр. 256.

[10] Там же, стр. 437.

[11] Там же, стр. 363.

[12] «Из истории ВЧК», стр. 363.

[13] Д. И. Курский. Избранные статьи и речи. М., 1958, стр. 98.

образовании специальной комиссии из представителей НКЮ, ВЧК, Народного Комиссариата Государственного контроля, ВСНХ, Московского Совета, Всероссийского совета профсоюзов и других органов, в задачу которых входило изучение всех источников спекуляции и связанных с нею должностных преступлений, наблюдение за систематической борьбой с ними[14]. В другом документе, Наказе от СТО (Совета Труда и Обороны) местным советским учреждениям, обращая внимание на связь материальной обеспеченности и совершением хищений, В. И. Ленин писал: «Сказывается ли на уменьшении хищений новый закон о товарообмене и предоставлении рабочим для этой цели части их продукта? Точные данные об этом»[15].

Под непосредственным влиянием ленинских документов, взглядов Ф. З. Дзержинского, Д. И. Курского, Н. В. Крыленко формировались воззрения ряда советских юристов в 20–30-е годы.

Четко определил для стадии предварительного расследования задачу по выявлению, изучению и устранению причин преступности и построению на этой основе работы по предупреждению преступлений В. У. Громов. «Органы расследования, – писал он, – не могут ограничивать свои задачи только преследованием и изобличением преступников и принятием против них соответствующих мер. Охраняя пролетарское государство от преступлений, они обязаны заботиться и о принятии профилактических (предупредительных) мероприятий, направленных на устранение ближайших причин, способствующих или благоприятствующих совершению тех или других преступлений... К задачам органов расследования, обязанных подходить к своей работе исходя из общих целей нашей уголовной политики, относится и выяснение в процессе расследования таких обстоятельств и фактов, которые помогли бы осветить вопрос о зависимости и связи тех или других преступных действий обвиняемого с общими нездоровыми условиями в организационной или оперативной работе госаппарата или хозорганов, – условиями, которые составляют также одну из причин совершения преступлений на данном участке»[16].

Э. В. Владимиров, Г. А. Зильберквит и Ю. Д. Каценельсон в своей острополемической, во многих положениях опорной, но весьма интересной и обстоятельной работе «Уголовная профилактика» отмечали, что «в сфере криминалистики... должны занять основное место

[14] «Из истории ВЧК», стр. 332.

[15] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 372.

[16] В. У. Громов. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. Под редакцией Н. В. Крыленко, 1935, стр. 16.

мероприятия социально-профилактические, и наступит время, когда в системе советской криминалистики профилактика займет господствующее положение... Нам нужно идти не по пятам преступника, не за преступлением, мобилизуя силы для раскрытия его, для выявления виновных и их изоляции, – мы должны опережать преступника, предвидеть, предусмотреть, предотвратить совершение преступления»[17].

Все эти предложения находили полную поддержку. П. П. Постышев, выступая на VI совещании руководящих работников органов юстиции 13 февраля 1932 года, в числе основных задач назвал деятельность по предупреждению преступлений. «Нужно... усилить, – говорил он, – в работе органов юстиции элементы, если можно так выразиться, профилактики: не только карать уже после того, как интересы социалистического строительства в какой-то мере пострадали, а и предупреждать эти преступления»[18].

Затем в период более чем в 20 лет вопросы изучения причин преступности ни как задача криминалистики, ни как одна из важнейших задач расследования не ставились. Большинство авторов в качестве основной задачи расследования видело необходимость быстрого установления события преступления и преступника, изоляции его. Многие определения предмета криминалистики и задач расследования носили более образный, чем правильный, научный характер. Они не вытекали объективно из задач и условий борьбы с уголовной преступностью, основных и совершенно необходимых направлений этой борьбы.

В настоящее время среди криминалистов существует почти единодушное мнение о том, что криминалистика должна разрабатывать вопросы тактики и методики выявления, изучения, процесса доказывания и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений[19]. В разрешении этой проблемы мы наблюдаем много нюансов. Одни авторы включают задачу предупреждения преступности в предмет науки криминалистики, но не дают конкретных путей

[17] Э. В. Владимиров, Г. А. Зильберквит, Ю. Д. Каценельсон. Уголовная профилактика, М., 1934, стр. 10.

[18] Цит. по работе Э. В. Владимирова, Г. А. Зильберквит, Ю. Д. Каценельсон. Уголовная профилактика, стр. 3.

[19] См.: Р. С. Белкин. Мастерство следователя. «Известия» от 15 сентября 1963 г.; В. А. Кулин. К вопросу о предмете, задачах и системе советской криминалистики. «Правоведение», 1962, № 4, стр. 181; Н. В. Терзиев. К вопросу о системе науки советской криминалистики. «Правоведение», 1961, № 2, стр. 155.

и средств ее разрешения, не выделяют при этом важную проблему изучения причин преступности. Ряд авторов относит задачу выявления и изучения причин преступности к задачам тактики или методики расследования отдельных видов преступлений.

Каждый раздел криминалистики – техника, тактика и методика,– на наш взгляд, должен включать в себя методику предупредительной работы на базе доказывания причин и условий, способствующих совершению преступлений своими специфическими возможностями. Такая постановка обусловлена тем обстоятельством, что в стадии предварительного расследования эта задача выполняется не только следователем, но и другими участниками процесса, экспертами, специалистами, общественностью и др.[20]

Рассмотрим задачи следственной тактики в доказываний причин преступности. Еще до принятия нового уголовно-процессуального законодательства такую задачу перед тактикой ставил А. Н. Васильев[21]. Р. С. Белкин конкретизировал эту задачу, полагая, что в рамках следственной тактики должны быть разработаны вопросы психологического анализа, логики производства следствия в целом, и особенно в части установления причин преступности[22]. Но следственная тактика должна включать в себя и тщательную разработку вопросов доказывания причин и условий, способствующих совершению преступлений, по конкретным делам.

В этом смысле предмет тактики тесно связан и, можно сказать, обусловлен предметом доказывания. Здесь мы видим тесную связь криминалистики и уголовно-процессуального права. Проблема тактики доказывания причин и условий, способствующих совершению

[20] Подобная точка зрения высказана чехословацким криминалистом И. Пещаком, по мнению которого, криминалистика должна разрабатывать вопросы общей проблематики выявления и изучения причин преступности, разрабатывать научно-технические, тактические методы, способы, средства установления причин совершения отдельных преступлений, методику установления причин с помощью экспертизы, мероприятия для устранения, предупреждения или затруднения совершения преступлений, методы работы с рецидивистами, вопросы организации охраны имущества, участия трудящихся в установлении причин преступности. См. И. П е щ а к. Новый уголовно-процессуальный кодекс и криминалистика, «Acta Universitatis Carolinae», Yuridical 1, Praha, 1963, Universita Karlova, s. 85–108.

[21] А. Н. В а с и л ь е в. Основы следственной тактики. Докторская диссертация, I960, стр. 13.

[22] Р. С. Б е л к и н. Мастерство следователя. «Известия» от 15 сентября 1963 г.

преступлений, на наш взгляд, имеет два аспекта: криминалистический и процессуальный. В тактику доказывания должны входить только такие следственные действия, которые предусмотрены процессуальным законом. В этом залог обеспечения и строжайшего соблюдения социалистической законности при проведении работы по предупреждению преступлений. Поэтому в законе целесообразно более детально регламентировать порядок доказывания причин, обусловивших преступление, дать тактические рекомендации проведения с этой целью следственных действий, как это сделано, например, в отношении порядка и тактики проведения следственного эксперимента, производства экспертизы и т.д.

Нужно отметить, что предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством перечень средств доказывания (показания свидетелей, потерпевшего, обвиняемого, заключение эксперта, вещественные доказательства и документы) и соответственно перечень следственных действий (допрос обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, очная ставка, обыск и выемка, осмотр и освидетельствование, производство экспертизы и следственный эксперимент) не могут в настоящее время удовлетворить нужды следственной практики при доказывании причин и условий, способствующих совершению преступлений. Речь идет о дополнении следственной тактики такими следственными действиями, как заполнение по каждому уголовному делу специальной анкеты о причинах преступления, личное ознакомление с условиями труда и быта обвиняемого, выход с обвиняемым и свидетелем на место совершения преступления. Причем первые два действия проводятся только для выполнения одной задачи – доказывания по конкретному делу причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Задача доказывания причин и условий, способствующих совершению преступлений, должна буквально пронизывать каждое следственное действие от начала и до конца расследования по делу. При этом тактика доказывания причин и условий будет определяться спецификой дела, его конкретными обстоятельствами и личностью преступника.

Причины преступности невозможно изучить без конкретных социальных исследований. Как уже отмечалось на страницах журнала «Коммунист», юристы не остались в стороне от этого магистрального пути исследования. «Вред, который нанес культ личности юридической науке, – указывается в редакционной статье журнала «Коммунист», – состоял прежде всего в том, что была создана атмо-

сфера косности и духовного консерватизма; сковывалась и заглушалась теоретическая инициатива; воспитывались приспособленчество и конъюнктурщина, насаждалась боязнь конкретных исследований и широких социологических обобщений»[23]. Только конкретные исследования, основанные на доказывании, могут привести к истинным выводам о конкретных причинах существования преступности.

Применительно к изучению причин преступности в стадии предварительного расследования такие конкретные социологические исследования могут быть проведены с помощью *специальных анкет.* Закон и тактика следственных действий, несмотря на упорно выдвигаемые рекомендации по внедрению в следственное производство анкет для изучения причин преступности[24], пока не содержат регламентирующих положений такого рода исследований. При производстве расследования следователи изучают вопрос о причинах, обусловивших преступление, не имея канвы, односторонне, с известной долей субъективизма.

Практические работники органов расследования понимают острую необходимость применения анкет для изучения причин преступности, создают их своими силами и проводят свои локальные исследования на недостаточно совершенной базе. Но даже в этом случае предупредительная работа становится более действенной, целенаправленной. В настоящее время пока еще нет единого подхода к изучению причин и условий, способствующих совершению преступлений, методом ведения единых анкет, что весьма затрудняет работу по комплексному изучению причин преступности. Каждое ведомство, на которое в соответствии с законом возложена задача вести борьбу с уголовной преступностью (органы Министерства охраны общественного порядка, Комитета Государственной безопасности и Прокуратуры СССР), их научно-исследовательские центры и аппараты имеют свои анкеты и рекомендации, охватывающие различный круг вопросов и характер сведений о причинах и условиях преступления. Такое положение искусственно тормозит постановку правильного изучения причин преступности.

Суть наших предложений заключается в следующем: по каждой категории уголовных дел должны быть созданы единые образцы

[23] Юридическая наука в условиях коммунистического строительства. Редакционная статья, «Коммунист», 1963, № 16, стр. 33.

[24] См.: А. И. Винберг. Некоторые проблемы советской криминалистики. «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма». Материалы научной конференции, Харьков, 1962, стр. 234.

следственных анкет. Анкета заполняется по каждому расследуемому уголовному делу всеми следственными органами. Заполненные анкеты после окончания предварительного расследования вместе с учетными материалами направляются в специальные аппараты системы МООП по территории совершения преступления.

Это предложение нами было выдвинуто на конференции по практике применения нового уголовно-процессуального законодательства, и оно получило поддержку[25]. Такие унифицированные анкеты имеют большое значение не только по конкретному делу, но и при комплексном изучении причин преступности по категории дел, объектам и отраслям народного хозяйства, территории, определенным периодам времени и т.д.

Анкетирование как метод получения сведений о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений, необходимо законодательно закрепить в уголовно-процессуальном кодексе. Анкета заполняется на основе показаний обвиняемого, свидетелей, по фактам, полученным в результате проведения других следственных действий. Обвиняемый имеет право ознакомиться с ней и заявлять ходатайства о дополнении анкеты.

В 1963 году на юридическом факультете Воронежского госуниверситета создана социологическая лаборатория по изучению причин преступности и личности преступника. Лаборатория с помощью анкет проводит изучение причин и условий, способствующих совершению преступлений, по материалам уголовных дел, находящихся в производстве в органах предварительного расследования областей Центрально-Черноземного экономического района.

Анкета имеет четыре раздела. Раздел сведений о преступнике включает данные биографической и общественно-политической характеристики личности (год рождения, партийность, образование, профессия, социальное положение, род занятий к моменту совершения преступления, участие в общественной работе, проживание в местности, где совершено преступление, семейное положение, взаимоотношения в семье, жилищные условия и материальное положение, источники дохода, характеристика связей, прежняя судимость, круг интересов, черты характера и психики, злоупотребление алкоголем). В разделе сведений, характеризующих преступление,

[25] См.: «Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства в стадии предварительного расследования», тезисы докладов и сообщений на научной конференции, М., 1962, стр. 18; «Социалистическая законность», 1963, № 3, стр. 76.

освещаются вопросы краткой характеристики преступления, места, времени, способа его совершения, наличие соучастников, материального ущерба, каналов сбыта, мотивы, последствия и характерные обстоятельства.

В разделе анкеты, характеризующем причины и условия, способствующие совершению преступления, исследуются использовавшиеся для совершения преступления условия, умышленно созданные обвиняемым; причины и условия, зависящие от недостатков работы предприятия, учреждения, общественной организации, отдельных должностных лиц, недостатков работы судебно-следственных органов, аморального поведения обвиняемого. В этом же разделе анализируются предупредительно-профилактические меры, предпринятые следователем, участие общественности в предупреждении, раскрытии, расследовании преступления, в выявлении и доказывании причин, обусловивших преступление; характеристика следственных действий в установлении причин преступления. В разделе выводов особое внимание уделено мнению следователя о причинах совершения преступления обвиняемым, сформулированному на базе доказывания по делу, и мнению самого обвиняемого о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, и мерах, которые бы, по его мнению, могли предотвратить совершение им преступления. Такие мнения представляют большой практический и научный интерес.

Анкета по конкретному делу дает объективный и достаточно подробный материал о причинах, обусловивших преступление.

В магазине готовой одежды неизвестная девушка примерила пальто, одела его и, прикрываясь своим старым пальто, пыталась вынести из магазина, но была задержана с поличным. Кем оказалась преступница и какие причины толкнули ее на совершение преступления? Задержанной оказалась гражданка П. Она закончила 10 классов сельской школы и в течение почти пяти лет работала продавцом в магазине продовольственных товаров. В связи с болезнью получила инвалидность и за два месяца до совершения преступления оставила работу. Жила на средства матери и пенсию по инвалидности. За полгода до преступления трагически погиб старший брат, вскоре умер отец. Помимо нее у матери было двое малолетних детей. Последствием тяжелых травм явилось нервное реактивное состояние.

До болезни и семейной трагедии П. была жизнерадостной девушкой, целеустремленной, активной общественницей. В школе редактировала газету, постоянно участвовала в художественной самодеятельности. Но в переломный, тяжелый момент жизни осталась

одна, замкнулась и не нашлось друзей и подруг среди односельчан, которые помогли бы или просто подбодрили в трудную минуту. П. потеряла веру в людей. Стала меньше читать, хотя раньше читала много и очень любила книги, перестала ходить в кино, в клуб, так как стыдилась своей плохой одежды. Ей нужно было помочь, поддержать морально, показать, что она нужный в обществе человек. Но в данном случае этого сделано не было. Результат – совершение преступления. Сама П. не смогла объяснить свое падение Но следствие сделало весьма обоснованный вывод и о причинах преступления и о средствах его предупреждения. Требовалось одно – участие общественности, комсомольцев в ликвидации бытовой неустроенности, проявление элементарного внимания к человеку.

П. не оставили в беде без внимания, помогли подняться на ноги. Сделали это следственные работники.

Анкеты позволяют сосредоточить такой материал, который было бы трудно установить другими способами при расследовании уголовных дел. Анализ материала анкет позволяет в числе выводов социологического плана сделать вывод об эффективности и целенаправленности нашей идеологической работы.

При анализе материалов уголовных дел и статистических данных о характере, уровне, структуре и динамике преступности несовершеннолетних в одном из районов Воронежа было установлено, что в течение ряда лет число преступлений, совершенных несовершеннолетними, является стабильным. Решено было обследовать подростков, совершивших преступления и крупные правонарушения, с помощью специально разработанной анкеты. Оказалось, что 44 % обследованных совершили хулиганства, 35 % мелкие кражи. Кто эти подростки, что толкнуло их на преступление? В работе по обследованию руководствовались словами А. В. Луначарского: «...Молодежь – основная сила, коренная мощь человечества завтрашнего дня. Молодежь вместе с тем переживает такое время, когда она особенно восприимчива к дурному и хорошему. Здесь в это время на ее гибкую, как воск, душу можно положить пятно, наложить изъян, который потом окостенеет и станет пороком, но в то же время можно положить на нее священную печать преданной любви к человечеству»[26].

Обследование показало, что преступность несовершеннолетних нельзя объяснять дурным влиянием улицы или недостатками в материальном обеспечении. (Причины преступлений несовершеннолетних обусловлены недостатками в воспитательной работе, промахами

[26] «Комсомольская правда» от 7 апреля 1960 г.

в ее проведении в семье, школе, общественных организациях. Кто и как оказывал влияние на обследованных правонарушителей? Оказалось, что 5 % обследованных были круглыми сиротами, 28 % не имели отцов, у 30 % отцы, матери, близкие родственники, проживающие в семье, имели судимость, 28 % уже употребляли алкогольные напитки, причем не случайно, эпизодически, а регулярно. 16 % не читали книг, 42 % – газет, 61 % не посещали театр, выставки, концерты, 4 % не были даже в кино. Только 8 % назвали любимые книги и любимых писателей (А. Толстого, В. Беляева, Ф. Купера). Многие из обследованных проводили время в компании ранее судимых. Ни один из них не принимал участия в кружках при Дворце пионеров и школах. Основная часть правонарушений совершена лицами возрастной группы 15–16 лет (57 %), 17–18 лет (24 %), т. е. в момент становления их характера.

Представление следственных органов о причинах преступности несовершеннолетних рассмотрели партийные органы района, предприятий, учреждений, общественные организации, педагогические конференции. Предупредительные мероприятия намечались конкретно не против группы нарушителей, а индивидуально в отношении каждого. В результате этих мероприятий преступность несовершеннолетних в районе только в сравнении с 1961 годом сократилась в два раза. Немалую роль в сокращении преступности сыграло обследование и на его основе предметная профилактическая работа.

Обследования с помощью анкет могут охватывать и ряд частных вопросов. В 1962 году в городе Воронеже подростками было срезано много телефонных трубок. По ряду краж оборудования пришлось возбудить уголовные дела. Изучение вопроса показало, что трубки и оборудование похищались подростками в целях извлечения из них деталей, пригодных для изготовления детекторных приемников. Сотни ребят занимались в технических кружках, изучали радиотехнику на уроках труда, но плохо снабжались необходимыми деталями. По предложению Управления охраны общественного порядка предприятия радиотехнической промышленности наладили массовое производство детекторов. По дешевым ценам они стали поступать в магазины, школы. Мероприятие дало эффект поразительный. В 1963 году подобных краж почти не было.

Нужно отметить, что анкетирование как метод исследования причин преступности применялось в работе ВЧК с самого начала ее деятельности. Инструкцией от 12 ноября 1919 года была введена в действие анкета для чрезвычайных комиссий и комиссаров ВУЧК, отправляющихся в командировку по борьбе с контрреволюцией. Из 19 вопросов 8 посвящались причинам контрреволюционных преступлений[27].

В тесной связи с проблемой конкретных социологических исследований, к числу которых относится и анкетное изучение причин преступности, находится проблема применения математических методов исследования о помощью электронно-вычислительных машин. Может показаться несколько неожиданным мнение об использовании кибернетики в изучении причин преступности, «но если учесть, – пишет академик А. И. Берг, – что юридические науки изучают поступки и действия, совершаемые человеком, общающимся с огромным количеством других людей в самой разнообразной обстановке, что изучаются действия, вызываемые определенными причинами, то следует признать, что имеются все основания применять здесь науку, базирующуюся на изучении массовых, вероятностных явлений и закономерностей»[28]. К числу проблем, которые могут изучаться с помощью методов и средств кибернетики, А. И. Берг относит обобщение судебной практики, систематический анализ преступности, изучение ее причин и эффективности мер профилактики по ее искоренению.

К. Маркс, предвидя возможность применения математики в общественных науках, считал, что «наука только тогда достигнет совершенства, когда ей удается пользоваться математикой»[29]. На эту же сторону обратил внимание В. И. Ленин[30].

Вопрос о применении кибернетики в праве разрабатывается целым рядом ученых-юристов нашей страны и ряда социалистических стран[31]. Применение математических методов исследования при ана-

[27] См.: «Из истории ВЧК», стр. 333–334.

[28] А. И. Б е р г. Кибернетика и общественные науки. «Строительство коммунизма и общественные науки», Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 63.

[29] «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», М., 1956, стр. 66.

[30] См.: В. И. Л е н и н. Соч., т. 14, стр. 294.

[31] См.: Д. А. К е р и м о в. Советское правоведение, законность и кибернетика. «Строительство коммунизма и общественные науки», М., 1962, стр. 245–253; Д. А. К е р и м о в. Кибернетика и право, «Советское государство и право», 1962, № 11; «Философские вопросы кибернетики», М., 1961, стр. 368; В. К н а п п. О возможности использования кибернетических методов в праве, «Pravnik», 1962, № 1; Е г о ж е. Об основных направлениях развития юридической науки в Чехословакии, «Советское государство и право», 1963, № 6; А. Ф о р к е р, К. Х. К а н н е г и с с е р. Значение кибернетики для криминалистики. «Тезисы докл. Отделения криминалистики Лейпцигского университета им. К. Маркса». «Бюллетень иностранной криминалистической литературы», № 34, ВНИИК Прокуратуры СССР, стр. 39–46.

лизе анкет о причинах преступности требует помимо их унификации тщательной отработки вопро**сов,** лежащих в основе программирования. Полнота научного охвата при изучении причин преступности с помощью анкет, анализ факторов, порождающих преступность, выяснение их удельного веса в формировании личности преступника, действенность и результативность мер уголовного наказания, применения законов в борьбе с уголовной преступностью достигается комплексным изучением вопроса наряду **с** юристами философами, экономистами, психологами, педагогами и другими специалистами[32].

Совершенно не разработан в нашей криминалистической и криминологической литературе вопрос о характере и значении *личного ознакомления следователя с условиями труда и быта обвиняемого* в деле установления причин совершенного преступления. При ознакомлении следователь выясняет такие вопросы, как жилищные условия, материальное положение, источники дохода, характер интересов обвиняемого, отношение к работе, характеристику обвиняемого в семье, по месту работы, в окружении соседей, друзей и т.д.

Такое ознакомление имеет большое значение для установления и определения круга и источников доказательств о причинах и условиях, способствующих совершению преступления обвиняемым, дает материал для характеристики его личности, обеспечивает подготовку следственных действий по доказыванию причин преступления, определяет тактику расследования по делу в целом, тактику допроса обвиняемого и предъявления доказательств.

Выводы следователя о причинах преступления, полученные в результате такого ознакомления, излагаются в анкете.

Ознакомление с условиями труда и быта обвиняемого может быть поручено общественности, ибо деятельность ее в выявлении и устранении причин преступности предусмотрена процессуальным законом в ст. 128 УПК РСФСР.

При решении вопроса о роли *показаний обвиняемого* в доказывании причин преступности в стадии предварительного расследования необходимо остановиться на принципах их оценки, и в том случае, когда объектом показаний обвиняемого являются его субъективные мысли, мнения о причинах, приведших его в конкретной ситуации к преступлению, показание служит обычным рядовым доказательством.

Точка зрения А. Я. Вышинского о том, что «объяснения обвиняемых... неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств», должна быть полностью отвергнута также и в части доказывания причин и условий, способствующих совершению преступлений, по каждому уголовному делу.

[32] См.: «Юридическая наука в условиях строительства коммунизма», «Коммунист», 1963, № 16, стр. 32.

Показания обвиняемого о причинах и условиях, способствующих совершению им преступления, проверяются и оцениваются лишь в совокупности с другими собранными по делу доказательствами.

Нельзя согласиться и с точкой зрения доктора юридических наук М. П. Шаламова, что показания обвиняемого лишены объективности, он может их менять в угоду собственному мнению, и в связи с этим они не имеют практической ценности и должны игнорироваться[33]. М. П. Шаламов не делает исключением и предмет доказывания. Следует полагать, что так должны оцениваться и показания обвиняемого в отношении причин и условий, способствовавших совершению им преступления.

Конечно, не всегда обвиняемый (ввиду того, что он не всегда имеет достаточное образование, знания) может дать критический анализ своих преступных действий. Но опыт анкетирования, допроса обвиняемого показывает, что обвиняемый, как правило, отдает себе отчет в том, совокупность каких причин и условий жизненной ситуации способствовала совершению им преступления, правильно оценивает их при даче показаний. В 50 % случаев проведенного нами обследования обвиняемые дали показания о причинах и условиях преступления, причем в 4/5 общего количества случаев их показания соответствовали объективной действительности. Поэтому, поддерживая точку зрения П. Ф. Пашкевича, мы считаем: если показания обвиняемого правильно отражают явления исследуемой по делу ситуации (объективной действительности), то они объективны по своему содержанию и в силу этого имеют доказательное значение[34].

За короткий промежуток времени гр-н Л. совершил четыре кражи. При исследовании вопроса о причинах, обусловивших совершение им преступлений, Л. на допросе пояснил: жил в семье без отца, отец оставил семью, когда Л. было всего семь лет. После ухода отца мать страдала хроническим алкоголизмом. Если кто и осуществлял присмотр за ним и братом, так это престарелая бабушка. Из-под контроля матери Л. вышел в 9–10 лет. По отношению к ней озлоблен,

[33] См.: М. П. Ш а л а м о в. К вопросу об оценке сознания обвиняемого. «Советское государство и право», 1956, № 8.

[34] См.: П. Ф. П а ш к е в и ч. Объективная истина в уголвном судопроизводстве, М., 1961, стр. 85.

ибо мать часто обижала детей, находясь в нетрезвом состоянии. Жилищные и материальные условия в семье хорошие, семья имеет отдельную изолированную квартиру. Л. бросил учиться, не окончив даже 4-х классов; курил с 10 лет; алкогольные напитки употребляет с 13 лет (впервые использовал остатки «трапезы» матери). Все свое время Л. посвящал азартным играм и встречам с товарищами, из которых несколько уже были судимы; ни книг, ни газет не читал. В 1958 и 1959 годах Л. был помещен в детскую воспитательную колонию, а в 1961 году привлекался к уголовной ответственности по ст. 144 ч. 2 УК РСФСР. В конце 1962 года был освобожден по отбытии назначенного судом наказания. Немедленно был трудоустроен. Но на этом закончилось активное вмешательство общественности в его судьбу. Через два месяца Л. бросил работу. Этому решению ни в семье, ни в общественных организациях никто не противодействовал. За короткий промежуток времени Л. сколотил преступную группу, куда вовлек и своего младшего несовершеннолетнего брата, и совершил кражу из магазина. Безнаказанность первого преступления повлекла за собою второе, третье и четвертое, пока группа не была обезврежена органами милиции. Обо всем этом Л. чистосердечно рассказал на следствии. Он не рисовал себя «жертвой обстоятельств», так как прекрасно понимал, что многое зависело от него самого. На вопрос, что же, по его мнению, могло предотвратить падение и преступление, он ответил: «Моя занятость в общественно полезном труде, отказ от водки, хорошие друзья и хотя бы немного внимания и ласки, чего я никогда не видел».

Нет фатально непреодолимой власти обстоятельств над человеком. Обстоятельства, безусловно, определяют поступки человека, но человек имеет возможность сам активно воздействовать на обстоятельства жизненной ситуации. Признание обусловленности преступления совокупностью объективных и субъективных причин и условий не исключает и не снижает ответственности лица, совершившего преступление. Но жизненный путь не определяется одним человеком. Он определяется людьми, их взаимоотношениями, определяется обществом. Поэтому мы в ответе за каждого человека в своей среде.

Показания обвиняемого о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений, в стадии предварительного расследования являются источником изучения причин преступности не только по конкретному уголовному делу, но и по категории аналогичных дел, на определенных объектах и т.д.

Обвиняемый может дать показания о причинах и условиях, способствовавших совершению им преступления, исходя из субъективной их оценки, и по поводу имеющихся в деле доказательств о причинах преступления (материалы экспертизы, показания свидетелей и др.). И та и другая часть его показаний имеют значение в деле объективного установления причин преступления. Это положение не противоречит ст. 77 УПК РСФСР, определяющей содержание показаний обвиняемого, ибо оно помогает установить объективную истину по делу, проанализировать причины преступления и мотив действий обвиняемого.

Здесь речь идет о показаниях обвиняемого применительно к его сознанию в совершенном преступлении. Нельзя получить объективных показаний о причинах, обусловивших преступление, если обвиняемый не сознался в совершении его.

Важно в оценке субъективного и объективного в показаниях обвиняемого о причинах, обусловивших его преступление, различать добросовестное заблуждение и попытки дезинформировать следствие в этом вопросе в случае, если мотив, причина преступления будут являться отягчающими обстоятельствами. Эта коллизия может быть разрешена только в процессе доказывания. Добросовестное заблуждение обвиняемого в показаниях о причинах преступления устраняется возможностью его реального участия в экспертизах, осмотрах, следственных экспериментах, которые объективно устанавливают этот вопрос. Обвиняемый в случае, если он дает объективные показания, может сыграть значительную роль в выявлении и изучении причин преступности, ибо только он в начальный период расследования располагает наиболее всеобъемлющими сведениями о совершенном им преступлении и действительных побудительных причинах, мотивах, условиях его совершения и потенциальной возможностью дать об этом показания.

Реализация возможности получить показания обвиняемого зависит от собранного по делу доказательного материала, установления контакта между обвиняемым и следователем, правильной тактики допроса. Только при умелом и тактически правильном допросе можно получить правдивые показания обвиняемого о причинах совершения им преступления.

Показания обвиняемого являются важным средством осуществления его собственной защиты. Они дают возможность смягчить вину, ибо сам факт дачи правдивых показаний о преступлении и причинах, обусловивших его, есть смягчающее обстоятельство. Только самим

появлением в следственном исследовании они во многом исключают предвзятость и обвинительный уклон.

Нуждается в разработке тактика допроса обвиняемого в целях установления причин преступления. Помимо общественно-политической и криминологической характеристик личности обвиняемого при допросе обвиняемого необходимо устанавливать совокупность причин и условий, приведших обвиняемого к преступлению, возможность использования имевшихся благоприятных условий или умышленного создания таковых, особенно по делам о хищениях. Обвиняемый может рассказать о виновности конкретных лиц и своей собственной виновности в искусственном создании условий, облегчивших совершение преступления. Большое значение для предупреждения преступлений имеет выяснение при допросе обвиняемого таких вопросов, как способы и средства совершения преступления, способы его маскировки, особенно при длящихся преступлениях, каналы и методы сбыта похищенного. Важно выяснить также сведения о составе и характеристике преступной группы в целом, отдельных соучастников, о готовящихся преступлениях и лицах, пытающихся их совершить. Порядок допроса обвиняемого при доказывании причин совершения им преступления было бы целесообразно регламентировать в законе[35].

Представление обвиняемым доказательств о причинах совершенного им преступления не является возложением на него бремени доказывания причин преступления. Такое представление доказательств обвиняемым вытекает из осуществления им своего права на защиту[36]. Он волен давать или не давать их.

Наиболее распространенным видом доказательств о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений, являются *свидетельские показания.* В практике доказывания причин преступности в стадии предварительного расследования они встречаются все чаще и чаще. По данным проведенного нами исследования, свидетельские

[35] В п. 1 § 91 УПК ЧССР сказано: «Допрос обвиняемого производится таким образом, чтобы он по возможности дал полную и ясную картину обстоятельств, имеющих важное значение для уголовного разбирательства». П. § 92 устанавливает следующее правило: «Перед первым допросом необходимо всегда устанавливать личность обвиняемого, обстоятельства, относящиеся к его семье, имуществу и заработку, а также предшествующие наказания...».

[36] См.: В. Е. Ч у г у н о в. Обвиняемый в советском уголовном процессе. «Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства», Саратов, 1962, стр. 337.

показания в доказывании причин преступности применялись в 73,3 % уголовных дел, подвергшихся анкетированию.

Характеризуя предмет свидетельских показаний, ряд процессуалистов и криминалистов (еще до принятия нового уголовно-процессуального законодательства) включал в него причины и условия, способствующие совершению преступления[37].

Целый ряд авторов, определяя предмет свидетельских показаний, не выделяет в качестве самостоятельной задачи доказывания с их помощью причин и условий, способствующих совершению преступлений[38].

Законодатель в ст. 74 УПК РСФСР говорит о возможности допроса свидетелей о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и о своих взаимоотношениях с ними. В качестве самостоятельной части предмета допроса свидетеля причины и условия, способствующие совершению преступления, законодатель не называет. Закон необходимо дополнить указанием возможности с помощью свидетельских показаний устанавливать причины и условия, способствующие совершению преступлений.

Свидетель не только может вскрыть указанные причины и условия, но он также может оказать помощь расследованию в определении путей их устранения и на этой основе предупреждения преступлений в будущем.

На возможность использования свидетельских показаний при доказывании причин преступности после принятия нового законодательства обращают внимание многие криминалисты и процессуалисты, в частности А. А. Герцензон, Р. С. Белкин, И. М. Лузгин, С. Ф. Борисов. Ряд авторов говорит о целесообразности детальных и единообразных указаний органам расследования об обязательном включении вопросов, освещающих причины и условия, способствующие совершению преступлений, при производстве допросов свиде-

[37] См.: Н. Л а г о в и е р. Свидетель в нашем уголовном процессе. М., 1928, стр. 5; Р. Д. Р а х у н о в. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 33; А. Л. Р и в л и н. Предмет допроса в советском уголовном процессе. «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. 2, 1940, стр. 106.

[38] См.: В. Е. К о н о в а л о в а. Тактика допроса свидетелей в советских органах расследования. Автореферат кандидатской диссертации, Харьков, 1953; М. И. Б а ж а н о в. Свидетели, их права и обязанности по советскому уголовно-процессуальному законодательству, М., 1955, стр. 9.

телей[39]. На наш взгляд, такое предложение является полумерой. Этот вопрос необходимо разрешить в законодательном порядке.

Круг свидетелей, которые могут дать показания, зависит как от категории уголовных дел, так и в немалой степени от умения следователя, проводящего расследование, ориентироваться в обстановке и найти свидетеля. Возможность вызова того или иного лица в качестве свидетеля для дачи показаний о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений, определяет следователь. Свои предложения по этому вопросу может внести прокурор, осуществляющий надзор за расследованием, и защитник. Свидетель может быть также допрошен и по просьбе обвиняемого.

К числу свидетелей, имеющих возможность дать показания о причинах преступления, следует отнести соседей, членов семьи, родственников и знакомых обвиняемого, представителей администрации и общественных организаций по месту его работы или учебы, работников бухгалтерского и ревизионного аппаратов, вышестоящих организаций и др.

Важным фактором, который необходимо учитывать при определении круга свидетелей, является установление способности свидетеля дать анализ фактов и обстановки, благоприятствующей, по его мнению, возможности совершения преступления обвиняемым. Представляется, что в основном при доказывании причин и условий, способствующих совершению преступлений, с помощью свидетельских показаний следует ориентироваться на лиц не моложе 18-летнего возраста. Подобные показания связаны с оценкой фактов жизненной ситуации, обстановки, а дать такую оценку и проследить взаимосвязь ее и преступления могут лишь лица, имеющие жизненный опыт. Данное положение не влечет за собой полного отказа от показаний несовершеннолетних свидетелей. Они могут в ряде случаев сообщить весьма ценные факты, особенно по делам о преступлениях несовершеннолетних. Но основная ориентация должна быть на людей с жизненным опытом. Оценка свидетельских показаний о причинах и условиях преступления происходит по общим правилам теории судебных доказательств.

Допустимо в процессе допроса в протоколе фиксировать и суждения свидетеля о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений, так как в конечном итоге они основаны на фактах,

[39] См.: А. А. Герцензон. Теоретические предпосылки изучения и предупреждения преступности. «Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений». М., 1962, стр. 24.

лично воспринятых свидетелем или известных ему из других источников, фактах аналогичной ситуации, приведшей к совершению преступлений других лиц. В этой связи мы полностью разделяем точку зрения, высказанную Р. Д. Рахуновым, который считает, что в практике возможны случаи, когда показания свидетеля, имеющие характер суждения, не устраняются, а, наоборот, представляют ценность для расследования. К таковым он относит показания бухгалтера о запущенности или запутанности учета[40].

Круг вопросов о причинах и условиях преступления, устанавливаемый с помощью свидетельских показаний, является аналогичным тому, который мы описали при характеристике показаний обвиняемого.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 3 июля 1963 года «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» особое внимание обратил на установление причин преступности с помощью свидетельских, показаний. Пленум указал на необходимость допроса таких свидетелей, которые хорошо знают условия жизни и воспитания несовершеннолетнего. В числе основных вопросов о причинах преступления, совершенного несовершеннолетним, подлежащих установлению с помощью показаний свидетелей, пленум назвал условия жизни семьи, выполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей, бытовое окружение подростка, его интересы, поведение дома, в школе, на производстве, участие в общественной работе, наличие предыдущих правонарушений и характер мер, примененных по ним, причины отказа от учебы и работы[41].

При допросе свидетелей необходимо учесть то обстоятельство, что не каждый из них заинтересован дать правдивые развернутые показания о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления. Некоторые из них за допуск и создание таких причин и условий должны нести дисциплинарную, административную, партийную, а иногда и уголовную ответственность. Поэтому в показаниях таких свидетелей будет чувствоваться стремление преуменьшить роль и значение некоторых обстоятельств, дать им неверное толкование.

На одно забытое в литературе обстоятельство хочется обратить внимание. Ни одна сфера деятельности, помимо следственной и судебной, не дает такого обилия и разнообразия живого материала, с которым приходится сталкиваться следователю и судье. Перед ними

[40] См.: Р. Д. Рахунов. Свидетельские показания в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 13.

[41] См.: «Бюллетень Верховного суда СССР», 1963, № 4, стр. 10.

вереницей проходят люди с различным темпераментом, общественным и служебным положением, образованием, умением держаться и т.п. Большую роль в предупреждении преступлений сыграет то обстоятельство, если в каждой криминалистической мере, и особенно такой, как допрос, будет обращено внимание на идеологическую сторону, на воспитание у допрашиваемых коммунистической сознательности. Право, законодательная и судебная деятельность сыграют здесь большую роль.

Все, о чем уже говорилось при характеристике показаний свидетеля о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, относится и к *показаниям потерпевшего.* Нужно только отметить, что потерпевшему далеко не безразлично с моральной точки зрения (особенно по так называемым бытовым делам) то, как обвиняемый трактует мотивы и причины, обусловившие совершение им преступления. Поэтому, помимо того, что потерпевший сам может дать показание о причинах и условиях преступления, он имеет право требовать установления этого вопроса при производстве других следственных действий, может лично предоставить в распоряжение следствия доказательства (документы, переписку и т.п.).

Большие возможности в доказывании причин и условий, способствующих совершению преступлений, при производстве расследования открывает *экспертиза.* Судебно-бухгалтерская экспертиза может дать ответ о характере нарушений в бухгалтерском учете и возможностях их использования для совершения преступлений, о правильном или неправильном описании материальных ценностей; криминалистическая экспертиза помогает вскрыть обстоятельства, облегчившие совершение преступления (запоры, наличие, отсутствие или неправильное применение охранной сигнализации и т.д.); ветеринарная дает заключение о причинах массового падежа скота; химическая и техническая вскрывают характер связей к взаимообусловленность определенных явлений и т.п.

Специфические возможности экспертизы в выявлении и доказывании причин преступления и в предупредительных мероприятиях самые разнообразные. В магазинах часто совершались хищения с использованием подделки кассовых чеков. Как показало экспертное исследование, подделка чеков стала возможной потому, что бумага, из которой изготавливались кассовые ленты, была низкого качества, ее значительная толщина (до 0,2 мм), не равномерная по плотности структура и волокнистая поверхность делали возможным незаметное удаление первоначальных цифр и знаков, их переклейку. С помощью

такой подделки были получены различные товары на значительные суммы. Выявить хищения можно было только при сверке результатов выручки, суммовых итогов по чекам и контрольной кассовой ленте. Эксперты, установив условия, способствующие совершению подобных преступлений, предложили использовать для изготовления кассовых лент иные сорта бумаги, которые бы затруднили возможность быстрой и не заметной для невооруженного глаза подделки.

Как правило, эксперты дают заключение по тем вопросам, которые поставлены следователем в постановлении о назначении экспертизы. Если следователь поставил перед экспертом вопрос об установлении причин и условий, способствующих совершению преступлений, то он должен предоставить эксперту в числе других материалов дела и материалы о причинах и условиях преступления с тем, чтобы эксперт мог дать заключение, исходя из общих объективных посылок. Эксперт имеет право использовать показания свидетелей, обвиняемых и другие материалы как для обоснования своего заключения, так и для опровержения представленных материалов.

Разрешение экспертом вопросов о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений, не может выходить за пределы его специальных познаний (ст. 78 УПК РСФСР). Многие вопросы следует разрешать с помощью комиссионной, комплексной экспертизы (особенно по делам о нарушениях правил техники безопасности, пожарах и поджогах и т.п.). Если в постановлении следователя о назначении экспертизы не содержатся вопросы о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений, а в ходе экспертного исследования эксперт установил их, он в порядке инициативы может осветить их в своем заключении[42].

В законе должно быть прямо оговорено право эксперта от имени экспертного учреждения самостоятельно информировать заинтересованные органы и должностных лиц о выявленных причинах и условиях, способствующих совершению преступления, с целью их ликвидации; право требовать соответствующих организационных мероприятий по предупреждению преступных проявлений.

Следует расширить перечень ст. 79 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК союзных республик, предусматривающих случаи обя-

[42] См.: В. Ю. Е с т ю к о в. Об экспертной инициативе и формах ее проявления в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Вопросы криминалистической и судебной экспертизы», Душанбе, 1962, стр. 130–137; А. Ш л я х о в. Организация судебной экспертизы на общественных началах. «Советская юстиция», 1962, № 20.

зательного назначения и проведения экспертизы, требованием ее производства для установления причин и условий, способствующих совершению преступлений, когда иным способом их установить невозможно.

В практике своей работы экспертные учреждения даже при отсутствии полного процессуального регламентирования уделяют много внимания изучению причин преступности. Интересные данные были получены работниками Воронежской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы при анализе материалов 148 проведенных экспертиз по делам о хищениях социалистической собственности, совершенных путем подделки документов. Анализ показал, что 27,3 % хищений совершено в потребительской кооперации. 16,1 % – в сельскохозяйственных предприятиях, 23,9 % – в промышленности, 22,7 % – в госторговле и предприятиях общественного питания и пищевой промышленности. Как правило, хищения с использованием поддельных документов совершались должностными лицами, имеющими доступ к бухгалтерским документам, денежным средствам и материальным ценностям. В 21,4 % случаев это были работники счетно-бухгалтерского аппарата, 17,8 % – кладовщики и заведующие складами, 11,6 % – продавцы и заведующие магазинами 16,7 % – заготовители. Подделке подвергались в 20 % случаев накладные, 22 % – платежные ведомости, 16 % – счета-фактуры, 13,6 % – закупочные акты и ведомости, 11 % – расходные кассовые ордера. Объектами хищения в 75 % изученных дел явились денежные средства, 11 % – продовольственные товары, 8 % – промтовары, 6 % – стройматериалы.

Одним из условий, способствующих совершению хищений, является наличие в материально-денежных документах безбуквенной, смешанной транскрипции подписи, которую легко подделывали преступники. Такая подделка была обнаружена в 58 % экспертиз. Вторым условием совершения крупных хищений явилась практика выдачи заготовителям крупных наличных денежных средств для проведения массовых заготовок. *С* целью присвоения находящихся в их распоряжении денежных сумм заготовители при выписке закупочных документов завышали закупочную цену, занижали показатели сорта закупленных продуктов, занимали количество закупленных продуктов и выписывали на создавшиеся таким образом излишки фиктивные закупочные документы. Особенно много таких дел прошло при осуществлении закупок для артелей и предприятий общественного питания.

Заготовитель М., имея поручения от восьми артелей системы Облпромсовета г. Воронежа и ряда колхозов Воронежской области, осуществлял заготовку дров и деловой древесины в леспромхозах Костромской и Горьковской областей. Предприятиями-доверителями ему переводились крупные суммы денег для оплаты расходов на погрузку и подкатку многих тысяч кубометров древесины. Перед бухгалтериями М. отчитывался платежными ведомостями, из которых ведомость на подкатку древесины к фронту погрузки была полностью фиктивной. В ведомостях на погрузку были установлены сотни фактов выплаты денег вымышленным лицам при осуществлении погрузки по договоренности с работниками леспромхозов и железнодорожных станций машинным путем. В результате совершенного преступления М. и его соучастники присвоили более двухсот тысяч рублей общественных средств.

Только введение в денежных документах расшифровки подписей, защитных сеток, бланков строгой отчетности и установление расчетов с индивидуальными сдатчиками, заготовителями через кассы местных отделений госбанка или сельпо, райпотребсоюзов позволит предотвратить многие преступления.

Статьи 179 и 183 УПК РСФСР при производстве осмотра и следственного эксперимента предусматривают *участие специалиста.* В криминалистической литературе вопрос о роли и полномочиях специалиста в проведении ряда следственных действий разработан явно недостаточно и совершенно не исследован вопрос о роли специалиста в доказывании причин преступности.

Прежде всего необходимо отметить, что действующий закон явно ограничивает сферу применения специалиста в следственном и судебном исследовании. Помимо осмотра и эксперимента его участие допускается в получении образцов для сравнительного исследования (ст. 186 УПК РСФСР) и в лице педагога при допросе несовершеннолетних (ст. 159 УПК РСФСР). Соглашаясь с мнением А. И. Винберга и Б. М. Комаринца о нецелесообразности ограничения законом возможности участия специалиста при производстве расследования[43], мы считаем, что специалист по инициативе следователя и как его консультант может принимать участие в следственных осмотрах и экс-

[43] См.: Б. М. К о м а р и н е ц. Работа экспертов-криминалистов в качестве специалистов при проведении следственных действий. «Вопросы криминалистики и судебной экспертизы», Душанбе, 1962, стр. 28–35; А. И. В и н б е р г. Специалист в процессе предварительного следствия. «Социалистическая законность», 1961, № 9, стр. 30.

периментах, выходах с обвиняемым и свидетелями на места происшествия, обысках и выемках, в допросах свидетелей и обвиняемых, в подготовке к экспертизе, при изъятии вещественных доказательств, освидетельствовании.

Исключительно велика роль специалиста в оказании помощи следователю при доказывании им по делу причин и условий, способствующих совершению преступлений. Б. М. Комаринец, определяя задачи специалиста при производстве ряда следственных действий, в их число не включает оказание помощи следователю в доказывании им причин и условий преступления. А между тем при расследовании таких категорий дел, как нарушения правил техники безопасности автотранспортные и воздушные происшествия, пожары и поджоги, хищения, где особенно важно установить конкретные технические стороны происшествия, причины и условия, способствовавшие его совершению, роль специалиста важна и его участие необходимо. Он помогает следователю разобраться в сложной ситуации, обращает внимание на отдельные обстоятельства, имеющие большое доказательственное значение, помогает обосновать и выдвинуть версии о причинах преступления. Помощь следователю со стороны специалиста при проведении перечисленных выше следственных действий поможет также правильно определить их роль и задачи в доказывании причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Круг специалистов, привлекаемых к расследованию, в каждом случае определяется следователем, и он практически не может быть заранее определен или ограничен. Специалист не должен в своих правах уравниваться с экспертами.

Необходимо расширить роль в уголовном процессе специалиста-педагога, особенно в связи с деятельностью по выявлению, изучению и устранению причин преступности несовершеннолетних и по предупреждению ее. В каждом случае привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнего педагог должен по поручению следователя проводить глубокое обследование с помощью специальной анкеты условий, жизни, учебы, работы и быта обвиняемого. Педагог, используя свой богатый жизненный и педагогический опыт, знание детской психологии, сможет дать расследованию глубокий всесторонний анализ явлений жизненной ситуации, объективно или субъективно способствовавших совершению преступлений несовершеннолетними. Много смогут сделать педагоги и при организации массовых социологических обследований при комплексном изучении причин преступности несовершеннолетних по

поручениям следственных органов. На плечи педагогов как специалистов ложится и большая часть работы по предупреждению преступлений несовершеннолетних на основе выявленных причин. Это закономерный, двуединый процесс, обеспечивающий наиболее эффективную постановку работы по предупреждению преступности несовершеннолетних. Вопросы участия специалиста в расследовании преступлений разрабатываются и в криминалистической литературе социалистических стран[44].

Много ценных материалов может быть получено следователем при работе с *вещественными доказательствами и документами.* При доказывании причин, обусловивших преступление, исследованию подлежат письма, жалобы, материалы специальных ревизий и обследований, протоколы производственных совещаний, заседаний общественных организаций, рассматривавших интересующие следствие вопросы, приказы и ведомственные инструкции, правила эксплуатации и обеспечения технической безопасности, материалы детских комнат, товарищеских судов, добровольных народных дружин, административных, наблюдательных комиссий, протоколы собраний коллективов и их общественных организаций, рассматривавших антиобщественные и дисциплинарные проступки членов коллектива, личные дела и листки по учету кадров, приказы, автобиографии, написанные обвиняемым, и т.п. Перечисленные документы позволят с большой объективной достоверностью установить действительные причины и условия возникновения расследуемого преступления.

В практике довольно часто встречаются случаи, когда из корыстных, приятельских и иных побуждений даются хвалебные характеристики обвиняемым и, наоборот, когда человека, совершившего даже незначительное преступление, пытаются очернить, зачеркивая всю его хорошую, полезную деятельность в прошлом. Все это приводит к судебным ошибкам и не способствует осуществлению правосудия. Поэтому все собранные документы, характеризующие личность

[44] В этой связи интересно высказывание криминалиста профессора Эдварда Кноблоха: «При современном состоянии науки в борьбе с преступностью недостаточно успешного вмешательства одних следственных органов, профессиональных криминалистов, но необходимо их тесное сотрудничество с экспертами самых разнообразных научных областей... В стадии розыска сотрудничество врача со следственными органами часто очень важно, и единственно совершенной его организацией могут быть надлежащим образом и полностью исчерпаны все возможности, необходимые для объяснения преступления и установления личности преступника». «Медицинская криминалистика», Прага, 1960, стр. 5–6.

обвиняемого, причины и условия, способствовавшие совершению им преступления, исследуются и проверяются в совокупности с другими материалами уголовного дела. Документы помогают выявить свидетелей, которые могут дать подробные показания (авторы документов, ревизоры, работники общественных организаций и др.).

При расследовании уголовных дел, где в качестве обвиняемых проходят преступники-рецидивисты, в целях правильной оценки их личности и причин, обусловивших совершение ими нового преступления, необходимо составлять по старым уголовным делам обзорные справки и приобщать копии регистрационных материалов к расследуемому уголовному делу. Возможности уголовной регистрации о обобщении причин и условий, способствующих совершению преступлений, особенно в части изучения способов совершения преступлений, огромны. Здесь нужно продумать характер вносимых в регистрационные карточки сведений и возможности их обработки на основе использования электронно-вычислительных машин.

При изучении причин и условий, способствующих совершению так называемых уличных преступлений, хулиганств, грабежей, разбойных нападений, краж, большое значение имеет составление и *заполнение районных оперативных карт*. Этот документ с исключительной наглядностью дает возможность убедиться в том, какие районы, пункты поражены определенными видами преступлений, какие условия этому способствуют (отсутствие освещения, сигнализации, связи, охраны, наличие лесного массива и т.д.). Данные оперативной обстановки, нанесенные на карту, позволяют наиболее целесообразно разрешить вопрос о проведении наиболее эффективных мероприятий (усиление охраны, постов и патрулей наружной службы милиции, добровольных народных дружин, введение сигнализации и т.п.).

В криминалистической литературе уже обращалось внимание на возможность использования *следственного осмотра* в доказывании причин и условий, способствующих совершению преступлений[45]. По таким категориям дел, как расследованне автодорожных происшествий, аварий на железнодорожном и воздушном транспорте, преступных нарушений правил техники безопасности, пожаров и поджогов, осмотр места происшествия уже в самом начале позволяет собрать большой доказательственный материал о причинах и условиях преступления. Отсутствие ограждения у машин и станков, изоляции в

[45] См. сб.: «Осмотр места происшествия», 1960, стр. 15, 53, 56; Н. В. Т е р з и е в. Следственный осмотр места преступления. «Социалистическая законность», 1955, № 3, стр. 49.

электропроводке, недостаточность дневного или искусственного освещения рабочих мест, наличие вредных паров и скопления газов, повышенной температуры при расследовании нарушения правил техники безопасности, отсутствие необходимых предупредительных знаков, неисправность пути, тормозов – вот далеко не полный перечень обстоятельств, с которыми приходится сталкиваться следователю, производящему осмотр с целью установления причин и условий, способствующих совершению преступлений. В 42 % исследованных нами дел осмотр использовался для доказывания причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Осмотром можно обнаружить письма, записи, документы, которые прольют свет на цели, мотивы и причины совершенного преступления. Каждое обстоятельство, по мнению следователя, способствующее совершению преступления, необходимо зафиксировать в протоколе, кино-, фотосъемкой, в планах и схемах, не допуская при этом оценки и выводов, что является задачей расследования в целом по делу.

Аналогичные задачи могут быть поставлены перед таким следственным действием, как выход с обвиняемым или свидетелем на место совершения преступления для проверки их показаний на месте. Возможность проведения такого следственного действия предусматривают УПК Таджикской, Туркменской, Литовской и Латвийской ССР. Необходимо дополнить УПК РСФСР и других союзных республик статьей, предусматривающей возможность проведения этого следственного действия.

Весьма ценные данные о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений, могут быть получены при производстве *следственного эксперимента.* Экспериментом можно воспроизвести и лично наблюдать характер и воздействие ряда условий, облегчивших совершение преступления. В этом его особая ценность. Следственный эксперимент используется как для проверки показаний о причинах и условиях преступления, так и в качестве самостоятельного источника доказывания.

При расследовании хищений на одной из фабрик было установлено, что преступники использовали заниженные производственные планы и занимались выработкой неучтенной продукции из «левого» сырья. Преступники изготовляли большое количество продерочной резины, скрывали ее от учета и сбывали через соучастников в торговой сети. При этом использовалась рабочая сила и производственные мощности предприятия. Учитывая, что заниженный производствен-

ный план явился одним из условий совершения хищения, решено было проверить это обстоятельство с помощью следственного эксперимента. Участники эксперимента – следователь, работники ОБХСС, технический эксперт, понятые в присутствии обвиняемых по делу запустили машины на средний режим технической эксплуатации. Оказалось, что средняя фактическая выработка каждой машины составила 18 000 метров резины, а «плановая» – 12 000 метров.

Проведение эксперимента имеет и предупредительное значение, так как с его помощью можно получить данные и о характере тех мер, которые сделают невозможным совершение преступлений в будущем.

Большие предупредительные возможности имеют *обыск и выемка.* В ряде случаев при установлении обыском орудий преступления, например клише, образцов красок, граверных инструментов, специально подготовленной бумаги по делам о фальшивомонетничестве, большого количества товаров при расследовании спекуляции, делает дальнейшее осуществление преступления невозможным. Кроме того, при производстве обыска и выемки следствие располагает реальной возможностью получить документы, переписку, содержание которых позволяет сделать вывод о причинах и условиях преступления.

Эффективность мероприятий по предупреждению преступности на основе доказывания причин и условий, способствующих совершению преступлений, при производстве предварительного расследования снижается оттого, что следственный аппарат в настоящее время разделен и сосредоточен в различных ведомствах. Споры практических и научных работников о месте следственного аппарата и соотношении дознания и предварительного следствия идут уже более четырех десятилетий и сводятся к следующему: необходимо сохранить существующий порядок деления расследования на дознание и предварительное следствие и сосредоточить предварительное следствие в прокуратуре (М. С. Строгович, Н. Н. Полянский, М. А. Чельцов, Р. Д. Рахунов, Д. С. Карев, И. А. Гельфанд и др.); создать единый следственный аппарат, выделив его из прокуратуры, органов Министерства охраны общественного порядка и Комитета государственной безопасности в самостоятельное учреждение; сосредоточить единый следственный аппарат в системе министерств юстиции союзных республик как учреждений, не зависящих ни от прокуратуры, ни от милиции, ни от суда (А. Я. Грун, С. В. Бородин и др.); создать единый следственный аппарат в системе министерств охраны общественного порядка союзных республик.

Такие предложения выдвигались несколько лет тому назад[46]. Законодательное закрепление получила первая точка зрения. Но жизнь и практика внесли в решение вопроса серьезные коррективы.

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 года «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» и Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 апреля 1963 года «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» разрешен вопрос о создании следственного аппарата в органах Министерства охраны общественного порядка. В настоящее время почти 70 % всех уголовных дел расследуется этим аппаратом. Но такое решение является полумерой.

В настоящее время необходимо создать два параллельно действующих аппарата, сочетающих следственную и оперативную службу в системе Министерства охраны общественного порядка и Комитета государственной безопасности с единым процессуальным режимом расследования и организации прокурорского надзора за расследованием. За прокуратурой необходимо оставить функции надзора.

Возражая против сосредоточения следственного аппарата в прокуратуре, П. И. Стучка писал: «До сих пор предварительное следствие на 9/10 подчинено руководству прокурорского надзора, вследствие чего оно естественно уже превратилось в подсобный орган прокуратуры, как органа обвинения... Если этот недостаток хотят устранить полным (и административно-организационным) подчинением следственного аппарата прокурору, то это явно несбыточная надежда, ибо эта мера лишь усилит односторонне обвинительную тенденцию предварительного следствия»[47].

---

[46] См.: С. А. Голунский. К вопросу о реформе предварительного расследования. «Проблемы социалистического права», 1938, № 4; И. А. Гельфанд. О некоторых вопросах предварительного расследования в общесоюзном уголовно-процессуальном законодательстве. «Ученые записки КГУ», т. 7, вып. 2, 1948; Г. Н. Александров. Насущные вопросы предварительного следствия. «Социалистическая законность», 1954. № 4; М. В. Барсуков. За дальнейшее совершенствование организации и деятельности советской милиции. «Советское государство и право», 1957, № 2; И. Д. Перлов и М. Ю. Рагинский. Назревшие вопросы дознания и предварительного следствия. «Советское государство и право», 1957, № 4; С. П. Митричев. О едином следственном аппарате. «Известия» от 2 июля 1957 г.; М. С. Строгович. О дознании и предварительном следствии и о «едином следственном аппарате». «Социалистическая законность», 1957, № 5.

[47] Тезисы П. И. Стучки о реформе УПК, «Революция права», 1928, № 1, стр. 122.

Остро высказался по данному вопросу Н. В. Крыленко: «В отношении органов ВЧК и ГПУ – наш процесс и наш закон обнаружили совершенно отчетливо противоположную тенденцию в сторону стирания всякой принципиальной грани между дознанием и следствием и замены этих обоих видов одной работы одним общим термином расследование... С точки зрения основной задачи, которую преследует государственная власть, – борьбы с преступностью, следственное производство должно быть построено таким образом, чтобы в максимальной степени облегчить не только будущую задачу суда при рассмотрении вопроса: совершило данное лицо то или другое преступление, – но и с точки зрения вообще предупреждения и пресечения преступлений»[48]. Продолжая свою мысль, Н. В. Крыленко писал: «Секретный розыск на акт первичного расследования, секретно проводимого органами Народного комиссариата внутренних дел; дознание как совокупность первичных действий, производимых по горячим следам органами того же комиссариата уже не секретно, а активно, и предварительное следствие как квалифицированный вид систематически проводимого расследования суть лишь три различных вида единого по своему существу процесса. Такова основная идея, лежащая в основе факта объединения этих трех видов расследования одним термином»[49].

Искусственное разделение следственных аппаратов и самого расследования привело к серьезным недостаткам в борьбе с уголовной преступностью и, особенно, с крупными организованными преступлениями, такими как нарушения правил о валютных операциях, хищениях социалистической собственности в особо крупных размерах, взяточничество; оно привело к необоснованным ограничениям прав участников процесса при производстве дознания.

Практика единоличного расследования уголовных дел в органах прокуратуры имеет существенные недостатки. Расследование в ряде случаев осуществляется неполно, ибо следователь не располагает широким информационным материалом о преступной деятельности обвиняемых в целом или отдельных ее моментах. В связи с этим многие доказательства либо исчезают бесследно, либо проходят мимо внимания следователя. Следователь, как правило, недостаточно осведомлен, особенно в начальный период развертывания

[48] Н. В. К р ы л е н к о. Суд и право СССР. Ч. 1, «Основы судоустройства», М., 1927, стр. 111, 114.

[49] Н. В. К р ы л е н к о. Суд и право в СССР. Ч. 2, «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», М., 1928, стр. 45.

расследования. У него нет возможностей эффективно осуществлять контроль за действиями обвиняемого или подозреваемого. Последние же часто хорошо осведомлены о мероприятиях расследования и делают все возможное, чтобы обречь его в целом или в отдельных эпизодах на провал.

Не решает вопроса и предоставленная законом возможность создания следственных бригад (ст. 129 УПК РСФСР) и постановки заданий органам милиции о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Они превращаются в формальность ввиду того, что большинство следователей прокуратуры не имеет конкретных представлений о возможностях оперативно-розыскной работы. Если же знают о них теоретически, то не представляют возможностей конкретной обстановки, очень мобильной, резко в короткие промежутки времени изменяющейся.

Только при соединении оперативной и следственной работ в едином аппарате вопросы раскрытия преступлений, их пресечения и предупреждения, выявления, изучения и устранения причин преступности будут решаться комплексно, без взаимных обвинений в недостатках, с единой ответственностью руководителя аппарата за состояние дела борьбы с преступностью, с осуществлением надлежащего надзора за производством расследования со стороны прокуроров. Поэтому не случайно в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» говорится, что данная мера необходима в целях усиления борьбы с уголовной преступностью, дальнейшего укрепления социалистической законности и расширения демократических начал советского уголовного судопроизводства.

О. Я. Баев

доктор юридических наук, профессор

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ[1]

Методом «проб и ошибок» человечество пришло к единственно возможной в сколь-либо цивилизованном обществе гуманитарной составляющей уголовного судопроизводства – о применении лишь законных и нравственно допустимых способов и средств выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Уже в середине XIX в. классик французской теории уголовного судопроизводства Фаустен Эли писал: «Лучший вид судопроизводства есть тот, который вернее других ведет к обнаружению истины; но к этому необходимо прибавить: не нарушая ничьих прав и не допуская неисправимой ошибки – неправильного осуждения. Мало еще, чтобы судопроизводство открывало истину, нужно, чтобы оно достигало ее с помощью одних справедливых средств и, стремясь к восстановлению нарушенного права, не нарушало притом других, еще более важных прав. Пытка была в прежние времена весьма действительным средством к открытию истины, но польза, приносимая ею, могла ли препятствовать отмене этого зла? […] Должно ли правосудие для достижения своей цели пользоваться мерами, наиболее притеснительными? Нет; ибо в таком случае оно перестало бы быть правосудием»[2].

«Из принципа правового государства, – пишет уже в наше время известный немецкий криминалист Вернер Бойльке, – и ст. 611 Европейской конвенции (имеется в виду Европейская конвенция о

[1] Геннадий Федорович Горский, 80-летию со дня рождения которого посвящено это издание, имел серьезный опыт практической оперативно-розыскной и следственной работы. И потому далеко не случайно, что основные его публикации в, увы, краткой его научной жизни были посвящены проблемам предупреждения преступлений и оптимизации структуры и деятельности следственного аппарата в нашей стране.

Автор надеется, что данная статья находится в русле идей незабвенной памяти Г. Ф. Горского – научного руководителя его кандидатской диссертации.

[2] Цит. по: *Смолькова И. В*. Великие и выдающиеся, знаменитые и известные личности об уголовном судопроизводстве. М., 2012. С. 21.

© Баев О. Я., 2014

защите прав человека и основных свобод. – *О. Б.*) следует принцип “справедливого процесса”, который вместе с требованием уважения человеческого достоинства устанавливает запрет на достижение правды любой ценой. В отличие от прежних столетий мы более не считаем, что “Цель оправдывает средства”. *Применение силы, обмана и пытки должно быть запрещено и в том случае, когда они могли бы помочь изобличить опасного преступника»*[3] (здесь и далее выделено мной. – *О. Б.*).

Об этом же настойчиво напоминает и современный израильский юрист Аарон Барак: «…Хотя мы и стремимся к истине в судебном процессе, мы не готовы достигать истины, принося в жертву человеческое достоинство. *Нанося обвиняемому жестокие удары, можно получить от него правдивое признание, но демократическое общество уже может сделать выбор в пользу освобождения такого обвиняемого, чтобы не поощрять насилия против него и других, находящихся в подобном положении»*[4].

Именно поэтому один из основополагающих принципов российского уголовного судопроизводства гласит:

1. В ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья.

2. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению (ст. 9 УПК РФ).

Тем не менее…

А. С. Александров приводит следующие весьма впечатляющие данные проведенного им (с рядом своих коллег) опроса сотрудников оперативных аппаратов.

17,4 % опрошенных сообщили, что применяют в своей работе физическое насилие к подозреваемым, обвиняемым в совершении преступления, с целью получения от них информации; 28,8 % – с той же целью применяют психическое насилие (обман, ложные обещания, запугивание). Объективность этих данных подтверждается тем, что они в целом коррелируются с результатами анкети-

[3] *Бойльке Вернер*. Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск, 2004. С. 89.

[4] *Барак А*. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 350.

рования Е. А. Авдеевой 150 осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, 66,3 % из которых сообщили, что на них в ходе предварительного расследования оказывалось неправомерное воздействие с целью получения показаний[5].

Проанализировав результаты своего исследования, А. С. Александров делает присущий стилю его многих публикаций эпатажный вывод: «Пытка есть элемент культуры (искусства) уголовного судопроизводства в современной России». И хотя такой вывод делается автором в сатирической зарисовке[6], но, как известно, «в каждой шутке есть доля шутки»…

Увы, если на карте России пометить цветом места (города, районы), в которых, согласно сообщениям СМИ, в последние годы выявлены факты полицейских пыток[7], она будет выглядеть как штабная схема боевых действий полиции против населения, безопасность которого она призвана обеспечивать.

Именно поэтому при изучении любых (уголовно-правовых, криминалистических и т.д.) проблем принуждения к даче показаний в уголовном судопроизводстве на первый план выходит создание обоснованной системы действенных средств и методов предупреждения (специальной превенции) этого феномена.

Небольшая, но представляющаяся необходимой оговорка.

По нашему пониманию науки криминалистики, в ее предметную область создание указанных средств и методов не входит. Изучение причин преступлений и конструирование средств и методов их предупреждения, в том числе предупреждения преступлений отдельных видов, есть предметная область не криминалистики, а самостоятельной науки – криминологии[8].

Средства и методы пресечения и предотвращения преступлений в силу специфики таковых и реализации их вне рамок уголовного судопроизводства также изучаются и разрабатываются не криминалистикой, а иной научной дисциплиной – теорией оперативно-розыскной деятельности. Сказанное, отнюдь, не означает, что криминология и теория оперативно-розыскной деятельности не используют в своих исследованиях наработки науки криминалистики, как и не вызывает сомнений, что криминалистика, в свою очередь, активно использует и интерпретирует в своих целях, в частности при создании методик расследования преступлений отдельных видов, достижения названных научных дисциплин[9].

[5] См.: *Авдеева Е. А.* Принуждение к даче показаний. Причины и меры предупреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 14.

[6] См.: *Александров А. С.* Пытка как реальность современного уголовного судопроизводства : (сатирическая зарисовка) // Практическое законоискусство. 2008. № 1. С. 29.

[7] Москва, Оренбург, Уфа, Казань, Кемерово, Владимир, Воронеж, Петербург… – практически везде…

[8] Поэтому далеко не случайно, что подавляющее большинство известных нам монографий и диссертационных работ по проблемам предупреждения принуждения к даче показаний выполнены не криминалистами, а специалистами в области уголовного права и криминологии.

В то же время смелость предложить сколь-либо «революционную» и теоретически обоснованную систему конкретных средств и методов предупреждения принуждения к даче показаний, видимо, в настоящее время никто на себя взять не в состоянии – ни криминалисты, ни представители других названных выше научных направлений. А потому лишь обозначим и, как представляется, несколько углубим ряд в целом традиционных направлений специальной превенции этого вида преступлений, большинство из которых неоднократно исследовались в литературе (чаще всего, увы, чисто в ригористическом плане).

Сразу обратим внимание, что все эти направления превенции взаимосвязаны и взаимообусловлены, содержат в себе системы соответствующих нормативно-правовых и организационно-управленческих средств, методов предупреждения и предотвращения принуждения к даче показаний и рекомендаций по их реализации.

Так, к нормативно-правовым средствам мы относим следующие.

А. Дальнейшее совершенствование уголовного закона, криминализирующего различные виды и формы принуждения к даче показаний (ряд необходимых, на наш взгляд, в этом отношении корректив Уголовного кодекса обоснован и сформулирован выше).

Б. Обеспечение неукоснительного соблюдения уголовно-процессуальных положений о том, что каждому лицу с момента его фактического задержания либо в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, должно быть разъяснено его право не свидетельствовать против самого

[9] Об этом подробнее см.: *Баев О. Я.* Основы криминалистики. 3-е изд. М., 2009 ; *Его же*. Методические основы и типовые программы расследования принуждения к даче показаний. М., 2013.

себя, своего супруга и близких родственников. Эти лица, как установлено внесенными в ст. 144 УПК Федеральным законом от 4 марта 2013 г. изменениями, имеют право пользоваться и помощью адвоката.

Невыполнение данных требований Уголовно-процессуального закона – гласит постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. – «влечет признание объяснений лица, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, а также показаний указанных лиц полученными с нарушением закона»[10]. Иными словами, любое объяснение и/или показание такого лица, полученное как на стадии доследственной проверки заявления/сообщения о преступлении, так и в процессе расследования уголовных дел, должно в преамбуле к нему содержать подписанное данным лицом уведомление о разъяснении ему его установленных прав.

Думается, соблюдение данной рекомендации сотрудниками дознания и предварительного следствия (которая, на наш взгляд, должна быть дополнительно закреплена в соответствующем нормативном акте) является особенно важным и целесообразным. Во-первых, это позволит данным лицам в необходимых, по их соображениям, случаях воспользоваться своими правами, что, в свою очередь, может выступить предупредительной мерой, если не исключающей, то существенно снижающей вероятность их принуждения к даче показаний. Во-вторых, эта рекомендация не менее значима для оценки достоверности заявлений лица о том, что в отношении него такое принуждение оказывалось; как известно (и об этом также говорилось ранее), определенная часть таких заявлений носит заведомо ложный характер.

В. Нормативное изменение критериев оценки деятельности правоохранительных органов в отношении выявления, раскрытия и расследования преступлений.

На основе целенаправленного и углубленного изучения отечественной правоприменительной практики, анализа международного опыта в этом отношении формируется вывод, что создание системы

[10] О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2013 г. № 9 // Рос. газета. 2013. 24 апр.

таких критериев, снижающих значимость подобной – основной в настоящее время! – мотивации принуждения к даче показаний, видимо, возможно (чуть ниже об этой проблеме скажем подробнее).

Г. Нормативно-правовое обеспечение неотложного и объективного расследования (проверки) каждого заявления о принуждении к даче показаний, безотносительно от процессуального статуса заявителя о принуждении его к даче показаний, будь это обвиняемый/подозреваемый в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, потерпевший от него или, наконец, свидетель по уголовному делу/проверочному материалу (а также представитель и законный представитель этого лица).

Неотвратимость наказания за каждый факт принуждения к даче показаний, неукоснительное привлечение каждого должностного лица, изобличенного в принуждении к даче показаний, к уголовной ответственности, явится серьезным «сдерживающим» фактором для подобного поведения со стороны других сотрудников этих органов. При этом, думается, существенное значение в рассматриваемом здесь отношении будет иметь назначение подсудимому соответствующего степени его вины в принуждении к даче показаний наказания, по нашему убеждению, более строгого, чем то, которое, как показывает судебная практика, до последнего времени применяется по таким делам.

Сопрягаться это должно с широким освещением подобных приговоров в СМИ в целом и в среде правоохранителей в частности (например, посредством специального обсуждения каждого такого приговора, независимо от региона, в котором он постановлен, на оперативных совещаниях в правоохранительных органах).

Основными *организационно-управленческими направлениями* специальной превенции принуждения к даче показаний, по нашему мнению, являются следующие.

А. Повышение требований к личностным социально-психологическим, нравственным и интеллектуальным качествам лиц, зачисляемых на службу в правоохранительные органы и проходящих в них службу, связанную с выявлением, раскрытием и расследованием преступлений.

В этом отношении особого внимания, на наш взгляд, заслуживают проблемы психолого-психиатрической реабилитации сотрудников правоохранительных органов, определенное время

служивших в «горячих точках», а потому принимавших участие в вооруженных конфликтах. Как показывают материалы изученных уголовных дел, именно эти лица, более чем другие сотрудники полиции, склонны к применению физического насилия в процессе принуждения потерпевших к даче показаний.

Б. Качественное изменение профессиональной подготовки (и периодической переподготовки) сотрудников органов уголовного преследования (лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и расследующих преступления). При этом особую значимость имеет не только углубленное изучение допустимости использования конкретных тактических методов, средств и приемов оперативно-розыскной деятельности и тактики производства следственных действий (соответственно) как таковых в целом. С прагматических позиций, как представляется, главным здесь является то, чтобы обучающиеся осознанно «впитали в себя» как минимум два следующих тезиса, «прониклись», так сказать, их содержанием.

Тезис первый. Преступление может считаться раскрытым, а предварительное расследование успешно завершенным лишь тогда, когда виновность признавшегося в его совершении лица достоверно и объективно подтверждена достаточной совокупностью изобличающих его доказательств.

Приведем пример из практики.

В 1982 г. была изнасилована и убита 11-летняя Лена М.

В 1988 г. за совершение ряда убийств по сексуальным мотивам был задержан Фефилов, который признал себя виновным и в убийстве Лены М., совершенном 6 лет тому назад.

Проверка объективности показаний Фефилова о совершении этого убийства именно им включила в себя следующее:

– проверка показаний подозреваемого на месте происшествия показала, что указанные им место сокрытия трупа М. и его поза полностью соответствовали тем параметрам, что отражены в протоколе осмотра, произведенного в 1982 г.;

– при осмотре туалета, куда он, по его словам, выбросил школьный портфель потерпевшей, он был обнаружен и опознан родителями девочки;

– пенал, который, по его показаниям, он вытащил из этого портфеля и принес домой для своих детей, шесть лет спустя был изъят при обыске квартиры Фефилова; внутри него на подкладке обнаружили написанную фамилию потерпевшей М. – владелицы пенала;

– жена и дочь Фефилова подтвердили, что он принес этот пенал домой в 1982 г. и отмывал его от имевшихся на нем записей;

– мать потерпевшей опознала данный пенал как принадлежащий ее погибшей дочери;

– почерковедческая экспертиза установила, что фамилия М. на подкладке пенала и некоторые другие имевшиеся на нем записи выполнены рукой потерпевшей Лены М.

Очевидно, что при таких обстоятельствах объективность показаний Фефилова о совершенном им убийстве М. сомнений вызвать не может.

Мы привели этот пример не только как успешный (можно сказать, классический) случай объективизации признательных показаний убийцы, полученных спустя столь длительное время после совершения им преступления.

Дело в другом – трагическом факте.

В 1982 г. через несколько дней после убийства М., в результате принуждения к даче показаний, оказанного сотрудниками оперативно-розыскной службы, в совершении этого преступления признал себя виновным некий Хабаров.

Несмотря на то, что его объяснения по делу были крайне противоречивы, свидетельствовали об отсутствии у него виновной осведомленности о существенных обстоятельствах преступления, в 1983 г. за убийство Лены М. Свердловским областным судом Хабаров был приговорен к смертной казни.

В 1984 г. приговор приведен в исполнение[11]…

Любые «признательные» показания представляют собой доказательственную ценность лишь в одном своем уникальном качестве – как источник получения других доказательств (как в приведенном примере); в любом ином случае их доказательственная значимость ничтожна. А потому само по себе получение от лица «признания» в совершении преступления, тем более путем применения с этой целью противозаконных средств и методов, в связи с этим просто нецелесообразно по рациональным, праксеологическим причинам.

Конечно же, будем реалистами, посредством принуждения, зачастую (и об этом уже говорилось выше), от подвергающегося такому воздействию лица, действительно совершившего выявляемое, раскрываемое и расследуемое преступление (или причастного к нему), получаются показания достоверные. Заметим, что это

[11] См.: *Китаев Н. Н.* Неправосудные приговоры к смертной казни. Системный анализ допущенных ошибок. Иркутск, 2001. С. 31–44, 131–200.

наиболее характерно для ситуаций, когда в отношении потерпевшего к началу процесса принуждения его к даче показаний имеются достаточно серьезные оперативно-розыскные данные или некие доказательства о совершении/причастности этого лица к данному преступлению. Более того, такие «признательные» показания впоследствии могут быть подтверждены другими сформированными на основе их доказательствами.

Но…

Тезис второй. Одними из самых действенных средств специальной превенции принуждения к даче показаний со стороны сотрудников правоохранительных органов должны стать кардинальное изменение критериев оценки их деятельности, уход от ее оценки «в палочном выражении», а следовательно, изменение мотивации для совершения этих действий. Изучение с этой целью следственной, судебной и адвокатской практики позволило вычленить ряд мотивов принуждения к даче показаний со стороны субъектов данных преступлений (чаще всего, осуществляемого сотрудниками оперативно-розыскных подразделений). Основным из таких мотивов, без сомнений, является *желание в краткие сроки отчитаться за раскрытие и расследование совершенного преступления.* Такая мотивация принуждения к даче показаний для субъекта этого деяния особенно значима, когда преступление является насильственным, носит особо дерзкий и циничный характер либо приобрело широкий общественный резонанс.

Однако далеко не во всех случаях принуждения к даче показаний мотивация действий учиняющего эти действия лица (далее для краткости будем именовать его субъектом принуждения) столь «линейно карьерна»; зачастую им движет искреннее желание изобличить человека, который, по глубокому внутреннему убеждению данного сотрудника, и совершил расследуемое или выявляемое преступление. А потому неслучайно, что в качестве наиболее распространенных причин использования пыток в современной оперативно-розыскной практике опрошенные А. С. Александровым сотрудники указали: 1) отсутствие иной возможности раскрытия преступления; 2) дерзость, наглость преступников; 3) стремление установить истину по делу; 4) необходимость проверки «оперативной» информации[12].

[12] См.: *Александров А. С.* Указ. соч.

Имеется записка, которую ее автор тайно передал оговоренному им в соучастии в совершении кражи лицу (оба они содержались в одном следственном изоляторе); стиль и орфография записки сохранены:

«Здарова Дядя Юра! Не знаю помниш ты меня или нет я у тебя работал. Меня вывезли из зоны по вашему делу суда повсему, а также по моему. Комне в зону приезжали опера хотели чтобы я против тебя дал какиета показания я отказался, затем меня вывезли сюда и начались поездки в отдел там меня избивали но сельней всего на меня подействовал электра ток, меня били током и я невыдержал и подписал что хочет следователь с операми – что ты был сомной при кражи и совершили ее вместе. Меня вывозили в лес угрожали закинуть к петухам я не хотел чтобы так получилось, но они меня заставили. Я не знаю что былобы со мной еслиб я отказался они обещали создать мне очень плохие условия для меня в зоне Мне пришлось на тебя наговорить и окливетать.

Видит Бог я нехотел!

Прошу не держи на меня зла меня заставили».

Можно также предположить, что распространенность таких противоправных деяний со стороны сотрудников уголовного розыска в некоторой (и достаточно серьезной) степени обусловливается и спецификой контингента лиц, с которыми они «работают», взаимодействуют при раскрытии подобных преступлений. Это же зачастую влечет за собой негативные изменения в социально-психологических качествах этих правоохранителей (в соответствующей литературе, как известно, именуемые признаками «профессиональной деформацией).

В отношении сотрудников оперативно-розыскных служб, занимающихся борьбой с экономическими и коррупционными преступлениями, этот мотив, как правило, несколько модифицируется в *желание улучшить количественные показатели своей деятельности.* Обусловливается эта трансформация тем, что, как известно, основными критериями оценки деятельности органов БЭП, в отличие от сотрудников уголовного розыска, является не количество раскрытых, а выявленных преступлений.

Но не только сама по себе «палочная» система оценки качества их работы в целом является одной из основных широко известной причиной принуждения лиц к даче показаний со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Не меньшую, а может быть и большую опасность в этом отношении представляет планирование требуемого количества выявленных и раскрытых преступлений на определенный отчетный временной период, тенденция, несмотря на постоянную ее критику, увы, для этой системы «вечная».

Приведем иллюстрирующий сказанное выше пример из следственно-судебной практики.

Признаваясь в ложном оговоре директора колледжа в даче ему взятки, частный предприниматель Н. пояснил в суде, что сотрудники БЭП, выявив ряд допущенных им правонарушений, поставили перед ним в качестве условия освобождения за них от ответственности сообщение, кому он давал взятки. Он был вынужден назвать несколько лиц из числа служащих органов самоуправления, которым он, действительно, давал взятки.

Однако «работавший» с ним оперативный сотрудник пояснил, что эти взяточники ему в настоящее время неинтересны, ему «по плану» нужно выявить взяточника в системе образования.

Именно поэтому он и написал заявление о даче взятки директору колледжа, в которой поступала год назад его дочь, тогда как на самом деле фамилию этого человека он только слышал, но никогда его не видел.

Этот случай выглядит, как цинично это не звучит, достаточно «безобидным»…, если бы не его последствия, обычные, увы, для подобных ситуаций (по данному делу в виде задержания директора данного учебного заведения в качестве подозреваемого с последующим обращением следователя в суд об избрании ему меры пресечения в виде содержания под стражей суд ходатайство следователя отклонил, обвиняемому была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде).

Впоследствии в связи с отказом прокурора от обвинения данное уголовное дело судом было прекращено.

Эта же мотивация принуждения к даче показаний в отдельных случаях может трансформироваться в совершении соответствующих противоправных действий, имеющих, однако, противоположную направленность – сокрытие преступления для улучшения показателей их раскрываемости.

К примеру, начальник криминальной милиции одного из РОВД Республики Марий Эл Кугергин признан судом виновным в том, что он для улучшения данных о раскрываемости требовал от потерпевшего по уголовному делу о совершенном в отношении него грабеже отказаться от

своих показаний и сообщить, что преступления не было. С этой целью он угрожал потерпевшему применением насилия, привлечением к уголовной ответственности и лишением свободы[13].

Мы убеждены, что именно «палочная» система отчетности в системе правоохранительной деятельности в области борьбы с преступностью является уголовно-основной причиной существующего феномена принуждения к даче показаний, выступая для субъектов этого преступления в качестве мотива их совершения, вплоть до настоящего времени.

В то же время будем откровенны, иные дееспособные критерии оценки качества работы данного вида деятельности, если и существуют, то, во всяком случае, таковые нам не известны. И не только нам. «Готового и тем более исчерпывающего ответа на этот вопрос (о критериях оценки качества работы правоохранительных органов, в первую очередь органов внутренних дел. – *О. Б.*), признается Уполномоченный по правам человека в РФ В. Лукин, – у Уполномоченного нет»[14].

Но, как и любая достаточно очевидная, лежащая на поверхности, версия, рассмотренный выше мотив противоправных принуждений к даче показаний не охватывает, да и не может охватить, весь спектр их возможной социально-психологической мотивации. Так, вполне обоснованным представляется предположение автора приведенных выше результатов социологического опроса о том, что, «если через “судебную драму” общество лечит свои неврозы, то манипуляции с телами, которые так характерны для расследования, не могут не порождать желание, имеющее сексуальную природу, у тех, кто соприкасается непосредственно с обвиняемыми»[15].

Более осторожно, но, по сути, подтверждая это предположение, пишет и имеющий многолетний криминалистический опыт А. Н. Халиков, именующий этот мотив «инструментально-ситуационным». По его мнению, принуждение в этих случаях стимулируется личностными психологическими установками следователей и оперативных сотрудников: «В этом случае, как правило, приме-

[13] URL: http://police-russia.info/index.php/2011/12/19/v-marij-el-ogranichili-svobodu-nachaln

[14] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год // Рос. газета. 2010. 20 мая. С. 22.

[15] *Александров А. С.* Указ. соч.

нение насилия начинается для достижения “оперативных” или “процессуальных” целей, а завершается насилием ради удовлетворения собственных садистских наклонностей, иными словами, начинается собственный “азарт”»[16].

Сотрудники правоохранительных органов, речь о подготовке и переподготовке которых здесь ведется, должны четко себе представлять, что нижней, «предельной» границей допустимости применения любого воздействия на лицо, в том числе и с целью получения от него «признательных» показаний, являются диспозиции норм уголовного закона в рассматриваемых случаях ст. 286 и 302 УК. И потому достижение ими даже такой «благой», социально одобряемой цели, как выявление, раскрытие и расследование ими преступлений, не может «окупить» реальную угрозу наступления для применяющих эти средства сотрудников правоохранительных органов уголовной за то ответственности.

Автор был свидетелем беседы одного умудренного опытом оперативного сотрудника полиции, который увещал своих излишне «активных» молодых коллег, что «еще ни одного опера не увольняли за плохую раскрываемость (преступлений), а многие из оперов за такие действия (избиение допрашиваемых) на нарах парятся, на шконках сидят»…

Как цинично не выглядит такое объяснение (ни слова о каком-либо гуманизме и этике!), с прагматических позиций оно имеет воспитательное значение; осознание сказанного, как представляется, может заставить оперативного сотрудника задуматься о целесообразности личного для него применения противоправных методов получения «признательных» показаний.

В. Создание организационно-технических условий, если не полностью исключающих, то существенно снижающих возможность принуждения к даче показаний и фальсификации основанных на них доказательств.

На данном направлении специальной превенции принуждения к даче показаний, носящем сугубо прагматический характер, также необходимо остановиться более подробно.

В настоящее время проверка причастности лиц, подозреваемых или заподозренных, к совершению преступления, осуществляется оперативными сотрудниками органов дознания и следователями сугубо инициативно и только по своим планам (в отдельных случаях, между ними согласуемыми). Поэтому средства, ими применяемые для раскрытия и расследования преступления, в том числе, возможно, носящие характер принуждения к даче показаний, практически никем не контролируются (методика расследования процесса и результатов такой «вседозволенности» и есть тема проведенного нами исследования). Они же избирают и места бесед с этими лицами, получения от них объяснений и показаний (о чем говорилось выше; чаще всего эти действия осуществляются оперативными сотрудниками в их служебных кабинетах).

Для предупреждения принуждения к даче показаний представляется актуальным и насущно необходимым создание во всех следственных, особенно оперативно-розыскных подразделениях, специальных кабинетов, в которых возможна лишь «работа» с лицами, задержанными по подозрению в совершении выявляемого, раскрываемого и расследуемого преступления либо заподозренных в причастности к нему. Эти кабинеты должны быть оборудованы средствами аудио- видеоконтроля, позволяющими непрерывно фиксировать весь процесс беседы сотрудника со своим «клиентом», обстановку его допроса.

Как можно судить по сообщениям СМИ, в ряде стран, возникших на постсоветском пространстве, в полицейских участках принят формат open space – открытого окна, – в соответствии с которым все сотрудники полиции беседуют с приглашаемыми ими лицами в кабинетах, разделенных между собой стеклянными перегородками. Несомненно, такое организационное устройство является серьезным средством недопущения неправомерного воздействия на допрашиваемого. А потому, думается, есть смысл распространить подробно практику и в отечественных правоохранительных органах.

Позволим высказать и более радикальное предложение: думается, целесообразно в неком правовом акте (может быть, даже в ст. 75 УПК) закрепить положение о том, что любые объяснения, «явки с повинной», показания, данные подозреваемым/заподозренным вне стен подобных помещений, должны признаваться недопустимыми для использования в процессе доказывания a priori.

[16] *Халиков А. Н.* Криминалистический анализ, проводимый при выявлении должностных насильственных преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. Вып. 1 (6). С. 297.

Целесообразным будет и обязательная «гласная» фиксация камерами наружного видеонаблюдения момента (времени) прибытия любого лица (задержанного, доставленного, прибывшего по вызову) в здание соответствующего правоохранительного органа и его убытия из этого здания (если же, конечно, этот человек не будет задержан; время задержания можно будет проверить по соответствующему протоколу).

Автор совершенно отчетливо, без всяких на то излишних иллюзий, отдает себе отчет в том, что данные предложения (многие из них давно реализованы в ряде зарубежных стран) вряд ли явятся панацеей от всех ситуаций принуждения к даче показаний. Но все-таки в некоторой степени могут снизить его вероятность.

Кроме того, принятие предлагаемых правовых и организационно-управленческих мер во многом исключит достаточно широко распространенные, «штатные» ложные утверждения лиц, отказавшихся от своих ранее данных «признательных» показаний, о том, что таковые давались в результате противоправного воздействия на них со стороны сотрудников органов дознания или следователя. Особо напомним: заведомо ложный характер такого заявления может быть установлен не иначе, как в результате объективного его расследования, осуществленного не зависимым от оговариваемых в заявлении сотрудников правоохранительных органов должностным лицом.

И здесь в контексте изучаемых проблем необходимо еще одно краткое отступление.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В. Лукин считает необходимым, чтобы доказывание факта незаконного применения насилия осуществлялось не в уголовном, а в гражданском процессе, «где ответчиком выступал бы тот государственный орган, в штате которого состоит нарушившее закон должностное лицо». С одной стороны, реализация этого положения, по мнению Уполномоченного, «позволила бы обеспечить соблюдение презумпции невиновности упомянутого должностного лица», а с другой – «освободила бы пострадавшего от бремени доказывания». «Главное же в том, что в предложенной новой системе координат насилие как метод дознания и следствия потеряло бы всякий практический смысл».

Увы, нам этот вывод представляется излишне оптимистичным. Как минимум потому, что в настоящее время (воспользуемся словами председателя Московского городского суда О. А. Егоровой, приведенными в заявлении Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. Лукина в 2009 г.):

«…Если в суд представлен только составленный протокол, то мы верим документу. Когда слово милиционера против слова водителя, мы верим милиционеру»[17] (выделено мной. – *О. Б.*).

Хотя, как видим, это «признание» одного из наиболее квалифицированных судей относится к рассмотрению судами административных правонарушений, в настоящее время оно – будем реалистами – всецело может быть экстраполировано и на проверку заявлений о принуждении к даче показаний, если бы оно осуществлялось в порядке гражданского судопроизводства.

Без полноценного и, подчеркнем, объективного предварительного расследования, с использованием всего присущего ему арсенала уголовно-процессуальных и криминалистических средств, достоверное установление факта принуждения к даче показаний, изобличение учинивших его сотрудников правоохранительных органов, по глубокому нашему убеждению, невозможны, а потому невозможна целенаправленная с этих позиций специальная превенция принуждения к даче показаний.

[17] См.: Рос. газета. 2009. 21 окт.

В. П. Корж

доктор юридических наук, профессор

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Раскрытие и предупреждение преступлений не является приоритетным направлением деятельности следственных и оперативных органов в соответствии с положениями нового УПК Украины. Процессуальные нормы не регламентируют установление таких обстоятельств, которые подлежат доказыванию, например выявление следователем, прокурором, органом дознания причин и условий, способствующих совершению преступлений в ходе его расследования. Полагаем, что исключение из УПК понятий «раскрытие» и «предупреждение» преступления, иные просчеты создали барьеры, препятствующие выполнению задач уголовного процесса и реализации его принципов. В связи с этим актуальным для науки криминалистики и практики становится криминалистическое учение о профилактике преступлений.

Задачу предупреждения преступлений в предмет криминалистики впервые ввел И. Н. Якимов[1]. Впоследствии в разные периоды она разрабатывалась многими криминалистами[2]. Следует согласиться с В. П. Колмаковым в том, что объектом изучения криминалистики как юридической науки являются преступления, замышляемые, готовящиеся, начавшиеся и совершаемые. Но криминалистика изучает их с позиции предотвращения и раскрытия,

[1] См.: *Якимов И. Н.* Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. С. 3.

[2] См.: *Колмаков В. П.* Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Сов. государство и право. 1961. № 12. С. 106 – 107 ; *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997. С. 112 ; *Зудин В. Ф.* Криминалистическая профилактика преступлений (концепция, принципы, средства реализации). Воронеж, 1995 ; *Лопушанский Ф. А.* Следственная профилактика преступлений. Опыт, проблемы, решения. Киев, 1980 ; и др.

© Корж В. П., 2014

что достигается посредством разрабатываемых и рекомендуемых ею научных методов[3].

В то же время высказывались и противоположные мнения. В частности, И. Ф. Пантелеев считал, что деятельность по предупреждению преступлений не является предметом криминалистики[4].

Резюмируя различные научные взгляды, мы поддерживаем точку зрения большинства криминалистов о том, что предупреждение преступлений относится к предмету криминалистики и выступает видом криминалистической деятельности. Криминалистическая профилактика, будучи частью юридической профилактики, представляет собой целенаправленную систему криминалистических средств, приемов и методов профилактического характера. В методике расследования отдельных видов преступлений она является ее структурным элементом.

В литературе ведется дискуссия о предмете криминалистической профилактики. В частности, В. А. Ледащев в предмет криминалистической профилактики включает закономерности образования, обнаружения и исследования следов проявления криминогенных обстоятельств при подготовке, совершении и сокрытии отдельных видов преступлений; технико-криминалистические средства защиты объектов от преступных посягательств, способствующие обнаружению и пресечению преступлений, а также используемые в целях получения, накопления и выдачи информации об орудиях и средствах, используемых при совершении преступлений, и лицах, склонных к их совершению; технико-криминалистические средства, приемы и методы обнаружения, фиксации и исследования криминогенных обстоятельств; тактические приемы и средства наиболее эффективного выявления и устранения криминогенных обстоятельств, а также предотвращения и пресечения преступлений; криминалистические методы или системы приемов выявления и устранения причин и условий совершения преступлений, а также пресечения и предупреждения преступлений[5].

[3] См.: *Колмаков В. П.* Введение в курс науки советской криминалистики. Одесса, 1973. С. 6

[4] См.: *Пантелеев И. Ф.* Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980. С. 13.

[5] См.: *Ледащев В. А.* О предмете криминалистической профилактики // Известия вузов. Правоведение. 1984. № 6. С. 57–58.

Н. П. Яблоков, исследуя предмет криминалистическо-профилактической деятельности, выделил три ее основных направления: 1) разработка и совершенствование приемов и методов выявления причин преступлений и способствующих им условий с учетом их криминологических и криминалистических особенностей; 2) выделение в каждом случае расследования объектов криминалистическо-профилактического изучения и соответствующего воздействия в рамках расследования и вне его; 3) выявление, исследование особенностей типовых следственных ситуаций профилактического характера, складывающихся при расследовании, и их правильная оценка[6].

По нашему мнению, представляет интерес суждение В. Ф. Зудина, который рассматривает предмет криминалистической профилактики как систему организационных, процессуально-тактических, методических положений, приемов и средств собирания, исследования, оценки и использования фактических данных о причинах и условиях, способствующих совершению преступления[7]. Для теории и практики криминалистики большое значение имеет формулирование частной теории криминалистической науки – теории криминалистической профилактики[8].

В криминалистике профилактическая деятельность связана с выявлением причин и условий, объектов криминалистическо-профилактического воздействия, а также с разработкой и применением специфических профилактических мер, затрудняющих совершение новых аналогичных преступлений, и пресечением или прерыванием преступной деятельности конкретных лиц. Указанная деятельность делится на два вида: следственную профилактику и экспертно-криминалистическую.

Средства и методы криминалистической профилактики экономических преступлений, совершаемых организованной преступной группой (ОПГ), находят четкое выражение в нормах уголовно-процессуального закона, закрепляющих собирание, исследование, оценку и использование доказательств в процессуально-тактическом аспекте, расследование преступлений, производство не-

[6] См.: *Яблоков Н. П.* Криминалистика : учеб. для вузов. М., 2000. С. 65.

[7] См.: *Зудин В. Ф.* Указ. соч. С. 46.

[8] См.: Криминалистика / под ред. В. Е. Корухова. М., 2000. С. 764–766 ; *Зудин В. Ф.* Указ. соч. С. 52–54 ; *Ледащев В. А.* Указ. соч. С. 57–58.

отложных и последующих следственных действий, выяснение и устранение причин и условий, способствовавших формированию ОПГ в сфере экономики и совершению ее членами преступлений.

В то же время следует отметить, что более или менее реальными, относительно эффективными являются организационно-правовые меры, в частности ситуативные меры предупредительного организационно-правового характера, направленные на среду потенциальных преступников, это меры:

– повышающие трудности при создании (формировании) организованных преступных образований в сфере экономики;

– повышающие риск при подготовке, совершении и сокрытии следов экономических организованных преступлений;

– повышающие трудности при легализации денежных средств, иного имущества, приобретенных преступным путем;

– повышающие риск совершения организованно-коррумпированных экономических преступлений;

– снижающие выгодность от организованной преступной деятельности;

– и иные.

Важное место в предупреждении преступности занимают уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные, фискально-финансовые, оперативно-розыскные, криминалистические и другие меры профилактического воздействия.

К числу важных и основных задач следственной профилактики следует относить: своевременное выявление и раскрытие экономических преступлений, совершаемых ОПГ, специфическими криминалистическими методами и средствами; оперативное расследование указанных преступлений и изобличение организаторов, всех участников организованной группы, преступной организации, сообщества, виновных в совершении экономического преступления, при использовании тактических приемов, научно-технических средств, более усовершенствованных методов расследования; выявление причин и условий, способствующих созданию (формированию) организованных преступных образований в сфере экономической деятельности, их функционированию, развитию и совершенствованию ими экономических преступлений, а также принятие мер по их устранению (нейтрализации); «выявление и исследование особенностей типичных следственных ситуаций

профилактического характера, складывающихся при расследовании. Выработка на их основе главных направлений криминалистической деятельности по предупреждению преступлений»[9].

Криминалистическо-профилактическая ситуация – это многофакторная система обстоятельств, сложившихся в момент обнаружения, раскрытия и расследования конкретного преступления или судебного разбирательства по нему[10].

Выявление причин создания организованного преступного образования в сферах и отраслях экономики и благоприятной обстановки для его функционирования, развития и совершения экономического преступления – первый и довольно сложный этап профилактической деятельности следователя. И реализуется он с учетом знаний следователем криминалистической характеристики указанных преступлений, ее основных элементов, способов создания (формирования) организованных групп, преступных организаций, сообществ в сферах и отраслях экономики; признаков организованного преступного образования корыстно-хозяйственной направленности, технологии коррумпированных связей; криминальной технологии экономических преступлений, времени и места, условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку для преступного бизнеса в экономической сфере; особенностей личностных свойств организатора и ролевых функций членов организованного преступного образования; способов легализации доходов, полученных преступным путем. Следователь осуществляет профилактическую деятельность следственным путем, а также путем логических приемов мышления, моделирования, аналитическим методом и др.

По исследуемой категории дел профилактическая деятельность следователя, с учетом конкретной ситуации, осуществляется при проведении доследственной проверки на начальном этапе расследования и ведется на всем его протяжении до окончания расследования. Криминалистические методы следственной профилактики должны быть всегда направлены на пресечение начавшегося преступления в сфере экономической деятельности, совершаемого ОПГ, или предупреждение готовящегося либо возможного нового преступления.

[9] Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М., 2000. С. 110.

[10] См.: *Зудин В. Ф.* Указ. соч. С. 56.

Мы согласны с Н. П. Яблоковым в том, что средства профилактической деятельности следователя целесообразно разделить на две группы: 1) действия, проводимые непосредственно самим следователем; 2) действия, осуществляемые по поручению следователя другими государственными органами, организациями, производственными предприятиями, иными учреждениями и общественностью[11].

В связи с этим полагаем, что к первой группе следует относить как специально запланированные следственные действия, организационные, розыскные мероприятия, криминалистические операции профилактической направленности, так и те, которые возникли с учетом складывающейся ситуации в тот или иной момент расследования, указывающей на целесообразность (а иногда и необходимость) профилактических действий. А ко второй группе – действия профилактической направленности, осуществляемые по поручению следователя: оперативными органами спецподразделений по борьбе с организованной преступностью органов внутренних дел Украины, Службы безопасности Украины; Государственной налоговой администрацией; таможенными органами; Национальным банком Украины; Министерством финансов Украины; Министерством внешних экономических связей Украины, Фондом государственного имущества; Антимонопольным комитетом; Государственной контрольно-ревизионной службой; другими министерствами, ведомствами, государственными органами.

Особенности формирования и функционирования ОПГ, специфика проявления их криминальной деятельности, особая сложность организованной преступной деятельности требуют, соответственно, новых подходов к криминалистической профилактике. Поэтому, думается, что задачи следователя должны сводиться не только к выявлению обстоятельств, способствовавших совершению организованными преступными образованиями экономических преступлений. Необходимо в ходе расследования выявлять причины и условия формирования ОПГ в структуре производства, легального или нелегального предпринимательства. Выявление причин и условий создания (формирования) организованных преступных образований в сферах и отраслях экономики, обстоятельств, способствующих совершению ими экономических преступлений,

[11] См.: Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. С. 112.

является важным и сложным этапом профилактической деятельности следователя. Следует отметить, что выявление указанных обстоятельств и принятие мер по их устранению должны входить в предмет доказывания. Мы полагаем, что в круг обстоятельств, которые подлежат выяснению по расследуемому преступлению, должны быть включены причины и условия формирования ОПГ и обстоятельства, способствовавшие совершению экономического преступления.

Указанные преступления обусловлены рядом причин, различных по значимости, характеру, происхождению и образующих сложные причинно-следственные цепи, выявление которых обычно сопряжено с различного рода трудностями. Проведенные нами исследования показали, что обстоятельства, способствующие совершению экономических преступлений организованными группами, преступными организациями, разнообразны. К типичным относятся обстоятельства, связанные: с формированием организованной группы, преступной организации, сообщества в сферах и отраслях экономики; функционированием преступного образования; подготовкой, совершением экономического преступления и сокрытием его следов; социально-негативными свойствами личности организатора преступной деятельности и членов организованного преступного образования; формированием сетевой коррумпированной системы, обеспечивающей функционирование, развитие организованной преступной деятельности, легализацию доходов, приобретенных преступным путем.

Средства и методы экспертно-криминалистической профилактики могут быть составной частью процесса экспертного исследования по заданиям следователей и самостоятельной предупредительной деятельностью. В частности, сведения о причинах и условиях совершения организованной группой того или иного вида экономического преступления следователь может получить в процессе проведения экспертных исследований. Данные экспертно-криминалистической профилактики по конкретным делам доводятся экспертами до следователя при условии постановки им вопросов профилактического характера при назначении экспертизы. Изучение уголовных дел и имеющихся в них заключений экономических экспертиз позволяет сделать вывод о некоторых недостатках и ошибках следователей при назначении и производстве экспертных экономических исследований. В частности, вопросы профилактики экономических преступлений ставились перед экспертами только в 28 % случаев[12].

Изложенное свидетельствует о том, что следователи недооценивают методы экспертно-криминалистической профилактики, результаты предупредительной деятельности экспертных учреждений в решении задач криминалистической профилактики по расследуемому преступлению.

Полагаем, что отсутствие уголовно-правовой регламентации профилактической деятельности следователя свидетельствует о неэффективности государственной политики в правовой сфере Украины. В связи с этим профилактическая деятельность следователя должна быть предусмотрена нормами УПК Украины. При расследовании организованной преступной деятельности в сфере экономики она должна быть направлена на принятие незамедлительных мер по устранению причин и условий, способствующих созданию организованных групп, преступных организаций, сообществ в сферах и отраслях экономики и совершения ими экономических преступлений.

---

[12] См.: *Быданов О. Н., Гуняев В. А., Рохлин В. И.* Некоторые вопросы методики расследования преступлений, совершаемых в сфере хозяйственной деятельности на предприятиях негосударственных форм собственности. СПб., 1995. С. 44.

Е. И. Резникова

аспирант

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ В ЦЕЛЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Жертва преступления (потерпевший) как самостоятельный объект изучения стал рассматриваться науками уголовно-правового цикла относительно недавно. Всё внимание, как правило, уделялось лицу, совершившему преступление (личности преступника, подозреваемому или обвиняемому). Такой односторонний подход к изучению преступления как явления объективной действительности, разумеется, не мог оказать позитивного влияния на уровень как теоретических положений, так и практических рекомендаций виктимологического характера. В связи с этим в последнее время можно заметить оживление интереса к самостоятельной проблеме «жертва преступления (потерпевший)» со стороны наук уголовно-правового цикла, в том числе и криминалистики. Активизация научных исследований в указанном направлении вызвана, прежде всего, стремлением ликвидировать дисбаланс в изучении потерпевшего и лица, совершившего преступление.

Криминалистическое изучение жертвы преступления (потерпевшего) – сложная, многогранная проблема, поскольку жертва может рассматриваться и как субъект – участник уголовного судопроизводства, и как объект, изучение которого позволяет установить новую информацию в уголовном производстве. Будучи объектом преступного воздействия, жертва преступления (потерпевший) может также осуществлять определенное влияние на ход и результаты и преступного события, и уголовного производства. Исходя из двуединой природы предмета криминалистики, а также сложной в криминалистическом отношении природы жертвы преступления (потерпевшего), можно резюмировать, что множество изучаемых криминалистикой проблем основываются на виктимологическом познании личности. С учетом последнего должна осуществляться и криминалистическая профилактика преступлений.

© Резникова Е. И., 2014

Криминалистическая профилактика как часть общей юридической профилактики, по мнению Н. П. Яблокова, связана с выявлением причин и способствующих преступлению условий[1], объектов криминалистического воздействия, а также с применением специфических профилактических мер, затрудняющих совершение новых преступлений, и с пресечением или прерыванием преступной деятельности конкретных лиц[2]. Справедливо замечает В. А. Журавель, что «тактика и технология выявления причин и условий, способствовавших совершению преступлений, формируются именно в недрах криминалистики, входят в ее предмет и являются ее необходимыми составными частями»[3]. Соглашаясь с мнением ученого, можно лишь добавить, что речь должна идти не только о «тактике и технологии выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений», но и о тактике и технологии их непосредственного устранения.

В уголовно-процессуальной и криминалистической литературе вопрос о включении причин и условий, способствующих совершению преступлений, в предмет доказывания всегда был дискуссионным. Так, «причины и условия, способствующие совершению преступлений» в составе предмета доказывания, прошли долгую историю своего развития – от безуспешных предложений о включении таковых в предмет доказывания по каждому уголовному

[1] Под причинами совершения конкретного (единичного) преступления принято понимать негативные социальные явления и процессы, под воздействием которых у виновного лица возникают глубокие и стойкие антиобщественные взгляды, привычки, которые обуславливают вследствие криминогенной мотивации его внутреннюю готовность осуществить преступное посягательство. Условиями же совершения отдельного (конкретного) преступления являются внешние объективные негативные факты реальной действительности, которые облегчили его совершение и способствовали достижению преступного результата. Так, если причины отдельного преступления связаны с глубокими процессами формирования психологической и моральной структуры личности, вызывающие готовность совершить преступление, то условия создают благоприятную обстановку для этого. Они связаны не столько с субъектами, сколько с объектом преступного деяния и обстановкой его совершения (См.: Кримінологія : Загальна та Особлива частини : підручник / І. М. Даньшин, В. В. Голіна, М. Ю. Валуйська та ін.; за заг. ред. В. В. Голіни. 2-ге вид. перероб. і доп. Харків, 2009. С. 46–47).

[2] См.: Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 140.

[3] *Журавель В. А.* Криміналістичні методики : сучасні наукові концепції. Харків, 2012. С. 222–223.

делу, полного отказа от их установления в предмете доказывания, до включения таковых как самостоятельных обстоятельств, требующих обязательного установления[4].

Новый Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее – УПК Украины) оставил нерешенным вопрос об осуществлении профилактической деятельности в ходе уголовного процесса[5]. Так, прежний УПК Украины (1960 г.) предусматривал норму, требующую выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 23). В частности, устанавливалось, что при производстве дознания, досудебного следствия и судебного рассмотрения уголовного дела, орган дознания, следователь, прокурор обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Установив такие причины и условия, указанные субъекты вносили в соответствующий государственный орган, общественную организацию или должностному лицу представление о принятии мер по устранению этих причин и условий (ст. 23-1 УПК Украины). Суд при наличии на то оснований выносил отдельное определение (постановление), которым обращал внимание органов государственной власти, общественных организаций или должностных лиц на установленные в деле факты нарушения закона, причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и требовал принятия соответствующих мер (ст. 23-2 УПК Украины)[6]. Таким образом, УПК Украины (1960 г.) устанавливал, что в предмет доказывания по каждому уголовному делу, независимо от его специфики, входили причины и условия совершения преступления.

Действующий УПК Украины[7] не предусматривает норм, требующих устанавливать и устранять причины и условия, способствующие совершению преступления. В указанном аспекте справедливо утверждение Г. Ф. Горского о том, что подход к причинам и условиям совершения преступления в процессе доказывания и

[4] См.: *Горский Г. Ф.* Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования. Воронеж, 1964. С. 5, 93.

[5] См.: *Десятник А. А.* Проблема актуальності кримінально-процесуальної профілактики в рамках нового КПК України // Форум права. 2012. № 1. С. 247–252.

[6] Кримінально-процесуальний кодекс України від 28.12.1960 (1000-05). URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1001-05/page

[7] Кримінальний процесуальний кодекс України від 13.04.2012, № 4651-VI. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651-17/page

расследования по уголовному делу как к обстоятельствам второстепенного порядка не будет способствовать улучшению предупредительной работы[8]. Действительно, негативные тенденции формализации процесса раскрытия и расследования преступлений, профессиональная деформация и недостаточная подготовка следователей в сумме с отсутствием требования устанавливать и устранять причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, приведут к уничтожению профилактической работы конкретных преступлений, нанесут непоправимый ущерб деятельности по их предупреждению.

Непоследовательная политика законодателя в отношении указанной сферы уголовного производства оставляет некоторые нормы материального права без должного процессуального обеспечения их реализации. Например, ст. 1 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины) предусмотрено, что «одним из заданий УК Украины является предотвращение преступлений»[9]. Таким образом, в свете очередных «законодательных новаций» возникает огромный риск утратить профилактическую составляющую процесса раскрытия и расследования преступлений. Хотя, с другой стороны, если разобраться в сущности криминологических категорий причин и условий, способствующих совершению преступления, и проанализировать ст. 91 действующего УПК Украины, которая содержит перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном производстве, то можно сделать вывод о том, что фактически некоторые сведения, входящие в их состав, подлежат установлению. Но, по нашему мнению, проблема профилактики преступлений не сводится к формальному установлению каких-либо ведомостей об обстоятельствах, которые способствовали совершению преступления. Речь должна идти о принятии эффективных мер по их устранению. Только в таком случае можно смело говорить о профилактической деятельности.

Проблема, возникшая в связи с принятием нового УПК Украины, заключается в отсутствии уголовных процессуальных норм, обязывающих соответствующие органы быстро и эффективно реагировать на выявленные причины и условия, способствовавшие

[8] См.: *Горский Г. Ф.* Указ. соч. С. 11.

[9] Кримінальний кодекс України. Станом на 19 листопада 2012 року / упоряд. В. І. Тютюгін. Харків, 2012. С. 8.

совершению преступлений, устранять их негативное влияние. Доказывание причин и условий совершения преступлений, по мнению Г. Ф. Горского, должно быть не правом, а обязанностью следователя[10]. В настоящее время криминалистика исходит из обязательности, а не факультативности выявления этих обстоятельств, необходимости их доказывания путем собирания, проверки и оценки доказательств, а также разработки мер устранения причин и условий их реализации[11]. Таким образом, причины и условия в процессе доказывания должны не сопутствовать доказыванию, а сами доказываться и входить составной частью в предмет обязательного доказывания[12], а в отношении тех из них, которые установлены, должны приниматься эффективные меры, направленные на их устранение либо минимизацию их действия. По нашему мнению, целесообразно дополнить действующий УПК Украины рядом норм, которые закрепили бы обязанность следователя, прокурора, суда: во-первых, в каждом уголовном производстве устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению преступления; во-вторых, вносить представление в соответствующие государственные органы, общественные организации или должностным лицам о принятии мер, направленных на ликвидацию выявленных причин и условий. Также необходимо закрепить обязанность государственных органов, общественных организаций или должностных лиц в короткие сроки принимать необходимые меры, направленные на ликвидацию причин и условий, способствовавших совершению преступления, указания на которые существует в вынесенном в их отношении представлении.

Криминалистическая профилактика является относительно молодой частной криминалистической теорией, которая пребывает в состоянии активного развития и кристаллизации ее положений, в частности уточняются категориальный аппарат, предмет, криминалистические меры профилактики. Не касаясь дискуссионных вопросов этой частной криминалистической теории, хотелось бы обратить внимание на весьма сложную, на наш взгляд, и малоизученную. Речь идет об установлении и устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, связанных с личностью и поведением жертвы преступления (потерпевшего). Представляется, что криминалистическая профилактика как частная криминалистическая теория должна разрабатываться с учетом положений криминалистической виктимологии и, соответственно, результатов виктимологического познания личности.

[10] См.: *Горский Г. Ф.* Указ. соч. С. 12–13.

[11] См.: *Журавель В. А.* Криміналістичні методики : сучасні наукові концепції. С. 222–223.

[12] См.: *Горский Г. Ф.* Указ. соч. С. 9.

Жертва преступления (потерпевший) в определенных видах и категориях преступлений играет не последнюю роль в процессе возникновения, развития и разрешения криминогенной ситуации[13]. В частности, действия многих виновных существенно детерминируются отрицательными качествами личности и негативным поведением жертвы преступления (потерпевшего), поэтому возникает необходимость включения последней в объекты профилактического воздействия[14]. Например, по данным криминологов, «механизм» конкретного преступления связан с личностью и поведением потерпевшего в каждом втором случае бытового насильственного преступления, в каждом третьем случае изнасилования, в восьми случаях из десяти при совершении уголовно наказуемого мошенничества[15]. Поведение потерпевшего включается в механизм факторов, которые обусловливают и способствуют совершению преступлений[16].

[13] Под криминогенной ситуацией понимают такую конкретную жизненную ситуацию, которая сложилась в момент совершения преступления или незадолго до этого, и во взаимодействии с его причинами и условиями вызывает окончательную решительность лица совершить данное преступление. Криминогенная ситуация не принадлежит ни к понятию причин, ни к понятию условий совершения преступлений. Она в некоторых случаях влияет на них, отыгрывая при этом роль мотива совершения преступления. Отдельное (конкретное) преступление является следствием влияния на индивида криминогенных причин, условий и криминогенных ситуаций. Причина проявляется в том, что под ее действием у него возникает готовность, высокая степень вероятности совершить преступление. Условия способствуют развитию причины, и вследствие этого у лица возникает намерение совершить общественно опасное деяние. Криминогенная ситуация вызывает окончательную решительность совершить преступление [Кримінологія : Загальна та Особлива частини : підручник / І. М. Даньшин, В. В. Голіна, М. Ю. Валуйська та ін. ; за заг. ред. В. В. Голіни. 2-ге вид. перероб. і доп. Харків, 2009. С. 49].

[14] См.: *Вандышев В. В.* Теоретические и практические аспекты взаимосвязи криминалистики и виктимологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 31.

[15] См.: Кримінологія : Загальна та Особлива частини : підручник. С. 50.

[16] См.: *Ривман Д. В.* Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 241.

Виктимологические проблемы криминалистической профилактики должны разрабатываться исходя из фундаментальных положений виктимологии о том, что наряду с изучением преступника должны быть изучены: 1) жертва как возможный фактор, влияющий на совершение преступления; 2) жертвы, независимо от их роли, а в силу самого факта причинения им преступлением определенного вреда[17]. Учитывать такие положения, по нашему мнению, необходимо не только при раскрытии, расследовании, судопроизводстве определенных видов преступлений, но также во время их профилактики. Виктимологическое познание личности в целях криминалистической профилактики, по нашему убеждению, должно использоваться для разработки мер, применяемых субъектами криминалистической профилактики, которые направлены на выявление причин и условий, способствовавших совершению конкретного преступления, связанных с личностью и (или) поведением жертвы преступления (потерпевшего), а также для разработки непосредственных мер их предупреждения. Потенциальная или реальная жертва преступления (потерпевший) выступает объектом криминалистического профилактического воздействия, источником получения информации о готовящихся преступлениях, а потому нуждается в дополнительном исследовании.

Проблемы криминалистической профилактики преступлений необходимо разрабатывать с учетом положений криминалистической виктимологии, методологическими принципами которой являются некоторые интегрированные положения виктимологии. Непосредственным резервом для разработки частных проблем криминалистической профилактики, по нашему убеждению, выступает виктимологическая концепция о виктимности жертв преступлений, которая широко используется и в криминалистических целях. Данные положения должны учитываться при осуществлении криминалистической профилактики, поскольку большинство исследователей и практических работников правоохранительных органов ошибочно сводят профилактическую деятельность лишь к профилактическому воздействию на лицо, которое совершило преступление. Следовательно, криминалистическую профилактику интересует виктимность жертв преступлений (потерпевших),

[17] См.: *Франк Л. В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 8–9.

поскольку при помощи анализа этого явления объективной действительности можно детально изучить механизм преступного события, роли в нем потерпевших и, таким образом, принять профилактические меры, влияющие на проявления виктимности некоторых лиц.

«Виктимность» определялась Л. В. Франком как повышенная способность человека в силу социальной роли или ряда духовных и физических качеств, при определенных объективных обстоятельствах становиться потерпевшим. Это неспособность избежать преступного посягательства там, где это объективно являлось возможным[18]. «Виктимность» является сложным уголовно-правовым и социально-психологическим явлением[19]. В. А. Туляков определяет виктимность как социальное, психическое и моральное отклонение от норм безопасности[20].

Виктимность может быть индивидуальной, групповой, видовой[21] и массовой. Р. С. Белкин определяет индивидуальную виктимность как потенциальную способность человека оказаться в роли жертвы преступления в результате отрицательного взаимодействия личностных качеств индивида с внешними факторами[22]. Индивидуальная виктимность складывается из личностного и ситуативного компонентов, причем качественная характеристика первого находится в системной зависимости от второго. Личностный компонент индивидуальной виктимности – это способность стать жертвой в силу определенных, присущих индивиду субъективных качеств. Условно говоря, это виктимная годность определенного лица[23]. Б. Н. Головкин настаивает на том, что личностная (индивидуальная) виктимность имеет место в случае, когда личность, преимущественно по собственной инициативе, реже вследствие вынужденных причин (профессии, состоянии здоровья) ставит себя в

[18] См.: Там же. С. 108–109.

[19] См.: *Его же*. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1977. С. 6.

[20] См.: *Туляков В. А.* Виктимология (социальные и криминологические проблемы) : монография. Одесса, 2000. С. 157.

[21] См.: Юридична психологія : підручник / В. О. Коновалова, В. Ю. Шепітько ; Нац. юрид. акад. України им. Ярослава Мудрого. – 2-ге вид., перероб. і доп. – Харків, 2008. – С. 85.

[22] См.: *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия : справ. издание. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 34.

[23] См.: *Смирнов А. М.* Виктимология сексуальных инверсий : монография. М., 2012. С. 35.

уязвимое положение, понимая совершенно реальную возможность избежать опасности, прибегнув к мерам предосторожности. Такие действия обращают на себя внимание злоумышленника, способствуют утверждению намерения и принятию решения о нападении[24]. Видовая виктимность выражается в относительной предрасположенности отдельных людей становиться в силу ряда обстоятельств жертвами определенных видов (групп)[25] преступлений (краж, мошенничества, телесных повреждений). Существует также групповая виктимность, которая определяется ролевыми, социальными, демографическими, биофизическими качествами и характеристиками жертв преступлений. Так, существуют профессии, объективно повышающие возможность их представителей стать жертвой преступления (инкассаторы, работники милиции, охранники) [26].

Важное диагностическое значение для процесса раскрытия, расследования и судебного разбирательства, а также криминалистической профилактики преступлений имеет разделение виктимности жертв преступлений на: 1) виктимогенную деформацию (совокупность социально-психологических свойств личности, которые связаны с особенностями ее социализации); 2) профессиональную виктимность (свойство, обусловленное исполнением некоторых социальных функций); 3) возрастную виктимность (биологическое качество); 4) виктимность – «патология» – результат патологического состояния личности (психическое заболевание, физический недуг, тяжелые соматические расстройства)[27]. Названные позиции, пишет В. Е. Коновалова, могут существовать как изолированно, так и во взаимосвязи, вызывая такое поведение лица, которое по своей структуре и формам проявления становится провоцирующим и вызывает разного рода негативные реакции, в том числе и преступные[28]. Так, в результате проведенного анке-

[24] См.: *Головкін Б. М.* Корислива насильницька злочинність в Україні : феномен, детермінація, запобігання : монографія. Харків, 2011. С. 277.

[25] См.: Кримінологічна віктимологія : навч. посіб. / Є. М. Моісеєв, О. М. Джужа, В. В. Василевич та ін. ; за заг. ред. О. М. Джужи. Київ, 2006. С. 65.

[26] См.: *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 34.

[27] См.: *Рыбальская В. Я.* Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. Вып. 33. С. 33.

[28] См.: *Коновалова В. Е.* Убийство : искусство расследования : монография. Харьков, 2001. 311 с.

тирования следователей было установлено, что в практике респондентов наиболее часто встречаются такие виды виктимности жертв преступлений: 1) виктимогенная деформация – 56 %; 2) профессиональная виктимность – 8 %; 3) возрастная виктимность – 18 %; 4) виктимность – «патология» – 8 %; 5) на различные комбинации видов виктимности указали 10 % опрошенных респондентов[29].

Соответственно, необходимо различать виктимное поведение и виктимные качества жертвы преступления (потерпевшего), виктимность проявляется в динамической и статической плоскостях. Так, виктимное поведение жертв преступления в литературе принято называть «провоцирующим». Провоцирующее (негативное) поведение – это такое поведение жертвы преступления, которое создает реальную возможность, содействует реализации преступного умысла (характером, продолжительностью и интенсивностью). Отрицательное поведение потерпевшего чаще всего влияет на мотивацию преступного поведения[30], предшествует совершению преступления против потерпевшего и, следовательно, преступление является отдаленным результатом поведения потерпевшего[31]. Виктимное поведение жертвы преступления (потерпевшего) является условием, способствующим совершению конкретного преступления.

Использование результатов виктимологического познания личности в целях криминалистической профилактики предполагает разработку средств, приемов и методов установления виктимности жертвы преступления (потерпевшего), ее роли в механизме преступного события, что является основанием разработки конкретных профилактических мер. В зависимости от отдельных видов виктимности жертв преступлений (потерпевших) и видов совершенных преступных посягательств могут быть предложены конкретные криминалистические профилактические меры. Так, интерес для криминалистики представляет *виктимогенная деформация личности*, которая тесно связана с ее моральной деформацией. Исследовав виктимогенную деформацию личности, можно определить наличие у потерпевшего элементов поведения, которые

[29] Результаты проведенного анкетирования 100 следователей органов МВД Украины, СБУ, прокуратуры Николаева и Николаевской области.

[30] См.: *Минская В. С., Чечель Г. И.* Виктимологические факторы и механизм преступного поведения : науч. изд. Иркутск, 1988. С. 5.

[31] См.: Там же. С. 26.

способствовали совершению преступления[32]. Анализируя методы профилактического влияния, Е. А. Боридько обращает внимание на такие из них, как убеждение, принуждение и воспитание. Так, убеждение нацелено на смену антиобщественной направленности личности субъектов, относительно которых осуществляются профилактика и укрепление их позитивной социальной ориентации[33]. Такие методы могут и должны применятся не только относительно лица, совершившего преступление, но и относительно потерпевшего, ибо очень часто в силу его виктимогенной деформации он демонстрирует разные формы негативного поведения, особенно несовершеннолетние жертвы преступлений. В. С. Бурданова и В. М. Быков утверждают, что «задача следователя – добиться в ходе расследования изменения поведения потерпевшего, условий его жизни, окружения, установить отрицательно влияющие связи, чтобы исключить повторную виктимность. Виктимологический анализ, проведенный по конкретному уголовному делу, способствует предупреждению аналогичных преступлений, ибо существуют лица, которые потенциально могут стать потерпевшими»[34].

Жертва преступления (потерпевший), являясь объектом влияния во время осуществления противодействия расследованию преступления со стороны заинтересованных лиц, по нашему мнению, также обладает повышенной виктимностью. В данном случае имеет место групповой вид виктимности, связанный с ролевым статусом жертвы преступления (потерпевшего). В указанном контексте значительный интерес представляет криминалистическая составляющая обеспечения безопасности[35] потерпевшему как участнику

[32] См.: *Журавель В. А.* Допрос потерпевшего при виктимном поведении // Криминалистика и судебная экспертиза / отв. ред. А. Е. Яворский. Киев, 1983. Вып. 26. С. 47.

[33] См.: *Борідько О. А.* Криміналістична профілактика як структурний елемент методики розслідування злочинів : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2005. С. 11.

[34] *Бурданова В. С., Быков В. М.* Виктимологические аспекты криминалистики / МВД СССР, Ташкентская Высшая шк. Ташкент, 1981. С. 8.

[35] Обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве (т.е. в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии или расследовании уголовных преступлений, а также в судебном разбирательстве уголовных производств) – это осуществление правоохранительными органами правовых, организационно-технических и других мероприятий, направленных на защиту жизни, жилья, здоровья и имущества этих лиц от противоправных посягательств,

уголовного судопроизводства. По сути обеспечение безопасности участникам уголовного производства имеет профилактический характер, ибо направлено на предотвращения совершения преступлений в отношении лиц, к которым такие меры принимаются, в том числе и в отношении потерпевшего и его близких.

Органами, осуществляющими обеспечение безопасности потерпевших, членов их семей и близких родственников, являются государственные органы, которые, во-первых, принимают решение о применении подобных мер, и, во-вторых, органы, непосредственно осуществляющие такие меры безопасности. К числу первых законодательство Украины относит следователя, прокурора, суд, а также орган (подразделение), осуществляющий оперативно-розыскную деятельность. Решение о применении мер безопасности может также приниматься следственным судьей (ст. 206 УПК Украины). Непосредственная же реализация мер безопасности возлагается на органы службы безопасности или внутренних дел, в структуре которых с этой целью создаются специальные подразделения. Например, в структуре МВД Украины это судебная милиция «Грифон».

Конкретными мерами обеспечения безопасности являются: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; использование технических средств контроля и прослушивания телефонных и иных переговоров, визуальное наблюдение; замена документов и изменение внешности; изменение места работы или учебы; переселение на другое место жительства; помещение в дошкольное воспитательное учреждение или учреждения органов социальной защиты населения; обеспечение конфиденциальности сведений о лице; закрытое судебное разбирательство. Для обеспечения безопасности участника уголовного производства суд может принять решение о проведении допроса участника уголовного производства с использованием видеоконференции при трансляции вне помещения, в том числе способом, который исключает идентификацию лица, дающего показания. С учетом характера и

с целью создания необходимых условий для надлежащего отправления правосудия (ст. 1) (Закон України «Про забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному судочинстві» від 23.12.1993, № 3782-XII. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3782-1).

степени опасности для жизни, здоровья, жилья и имущества лиц, взятых под защиту, могут осуществляться и другие меры безопасности[36].

Представляется, что вопросы обеспечения безопасности потерпевшему и другим участникам уголовного судопроизводства выступают составляющей криминалистикой профилактики, и потому криминалистикой должны быть выработаны не только тактические основы, но и технико-криминалистические рекомендации применения подобных мер безопасности. Так, обеспечение личной охраны лиц предусматривает широкий спектр мер: прогнозирование возможных методов и способов осуществления нападений на лицо, которое охраняется; поддержание связи с лицом, взятым под защиту при помощи технических средств; информирование лица про угрозы и принятие мер, направленных на их ликвидацию; оборудование жилища и имущества лиц, взятых под государственную защиту, средствами противопожарной и охранной сигнализации и т.д.[37].

Специальными средствами самообороны, которые могут применяться жертвами преступлений (потерпевшими) и разрешенные действующим законодательством Украины, являются: газовые баллончики (упаковки с аэрозолями слезоточивого и раздражающего действия); газовые пистолеты, револьверы и патроны к ним калибра 6, 8 и 9 миллиметров, заряженные веществами слезоточивого и раздражающего действия[38]. Необходимо помнить, что конкретные средства индивидуальной защиты и оповещения об опасности выдаются лицу, находящемуся под защитой, с учетом его психологических особенностей, черт характера, а иногда и уровня интеллектуального развития. Выбирая специальные средства индивидуальной защиты и оповещения об опасности, предпочтения необходимо отдавать специальным средствам индивидуальной за-

[36] Стаття 7 Закону України «Про забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному судочинстві» від 23.12.1993, № 3782-XII. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3782-1

[37] См.: *Шатрава С. О.* Заходи забезпечення безпеки, основні напрямки діяльності судової міліції. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/SOC_Gum/apdu/2009_1/doc/5/06.pdf

[38] «Положення про порядок продажу, придбання, реєстрації, обліку і застосування, спеціальних засобів самооборони, заряджених речовинами сльозоточивої та дратівної дії», затверджено постановою Кабінету Міністрів України від 7 вересня 1993 р., № 706. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/706-93-%D0%BF

щиты, которые принято называть «несмертельное оружие»[39]. Выдача же оружия лицам, взятым под защиту, должна применяться в исключительных случаях. Так, Закон Украины «О государственной защите работников суда и правоохранительных органов»[40] к специальным мерам обеспечения безопасности указанных в нем субъектов относит выдачу оружия.

Вопросы обеспечения безопасности потерпевшим, таким образом, тесно связаны с проблемой устранения противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц, а также с вопросами реализации криминалистической профилактики. Будучи уже в статусе потерпевшего от преступления, лицо подвергается повторному негативному воздействию со стороны как самого преступника, так и других заинтересованных лиц, рискуя быть повторно виктимизированным. Потому тактика и технология обеспечения безопасности потерпевших должны быть тщательным образом исследованы учеными-криминалистами, для того чтобы в будущем такие криминалистические рекомендации были положены в основу создания Программы защиты потерпевших, свидетелей, которая должна иметь как тактическую сторону осуществления, так и техническую составляющую, относящиеся непосредственно к предмету изучения криминалистики.

Определенный интерес представляет криминалистическая профилактика так называемой *«профессиональной виктимности»* жертв преступлений, в частности инкассаторов, кассиров, работников правоохранительных органов. Взяв в качестве примера разбойные нападения, совершаемые на инкассаторов банковских учреждений, можем предложить определенные меры криминалистической профилактики этого вида преступлений. Первоочередной мерой профилактики таких преступлений, по нашему мнению, является тщательный отбор кадров для службы в инкассации банковского учреждения. Такое утверждение обосновывается тем, что, как правило, разбойные нападения на такие инкассации производятся «по наводке» одного из сотрудников либо в преступном сговоре нескольких работников инкассации, либо же одним работником такой

[39] *Шатрава С. О.* Указ. соч.

[40] Закон України «Про державний захист працівників суду і правоохоронних органів» від 23.12.1993, № 3781-XII. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3781-12

инкассации. В таком случае для обеспечения безопасности самих инкассаторов от возможности быть виктимизированными от рук своих «коллег» во время принятия на работу отделы кадров совместно со службами безопасности банковских учреждений обязаны тщательно изучить не только биографии претендентов на службу в инкассации, но и провести серию психологических тестов на выявления индивидуально-психологических особенностей лица, а также соответствия требованиям будущей работы. Интересными в указанном аспекте являются высказанные в литературе предложения об использовании полиграфа не только в целях раскрытия и расследования преступлений, но и при осуществлении криминалистической профилактики. Так, В. В. Семенов и Л. Н. Иванов говорят о том, что существуют скрининговые проверки на полиграфе, проводимые в интересах отбора кадров, оценки работающего персонала и своевременного выявления его возможной нелояльности или склонности к правонарушениям, которые в наибольшей степени отражают профилактический потенциал ПФИ[41]. Такое предложение, по нашему убеждению, может быть воспринято законодательной практикой Украины при условии соблюдения определенных требований: законодательное закрепление разрешения проводить подобные ПФИ при помощи полиграфа с четко обозначенным кругом лиц и уяснение процедуры, а также значение результатов проведения такого исследования. Результаты исследования при помощи полиграфа должны использоваться не самостоятельно, а в комплексе с результатами применения других методов исследования личности. Таким образом, на начальном этапе сами банковские учреждения своим добросовестным отношением к отбору кадров могут уменьшить риск виктимизации сотрудников. Еще одной составляющей криминалистической профилактики данного вида преступлений, по нашему мнению, является контроль оптимальной технической оснащенности инкассаций с учетом требований норм законодательства, а также выдвижения новых рекомендаций с учетом практики раскрытия и расследования подобного рода преступлений. В таком случае речь идет и о следственной профилактике, и об экспертной. Так, при расследовании конкретных разбойных нападений на инкассаторов следователем должно быть выяснено, соответствует ли техническое оснащение инкассаторских групп и автотранспорта требованиям законодательства, которое варьируется в зависимости от перевозимой суммы и степени риска[42].

[41] См.: *Семенов В. В., Иванов Л. Н.* Криминалистическая профилактика с использованием полиграфа. URL: http://detectinfo.ru/library/stati/Kriminalisticheskaya-profilaktika-s-ispolzovaniem-poligrafa/

В деятельности следователя по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления, тесно переплетаются криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические составляющие, поэтому криминалистическим средствам профилактики должна быть присуща некая комплексность, рекомендации должны опираться не только на данные криминалистической техники или тактики, но и на результаты криминологических исследований и осуществляться соответственно задачам, порядку и формам, которые установлены уголовным процессуальным законом[43]. По мнению В. В. Вандышева, проблемы профилактики преступлений с помощью криминалистических средств, приемов и методов вообще и ее виктимологического аспекта в частности необходимо исследовать на двух уровнях: теоретическом и практическом. На теоретическом уровне выделяются проблемы информационного обеспечения: разработки криминалистических средств, приемов и методов профилактики; разработки средств, приемов и методов установления виктимогенного комплекса личности и его детерминирующей роли в генезисе посягательства; разработки профилактических мер криминалистического содержания в зависимости от характера выявленного виктимогенного комплекса. В рамках предмета криминалистики должна осуществляться разработка охранно-предупредительных мер, понижающая уязвимость потенциальных жертв и, соответственно, повышающая их сопротивляемость[44]. На практическом уровне, по нашему мнению, с учетом вида виктимности жертвы преступления (потерпевшего), а также вида совершенного преступления должны приниматься

[42] Например, в Украине действует «Инструкция по организации инкассации средств и перевозки валютных ценностей в банковских учреждениях Украины», утвержденная постановлением Правления Национального банка Украины от 14.02.2007 № 45. URL: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/z0181-07

[43] См.: *Борідько О. А.* Криміналістична профілактика як структурний елемент методики розслідування злочинів... С. 17–18.

[44] См.: *Вандышев В. В.* Указ. соч. С. 31.

соответствующие криминалистические меры профилактической направленности во время раскрытия, расследования и судебного рассмотрения конкретного преступления.

Таким образом, виктимологическое познание личности выступает базой для разработки конкретных криминалистических профилактических мер, осуществления целенаправленного влияния (опосредованного или непосредственного) на жертв преступлений (потерпевших), их качество и поведение, которые виктимоопасны для них. Выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений, которые связаны с личностью и поведением жертвы преступления (потерпевшего), – это установление определенного рода виктимологических данных в уголовном производстве, в частности, данных о виктимности жертвы преступления (потерпевшего). Такие данные устанавливаются по средствам виктимологического анализа и непременно должны стать основой для применения криминалистической профилактики.

А. А. Сизов

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Преступность на современном этапе развития государственных институтов является вполне естественным элементом любого общества. Вместе с тем развитие интеграционных процессов на международном уровне ставит перед правоохранительными органами государств – участников международного сотрудничества новые проблемы. Выход преступности на международный уровень обусловлен целым комплексом различного рода факторов, в той или иной степени позволяющих лицам, совершающим противоправные действия, относительно свободно перемещаться между государствами. К такого рода факторам, на наш взгляд, следует отнести миграционную политику отдельных государств, интеграцию отдельных стран в наднациональные сообщества, развитие иных правовых институтов в современных правовых государствах. Российская Федерация, как государство, занимающее значительное положение на международной арене, не остается в стороне от рассматриваемых тенденций. Попробуем проанализировать исследуемое явление более детально.

Международная миграция населения охватила сегодня практически все континенты, страны, регионы и превратилась в неотъемлемый компонент современной жизни.

В настоящее время в миграционных потоках смешиваются эмигранты, выезжающие в другие страны на постоянное место жительства, временные, трудовые мигранты, специалисты, ученые, студенты, беженцы, лица, путешествующие по туристическим визам, лица, переселяющиеся к осевшим эмигрантам и их близким родственникам.

Сейчас число трудящихся-мигрантов в мире, по оценкам Международной организации труда, достигает 36–42 млн человек, с

© Сизов А. А., 2014

учетом членов их семей, по некоторым оценкам, доходит до 120 млн человек.

Различие уровней жизни стран, экономических возможностей и другие факторы, побуждающие людей покидать свои государства в поисках лучшего, делают миграционные процессы необратимыми.

Основные показатели уровня жизни в самых богатых и беднейших странах мира различаются в настоящий момент более чем в 150 раз, а в России и индустриально развитых странах – в 40–70 раз. Неизмеримо огромная диспропорция, в частности по оплате труда и социальному обслуживанию населения, сложилась между государствами – участниками СНГ и странами третьего спектра экономики.

С ростом мобильности населения развиваются и технологии обращения с людскими потоками. Во многих странах использование мигрантов превратилось в прибыльный бизнес, и одной из криминальных форм этого бизнеса является транснациональная торговля людьми.

В связи с распадом СССР и возникновением новых независимых государств рост международной миграции населения в Россию значительно увеличился. Помимо возвращающихся в Россию соотечественников (2,7 млн бывших соотечественников) из союзных республик, т.е. этнических русских, страны оказались центром притяжения потоков трудящихся-мигрантов (особенно после падения «железного занавеса»), трудно поддающихся учету населения: Украины, Молдовы, Беларуси, Узбекистана, Таджикистана и др.

Прозрачность границ приводит к потере российского государственного контроля за миграционными потоками: например, со стороны южных границ в страну устремляется большое количество иностранных граждан или лиц без гражданства из Анголы, Афганистана, Вьетнама, Заира, Ирака, Ирана, Сомали, Эфиопии, что систематически приводит к возникновению «нелегалов».

Прозрачность границ и отсутствие визового режима способствовали тому, что миграционные потоки стали использовать Россию не только как страну назначения, но и в качестве перевалочного пути на Запад. По оценочным данным центра развития миграционной политики Вены, ежегодно в страны Западной Европы «просачиваются» через российскую границу около 300 тыс. человек.

В качестве противодействия этим тенденциям мировым сообществом в 2000 г. была принята Конвенция против транснациональной организованной преступности (вступила в силу после 40-й Ратификации 2 сентября 2003 г.) и два дополнительных протокола, непосредственно относящихся к проблемам миграции: «Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенноженщинами и детьми, и наказанием за нее» и «Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю, воздуху» (дополнительные протоколы к настоящему моменту еще не вступили в силу). Конвенция была подписана Российской Федерацией в 2000 г., а 24 марта 2000 г. ратифицирована российским парламентом. Перед Россией, где количество мигрантов, находящихся на ее территории незаконно, в настоящее время составляет от 3 до 7 млн человек, ставится задача приведения законодательства страны в соответствие требованиям Конвенции.

Огромные масштабы теневой экономики России, несовершенство миграционного законодательства, «прозрачность» границ со странами СНГ стимулируют региональную миграцию, обеспечивая нелегальным мигрантам возможность проникновения, оседания и трудоустройства в России, а «преступной эмиграции» – возможность получения сверхприбыли. Труд мигрантов в России прочно срастается с теневой экономикой, дешевая рабочая сила активно используется незаконными предприятиями и криминальным бизнесом.

В настоящее время складывается устойчивая тенденция превышения количества въехавших в Россию иностранных граждан над выехавшими. Это означает, что часть иностранных граждан, въехавших в Россию на законных основаниях, впоследствии остались на российской территории с нарушением установленных правил, перешли в категорию нелегальных иммигрантов, став благоприятной средой для теневого сектора экономики.

Указанные факторы в своей совокупности формируют значительное число предпосылок для совершения подобными гражданами преступных деяний на территории Российской Федерации. Особенностью подобного рода преступности является ее направленность на экономические интересы граждан, защищаемые законодательством, а также на жизнь и здоровье людей. Преимущество этого объясняется экономической и финансовой необеспеченно-

стью большинства мигрантов. В условиях развитой рыночной экономики подобные субъекты чаще всего работают неофициально на низкооплачиваемых работах. А возрастающий уровень потребностей требует соответствующих материальных средств, отсутствие которых подобные субъекты стараются компенсировать преступным поведением, извлекая из него выгоду.

Преступные группировки нелегальных мигрантов, сформированные по этническим признакам, создаются в ряде регионов России. Неконтролируемый рынок товаров и услуг способствует осложнению криминогенной ситуации.

Пресечение нелегальной миграции может выдвигаться как один из приоритетов обеспечения национальной безопасности страны.

Следует заметить, что преступления, совершенные иностранными гражданами на территории Российской Федерации, расследуются отечественными правоохранительными органами в соответствии с действующим российским законодательством, что вполне естественно. Уголовное судопроизводство по подобным делам вызывает целый ряд сложностей, начиная от отдельных организационных аспектов, таких как отсутствие у иностранцев знания русского языка, что встречается достаточно часто, и заканчивая отдельными аспектами получения доказательственных материалов в рамках международного уголовно-процессуального сотрудничества. Рассматриваемая проблема в действующем законодательстве регламентируется достаточно подробно, но в то же время некоторые моменты вызывают вопросы. Проблема усугубляется тем, что, по прогнозам специалистов, в России наметилась тенденция к стойкому увеличению количества преступлений, совершаемых иностранными гражданами, и в первую очередь нелегальными мигрантами, а следовательно, эффективное разрешение указанной проблемы является одним из первостепенных направлений развития отечественной правовой системы.

М. В. Стояновский

кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ И УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С момента опубликования работы Г. Ф. Горского «Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования» минуло ровно 50 лет[1]. За это время произошли кардинальные изменения во всех сферах общественной жизни: модернизировалась преступность; модифицировалось уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Несмотря на законодательные изменения, происшедшие как следствие указанных процессов, в науках криминалистического цикла по-прежнему актуальной и весьма дискуссионной остается проблематика выявления, изучения и нейтрализации обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Очевидно, эта проблема имеет междисциплинарный характер. Системный же подход к анализу обстоятельств, способствующих совершению преступлений, являясь, по мысли Г. Ф. Горского, одним из условий установления объективной истины по уголовному делу, одновременно выступает предпосылкой правильной организации работы по предупреждению преступности, целенаправленного воздействия на криминогенные факторы для устранения возможности повторения аналогичных преступлений в будущем[2].

Как известно, в науках криминального цикла термин «обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений», обычно отождествляют с понятиями причин и условий совершения преступлений (к слову сказать, в ст. 68 УПК РСФСР 1960 г. речь шла о выявлении именно причин и условий, способствовавших совершению преступления). Первые (причины) традиционно рассматрива-

[1] См.: *Горский Г. Ф.* Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования. Воронеж, 1964.

[2] См.: Там же. С. 12, 16.

© Стояновский М. В., 2014

ются как некие макрофакторы – базовые факторы, порождающие преступность как социальное явление; вторые (условия) обычно ассоциируются с микрофакторами, так сказать, обстоятельствами, облегчающими совершение конкретных преступлений.

Логический анализ конструкции ст. 73 УПК РФ 2001 г. «Обстоятельства, подлежащие доказыванию», на первый взгляд, позволяет классифицировать эти обстоятельства на две группы. К первой относятся событие преступления, виновность лица, мотивы преступления, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, и иные обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Вторую группу составляют обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ).

Однако, как видится в юридическом и формально-логическом ракурсах, уже в самом названии и содержании анализируемой правовой нормы заметны некоторые пробелы юридико-технического характера, обусловливающие неоднозначность понимания классов исследуемого рода обстоятельств. Попытаемся обосновать сказанное.

Известное формально-логическое правило гласит: «Объем делимого понятия должен быть равен сумме объемов членов деления». Применительно к ст. 73 УПК РФ, на наш взгляд, очевидна несоразмерность такого деления. Получается, что если обстоятельства первой группы, как следует из закона, *подлежат доказыванию*, то вторые – *подлежат выявлению*. Отсюда логически может быть сделан вывод о том, что, согласно УПК РФ, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, есть, так сказать, обстоятельства «второго плана»; в предмет доказывания по уголовному делу они не входят.

Буквально исходя из самого наименования ст. 73 УПК РФ, объем делимого понятия составляют «обстоятельства, подлежащие доказыванию». В связи с этим возникает вопрос: как всё же соотносятся между собой обстоятельства, предусмотренные в ч. 1 и 2 ст. 73 УПК РФ? Имеющаяся же правовая конструкция обусловливает сложности в определении статуса обстоятельств, способствующих совершению преступлений (обязательных или факультативных элементов в аспекте их установления). Как говорится в одном из постатейных комментариев к УПК РФ, «установление их желательно, однако неустановление не может остановить движения уголовного дела»[3].

Такого рода подход, очевидно, обусловливает приоритет субъективного усмотрения в правоприменительной деятельности, предполагая установление обстоятельств, способствующих совершению преступления, так сказать, *по возможности*[4].

Правильно ли это? Думается, что нет.

В контексте сказанного сразу же обратим внимание на то, что уголовно-процессуальный закон (ст. 421 УПК РФ), *наряду с доказыванием* обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, предусматривает необходимость *установления* особого рода обстоятельств по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Специфический круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, определен также ст. 434 УПК РФ. Но зададимся вопросом: какова роль факторов, предусмотренных, в частности, ст. 421 УПК РФ (условий жизни и воспитания подростка, уровня его психического развития и иных личностных характеристик, влияния на него старших по возрасту лиц) в генезисе преступного поведения подростка? Очевидно, что она велика. Ведь именно с криминогенностью указанных факторов в криминологии традиционно ассоциируются *причины и условия* подростковой преступности[5].

Отсюда возникают соответствующие вопросы к законодателю, весьма неоднозначно (исходя из конструкций ст. 73 и 421 УПК РФ) оценивающего не только роль (статус) обстоятельств, способствующих совершению преступлений в системе предмета доказывания по уголовному делу, но и сущностные характеристики таковых.

Кроме того, важно и другое: должен ли следователь, конечная цель деятельности которого заключается в установлении факта существования уголовно-правового конфликта и его разрешения в пределах своей уголовно-процессуальной функции[6], устанавливать эти обстоятельства?

[3] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко [и др.] М., 2007. С. 250.

[4] К слову, учитывая относительность категории *возможного*, вспомним известный афоризм: «Пессимист видит трудности при каждой возможности; оптимист в каждой трудности видит возможности» (У. Черчиль).

[5] См., например: Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2004. С. 490–491.

[6] См.: *Баев О. Я.* Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании. М., 2012. С. 25.

Г. Ф. Горский достаточно четко и методологически корректно пытался разрешить этот вопрос. «Если должно доказываться событие преступления…, – писал он, – то почему же не должны подлежать доказыванию, как наиболее точному и верному средству выявления и изучения, причины и обстоятельства, обусловившие расследуемое событие?»[7]. При этом причины и условия преступлений в процессе доказывания должны не сопутствовать доказыванию, а сами входить составной частью в предмет обязательного доказывания[8].

Одновременно приведем и иное мнение по анализируемому аспекту. В частности, В. Т. Томин пишет: «Требование выяснения обстоятельств, способствовавших совершению преступления, по каждому делу не основано на законе и не соответствует современным научным представлениям о возможности установления причин совершения преступления и условий, ему способствовавших»[9]. Но, даже если это и так, то вызывает недоумение следующий тезис, сформулированный В. Т. Томиным: «Только на основе всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела, выявления как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств, при строгом соблюдении демократических принципов уголовного судопроизводства возможно обеспечение законности при рассмотрении уголовного дела и вынесении законных, обоснованных и справедливых решений»[10]. Полагаем, что названная цель вряд ли может быть достигнута, тем более без учета факторов, обусловивших событие криминального характера.

Определенные сложности, конечно, могут возникнуть в установлении полного комплекса причинных факторов. Ведь причины преступности (в традиционной криминологической интерпретации этого понятия) представляют собой такие явления (противоречия) общественной жизни, которые порождают преступность, поддерживают ее существование, вызывают ее рост или снижение[11]. Такие криминогенные «макрофакторы», думается, не равнозначны *обстоятельствам*, которые *способствовали* совершению конкретного преступления. Причинное же объяснение, как замечает В. Н. Кудрявцев, «предполагает выявление, по возможности, всей совокупности внешних и внутренних обстоятельств, оказывающих то или иное влияние на изучаемое явление»[12]. Гораздо более значимо, что при этом дело не ограничивается перечнем факторов, а раскрывается механизм их взаимосвязи и воздействия на данное явление[13].

Но вполне вероятно, что без наличия и действия определенных причин (обстоятельств) криминальным событие могло и не быть. В частности, об этом пишет Г. Н. Мудьюгин. Анализируя классификационные особенности следственных ситуаций по уголовным делам, он следующим образом характеризует одну из них: «По своей природе расследуемое событие является вредным последствием вызвавшей его причины… характер и сущность этой причины еще неизвестны и допускают различные объяснения»[14]. Это событие может быть преступлением, но может оказаться и событием некриминального характера. Таковы, например, пожар (в одном случае он может быть результатом поджога или несоблюдения правил противопожарной безопасности, влекущего уголовную ответственность, в другом – результатом стихийного явления – молнии) или несчастный случай на производстве (может быть результатом халатного отношения должностных лиц к служебным обязанностям по охране труда и технике безопасности, но иногда – результатом случайной поломки механизмов)[15].

Получается, что один и тот же факт, как убедительно об этом пишет О. Я. Баев, может быть вызван различными обстоятельства-

[7] *Горский Г. Ф.* Указ. соч. С. 11.

[8] См.: Там же. С. 9.

[9] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко. С. 250.

[10] Там же.

[11] См.: Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. С. 123.

[12] *Кудрявцев В. Н.* Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998. С. 9. Вероятно, учитывая *феномен причин* преступности, законодатель в ст. 73 УПК РФ 2001 г. ограничился указанием на выявление в ходе расследования именно *обстоятельств* (а не *причин* и условий), способствовавших совершению преступления.

[13] См.: Там же.

[14] Цит. по: *Васильев А. Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. С. 38.

[15] Цит. по: Там же.

ми, не меняющими его существа как факта, но имеющими существенное уголовно-правовое значение и в связи с этим входящими в обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу[16]. Например, вряд ли правоприменителем может быть сделан состоятельный и категоричный вывод о наличии в действиях лица признаков необходимой обороны, крайней необходимости или иных обстоятельств, исключающих преступность деяния (к слову сказать, о них говорится в ч. 1 ст. 73 УПК РФ) без установления и кропотливого анализа соответствующего причинного комплекса факторов.

Как совершенно обоснованно отмечают Л. Д. Кокорев и Н. П. Кузнецов, в ряде случаев установить характер совершенного деяния невозможно без исследования поведения потерпевшего до и в момент совершения против него преступления. Это касается, в частности, совершения преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, превышения пределов необходимой обороны от общественно опасного посягательства. В этих случаях ненадлежащее поведение потерпевшего является «провоцирующим фактором, послужившим причиной нанесения ему вреда»[17].

Более того, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, также подлежащие в соответствии со ст. 73 УПК РФ доказыванию, в широком смысле вообще могут выступать условиями, способствующими совершению преступления (в частности, при расследовании преступлений против личности, особенно серийных, совершаемых обычно лицами с теми или иными психическими расстройствами, не исключающими вменяемость). Так, Ю. М. Антонян, не умаляя роли социальных детерминантов преступного поведения, которые в совокупности с психическими аномалиями оказывают непосредственное и прямое воздействие на решение субъекта, небезосновательно полагает, что «аномалии психики (в качестве условия, а не причины) влияют и на сам факт

[16] См.: *Баев О. Я.* Значение «фактов» и «обстоятельств» в структуре тактики допроса подозреваемого // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов. Вып. 7. Воронеж, 2006. С. 25.

[17] *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Уголовный процесс : доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 67.

преступных действий, и на их вид»[18]. В связи с этим, очевидно, Г. Ф. Горский был прав, отмечая, что доказывание причин и условий совершения преступления вполне может способствовать более достоверному установлению других обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу[19].

В изучении и установлении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, значительная роль принадлежит криминалистическим средствам и методам. Сразу же оговоримся, что уже длительное время на страницах криминалистических изданий обсуждаются идеи создания системы криминалистической профилактики, высказываются различные точки зрения о предмете теории криминалистической профилактики (превенции) преступлений. Большинство определений криминалистики содержат указание на превентивную направленность данной области научного знания, разрабатывающей средства и методы не только раскрытия и расследования преступлений, но и их предотвращения (профилактики)[20]. Не углубляясь в «толщу» дискуссии о предмете криминалистической науки, отметим тот, на наш взгляд, очевидный факт, что криминалистике имманентно присуща профилактическая функция. Свое конкретное выражение она находит в использовании специфических средств и методов, направленных, в частности, на установление обстоятельств, способствующих совершению преступлений. При этом средствами и методами криминалистики в рамках расследования конкретного уголовного дела могут быть установлены, на наш взгляд, две основные группы такого рода обстоятельств (в широком смысле их понимания).

1. *Обстоятельства, способствовавшие совершению расследуемого преступления* (так называемая *«ретроспективная» группа обстоятельств*; о которых говорится в ч. 2 ст. 73 УПК РФ).

Достижению оптимального результата в такой деятельности должно способствовать знание следователем типичных криминогенных факторов объективного характера, отражающихся в следовой обстановке того или иного вида расследуемых преступлений,

[18] Цит. по: *Иванов Н. Г.* Аномальный субъект преступления. М., 1998. С. 128.

[19] См.: *Горский Г. Ф.* Указ. соч. С. 11.

[20] См., например: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 112.

а также субъективных криминогенных условий. Систематизация таких обстоятельств, очевидно, возможна на основе уголовно-правовой и опосредованных ею (в частности, криминалистической) классификации преступлений.

Так, в зависимости от уголовно-правового вида преступного деяния в ходе его расследования могут быть выявлены самые разнообразные объективные и субъективные криминогенные обстоятельства, например:

виктимное, в частности провоцирующее, поведение потерпевшего (по делам о половых преступлениях, иных преступлениях против личности);

наличие дефектов содержания путей сообщения, перегруз воздушного судна, отсутствие предупреждающих знаков на дорогах, техническая неисправность транспортного средства (по делам о преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта);

несоблюдение правил эксплуатации оборудования, техники безопасности, нарушения технологического режима, необеспечение работников защитными средствами (по делам о преступлениях, связанных с производственной деятельностью);

нарушение правил хранения горюче-смазочных материалов, легковоспламеняющихся и взрывоопасных веществ (по делам о преступлениях против общественной безопасности);

отсутствие или неисправность охранной сигнализации, уязвимость запирающих устройств, плохая освещенность в ночное время, отсутствие контроля над посторонними лицами в гостиницах, общежитиях, санаториях (по делам о корыстных имущественных преступлениях)[21].

Что касается внесения собственно криминалистического вклада в процесс выявления указанных обстоятельств, то он состоит, главным образом, в грамотной организации и тактически верном проведении следственных действий. Р. С. Белкин и А. Р. Белкин, анализируя предупредительное значение, в частности следственного эксперимента, приводят следующий пример.

[21] См., например: Справочная книга криминалиста / под ред. Н. А. Селиванова. М., 2001. С. 210 ; Криминалистика. Криминалистическая тактика и методика расследования преступлений / под ред. В. Ю. Шепитько. Харьков, 2001. С. 452, 505.

По делу о краже телевизоров с завода-изготовителя обвиняемый показал, что способ совершения преступления основывался на том, что похищенные телевизоры он вывозил с территории завода, спрятав их под капот автомашины. Показания обвиняемого вызвали сомнение и потребовали опытной проверки. В процессе следственного эксперимента обвиняемый показал, как именно он укладывал под капот телевизоры, и доказал возможность этого. Тем самым результаты эксперимента позволили сделать вывод о том, что одним из обстоятельств, способствовавших совершению краж, явилась небрежность заводской охраны. Выявленное подобным образом криминогенное обстоятельство обусловило незамедлительное разрешение вопроса о принятии соответствующих превентивных мер организационно-административного и технического характера[22].

2. *Обстоятельства криминогенного характера, могущие обусловить совершение иных (новых) преступлений* (так сказать, *«перспективная» группа обстоятельств*).

Следователю в конкретных условиях времени, места и ситуационных обстоятельств расследования (производства отдельного следственного действия) нередко приходится действовать в условиях тактического или профессионального риска. Более того, специфика следственной деятельности (особенно в современных условиях роста организованной преступности и распространения феномена преступного воздействия на носителей доказательственной информации[23]) обусловливает потенциальную уязвимость, виктимность самого следователя и иных участвующих в деле субъектов. Данные факторы, очевидно, предрасполагают к совершению в отношении указанных лиц тех или иных преступных деяний. Поэтому виктимологическая профилактика соответству-

[22] См.: *Белкин Р. С., Белкин А. Р.* Эксперимент в уголовном судопроизводстве. М., 1997. С. 29–30. Представляется, что для наиболее эффективной нейтрализации обстоятельств, способствующих совершению преступлений, целесообразны их изучение и обобщение на определенном территориальном уровне и применительно к массиву однородных уголовных дел, с последующим внесением обобщающих представлений о принятии соответствующих мер по устранению указанных обстоятельств.

[23] См., например: *Трухачев В. В.* Преступное воздействие на доказательственную информацию : правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления, нейтрализации. Воронеж, 2000.

ющих обстоятельств, выражающаяся в использовании тактических рекомендаций криминалистики и решении ряда организационных вопросов, касающихся обеспечения безопасности определенных лиц, – неотъемлемая предпосылка результативной криминалистической деятельности.

Поясним сказанное на примере. Так, согласно ч. 8 ст. 182 УПК РФ следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска. Это может быть обусловлено рядом факторов (необходимостью избежать утечки информации, исключить вынос искомых объектов и др.), но также очевидно и то, что реализация указанного права следователя может быть направлена и на исключение возможности оказания этими лицами активного группового сопротивления обыскивающим, последствия которого могут быть весьма негативными.

Очевидным также представляется профилактический характер криминалистической рекомендации (преследующей аналогичные цели обеспечения безопасности участников обыска), содержание которой исходит из ч. 2 ст. 184 УПК РФ, где говорится о праве следователя подвергнуть личному обыску лиц, находящихся в помещении, где производится обыск, при наличии оснований полагать, что они скрывают при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для дела. Возможность оказания противодействия участникам обыска, и в частности вооруженного сопротивления, как отмечает О. Я. Баев, «всегда должна предполагаться следователем, особенно при обыске у лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких преступлений (в первую очередь, насильственных и корыстно-насильственных), а также ранее судимых за подобные преступления»[24]. При этом во избежание трагических последствий, обыск в помещении, занимаемом такими лицами, должен начинаться именно с личного обыска[25].

Достаточно специфичной превентивной формой производства обыска является обыск в форме *специальной операции*. С. Б. Россинский характеризует эту организационную форму обыска как принудительное обследование помещений (сооружений), имеющих большую площадь и (или) разделенных на множество комнат (отсеков), обширных участков местности или крупных транспортных средств большим числом субъектов в целях отыскания и изъятия множества скрываемых доказательств преступления, предметов и ценностей, нажитых преступным путем и подлежащих конфискации, розыска живых лиц и трупов, осуществляемое в условиях преодоления противодействия расследованию и угрозы такого противодействия[26]. По ряду уголовных дел производство обыска в такой форме насущно необходимо. Однако, учитывая специфику такой (формы), весьма важно, чтобы «превентивная составляющая» специальной операции не обернулась для лиц, находящихся на месте проведения этого следственного действия, нарушениями их прав и законных интересов. В связи с этим представляется совершенно обоснованным мнение О. Я. Баева, считающего, что «обыск в такой организационной форме может быть оправданно проведен лишь в условиях крайней необходимости и лишь на основании судебного разрешения на его применение судом (исключением можно признать ситуации, когда такой обыск осуществляется в условиях вооруженных конфликтов и/или связан с задержанием вооруженных преступников)»[27].

Нуждается в должной «профилактической» организации и такое следственное действие, как проверка показаний на месте (особенно по уголовным делам о преступлениях насильственного характера). Обусловлено, в частности, это тем, что инициатива производства конкретных проверяемых действий, указание маршрута передвижения к соответствующим участкам местности переходит от следователя к субъекту, чьи показания проверяются. Данное обстоятельство, думается, следует рассматривать как потенциально виктимогенное для его участников (естественно, учитывая такие факторы, как личность «проверяемого» субъекта, совершение преступления группой лиц, резонансный характер содеянного).

Как видно, научные взгляды Г. Ф. Горского на проблемы, связанные с изучением обстоятельств, способствующих совершению преступлений (причин и условий преступности), стимулируя развитие междисциплинарной концепции предупреждения (профи-

[24] *Баев О. Я.* Тактика следственных действий. Воронеж, 2012. С. 200.
[25] См.: Там же.
[26] См.: *Россинский С. Б.* Обыск в форме специальной операции. М., 2003. С. 43.
[27] *Баев О. Я.* Тактика следственных действий. С. 182–183.

лактики) преступлений, в то же время способствовали появлению новых научных идей в криминалистике. Каждый раздел криминалистики, по его мнению, должен включать в себя «методику предупредительной работы на базе доказывания причин и условий, способствующих совершению преступлений своими специфическими возможностями»[28]. И, несмотря на дискуссионность указанного мнения в свете современных представлений о предмете криминалистической науки, думается, такое развитие ее превентивной функции немаловажно в аспекте должной реализации каждым из разделов криминалистики своего предназначения, а в конечном счете – достижения целей назначения уголовного судопроизводства.

[28] *Горский Г. Ф.* Указ. соч. С. 34.

Раздел 3

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОГО АППАРАТА И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Г. Ф. Горский

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО АППАРАТА В СССР*

(Извлечения)

Глава I

§ 3. ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО АППАРАТА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Как видно из анализа проблемы, развитие нашего следственного аппарата за весь предшествующий период шло в направлении совершенствования как процессуальных, так и организационных форм его деятельности. Однако сегодняшнее положение следствия в стране в его организационном плане нельзя признать удовлетворительным. И хотя в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 года «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» наметилась тенденция организационной унификации следственного аппарата в органах МВД, но до организационного совершенства еще пока далеко.

М. С. Строгович пишет: «Организация следственного аппарата – проблема большая и сложная, она требует самостоятельного рассмотрения и обсуждения... Мы думаем, что существующее состояние раздвоенности следственного аппарата между прокуратурой и органами охраны общественного порядка не является окончательным решением, что здесь необходимы дальнейшие усовершенствования»[1].

Искусственное разделение следственных органов и самого расследования привело к серьезным недостаткам в борьбе с преступностью, и особенно с крупными хищениями социалистической собственности, с такими организованными преступлениями, как нарушение правил о валютных операциях, взяточничество, спекуляция; вместо усиления гарантий прав участников процесса это привело также к необоснованным ограничениям их прав при производстве дознания.

---

* Первая публикация данной работы: *Горский Г. Ф.* Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1970. 208 с.

[1] М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. 1, М., 1968, стр. 229–230.

Представляется, что недостатки в значительной мере могут быть устранены окончательной перестройкой и организационным совершенствованием следственного аппарата. В настоящее время необходимо создать следственные аппараты в органах Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, в деятельности которых будут сочетаться следственные функции и разнообразные эффективные возможности оперативной деятельности по раскрытию, пресечению и глубокой профилактике преступлений. Процессуальный режим расследования по уголовно-процессуальному законодательству установлен единый. Прокуратура должна обладать в отношении предварительного расследования строжайшими надзорными функциями. Видимо, такая перестройка потребует и соответствующей реформы дознания, как в части подследственности, так и в части организации.

В настоящее время следственный аппарат МВД расследует 4/5 преступлений в стране. При этом следует отметить, что за 7 лет своего существования он быстро организационно окреп и набрал силу. Если в 1963 году удельный вес расследования по уголовным делам следственным аппаратом МВД составил 57 %, то в 1964–65, 1965–70, 1967–73,5, в 1968 году – 74 %[2].

Наши аргументы в пользу создания единого следственного аппарата в МВД СССР имеют не только статистический характер. Следственный аппарат, который получил реальную возможность тесного взаимодействия с оперативными органами МВД, большую техническую оснащенность и мощные информационные источники, сам стал более оперативным в выполнении основной процессуальной функции – расследования преступлений. Об этом свидетельствуют данные проведенного нами конкретного исследования по 733 уголовным делам. Если эту цифру принять за 100, то оказывается, что оперативными возможностями было раскрыто 20 % преступлений, личным сыском оперативных работников – 12,1, участковых уполномоченных – 7,5, работниками дознания – 10,2 %. При производстве расследования в следственных отделах МВД раскрыто 366 преступлений (около 50 %), а в следственных отделах прокуратуры – лишь 6 преступлений. Характерно, что из 99 случаев хищения, подследственных прокуратуре, 87 раскрыто службами МВД и 12 – в ходе расследования, проводимого следователями прокуратуры.

[2] См.: Б. А. В и к т о р о в, Следственный аппарат органов охраны существенного порядка, «Социалистическая законность», 1968, № 4, стр. 11.

Практика единоличного расследования уголовных дел в органах прокуратуры, без надлежащего организационного взаимодействия с оперативными аппаратами, имеет существенные качественные недостатки. Расследование в ряде случаев осуществляется неполно, ибо следователь не располагает широким информационным материалом о преступной деятельности обвиняемых в целом или отдельных ее моментах. В связи с этим многие доказательства либо исчезают бесследно, либо проходят мимо внимания следователя. Как правило, следователь прокуратуры недостаточно осведомлен об обстоятельствах дела, особенно в начальный период развертывания расследования. У него нет возможностей эффективно осуществить контроль за действиями обвиняемых или подозреваемых. Последние же часто делают все возможное, чтобы воспрепятствовать расследованию в целом или в отдельных его эпизодах.

Не решает вопроса и предоставленная законом возможность создания следственных бригад (ст. 129 УПК РСФСР) и постановки заданий органам МВД о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Они превращаются в формальность, в виду того что большин-ство следователей прокуратуры не имеют конкретных представлений о возможностях оперативно-розыскной работы. Если же они знают об этом теоретически, то не представляют возможностей конкретной обстановки, очень мобильной, резко изменяющейся в короткие промежутки времени.

«В современных условиях раскрытие преступлений, – отмечает Б. А. Викторов, – это коллективная задача следственного аппарата и оперативных работников. От их слаженной, целеустремленной и квалифицированной работы зависит раскрытие преступлений. Известно, что наиболее эффективный метод в этой работе – немедленно реагировать на сообщение о преступлении и под руководством следователя организовать розыск преступника «по горячим следам»[3]. Такую же точку зрения высказал и Н. В. Жогин, который полагает, что «успех борьбы с преступностью во многом зависит от правильного сочетания следственной работы с оперативно-розыскными мероприятиями органов милиции. Только согласованными усилиями следственного аппарата и различных оперативных служб органов милиции можно обеспечить выполнение требования закона о раскрытии каждого преступления»[4]. Наиболее приспособлен для выполнения этой задачи следственный аппарат МВД.

[3] Б. А. В и к т о р о в, Следственный аппарат органов охраны общественного порядка, «Социалистическая законность», 1968, № 4, стр. 12.

[4] Н. В. Ж о г и н, Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел, М., 1968, стр. 89–90.

Только при соединении оперативной и следственной работ в одном ведомстве вопросы раскрытия преступлений, их пресечения и предупреждения, выявления, изучения и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, будут решаться комплексно, всесторонне, без взаимных обвинений, с единой ответственностью руководителя аппарата МВД за состояние борьбы с преступностью, с осуществлением эффективного надзора за производством расследования со стороны прокуратуры, у которой при освобождении ее от непосредственных следственных функций высвободились бы для этого значительные силы и средства.

Не случайно в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка» говорится, что данная мера необходима в целях усиления борьбы с преступностью, дальнейшего укрепления социалистической законности и расширения демократических начал уголовного судопроизводства.

Предложение о создании единого следственного аппарата в системе органов МВД выдвигалось и аргументировалось нами в ряде работ и получило в литературе либо поддержку, либо возражение со стороны других авторов. Так, В. А. Стремовский расценил наше предложение как стремление ввести коллегиальное следствие одновременно следователем и оперативным работником[5]. Думается, что это результат простого недоразумения. Мы предлагаем организовать аппарат следствия таким образом, чтобы наиболее эффективно было налажено взаимодействие между следственными и оперативными подразделениями в одном ведомстве.

Критикуя далее наше предложение, В. А. Стремовский пишет: «Автор упускает из виду бесспорное положение о том, что методы оперативной работы и ее результаты никогда не служили и не могут служить основанием не только для приговора суда, по и для выводов и решений следователя»[6]. Думается, что в нашем предложении о создании единого следственного аппарата в системе органов МВД совершенно нет оснований для подобного суждения. Мы также считаем, что результаты оперативной работы не служили и никогда не будут служить основанием для выводов следствия и суда, но в то же время решительно утверждаем, что всесторонняя, полная, достоверная оперативная деятельность в значительной степени увеличивает общую осведомленность, информированность следователя, что само по себе уже немаловажно, а также расширяет его возможности в сфере процессуального доказывания и использования традиционных, предусмотренных уголовно-процессуальным законом источников доказывания. Что касается боязни ряда ученых и практиков, что следователь может оказаться в плену оперативной информации, в некоторых случаях недостоверной, так это расчет на плохого следователя. Такой следователь в равной мере может попасть в плен недостоверной собственной версии, построенной на фактическом материале из процессуальных источников, собранном им лично.

[5] См.: В. А. Стремовский, Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе, Ростов-на-Дону, 1966, стр. 62.

[6] Там же, стр. 63.

Отрицательные влияния на следственный аппарат исключаются его процессуальной самостоятельностью и независимостью от милиции в административном отношении и регламентированием каждого шага в расследовании конкретного дела нормами уголовно-процессуального законодательства. Л. А. Быков, например, абсолютно правильно утверждает, что «наделение органов МВД следственными функциями усиливает фронт борьбы с преступностью. Глубокий смысл в создании следственного аппарата в системе МВД заключается прежде всего в том, что органы дознания и следователи получили возможность совместной и обязательной работы в области проверки и анализа оперативно-розыскных материалов»[7]. Тем самым, добавим, ликвидирован неоправданный разрыв в их взаимодействии. При организации следственного аппарата следует исходить прежде всего из того, насколько эффективно при строгом соблюдении законности он сможет выполнять свою основную задачу – борьбу с преступностью.

Помимо этого мы предлагаем дополнительную систему процессуальных гарантий, и прежде всего расширение права на защиту и усиление на всех стадиях расследования прокурорского надзора вплоть до проверки законности оперативно-розыскной деятельности, а также усиление прокурорского надзора за строгим соответствием закону всех ведомственных актов Министерства внутренних дел СССР.

В. А. Стремовский утверждает, что предлагаемая нами конструкция организации следственного аппарата не будет жизнеспособной и не даст положительных результатов. Но следственный аппарат МВД доказал свою жизнеспособность уже тем, что упраздненный воле-

[7] Л. А. Быков, Прокурорским надзор за исполнением законов в Деятельности органов дознания и предварительного следствия МООП, автореф. канд. дисс., М., 1968, стр. 6.

вым решением, вразрез с требованием объективной действительности, он был восстановлен на новой основе, сейчас набирает силу, квалифицируется, и как мы уже отмечали, расследует 4/5 всех уголовных дел, в том числе наиболее трудоемкие и сложные, многие из которых оказались и раскрытыми-то благодаря разумному сочетанию следственных и оперативных функций водном ведомстве. Законодатель сам восстановил в свое время несправедливо отвергнутую им точку зрения о необходимости создания аппарата следствия в милиции, т.е. в системе МВД, предусмотрев при этом необходимые процессуальные и организационные гарантии от непроцессуальных влияний на следователей. Жизнеспособность следственного аппарата МВД подтверждается и аналогичным построением следственного аппарата КГБ. И, наконец, анализ официальной статистики и проведенное нами конкретно-социологическое исследование ошибок судебно-следственной практики также подтверждают жизнеспособность и эффективность деятельности следственного аппарата МВД.

По данным статистики, у следователей прокуратуры на 1 января 1967 года было 12,2 % дел со сроками следствия свыше двух месяцев от общего остатка нерасследованных дел, на 1 января 1968 года – 10,7 %, а у следователей МВД – соответственно 7,8 % и 5,4 %. В течение 1968 года следователи МВД закончили в срок производство следствия по 96 % дел. В 1967 году следователям прокуратуры было возвращено на дополнительное расследование 4,9 % дел, в 1968 году – 4,5 %, следователям МВД – соответственно 4,2 % и 3,9 % (при более значительной подследственности). В 1967 году следователи прокуратуры прекратили 30 % дел от общего числа ими оконченных, в том числе из-за отсутствия события и состава преступления – 12,3 %, а следователи МВД – соответственно 24,8 % и 8,4 %[8].

В областях Центрально-Черноземного района мы провели специальное исследование ошибок, допущенных в следственной и судебной практике[9]. Нами было проанализировано 842 уголовных дела, в которых кассационные и надзорные инстанции установили различного рода ошибки в количестве 2201. В числе других исследовался во-

[8] См.: С. Панченко, Показатели работы следователей, «Социалистическая законность», 1968, № 8, стр. 34–36; он же, Оценка работы следователей по статистическим данным, «Социалистическая законность». 1968, № 1. стр. 21–24.

[9] Подробно об этом см.: В. Е. Чугунов, Г. Ф. Горский, Применение кибернетических устройств для анализа ошибок в судебной практике, «Советское государство и право», 1966, № 11, стр. 34–44.

прос о зависимости допущенных в уголовных делах ошибок от органа, который проводил расследование. На этом основании решалась задача по определению качественной характеристики деятельности различных следственных органов.

Не учитывая сложности расследуемых дел и их числа, видов допущенных ошибок, мы рассмотрели средние показатели ошибок на каждое дело по индексу, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Орган, проводивший расследование	Число расследованных дел, по которым допущены ошибки	Общее число ошибок	Среднее число ошибок на каждое дело
Следователи прокуратуры	285	784	2,75
Прокуроры	16	43	2,7
Следователи МВД	411	1036	2,52

Оказалось, что при расследовании уголовных дел наименьшее число ошибок было допущено в следственном аппарате МВД.

Особое внимание мы обратили на характер ошибок, который во многом зависит от качества расследования. Большое количество ошибок было связано с односторонностью или неполнотой расследования, а это, в свою очередь, влекло за собой односторонность или неполноту судебного следствия. Причем наибольшее количество такого рода ошибок было допущено следователями органов прокуратуры – 34,74 %, следователями МВД было допущено 31,63 % ошибок и прокурорами – 25 %.

Об удельном весе ошибок, связанных с односторонностью или неполнотой дознания, предварительного или судебного следствия, свидетельствует табл. 2.

Среди ошибок указанной категории первое место по удельному весу занимают следующие: не допрашиваются лица, чьи показания имеют существенное значение (следователи прокуратуры – 13,33 %, следователи МВД–10,46 %); не устанавливаются с достаточной полнотой данные о личности обвиняемого (следователи прокуратуры – 7,02 %, следователи МВД – 7,79 %); не истребуются документы, имеющие существенное значение для дела (следователи прокуратуры – 4,21 %, следователи МВД – 3,65 %).

К числу ошибок, допущенных органами расследования, относятся и существенные нарушения уголовно-процессуального закона (ст. 345 УПК РСФСР). Для анализа мы взяли два вида самых тяжких ошибок

Таблица 2

Орган, производивший расследование	Число расследованных дел, по которым допущены ошибки	Ошибки, связанные с односторонностью или неполнотой дознания, предварительного или судебного следствия (ст. 343 УПК РСФСР)					
		всего ошибок этой категории	не были допрошены лица, чьи показания имели сущ. значение	не была проведена обязательная по закону экспертиза	не была проведена экспертиза, необходимая по делу	не были истребованы документы, имеющие существенное значение	не были истребованы вещественные доказ., имеющие сущест. значение
Органы дознания	127	37(29,13 %)	14	1	1	5	1
Следователи прокуратуры	285	99(34,74 %)	38	3	8	12	3
Следователи МВД	411	130(31,63 %)	43	5	11	15	2
Прокуроры	16	4(25 %)	3	–	–	1	–

этой категории: возбуждение уголовных дел при отсутствии события преступления или при отсутствии в деянии состава преступления.

Два вида самых тяжких ошибок этой категории: возбуждение уголовных дел при отсутствии события преступления или при отсутствии в деянии состава преступления.

Как следует из табл. 3, наименьшее число ошибок при максимальном числе расследованных дел допущено следователями МВД.

Приведенные нами данные опровергают утверждения скептиков о том, что следственный аппарат МВД не сможет так же квалифицированно и качественно расследовать уголовные дела, как это, скажем, делает следственный аппарат прокуратуры.

Следственные аппараты МВД во взаимодействии с другими подразделениями должны всесторонне и комплексно проводить профилактическую работу, особенно в части устранения благоприятных условий для совершения преступлений, специально создаваемых преступниками. На оперативные аппараты милиции, исправительно-трудовые учреждения возлагается задача по непосредственному

Таблица 3

Орган, производивший расследование	Число расследованных дел, по которым допущены ошибки	Ошибки, связанные с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона		
		всего ошибок этой категории	отсутствие события преступления	отсутствие в деянии состава преступления
Органы дознания	127	15(11,81 %)	1(0,78 %)	4(3,15 %)
Следователи прокуратуры	285	15 (5,26 %)	1(0,35 %)	4(1,4 %)
Следователи МВД	411	20(4,9 %)	1(0,24 %)	5(1,22 %)
Прокуроры	16	2(12,5 %)	1(6,25 %)	1(6,25 %)

устранению недостатков, вскрытых в их деятельности в ходе расследования. О том, что выполнение этой задачи может оказать серьезное влияние на совершенствование предупредительной работы органов МВД, говорят данные конкретно-социологического исследования. Анализ показал, что 6 % лиц, совершивших преступления, умышленно создавали благоприятные условия, облегчившие их преступную деятельность. Если эту категорию правонарушителей принять за 100 %, то 27,7 % из них были бы рецидивистами, а 44,4 % – крупными расхитителями.

При создании единого следственного аппарата в системе органов МВД будет достигнуто такое положение, когда при обнаружении ошибок, устранении неправомерных, несправедливых решений отпадает необходимость на прокуратуру жаловаться в прокуратуру.

Существование в настоящее время двух следственных аппаратов, особенно в районном звене, не оправдывает себя и экономически как в обеспечении организационно-техническими средствами, криминалистической техникой, транспортом, так и в личном материальном обеспечении следователей, выполняющих одинаковую работу.

Практика показала, что расширение подследственности в следственном аппарате МВД оправдало себя, следственные кадры приобрели необходимый опыт. Наступило время провести специализацию следственных работников, которая обеспечивала бы квалифицированное расследование отдельных наиболее сложных категорий дел (особенно в звене от областного аппарата и выше) и при осуществлении бригадного способа расследования преступлений в дежурных группах и следственных бригадах.

В завершение аргументации в пользу создания единого следственного аппарата в органах МВД необходимо привести мнение следственных работников прокуратуры и МВД, опрошенных нами в ходе предпринятого специального конкретного исследования по научной организации труда и управления в следственном аппарате в различных районах страны в 1969 году. За создание единого следственного аппарата в Министерстве внутренних дел СССР высказались 31 % опрошенных следственных работников прокуратуры и 45,1 % следственных работников МВД, за единый аппарат в системе Прокуратуры СССР – соответственно 19 % и 9 % и за организацию самостоятельного Следственного комитета при Совете Министров СССР – 48 % и 45,9 %. При этом большинство из сторонников выделения следствия в самостоятельный орган подчеркивали либо необходимость наделения Следственного комитета правом давать обязательные указания оперативным органам МВД, либо возможность подчинения ему аппаратов розыска и ОБХСС, т. е. в той или иной мере связывали улучшение следственной работы с эффективной розыскной деятельностью оперативных подразделений, что наилучшим образом достигается в их организационном построении в аппарате МВД. Следует отметить, что дело здесь не только в большинстве голосов, а прежде всего в мотивах обоснования идеи и предложений об организации единого следственного аппарата в СССР.

Вопрос о создании единого следственного аппарата, безусловно, относится к числу трудных и в настоящее время является остро дискуссионным как среди ученых, так и среди практиков (о чем свидетельствуют и научные публикации, и выступления на научных и научно-практических конференциях, и итоги конкретно-социологического исследования). Укажем, что не все согласны с подобной постановкой вопроса. Доктор юридических наук заместитель Генерального Прокурора СССР Н. В. Жогин выступил с обстоятельной статьей, посвященной роли и месту следственного аппарата в СССР и подверг критике сторонников создания единого следственного аппарата и вообще сторонников его реорганизации. Он признал, что «следственный аппарат все еще остается слабым звеном в системе государственных органов, ведущих борьбу с преступностью, и по-прежнему нужны максимум заботы и внимания к нему, укрепление кадров и повышение их деловой квалификации»[10]. С этим утверждением не возможно не согласиться. Н. В. Жогин справедливо призывает ученых-юристов разрешить такие важные, основополагающие проблемы

[10] Н. В. Ж о г и н, Роль и место следственного аппарата в СССР, «Социалистическая законность», 1969, № 4, стр. 17.

предварительного следствия, как научная организация труда, оптимальность деятельности следственного аппарата, профессиональная ориентация следователей. Четко, правильно и всесторонне он сформулировал главные задачи в деятельности следственного аппарата. Но критика сторонников создания единого следственного аппарата вызывает возражения. «...Вместо того, – пишет Н. В. Жогин, – чтобы направить все усилия на выполнение этих важных задач, в последнее время на страницах печати, в том числе и юридической, в выступлениях на некоторых конференциях и совещаниях высказываются предложения о необходимости реорганизации следственного аппарата. И делается это под флагом разработки предложений о совершенствовании деятельности следственных органов...»[11]. И далее: «Для какой-либо реорганизации их сейчас нет достаточно серьезных оснований, и все предложения в этом направлении не имеют под собой сколько-нибудь реальной почвы»[12]. Автор данной концепции полагает, что все следственные звенья в нашем государстве построены на общности цели, единстве процессуального регулирования, уже составляют тем самым единый следственный аппарат, что усилия должны быть направлены по иному руслу, а именно по совершенствованию форм координации в деятельности всех следственных звеньев, повышению идейно-политического уровня и профессионального мастерства следователей, вооружению их достижениями техники и науки на современном уровне.

Представляется, что каждая из поставленных задач важна сама по себе, но все они, даже разрешенные полностью в совокупности, будут все-таки полумерой в решении вопроса о научной организации и деятельности единого следственного аппарата в СССР. Любое самое аргументированное предложение ученого или руководящего работника следствия о роли и месте следственного аппарата в стране, видимо, не исчерпает аргументацию большого числа практических работников всей существующей системы следственного аппарата. А они высказали свое мнение не двусмысленно. Таким образом, предложения о реорганизации следственного аппарата – это не «кабинетная абстракция» отдельных ученых, а объективное требование жизни, практики.

Мы прекрасно сознаем, что организационные формы следственного аппарата не могут изменяться и совершенствоваться на основе

[11] Там же, стр. 18.

[12] Там же, стр. 22.

произвольных, субъективных пожеланий и умозрительных построений, а должны иметь объективную основу, практическую целесообразность и политическое обоснование. Думается, что некоторое обоснование организационной перестройки следственного аппарата в СССР нами дано.

Глава II

§ 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРИНЦИПЫ И ЗАДАЧИ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И УПРАВЛЕНИЯ В СЛЕДСТВЕННОМ АППАРАТЕ

Проводимое следственными органами преследование преступлений касается всего общества. Общество и государство заинтересованы в том, чтобы их следственные органы были организованы на строго научной основе и управлялись научными методами. Можно сказать, что разработка проблем научной организации труда и управления в следственном аппарате, их основ, принципов и задач является одной из главных задач юридической науки, правовой политики и практики деятельности в современный период. Развитие науки определяется прежде всего развитием материального производства, требованиями жизни, ее нуждами[1]. В. И. Ленин говорил о необходимости такой постановки работы государственных органов, чтобы «наука не оставалась мертвой буквой или модной фразой... чтобы наука входила в плоть и кровь – превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»[2].

Усложнение политических, общеправовых, процессуальных и специальных задач и функций, стоящих перед следственным аппаратом; научный рост и совершенствование кадров следственного аппарата, особая его ответственность в системе органов государственного аппарата, революция в технической вооруженности следствия, рост уровня культуры и общеобразовательной подготовки населения поставили практически вопрос о всемерном внедрении принципов и методов научной организации труда и управления в следственную деятельность в уголовно-процессуальном и организационном ее аспектах.

[1] См.: Из неопубликованных рукописей К. Маркса, «Большевик», 1939, № 11–12, стр. 61.

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 311.

Само следственное производство по конкретным уголовным делам есть производство научное, требующее ряда специальных исследований, теснейшей связи с наукой в ее самых различных областях[3]. Сложные задачи стоят в следственном аппарате и в сфере его управленческой деятельности. Управленческая же машина, указывал В. И. Ленин, «машина советской администрации должна работать аккуратно, четко, быстро, иначе все дело управления принимает характер призрачный и мнимый»[4].

Эффективно осуществлять задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством, специфические общественно-политические функции «1) вскрыть и публично осветить общественно-политические нити преступления, 2) вынести из суда уроки общественной морали и практической политики, 3) вскрыть этим самым недочеты... и дать материал... для критики и исправления»[5] может только такой следственный аппарат, деятельность которого организована на строго научной основе.

Основные принципы и задачи научной организации труда и управления в следственном аппарате определены в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 декабря 1965 года «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка». Характерным, важнейшим принципом научной организации труда и управления в деятельности следственного аппарата является то, что она основывается на строжайшем соблюдении социалистической законности, проводится в жизнь и регламентируется, в основном, правовыми формами.

В наиболее общей форме задачи научной организации труда любого аппарата раскрывает специалист и теоретик НОТ П. М. Керженцев. «Чтобы сделать ясным,– писал он,– в чем заключается сущность научной организации труда, мы разделим ее на три основные части:

1) изучение человека как машины, т.е. с точки зрения максимальной эффективности его работы;

2) изучение и приспособление материальных сил (обстановки, орудий, материалов и пр.);

3) изучение и применение рациональных организационных методов.

[3] Л. Ф. Кони отмечал, что «научные положения, преломившись в законодательной призме на радугу отдельных мер, получают воплощение в обыденной жизни путем судебной практики» (А. Ф. Кони, Соч., т. 4, 1967, стр. 38).

[4] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 54, стр. 101–102.

[5] Н. В. Крыленко, Ленин о суде и уголовной политике, М., 1934, стр. 70.

Первая часть касается субъективного момента всякой выполняемой работы (роли человеческого элемента в ней), вторая – объективной материальной обстановки ее, третья – взаимоотношений как между субъективными и объективными моментами работы, так и между отдельными элементами субъективного или объективного порядка»[6].

Применительно к рассматриваемой нами проблеме, для того чтобы обеспечить действительное улучшение конкретной следственной деятельности и действительное улучшение самого следственного аппарата, необходимо по крайней мере изучить следователя как личность, как субъекта специфической следственной деятельности, как систему с точки зрения максимальной эффективности и надежности его работы, инструменты его материального и научного обеспечения, применение на практике регламентированных уголовно-процессуальным законом и рекомендованных наукой рациональных, криминалистических и организационных методов.

Особое место в научной организации труда и управления в следственном аппарате отводится постоянному, каждодневному и повсеместному изучению следователем (в пределах своей компетенции) объекта непосредственного воздействия – преступности. «Чтобы действовать с какими-либо шансами на успех, – писал Карл Маркс, – надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать»[7]. Следователь, каким бы широким диапазоном знаний он ни обладал не сможет успешно осуществлять свою деятельность, если не знает сущности явления, на которое он воздействует, – социальной сущности преступности, ее динамики, структуры и причин. Трудности здесь усугубляются тем, что в данном случае мы имеем дело с явлением и процессом нестационарным. Поэтому научная организация труда и управления в этой части теснейшим образом связана с умением каждого следственного работника проводить в пределах своих полномочий научный криминологический анализ, методологию и методику которого он обязан знать на уровне тактики и методики расследования конкретных уголовных дел. В этой связи можно сказать, что НОТ будет своеобразным эффективным инструментом в борьбе с преступностью[8].

[6] П. М. Керженцев, НОТ. Научная организация труда, в сб. «Научная организация труда и управления». М., 1965, стр. 50.

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 195.

[8] О возможностях НОТ в борьбе с преступностью писала Е. Ф. Розмирович в работе «Вопросы методологии и организационной политики в области техники управления» (М., 1926, стр. 22).

Задача изучения преступности следователем является одной из основных форм его социально-политической деятельности. Крупные знатоки практической следственной работы Л. А. Мариупольский и Г. Р. Гольст писали: «Основной формой активного участия в историческом процессе создания материальной базы коммунизма и воспитания нового человека для советских следователей является решительная, энергичная, высококвалифицированная, принципиальная, покоящаяся на научной основе борьба с преступностью...»[9].

Научная организация труда в следственном аппарате включает в себя: внедрение самых новейших достижений науки и техники, в том числе достижений права, криминологии, криминалистики, организационно-управленческой науки, социологии, педагогики, психологии, математики, кибернетики, электроники, оргтехники и др., во все сферы следственной работы; совершенствование в соответствии с этими достижениями науки и практики (включая организацию управления) профессиональной подготовки всех звеньев следственного аппарата, его оперативных, технических и информационных служб; установление научно обоснованных нормалей труда следователей, оптимальное соотношение следственного и технического, вспомогательного состава, контролеров и исполнителей; улучшение и более глубокое научное обоснование структуры следственного аппарата и системы его взаимосвязей с оперативными подразделениями МВД, КГБ, судебными и прокурорскими органами и экспертными учреждениями; разделение и кооперирование труда по осуществлению борьбы с преступностью, использование творческих возможностей каждого следственного работника, рациональная их расстановка внутри следственного аппарата или бригады при расследовании крупных, трудоемких, многоэпизодных дел, специализация; обследование затрат рабочего времени, устранение причин непроизводительного использования его, исследование психофизиологии труда, совершенствование методики следственной работы и повсеместное, разумное использование положительного отечественного и зарубежного опыта с точки зрения сравнительного правоведения.

Даже простой перечень задач научной организации труда и управления говорит о сложности проблемы. Одним днем и годом в практической жизни их не реализуешь. В. И. Ленин отмечал, что «строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи

[9] Л. А. Мариупольский, Г. Р. Гольст, К вопросу о процессуальных функциях следователя, «Советское государство и право». IC63. № 3, стр. 112.

между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это – работа многих лет...»[10].

Научную организацию труда в следственной деятельности можно определить как процесс непрерывного совершенствования форм и методов конкретной следственной работы, организации следственного аппарата в соответствии с новейшими достижениями науки, техники и социальной практики. НОТ – это комплекс правовых, экономических, научно-технических, организационно-управленческих и иных мероприятий для целей повышения продуктивности следственного труда, его эффективности и оптимальности.

П. И. Стучка считал, что организация труда состоит из следующих элементов: порядка, разделения труда и контроля[11].

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 316.

[11] См.: П. И. Стучка, Учение о Советском государстве, его Конституции. М.–Л., 1931, стр. 204.

В специальной литературе даны многочисленные определения научной организации труда. В «Резолюции 2-й Всесоюзной конференции по НОТ» (М., 1924, стр. 3) указывается, что «научную организацию труда нужно понимать как процесс внесения в существующую организацию труда добытых наукой и практикой усовершенствований, повышающих общую продуктивность труда».

П. М. Керженцев говорил, что «НОТ стремится применять к работе и всей деятельности человека научные начала: методичность, систему, точный расчет, правильный анализ. Ничего случайного, ничего необдуманного. Работа должна идти, так сказать, по математической формуле». (П. М. Керженцев, Борьба за время, М., 1965, стр. 89).

И. А. Слепов определяет НОТ как «процесс или систему мероприятий, направленных на совершенствование методов и условий всех видов труда на основе новейших достижений науки и техники, обеспечивающих всестороннюю экономию труда и времени и неуклонный рост общественной производительности труда, чтобы постепенно, но неуклонно вводить коммунистическую дисциплину и коммунистический труд». (И. А. Слепов, Научная организация труда и ее значение в создании материально- технической базы коммунизма, в сб. «Научная организация труда и управления», М., 1965, стр. 23).

За последние годы появились некоторые источники юридической литературы по проблемам научной организации труда и управления, где даются определения НОТ применительно к деятельности судебно-следственного и прокурорского аппарата. Так, В. П. Решетин пишет: «Научная организация труда в деятельности органов милиции—это система мероприятий. выработанных на научных основах и предусматривающих изучение личности конкретных должностных лиц, создание наиболее благоприятных условий для их службы, рациональное использование сил и средств, разработка и внедрение новых форм, приемов и методов деятельности органов милиции, в целях достижения оптимальных результатов борьбы с преступностью и иными антиобщественными проявлениями при минимальных затратах сил и средств». (В. П. Решетин, К вопросу о понятии научной организации труда и ее внедрении в деятельность милиции, в кн. «Сборник статей адъюнктов и соискателей Высшей школы МВД СССР», М., 1969, стр. 48.)

Сформулированные нами основные задачи научной организации труда в следственном аппарате достаточно убедительно говорят о том, что это не катехизис рецептов, а постоянная творческая работа по отбору нового, эффективного, оптимального, работа сложная и многогранная, имеющая не только правовой, но и социально-политический, экономический, психологический, педагогический, организационный и иные аспекты. В повседневной жизни эта деятельность наталкивается на противодействие, ибо НОТ означает еще и борьбу с сотнями мелочей, глубоко укоренившихся в обиходе и практике работы, борьбу с силами традиций, косности и инерции, переоценку казавшихся до сих пор «бесспорными» ценностей.

Внедряя принципы МОТ в судебно-следственную деятельность, указывал В. В. Куйбышев, «мы пытаемся работу карательную совместить с действительно прочным улучшением аппарата»[12].

Можно прямо сказать, что коренное улучшение деятельности следственного аппарата в современных условиях может быть достигнуто только при условии осуществления принципов научной организации труда и управления, когда теснейшим образом смогут сочетаться два основных направления – совершенная практическая деятельность по расследованию конкретных дел и научно обоснованная работа по всестороннему обобщению, включая планирование и прогнозирование.

В настоящей работе предпринимается попытка раскрыть некоторые проблемы и закономерности научной организации труда и управления в следственном аппарате с помощью материалов конкретно-социологического исследования, проведенного нами в 1967–1970 гг. в Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской, Тамбовской, Белгородской, Волгоградской, Рязанской, Калининской областях, Азербайджанской ССР в следственных органах прокуратуры и МВД.

Любая человеческая деятельность может быть проанализирована в количественном плане, важно лишь при этом в период обследования суметь с помощью количественного анализа вскрыть, обнаружить самые важные и срочные в своем решении проблемы, обосновать их и вынести на рассмотрение.

[12] Цит. по кн.: В. В. Куйбышев, Биография, М., 1966, стр. 211.

В проблеме научной организации труда и управления в следственном аппарате первостепенная роль отводится характеристике личности следователя и руководителя следственного аппарата, их отбору, специальной подготовке, профессиографии. Крупнейший советский специалист по НОТ П. М. Керженцев писал: «Прежде всего необходим подбор людей, действительно понимающих задачи, которые ставит себе пролетарская власть, и честно, со знанием дела их выполняющих»[13]. Любая работа, ее стиль, эффективность определяются исполнителем. Поэтому не случайно исследование проблем научной организации труда и управления в следственном аппарате начаты с изучения личности следователя[14].

Комплексное изучение личности вообще находится сейчас в центре внимания общественных наук. Личность изучают философы и социологи, педагоги и психологи, юристы и представители ряда других наук[15]. Следователи относятся к разряду наиболее специфических профессиональных групп даже в условиях нынешней узкой профессиональной дифференциации. Любая человеческая деятельность может быть эффективной при условии, если ее осуществляют люди с высокими личными, политическими и профессиональными качествами.

В наиболее общем плане следователей как профессиональную группу определяет особая теоретическая подготовка, которая позволяет им в механизме государственного управления выполнять роль творцов юридической культуры, проводников правовой идеологии, организаторов, руководителей и основных исполнителей процесса борьбы с преступностью и нарушениями правопорядка в стране. Еще в 30-х годах Прокурор СССР И. А. Акулов писал: «Нам нужно будет отказаться от того взгляда, что следователь является менее важным звеном, чем председатель суда и прокурор. Следователи являются таким важным звеном, а может быть, и более важным, чем суд и прокурор, потому, что следователь на 75 % определяет судебный приговор»[16].

[13] П. М. Керженцев, НОТ. Научная организация труда, в сб. «Научная организация труда и управления», М., 1965, стр. 68.

[14] См.: В. Васильев, Проблемы профессионального отбора следователей, «Социалистическая законность», 1968, № 2; С. А. Яни, Психологический отбор и подготовка следователей, «Советское государство и право», 1968, № 10; В. Любинский, Профессия следователя требует, Социалистическая законность», 1969, № 1.

[15] См.: И. С. Кон, Социология личности, М., 1967.

[16] И. А. Акулов, За перестройку и улучшение работы суда и прокуратуры. М., 1934, стр. 9.

Партия всегда уделяла громадное внимание вопросам образования, юридической и политической подготовки кадров следственного аппарата. Об этом наглядно свидетельствуют цифры, материалы статистики.

В 1923 году в аппарате прокуратуры среди губернских прокуроров было 17,5 % лиц, имевших высшее юридическое образование, 26,7 % – общее среднее образование, 29,1 % – низшее.

В 1931 году в РСФСР высшее юридическое образование имели 4 % следователей прокуратуры, в 1932 году – 8 %, а в 1933 году – 7 %, в 1934 году – 7,4 %. Среднее юридическое образование в 1932 году было у 24 % следователей, в 1933 году – у 18,7 %, в 1934 году – у 18,7 %. В 1937 году в СССР 9,3 % следователей прокуратуры имели высшее и 31,5 % среднее юридическое образование. Среди старших следователей и следователей по важнейшим делам в этот же период было 21,5 % лиц с высшим образованием и 25,3 % – со средним юридическим образованием. В 1953 году 30,3 % работников аппарата прокуратуры имели высшее и 41,9 % среднее юридическое образование, в 1960 году – уже 79 % было с высшим образованием, в 1962 году – 85 %. В прокуратуре Украинской ССР среди следователей в 1957 году насчитывалось 60,4 % лиц с высшим образованием, в 1961 году – 83,5 %, в 1966 году – 96 %.

В 1929 году в аппаратах милиции работников с высшим образованием было 0,1 %, средним – 7,4 % и низшим 92,5 %[17].

По данным проведенного в 1969 году конкретно-социологического исследования, в следственном аппарате прокуратуры 1,6 % следователей имеют среднее юридическое образование, 8,2 % – незаконченное высшее и 89,6 % – высшее юридическое образование, в следственном аппарате МВД – соответственно 15,5; 14,7 и 69,3 %. Отдельные следственные работники помимо юридического образования имеют еще педагогическое, инженерное и иное высшее образование, некоторые следователи успешно сдали экзамены кандидатского минимума и готовят диссертационные исследования,

[17] См.: А. С. Панкратов, Кадры советской прокуратуры за 50 лет, «Социалистическая законность», 1967, № 10, стр. 29, 34; С. Ф. Скопенко, Ф. А. Лопушанский, Я. П. Нагнойный, Научные методы расследования в деятельности следователей прокуратуры Украинской ССР, в сб. «Криминалистика и судебная экспертиза», вып. 4, Киев, 1967, стр. 81–82; С. А. Голунский, Первые успехи в борьбе за улучшение следствия, «Советская юстиция», 1936, № 10, стр. 8–9; И. Киселев, Ко дню 12-летия Рабоче-Крестьянской милиции, «Административный вестник», 1929, № 11, стр. 2.

многие получили партийно-политическое образование в университетах марксизма-ленинизма. Однако образование – это лишь составная часть профессиональной подготовки следователя. Образование и грамотность еще не означают полной профессиональной пригодности следователей к выполнению их сложнейших функций.

Профессиональные качества личности приобретаются и выковываются в процессе непосредственной практической деятельности, приходят с опытом. Материалы нашего исследования позволили обратить внимание на то, что значительная часть следственных работников имеет сравнительно небольшой стаж работы по специальности (табл. 1; данные в процентах).

Таблица 1

Стаж работы	До 1 года	До 3 лет	До 5 лет	6–10 лет	10–12 лет	20–25 лет	Свыше 25 лет
Следователи прокуратуры	17,5	19,1	15,3	18	18,6	7,1	4,2
Следователи МВД	9.5	32,6	17,1	23,9	16,3	1,2	–

Как следует из таблицы, 36,6 % всех следователей прокуратуры и 42,1 % следователей МВД имеют стаж работы по специальности до 3 лет. В 1964–1965 годах нами проводилось исследование этого вопроса в связи с анализом ошибок, допущенных следователями. В тот период следователей со стажем до 3 лет в органах прокуратуры было 27,2 %, а в аппарате МВД – 29,3 %. Мы наблюдаем сейчас очевидный процесс консолидации следственных кадров и на этой основе рост их опыта и совершенствования профессионального мастерства. Однако до сих пор не достигнуто должное сочетание в следственных аппаратах молодых и опытных квалифицированных кадров следователей. Небольшой стаж и опыт следственной работы, безусловно, отражается на профессиональном мастерстве, о чем с достаточной очевидностью свидетельствует анализ характерных ошибок, допущенных следователями при расследовании конкретных уголовных дел[18]. Следует при этом заметить, что исследование проблем научной организации труда и управления в следственном аппарате и анализ ошибок в следственной и судебной практике проводились нами практически одновременно, в одних и тех же территориальных и временных рамках и в отношении одних и тех же работников. Применялась лишь различная методика конкретного анализа, но это, на наш взгляд,

[18] См. подробнее об этом: Изучение и предупреждение преступности, вып. 9, Воронеж, 1968. стр. 16—42.

имеет лишь положительное значение, ибо разнообразный подход к проблеме, исследование различных ее сторон позволяют объективизировать научную разработку.

Творчески, по-научному смогут организовать профессиональную деятельность лишь люди, которые свою профессию выбрали не вынужденно, не случайно. А. М. Горький организацию труда, по его мнению, одну из главных проблем общества, связывал с устройством личной жизни и профессиональной культурой личности. Он считал, что в каждом деле необходим подбор «человеческих особей» по призванию[19]. «...Правильный выбор профессии, – говорил А. Ф. Кони, – не только определяет весь дальнейший путь человека, но и формирует его личность»[20]. В ходе исследования вопроса о причинах выбора профессии следователя 46,5 % лиц заявили, что их выбор обусловлен интересом к ней, 35,5 % – интересом к юридической работе вообще, 7,6 % – популярностью специальности следователя, 22,9 % – стремлением получить высшее юридическое образование, 10,2 % лиц затруднялись ответить на данный вопрос.

Причины выбора профессии следователя самым тесным образом связаны с возможностями и направлениями профессиональной ориентации людей, избирающих данную профессию. Профессиональная ориентация и индивидуальный отбор работников являются начальным этапом научной организации труда в любой сфере. В этой связи представляют значительный интерес данные о профессиональной ориентации следователей: 3,2 % из них избрали свою профессию по рекомендации школы, 3,8 % – под влиянием семейных традиций, 9,6 % – по советам товарищей; 17,7 % лиц в какой-то мере знали условия следственной работы, 29,5 % – избрали профессию под влиянием встреч со следственными, прокурорскими, судебными работниками; у 10,3 % следователей их выбор профессии определила ее романтика, у 4,2 % – искусство и литература; у 6,7 % – случайные обстоятельства; 10,9 % следователей затруднялись ответить на поставленный вопрос; 13 % следственных работников прокуратуры и органов МВД пришли на работу в следственный аппарат по призыву и мобилизации партийных органов, но их выбор профессии был определенным. Данные конкретного исследования совершенно определенно говорят о недо-

[19] См.: К. А. Ф е д и н, Горький среди нас, М., 1967, стр. 63. О творческой роли профессии см. также: И. Г. Э р е н б у р г, Люди, годы, жизнь, М., 1966. кн. 5–6, стр. 135.

[20] Цит. по: А. Ф. К о н и, Соч., т. 4, стр. 488.

статочной ориентации молодежи со стороны школы и таких массовых пропагандистских коммуникаторов, как печать, художественная литература, искусство.

Следует отметить, что в настоящее время в известной мере действует стихийно сложившаяся система профессиональной ориентации. В некоторых случаях не совпадают ориентация и структура необходимых обществу профессиональных потребностей. Материалы исследования позволили сделать вывод о том, что следственные аппараты проявили немалую заботу о воспроизводстве следственных кадров, много сделали по пропаганде своей профессии. Но это же исследование выявило и ряд отрицательных обстоятельств профессиональной ориентации, и прежде всего бесспорный минус школы в этом важном деле. Большинство учеников выходят в жизнь из стен школы, не отвечая твердо на вопрос о своем профессиональном призвании. Совершенно недостаточна роль в ориентации молодежи семьи, литературы, искусства. Слишком велики элементы случайности в выборе такой сложной и пока еще необходимой обществу профессии, каковой является профессия следователя.

«...Профессии,– писал К. Маркс,– кажутся нам самыми возвышенными, если они пустили в нашем сердце глубокие корни, если идеям, господствующим в них, мы готовы принести в жертву нашу жизнь и все наши стремления. Они могут осчастливить того, кто имеет призвание, но они обрекают на гибель того, кто принялся за них поспешно, необдуманно, поддавшись моменту»[21].

Материалы нашего исследования показали, что 16,9 % следователей прокуратуры и 15,5 % следователей МВД имели колебания при выборе своей профессии, а 9,1 % лиц заявили, что следователями стали случайно. Представляется, что разочарование своей профессией (а о нем заявили 16,3 % опрошенных) произошло в основном именно у людей, случайно избравших ее. Интересы же рациональной научной организации труда в следственном аппарате требуют, чтобы каждый работник без исключения выбирал свою профессию, сообразуясь с необходимыми качествами и способностями, сознательно.

Правильная профессиональная ориентация следственных кадров является важным условием повышения качества их деятельности в условиях больших социальных преобразований, расширения круга вопросов, с которыми приходится сталкиваться следователю, усложнения процессуальных и социальных задач, стоящих перед следственным аппаратом

[21] К. М а р к с, Из ранних произведений, М., 1956. стр. 4.

в целом. Надлежащим образом профессионально сориентированные следственные работники с большим политическим, юридическим, культурным диапазоном наименее подвержены профессиональным деформациям и всякого рода отрицательным влияниям.

В специальной юридической литературе, посвященной проблемам предварительного расследования, крайне скупо исследовался вопрос о характерных, специфических чертах личности следователя, о необходимой совокупности его профессиональных качеств. Лучшей работой в этом отношении является вступительная статья Л. Р. Шейнина к «Настольной книге следователя». «Нельзя говорить о следствии, не сказав о следователе, – писал он. – Нельзя говорить о следователе не рассказав о его работе, о сложном искусстве его профессии, о ее трудностях...»[22]. Л. Р. Шейнин считал, что следователь является прежде всего политическим, государственным деятелем, представителем почетной творческой профессии.

В ходе проведенного нами конкретно-социологического исследования следователи весьма образно, ярко и единодушно охарактеризовали основные профессиональные качества представителей своей профессии в целом и своей профессиональной группы.

При характеристике профессиональных качеств своей профессиональной группы 77,5 % следователей оценили прежде всего трудолюбие, 72,5 % – умение управлять собой и владеть своими чувствами, 68,35 % – честность, 66,4 % – чувство ответственности за судьбы людей, 66 % – умение понимать людей, их душевные волнения, мотивацию поведения, проникнуть в их мир, 64,75 % – творческий подход к любой работе по расследованию преступлений, к профилактической, идеологической работе следователя, 64,35 % – принципиальность, 63,8 % – знание жизни, 61 % – умение видеть хорошее даже в человеке, совершившем преступление, 60 % – эрудицию и общий высокий уровень культуры, 57,45 % – целеустремленность, 51,45 % – знание интересов и мотивов поведения правонарушителей, 47,7 % – чуткость, 44,6 % – идейную убежденность, 43,3 % – простоту. Только 2,85 % опрошенных затруднились охарактеризовать профессиональные качества следователя.

Интересные соображения высказали следователи о необходимом развитии специфических профессиональных способностей: 70,8 % высказались за развитие способности быстро вникать в обстоятельства расследуемого уголовного дела, 61,1 % следователей высоко оце-

[22] Настольная книга следователя, М., 1949, стр. 9.

нивают чувство постоянной ответственности за судьбы людей, 66 % – умение подойти к расследованию в целом и к любому расследуемому делу творчески и без трафарета, чутко, хорошо и быстро понимать психологическое состояние людей.

До сих пор все высшие юридические учебные заведения, осуществляющие подготовку следственных кадров, обращали основное внимание на глубокое и разностороннее изучение цикла юридических и общественно-политических наук. Среди специалистов и организаторов высшего юридического образования, а также руководящих работников аппаратов прокуратуры и МВД уже неоднократно высказывалось мнение о необходимости более широкой и всесторонней подготовки кадров следственного аппарата в области теории организации и управления, психологии, научной организации труда, педагогики. Проведенное нами конкретное исследование дает обобщенное представление об оценке этого мнения самими работниками следственного аппарата. Ценность социологического исследования как раз и заключается в том, что оно на любом уровне выясняет роль, место и функции того или иного явления. Из числа опрошенных следователей 55,6 % высказались за необходимость изучения прежде всего логики следствия, 55,6 % – за необходимость развития аналитических способностей, 47,4 % – психологических способностей. Невозможно качественное расследование уголовного дела без знания зигзагов человеческой души. Это положение трансформируется в предложении 29,6 % опрошенных следователей всесторонне изучать педагогику, развивать и совершенствовать педагогические способности следователя, увеличивать педагогическую, воспитательную роль предварительного следствия в целом.

Следственный аппарат, как и вся система административных, судебных и прокурорских учреждений в целом, наряду с другими главными задачами решает и задачу по осуществлению специфическими средствами и возможностями воспитательной функции в плане конкретном и общепревентивном. Представляется поэтому важным, чтобы в этих учреждениях были созданы какие-то центры по социальному воспитанию. Крупнейшие деятели юстиции, руководители следственного дела в стране, ветераны партии Ф. Э. Дзержинский, В. Р. Менжинский, Д. И. Курский, П. Н. Стучка в своей практической следственной работе всегда тяготели к педагогике.

В организации следственного дела в современный период фигура следователя-одиночки уступает место коллективу следственных,

оперативных работников, экспертов, специалистов, перед которыми ставится общая задача раскрытия преступления. Следователь, как правило, в таком коллективе выступает в качестве организатора этой сложной работы, ее руководителя, наставника. Не случайно поэтому 46,3 % опрошенных высказались за развитие специальных организаторских способностей следователя. Расследование по делу само по себе очень сложно, это процесс со множеством влияний, переплетений сил, процесс, требующий строгого планирования, контроля организации, соблюдения процессуальных сроков. Точность, пунктуальность, систематичность и даже известный педантизм будут весьма важны в характеристике организаторских качеств личности следователя.

Профессиональные качества и профессиональные способности следователей в немалой степени определяются характером их интересов. «Чем сложнее общественная деятельность,– пишет философ и социолог И. С. Кон,– чем многообразнее ее аспекты и функции, тем богаче и жизненный мир отдельной личности»[23]. Понимание задач, стоящих перед следователями как перед государственными и политическими деятелями, сама их социальная активность в выполнении задач на основе долга и веления сердца определяется не только уровнем образования, специальной, профессиональной подготовки следователя, но и уровнем его культуры. В. И. Ленин сам факт осуществления законности тесным образом связывал с повышением уровня культуры как у населения, так особенно среди работников аппарата, осуществляющих правовую деятельность на практике. В. Р. Менжинский, человек редкой теоретической эрудиции, энциклопедических знаний, огромной культуры, политического опыта и перспективы, утверждал: «Для того, чтобы работать в ЧК, вовсе не надо быть художественной натурой, любить искусство, природу, но только такая натура может достичь «вершин чекистского искусства»[24].

О стремлении следователей выковать в себе качества высокоэрудированной, всесторонней, культурной личности говорят данные, характеризующие их внеслужебные интересы. В структуре интересов следователей на первом месте увлечение художественной литературой – 83,2 %, посещение театра и кино – 73,6 %. Многие следователи увлекаются музыкой – 26,2 %, спортом – 28,9 %, искусством и художественным творчеством – 9,2 %, техникой – 10 %, туризмом–

[23] И. С. Кон, Социология личности, М., 1967, стр. 96.

[24] Цит. по кн.: Т. Гладков, М. Смирнов, Менжинский. М., 1969, стр. 335.

9,9 %. Велика тяга следственных работников, наиболее образованных, опытных, к научным исследованиям. Ряд из них имеет научные публикации, выступают с публицистическими статьями, художественными произведениями. Но сделано пока далеко не все, чтобы, как неоднократно говорил знаменитый юрист, публицист и писатель А. Ф. Кони, у юриста общекультурная подготовка была впереди его специальной подготовки.

Высокие требования, предъявляемые к общеобразовательной, общекультурной и научной подготовке следователя, обусловлены его специфическим положением в государственном аппарате. Он должен хорошо знать быт всех групп населения, все стороны общественной и государственной жизни, уметь разрешать самые сложные проблемы во взаимоотношениях людей.

Большую работу по воспитанию необходимых интеллектуальных качеств работников аппарата следствия проводят в органах Министерства внутренних дел СССР. Заместитель министра внутренних дел Б. А. Викторов заявил в одном из интервью, что «в самые последние годы стало обнаруживаться некоторое несоответствие между уровнем технической, профессиональной и, не побоимся этого слова, интеллектуальной подготовленности работников милиции и тем, какие требования предъявляются в современных условиях»[25]. Чтобы выполнять свои функции на самом современном и высоком профессиональном уровне, или, как принято говорить, на научном уровне, следственные работники должны всегда идти в ногу со всеми процессами, происходящими в жизни общества и государства, быть теоретически, профессионально и политически подготовлены таким образом, чтобы уметь прогнозировать будущие явления, события.

Значительная роль в такой подготовке должна быть отведена системе высшего юридического образования и системе переподготовки следственных кадров. Акцентируя внимание на изучении права, криминалистики, криминологии, советская правовая наука в теории, а высшая школа на практике недопустимо мало занимались и занимаются такими важными проблемами, как этическая, психологическая, педагогическая подготовка следователя. А это оказало бы существенное влияние на диапазон и глубину юридических и политических знаний следователя, уровень его культуры, повышение эффективности его работы, на устранение ошибок и недостатков этой работы, на деятельность следователя по формированию общественного и индивидуального правосознания.

[25] «Литературная газета», 12 февраля 1968 г.

Только половина опрошенных следователей (50,8 %) выразила удовлетворение своей специальной подготовкой в высшем юридическом или специальном учебном заведении, 16,4 % – неудовлетворение и 32,8 % – не ответили на этот вопрос. В структуре специальной подготовки следователей в *сс* нынешнем виде высшая школа занимает доминирующее положение. Об этом говорят и данные проведенного исследования: 62,4 % следователей на вопрос, что больше всего повлияло на их специальную подготовку, ответили, что обучение в юридическом вузе, 51 % – непосредственно личная следственная практика, 22,2 % – специальные семинары и курсы усовершенствования, 20,2 % – обмен опытом, 19,1 % специальная литература.

Обосновывая свои предложения по усовершенствованию подготовки следственных кадров в высшей школе и их переподготовке и квалификации на семинарах, в институте совершенствования следственных работников, следователи прежде всего обратили внимание на необходимость более глубокого отбора кандидатов в юридические и специальные учебные заведения, их общенаучной и общекультурной подготовки, на развитие волевых, психологических и иных важных для следственной работы специфических качеств. Следователи считают, что в учебный процесс во всех его формах следует внедрить углубленные проблемные лекции по актуальным и современным вопросам права, криминалистики, педагогики, судебной психологии, организации труда; практические занятия по тактике допроса и других следственных действий с использованием новейших средств их фиксации, включая кино, звукозапись и т. п.; беседы и комментарии опытных организаторов следствия, руководителей следственных бригад по методам раскрытия и расследования наиболее сложных и запутанных преступлений; коллоквиумы по теории доказательств, криминалистической технике, технике и методике расследования, по отдельным наиболее важным произведениям юридической литературы, по узловым, принципиальным задачам деятельности следственных органов, проблемам законодательства и уголовной политики. Все формы обмена опытом имеют исключительно важное значение. К. Маркс говорил о том, что «уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность»[26].

[26] К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 337.

В научной организации труда и управления в следственном аппарате важное место должно быть отведено особой подготовке руководящих следственных кадров. Рост координирующей деятельности при расследовании крупных, многоэпизодных дел бригадным способом, предметно-отраслевой принцип распределения обязанностей, распределение работников по функциям следственной работы с учетом их знаний, опыта, профессиональной пригодности, волевых, деловых качеств и особенностей психологии их личности, совершенствование расстановки кадров, своеобразная административная селекция требуют, чтобы готовились организаторы и руководители следственно-оперативной работы, квалифицированно осуществлялась подготовка управленческого аппарата следствия. Представляется, что эта подготовка должна означать более высокий рост и совершенство профессиональной квалификации, по сравнению с подготовкой рядовых работников следственного аппарата и обучение навыкам осуществления организационных, управленческо-административных функций.

К личности организатора, руководителя следственного аппарата предъявляются особо повышенные требования. В работе «Учиться управлять» И. В. Парамонов писал: «... организатором может быть лишь человек, который умеет планировать свое время и, пользуясь знаниями, приобретенными в школе, институте, и личным опытом, выработал сам для себя определенную систему и приемы руководства порученным делом, а также выработал режим личной жизни, который способствует успешной деятельности»[27].

В. И. Ленин подчеркивал, что всякий процесс коллективного труда не может оставаться без руководства и строжайшего порядка[28]. Строжайший порядок деятельности следователя определен уголовно-процессуальным законодательством, а вопрос о правильном руководстве различными звеньями следственного аппарата, компетентности этого руководства, оптимальности в немалой степени зависит от условий специальной подготовки работников.

Вторая очень важная часть работы по научной организации труда и управления в следственном аппарате связана с вопросами общих принципов организации труда конкретных работников и аппарата в целом и внешними условиями следственной деятельности. В резолюции XII съезда партии записано: «При изучении и установлении принципов научной организации труда и управления, которое не должно

[27] И. В. Парамонов. Учиться управлять, М., 1967, стр. 53

[28] См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 157.

быть только академическим, необходимо слияние деловой практической проверки и научного обобщающего вывода; практической же формой этого изучения должно быть систематическое наблюдение над постоянно повторяющимися и типичными явлениями в области управленческой работы»[29]. Лучшим способом систематического исследования типичных явлений в организации и деятельности след-ственного аппарата является анкетирование.

В проблеме организации следственного труда переплетаются организационные, процессуальные, тактические и административно-управленческие вопросы. Проведенное нами исследование выявило прежде всего объективные недостатки в общей организации труда следователей. Только 47,5 % следователей имели отдельные кабинеты, тогда как условия следственного труда требуют, чтобы каждый следователь был обеспечен хотя бы небольшим, но отдельным помещением для работы; 50,7 % следователей работают в кабинетах на двух человек. 1,8 % – на трех и более; 11,5 % следователей прокуратуры и 6,4 % следователей МВД не имели телефонов; 52,9 % следователей не были обеспечены нормативным материалом, 71,5 % – справочным материалом, 92,5 % – средствами оргтехники, 57,3 % – криминалистическими техническими средствами.

В числе самых насущных, первоочередных задач организации труда следователи назвали обеспечение их автотранспортом (84,2 %), оборудованными кабинетами (71,8 %), магнитофонами (57,4 %), средствами радио и иной связи (34,4 %), диктофонами (28,6 %), стенографистками (30,2 %), машинистками (60,6 %), секретарями (38,4 %), техническими помощниками (34,9 %), нормативно-справочным материалом (20,8 %).

Значительное место в разработке подлинно научной организации труда в следственном аппарате принадлежит постоянному анализу затрат рабочего времени, установлению причин его потерь и непроизводительного использования, борьбе за экономию рабочего времени.

Абсолютное большинство следователей в той или иной мере обращают внимание на необходимость разгрузки их от технической работы. Анкетное обследование, листки самофотографии рабочих дней следователей показали, что только 59,35 % рабочего времени расходуется на непосредственную деятельность по расследованию уго-

[29] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, М., 1954, стр. 722.

ловных дел, 30,7 % затрачивается на техническую работу, 7,4 % – на организацию труда, 7 % – на иные виды работ. Данные, полученные в ходе нашего исследования полностью подтверждаются и итогами исследований, проведенных другими учеными и практическими работниками. Так, по данным Л. А. Соя-Серко, на собственно следственную работу следователи затрачивают 37 % своего рабочего времени, на сопутствующую деятельность – 19,8 %, техническую работу – 11 %, дежурства, совещания – 15 %, рассмотрение заявлений – 3 %, планирование–1 %; непроизводительные затраты рабочего времени составляют 6,9 %[30]. А. И. Михайлов привел данные проведенного им исследования: 25,7 % рабочего времени следователей тратится на допрос и его процессуальное оформление, 28,6 % – составление письменных документов, 23 % – производство обысков и назначение экспертиз, 19 % – на организационные мероприятия; потери рабочего времени составляют 18–20 %. По утверждению заместителя министра внутренних дел СССР Б. А. Викторова, следователи МВД на техническую работу затрачивают 27,1 % рабочего времени[31].

Деятельность следователя в современных условиях еще далека от оптимальной. В среднем в течение рабочего дня следователь проводит 1,5 допроса, подготавливает 0,5 постановления, производит 0,2 иного следственного действия. Но следователи, как правило, работают больше официально установленной продолжительности рабочего дня: 13,9 % – 8 часов, 32,8 % – 9 часов, 32 % – 10 часов, 11,1 % – 11 часов, 10,2 % – 12 часов, а иногда и более[32]. В ходе опроса следователи назвали основные причины потерь рабочего времени: 82,7 % следственных работников потери рабочего времени связывают с отсутствием транспорта, 79,6 % – с загруженностью технической работой, 54,3 % – несвоевременной явкой вызванных лиц, 25 % – с неумением организовать свой рабочий день, 29,8 % – отсутствием средств связи, 16,8 % – ожиданиями приема у руководящих работников и прокуроров.

Только устранение технических помех и совершенствование вспомогательной работы (введение унифицированных бланков, машинопись, приборы для брошюровки материалов дела, обеспечение

[30] См.: Организация работы следователей, вып. 2, М., 1968, стр. 16.

[31] См.: Б. А. Викторов, Наука на службе следствия, «Наука и жизнь», 1969, № 6, стр. 64.

[32] Аналогичное положение наблюдается в судебном аппарате. Как показал опрос 2400 судей, 76,3 % из них работают более 9 часов в день. См.: С. Ромазин, Конференция о научной организации труда в судебных органах, «Советская юстиция», 1969, № 2, стр. 25.

помощью специалистов и техников-криминалистов, технических помощников и т. п.) позволит оптимизировать следственное производство и создать необходимые психологические предпосылки к тому, что следователь будет чаще применять средства криминалистической и организационной техники. В настоящее время еще нет возможности обеспечить каждого следователя комплексом необходимых криминалистических и организационно-технических средств. Поэтому целесообразно оборудовать специальные помещения (следственные кабинеты), которыми могли бы пользоваться в условиях района все следователи МВД и прокуратуры. Необходимо вообще разработать типовые проекты следственных кабинетов, привлекая для проектирования опытных следственных работников, инженеров, психологов, художников. В оформлении и оборудовании следственных кабинетов очень важно чувство меры. Здесь убожество и роскошь могут отрицательно действовать в равной мере, либо наносить удар по авторитету, либо создавать «дистанцию кресла» между следователем и лицом, вызванным для проведения необходимых следственных действий. Специалисты в области техники НОТ подсчитали, что только одна рационализация рабочего места сохраняет до 30 минут рабочего времени в день.

Обследование затрат рабочего времени на основе листков самофотографии показало, что за 8–9 часов работы следователь осуществляет от 30 до 40 различных рабочих операций, каждая из которых требует умственных, эмоциональных, физических усилий, нагрузок. В связи с этим актуальным вопросом является умение следователя рационально распределять виды работы в течение рабочего дня.

Абсолютное большинство следователей, организуя работу по конкретному уголовному делу, в первой половине рабочего дня (наиболее продуктивной, производительной) обращают внимание на концентрированное проведение наиболее сложных следственных действий, определяя порядок их производства по трудности и важности. Последние часы рабочего дня расходуются на обмен информацией с участниками расследования, организационную работу, планирование и т. п.

Организационная работа особенно важна при осуществлении расследования по группе дел и расследовании бригадным способом многоэпизодных и сложных дел. В этом случае планирование и организация расследования имеют не меньшее значение, чем тактически верное доказывание. Следователи, особенно руководители след-

ственных бригад, применяют здесь календарное планирование, используют картотеки оперативной работы, внедряют методы сетевого планирования (увязка ролей исполнителей в производстве следственных действий, организация их работы, взаимодействия, обмен необходимой оперативной и доказательственной информацией для нужд произведенных ими оперативных и следственных действий и т.п.).

Как показывают полученные нами данные, многие следователи, осуществляя расследование по группе дел одновременно (а в таких условиях работает абсолютное большинство следователей низового следственного аппарата) в течение рабочего дня следственные действия проводят по одному делу. Это позволяет избежать разбросанности и уменьшает затраты времени на подготовку к следственным действиям.

Одним из основных принципов организации работы следственного аппарата является специализация следователей. Специализация в современных условиях резко повышает квалификацию работников и расширяет возможности применения современных научно-технических, криминалистических средств. В ходе исследования выяснилось, что в самой среде следственных работников этот вопрос является остро дискуссионным: 65,5 % следователей прокуратуры и 69,3 % следователей МВД высказались за широкий профиль их подготовки и деятельности и соответственно 34,5 % и 30,7 % за специализацию. Против специализации, как правило, выступают следственные работники низового аппарата и особенно сельских районов, которых практика заставляет быть универсалами следственного труда. Работники следственного аппарата крупных городов, старшие следователи областных аппаратов, руководящие работники следствия считают безусловно необходимой специализацию. Видимо, здесь прежде всего и целесообразно ее проводить. Наибольший эффект даст специализация, проведенная на основе изучения интересов и способностей конкретных следственных работников. Специализация, проведенная таким образом, сыграет значительную роль в рационализации аппарата следствия, определении его численности, организации, типовой структуры и схемы управления. Разумеется, что должны также учитываться криминологическая характеристика преступности, численность населения, экономическая, транспортная и т. п. характеристика района, города, области.

Вряд ли возможно эффективное осуществление специализации без проведения необходимых экспериментов и изучения положительного опыта в этом отношении других социалистических стран. До

организационного совершенства доведена специализация в работе оперативных и следственно-судебных органов Германской Демократической Республики. Расследование определенных категорий дел осуществляется специализированным деценатом (отделом) полиции, прокурорский надзор – прокурором специализированной группы, судебное рассмотрение в суде II инстанции – специализированным сенатом. Думается, что эта система должна быть всесторонне изучена и может быть применена в наших условиях в областном звене.

Сложным вопросом в организационной деятельности следственного аппарата являются нормали труда, которые должны в основе определять численность и расстановку следственных кадров в конкретных условиях, маневрирование ими в соответствии с криминологической обстановкой, давать объективные критерии оценки результатов следственного труда. Абсолютное большинство следователей полагает, что основными показателями здесь могут быть сложность и качество расследования, количество оконченных в процессуальные сроки уголовных дел, число преступлений, раскрытых следственным путем, полное возмещение нанесенного преступлениями материального ущерба, отсутствие брака в работе, число и разнообразие профилактических мероприятий, особенно по предотвращению преступлений или раскрытию их на самых ранних стадиях развития преступной деятельности. Следователи полагают, что перечисленные показатели в основном могут определить нормали труда, нормы управляемости и численности следственного аппарата. От решения этих вопросов во многом зависит эффективность работы.

Большое значение придавал В. И. Ленин выработке научно обоснованных нормалей труда в государственном аппарате. Он требовал «собрать все сколько-нибудь ценное, особенно по части нормализации работы бюрократической... Я считаю, – говорил В. И. Ленин, – что нормализацию бумажной работы мы должны выработать и ее потом применять всюду. Это самое важное»[33]. «Главное: нормы (т.е. сколько человек на такую-то сумму работы)»[34].

Нормали труда следователей в значительной мере позволяют оптимально спланировать, исходя из прогнозов, потребности в следственных кадрах на будущее. Техническое оснащение следственного аппарата по сути своей стало постоянно действующей тенденцией. Нормы обслуживания помогут определить необходимый предел

[33] В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 533–534.

[34] Там же, стр. 534.

обеспечения. Нужды организационного руководства определяют нормы управляемости, которые объективно установят, каким количеством работников следствия может эффективно управлять руководитель.

Руководство следствием будет эффективным в том случае, когда руководитель справится с управленческой информацией проанализирует ее всесторонне и качественно в процессуальные сроки. Определить объем этой информации смогут научно обоснованные нормали труда.

У некоторой части практических работников следствия в отношении к проблемам научной организации труда и управления наблюдается скепсис. Среди опрошенных нами следователей 68 % заявили, что нужно тщательно изучать этот сложный вопрос науки управления. Но еще более показательные данные, характеризующие основные причины неудач в следственной работе: 30 % следователей объяснили их недостатками своей специальной подготовки, 20,7 % – неумением организовать свой труд, 32 % – объективными недостатками в организации труда следователей: 20,2 % следователей прокуратуры и 24,7 % следователей МВД заявили, что они не выдерживают ритма и нагрузки в работе следственного аппарата, а для 2,3 % следователей работа оказалась и не по способностям.

Исследование позволило выявить и первоочередные вопросы, нуждающиеся в теоретическом осмысливании и организационном решении. В области организационной предлагается наделить следователей некоторыми функциями по административному воздействию, особенно в связи с неявкой по вызову, правами по использованию автотранспорта, расширить обязательность указаний следователей оперативным органам МВД, КГБ, назначать экспертизы до возбуждения уголовных дел, создать группы и отделы НОТ в аппаратах МВД и прокуратуры. В области законодательной следователи предлагают создать единое Положение о следственном аппарате в СССР с учетом равной процессуальной регламентации следствия в органах прокуратуры, МВД и КГБ. В области науки следователей волнуют методики расследования отдельных категорий преступлений, создание новой настольной книги следователя, особенно по применению новейших достижений криминалистической техники, пособия по психологии и организации следственной работы, кодификация ведомственного инструктивного материала, подготовка схем допроса под звукозапись, соотношение проблем НОТ и уголовно-процессуальной деятельности.

Внедрение научной организации труда в следственную деятельность даст исключительный эффект. НОТ обеспечивает сокращение сроков расследования, продуманный порядок и улучшение качества расследования, ликвидацию параллелизма и повторности в производстве следственных действий, устранение недостатков и неблагоприятных условий в работе, наиболее целесообразные и оптимальные решения в рамках уголовного и уголовно-процессуального законодательства, целесообразное использование творческих способностей и времени следственных работников.

Следственный аппарат, построенный на началах строго научной организации, способствует выполнению очень сложных и важных социальных функций. НОТ предусматривает накопление и отработку информации о социальной эффективности деятельности следственного аппарата по борьбе с преступностью и конкретному применению к правонарушителям норм действующего права; специальное исследование вопроса о влиянии на следственную практику достижений юридической науки, ее эффективности, конкретно-полезной роли; изучение характера общественного мнения об эффективности и оценке работы следственного аппарата; выявление предложений о дополнении, изменении и совершенствовании действующего законодательства; анализ данных о практическом влиянии следственного аппарата на проведение в жизнь уголовной политики. Работники следственного аппарата выступают как творцы юридической культуры, проводники правовой идеологии, организаторы и руководители процесса борьбы с преступностью. «Нельзя говорить о правовой культуре ведения судебного процесса,– пишет Н. Прусаков,– если он проводится без внедрения требований научной организации труда, облегчающих и ускоряющих сам процесс. Научная организация труда крайне важна для судебных органов, так как она помогает более умело и эффективно использовать правовые рычаги для воспитания нового человека...»[35].

Связь научной организации труда следственного аппарата с усилением политико-воспитательного и педагогического потенциала следствия должна быть предметом особой разработки.

Мы уже подчеркивали мысль о коллегиальности следствия. Следствие как процесс познания перестало быть уделом одиночек. Поэтому в научной организации труда и управления в следственном аппарате центральное место должна занимать проблема структуры

[35] Н. Прусаков, Культура ведения судебного процесса, «Советская юстиция». 1969, № 20, стр. 2.

и системы взаимосвязей этого аппарата с другими подразделениями органов МВД и всей системой судебно-прокурорских учреждений в организации борьбы с преступностью. А в этой связи повышается также и роль руководителя следственного аппарата, как координатора усилий аппарата и фактического создателя самой системы управления им[36]. П. М. Керженцев писал: «Выработка как организатора, так и организационных методов продолжает быть очередной проблемой. Внесение элементов организованности в различные стороны нашей жизни остается нашей постоянной заботой»[37]. Процесс этот постоянный, не прекращающийся, он основан на экспериментах и опыте и не терпит застоя.

В задачу руководителя следственного органа входит продуманное и обоснованное распределение работников по функциям, знаниям и пригодности, своеобразная административная селекция, стоящая на грани науки и искусства, когда подбор сотрудников по функциям деятельности и даже друг к другу осуществляется дифференцированно на основе знания их способностей, дарований, склонностей, психологии.

Всякий коллектив является сложной системой. Управление им, стимулирование активности работников – дело сложное, требующее не только организационных навыков, но и особой теоретической подготовки. Поэтому представляется весьма важным и перспективным проведение специальной подготовки руководителей и организаторов следственного дела в Институте повышения квалификации следственных работников, в Высшей следственной школе. Нужно осуществить целую систему специальной подготовки опытных следственных работников для управленческой деятельности в следственном аппарате. Необходимые расчеты по количеству и качеству подготовки с учетом старения кадров, убыли, освобождения по непригодности и т. п. должны произвести кадровые аппараты. Сложность этого дела отрицать не приходится, но проводить его в жизнь необходимо.

В Положении о следственном аппарате, видимо, целесообразно будет выделить раздел о типовом управлении следственными подразделениями и основных его задачах. В научной организации следственной работы нельзя делать акцент только на ее техническую

[36] См.: Э. В. Лисневский, Роль руководителя в системе управления, в сб. «Вопросы советского государства и права», Ростов-на-Дону, 1968, стр. 68.

[37] П. М. Керженцев, НОТ. Научная организация труда, в сб. «Научная организация труда и управления», М., 1965, стр. 56.

сторону. НОТ – это также и научный анализ, научная оценка действительности и перспективных процессуальных и социальных задач следственного аппарата. Научный, всесторонний подход обеспечивает эффективное руководство и особенно расширяет возможности научного предвидения.

Эффективность внедрения принципов научной организации труда и управления в деятельности следственного аппарата обусловлена целым рядом специфических обстоятельств. Основная цель этого аппарата, его задачи в борьбе с преступностью определены Программой КПСС. Следственный аппарат имеет четкую, научно обоснованную программу деятельности. Средства и правовые формы следственной деятельности строго определены уголовно-процессуальным законодательством и положениями ведомств, сама деятельность обеспечивается необходимыми мерами государственного принуждения. Следственный аппарат всегда располагал, а при создании единых информационных центров будет еще в большей мере располагать надежной информацией, раскрывающей характер процессов, происходящих в преступности, и позволяющей изучить эффективность собственной деятельности.

Указанные особенности в немалой степени будут способствовать созданию типовых систем управления и организации труда в следственном аппарате. Часть норм и положений этой плановой системы могла бы войти в Уголовно-процессуальный кодекс (как это было сделано по тактике в новом законодательстве) или в Положение о следственном аппарате СССР.

Научно обоснованное управление обеспечит качество и быстроту расследования, улучшит соотношение временных и материальных затрат и полученных результатов, улучшит условия труда, оптимально спланирует все виды следственной работы и использование сил работников. Жизнь, опыт требуют неустанного совершенствования системы и методов управления.

В. И. Ленин четко сформулировал основные задачи всякого научного управления. «Гвоздь» всей советской политики,– писал он,– сводится к организации, к учету и контролю, к медленному, осторожному, деловому подходу к практической задаче, к проверке фактической работы, к изучению нашего практического опыта»[38].

Универсальную схему организации труда и управления в следственном аппарате создать вряд ли кому удастся. Рационализация

[38] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 169.

труда, организации и управления – процесс повседневный и бесконечный. Коренные изменения в него будут вносить достижения техники управления, социологии, правовых наук, психологии и естественно-технических наук. Все это говорит о том, что управление является предметом изучения не одной лишь юридической науки. «Но перед правовой наукой, – как это обоснованно отмечает В. М. Чхиквадзе, – стоят в этой области особенно ответственные задачи, ибо она имеет своим предметом изучение управления государством и обществом как политической функции государства, анализ действующей системы управления и изучение основных факторов, влияющих на ее развитие. Это необходимо для совершенствования научных основ построения аппарата в целом и отдельных его звеньев, для определения полномочий каждого его органа для установления правильных взаимоотношений между ними»[39].

[39] В. М. Чхиквадзе, Актуальные проблемы советской юридической науки, М., 1967, стр. 37.

В. В. Горский

кандидат юридических наук, преподаватель

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО АППАРАТА В ТРУДАХ Г. Ф. ГОРСКОГО

Среди многочисленных направлений, составляющих сферу научных интересов профессора Г. Ф. Горского, особое место занимают работы, посвященные разработке научных основ организации и деятельности следственного аппарата.

В 1960-х гг. проводилось немало научных исследований, раскрывающих практическую деятельность следственного аппарата[1], но все они были посвящены, в основном, исследованию правовых норм, регулирующих практику и организацию деятельности следственных органов, анализу эффективности и особенностям предупредительной работы следственных органов, отдельным институтам предварительного следствия, прокурорскому надзору, теории и практике доказывания в ходе осуществления расследования по уголовным делам, процессуальному положению следователя и других участников предварительного расследования.

В 1970 г. в Издательстве Воронежского университета вышла монография Г. Ф. Горского «Научные основы организации деятельности следственного аппарата в СССР»[2]. Ценность данной работы состоит в том, что в ней поднимались актуальные и в настоящее время вопросы, связанные с правовым регулированием в области научной организации труда и управления в следственном аппарате. Автором с правовых позиций проведен научный анализ

[1] См., например: *Сманов К. Д.* Сущность и значение предварительного следствия в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965 ; *Ларин А. М.* Работа следователя с доказательствами. М., 1966 ; *Онищук З. М.* Следователь в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид наук. Харьков, 1964 ; *Михайлов В. А.* Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1968 ; *Звирбуль В. К.* Деятельность следователя по предупреждению преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963.

[2] См.: *Горский Г. Ф.* Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж, 1970.

© Горский В. В., 2014

проблем организации следственного аппарата, подбора, профессиональной подготовки и использования следственных кадров, научной организации труда и управления, социальной роли следственного аппарата в деятельности по борьбе с преступностью, в формировании правовой политики и правосознания, преимуществ внедрения в практику деятельности следственного аппарата новейших достижений науки и техники, предложено правовое регламентирование этого внедрения.

Продолжая исследование данных проблем, Г. Ф. Горский в последующих работах (в том числе в своей докторской диссертации) подробно останавливается на изучении психологических основ деятельности следователя, профессиональной этики, педагогики, криминологических и социологических аспектов деятельности следственного аппарата, которые, по мнению ученого, входят в понятие научных основ организации и деятельности следственного аппарата.

Рассматривая психологические аспекты организации и деятельности следственного аппарата, автор определяет психологическую структуру деятельности следователя и следственного аппарата, психологическую характеристику личности следователя и других участников предварительного расследования, психологические особенности производства отдельных следственных действий и самого процесса доказывания, роль психологических факторов в выполнении задач, стоящих перед предварительным следствием. Большое практическое значение, по мнению Г. Ф. Горского, имеют психологические аспекты исследования причин и условий, способствующих совершению преступлений, способа совершения преступлений, мотива преступлений.

Особое внимание Г. Ф. Горский уделял психологическим особенностям взаимоотношений следователя с другими участниками следственного производства (оперативными сотрудниками, членами следственных бригад, прокурором, экспертами, специалистами, обвиняемым, защитником и др.). Подробному анализу подвергнуты психологическая диагностика причастности обвиняемого к преступлению, прогноз поведения, характера и степени противодействия обвиняемого мероприятиям следствия, работа в условиях ограниченной и противоречивой информации, диагностика и мотивация лжи и ложных признаний, психологический выбор моментов производства отдельных следственных действий, коллизии оценок данных расследования следователем, прокурором, защитником, экспертом, соотношение типовых рекомендаций тактики и методики расследования и индивидуального стиля работы следователей, психологическое влияние организации и процессуальной процедуры расследования, атмосферы следственного производства.

Исследуя этические аспекты в научной организации труда и управления в следственном аппарате, Г. Ф. Горский предложил разделить задачи профессиональной следственной этики на четыре основные группы: вытекающие из специфики профессионально-групповой принадлежности; особенностей взаимоотношений с участниками уголовно-процессуальной деятельности; осуществления доказывания; деятельности по управлению следственным аппаратом. Автор подверг специальному анализу вопросы об этических обязанностях следователя в отношении обвиняемого, о правовой и моральной оценке преступления, об этическом подходе к личности свидетеля, об использовании в доказывании нравственных источников доказательств. Все основные этические качества личности и следственной деятельности генерируются ученым в обобщенном понятии «следственный такт».

Г. Ф. Горский отмечает, что профессиональная этика является мощным противодействием возникновения профессиональных деформаций у следователя, включая такие крайности, как подозрительность, черствость, подсознательная склонность к более быстрому восприятию изобличающих обстоятельств, ошибки односторонности и предвзятости, равнодушия к людским судьбам, переживаниям, чувствам. Этика противодействует косности и рутине, предопределяет творческий подход к делу, глубину анализа, исключает ремесленные шаблоны и штампы в расследовании, применении закона, оценке деятельности отдельных людей.

В научной организации труда и управлении узкопрофильными коллективами, особенно такими, которые выполняют сложные социально-политические задачи, важное значение, по мнению Г. Ф. Горского, приобретают этические проблемы управления людьми-профессионалами, изучение факторов их поведения, трудовой, политической, духовной активности. В связи с этим автор освещает вопросы создания нравственного климата в следствен-

ном коллективе, этики профессионального поведения в служебной и неслужебной сферах, кодификации этических правил.

Ученый особо отмечает, что специфическую часть предмета профессиональной этики составляют оценка труда самими следователями, общественным мнением, анализ и уяснение нравственных принципов предварительного расследования и этических оснований применения норм права и тактических приемов расследования, влияния этики на обеспечение процессуальной и служебной дисциплины и ответственности работников следственного аппарата.

Говоря о педагогических аспектах в научной организации труда и управления в следственном аппарате, Г. Ф. Горский подчеркивает, что воспитательная функция предварительного следствия – это одна из самых сложных и трудоемких, малозаметных и не скоро ощутимых функций следственной деятельности. Большое практическое значение имеет раскрытие конкретных методов осуществления воспитательной деятельности следователя и элементов педагогического потенциала следственного аппарата. Данный вопрос, указывает автор, имеет самое непосредственное отношение к научной организации труда и управления, ибо воспитание невозможно осуществить без хорошей организации следственного дела. Полнота и объективность, оперативность и качество расследования по конкретным делам в сочетании с высоким уровнем культуры, деловой квалификации, юридических знаний и политической зрелости кадров следственного аппарата в значительной мере определяют воспитательную роль предварительного следствия.

Г. Ф. Горский акцентирует внимание на том, что воспитательная функция, осуществляемая следователем, носит двойственный характер: она заключается, во-первых, в обеспечении процесса воспитания и перевоспитания самого обвиняемого в ходе производства отдельных следственных действий и предварительного расследования в целом, а во-вторых, – в воспитательном воздействии на других лиц с целью укрепления правопорядка, законности, морали, предупреждения возможных эксцессов и правонарушений.

Как отмечал М. С. Строгович: «Организация следственного аппарата – проблема большая и сложная… В юридической литературе по этому вопросу давно ведется дискуссия преимущественно в связи с вопросом о так называемом едином следственном аппарате»[3]. Разумеется, данный вопрос не мог быть оставлен Г. Ф. Горским в стороне – в рассматриваемой монографии ему посвящена отдельная глава. Нельзя не отметить, что и сегодня, спустя 40 лет, проблема создания единого следственного комитета остается сверхактуальной. Данную идею поддерживали и поддерживают многие ученые, но точки зрения относительно его места довольно противоречивы. Практические предложения сводятся к следующему: необходимо сохранить существующий порядок деления расследования на дознание и предварительное следствие и сосредоточить предварительное следствие в прокуратуре; создать следственный аппарат, выделив его из прокуратуры, органов МВД, ФСБ и органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в самостоятельное организационное учреждение; следственный аппарат подчинить системе судов; сосредоточить следственный аппарат в системе Минюста; создать единый следственный аппарат в системе МВД РФ.

Сторонники сосредоточения следственного аппарата в системе судов основываются на следующем: суд как конечная инстанция, подвергающая оценке результаты предварительного следствия, должен нести ни с кем не разделенную ответственность за деятельность следственного аппарата, и прокуратура не в силах (и это не в ее интересах) подчинить себе поднадзорные ей органы[4]. Лучшей помощью следствию со стороны прокуратуры был бы хорошо налаженный каждодневный прокурорский надзор. Задачи следственных и судебных органов в общем плане борьбы с преступностью адекватны, единство этих органов усиливает ряд процессуальных гарантий, уменьшает обвинительные тенденции, обеспечивает квалифицированное руководство следствием со стороны судов, увеличивает возможности и эффективность прокурорского надзора. Однако сторонники данной точки зрения не учли главное – проблему взаимосвязи следственного аппарата с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. «Разрыв между оперативно-розыскной деятельностью и следствием, – пишет Г. Ф. Горский, – сужает прежде всего информационную базу, что не может не сказаться отрицательно на быстроте и эффектив-

[3] *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 257.

[4] См.: *Ботоев К.* Еще о следственном аппарате // ЕСЮ. 1924. № 9. С. 189–200 (цит. по: *Горский Г. Ф.* Указ. соч.).

ности раскрытия преступления, на полной раскрываемости и оперативности возмездия по отношению к правонарушителям»[5].

Сторонники создания единого следственного аппарата в прокуратуре обосновывают свою идею по-разному: одни авторы указывают на то, что множественность органов дознания и расследования приводит к безответственности, параллелизму, смешению функций (отметим, что на этот недостаток существующего следственного аппарата указывают и сторонники создания единого следственного аппарата в системе МВД); другие обосновывают свое предложение тем, что именно на прокурора возлагается общее руководство борьбой с преступностью, координация усилий всех следственно-судебных органов, поэтому прокурор должен быть наделен и всей полнотой административной власти в отношении следственного аппарата; третьи предлагают конструкцию следственного аппарата под эгидой прокуратуры, организационно объединяющего уголовный розыск, дознание и следствие[6].

Основным аргументом противников создания единого следственного аппарата в прокуратуре является боязнь за возможную *необъективность прокуратуры в осуществлении надзора за «своим» следствием*, меньшую эффективность прокурорского надзора, как одного из основных средств пресечения допущенных нарушений законности. Прокуратура должна оставаться органом надзора, а не стремиться идти по пути наименьшего сопротивления посредством подчинения поднадзорных органов. Административное подчинение следствия прокурору препятствует нормальному осуществлению прокурорского надзора за законностью предварительного следствия[7]. Видимо, именно эти доводы легли в основу решения о выделении Следственного комитета из Прокуратуры Российской Федерации.

«Расследование преступлений не является функцией, органически присущей прокуратуре. Нахождение следственных органов в системе прокуратуры – скорее результат волевого административного решения, чем проявления объективной необходимости в подобном уголовно-процессуальном и организационном решении вопроса»[8]. Но некоторые ученые допускают возможность расследования прокуратурой «только следующих категорий дел: в случае нарушения конституционных прав граждан, допущенных при расследовании уголовных дел следователями всех ведомств, упомянутых в УПК; о преступлениях, совершенных депутатами в связи с их депутатской деятельностью; о преступлениях судей, следователей и адвокатов в связи с их профессиональной деятельностью; о воинских преступлениях. Все эти дела, – пишут В. Ф. Статкус и А. А. Жидких, – должны расследоваться прокурорами, а не следователями»[9].

Принципиально иную точку зрения высказывают сторонники ликвидации ведомственного подчинения всех следователей и создания единого Следственного комитета РФ, построенного по принципу строгой централизации и выведенного из подчинения всем административным ведомствам.

Так, например, Б. Кондрашов и Е. Щербинский в свое время говорили о необходимости принятия закона «О Следственном комитете Российской Федерации», которая «обусловлена тем, что несовершенство нынешней структуры и противоречащая закону ведомственная подчиненность и разобщенность следственного аппарата уже давно стали серьезным препятствием для коренного улучшения его деятельности… Сегодня со всей откровенностью надо признать, что действующая система следственных органов перестала справляться с нарастающим валом преступности, причем чаще всего по не зависящим от нее причинам. Нищенское состояние их материально-технической оснащенности, бюрократичность и несовершенство уголовно-процессуального законодательства привели к тому, что пределы эффективного функционирования давно пройдены, а энтузиазм конкретных специалистов исчерпан»[10].

Такой уровень материального и научно-технического обеспечения авторы объясняют не экономическим кризисом в стране, упадком производства, инфляцией и пр., а именно принадлежностью следователей «к различным ведомствам, в которых им недальновидно отводятся второстепенные (по сравнению с оперативными

[5] *Горский Г. Ф.* Указ. соч. С. 29.
[6] См.: Там же. С. 30–31.
[7] См.: Там же. С. 33–34.
[8] Там же. С. 40.

[9] *Статкус В. Ф., Жидких А. А.* Органы предварительного следствия в системе МВД России. М., 2000. С. 98.
[10] Органы внутренних дел в условиях судебно-правовой реформы в России : сборник. Омск, 1993. С. 27–28.

службами), чисто оформительские роли, дающие право лишь на остаточный принцип финансирования»[11]. Б. Кондрашов и Е. Щербинский предлагали создать Следственный комитет РФ, подотчетный законодательному органу государственной власти. Но существуют и другие мнения. Ю. Н. Лебедев считает, что «подчиненный законодателю Следственный комитет не станет независимым и беспристрастным хотя бы потому, что будет вынужден обращаться к своему патрону по вопросам материально-технического обеспечения, что влечет за собой экономическую зависимость»[12]. Автор убежден, что «необходимо ориентироваться на создание самостоятельного и независимого комитета или департамента федеральных расследований под эгидой Министерства юстиции… Министр юстиции, он же Генеральный прокурор, осуществляет координацию деятельности всех структурных звеньев, имеющих общую задачу – процессуально и организационно обеспечить надлежащее отправление правосудия»[13].

Некоторые ученые говорят о необходимости поэтапного реформирования следственного аппарата. Так, Н. Соловьев, анализируя деятельность органов предварительного следствия, результаты проведенных экспериментов (в том числе и опыт Казахстана, где Государственный следственный комитет просуществовал всего 2 года), выделяет ряд негативных моментов, которые могут возникнуть при одномоментном образовании следственного комитета: снижение концентрации усилий процессуального и оперативного воздействия в решении задач по борьбе с наиболее опасными преступлениями, в первую очередь экономической и организованной направленности, коррупционными проявлениями; ухудшение взаимодействия с оперативными службами; сокращение на первоначальном этапе уровня материального, финансового и кадрового обеспечения следственного аппарата; уменьшение возможностей защиты, в том числе физической, следственных работников и членов их семей силами системы МВД; ухудшение обеспечивающей составляющей его деятельности, поскольку в случае выделения органов предварительного следствия из системы МВД их образовательная база будет утрачена и ее предстоит создавать вновь;

[11] Органы внутренних дел в условиях судебно-правовой реформы в России. С. 32.

[12] Там же. С. 37.

[13] Там же. С. 37–38.

потребуются значительные средства из федерального бюджета на проведение экспертиз, так как база разветвленной сети экспертно-криминалистических подразделений МВД станет платной. «Чтобы избежать серьезных издержек в правоохранительной деятельности при осуществлении задачи совершенствования следственного аппарата, – пишет Н. Соловьев, – представляется целесообразным поэтапное его реформирование по мере стабилизации общественно-политической, экономической и правовой ситуации в обществе»[14].

Следует отметить, что еще в разделе 7 Концепции судебной реформы предусматривались два возможных пути формирования состязательности процесса: либо через создание Следственного комитета как службы обвинительной власти при обеспечении активности защиты в расследовании и судебном разрешении спорных или касающихся ограничения прав личности вопросов, либо посредством учреждения института следственных судей в судебном ведомстве при признании за нынешним следственным аппаратом функций вспомогательной службы прокуратуры[15].

Исследовав вопрос о месте единого следственного аппарата на глубоком научном уровне, Г. Ф. Горский пришел к выводу о необходимости его сосредоточения в системе органов МВД. «Наделение следственными функциями аппарата МВД, – утверждает ученый, – только усиливает возможности по борьбе с преступностью, ликвидирует неоправданный разрыв между действиями оперативных и следственных аппаратов»[16]. Более того, «только при соединении оперативной и следственной работы в одном ведомстве вопросы раскрытия преступлений, их пресечения и предупреждения, выявления, изучения и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, будут решаться комплексно, всесторонне, без взаимных обвинений, с единой ответственностью руководителя аппарата МВД за состояние борьбы с преступностью, с осуществлением эффективного надзора за производством расследования со стороны прокуратуры»[17].

[14] *Соловьев Н.* Реформы следственного аппарата : от перераспределения подследственности до модернизации УК // Рос. юстиция. 2000. № 12. С. 4.

[15] См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. С. 93.

[16] *Горский Г. Ф.* Указ. соч. С. 41.

[17] Там же. С. 59.

Однако законодательная практика в России в последнее время пошла по другому пути. Идет бессистемная реформа правоохранительных органов. Налоговая полиция, имевшая свой собственный следственный аппарат, ликвидирована. Ее функции были переданы МВД. Практически одновременно созданы органы по контролю за оборотом наркотиков, которые имеют свои следственные подразделения. Следственный аппарат прокуратуры был поэтапно выделен в самостоятельную независимую структуру, в связи с чем, вроде бы, наметилась определенная тенденция по консолидации вокруг него всех остальных следственных органов, однако дальнейшие шаги в этом направлении пока не сделаны.

Таким образом, можно констатировать, что проблемы, которые были вскрыты Г. Ф. Горским почти полвека назад, не решены и, безусловно, остаются актуальными по сей день.

М. А. Арыстанбеков

доктор юридических наук, доцент

ОТКАЗ ОТ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ В РАМКАХ УСКОРЕННОГО ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Концепцией правовой политики Республики Казахстан 2002 г. одним из актуальных направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства определено упрощение и ускорение процедур на стадии досудебной подготовки дела. Указом Президента Республики Казахстан от 17 августа 2010 г. № 1039 «О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике Казахстан» определены направления совершенствования уголовно-процессуального права: упрощение и повышение эффективности уголовного процесса, в том числе упрощение порядка досудебного производства; законодательная регламентация доследственной проверки с определением ее пределов[1]. Протокольными решениями совещаний с участием помощника Президента Секретаря Совета безопасности Республики Казахстан от 5 июля 2011 г. № 52-6.11 (п. 5 и 6) и от 17 августа 2011 г. № 52-6.13 (п. 1–3) на основании и во исполнение поручений Главы государства принято решение о коренном реформировании уголовного судопроизводства, подготовке концепции и новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК).

Следует отметить, что обеспечение решения общих задач уголовного процесса, предусмотренных в ст. 8 УПК РК, направленных на своевременное реагирование на совершенное преступление, быстрое и полное его раскрытие, установление виновности лица для последующего справедливого судебного разбирательства, напрямую связано с качеством решения задач стадии возбуждения уголовного дела. Несвоевременное возбуждение уголовного дела приводит к утрате доказательств, укрытию преступлений, в результате чего существенно затрудняется справедливое отправление правосудия и правильное применение уголовного закона в

[1] URL: http://www.inform.kz

© Арыстанбеков М. А., 2014

целях обеспечения неотвратимости наказания, охраны и защиты прав и законных интересов личности, государства. В связи с этим особую значимость обретает решение вопросов совершенствования первоначальной стадии уголовного судопроизводства:

– урегулирование совокупности правовых норм, регламентирующих процедуру собирания и использования доказательств. Настоящее состояние правовой регламентации дает возможность для трактовки отдельных положений закона по усмотрению правоприменителя, что является благоприятной почвой для нарушения закона;

– четкая и детальная регламентация уголовно-процессуальных отношений в стадии возбуждения уголовного дела. Правовое государство должно организовать такой порядок процессуальных отношений, который обеспечивал бы защиту человека, общества, государства от преступлений путем создания условий для их раскрытия, изобличения и осуждения виновных и устанавливал гарантии претворения в жизнь правовых предписаний;

– наделение лиц, соприкасающихся со сферой уголовного судопроизводства, реальными возможностями активно защищать свои конституционные права и интересы. Непризнание законодателем участниками уголовного процесса лиц, чьи права и интересы фактически затрагиваются при доследственной проверке, ставит под сомнение законность существования каких-либо правоотношений между такими лицами и правоприменителем;

– законодательное закрепление пределов полномочий органов уголовного преследования по производству доследственной проверки. Отсутствие перечня и регламентации проверочных действий по заявлению или сообщению о преступлении ведет к использованию правовых средств, предусмотренных для иных отраслей права, однако их рецепция не всегда допустима, по причине отсутствия соответствующих уголовно-правовых гарантий.

Концепцией правовой политики Республики Казахстан (п. 2.9) на период с 2010 до 2020 г.[2] определяется необходимость поиска оптимальной модели уголовного судопроизводства.

Современная доследственная проверка, как и стадия возбуждения уголовного дела (в ее нынешнем состоянии), не соответствует задачам уголовного процесса (в частности, быстроты производ-

[2] Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858.

ства), а также создает предпосылки для различных коррупционных проявлений в правоприменительной практике. Доследственная проверка стала подменять собой предварительное следствие (касается ее сроков). В связи с этим возникает настоятельная необходимость в оптимизации процесса расследования, и одним из направлений совершенствования уголовно-процессуального права, определенных Концепцией правовой политики Республики Казахстан, видится упрощение досудебного производства.

Громоздкое предварительное расследование, проводимое по несложным, очевидным делам, когда в этом нет необходимости, в ряде случаев осложняет и запутывает установление истины из-за воздействия обвиняемых, их родственников и друзей на свидетелей и потерпевших. Это значительно отодвигает наказание от момента преступления, снижается его предупредительное и воспитательное значение, ухудшается охрана интересов государства и граждан от преступных посягательств и увеличиваются сроки возмещения нанесенного преступлением ущерба. Кроме того, неэкономное, неоправданное использование процессуальных средств ведет к нерациональному отрыву от работы многих свидетелей и других участников процесса. Всё это говорит о том, что сложная форма судопроизводства для простых, очевидных дел пользы не приносит. Сложная процедура предварительного расследования оправдана по сложным делам и по тяжким преступлениям. Но, по-видимому, нет необходимости применять ее, когда факт совершения преступления не вызывает сомнения, преступник известен или задержан с поличным и есть свидетели – очевидцы.

Все указанные проблемы в настоящее время являются предметом широкого обсуждения. В процессе разработки находится проект нового УПК РК. Анализ законодательства, практика деятельности следственных подразделений и криминальной полиции, вопросы, связанные с тактикой производства отдельных следственных действий, имеющийся опыт зарубежных стран позволили нам принять участие в дискуссии и предложить следующую модель ускоренного досудебного расследования.

Общеизвестно, что досудебное расследование начинается с момента регистрации: заявления граждан; явки с повинной; сообщения должностного лица государственного органа или лица, выполняющего управленческие функции в организации; рапорта

сотрудника органа уголовного преследования об обнаружении сведений о совершенном и совершаемом преступлении; сообщений в средствах массой информации (ст. 177–182 УПК РК)[3].

Заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 351 УК РК и об ответственности за отказ и дачу ложных показаний в соответствии со ст. 352 УК РК. (При этом следует исключить примечание к ст. 352 УК РК, оно создает ситуацию, при которой лицо, ничем не рискуя, может давать ложные показания, влекущие негативные последствия для других лиц и для существа расследования в целом.) Заявителю выдается документ о регистрации принятого заявления или сообщения о преступлении с указанием лица, принявшего заявление или сообщение, времени его регистрации и времени, когда должно быть принято решение по заявлению или сообщению.

Проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при отказе от доследственной проверки определяется исходя из полноты собранного материала, а также с учетом заявленных ходатайств. При проведении указанных мероприятий, помимо протоколирования, особая роль отводится применению средств аудио-/видеофиксации, в записях которых сохраняется весь ход проводимых мероприятий. Полученные записи впоследствии переносятся специалистом-криминалистом на электронные носители для предоставления в качестве доказательств. Полученные аудио-/видео записи подлежат обязательному просмотру, прослушиванию с составлением соответствующих протоколов. Фальсификация материалов дела влечет уголовную ответственность лиц, совершивших данное деяние. Гарантия законности и достоверности изложенных в процессуальных документах сведений обеспечивается уголовной ответственностью сотрудника органа уголовного преследования за фальсификацию. При этом наказание предусматривает лишение свободы на срок не менее 2 лет.

Статус участников уголовного процесса определяется нормами действующего УПК РК. Но особое внимание необходимо обратить на статус заподозренных в совершении преступления лиц. В целях обеспечения реализации права на защиту «подозреваемый» должен обладать всеми правами, предусмотренными действующим

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : практ. пособие. Алматы, 1998. 352 с.

УПК РК для подозреваемого и обвиняемого. Здесь особо значимы необходимость и обоснованность предупреждения «подозреваемого» об уголовной ответственности за дачу ложных показаний во время проведения следственных действий, а также сохранения за ним права отказа от дачи показаний. Назначение, приглашение, замена защитника, оплата его труда осуществляются в соответствии с действующими нормами УПК РК.

Сроки расследования дел зависят от степени сложности расследования, тяжести совершенных преступлений и могут быть определены от 10 до 30 суток. Дальнейшее продление сроков допускается с учетом сложности расследования, влияния объективных факторов и может быть осуществлено начальником органа дознания – до 3 месяцев, прокурором – до 6 месяцев, Генеральным Прокурором и его заместителями – свыше 6 месяцев.

При наличии достаточных данных, указывающих на признаки конкретного преступления, следователь выносит «постановление о квалификации деяния» и направляет собранный материал прокурору. При этом, одновременно с квалификацией деяния, лицо может быть привлечено в качестве подозреваемого.

При изучении материалов досудебного расследования прокурор утверждает квалификацию, определяет категорию преступления и присваивает номер (т.е. происходит постановка на статистический учет). В случае неполноты собранных доказательств прокурор может самостоятельно провести необходимые, по его мнению, следственные действия, либо дать письменное указание следователю о производстве конкретных следственных действий и (или) оперативно-розыскных мероприятий.

Установив, что представленный материал не относится к подследственности одного органа уголовного преследования, прокурор обязан передать материал по подследственности другому (необходимо исключить из действующего законодательства альтернативную подследственность). Все решения прокурора принимаются им самостоятельно без участия следователя. За законность и обоснованность принятых решений прокурор несет персональную ответственность[4].

[4] См.: *Сырбу А. В., Ташибаева А. К.* Методические рекомендации по научно-исследовательской теме «Отказ от доследственной проверки в рамках упрощения уголовного процесса – плюсы и минусы». Караганда, 2011. С. 8—9.

Производство судебных экспертиз по законодательству Республики Казахстан отнесено к компетенции органов Министерства юстиции. Оперативно-криминалистические подразделения ОВД занимаются сбором вещественных доказательств и передачей их в следственные подразделения с составлением официального документа (протокол исследования). В связи с этим отдельные виды экспертиз (трасологическая, судебно-баллистическая, дактилоскопическая, почерковедческая, судебно-компьютерная, химическая, автотехническая – перечень может быть дополнен) было бы полезно передать в производство экспертов-криминалистов ОВД. Данное решение позволит повысить эффективность реагирования на запросы следственных и оперативных подразделений, сократить сроки расследования, что определенно скажется на оперативности раскрытия и расследования преступлений.

В ведении экспертов региональных лабораторий ЦСЭ Министерства юстиции оставить производство: повторных, комиссионных, комплексных экспертиз; экспертиз, требующих применение сложного оборудования и нестандартных неразработанных методик исследования; специфических видов экспертиз (бухгалтерские, строительные и т.п.), а также экспертиз, назначаемых по постановлению суда.

В случаях же когда обстоятельства, имеющие значение для дела, могут быть получены на основе специальных знаний, может быть проведено исследование специалиста. Ход и результаты исследования отражаются в протоколе исследования, приобщаемом в качестве приложения к протоколу следственного действия. Полученные результаты не освобождают лицо, ведущее уголовный процесс, от необходимости в соответствующих случаях назначить экспертизу. В данном случае протокол исследования – письменный документ, в котором отражены выводы по вопросам, поставленным перед специалистом, основанные на результатах проведенного с использованием специальных знаний исследования. Коль скоро возрастает роль специалиста, следует ввести дополнение в ст. 352 УК РК об ответственности специалиста за дачу заведомо ложных показаний.

Что касается применения мер пресечения и принуждения, то они осуществляются на основаниях, установленных действующими нормами УПК РК. Применение мер пресечения, не связанных

с лишением свободы, может быть осуществлено на любом этапе расследования. Применение мер пресечения, санкционируемых судом, осуществляется только после вынесения постановления о квалификации деяния. При решении вопроса о применении меры пресечения должны учитываться категория деяния, личность подозреваемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, имущественное положение, наличие постоянного места жительства и другие обстоятельства. В качестве средств, обеспечивающих ограничения, установленные мерами пресечения, могут быть применены электронные средства слежения.

Завершение ускоренного досудебного расследования происходит, когда все необходимые следственные действия выполнены, а собранные доказательства достаточны для принятия итогового решения по делу. Участники процесса знакомятся с материалами досудебного расследования в случае необходимости заявлять ходатайства. Здесь же принимается решение о рассмотрении заявленных ходатайств, а в случае необходимости – дополнении досудебного расследования. При этом ознакомление с материалами расследования не приостанавливается. По окончании расследования принимается одно из двух решений: 1) направление материалов в суд (в том числе и для применения принудительных мер медицинского характера); 2) прекращение досудебного расследования.

При направлении материалов расследования в суд следователь составляет «заключение о результатах расследования» и передает материалы прокурору. В «заключении о результатах расследования» указываются анкетные данные подозреваемого (подозреваемых), уголовный закон (статья, часть, пункт), по которому квалифицируются его действия. Описательная часть включает: способы, мотивы совершенного преступления, последствия и другие существенные обстоятельства, сведения о потерпевшем, доказательства, подтверждающие виновность лица; обстоятельства, смягчающие и отягчающие его ответственность; доводы, приводимые подозреваемым в свою защиту, результаты проверки этих доводов; а также другие обстоятельства, имеющие значение для принятия итогового решения по делу.

Прокурор имеет право исключить отдельные пункты подозрения либо переквалифицировать действия подозреваемого с

применением закона о менее тяжком преступлении; прекратить расследование в полном объеме или в отношении отдельных лиц. В случае направления материалов в суд прокурор выносит «постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, придании обвиняемого суду и направлении материалов досудебного расследования в суд».

При прекращении досудебного расследования следователь составляет соответствующее постановление. Досудебное расследование подлежит прекращению органом, ведущим уголовный процесс, по основаниям, предусмотренным ст. 37, 38 УПК РК. О прекращении досудебного расследования сообщается участникам процесса. До прекращения расследования подозреваемому (в случае его установления) разъясняются основания прекращения и его право заявлять возражения против прекращения по этим основаниям. В случае установления обстоятельств, исключающих проведение расследования в отношении подозреваемого или лица, в действиях которого формально усматриваются признаки противоправного деяния, следователь выносит постановление о «прекращении досудебного расследования в отношении подозреваемого (лица)». Копия постановления в течение 24 часов направляется прокурору. Прокурором после изучения всех материалов досудебного расследования может быть принято решение о согласии с прекращением расследования либо вынесено постановление об отмене принятого решения с указанием о проведении дополнительных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В случае отмены постановления о прекращении расследование осуществляется в соответствии со сроками, установленными УПК РК.

При проведении ускоренного досудебного производства могут быть приняты и промежуточные решения, к которым относятся: а) соединение материалов досудебного производства; б) выделение материалов досудебного расследования в отдельное производство; в) приостановление досудебного расследования; г) возобновление приостановленного и прекращенного досудебного расследования.

Особо следует отметить, что ускоренное досудебное расследование не применяется: 1) в отношении совокупности преступлений, когда хотя бы одно из них является особо тяжким; 2) в отношении лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство; 3) в отношении лиц, обладающих привилегиями

и иммунитетом от уголовного преследования; 4) в случае непризнания своей вины хотя бы одним из соучастников преступления; 5) по преступлениям, совершенным несовершеннолетними или лицами, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществить свое право на защиту (ст. 190 проекта УПК РК)[5].

Таким образом, целями ускоренного досудебного производства как одного из основных направлений совершенствования уголовно-процессуального права, определенных Концепцией правовой политики Республики Казахстан, являются:

– осуществление комплексной модернизации способов собирания доказательственной информации с позиций уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и других юридических наук и оптимизации процессуальной процедуры путем внедрения новых средств и способов;

– комплексное принятие мер, обеспечивающих систему досудебного расследования;

– формирование единой нормативной базы для всей системы расследования;

– оптимизация штатной численности следственных и оперативных подразделений ОВД, с учетом реальной нагрузки и оперативной обстановки в отдельно взятом регионе, объема обслуживаемой территории с учетом численности населения, количества и видов совершенных преступлений;

– четкое разграничение функциональных обязанностей как отдельных сотрудников, так и в целом комитетов, департаментов, за счет поэтапного создания следственных подразделений на новой основе.

[5] Проект Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан 2013 г. находится в стадии обсуждения.

Ю. В. Астафьев

кандидат юридических наук, доцент

НОВЫЕ ФОРМЫ СООТНОШЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Познавательная деятельность по уголовному делу в основе своей – поэтапный, многоуровневый процесс. Ее развитие охватывает длительный период, начинающийся с установления поводов и проверки оснований для самого возникновения уголовного дела и заканчивается кассационно-надзорными процедурами, а порой и исследованием вновь открывшихся обстоятельств.

Однако именно первоначальный этап познания закладывает основу всей дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности, создает ее базу, определяет перспективы. На этом этапе отчетливо проявляется связь между процессуальными и непроцесуальными формами познания по уголовному делу. Среди последних главенствующее место занимает оперативно-розыскная деятельность (ОРД). Трудно представить себе начальный этап доказывания при отсутствии предшествующего ему собирания значительного объема оперативно-розыскной информации. Не менее значима такого рода информация и при исследовании поводов и проверке оснований возбуждения уголовного дела. Особую важность здесь приобретает сбалансированное сотрудничество лиц, проводящих расследование, и оперативных сотрудников. Г. Ф. Горский совершенно обоснованно отмечал опасность тенденций двоякого рода: с одной стороны, стремления следователя переложить свою часть работы на этом этапе на оперативных сотрудников, с другой – самоустранения следователя от своей руководящей, организующей и направляющей роли в отношениях с оперативными сотрудниками при решении общих задач[1].

Идея об особой роли результатов ОРД на первоначальном этапе познания по уголовному делу уже давно обосновывалась в юридической литературе[2]. Свое воплощение она нашла в законодательных новеллах, связанных с существенными изменениями Уголовно-процессуального кодекса РФ, коснувшимися в 2013 г. вопросов организации стадии возбуждения уголовного дела[3]. Законодатель признал давно принятый практикой факт: изолированная работа следователя в условиях ограниченных процессуальных возможностей, без создания надлежащих процессуальных условий для использования результатов ОРД крайне затруднительна, а зачастую и просто невозможна. На стадии возбуждения уголовного дела насущной необходимостью является процессуальное закрепление перспектив использования оперативно-розыскной информации. В связи с этим глубокой модификации подверглась ст. 144 УПК РФ.

Следователи и иные лица, уполномоченные решать вопрос о возбуждении уголовного дела, в настоящее время наделены целым комплексом прав: получать объяснения, образцы для сравнительного исследования; истребовать документы и предметы, изымать их в порядке; назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок; производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование; требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов; давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Каждое из этих положений требует своего отдельного осмысления и анализа (например, неясна правовая природа термина «изымать» предметы и документы. Следует ли это считать следственным действием – выемкой?). Однако такое исследование – предмет особого рассмотрения в отдельной работе. Здесь же хотелось бы обратить

[1] См.: *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика. Воронеж, 1973. С. 97.

© Астафьев Ю. В., 2014

[2] См.: *Зникин В. К.* Теоретические и прикладные основы взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса в вопросах доказывания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 33 ; *Астафьев Ю. В.* Значение оперативно-розыскной информации в установлении оснований уголовно-процессуального доказывания // Вестник ВГУ. Сер.: Право. Воронеж, 2008. № 1(4). С. 299–311.

[3] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (с изм. от 28.12.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

особое внимание на актуализацию взаимоотношений следователя с оперативно-розыскными органами. Помимо четкого закрепления права на дачу указаний о производстве ОРМ, следователь получил право ходатайствовать о продлении срока, необходимого для возбуждения дела, до 30 суток, если в этот период проводятся оперативно-розыскные мероприятия. Таким образом, оперативно-розыскная деятельность вполне легально вошла в систему уголовно-процессуального познания на его первоначальном этапе. Данное обстоятельство подтверждается также прямым указанием на возможность использования в качестве доказательств сведений, полученных при проверке поводов к возбуждению уголовного дела, при условии соблюдения требований ст. 75 и 89 УПК РФ.

Такого рода новации имеют две стороны. Безусловным их плюсом является само законодательное закрепление правового характера взаимодействия субъектов уголовного процесса и оперативных работников для решения задач первоначального этапа производства по уголовному делу. Поддержки заслуживает и стремление законодателя закрепить процессуальные перспективы этого взаимодействия.

Тревогу вызывает крайняя небрежность разработки вносимых в законодательство изменений, позволяющая не только толковать их различным образом, но, что более опасно, нивелирующая специфику уголовно-процессуальной деятельности. Некоторые вопросы нуждаются в детальном раскрытии и разъяснении.

Открытой, в первую очередь, остается проблема о доказательственном статусе сведений, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий, проводимых по поручению следователя. Указание на их использование в качестве доказательств, даже со ссылками на ст. 75 и 89 УПК РФ, на наш взгляд, недопустимо.

Результаты ОРД по своей правовой природе, способам получения и закрепления никогда не могут и не должны превращаться в доказательства. Их задача в другом – быть основой для формирования доказательств, их базой. На это обстоятельство неоднократно указывалось в юридической литературе[4]. Статья 89 УПК РФ

[4] См., например: *Доля Е. А*. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. С. 77–103 ; Теория оперативно-розыскной деятельности / под. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2007. С. 554.

вообще является правовым недоразумением, поскольку содержит запрет использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в доказывании, если они *не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.* Естественный вопрос, возникающий при этом: а эти сведения вообще могут отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам?! Полагаем, что нет, не могут и не должны. В противном случае ОРМ должны стать частью уголовного процесса, а оперативники – превратиться в следователей.

Опыт подобных нововведений предложили украинские законодатели, отличающиеся высокой степенью радикализма в реформировании своего уголовного процесса. Все действия, проводимые в период расследования, на Украине разделены на две группы: следственные (розыскные) действия и негласные следственные (розыскные) действия. И хотя последние проводятся по письменному поручению следователя или прокурора, сотрудник оперативного подразделения пользуется полномочиями следователя (ст. 41 УПК Украины). Результаты негласных следственных (розыскных) действий признаются без всяких ограничений доказательствами (ст. 93 УПК Украины).

УПК Украины включает в перечень следственных действий, помимо прослушивания телефонных переговоров, аудио-, видеоконтроль за местностью, лицами, действиями, контроль за совершением преступлений (ст. 271 УПК Украины). Сюда включены: контролируемая поставка; контролируемая и оперативная закупка; специальный следственный эксперимент; имитация обстановки преступления[5].

Заметим, что сама структура уголовного процесса Украины не так уж сильно изменилась в целом. Фактически осталась процедура возбуждения уголовного дела, называемая теперь началом досудебного расследования. На всём протяжении этого расследования существует процессуальная фигура подозреваемого, соединившая ряд правомочий прежних обвиняемого и подозреваемого.

Еще большим своеобразием отличается эстонское законодательство. Раздел 8 УПК Эстонии имеет уникальное название «Со-

[5] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Украины : науч.-практ. комментарий / отв. ред. С. В. Кивалов, С. Н. Мищенко, В. Ю. Захарченко. Харьков, 2013. С. 483–586.

бирание доказательств путем проведения оперативно-розыскных действий». К таковым относятся скрытое наблюдение, скрытый осмотр, замена объекта, негласное прослушивание и т.п. (ст. 114–118 УПК Эстонии). При этом законодатель использует невнятную формулировку: «В уголовном процессе допускается собирание доказательств путем проведения оперативно-розыскных действий, если собирание доказательств путем выполнения иных процессуальных действий невозможно или существенно затруднено» (ст. 110 УПК Эстонии)[6].

Полагаем, что движение по этому пути – это движение в направлении разрушения уголовного процесса как системы. Если для западных правовых семей проблемы не возникает именно в силу структуры уголовного процесса, где отсутствуют стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, то включение в процессуальную, строго регламентированную форму расследования «специальных» следственных действий, проводимых даже не самим субъектом доказывания, а лицами, которые получают его полномочия на время, – явление опасное во всех отношениях. Это касается и прав личности в уголовном процессе, и соблюдения процессуальных гарантий, и следования принципам уголовного процесса, а в конечном счете – эффективности уголовного процесса.

Неопределенности понимания вопросов использования результатов ОРД в доказывании, особенно в начале производства по делу, способствует неудачная формулировка самого понятия «доказательства». Законодатель признает в качестве таковых любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 74 УПК РФ). Термин «любые» неизбежно приводит к расширительному пониманию как самих доказательств, так и их источников. Целесообразнее было бы рассматривать в качестве доказательств лишь сведения, полученные в соответствии с процессуальными правилами собирания и закрепления информации, с последующей их проверкой и оценкой на предмет допустимости.

[6] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. М., Таллин, 2006. С. 211.

В связи с этим в существенной коррекции нуждается и ст. 75 УПК РФ. Речь в ней должна идти о требованиях, предъявляемых к допустимости использования информации в качестве доказательства в уголовном процессе. В настоящий же момент сложилась странная ситуация, когда законодатель говорит, во-первых, о недопустимости уже имеющихся доказательств, а во-вторых, формулирует норму по принципу «от противного», путем запрета.

По логике вещей, допустимость доказательств, наряду с требованиями достоверности и относимости, должна законодательно закрепляться в статье, определяющей понятие доказательства. В таком случае не будет двусмысленности и в содержании ст. 144 УПК РФ, устанавливающей возможность использовать в доказывании результаты ОРМ.

Внеся изменения в положения о порядке возбуждения уголовного дела, законодатель оставил неразрешенным и еще одну проблему. Она касается характера правоотношений между следователем и органами, проводящими ОРД, особенно в случаях, когда проведение ОРД по поручению следователя требует длительного срока, до 30 суток. Полагаем, что в такой ситуации следователь фактически осуществляет общее руководство оперативно-розыскной деятельностью. Он не только определяет ее направление и задачи, но и анализирует специфику производства, потенциал и перспективу для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Обоснованным было бы закрепление в УПК РФ требования об обязательном создании следственно-оперативных групп в случае необходимости продления срока решения вопроса о возбуждении дела до 30 суток, если это обусловлено длительностью оперативно-розыскных мероприятий. Полномочия следователя и оперативников были бы строго распределены. Помимо оперативной деятельности, последние могли бы производить комплекс действий, указанных в ст. 144 УПК РФ в качестве полномочий следователя, но не имеющих правовой, уголовно-процессуальной основы. Это относится, например, к получению объяснений, производству проверок и т.п.

Анализ содержания ч. 3 ст. 144 УПК РФ приводит к выводу о том, что продление срока возбуждения дела до 30 суток возможно

и при производстве дознания. Такая новелла фактически уничтожает смысл дознания как сокращенной формы расследования по уголовному делу, неизбежно приведет к злоупотреблениям со стороны органов дознания своими процессуальными полномочиями на данном этапе производства по делу. Неопределенным остается и вопрос о возможности такой длительной проверки поводов и оснований возбуждения уголовного дела при новой форме дознания, сроком до 15 суток. Парадокс в том, что период такого расследования вообще будет меньше периода для принятия решения о возбуждении уголовного дела!

Следовало бы установить в УПК РФ четкое разграничение по вопросу продления срока принятия решения о возбуждении уголовного дела. Для органов дознания такой срок не должен превышать 10 суток, а для следователя – 30 суток. Такое положение вполне согласуется с задачами и целями различных форм расследования по уголовному делу, отвечает их общей концепции.

Процедура продления срока возбуждения уголовного дела по своей природе является исключительной. Это положение закрепляли и ранее действовавший УПК РФ, и нынешний. Не изменилось оно и после дополнений 2013 г. Однако, как свидетельствует практика, опросы судей, продление срока до 30 суток в связи с производством ОРМ стало не исключением, а правилом в тех случаях, когда ставится вопрос об ОРМ, требующих судебного разрешения (прослушивание, снятие информации с технических каналов связи и т.п.). Сама процедура получения судейской санкции, а затем и дальнейшей организации таких мероприятий, равно как и представление следователю их результатов – процесс весьма длительный. В связи с этим имело бы смысл закрепление в качестве обязательного условия продления срока для возбуждения дела такого основания, как *необходимость проведения оперативно-розыскного мероприятия, требующего обязательного судейского разрешения*. Сложно предположить ситуацию, когда какие-либо иные оперативно-розыскные мероприятия требовали бы в рамках следственной проверки длительного срока проведения. Дело в том, что оперативно-розыскная деятельность по своей правовой природе во многих случаях предполагает проверку первоначальной информации о совершенном, совершаемом или готовящемся

преступлении (ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[7]). Именно поэтому оперативно-розыскные действия проводятся, как правило, вне рамок процессуальных институтов. Проведение ОРМ в пределах первоначальной следственной проверки должно стать исключением из общего порядка производства по уголовному делу, быть крайним случаем, без которого повод к возбуждению дела не может быть подкреплен должным образом.

Превенция в процессе оперативно-розыскной деятельности не может рассматриваться изолированно от потенциальной возможности обнаружения признаков совершаемого, совершенного или готовящегося преступления. В связи с этим оперативно-розыскная деятельность формирует во многих случаях поводы к возбуждению уголовного дела. Указание на выявление в процессе ОРД признаков преступления, содержащееся в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и Инструкции о порядке представления результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд фактически тождественно по смыслу содержащемуся в УПК РФ понятию повода к возбуждению уголовного дела. При этом и Закон и Инструкция указывают на то, что результаты ОРД могут являться поводами к возбуждению дела. Однако данное положение не совсем корректно в связи с отсутствием такого повода в числе указанных в УПК РФ. Отнесение его к сообщению, полученному «из иных источников», снижает значимость оперативно-розыскной информации для уголовного дела, нивелирует ее специфику в сравнении с другими источниками первоначальной информации. Целесообразно было бы закрепить в ст. 140 УПК РФ в качестве отдельного повода к возбуждению уголовного дела следующий: «*Результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные следователю, руководителю следственного органа в порядке, форме и при условиях, указанных в законе*». Последнее указание имеет принципиальное значение, поскольку предполагает последующую процессуальную проверку поводов, возникших в результате ОРД.

[7] Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. от 21.12.2013 № 211-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Предложение закрепить особый статус результатов ОРД как повода к возбуждению дела высказывалось В. И. Зажицким в рамках введения в УПК РФ специальной статьи, посвященной результатам ОРД. Предлагался даже комплекс норм, закрепляющих особенности временных рамок принятия решения возбуждении уголовного дела на основании результатов ОРД[8].

Следует отметить, что основания для возбуждения уголовного дела по данному поводу станут результатом совместных усилий органов расследования и органов, осуществляющих ОРД, что вполне вписывается в концепцию изменений УПК РФ.

К числу уголовно-процессуальных новаций относится и наделение широким комплексом прав лиц, участвующих на стадии возбуждения уголовного дела. При этом права эти носят процессуальный характер. «Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 настоящего Кодекса, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа» (п. 1.1 ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Закономерен вопрос о процессуальном статусе этих лиц, особенно в аспекте того, что они являются участниками целого ряда следственных действий, которые подлежат протоколированию. О таких «мелочах» законодатель не задумывается, зато обеспечивает охрану интересов этих лиц, в том числе путем использования псевдонима. Сложно дать ответ на вопрос, кого же освидетельствует следователь, у кого он берет объяснения, образцы для сравнительного исследования, в отношении кого назначает и организует экспертизу и т.д.

[8] См.: *Зажицкий В. И.* Рзультаты оперативно-розыскной деятельности в уголовом судопроизводстве. СПб., 2006. С. 220–221, 225.

Очевидно, что настало время внести изменения в раздел «Участники уголовного процесса». Основания для признания лица подозреваемым должны быть дополнены следующим положением: «*Подозреваемым признается лицо, в отношении которого имеется заявление или иное сообщение о совершении им преступления, в случаях, если это сообщение поступило к следователю, руководителю следственного органа, дознавателю, начальнику органа дознания и зарегистрировано в качестве повода к возбуждению уголовного дела*». Лицо, направившее в установленном порядке заявление о совершении в отношении его преступления, должно именоваться *пострадавшим*. Аналогичный статус должен быть присвоен и лицу, в интересах которого проверяется заявление о совершении преступления, если такая проверка инициирована правоохранительными органами. Лица, обладающие информацией, значимой для проверки сведений о признаках преступления, могли бы именоваться *очевидцами*, поскольку, в отличие от свидетелей, не подвергаются допросу, а лишь дают объяснения на данном этапе процесса, пользуясь, однако, процессуальными правами, аналогичными правам свидетеля.

Изучение проблем взаимодействия уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности на первоначальном этапе расследования свидетельствует о масштабной переориентации законодателя в направлении повышения практической эффективности процесса доказывания по уголовному делу. Пристальное внимание в настоящее время уделяется перспективам процессуального использования первоначальной информации по уголовному делу, созданию уже на стадии возбуждения уголовного дела серьезной базы для всего процесса доказывания. Такой подход, безусловно, заслуживает поддержки. Вместе с тем изменения закона не должны подрывать структуру и сущностную характеристику российского уголовного процесса, смешивать различные формы правоприменения, направленные на решение сходных задач раскрытия преступления, установления истины по уголовному делу.

А. Р. Белкин

доктор юридических наук, профессор

НУЖНА ЛИ РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА?

Вопрос о том, что следует понимать под возбуждением уголовного дела, можно ли считать его отдельной стадией уголовного процесса и насколько важна и обязательна эта стадия для успешного разрешения задач уголовного судопроизводства, исследован, казалось бы, многократно и разносторонне, однако продолжает дискутироваться в отечественной литературе и в последние годы приобрёл особую остроту. Предложения отказаться от этой стадии вовсе, объединить её со стадией предварительного расследования и даже отказаться от самого понятия «возбуждение уголовного дела» отнюдь не единичны, сходных позиций придерживается целый ряд известных процессуалистов.

Так, С. И. Гирько полагает, что имеются все основания для полного отказа от такого процессуального действия, как возбуждение уголовного дела, а производство по делу следует начинать с подачи (и приёма) заявления или сообщения о противоправных фактических событиях[1]. По мнению Б. Я. Гаврилова, процессуальный порядок начала производства по уголовному делу должен быть принципиально изменён с исключением из УПК РФ норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела[2]. Ряд авторов считают необходимым вообще ликвидировать возбуждение уголовного дела в качестве самостоятельной стадии процесса, причём такие предложения стали появляться практически сразу после вступления в силу нового УПК РФ[3]. В то же время нет недостатка и в «традиционалистах», не одобряющих саму идею столь резких изменений.

[1] См.: *Гирько С. И.* О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Рос. следователь. 2010. № 15. С. 16.

[2] См.: *Гаврилов Б. Я.* Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Рос. следователь. 2010. № 15. С. 18.

[3] См., например: *Вицин С. Е.* Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Рос. юстиция. 2003. № 6. С. 56 ; *Усачев А. А.* Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 4. С. 72 ; и др. работы.

© Белкин А. Р., 2014

Добавило остроты в дискуссию и принятие совершенно нового Уголовно-процессуального кодекса Украины, заметно отличающегося от предыдущего варианта, восходящего фактически ещё к советскому периоду. Надо отметить, что украинский законодатель достаточно радикально пересмотрел всю парадигму уголовного судопроизводства, причём заметно по-иному, нежели в своё время это было сделано в России[4]. В частности, сама идея возбуждения уголовного дела в УПК Украины формализована иначе, а самостоятельная стадия возбуждения уголовного дела фактически упразднена и слита со стадией предварительного расследования.

Особо острые возражения у сторонников отмены стадии возбуждения уголовного дела вызывает идея проверки сообщения о преступном деянии до возбуждения уголовного дела.

Надо заметить, что эти возражения вовсе не новы. Так, по мнению авторов Концепции судебной реформы в Российской Федерации, демократической направленности предлагаемых в ней преобразований проверка заявлений и сообщений о совершении преступления до возбуждения уголовного дела не соответствует. Подобную проверку авторы Концепции хлёстко назвали «суррогатом расследования», способным иногда предрешить исход дела[5].

Нужна ли вообще проверка поступившего сообщения о преступлении? Может ли она заменить предварительное расследование или она является неполноценной заменой? Исследуя этот вопрос, А. П. Кругликов полагает, что «более целесообразно не тратить на неё время, сразу возбуждать уголовное дело и проводить полноценное расследование, по итогам которого и принять соответствующее решение»[6].

Прежде чем сформулировать свою позицию по данному актуальному вопросу, попробуем разобраться в аргументах сторонни-

[4] Интересный анализ нового УПК Украины и сравнение его с российским УПК (в том числе в отношении возбуждения уголовного дела) можно найти в работе: *Ковтун Н. Н.* УПК Российской Федерации и УПК Украины : *pro et contra* в контексте сравнительно-правового анализа // Уголовное судопроизводство. 2013. № 1. С. 23–31.

[5] См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. С. 88–89.

[6] Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / под ред. И. С. Дикарева. М., 2012. С. 345.

ков и противников существования этой особой стадии уголовного процесса – стадии возбуждения уголовного дела.

Хорошо известно, что уголовный процесс дореволюционной России такой самостоятельной стадии не знал. Характеризуя современное ему судопроизводство, И. Я. Фойницкий писал: «В последовательном развитии производства по делам уголовным мы можем различать следующие главные стадии: 1) предварительное исследование; 2) предание суду; 3) приготовительные к суду распоряжения; 4) окончательное производство; 5) особые порядки его; 6) пересмотр приговоров; 7) исполнение приговоров»[7].

Статья 303 Устава уголовного судопроизводства (УУС) прямо указывала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка»[8]. Прямо ссылаясь на эту статью, Б. Я. Гаврилов категорически констатирует «необходимость срочного изменения порядка начала производства расследования путём исключения процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела»[9].

Отметим, что сходный *modus operandi* предусматривала и ст. 310 УУС: «По явке с повинной судебный следователь обязан приступить к следствию, но если признание явившегося с повинной опровергается имеющимися у следователя сведениями, то он составляет протокол о причинах, побудивших его оставить явку с повинной без последствий, и сообщает копию протокола прокурору или его товарищу».

Однако более внимательное изучение Устава наводит на мысль, что не всё здесь так однозначно. Во-первых, жалобой УУС считал вовсе не любое заявление о преступлении, но лишь «объявления лиц, потерпевших от преступления или проступка» (ст. 301 УУС). Во-вторых, согласно ст. 262 УУС, «предварительное следствие не может быть начато судебным следователем без законного к тому

[7] См.: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 352.

[8] Здесь и далее УУС цитируется по изданию: Судебные уставы императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1898.

[9] *Гаврилов Б. Я.* Современное уголовно-процессуальное законодательство : реалии и перспективы совершенствования // Публичное и частное право. 2012. Вып. II (XIV). С. 129–142.

повода и *достаточного основания* [курсив мой. – *А. Б.*]». Комментируя это положение, П. В. Макалинский указывал, что «следствие, начатое при отсутствии признаков преступления... подведомственного судебному следователю, и будет начатием следствия без достаточного к тому основания»[10]. Сама по себе жалоба таким основанием не являлась, ст. 297 УУС квалифицировала её лишь как «законный повод к начатию предварительного следствия».

Итак, для начала следствия требуется достаточное основание, т.е. наличие признаков преступления. Вывод о достаточности имеющегося основания для начала следствия делает, естественно, сам судебный следователь. А как же быть, если поданной жалобы недостаточно для того, чтобы сделать такой вывод? На этот вопрос до некоторой степени отвечали другие статьи УУС. Так, ст. 307 предписывала судебному следователю или полицейскому должностному лицу по получении жалобы немедленно расспросить (не допросить! следствие ещё не началось!) жалобщика об обстоятельствах или известных ему признаках преступного деяния, т.е. фактически получить его *объяснения*. Ещё дальше шла ст. 312, запрещавшая прокурору «требовать начатия следствия без достаточных к тому оснований» и предписывавшая ему «в сомнительных случаях... собрать сведения посредством негласного полицейского разведывания». Если это не доследственная проверка, то что это?

Не предусматривалась стадия возбуждения уголовного дела и в первых послереволюционных кодексах. Так, по УПК РСФСР 1923 г., органы дознания, следователь и прокурор обязаны были принимать все заявления по поводу совершенных кем-либо или готовящихся к совершению преступлений и без проведения каких бы то ни было проверочных действий, т.е. без получения дополнительной информации, принять решение о производстве дознания или предварительного следствия или об отказе в этом (ст. 94–96).

Однако в дальнейшем точка зрения на стадию возбуждения уголовного дела претерпела резкие изменения. «Возбуждение уголовного дела, – писал М. С. Строгович, – правовое основание для всех дальнейших процессуальных действий при расследовании и разрешении уголовного дела. Органы следствия и дознания, про-

[10] Цит. по: Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1991. Т. 8 : Судебная реформа. С. 289.

куратура и суд могут совершать предусмотренные законом процессуальные действия (допросы, избрание мер пресечения, предание суду и т.п.) только в связи с конкретным уголовным делом. Поэтому лишь возбуждение уголовного дела, произведённое правомочным государственным органом с соблюдением установленных законом условий, даёт этому органу право совершать все необходимые действия, связанные с расследованием и разрешением дела»[11].

В то же время проверка сообщений перед возбуждением уголовного дела не должна была быть чрезмерной и подменять собой последующее расследование. «Смысл директив об осторожном подходе к возбуждению уголовных дел, – указывал С. А. Голунский, – заключается прежде всего в том, чтобы аппарат уголовного правосудия не приводился в действие без достаточных оснований, так как самая процедура предварительного расследования, даже если по делу никто еще не привлечён в качестве обвиняемого, неизбежно сопряжена с целым рядом стеснений для граждан, так или иначе затрагиваемых расследованием... Цель, которую преследуют эти директивы, заключается... в том, чтобы избавить лиц, имеющих отношение к возбуждаемому делу, от дёрганья, с которым неизбежно связано расследование этого дела... и избавить наши прокурорские и следственные органы от бесполезной работы. Но если “доследственная проверка” проводится теми же методами и в том же объёме, что и следствие, производимое следователем, то ясно, что ни одна из этих целей не достигается»[12].

Текущая редакция УПК РФ включает стадию возбуждения уголовного дела как непременную часть уголовного процесса. Более того, Конституционный Суд РФ в ряде своих постановлений неоднократно указывал, что стадия возбуждения уголовного дела является обязательной; актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершённым преступлением, которое обеспечивает последующие процессуальные действия органов дознания, предварительного следствия и суда и одновременно влечёт необходи-

[11] *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. II : Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. С. 10.

[12] *Голунский С. А.* Возбуждение уголовного дела : методическое пособие для прокуроров и следователей / под ред. А. Я. Вышинского. М., 1939. С. 11–15.

мость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность[13].

Что же следует понимать под предложением «отменить возбуждение уголовного дела»? Такой вопрос мы неоднократно задавали сторонникам этой революционной идеи и обычно получали ответ: сразу после поступления заявления/сообщения регистрировать его и начинать расследование. Очень хорошо, а если это заявление абсурдно, фантастично, неправдоподобно, если оно сделано психически больным человеком, галлюцинирующим наркоманом, – всё равно начинать расследование? А если заявитель считает преступлением то, что таковым очевидно не является, – и тут всё равно начинать расследование? Выглядит всё это как-то странно, если не более.

Кстати, решение о начале расследования – не чисто технический акт, а *процессуальное* решение, следует допустить в принципе и возможность его обжалования, т.е. оно должно быть вынесено в форме некоего постановления, обоснованного и мотивированного в силу принципа законности. Каковы же его основания? Само заявление в этом качестве не годится: оно всего лишь повод для начала расследования. Основания же ещё надо найти и указать явно. В итоге приходим к выводу, что это постановление отличается от постановления о возбуждении уголовного дела разве что названием, – и стоит ли ради такого отличия копья ломать?

Теперь представим себе, что в ходе расследования следователь убеждается, что сведения, содержавшиеся в заявлении, не подтвердились. Видимо, надо прекращать... – что? Дело-то не возбуждено, прекратить его невозможно. Прекращение же самого расследования по смыслу выглядит заметно не так категорично и совсем не так осознается обществом.

Итак, под предложением отменить стадию возбуждения уголовного дела, видимо, следует понимать вовсе не отмену самого решения о возбуждении дела или отказе в этом (и соответствующего постановления), но некое реформирование самой стадии, включающее пересмотр концепции проверки заявления (сообщения) о преступлении и сближение (или даже слияние) стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

[13] См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Пивоварова А. Н. на нарушение его конституционных прав положениями части 1 ст. 175 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 600-О-О.

Вновь обращаясь к уже упомянутому УПК Украины, отметим, что глава 19 этого документа понятия «возбуждение уголовного дела» вообще не использует. Статья 214 предписывает следователю, прокурору безотлагательно, но не позднее 24 часов после представления заявления, сообщения о совершённом уголовном правонарушении внести соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований и начать расследование. Осуществление расследования, реализация любых следственных действий до внесения сведений в Реестр или без такого внесения не допускается. Профессор Н. Н. Ковтун справедливо отмечает, что выписка из данного реестра официально подтверждает именно «акт возбуждения уголовного дела», и констатирует, что тем самым в «практическом плане нивелированы известные проблемы с укрытием преступлений от учёта, надуманными отказами в возбуждении дел, бесчисленными и практически неконтролируемыми продлениями сроков предварительной проверки по правилам ст. 144 УПК РФ, фактическим проведением эрзац-познавательных действий без возбуждения собственно расследования»[14]. Нам не кажется, что эти серьёзные проблемы могут быть решены вот так, единым взмахом; однако именно необходимость поиска путей их решения и стоит за предложениями отменить вообще стадию уголовного дела.

Кстати, изучение ст. 214 УПК Украины и практики её применения способно навести на мысль о том, что не всё так однозначно. Как отмечают Ю. М. Грошевой и О. В. Каплина, за первые три недели после вступления в силу нового УПК и применения новой процедуры фиксации уголовных правонарушений в правоохранительные органы подано 225 075 заявлений и сообщений граждан, из которых 102 745 (45,7 %) – с признаками правонарушений[15].

Зададимся очевидным вопросом: а почему только 45,7 %, а не все? Навряд ли граждане подают в правоохранительные органы заявления о протекающем кране или о регистрации брака – очевидно, и среди оставшихся без внесения в Реестр 54,3 % заявлений были заявления, в которых, *по мнению заявителя*, сообщалось об уголовных правонарушениях. А вот по мнению правоохранительных

[14] См.: *Ковтун Н. Н.* Указ. соч.

[15] См.: *Грошевой Ю. М., Каплина О. В.* Новый этап развития уголовно-процессуального законодательства Украины // Уголовное судопроизводство. 2013. № 1. С. 2–6.

органов, принятию и занесению в Реестр подлежат, получается, только некоторые из поданных заявлений, остальные отфильтрованы и не приняты как не содержащие информации о признаках правонарушения. И это при том, что ч. 4 ст. 214 категорически предупреждает: «Отказ в принятии и регистрации заявления или сообщения об уголовном правонарушении не допускается».

Итак, закон требует принимать и регистрировать всё, а на практике – меньше половины? Нелишне заметить, что «надуманные отказы в возбуждении дел», справедливо возмущающие профессора Ковтуна, согласно российскому УПК, можно хотя бы обжаловать, в том числе и в суд, а авторам отклонённых заявлений украинский закон, похоже, ничего подобного не предоставляет. Кстати, упоминание в тексте той же ст. 214 оборота «безотлагательно, но не позднее 24 часов» вместо простого «безотлагательно» не может не навести на мысль, что явочным порядком закон даёт следователю время на осмысление (а возможно, и что-то наподобие проверки) поданного заявления, чтобы понять, есть ли в нём информация о признаках правонарушения. Возможно, той же цели служит и явно допущенная в УПК возможность производства осмотра до внесения записи в Реестр (ч. 3 ст. 214); иначе непонятно, почему нельзя (раз уж всё равно надо всё записывать и регистрировать) сначала зарегистрировать, а потом и осмотреть.

Последующие цифры, приводимые в той же работе Ю. Н. Грошевого и О. Н. Каплиной, ещё более удивительны. Итак, налицо 102 745 заявлений с признаками правонарушений, однако в Реестр внесены лишь 99,6 % от их количества, т.е. 102 357, и именно по ним и начато досудебное расследование. Конечно, магия гигантского, почти стопроцентного охвата не может не впечатлять, но всё же почему *почти* стопроцентный? Что там с оставшимися 388 заявлениями? Почему они не внесены в Реестр? Куда их девали, и что теперь делать заявителям? Никаких ответов закон Украины не предусматривает, а оптимизм авторов цитируемой работы после этих вопросов уже трудно разделить.

Итак, фактически проверка заявлений и фильтрация их на Украине остаётся, несмотря на категорические утверждения закона. Кстати, тем же законом предусмотрено, что сроки досудебного следствия начинают течь лишь с момента уведомления лица о подозрении, так что со дня внесения сведений в Реестр до уведомления лица о по-

дозрении может пройти неограниченный период времени (что мало отличается от пресловутого российского «практически неконтролируемого продления сроков предварительной проверки»). В течение этого периода могут проводиться «гласные» и «негласные» следственные (розыскные) и иные процессуальные действия, что опять же немногим отличается от предварительной проверки.

Таким образом, декларированная отмена стадии возбуждения уголовного дела не исключает изрядных подводных камней, что заставляет отнестись к самой идее отмены с определённой долей скепсиса, тем более что и аргументы в пользу сохранения этой стадии не только имеются, но и хорошо известны.

Сторонники отмены стадии возбуждения уголовного дела указывают на серьёзные проблемы, но являются ли они проблемами самой стадии или всё же недостатками правоприменения (возможно, порождёнными, в том числе, и неудачными формулировками соответствующих норм УПК РФ)?

Уже стало общим местом упоминание об ограниченности познавательных средств на этой стадии. Говорить о полноценном доказывании не приходится, а получаемые в ходе предварительной проверки без соблюдения процессуальной формы материалы (объяснения, акты и т.п.) нуждаются в последующей «процессуализации», что сопряжено, по сути, с дублированием уже произведённых действий и значительными потерями времени и сил.

Продолжительность проверки и промедление с принятием решения о возбуждении уголовного дела приводят к тому, что следы преступления, обнаруженные в стадии возбуждения уголовного дела, к началу предварительного расследования оказываются утрачены, так что собирание и исследование доказательств встречает серьёзные препятствия. По данным О. А. Анашкина, 45 % сотрудников правоохранительных органов считают, что стадия возбуждения уголовного дела сдерживает оперативность и быстроту расследования[16].

С этим трудно спорить, но следует отметить, что главной задачей стадии возбуждения уголовного дела должно быть вовсе не доказывание как таковое, но скорейшее выяснение вопроса, есть ли основания для возбуждения дела. Да и целью проверки, как справедливо отмечает И. Л. Петрухин, является «не расследование и не

[16] См.: *Анашкин О. А.* Сроки в уголовном процессе на досудебных стадиях. М., 2006. С. 36.

раскрытие преступления, а лишь обнаружение его признаков»[17]. В свете этого И. В. Овсянников полагает необходимым «закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве общее требование о незамедлительном принятии и проверке сообщения о любом совершённом или готовящемся преступлении, а также о незамедлительном возбуждении уголовного дела при наличии необходимых на то по закону повода и основания»[18]. Соглашаясь с этим предложением, укажем, что при этом столь радикального средства, как отмена стадии возбуждения дела как таковой, возможно, и не требуется[19] – достаточно более чётко обозначить соответствующие требования к проверке поступающих заявлений/сообщений и жёстко ограничить её продолжительность.

Далее, хорошо известно, что правоохранительные органы нередко выносят незаконные и необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела лишь затем, чтобы не расследовать бесперспективные (по их мнению) уголовные дела и не портить статистику раскрываемости. Количество незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел растёт как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении[20], конституционные права потерпевших на доступ к правосудию нарушаются.

И это не вызывает сомнений, но ничуть не меньшим, а то и бóльшим злом представляется отказ от принятия самого заявления вообще и его регистрации, причём для таких действий отмена стадии возбуждения уголовного дела предоставит даже больше возможностей, чем при нынешнем положении дел. На наш взгляд, следовало бы более жёстко и подробно регламентировать в УПК процедуру приёма заявлений и добавить нормы, касающиеся самой регистрации (в текущей редакции УПК их практически нет вообще). Кроме того, в более аккуратной формулировке нуждаются нормы, регламентирующие основания возбуждения дела и

[17] *Петрухин И. Л.* Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2005. № 1. С. 67.

[18] *Овсянников И. В.* Рассмотрение сообщений о преступлениях. Как реформировать эту деятельность? : науч.-практ. и учеб. пособие. М., 2010. С. 90.

[19] Спросим читателя: согласен ли он с тем, что лучшее и радикальнейшее средство против перхоти – гильотина?

[20] См., например: *Синельников А. В.* Уголовная ответственность за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению : проблемы законодательной регламентации и дифференциации. Волгоград, 2010. С. 69.

отказа в возбуждении. Разумеется, вопрос о сроках стадии возбуждения также заслуживает изучения.

Наличие стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса порождает определённые проблемы. Однако это вовсе не означает, что простым её вычёркиванием можно эти проблемы радикально устранить. Как видно из изложенного выше, проблемы остаются, пусть и в несколько ином обличье. Как не вспомнить знаменитую максиму Артура Блоха: «Сложные проблемы часто имеют простые, доступные пониманию большинства *неправильные* решения»![21].

Укажем, что стадия возбуждения уголовного дела существует в отечественном процессе не для видимости – она имеет свой смысл и выполняет определённые функции, так что с её отменой возникнут новые проблемы.

Хорошо известно, что стадия возбуждения уголовного дела выполняет важную правозащитную функцию. Предварительное расследование преступлений сопряжено с применением уголовно-процессуального принуждения, а значит, предотвращение необоснованного возбуждения уголовного дела (и предварительного расследования) ограждает личность от необоснованного вовлечения в орбиту уголовного процесса. По мнению И. С. Дикарева, стадия возбуждения уголовного дела представляет собой некий рубеж, ограждающий личность от возможного применения процессуального принуждения, играет роль важнейшей (если не единственной) гарантии против произвольного применения стороной обвинения мер уголовно-процессуального принуждения[22].

Эта позиция разделяется и другими процессуалистами. Так, В. М. Быков видит значение стадии возбуждения уголовного дела в том, что она обеспечивает законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, защиту прав и законных интересов граждан, которые в случаях необоснованного возбуждения уголовного дела могли бы быть нарушены, поскольку граждане оказались бы необоснованно втянутыми в процедуры расследования преступления, а возможно, и судебные процедуры[23], а Н. А. Колоколов

[21] См.: *Блох А*. Законы Мэрфи. М., 2005. С. 15.

[22] См.: Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / под ред. И. С. Дикарева. М., 2012. С. 358 ; и др.

[23] См.: Уголовный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. А. П. Кругликов. М., 2010. С. 335–336.

указывает, что «для россиянина возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица – это серьёзный акт, практически свидетельствующий о причастности подозреваемого к совершению преступления»[24].

То, что это отнюдь не пустые слова, подтверждается, в частности, статьёй 331 Трудового кодекса РФ, текущая редакция которой запрещает занятие педагогической деятельностью отнюдь не только лицам, имеющим неснятую или непогашенную судимость за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления (как это было до конца 2010 г.), но уже и лицам, имеющим или имевшим судимость, подвергающимся или подвергавшимся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности и ещё за целый ряд преступлений, причём отнюдь не только тяжких и особо тяжких. Таким образом, простое возбуждение уголовного дела, даже без последующего предания суду и осуждения, может обернуться для гражданина пожизненным запретом на профессию, так что решение о возбуждении уголовного дела и начале уголовного преследования должно быть тщательно взвешено. В случае же отмены стадии возбуждения уголовного дела и автоматического начала предварительного расследования ситуация может стать ещё более тревожной.

Н. А. Колоколов добавляет также, что, «назвав лицо подозреваемым (тем более обвиняемым), а затем прекратив в отношении него уголовное дело, в соответствии с уголовно-процессуальным законом необходимо принимать меры к реабилитации данного лица, возмещать причинённый ему имущественный вред, компенсировать моральный вред», а само «возбуждение уголовного дела без достаточных оснований ведёт к неразумному растрачиванию процессуальных ресурсов»[25].

Тезис об обеспечении процессуальной экономии можно обнаружить и в работах других учёных. Так, В. М. Быков отмечает, что рассматриваемая стадия позволяет оградить дознавателя и следователя от производства расследования по уголовным делам, не

[24] *Колоколов Н. А.* Заключение коллегии судей о наличии в действиях лица признаков преступления // Уголовный процесс. 2007. № 4. С. 31.

[25] Там же.

имеющим никакой судебной перспективы, что отвлекало бы их от расследования действительно опасных и тяжких преступлений[26]. По мнению В. М. Корнукова, процессуальная экономия достигается за счёт того, что стадия возбуждения уголовного дела предотвращает ненужное расследование тех обстоятельств, которые не содержат признаков преступления[27].

Подводя итоги проведённого анализа, рискнём осторожно высказаться в пользу сохранения в российском уголовном процессе самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела, имеющей свои особенности, задачи и преимущества. В то же время нельзя не признать, что институт возбуждения уголовного дела требует серьёзной переработки, а соответствующие нормы УПК нуждаются в пересмотре, дополнении и уточнении. В частности, следует уточнить, каковы цели и задачи этой стадии уголовного процесса и какие этапы она в себя должна включать.

В качестве «нулевого» шага в этом направлении внесём предложение о дополнении главы 19 УПК РФ новой статьёй следующего вида:

Статья 139[1]. Содержание стадии возбуждения уголовного дела

1. На стадии возбуждения уголовного дела должен быть в разумный срок разрешён вопрос о наличии или отсутствии основания для возбуждения уголовного дела.

2. Стадия возбуждения уголовного дела включает в себя:

1) получение (приём) заявления, сообщения или иного документа, являющегося поводом для возбуждения уголовного дела;

2) регистрацию полученного (принятого) повода для возбуждения уголовного дела;

3) проверку полученной (принятой) информации, удостоверение наличия основания для возбуждения уголовного дела либо отсутствие такого основания;

4) вынесение постановления о возбуждении (об отказе в возбуждении) уголовного дела.

[26] См.: Уголовный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. А. П. Кругликов. М., 2010. С. 335–336.

[27] См.: *Корнуков В. М.* Российский уголовный процесс. Вопросы Особенной части : курс лекций. Саратов, 2010. С. 6.

Ю. П. Гармаев

доктор юридических наук, профессор

КРИМИНАЛИСТИКА КАК ИНИЦИАТОР ОБНОВЛЕНИЯ ПАРАДИГМ НАУК АНТИКРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА

Выводы и предложения, которые легли в основу данного исследования, стали результатом размышлений после изучения многих трудов коллег-криминалистов старшего поколения. Во внушительном списке таких работ были (и остаются для регулярных обращений) труды Геннадия Федоровича Горского. Особое место среди них занимают те, что посвящены нравственным началам уголовного судопроизводства, судебной этике. Неоспорим тезис: «Особенностью каждой профессиональной морали является то, что в различных сферах профессиональной деятельности применение, выражение и преломление общих нравственных норм имеют свои специфические черты и формы»[1]. И в то же время автор подчеркивает: «В уголовном судопроизводстве любая моральная норма, если она действительно является таковой, непременно вытекает из общих нравственных принципов и служит задачам правосудия, борьбе с преступностью, защите прав и законных интересов личности….»[2], – т.е., как, вероятно, следует понимать, любая моральная норма в рамках судебной этики должна служить цели установления истины, утраченному действующим уголовно-процессуальным законом принципу всесторонности, полноты и объективности исследования материалов дела.

«Представляется, что именно историческая предназначенность дает основания говорить о криминалистике как о науке, «обслуживающей» сферу борьбы с преступностью, и только применительно к той ее части, в которой правоохранительная деятельность сохраняет свою целевую предназначенность как деятельность, направленная на полное, всестороннее и объективное установление всех

[1] *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Понятие судебной этики и ее значение в уголовном судопроизводстве // Судебная этика. Воронеж, 1973. С. 14.

[2] Там же. С. 15.

© Гармаев Ю. П., 2014

обстоятельств познаваемого события преступления»[3]. Эти бесспорные этические положения изложены именно здесь – в начале статьи, дабы предвосхитить возможные подозрения в попытке автора отойти от них.

Вряд ли у кого-то возникнут сомнения в справедливости тезиса о том, что на сегодняшний день криминалистика уже давно вышла за пределы только «полицейской науки» или «науки о расследовании преступлений». Средства, приемы и методы криминалистики успешно используются в иных сферах (оперативно-розыскной, судебной, прокурорской, экспертной, адвокатской деятельности) либо позволяют устанавливать факты, лежащие вне уголовно-правовых явлений (использование криминалистических знаний в гражданском, арбитражном (хозяйственном) или административном процессах)[4].

Отмеченные тенденции позволили ученым-криминалистам закономерным образом констатировать особый междисциплинарный статус криминалистики в ряду юридических наук и учебных дисциплин[5]. Думается, что в результате бурного развития целого ряда фундаментальных и прикладных наук, принципиальных изменений в механизмах общественных отношений, средств и способов правоприменительной деятельности, деятельности теоретической и образовательной, ломки устаревших представлений и появлением новых категорий, методик, можно и нужно говорить о неизбежной смене парадигм в юридических науках[6] и юридическом образовании.

Однако, как верно заметил Л. Я. Драпкин, принятие новой методологической концепции (парадигмы) происходит главным

[3] *Эксархопуло А. А*. Предмет и система криминалистики : проблемы развития на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2004. С. 49.

[4] См.: *Шепитько В. Ю*. Криминалистика XXI века : предмет познания, задачи и тенденции в новых условиях // Современное состояние и развитие криминалистики : сб. науч. трудов / под ред. Н. П. Яблокова, В. Ю. Шепитько. Харьков, 2012. С. 43.

[5] См.: *Ищенко Е. П., Жижина М. В*. Современные представления о предмете науки криминалистики // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград, 2012. С. 62.

[6] Т. Кун обозначал эти глобальные процессы как научные революции, превознося торжество новых парадигм, приходящих на смену устаревшим. См.: *Кун Т.* Структуры научных революций. М., 1977. С. 13–19.

образом потому, что она более адекватно отражает реальность[7]. Возникает закономерный вопрос: при всех своих заслугах, достижениях и, что немаловажно, отмеченных выше перспективах, адекватно ли криминалистика в нынешнем ее состоянии отражает реальность, т.е. предлагает ли адекватные, как отмечал Р. С. Белкин, специальные средства и методы судебного исследования и предотвращения преступлений и тем более – эффективные средства и методы исследования иных сфер общественных отношений? Думается, что дать такую оценку можно, исходя из целого ряда параметров, но если для начала взять в целом качество подготовки юристов, то картина представляется нерадостной.

Уже многие годы весьма критическое внимание широких слоев общественности, да и самих юристов, обращено к проблеме невысокого качества профессиональной подготовки следователей, дознавателей, оперативных сотрудников органов – субъектов ОРД, адвокатов и других правоприменителей в области уголовного судопроизводства и не только. Критика и самокритика нарастает и в самом сообществе, как в вузовском, так и в научном. В частности, ректор МГЮА им. О. Е. Кутафина (ныне – Московский государственный юридический университет) В. В. Блажеев в интервью на страницах «Российской газеты» вынужден был признать: «...Как мне кажется, мы всегда готовили юриста не для практики, а в известной степени для науки», – и далее отметил: «…И вот осознав эту проблему, мы на определенном этапе перешли или, во всяком случае, сейчас переходим к специализации по определенным направлениям практической деятельности. Для этого был создан Институт прокуратуры, сейчас создан Институт адвокатуры… Для юриста необходимы именно два умения: это умение говорить и умение писать. Потому что надо грамотно написать бумагу, знать, как ее написать и кому как написать»[8]. В последние годы высшее руководство страны на страницах печатных изданий и в Интернете высказывается весьма категорично: «Количество юристов в стране запредельно высокое, и эти люди

[7] См.: *Драпкин Л. Я*. Ситуационный подход – локальная парадигма современной криминалистики // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград, 2012. С. 29.

[8] Юристов много не бывает // Рос. газета. 2009. 23 июля. С. 6.

зачастую не могут найти себе работу, а если находят, то это еще опаснее»[9].

Выглядит вполне уместной гипотеза о том, что криминалистика – самая прикладная из юридических наук, криминалисты – преподаватели и ученые, могли и должны были бы взять на себя груз ответственности, составив инновационный потенциал юридического образования, обеспечивая широкое, междисциплинарное внедрение *обновленных парадигм максимального приближения к нуждам практики разработок не только своей науки, но и всех юридических дисциплин антикриминального цикла*. Однако встает вопрос, заданный В. Ю. Шепитько: «Где взять специалиста, знающего и теорию криминалистики, и практику борьбы с преступностью… Причем, презюмируется, что специалист в области криминалистики знает уголовное право, процесс, судопроизводство на высоком уровне, с учетом изменений в действующем законодательстве… имеет познания в сфере естественно-технических наук и судебных экспертиз»[10].

Между тем обслуживаемый криминалистикой современный публично-состязательный уголовный процесс (а тем более процессы гражданский, арбитражный, административный) представляет сторонам зачастую равенство не только формальное, но и функциональное. Сторона защиты в уголовном процессе, стороны в иных видах судопроизводства приобрели и продолжают приобретать множество активно применяемых ими прав и полномочий.

Однако само по себе провозглашение принципа состязательности, его обеспечение рядом уголовно-процессуальных и иных норм вряд ли дадут надлежащий результат, если это не будет сопровождаться синхронным развитием научных и, что особенно важно, дидактических средств, направленных на повышение эффективности процесса обучения будущих и переподготовки, повышения квалификации действующих правоприменителей в условиях состязательности. И здесь закономерным образом встает вопрос:

[9] Взгляд : деловая газета. 2009. 16 апреля. См. также: Пункт 1 «б» Указа Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 г. № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» // Рос. газета. 2009. 29 мая. № 97 (4921). С. 13.

[10] *Шепитько В. Ю*. Криминалистика XXI века : предмет познания, задачи и тенденции в новых условиях... С. 53.

а готовы ли профессионально и идеологически практикующие юристы, а также их растущая молодая смена к надлежащему усвоению принципа и практики состязательности?

Участие в научно-практических конференциях, преподавательская деятельность каждого из нас – ученых-криминалистов позволяет сделать не менее печальное предположение о том, что и значительная часть юристов-педагогов не вполне четко представляет себе тот путь от теории к правоприменительной практике, по которому они должны вести своих учеников.

В связи с этим имеет смысл подвергнуть анализу некоторые фундаментальные по своему характеру научные и дидактические проблемы, лежащие в основе ситуации, сложившейся в правоприменительной практике и образовательной деятельности. Сложившаяся за многие десятилетия парадигма советского, а затем и российского юридического образования и юридической науки такова, что все мы – бывшие и нынешние студенты-юристы, изучая в институтах и университетах дисциплины, в том числе уголовно-правового цикла, привыкли давать правовую и иную оценку тем или иным обстоятельствам, исходя из некой *объективной* позиции, которую можно выразить в тезисе: «Человек совершил то-то, его действия по закону квалифицируются так-то, а не иначе, что можно доказать тем-то и в таком-то порядке, с помощью таких-то средств и методов…».

Возможно, именно криминалистика как наука и учебная дисциплина, вновь отметим, априори предполагающая стремление к установлению истины как к главному нравственному ориентиру, в этом отношении не отклоняется, а как бы развивает «парадигму объективной позиции». Эту точку зрения, как уже было отмечено в начале статьи, следует признать доминантной, интерес криминалистики к преступлению, преступнику и его защитнику, обусловлен стремлением создать научные средства, способствующие в конечном счете познанию истины в уголовном судопроизводстве[11]. Криминалисты-практики, как и ученые, преподаватели, в большинстве своем предпринимают активные, инициативные усилия для познания этой истины. Существующие, особенно в уголовно-процессуальной науке, позиции, отрицающие возможность установления истины в судопроизводстве, обоснованно критикуются

[11] См.: *Эксархопуло А. А*. Указ. соч. С. 33–34.

криминалистическим научным сообществом: «Истина в уголовном процессе не может быть вероятностной или ограничиваться видом или субъектом деятельности…»[12]. Криминалисты-практики по этому поводу, как правило, просто разводят руками: «Истина есть истина! Она всегда одна по конкретному делу».

Эта устоявшаяся точка зрения дала повод некоторым ученым – представителям того же сообщества, сделать критический вывод о «монополизме» традиционной криминалистики, основанной на «консерватизме как ученых-криминалистов, так и практиков, считающих криминалистику исключительно своим «оружием», направленным против подозреваемых, обвиняемых и их профессиональных защитников[13]. Соответственно, ряд авторов (Л. А. Зашляпин, М. О. Баев, О. Я. Баев, Г. А. Зорин и др.) считают, что криминалистические средства и методы должны быть классифицированы на предназначенные для оптимизации уголовного преследования и, напротив, для оптимизации профессиональной защиты от уголовного преследования. «Состязательность сама по себе предполагает противоборствование, противодействие состязающихся сторон в реализации каждой из них своей уголовно-процессуальной функции»[14]. Таким образом, можно говорить о становлении и тенденциях развития «криминалистики защиты»[15].

Итак, криминалистика в основном исходит из объективных позиций, необходимости установления истины в своей теории и в прикладных рекомендациях, часто позиционируется в пользу интересов стороны обвинения, прежде всего следователя, но в

[12] *Шепитько В. Ю.* Тенденции криминалистики и некоторые новеллы уголовного процесса // Кримінальне провадження : новації процессуальної теорії та криміналістичної практики : матеріали Міжнародн. наук.-практ. конф. (18–19 квітня 2013 р., м. Сімферополь-Алушта) / відпов. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко ; Таврійский нац. ун-т імені В. І. Вернадського. Сімферополь, 2013. С. 166. Эту позицию, думается, поддерживают большинство криминалистов.

[13] См.: *Зашляпин Л. А.* Криминалистика как основа разработки теоретических аспектов профессиональной защитительной деятельности // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам : сб. статей / отв. ред. Л. А. Зашляпин. Екатеринбург, 2001. С. 43.

[14] *Баев О. Я.* Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него : на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений : науч.-практ. пособие. М., 2009. С. 8.

[15] См., например: *Баев М. О.* Тактические основы деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве России : теория и практика : дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2005 ; и др.

последние десятилетия отдельные авторы и научные школы разрабатывают и внедряют рекомендации для судей, государственных обвинителей, адвокатов-защитников[16]. Однако ныне криминалистика по популярности у действующих и будущих правоприменителей чаще всего уступает уголовному праву и уголовному процессу. А в них так называемые *объективные* позиции, т.е. традиционная парадигма главенствует безоговорочно, создавая тем самым труднопреодолимые стереотипы правосознания и далее – правоприменения. Так рождается и развивается «объективно-ориентированный» правоприменитель. И вряд ли кто посмеет утверждать, что это само по себе плохо. При этом, покидая стены альма-матер, бывший студент попадает в систему реального, состязательного уголовного процесса[17]. Здесь он с удивлением обнаруживает, что обозначенная объективная позиция в практике встречается довольно редко. Уголовный, уголовно-процессуальный закон, законодательство об оперативно-розыскной деятельности и иных отраслей права, криминалистические рекомендации дают возможность правоприменителю в сходных ситуациях в рамках одних и тех же правовых норм принимать правомерные, но при том различные, порой противоположные по характеру и последствиям правовые и тактические решения. Однако какое бы решение не принял практический работник, он сделает это не просто как некий абстрактный субъект применения права, а в точности выполняя отведенную ему роль, в основе которой всегда лежит строго определенный корпоративный и/или состязательный интерес.

Попробуем проанализировать, какие позиции реально встречаются на практике.

1. ***Объективная (нейтральная, теоретическая) позиция.*** Используется неким независимым юристом, никак не заинтересованным в исходе дела, не испытывающим влияния ведомственных и субъективных интересов, профессиональных деформаций. Примерами такого подхода могут служить: позиция Верховного Суда РФ, выраженная в решениях Пленума; мнение Конституционного

[16] См.: *Волчецкая Т. С.* Перспективы и пути развития современной криминалистики // Современное состояние и развитие криминалистики : сб. науч. трудов / под ред. Н. П. Яблокова, В. Ю. Шепитько. Харьков, 2012. С. 7–53.

[17] Здесь и далее будем говорить о реалиях уголовного судопроизводства, подразумевая, что подобная ситуация складывается и в иных отраслевых юридических науках и учебных дисциплинах.

Суда РФ; а также, например, точка зрения ученого, преподавателя на занятиях по уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике. Повторимся: подобная оценка «в природе», т.е. в конкретном правоприменении, встречается не так уж часто.

2. ***Позиция суда.*** Правовую позицию суда по конкретному делу многие хотели бы назвать объективной. Однако это не соответствует действительности. Например, суд не может выйти за пределы предъявленного обвинения (ч. 1 ст. 252 УПК РФ, за исключением положений ч. 2 данной статьи). Это значит, что если, например, судья как юрист усматривает «недовмененный» состав/эпизод преступления, он не может дать ему правовую оценку в приговоре. Независимость суда предполагает отсутствие у него интереса в исходе дела. Суд никогда не проигрывает и не выигрывает: он над спором, но вне спора его не существует. Отсюда следует, что суд объективен *относительно лишь позиций сторон*. Стороны своим выбором связывают суд по вопросам факта и права прямо (запрет на выход за пределы обвинения) или косвенно (предложение суду оправдать и/или смягчить наказание). Делая свой выбор, судья учитывает известную ему кассационную практику, взвешивает перспективы обжалования приговора сторонами и иные практически значимые обстоятельства.

Суд ограничен в сравнении с преподавателем или студентом, автором монографии или статьи. У него нет свободы в обращении с фактами и возможности прямо апеллировать в своих рассуждениях к истории, теории, компаративистике и материалам законопроектных работ. Суд в конкретном процессе не вправе моделировать ситуации, как то подвластно Пленуму Верховного Суда РФ при принятии постановления, дающего разъяснения по вопросу, им выбранному, и в пределах, им установленных. Суд действует в пределах сложившейся практики толковании того или иного закона, ежедневно обеспечивая фундаментальную ценность права – его предсказуемость и определенность, в то время как, например, Конституционный Суд РФ связан лишь Конституцией и, в какой-то степени, своими правовыми позициями.

Не углубляясь в анализ проблемы, хорошо понятной и ученым, и практическим работникам, сделаем лишь один вывод: в определенном смысле не так уж объективен судья, рассматривающий любое уголовное дело. Полная, например, «преподавательская»

объективность по делу ему далеко не всегда доступна: он часть системы и действует в конкретной ситуации.

3. ***Обвинительная позиция:*** присуща представителям стороны обвинения. Известным ее преимуществом является монополия на начало уголовного преследования. Как следствие, если суд скован сторонами процесса, то обвинение в самом начале пути зависит лишь от наличных у него ресурсов, умения конкретного правоприменителя их использовать и фактов, ему известных. Именно сторона обвинения имеет возможность: выбирать предмет доказывания и квалификацию деяния, в пределах которых защите и суду еще лишь предстоит действовать; занимать абсолютно объективную позицию, известную каждому ее представителю еще по студенческой скамье или из решений Верховного и Конституционного судов РФ. Может, не так часто, как хотелось бы, но все же неоднократно сторона обвинения эти возможности использует. Однако этим она не ограничивается.

Прокуроры и следователи, в большей или в меньшей степени, вынуждены в пределах требований закона защищать еще и ведомственные интересы, а точнее интересы стороны обвинения, состязающейся в уголовном процессе. Не сложно понять, что это за интересы.

Иерархия интересов стороны обвинения. Несомненным успехом стороны обвинения считается направление дела в суд и скорейшее вступление в силу обвинительного приговора. Причем, чем строже наказание, особенно если его срок и размер совпал с позицией государственного обвинителя, тем, при прочих равных обстоятельствах, весомее признается успех. Оправдание подсудимого в части отдельных эпизодов/составов, прекращение дела по нереабилитирующему основанию, в том числе являющиеся результатом компромиссов и уступок стороне защиты, как правило, не признаются удовлетворительным результатом деятельности следователя, дознавателя, прокурора. Поражением стороны обвинения считается вступление в законную силу оправдательного приговора суда; прекращение уголовного дела и уголовного преследования по реабилитирующему основанию.

Не стоит путать обвинительную позицию с пресловутым «обвинительным уклоном». Ошибка заключается в подмене понятий. Согласимся с И. Б. Михайловской, которая утверждает, что реализация функции обвинения и обвинительный уклон – вещи совер-

шенно различные. Обвинительная позиция – это всегда позиция, основанная на законе, пусть даже использующая его диспозитивность, неопределенность, пробелы. Она включает и обязанность органа расследования собирать и исследовать все доказательства, опровергающие версию обвинения (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). Обвинительный же уклон – это игнорирование сведений, свидетельствующих о невиновности либо о меньшей степени ответственности обвиняемого, неадекватная оценка собранных доказательств и т.п. Другими словами, обвинительный уклон является проявлением ненадлежащего выполнения функции обвинения соответствующими участниками процесса[18].

*4. **Защитительная (адвокатская) позиция***. Присуща представителям стороны защиты, прежде всего, адвокату-защитнику. Адвокат скован волей доверителя, если только не считает, что последний оговаривает себя. Подзащитный же далеко не всегда заинтересован в установлении истины, всех обстоятельств дела. Но закон обязывает адвоката «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя, всеми не запрещенными законодательством РФ средствами»[19]. И поэтому адвокат часто отстаивает заведомо для него ложную позицию. Он всегда обязан найти и продемонстрировать суду все изъяны позиции стороны обвинения. И если последняя, преследуя свои интересы, отклонилась от того, что сочли бы правильной квалификацией (верной оценкой доказательств) ученые или судьи, то именно сторона защиты может занять объективную позицию по квалификации (по оценке допустимости, достаточности доказательств и т.п.). Если же это не так, в том числе, по причине скованности волей доверителя, то в обязанности защиты входит убеждение суда в том, что объективная позиция неверна, несправедлива, незаконна.

Иерархия интересов стороны защиты. Несомненный успех – полное оправдание подзащитного либо прекращение уголовного дела и уголовного преследования по всем статьям и эпизодам обвинения, и притом по реабилитирующему основанию. Хороший результат – прекращение уголовного преследования в части

[18] См.: *Михайловская И.* Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7. С. 4.

[19] Пункт 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (Рос. газета. 2002. № 100. 5 июня.).

отдельных эпизодов/составов преступлений, а также назначения наказания условно в ситуации, когда подсудимый мог быть осужден к реальному наказанию (как правило, к лишению свободы). Неудовлетворительный результат – в зависимости от ситуации по делу. Таковым может быть признано осуждение лица, при полном игнорировании судом и стороной обвинения доводов стороны защиты. Например, подобным поражением может считаться обвинительный приговор суда, который полностью совпал с позицией стороны обвинения и по квалификации, и по виду, сроку, размеру наказания, и по иным вопросам.

Полагаем, что учет различных позиций очень важен не только в правоприменительной деятельности, но и в научных исследованиях и, что особенно важно, в учебном процессе, при подготовке учебных и учебно-методических работ. Студентам и слушателям учреждений по повышению квалификации в ходе занятий необходимо постоянно рассматривать одни и те же и обстоятельства уголовного дела, эпизода с четырех или, как минимум, с трех позиций: объективной, обвинительной и адвокатской. При обучении необходимо также показать, как такие позиции становятся реально возможными и почему каждая из них имеет право стать реальной позицией суда.

Приведем пример, относящийся к процессу обучения вопросам квалификации и расследования взяточничества и других коррупционных преступлений. Гражданин с целью получения фиктивного листка нетрудоспособности передает врачу денежное вознаграждение. Дадим правовую оценку только действиям взяткодателя.

Объективная позиция. Фабула слишком краткая. При этом наличие состава дачи взятки за совершение заведомо незаконных действий (ч. 3 ст. 291 УК РФ) не вызывает серьезных сомнений. Для краткости назовем этот состав основным.

Обвинительная позиция. При наличии законных оснований и при инициативном, наступательном подходе в расследовании[20], лицо может и должно быть привлечено к уголовной ответственности «по максимуму», т.е. за совершение трех преступлений:

– дача взятки за совершение заведомо незаконных действий (ч. 3 ст. 291 УК РФ);

[20] Чего в последние годы особенно не хватает в деятельности многих сотрудников следственных подразделений.

– подстрекательство к служебному подлогу (ч. 4 ст. 33 и ч. 1 ст. 292 УК РФ)[21];

– хищение путем мошенничества той суммы заработной платы за период мнимой болезни, которую он незаконно присвоил, благодаря фиктивному листку нетрудоспособности (ч. 1 ст. 159 УК РФ).

Как уже говорилось, не вызывает особых сомнений только наличие основного состава (дачи взятки). Поскольку сторона обвинения, обратим особое внимание – при наличии законных оснований, – заинтересована вменить как можно больше и строже[22], остальные два (дополнительные) нужно доказать и/или обосновать. Для этого в ходе расследования с особым вниманием следует отнестись к доказыванию содержания умысла лица и других обязательных признаков дополнительных составов. Для этого в ходе расследования проводятся следственные действия, ОРМ и тактические операции, направленные на проверку следующих обстоятельств: осознавал ли взяткодатель, что врач с его подачи совершает за взятку заведомо незаконные действия – служебный подлог, а также то, что тем самым взяткодатель похитил деньги организации-работодателя; получил ли он эти деньги и т.д. Однако при прочих равных обстоятельствах, пожалуй, решающим фактором будет умение следователя грамотно «расписать» текст обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении, а также согласованность текста обвинения с руководителем следственного органа, надзирающим прокурором и будущим государственным обвинителем. Существенное значение также будет иметь наличие/отсутствие в местной судебной практике вступивших в законную силу обвинительных приговоров с подобной квалификацией при подобных обстоятельствах.

При этом представители стороны обвинения должны постоянно мысленно отстраняться от своей позиции и пытаться произвести криминалистическое моделирование адвокатской.

[21] «Ответственность за дачу и получение взятки или коммерческий подкуп не исключает одновременного привлечения к уголовной ответственности за действия, образующие самостоятельное преступление. В таких случаях содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений» (п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»).

[22] В этом случае, как известно, снижается риск оправдательного приговора, улучшаются показатели отчетности и т.д.

Адвокатская позиция. Предположим, подзащитный признает дачу взятки. Даже если фактические основания обвинения уже подтверждены доказательствами, а за это защитнику еще можно побороться, то дополнительных составов в действиях подзащитного нет, так как: 1) он хотел лишь получить дополнительный отдых и не имел цели хищения, 2) дача взятки за незаконные действия охватывает подстрекательство к служебному подлогу (правило конкуренции составов – ч. 3 ст. 17 УК РФ). Не исключено, что сторона защиты вообще будет отрицать умысел на дачу взятки: «Я думал, что даю деньги официально, за оформление бумаг по больничному», – или отрицать умысел на дачу взятки за незаконные действия: «Я думал, что врач может мне дать листок, даже если я не болен».

Следует особо оговорить в этой связи следующий момент. В основе самой идеи квалификации как сопоставления признаков совершенного деяния и нормы уголовного закона лежит презумпция того, что в каждой ситуации существует лишь одна единственная верная квалификация[23]. В противном случае реализация принципа законности и поддержание единообразия судебной практики были бы просто невозможными. Предлагаемый подход множественности квалификаций (множества вариантов получения, проверки и оценки доказательств) к одному казусу опирается на 1) возможность разной интерпретации фактов (что чаще всего влияет на форму и объем вины), 2) различие в совокупности фактов, подлежащих квалификации (за счет разброса между вариантами предмета доказывания и отсечения недоказанных надлежащим образом фактов), 3) неискоренимыми разночтениями в понимании самого уголовного, уголовно-процессуального, иного закона, нескончаемо обсуждаемыми как в доктрине, учебной литературе, так и в следственно-судебной практике. Заметим, что все три изложенных пункта, или как минимум два первых, имеют криминалистическое содержание, а потому формирование предлагаемой обновленной парадигмы вряд ли возможно иначе как со стороны криминалистики.

На занятии не только по криминалистике, но и по всем наукам антикриминального цикла, должно моделироваться поведение сто-

[23] См. об этом, например: *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 21.

рон с использованием каждой из четырех или, как минимум, трех позиций (например, временно опуская вторую – позицию суда).

Академический подход – парадигма юридической науки и юридического образования – чаще всего ограничивается проблемами однозначной интерпретации закона, правил квалификации, собирания, проверки и оценки доказательств. Но и она, парадигма, применяемая в рамках реальных семинарских занятий по криминалистике и другим предметам антикриминального цикла, позволяет студентам также «играть» с толкованием фактов, определением предмета доказывания и т.д. Но все это делается без надлежащего теоретического базиса и дидактического инструментария.

Суть же нашего предложения сводится не к низвержению, а к модернизации указанной парадигмы «объективной позиции» с точки зрения состязательности, вышеизложенных новаций и достижений криминалистики. Суть модернизации – в научно-дидактическом обеспечении мысленного (плюс документального) моделирования сначала той самой объективной позиции, затем позиции каждой из сторон, а также позиции суда.

На уровне учебных пособий и лекций названная модернизация может быть обеспечена изложенными в настоящей статье положениями с примерами из практики по выбору конкретного автора, преподавателя. На уровне практических занятий навыки моделирования различных позиций должны закрепляться в дискуссии (навыки риторики), в рамках имитации состязательного процесса с использованием образцов и примеров процессуальных документов.

Рекомендуется использовать, например, следующую форму – ключевые тезисы позиций (можно излагать в учебно-методическом пособии как шаблон для мыслительной деятельности):

1) объективная позиция, присущая, например, ученому: «Считаю ли я сделанный мною вывод о квалификации преступления, доказывании на основании известных фактов правильным и соответствующим букве и смыслу закона?»;

2) позиция суда: «Считаю ли я, что сделанный мною вывод о квалификации преступления, доказывании подтвержден допустимыми доказательствами, не противоречит практике высших судов и не имеет фактических ошибок? Есть ли иные варианты квалификации и оценки доказательств, и будут ли они обоснованными? Какова вероятность того, что апелляционная, кассационная инстанция использует один из этих вариантов, отменив мой приговор?»;

3) позиция обвинителя: «Есть ли у меня законные основания с учетом фактов, которые считаю установленными (подлежащими установлению), сделать вывод о квалификации преступлений и их доказывании «по максимуму»? Какие места в моей позиции особо уязвимы? Изменится ли позиция суда, если атака стороны защиты против моей позиции будет удачной?»;

4) позиция защиты: «Есть ли законные основания опровергнуть квалификацию и доказательства стороны обвинения и сделать вывод о невиновности (меньшей степени вины) подзащитного? Подтверждена ли моя позиция надлежаще установленными фактами, и что будет, если суд не согласится с моей оценкой существенности нарушений при собирании доказательств? Можно ли установленные в суде факты интерпретировать иначе, дополнив картину, например, новыми обстоятельствами?».

Как уже было отмечено, обновленная таким образом парадигма научной и образовательной деятельности – назовем ее, например, *«парадигма четырех позиций»* – базируется на лучших достижениях криминалистики и соответственно имеет криминалистическую природу, хотя может и должна распространяться на все науки антикриминального цикла и шире – на иные юридические дисциплины. Она позволит учить и учиться постоянно «играть на опережение», внутренне прочувствовать важность процессуальной формы (и ограничения, ею накладываемые), прийти к осознанию того, что за редким исключением каждая криминалистическая и иная правоприменительная ситуация имеет несколько решений, и каждое из них может соответствовать закону.

Предлагаемое никак не противоречит судебной этике, идеологии достижения истины в процессе, а значит, нравственным началам криминалистики. Моделирование различных позиций, в частности позиции стороны защиты, только повысит эффективность решения задач уголовного судопроизводства.

Как бы субъективно трудно и непривычно это не казалось, но все же есть убеждение, что как ученому и педагогу, так и практикующему юристу, обучаемому, будь то реальное дело или учеба, следует разделять свою мыслительную деятельность на четыре или, как минимум на три позиции: объективную, обвинительную и ад-

вокатскую, а при необходимости уметь отстаивать каждую из них, прогнозируя как результат позицию суда.

Особенно это важно для учебного процесса в вузах и в учреждениях по повышению квалификации. Например, на семинарах по уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике, в особенности – по криминалистической тактике, криминалистической методике расследования и **судебного разбирательства**[24] (выделено нами. – *Ю. Г.*), отвечая на вопрос о квалификации, выявлении и доказывании тех или иных преступлений, обучаемому можно предложить высказать три мнения:

– прежде всего, об объективной позиции, подтвердив ее составленным в порядке домашнего задания постановлением о привлечении в качестве обвиняемого;

– в случае проведения занятия в режиме деловой игры в зависимости от того, в какой подгруппе он состоит («следователи» или «адвокаты»), изложить обвинительную или адвокатскую позицию. Ее в свою очередь необходимо подтвердить в первом случае, например, постановлением о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения – содержание под стражей, постановлением об отстранении обвиняемого от должности, а также планом расследования, планами допросов и т.п.; во втором случае, например, жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, ходатайством о прекращении уголовного дела, планом защитительной деятельности и т.п.

Таким образом, есть все основания полагать, что внедрение в науки и учебные дисциплины антикриминального цикла «парадигмы четырех позиций», соответствующее уточнение концептуальных подходов к формированию и представлению теоретических положений, учебных и практических рекомендаций, к обучению будущих и действующих правоприменителей – все это позволит сделать важный шаг к уточнению парадигм, модернизации наук и учебных дисциплин антикриминального цикла (впрочем, как и иных юридических), повышению эффективности всей правоприменительной практики.

[24] Разработка и внедрение методик данного типа – наиболее перспективная тенденция развития последнего раздела криминалистики. См., например: *Гавло В. К.* О позитивных тенденциях развития криминалистической методики как раздела науки криминалистики // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград, 2012. С. 201–205.

А. Ю. Головин

доктор юридических наук, декан юридического факультета

М. В. Баранов

кандидат юридических наук

СИТУАЦИОННЫЕ ЗАДАЧИ В СТРУКТУРЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Еще в 1970 г. профессор Г. Ф. Горский отметил, что «образование – это лишь составная часть профессиональной подготовки следователя. Образование и грамотность еще не означают полной профессиональной пригодности следователей к выполнению их сложнейших функций»[1]. За прошедшие более чем сорок лет это утверждение Г. Ф. Горского получило свое подтверждение и в криминалистической литературе, и в следственной практике.

Профессионализм следователя – это, конечно же, не только юридические знания, но и специфические навыки и умения по применению таких знаний в различных ситуациях расследования. Следственная деятельность выступает как самостоятельная и специфическая разновидность юридической деятельности. Ее антипод и противоположность – преступная деятельность, которая, впрочем, является первопричиной деятельности по ее расследованию. Данный объект обусловливает информационный характер рассматриваемого вида деятельности, ее направленность на поиск, получение и использование криминалистически значимой информации, в которой основное место занимает доказательственная информация. В криминалистической литературе справедливо отмечено, что использование этой информации в основном состоит в построении логических выводов, принятии процессуальных и иных управленческих решений и передаче собранной информации в иные системы (например, в систему «судебное разбирательство»)[2].

Следственная деятельность представляет собой сложную динамическую управляемую систему, включающую в себя комплекс

[1] *Горский Г. Ф.* Научные основы организации деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж, 1970. С. 97.

[2] См.: *Самыгин Л. Д.* Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. С. 18.

© Головин А. Ю., Баранов М. В., 2014

различных элементов. В их числе объект, задачи этой деятельности, субъекты ее осуществления, составляющие ее действия, приемы и способы, место, время и обстановка ее осуществления, а также достигаемый результат.

Задачи расследования выступают одним из ключевых элементов следственной деятельности. Именно через систему конкретных задач реализуются и общие процессуальные цели расследования. Множественный характер таких задач наглядно проявляется применительно к задачам доказывания. Так, уголовно-процессуальное законодательство (ст. 73 УПК РФ) определяет обстоятельства, составляющие предмет доказывания по делу. Необходимость установления и доказывания каждого из определенных в уголовно-процессуальном законе обстоятельств в свою очередь обусловливает формирование целого комплекса конкретных информационных, организационных и иных криминалистических задач, без решения которых выполнение процессуальных требований невозможно или затруднительно. Например, доказывание события преступления предполагает установление в процессуальном порядке преступности деяния, наличие элементов его состава, определение времени, места и способа преступления, а также иных обстоятельств его совершения. Доказывание, например, способа совершения преступления предполагает установление характера действий, осуществленных при подготовке, собственно совершении и сокрытии преступления, использованных при этом орудий и средств, роли каждого из соучастников.

И это только часть информационных задач, подлежащих решению по делу. В ходе следственной деятельности могут формироваться и разрешаться и другие по своему характеру задачи и их комплексы, причем на различных уровнях и этапах расследования. Например, выделяются задачи стратегического и тактического характера, начального и последующих этапов расследования.

Здесь стоит отметить, что мы не разделяем точку зрения о необходимости жесткой дифференциации процессуальных и криминалистических задач. В частности, Л. Д. Самыгин писал, что во многих случаях отличать «чисто криминалистические» задачи расследования от «чисто процессуальных» возможно лишь на стратегическом уровне[3]. На наш взгляд, учитывая, что большинство

[3] См.: *Самыгин Л. Д.* Указ. соч. С. 33–40.

процессуальных задач стадии предварительного расследования решается с использованием криминалистических средств и методов, необходимость такой дифференциации не носит принципиального характера.

Возвращаясь к системе следственной деятельности, хотелось бы отметить, что в ее структуре в качестве самостоятельного элемента, помимо собственно задач расследования, должны быть выделены и механизмы решения таких задач. В отсутствие такого элемента представление системы деятельности по расследованию преступления будет содержать очевидный пробел. Эту часть системы деятельности по расследованию преступления можно представить схематически (см. рисунок).

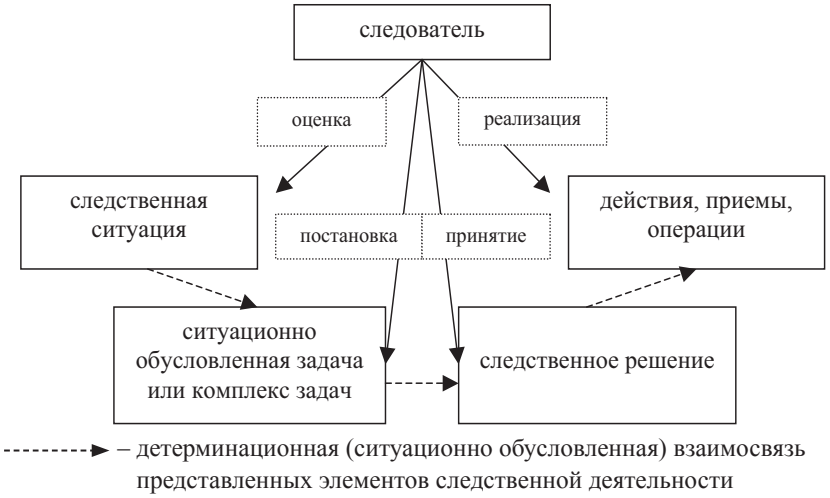


Рисунок. Ситуационно-аналитическая схема следственной деятельности

Рассматривая сущность задач расследования, необходимо уточнить их дефиницию. Стоит отметить, что само понятие «криминалистические задачи» предполагает их постановку в ходе осуществления различных видов криминалистической деятельности. К ним, помимо следственной деятельности, в частности, относят экспертно-криминалистическую деятельность, криминалистическую профилактическую, оперативно-розыскную и даже кримина-

листическую научно-педагогическую деятельность[4]. Однако, как представляется, используя термин «криминалистические задачи» мы ведем речь, прежде всего, о задачах предварительного расследования (в отличие, например, от задач криминалистических). Таким образом, термины «криминалистические задачи», «задачи расследования», «следственные задачи» могут в целом использоваться как синонимы, обозначающие, по сути, одно и то же явление.

Что же касается научных взглядов на рассматриваемое понятие, то этот вопрос со всем основанием можно отнести к числу дискуссионных. Так, по мнению А. Н. Васильева, Г. Н. Мудьюгина и Н. А. Якубович, задачи расследования представляют собой выяснение круга вопросов (фактов, обстоятельств), а также меры по обеспечению осуществления правосудия и по предупреждению преступлений[5]. Указанное определение является одним из первых научных подходов к определению задач расследования. Впрочем, представленная дефиниция не во всем удачна и не отражает всех признаков рассматриваемого понятия. Неудивительно, что в более поздней научной литературе отражено немало других научных взглядов на его определение.

Ряд авторов отождествляют задачи расследования с ситуацией расследования, в которой действует следователь. Так, по мнению Н. Л. Гранат, такую задачу целесообразно определять как принятую следователем объективную ситуацию, включающую цель и условия, в которых он в силу своего должностного положения обязан действовать, чтобы достичь цели[6]. Со схожих позиций определил криминалистическую задачу Н. С. Полевой, пояснив, впрочем, что такого рода ситуация «…требует осуществления комплекса действий по приведению исходной информации об объекте познания к количеству и виду, позволяющим получить новые данные о нем и использовать их для правильного разрешения уголовного дела»[7].

Думается, что подход к определению задачи расследования как своего рода ситуации не совсем оправдан. Ситуация расследования лишь детерминирует постановку и решение такой задачи. Более того, как уже было отмечено, следственная ситуация существует объективно, независимо от результатов или даже самого факта оценки ее следователем. Задача расследования, наоборот, является результатом аналитико-мыслительной работы следователя по анализу и оценке такой ситуации. Задачи расследования могут быть сформулированы и другими его участниками, причем как со стороны обвинения, так и защиты. На это обстоятельство обращается внимание и в криминалистических диссертационных исследованиях последних лет. Например, как справедливо отмечает О. В. Полстовалов, «…в криминалистической тактике наметились исследования складывающихся ситуаций в свете доминирования в формировании последних индивидуальных особенностей участвующих в производстве расследования лиц. Можно сказать, что в развитии ситуационного подхода в современных исследованиях превалируют индивидуально-личностные тенденции»[8].

Таким образом, задача расследования – это не сама ситуация. Она лишь имеет ситуационную обусловленность.

Л. Д. Самыгин определил криминалистическую задачу как осознанное и сформулированное человеком противоречие между целью выполняемой им функции, с одной стороны, и реальными возможностями ее достижения в условиях конкретной ситуации – с другой, – приводящее к выбору одного из вариантов действий, решаемое методами и средствами криминалистики[9]. Думается, что автор справедливо отметил зависимость постановки такой задачи от сложившейся ситуации расследования, а также вариационность ее решения. Недостаток же представленного определения видится в том, что при определении криминалистической задачи как некоего «противоречия» предполагается существование неких антиподов, коими «функция расследования» и «ее реальные возможности» не являются.

Вряд ли удачны и попытки предельно широко определить рассматриваемое понятие, допустим, как «вопрос, возникший в ходе расследования»[10]. Во-первых, подобный подход не раскрывает всех признаков рассматриваемого понятия. Во-вторых, получение отве-

[4] См.: Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М., 1999. С. 16.

[5] См.: *Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А.* Планирование расследования. М., 1957. С. 17.

[6] См.: *Гранат Н. Л.*, *Ратинов А. Р.* Решение следственных задач. Волгоград, 1978. С. 6.

[7] *Полевой Н. С.* Криминалистическая кибернетика. М., 1982. С. 120.

[8] *Полстовалов О. В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. С. 24.

[9] См.: *Самыгин Л. Д.* Указ. соч. С. 41–42.

[10] *Лузгин И. М.* Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 93.

та на тот или иной вопрос, возникающий в ходе расследования, характерно для решения информационных и отчасти розыскных задач. Что же касается других видов задач расследования (например, организационных), то их понимание как некоего «вопроса» также не совсем верно.

С этих же позиций можно признать недостаточно полными подходы к пониманию задач расследования только в качестве необходимости получения доказательственной информации по делу, ее преобразования, проверки и т.д.[11] либо выполнения исключительно процессуальных требований, некой «объективно существующей формы правового долженствования»[12]. Их можно рассматривать только как подходы к пониманию отдельных разновидностей задач расследования (информационных или процессуальных), но не как определения рассматриваемого понятия в целом.

Спорным представляется и толкование задачи расследования через некую часть процесса расследования, отражающую отношение между ситуацией расследования и тактической целью, определяющей способ действия[13]. В таком случае остается неясным, чем же задача расследования отличается от его цели. К слову, ряд ученых-криминалистов в современных исследованиях и вовсе не используют термина «задачи расследования», заменяя его категорией «цель расследования». Например, по мнению Е. А. Логвиненко, процесс целеобразования в расследовании служит как бы итогом работы с прошлыми событиями, фактами в системе, где обеспечено обобщение накопленного опыта и намечается перспектива ее дальнейшего функционирования. Этап целеполагания, с точки зрения ученого, – это момент перехода из прошлого в настоящее цели, направленной в будущее. Этап целеосуществления – переход цели в фактически реализованную цель[14]. Проанализировав указанную

[11] См.: *Грановский Г. Л.* Понятие и основные положения теории решения криминалистических задач // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистических экспертиз. М., 1987. С. 5 ; *Антонов А. Н.* Решение типовых задач расследования преступлений (тактико-криминалистический аспект) : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. С. 20.

[12] См.: *Судицын А. Б.* Задачи предварительного расследования : дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 37.

[13] См.: *Корноухов В. Е.* Методика расследования преступлений : теоретические основы. М., 2008. С. 96.

[14] См.: *Логвиненко Е. А.* Мысленное моделирование в тактике следственных действий : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 80.

позицию, можно сделать вывод, что автором описана процедура решения информационных задач расследования, в связи с чем не усматриваются какие-либо глубокие сущностные различия между «целями» и «задачами» расследования.

Как дискуссионную можно охарактеризовать и позицию М. В. Головина, по мнению которого целеопределение – это умственный процесс, основанный на анализе имеющихся фактических данных и определений предстоящего результата (чаще обстоятельства) следственных и иных действий. Сюда входит построение отдельных тактических целей и всей системы целей по уголовному делу[15]. Аналогичным образом можно рассуждать и о системе задач расследования, что также указывает на отсутствие существенных отличий в рассматриваемых терминах «задачи» и «цели» расследования с точки зрения оптимизации их решения (достижения).

Исключением из сделанного вывода может быть лишь определение общей цели расследования, которая, учитывая нормативный характер такой деятельности, находит свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве. Общая цель расследования обусловлена основным назначением уголовного судопроизводства, которое выражается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. При этом общая цель получает конкретизацию в системе задач расследования[16].

Таким образом, задачи расследования и частные цели расследования выступают понятиями, на наш взгляд, не имеющими глубоких сущностных отличий.

Отметим, что соотношение «цель – задача» встречается в криминалистической литературе и при описании структуры следственной задачи. Так, по мнению Г. Л. Грановского, структурными элементами задачи выступают цель и условие. При этом под

[15] См.: *Головин М. В.* Проблемы целеопределения в расследовании : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 52.

[16] Более подробно см.: *Головин А. Ю.* Криминалистическая систематика. М., 2002. С. 176. На возможность представления процесса расследования как системы криминалистических задач обращают внимание и другие ученые-криминалисты (см., например: *Ким Д. В.* Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций : монография / под ред. В. К. Гавло. Барнаул, 2008. С. 105).

целью автором понимаются отвечающие осознанной потребности субъекта реальный объект или идеальное представление конечного результата действия или деятельности. Условие же, как считает Г. Л. Грановский, – это более или менее (в зависимости от характера задачи и информационных особенностей того, кто ее решает) определенные данные (информация), из которых следует исходить при попытках достигнуть цели[17]. Почти аналогичную позицию в более современной криминалистической литературе высказал и А. Н. Антонов, дополнив лишь характеристику условия решения задачи необходимостью соблюдения требований уголовно-процессуального закона[18].

Схожим образом структуру следственной задачи определили Н. Л. Гранат и А. Р. Ратинов. Впрочем, авторы вели речь о психологической структуре задачи, другие типы ученые не выделили. При этом цель такой задачи, как элемент ее структуры, фактически был отождествлен авторами с требованиями, а условия ее решения – с «исходными данными, имеющимися у следователя»[19].

По мнению В. Е. Корноухова, в тактической задаче в качестве требования (цели) выступает установление правовой или промежуточной цели расследования, в качестве условия (известное) – ситуация расследования, в качестве искомого (неизвестное) – частная система доказательств[20].

С точки зрения Л. И. Полтавцевой, общая цель следственной деятельности определяет конкретные задачи расследования через его условия, формируя таким образом его смысловой компонент (цель – условия – задачи)[21].

Анализируя указанные позиции, хотелось бы отметить, что представление структурных элементов задачи расследования в виде «требования – условия» представляется наиболее оправданным, так как не создается смысловых противоречий в понятиях «цель» и «задача». Использование для определения одного из элементов криминалистической структуры задачи термина «требование» оправдано и тем, что процесс расследования преступлений урегулирован нормами уголовно-процессуального законодательства, содержащего обязательные к применению и исполнению требования. Таким образом, со структурной точки зрения, задача расследования представляет собой некое требование, предполагающее необходимость его исполнения следователем, которое представляет собой объективно (процессуально или ситуационно) обусловленное отношение между определенными имеющимися условиями и тем, что требуется найти, установить, достичь или выполнить.

[17] См.: *Грановский Г. Л.* Указ. соч. С. 5.

[18] См.: *Антонов А. Н.* Указ. соч. С. 20.

[19] См.: *Гранат Н. Л., Ратинов А. Р.* Указ. соч. С. 30.

[20] *Корноухов В. Е.* Указ. соч. С. 96—97.

[21] См.: *Полтавцева Л. И.* Криминалистика и психология : интеграция наук в познании закономерностей деятельности, направленной на раскрытие и расследование преступлений. Ростов н/Д., 2002. С. 40.

Составляющие структуру задачи расследования условия и требования могут быть исходные, искомые и привнесенные[22]. Для первоначального этапа расследования преступлений особое значение имеют исходные требования и условия задач, обусловленных исходной следственной ситуацией. Именно в такой общей ситуации происходит первоначальная постановка следователем (хотя бы и просто мысленная) системы задач указанного этапа расследования как своего рода системы взаимодействий исходных условий расследования и исходных требований к нему. Аналогичным образом формируется и система тактических задач применительно к проведению отдельных следственных действий или тактических операций на начальном этапе расследования.

Стоит отметить, что отождествление условий задачи, как ее структурного элемента, и криминалистически значимой информации (исходных данных, которыми располагает следователь) характерно лишь для одной из разновидностей задач расследования – информационных задач и, отчасти, розыскных (как разновидности поисковых). Что же касается, например, организационных задач расследования, то здесь круг таких условий несколько иной и включает в себя уровень технического оснащения, наличия или отсутствия необходимых специалистов, транспорта, помещений, статистов, понятых, переводчиков, времени суток, погодных условий и пр., без учета которых грамотная постановка самой задачи и уж тем более ее решение невозможны. Да и в структуре информационных задач условия такого рода также должны учитываться. Нельзя забывать и процессуальные требования к процессу рассле-

[22] См.: *Эсаулов А. Ф.* Психология решения задач. М., 1972. С. 18.

дования, несомненно, оказывающие влияние на структуру криминалистической задачи.

Условия задачи можно рассматривать и с точки зрения проявления в них существенных отношений, что очень важно для решения. Эта существенность определяется такими свойствами элементов ситуации и связей между ними, как: 1) общие и специфические; 2) главные и неглавные; 3) необходимые и случайные; 4) существенные и несущественные; 5) внешние и внутренние[23].

Все требования и условия, как структурные элементы ситуационной задачи расследования, находятся в тесном взаимодействии, которое может характеризоваться:

– недостаточностью условий для выполнения требований;

– избытком исходных условий для достижения поставленных целей;

– противоречивостью исходных условий как препятствие достижения требований.

Взаимодействие первого типа формирует ситуационную задачу вспомогательного типа, предполагающую поиск или создание новых условий, удовлетворяющих требованиям поставленной основной задачи.

В свою очередь, взаимодействие элементов ситуационной задачи первого типа может обусловить и ее постановку на основе вероятностных (предполагаемых) условий. Такими условиями, например, являются частные версии, выдвигаемые следователем. Так, следствия, выведенные из версии, представляют собой вероятностную информацию, которая может лечь в основу постановки тактической задачи. Далее искомые условия по мере своей проверки и уточнения переходят в рамки привнесенных условий, которые уже будут сопоставляться с требованиями задачи, в свою очередь, обусловливая ее уточнение и конкретизацию вплоть до полного подтверждения или опровержения следственной версии.

Взаимодействие элементов ситуационной задачи второго типа обусловливает необходимость рационально распорядиться имеющимися в избытке условиями задачи для постановки и выполнения наиболее значимых для расследования требований. Как правило, постановка задач, имеющих структуру второго типа, осуществля-

[23] *Гранат Н. Л., Ратинов А. Р.* Указ. соч. С. 30—31.

ется в благоприятных следственных ситуациях, предоставляющих следователю широкие возможности для решения каждой из стоящих задач.

Третий тип взаимодействия элементов ситуационной задачи расследования при невозможности непосредственно перейти от первых к требуемому результату обусловливает необходимость поиска следователем новых требований, которые могут быть достигнуты в имеющихся условиях. Искомые требования после их анализа и сопоставления становятся привнесенными и решаются в рамках поставленной задачи. Такое мысленное преобразование структурных элементов задачи расследования будет продолжаться до тех пор, пока не будет преодолено существующее противоречие или несогласованность между условиями и требованиями, т.е. пока не будет решена сама задача. При этом динамика структуры задач расследования обусловлена, на наш взгляд, постоянно меняющейся следственной ситуацией, грамотная оценка которой следователем одновременно выступает информационной, психологической и организационной базой постановки и решения таких задач.

Классификации ситуационных задач расследования могут быть построены исходя из различных критериев. Как следствие, в криминалистической литературе представлены многочисленные подходы к классификации криминалистических задач[24]. Мы не ставим перед собой цели анализировать всю имеющуюся научную дискуссию по этому вопросу. Лишь сформируем на основе представленных точек зрения классификацию ситуационных задач предварительного расследования.

Так, рассматриваемые задачи могут быть дифференцированы на простые и сложные. Основанием такого деления выступает критерий сложности решения поставленной задачи. Простая задача, как правило, детерминирована типичной следственной ситуацией, сложившейся в ходе расследования, путь и механизм решения ко-

[24] См.: *Белкин Р. С.* Очерки криминалистической тактики. Волгоград, 1993. С. 91 ; *Колдин В. Я.* Общие положения криминалистической тактики // Криминалистика / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 1995. С. 364 ; *Полевой Н. С.* Указ. соч. С. 187 ; *Поташник Д. П.* Криминалистическая тактика. М., 1998. С. 48 ; *Самыгин Л. Д.* Указ. соч. С. 42 ; *Коновалов С. И.* Теоретико-методологические проблемы криминалистики. Ростов н/Д., 2001 С. 161—162 ; *Драпкин Л. Я.* Структура процесса планирования расследования и система плановых решений // Версии и планирование расследования : межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1985. С. 65—66 ; и др.

торой известны следователю так же, как и прогнозируемый результат такого решения.

Что же касается сложной ситуационной задачи расследования, то ее постановка и выбор способа решения осуществляются преимущественно в условиях сложной нетипичной ситуации расследования. Как следствие, следователь должен не только выбрать наиболее оптимальный путь решения такой задачи, но и спрогнозировать результат реализации этого решения, причем в условиях многих разнородных факторов, затрудняющих данный прогноз. Стоит отметить, что расследование преступлений на начальном этапе чаще всего осуществляется в сложной ситуации, требующей принятия следователем продуманных и эффективных решений по каждой из стоящих перед ним задач как по отдельности, так и в их комплексе.

В криминалистической литературе распространена классификация задач расследования на поисковые (в некоторых редакциях – розыскные), информационные (исследовательские) и организационные.

Поисковые задачи представляют собой необходимость установления местонахождения различных объектов, имеющих значение для расследования уголовного дела, а также различных лиц. Такие объекты и лица могут быть известны следователю (установлены следователем). В этом случае поисковые задачи могут быть определены как розыскные. При этом характер объема и свойства криминалистически значимой информации, характеризующей объект поиска, должен быть, как минимум, достаточен для осуществления розыска. Поисковыми являются и задачи, когда действия следователя направлены на установление и получение информации об объектах и лицах, пока не известных следствию, но возможно существующих. Как пример решения такого рода задач можно привести обращения следователя к общественности через средства массовой информации, дачу поручений о поиске потенциальных свидетелей, потерпевших, по каким-то причинам не обратившихся в правоохранительные органы и пр.

При выполнении исследовательских задач необходимо исследование различных объектов с целью получения, восприятия и уяснения отраженной в них информации. К этой же группе можно отнести и задачи, связанные с проверкой и оценкой полученной

следователем доказательственной и иной криминалистически значимой информации.

Организационные задачи или, как их иногда называют, организационно-управленческие носят вспомогательный характер. Их решение, как правило, направлено на сопровождение процессов решения задач поискового или информационного свойства, создание благоприятных условий для их решения.

Дифференциация ситуационных задач расследования преступлений может быть осуществлена в зависимости от субъекта их постановки. В частности, такие задачи могут быть:

– сформулированы самим следователем в ходе проведения следственных действий или на основе изучения материалов дела (поставлены руководителем следственной группы);

– определены при содействии следователей-криминалистов, оперативных работников или специалистов;

– выработаны совместно членами следственно-оперативной группы;

– поставлены руководителем следственного органа путем дачи указаний в соответствии с ч. 1 ст. 39 УПК РФ.

С позиций оптимизации механизма решения ситуационных задач расследования важное значение приобретает их деление на первоочередные (в том числе неотложные) и последующие. Иными словами, оптимальным с криминалистической точки зрения будет решение стоящих задач расследования в соответствии с их приоритетом. Решение первоочередных задач создает все необходимые предпосылки для последующих задач расследования. При этом такие задачи могут носить и стратегический, и тактический характер. Добавим, что для расследования преступлений на начальном этапе оптимальным будет являться не только избрание правильной последовательности решения стоящих ситуационных задач расследования, но и своевременность их решения. Такое решение может преследовать цель изменения сложившейся следственной ситуации в благоприятную для расследования (проведения отдельного следственного действия или тактической операции) сторону либо максимально эффективного использования уже сложившейся благоприятной следственной ситуации по делу, удержания ее в том же статусе.

По уровню рассматриваемые задачи можно дифференцировать на стратегические и тактические. В криминалистической ли-

тературе решение стратегических задач обоснованно связывают с общим руководством процессом расследования, общей для расследования тактико-методической деятельностью.

Сам по себе термин «стратегия» родился в военной науке. Однако умение грамотно планировать и осуществлять общее руководство той или иной деятельностью, определяемое термином «стратегия», стало использоваться во многих областях научного знания, в том числе криминалистике. Так, еще Г. Гросс писал, что деятельность по расследованию преступления можно сравнить «с решением математической задачи, данные для решения которой следователь должен завоевывать немалым трудом в условиях противоборства с обвиняемым, а иногда и свидетелями, а также порой имея против себя обстоятельства дела, естественный ход событий и даже само время, изглаживающее следы преступления». План же расследования ученый сравнивал с «планом настоящей войны»[25].

В более современной криминалистической литературе стратегические вопросы расследования нередко соотносятся с общим его руководством, планированием и организацией. Иногда стратегические задачи определяются и более конкретно. Так, по мнению одних авторов, такие задачи связаны с выбором и распределением приоритетов при проверке версий, с выбором альтернатив избранных направлений планирования и реализации раскрытия преступлений, организации взаимодействия следователей с другими партнерами по расследованию[26].

Другие ученые связывают систему стратегических задач расследования с принятием основных процессуальных решений по расследуемому делу (о возбуждении уголовного дела, привлечении лица в качестве обвиняемого, избрании меры пресечения, приостановлении или прекращении производства по делу и пр.)[27].

[25] *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 15, 19.

[26] См.: *Пальскис Э. Б.* О криминалистической стратегии : (к постановке вопроса) // Использование современных достижений науки и техники в деятельности следственных органов и судов в борьбе с преступностью. Вильнюс, 1981. С. 19 ; *Зорин Г. А.* Эвристические методы формирования стратегии и тактики следственной деятельности. Гродно, 1991. С. 4.

[27] См.: *Самыгин Л. Д.* Указ. соч. С. 23.

По мнению представителей еще одного научного взгляда на проблему криминалистической стратегии, к задачам расследования стратегического характера можно относить:

– «выявление союзников и основы взаимодействия с ними…;

– изучение общих моделей и методов расследования уголовных дел…;

– изучение общих рекомендаций по организации процесса расследования (исследование особенностей мыслительной деятельности следователя и путей ее организации, организация процессов взаимодействия, правила формирования материалов уголовного дела);

– изучение процессов противодействия и путей их предупреждения и ликвидации»[28].

Существует также дискуссионная позиция В. Е. Корноухова и других соавторов коллективного учебного пособия «Курс криминалистики. Общая часть», согласно которой стратегические задачи расследования нужно понимать и определять лишь применительно к конкретному преступлению[29]. То есть отрицается сама возможность существования типовых стратегических задач, с чем, конечно же, трудно согласиться.

Возвращаясь к понятию стратегических задач расследования, отметим, что такого рода задачи всегда основываются на оценке и анализе сложившейся обстановки расследования в целом, детерминированы ею, а их решение или нерешение, соответственно, позитивным или негативным образом влияет на изменение ситуации расследования в целом.

Тактические задачи, на наш взгляд, всегда ориентированы на частную следственную ситуацию, формирование и развитие которой сопровождает процесс принятия решения о проведении отдельного следственного действия, тактической операции либо отдельного непроцессуального мероприятия, проводимого самим следователем или по его поручению (например, обращение к общественности с просьбой помочь следствию). Как следствие, тактические задачи носят соподчиненный характер по отношению к задачам стратегическим. Решение стратегической задачи в целом

[28] См.: *Дулов А. В.* [и др.] Криминалистика. Минск, 1996. С. 28.

[29] См.: Курс криминалистики. Общая часть / В. Е. Корноухов [и др.]. М., 2000. С. 245.

предполагает решение всех или необходимого количества соответствующих ей тактических задач. В связи с этим очевидно, что решение отдельно взятой тактической задачи не должно происходить в отрыве от решения доминирующей стратегической задачи. Несоблюдение этой рекомендации может привести к неблагоприятным последствиям в масштабе всего расследования по делу.

Рассматривая виды ситуационных задач расследования, необходимо отметить технико-криминалистические задачи как их специфическую разновидность. Обозначенная специфика проявляется в ситуационных закономерностях применения определенных научных средств и методов для решения технико-криминалистических задач, а также в наличии существенной технологичности реализации такого рода решений.

Подводя итог сказанному, считаем возможным определить ситуационную задачу расследования как обусловленную сложившейся обстановкой необходимость принятия и реализации следователем процессуальных и криминалистических решений, позволяющих максимально эффективно использовать имеющиеся благоприятные для дальнейшего расследования условия либо создать такие условия для осуществляемой следственной деятельности путем проведения различных следственных и других процессуальных действий, непроцессуальных мероприятий, реализации различных криминалистических рекомендаций.

В. А. Жбанков

доктор юридических наук, профессор

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ, РАСТЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИЛИ ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА, ЛИБО ИХ ЧАСТЕЙ, СОДЕРЖАЩИХ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства, представляет серьезную угрозу здоровью и благосостоянию нации, является проблемой, затрагивающей политическую, экономическую, социальную и культурную сферы. Увеличение числа наркозависимых, большинство из которых – молодежь, и одновременное уменьшение рождаемости является угрозой национальной безопасности, ведет к деградации нации.

Вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков нашли отражение в Концепции государственной политики по контролю за наркотиками в антинаркотической политике, утвержденной постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 22 июля 1993 г.[1]

Правовые основы государственной политики в сфере незаконного оборота указанных объектов закреплены в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Они получили развитие в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, в которой отмечено, что одним из основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности является деятельность транснациональных преступных организаций и группи-

[1] Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1265.

© Жбанков В. А., 2014

ровок, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

В соответствии со Стратегией были приняты меры по усилению уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств. В частности, Федеральным законом от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» за совершение преступлений против здоровья населения с 1 января 2013 г. вводится ряд новых квалифицирующих признаков незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов:

– сбыт названных средств в следственном изоляторе, исправительном учреждении и т.д.;

– с использованием средств массовой информации или сети Интернет;

– сбыт не только в крупном и особо крупном размере, как ранее, но и в значительном размере с установлением санкции вплоть до пожизненного лишения свободы.

Анализ материалов уголовных дел показал, что организованные преступные сообщества занимаются контрабандными поставками и сбытом наркотических средств на протяжении нескольких лет до момента задержания их участников с поличным. За время реализации преступной деятельности они контрабандным путем осуществляли неоднократные поставки наркотических средств и психотропных веществ, изъять которые не представилось возможным. Однако данная преступная деятельность подтверждается другими доказательствами. В связи с этим логичным является привлечение к уголовной ответственности участников организованных формирований не только за те эпизоды, по которым изъяты наркотические средства, но и по всем эпизодам преступной деятельности.

Проведенное нами исследование показало, что при назначении наказания участникам преступных формирований отсутствует единообразие в судебной практике: с одной стороны, им вменяются лишь те эпизоды преступной деятельности, по которым наркотики изъяты и проведена соответствующая экспертиза; а с другой – вменяются и те партии, по которым наркотики реализованы.

При вынесении наказания только за изъятые партии наркотиков судьи ссылаются на п. 2 постановления Пленума Верховного

Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14, устанавливающего, что суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов для определения вида средств и веществ (наркотическое, психотропное или их аналоги, сильнодействующее или ядовитое), их размеров, названий и свойств, происхождения, способа изготовления и т.д.

Приведем несколько примеров из практики.

Так, по уголовному делу № 22-5145, рассмотренному Оханским райсудом Пермского края, гражданка О. наряду с иными деяниями осуждена за совершение 21 преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. Судебная коллегия Пермского краевого суда приговор в части осуждения О. за названные преступления отменила за отсутствием в деяниях состава преступления, поскольку предмет преступного посягательства не установлен и уже был реализован, а вывод райсуда о том, что О. сбывала именно героин, является лишь предположением.

Аналогичные случаи выявлены и в других регионах: в Краснодарском крае решением президиума Краснодарского краевого суда от 7 сентября 2011 г. по делу № 44у-591 снижен объем инкриминируемых преступных деяний, поскольку наркотическое средство – экстракт маковой соломы – подсудимым уже сбыто, а потому невозможно провести экспертное исследование; в Московской области постановлением президиума Московского областного суда от 19 марта 2008 г. № 233 по тем же основаниям отменен приговор подсудимому Г. в части осуждения по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, а дело производством прекращено в виду отсутствия события преступления.

Подобный подход не учитывает характер и степень общественной опасности совершенных преступлений и позволяет участникам организованных сообществ уклоняться от уголовной ответственности как полностью, так и по части эпизодов преступной деятельности.

Вместе с тем анализ статистических данных свидетельствует о росте указанных преступлений и увеличении числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Так, за 9 месяцев 2013 г. в России зафиксировано 169 050 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, а также сильнодействующих веществ. Прирост указанных преступлений по сравнению с показа-

телями аналогичного периода прошлого года составил 1,9 %. Из выявленных преступлений 427 совершено преступными сообществами, прирост по сравнению с аналогичным периодом прошлого года – 42 %. Из числа расследованных преступлений к уголовной ответственности привлечено 3937 иностранных граждан и лиц без гражданства (+3,6 %), 17 451 лиц, находившихся в состоянии наркотического опьянения (+16 %), 8898 наркоманов (+8,2 %), 1475 несовершеннолетних (+1,4 %). Более чем на четверть увеличилось количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за незаконное изготовление, производство и переработку наркотических средств (6830 , +26,4 %)[2].

По нашему мнению, осуждение лишь за фактически изъятый объем названных средств, а не за все эпизоды преступной деятельности, подтвержденные другими доказательствами, противоречит требованиям ст. 60 УК РФ о назначении виновным справедливого наказания в пределах санкций соответствующих статей кодекса. Именно поэтому мы разделяем позицию судов, вменяющих участникам организованных преступных формирований эпизоды преступной деятельности, по которым наркотические средства не изъяты, но их контрабандное перемещение и сбыт подтверждаются другими доказательствами.

Так, приговором Московского городского суда от 16 февраля 2009 г. по делу № 2-6-2/09 подсудимые Ж., Г., Ч. и др. признаны виновными в создании преступного сообщества для совершения контрабанды наркотических средств в особо крупном размере, сокрытого в седлах, путем пересылки в почтовых отправлениях из Республики Аргентины через почтовую компанию «Ди Эйч Эл Интернешнл». Обвиняемые осуждены по пяти эпизодам предъявленных обвинений, несмотря на то, что наркотики изъяты лишь по последнему.

При вынесении решения принималась во внимание совокупность доказательств, включающая свидетельские показания о реализованных партиях кокаина, изъятые таможенные декларации, документы о пересылке посылок и их получении, однотипные способы сокрытия наркотиков – в седлах, заключение химической экспертизы, подтверждающей, что по последнему эпизоду правоохранительными органами изъят именно кокаин, и др. Кассационным определением Верховного Суда РФ от 14 мая 2009 г. указанный приговор Московского городского суда оставлен без изменения, а кассационные жалобы адвокатов – без удовлетворения.

[2] По данным формы отчетности 1-МВНОН.

Аналогичный приговор вынесен 22 июля 2009 г. Московским городским судом в отношении супругов Б., обвиняемых в контрабанде сильнодействующего вещества эфедрина, совершенной преступным сообществом путем почтовых пересылок из ЮАР под видом морской соли. Определением Верховного Суда РФ от 25 ноября 2009 г. указанный приговор изменен частично, лишь в части ошибочного указания на сбыт сильнодействующего вещества по одному эпизоду, поскольку оно фактически было изъято при обыске, а не сбыто. В остальной части приговор оставлен без изменения.

На основании изложенного, считаем необходимым внести разъяснение относительно применения п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», что позволит правоохранительным органам эффективнее осуществлять борьбу с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества.

В. Д. Зеленский

доктор юридических наук, профессор

О ПОНЯТИИ, СОДЕРЖАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В социальной деятельности, в том числе в расследовании, организация является важным, обязательным элементом. Большинство ученых, исследовавших организацию и управление, придерживаются взгляда на организацию как на процесс создания структуры системы (системы деятельности) и ее качественного совершенствования. Управление – это связанный с организацией процесс удержания созданной структуры и руководства деятельностью[1]. Управление – это прежде всего координация, руководство, контроль. Организация и управление функционируют в сочетании, во взаимопроникновении и, в то же время, в определенной обособленности.

Отметим, что речь идет об общей тенденции. Г. А. Туманов, проанализировав взгляды ученых на сущность организации и управления, разделил их на несколько групп, выделив абстрактно-логический, конкретно-логический, управленческо-организационный, организационно-управленческий и спонтанно-организационный подходы. В соответствии с ними «организация» и «управление» – близкие, но разные понятия; организация – часть управления; организация – функция управления; управление нуждается в организации. Сам Г. А. Туманов полагал, что организация – это деятельность по созданию структурной упорядоченности объекта[2].

Организацию и управление можно определить как диалектически взаимосвязанный процесс формирования структуры, системы и ее качественного совершенствования, поддержания в организованном состоянии, процесс руководства системой.

Организация расследования, при всей ее специфичности, базируется на указанных теоретических положениях.

[1] См. работы Л. М. Апенько, Д. М. Гвишиани, К. П. Боголепова, В. М. Глушкова, А. С. Петрова, Г. Х. Попова, В. И. Терещенко и др.

[2] См.: *Туманов Г. А.* Организация как функция государственного управления // Советское государство и право. 1998. № 1. С. 38–45.

© Зеленский В. Д., 2014

В отечественной криминалистике вопросам организации расследования уделяли внимание В. У. Громов, Л. М. Карнеева и В. Н. Ключанский, В. Е. Коновалова, М. П. Шаламов, А.К. Кавалиерис, Д. Я. Мирский, А. М. Ларин, в более поздние годы А. В. Дулов, Н. А. Селиванов, В. В. Степанов, А. Г. Филиппов и другие ученые. Все взгляды можно с определенной мерой условности разделить на три группы. Ученые первой группы трактуют понятие «организация» довольно широко, включая в него не только образующие и обеспечивающие мероприятия, но и действия, мало имеющие отношение к организации (надзор за следствием, обеспечение возможности возмещения ущерба и др.)[3].

Вторая группа указывает на обеспечивающую роль, на создание оптимальных условий для расследования. Полагаем, что такое определение организации неполно и неточно характеризует организационный процесс[4].

Сущность организационного процесса отражена в определении организации как упорядочения расследования, определения его структуры. С этим согласны большинство криминалистов: А. В. Дулов, В. Е. Коновалова, В. В. Клочков, З. И. Кирсанов, В. В. Степанов, М. П. Шаламов, Н. П. Яблоков и др.

Несколько иначе дифференцировал определения организации расследования И. Л. Авраменко, разделив их на три группы:

– система мероприятий управленческого характера по обеспечению деятельности в сфере правопорядка и расследования преступлений;

– совокупность организационно-управленческих и материально-технических мероприятий в процессе расследования преступления, обеспечивающих его эффективность на основе рекомендации научной организации труда;

– комплекс мероприятий по оптимизации процесса расследования[5].

[3] См.: *Мирский Д. Я.* Некоторые вопросы методики расследования отдельных видов преступлений в свете ленинских принципов неотвратимости наказания // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи криминалистики. Свердловск, 1972. С. 42–43 ; См. также работы Л. А. Соя-Серко, М. Ф. Георгице и др.

[4] См.: *Зуйков Г. Г.* Основные положения организации и методики расследования преступлений : курс лекций. М., 1971. Вып. 6. С. 15. См. также работы П. Т. Скорченко, Л. М. Корнеевой, В. Н. Ключанского и др.

[5] См.: *Авраменко И. Л.* Организационно-тактические основы расследования преступлений и тенденции их развития : дис. … канд. юрид. наук. М., 1991. С. 18.

А. М. Ларин под организацией расследования понимал «рациональный выбор, расстановку и приложение сил, орудий и средств, которыми располагает следователь, создание и использование оптимальных условий для достижения целей судопроизводства»[6].

В. Е. Коновалова относит к организации расследования его планирование, выбор следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, их сочетание, специфику решения мыслительных задач. Организация – это процесс определения структуры следственных и иных действий[7].

Постепенно к криминалистам приходит понимание, что организация является прежде всего образующим началом расследования. Впервые эту мысль высказал А. В. Дулов. Организовать расследование – это в первую очередь определить его цели[8]. Организацию расследования начинают изучать не только с позиций требований Уголовно-процессуального кодекса РФ, но и с учетом представлений об организационных процессах в социальной деятельности. Автор впервые обосновал тот очевидный факт, что при всей специфичности расследования его организация базируется на положениях теории организации и управления[9]. Организация – это умственный процесс и практические действия по упорядочению[10] процесса расследования, преданию ему стройного вида. В определениях, данных А. В. Дуловым[11], В. И. Шикановым[12], Н. П. Яблоковым[13],

[6] *Ларин А. М.* Расследование по уголовному делу : планирование, организация. М., 1970. С. 59.

[7] См.: *Коновалова В. Е.* Организация и психологические основы деятельности следователя. Киев, 1973. С. 46, 56–58.

[8] См.: *Дулов А. В.* Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979. С. 48–49.

[9] См.: *Зеленский В. Д.* О понятии научной организации и управлении расследованием // Правоведение. 1982. № 4.

[10] Одно из значений слова «порядок» – правильное устройство, соблюдение стройности, очередного хода дел, определенное расположение вещей (см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006. С. 267).

[11] См.: Криминалистика : учебник / под ред. А. В. Дулова. Минск, 1998. С. 273.

[12] См.: *Шиканов В. И.* Теория тактических операций следователя (перспективы развития) // Алгоритмы и организация решения следственных задач. Иркутск, 1982. С. 66.

[13] См.: Криминалистика : учеб. для вузов. М., 1995. С. 116.

З. И. Кирсановым[14] и другими криминалистами, указывается на организацию как на процесс создания структуры деятельности.

Организация – это прежде всего структурирование деятельности, выявление основных элементов структуры расследования в их взаимосвязи. Это упорядочение структурных элементов. По этому основному содержательному признаку организация отличается от всех иных аспектов расследования. Организовать расследование – значит определить и конкретизировать его цели, планировать процесс, создать условия и руководить практическим производством следственных и иных действий, сочетанием этих действий.

Организация расследования – это процесс структурирования и упорядочивания, построения умственной модели предстоящей и осуществляемой деятельности, создания условий для ее качественного производства и оптимального руководства расследованием.

В организации расследования можно выделить создание его структуры как сначала интеллектуальной деятельности, а затем и практической работы следователя и иных участников расследования. Создается модель предстоящей или начавшейся деятельности. Это основное и главное в организации.

Упорядочение означает выявление структурных элементов расследования как деятельности, выявление или установление связей между этими элементами, определение порядка их функционирования. В системе расследования на начальном его этапе далеко не все ясно. Нередко отсутствует собственно система. Особенно отчетливо это видно, когда непонятно, существовало ли событие и содержатся ли в нем признаки какого-либо преступления. Однако в любом случае следователь либо конкретизирует, либо определяет различные элементы структуры. Прежде всего это цели расследования. Аналитическая работа следователя направлена исследование обширной теоретической информации, которой он должен владеть как профессионал (знания), личного опыта расследования и фактических данных и ориентирующей информации, которой он располагает в конкретном случае.

Упорядочение, как отмечалось, представляет собой интеллектуальный процесс следователя по анализу имеющейся информации и определению структурных элементов расследования, их

[14] См.: *Кирсанов З. И.* Теоретические основы криминалистики. М., 1998. С. 106.

сочетания и функционирования. В ходе упорядочения конкретизируются и определяются обстоятельства, подлежащие установлению по делу (цели расследования), следственные и иные действия по их установлению, последовательность их производства, субъекты и участники этих действий. Вначале создается мысленная модель структуры расследования, которое тут же реализуется практически. Этот процесс и является организацией.

Для организации важны знания криминалистической характеристики преступления, в первую очередь, типичных следов и иных фактических данных, могущих образоваться при использовании определенных способов совершения преступлений. Для собирания доказательств следователю важно знать их типичные источники по разным категориям уголовных дел и пути их получения, криминалистические характеристики преступлений. Многие элементы криминалистической характеристики имеют наряду с исходной информацией определяющее значение для построения следственных версий и целей конкретного расследования. Обстоятельства преступления, подлежащие доказыванию (место, время и др.), выступают как цели конкретного расследования, объективно (в законе) данные следователю. Основываясь на исходной информации, криминалистической характеристике и данных обобщенной переводной следственной практики (в том числе и личного опыта расследования), следователь конкретизирует их содержание. Изложенное отражает реальный процесс формирования целей, осуществляемый следователем в каждом конкретном акте расследования. Игнорировать его невозможно, поэтому неубедительны доводы о том, что целеобразование заранее четко определено процессуальным законом. Закон определяет лишь общие цели расследования, а ныне действующий УПК РФ делает это в приблизительной форме.

Начальный этап расследования в большинстве случаев характеризуется информационной недостаточностью или неопределенностью. Зная типичные источники доказательств, следователь, с учетом следственной ситуации, определяет пути их получения. Определение и конкретизация некоторых обстоятельств, ввиду недостатка информации, носят вариационный характер и осуществляются путем построения следственных версий. Определение цели может служить одним из оснований для построения следственной версии, что конкретизирует цель, вызывает определенные действия.

Установление целей в расследовании, что большинство криминалистов относит к организации (чаще к такому элементу организации, как планирование), осуществляется большей частью посредством построения следственных версий.

Правильное и своевременное выдвижение следственных версий предполагает системность, целенаправленность и объективность действий следователя. Посредством версии предположительно конкретизируется характер того или иного обстоятельства, подлежащего установлению по делу: места, времени совершения преступления, личности преступника и др. Выводимые из версии следствия не что иное как вопросы, стоящие перед следователем, или цели следственных действий, которые надо произвести для разрешения этих вопросов. Построение следственных версий не самоцель, а средство определения целей действий следователя, средство конкретизации предмета доказывания. Права В. Е. Коновалова, отмечая, что «...версия, наряду с другими, выполняет функцию организации расследования преступлений»[15]. Процесс построения следственных версий – один из методов целеобразования в расследовании. И в этом его организационная роль. Он является одним из методов познания и организации в расследовании.

Почти одновременно с этим следователь определяет характер, количество, последовательность, сроки производства следственных и иных действий и их сочетаний (тактических операций), т.е. планирует расследование. Основное содержание планирования как элемента организации расследования заключается в определении путей, средств и, в общих чертах, способов достижения сформированных целей. Планирование является организующим началом, организационной основой расследования, которое разработано криминалистикой достаточно полно. Оно тесно связано с иными элементами организации: целеобразованием, координацией, взаимодействием. Попытки отрыва планирования от организации не только безосновательны, но и влекут ошибочное определение самой организации расследования, как только обеспечивающего процесса. Действительно, путем организации создаются условия для творческой познавательной деятельности следователя, в чем ее

[15] *Коновалова В. Е.* Указ. соч. С. 11–12.

обеспечивающая роль в расследовании. Однако целеобразование и планирование – это образующее начало расследования.

Процесс целеобразования несколько предшествует процессу планирования как процессу выбора сил и средств для достижения этих целей. Практически их сложно разделить, ибо построение следственных версий, определение целей сочетаются с деятельностью следователя по определению сил и средств проверки версий. Это диалектически взаимосвязанные процессы.

Определение структуры расследования и ее совершенствование связано с созданием оптимальных условий для следственных и иных действий, их качественной подготовкой. Организация расследования выражается и в организационно-подготовительных действиях, большая часть из которых направлена на создание и совершенствование его структуры: оповещения, инструктажи, составление планов, беседы, разъяснения, совещания и др. Часть этих действий направлена на создание условий для качественного производства следственных действий: реконструкции, опечатывания, проверки и др. Все эти действия направлены на создание условий для применения рекомендаций криминалистики и других наук в расследовании.

Расследование организовано, если научно обоснованы его цели, спланированы действия, мобилизованы силы и средства для этих действий. С целью поддержания системы расследования в период ее функционирования в заданном (организованном) состоянии необходимо управление. Как отмечалось, между организацией и управлением расследования и его управлением нет четкого разграничения: это взаимообусловленные, взаимопроникающие и, в то же время, взаимообособленные явления. Применительно к уровню конкретного акта расследования можно употреблять термин «организация», подразумевая под этим и управление.

Управление расследованием является своеобразным инструментом поддержания оптимального варианта структуры и направлено на качественное производство намеченных действий. Управление осуществляется в соответствии с уголовно-процессуальным законом и состоит в систематическом воздействии следователя (а также руководителя следственного органа, прокурора) на систему расследования, выражается в принятии ими решений (как процессуального, так и не процессуального характера, но всегда основанных

на законе и соответствующих ему) по поддержанию структуры в организованном состоянии. Управление выражается в координации, взаимодействии, контроле, учете всех действий, обеспечивает осуществление расследования в соответствии с уголовно-процессуальным законом и научно-практическими рекомендациями.

Управление расследованием – это прежде всего процессуальное руководство следователем процессом расследования и его участниками. Одной из задач управления является обеспечение согласованности действий всех участников процесса. Иногда необходимо согласовывать задачи расследования с задачами органов, в которых работают участники расследования.

В необходимых случаях в соответствии с законом следователь выносит постановления, обязательные для должностных лиц и граждан. Органам дознания даются поручения; это координирует все действия в расследовании, что выражается в поддержании следователем связи с участниками расследования, получении от них информации, согласовании и сочетании всех действий. В ходе расследования возможны отдельные отклонения участников расследования от выработанной структуры, намеченных согласованных действий. Координация и заключается в этом случае в приведении структуры расследования в оптимальное состояние.

Как и управление в целом, координация обязательно включает элементы руководства-подчинения, а потому не правильны утверждения, что в расследовании участвуют совершенно самостоятельные лица и органы. Расследование производит следователь, в период расследования конкретного уголовного дела ему в определенной степени (в части выполнения его постановлений, поручений и требований) подчинены и лица, и органы, к которым последние принадлежат. Это процессуальное подчинение, т.е. частичное, временное, в связи с расследованием уголовного дела.

Посредством координации и взаимодействия осуществляется взаимосвязь работников самостоятельных организаций, принадлежащих к различным ведомствам, или самостоятельных структурных подразделений одного и того же ведомства.

Управление немыслимо без контроля управляющего субъекта, в данном случае – следователя, контроль которого выражается в проверке выполнения хода, результатов постановлений следователя, его поручений и указаний.

Таким образом, организация расследования это в первую очередь разработка всей структуры деятельности в процессе расследования. Особенность ее заключается в том, что управляющий субъект – следователь – одновременно и основной исполнитель большинства действий. Это вытекает из свойств и принципов расследования.

Организация расследования выражается в определении и конкретизации обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, в определении сил и средств расследования, планирования их использования. Организация включает также мобилизацию сил и средств, создание оптимальных условий для производства следственных и иных действий.

Предметом организации является структура расследования, закономерность ее определения. Организация и управление есть самостоятельный методический аспект рассмотрения единого процесса расследования и в то же время часть расследования как деятельности. Критерием, отделяющим организацию от остального содержания расследования, является характеристика направленности деятельности.

Организация выражается и в создании условий для качественного производства действия. Условие – это явление, воздействующее на другое явление. В расследовании взаимосвязь и зависимость следственных и иных действий проявляется как использование содержания и результатов предыдущих, сопутствующих действий для производства последующих.

Организационный процесс в расследовании имеет определенные закономерности, т.е. необходимые, повторяющиеся, объективные связи отдельных элементов этого процесса и его реального проявления. Эти закономерности проявляются на различных уровнях, в различных ситуациях. Закономерности организации выражают устойчивые связи и характер проявления сущностных элементов расследования как деятельности.

Принципы являются основными положениями, отражающими закономерности и наиболее общие, существенные свойства организационного процесса расследования. Принципы образуют систему, направленную на оптимальное выполнение задач организации и всего расследования. Принципы организации имеют практическое значение, т.к. адресованы практическим работникам – следователям и их руководителям.

Принципы организации:

– соответствие закономерностей организации отдельного расследования организации и управление всей системой расследования;

– соответствие квалификации следователя криминалистической сложности расследования, которое он осуществляет;

– соответствие прав, полномочий и обязанностей субъектов организации;

– принцип централизации расследования и руководящей роли следователя;

– принцип информированности руководителей расследования;

– сочетание следственных и иных действий в расследовании;

– ритмичность расследования;

– принцип рациональной рабочей нагрузки следователя.

Вопрос о месте организации расследования в криминалистике довольно сложный. При этом отметим, что организация расследования представляет собой криминалистическую теорию, предметом которой являются закономерности упорядочения расследования, а объектом – деятельность по созданию структуры расследования, условий для его качественного производства и руководство расследованием.

Организация по своему содержанию не может относиться ни к тактике, ни к методике расследования. Преобладающая точка зрения среди ученых: организационные вопросы расследования составляют часть общей теории криминалистики[16].

Организация расследования как криминалистическая теория занимает самостоятельное место в криминалистике. Разработка ее положений имеет значение для теории и практики расследования.

[16] См., например: *Степичев С. С.* О системе советской криминалистки // Правоведение. 1968. № 4. С. 65–66 ; *Дулов А. В*. Указ. соч. С. 47 ; *Селиванов Н. А*. Советская криминалистика : система понятий. М., 1982. С. 47–50 ; и др.

Е. П. Ищенко

доктор юридических наук, профессор

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время в России наблюдаются не только увеличение количества совершаемых преступлений и ухудшение их раскрываемости, но и качественные изменения преступности. В первую очередь, следует назвать такие, как повышение степени организованности, опасности, жестокости и дерзости совершаемых преступных посягательств, усиление вооруженности и технической оснащенности криминалитета, использование в противоправных целях профессиональных знаний специалистов различного профиля, в особенности хорошо разбирающихся в новых информационных технологиях, дальнейшая консолидация преступных формирований на территориальном, межрегиональном и международном уровнях, активный обмен преступным опытом и др.

Перестали быть чрезвычайными происшествиями террористические акты и заказные убийства, крупный наркобизнес и фальшивомонетничество, торговля живым товаром, контрабанда оружия и военной техники, радиоактивных веществ, культурных ценностей, стратегических материалов, отмывание преступных доходов, разбойные нападения на инкассаторов и пункты обмена валюты, преступления в финансовой сфере, многомиллионные взятки и хищения, в которых замешаны высокопоставленные государственные чиновники, и т.д.

Не случайно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится об открытой конкуренции преступного мира и государства, прогнозируется дальнейшее возрастание угроз, связанных с различными формами транснациональной организованной преступности, подчеркивается, что обеспечению национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан будут способствовать снижение уровня организованной преступности, активное противодействие преступным формированиям и сообществам.

© Ищенко Е. П., 2014

И, тем не менее, в литературе справедливо указывается, что в настоящее время государственная политика, направленная на борьбу с преступностью, не отвечает состоянию и тенденциям развития последней. Тенденции современной российской преступности настолько неблагоприятны, что вполне правомерно говорить о том, что она создает угрозу национальной безопасности России[1].

В то же время главное отличительное свойство проводимой судебной реформы состоит в том, что законодатель либерализацию общественных отношений проводит не только путем смягчения уголовного закона, но и путем расширения прав участников процесса на стороне обвинения с одновременным ограничением (либо существенным усложнением порядка реализации) полномочий правоохранительных органов. Следствием такой уголовной политики выступает разрозненность и противоречивость отдельных норм и целых институтов уголовного и уголовно-процессуального законодательства в их современном правовом регулировании.

Совершенно немыслимую нестабильность Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, их внутреннюю противоречивость и несогласованность нельзя рассматривать в отрыве от состояния следственного корпуса страны. Следователи, работающие в системе МВД РФ, – это на 52 % – молодые женщины. Третья часть следователей этой системы не имеют высшего юридического образования, работают по специальности до 3-х лет. Следователи Следственного комитета РФ имеют такое образование, однако более половины среди них – новички на этом поприще. Не намного лучше обстоят дела и со следователями ФСКН. Даже у юридически очень грамотного, многоопытного следователя современная законодательная «чересполосица» не может не вызвать оторопь. Чего же ждать от основной массы следователей? Отнюдь неспроста текучесть среди следователей всех ведомств доходит до 10 % в год.

Определяя изменения преступности, произошедшие за последнее десятилетие, следует заострить внимание на четырех основных, тесно взаимосвязанных между собой, опасных тенденциях.

[1] См.: *Мельниченко А. Б.* Противодействие преступности – важное направление реализации уголовной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Современные проблемы уголовной политики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2011. Т. II. С. 29.

Во-первых, следует назвать изменение преступных мотивов, которые в абсолютном большинстве случаев стали корыстными. Во-вторых, совершение преступлений становится бизнесом, а в условиях разрастающейся глобализации, открытости общества и «прозрачности» межгосударственных границ – бизнесом международным и трансграничным, сориентированным на быстрое получение сверхдоходов.

Прямым следствием этого стало – в-третьих – резкое повышение уровня организации преступной деятельности, будь то торговля наркотиками или контрафактными товарами, рейдерские захваты или «финансовые пирамиды». Правоохранительным органам приходится иметь дело со сложно и хорошо организованным криминальным «предприятием», объединяющим десятки, а то и сотни функционеров. И наконец, в-четвертых, высокая техническая оснащенность российского криминалитета, обусловленная не только «импортом» преступных технологий из-за рубежа (вместе с техническими новинками и услугами), но и вооружением «традиционной» преступности современными техническими средствами и технологиями. И в обществе в целом, и в преступной среде наибольшие изменения вызваны распространением общедоступных коммуникационных технологий, в особенности Интернета и мобильной связи, являющейся, как известно из кибернетики, необходимым условием любой организации.

Размышления о сущности Интернета позволяют заключить, что его необходимо рассматривать как некий глобальный феномен, оказывающий мощное влияние на характер и структуру современной преступности. В качестве такового он обладает целым рядом специфических свойств, научный анализ которых позволит глубже понять криминалистические проблемы раскрытия и расследования сетевых и связанных с использованием IT-технологий преступлений.

Вопрос актуален, поскольку представители общеуголовной преступности быстро осознали те преимущества, которые им предоставляет Интернет (различные виды мошенничества, распространение детской порнографии, реализация запрещенных товаров и услуг). Не отстали от них и представители хакерского сообщества, занявшиеся взломами зарубежных и отечественных серверов, хищениями конфиденциальной информации, блокированием

работы сетевых объектов и другими атаками на закрытые сайты. Интернет, как известно, «стирает» границы и исключает «территориальность», ибо человек, сидящий за компьютером в одной стране, имеет практически неограниченные возможности по противоправному воздействию на компьютеры, находящиеся в других государствах.

В связи с этим нельзя не отметить, что новые информационные технологии усложнили не только следовую картину содеянного и такие понятия, как место и время совершения преступлений[2], но и круг предметов и документов – вещественных доказательств. Появилась группа таких доказательств, особая в силу свойственной им электронной специфики. Исключительно важным становится использование в качестве судебных доказательств электронных документов, элементов интернет-порталов, цифровых объектов – виртуальных машин и торрент-трекеров. И во всех этих виртуальных феноменах следователи должны очень хорошо, профессионально разбираться[3]. Нужно ли говорить, что таких следователей в следственном корпусе страны – считанные единицы?

Выявление, фиксация, расшифровка электронных следов, в массовом порядке остающихся в виртуальном пространстве, будет способствовать раскрытию и расследованию самых различных киберпреступлений, становящихся в последнее время все более распространенными и опасными, даст в руки следствия современные судебные доказательства.

Общедоступность и многообразие электронных сервисов в сети Интернет давно оценили торговцы наркотиками. Так, по одному из уголовных дел, расследованных Следственным управлением Следственного департамента ФСКН РФ, злоумышленники создали преступное сообщество, которое длительное время занималось распространением наркотических средств группы «JWH», используя возможности сети Интернет. Они располагали соб-

[2] См. подробнее: *Кушниренко С. П.* Пространственно-временная категория в структуре преступлений в сфере высоких информационных технологий // Криминалистика и судебная экспертиза : наука, обучение, практика. СПб., 2012. С. 541–546.

[3] См., например: *Иванов Н. А.* Экспертиза электронных документов и машинограмм. М., 2009. С. 8–135 ; *Агибалов В. Ю., Мещеряков В. А.* Виртуальные следы электронных документов в компьютерных системах // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов. Воронеж, 2012. Вып. 14. С. 15–24.

ственной оборудованной лабораторией, где работал специалист-химик – научный сотрудник местного университета. В лаборатории производились наркотические средства, которые наносились на курительную основу и расфасовывались в удобные для сбыта упаковки.

Наркоторговцы оборудовали целый компьютерный центр, через который осуществляли прием заказов и распространяли в Интернете информацию об ассортименте имеющихся в продаже наркотиков. Оплата «товара» покупателями производилась при помощи электронных платежей, таких как «Яндекс-деньги» и «Webmoney», а также систем мгновенных денежных переводов: «Блиц», «Контакт», «Мигом», «Золотая корона», «Western Union».

Доставка наркотиков заказчикам осуществлялась под видом легальных отправлений через компании, предоставляющие почтовые услуги, – «СПСР-Экспресс», «Почта России», «ЕМР» и др. К уголовной ответственности по данному делу привлечены 14 человек, обвиняемых более чем по 250 эпизодам наркопреступной деятельности.

По другому уголовному делу, также расследованному Следственным управлением ФСКН, преступники разработали и активно эксплуатировали систему «бесконтактного» сбыта наркотиков при помощи электронных платежных терминалов. Изучив места расположения таких терминалов в каком-либо городе, члены преступного сообщества распространяли среди наркозависимых лиц номер контактного телефона, позвонив по которому всегда можно было приобрести наркотики. Позвонившего «диспетчер» отправлял к ближайшему платежному терминалу, где покупатель должен был внести необходимую сумму на «мобильный кошелек». Через Интернет «диспетчер» отслеживал поступление денег в «кошелек», после чего направлял покупателя к месту расположения заранее сделанного тайника – «закладки», в котором тот сам находил оплаченное им количество героина.

Такой способ сбыта наркотиков полностью исключал личный контакт с покупателями, минимизировал риск быть разоблаченными для самих наркодельцов. Полученные деньги переводились на банковские счета, открытые в другом городе на подставных лиц, после чего обналичивались. «Отделения» сети «бесконтактного» сбыта наркотиков действовали на территории Санкт-Петербурга и

Ленинградской области, Костромы, Воронежа, Белгорода, Тамбова и других городов России. По делу установлено 43 эпизода преступной деятельности, привлечено к уголовной ответственности 26 человек[4]. Приведенные примеры далеко не единичны. Организованная преступность активно осваивает «просторы» Глобальной сети, делает это значительно быстрее, чем правоохранительные органы.

Появление около 20 лет назад средств мобильной телефонной связи и ее последующее очень широкое распространение среди всех слоев населения существенно повлияло и на организованную преступность и на методы работы правоохранительных органов. Мобильный телефон, вследствие своего удобства и общедоступности, сразу же был взят на вооружение криминальными группировками всех направлений.

Понимая, что схема телефонных соединений точно отражает структуру преступного формирования, а сами переговоры позволяют раскрыть содержание криминальной деятельности, правоохранительные органы не могли не воспользоваться этой уникальной возможностью. В результате современная система борьбы с организованной преступностью стоит на трех «китах»: прослушивании телефонных переговоров, анализе добытой информации и судебно-фоноскопической экспертизе.

Современный мобильный телефон становится все более похожим на миникомпьютер. Поэтому уже в ближайшем будущем возникнут проблемы, связанные с «освоением» преступным сообществом целого ряда новых интернет-технологий. Уже сейчас правонарушители, взамен привычной телефонной связи, все активнее пользуются ICQ (централизованная служба мгновенного обмена сообщениями через Интернет) и Skype, что лишает органы правопорядка многих наработанных позиций.

Тем не менее прослушиванию телефонных переговоров, накоплению и анализу криминалистически значимой информации пока нет альтернативы, ибо только этим способом можно распознать за группой вроде бы отдельных преступлений хорошо замаскированную, скоординированную и профессионально отлаженную

[4] См. об этом подробнее: *Ищенко Е. П., Ищенко П. П.* Современные компьютерные технологии в борьбе с организованной наркопреступностью // Lex russika : науч. труды МГЮА им. О. Е. Кутафина. 2012. № 1. С. 102–116.

криминальную деятельность организованных преступных формирований. Значение судебно-фоноскопической экспертизы трудно переоценить, поскольку она почти единственный метод «бесконтактной» идентификации личности, проверки и закрепления оперативных материалов, легализованных следственным путем.

В оперативно-розыскной деятельности традиционные сыскные технологии в последние годы заметно уступили место таким оперативно-техническим мероприятиям, как использование систем технических средств для обеспечения результативности специальных оперативно-розыскных мероприятий, снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров, использование средств пеленгации, анализ телефонного трафика, в том числе предусматривающий привязку к базовым станциям, обращение к автоматизированным информационным ресурсам и др.

Задача использования в раскрытии и расследовании преступлений информации, перехваченной оперативно-техническими методами, потребовала усиленного развития судебных экспертиз. Так, для обнаружения и изъятия информации, содержащейся в изымаемых у преступников мобильных телефонах и прочих электронных устройствах, активно совершенствуются средства и методики компьютерно-технической экспертизы. Получение и анализ информации о телефонных соединениях прочно вошли в следственную практику, став «стандартным», отработанным приемом в работе следователей, в особенности после того, как в УПК РФ появилась ст. 186-1 «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами».

Пожалуй, самой насущной проблемой, стоящей сегодня на пути активного применения в раскрытии и расследовании преступлений современных информационных технологий, стало отсутствие в следственных органах специальных подразделений, ответственных за эту работу. Множественность ресурсов, условий доступа, технологий обработки и анализа информации указывают на сложность самостоятельного использования их следователями.

Давно назрела необходимость создания специальных аналитических отделов при следственных подразделениях для обслуживания собственных информационных ресурсов, обеспечения доступа к ним и использования накапливаемых сведений, осуществления квалифицированного информационного поиска и технологи-

чески сложного анализа информации при помощи специального программного обеспечения. Существенную помощь эти подразделения могли бы оказать и в работе по нераскрытым преступлениям прошлых лет, массив которых становится с каждым годом всё больше.

Компьютеризация следственной деятельности ставит на повестку дня решение проблем компьютерного планирования работы следователя, выдвижения и проверки версий, разработки алгоритмов производства следственных действий, компьютеризированных методик расследования. В этом направлении видится и решение проблемы наполнения криминалистической характеристики расследования практически полезным содержанием за счет компьютерного анализа репрезентативных массивов уголовных дел нужной категории для установления ее основных структурных элементов и определения корреляционных связей между ними, специфичных для разных регионов РФ.

Решению задачи документирования преступной деятельности на стадии оперативной разработки могло бы помочь использование специального программного обеспечения, позволяющего получать негласный доступ к информации и управлению отдельными устройствами на компьютерах злоумышленников. Такая программа используется полицией ФРГ для раскрытия и расследования наиболее опасных преступлений. Будучи аналогичной по своей природе вирусу «троянский конь», программа распространяется через Интернет и, «поразив» нужный компьютер, позволяет следить за активностью его пользователя в интернет-браузерах, программах связи типа Skype, электронной почте и чатах, другими словами, обеспечивает производство «электронного обыска». Программа может делать скриншоты (снимки экрана), которые в германских судах принимаются в качестве веских доказательств преступной деятельности.

Помимо прослушивания разговоров и слежки за перепиской на компьютере, снабженном такой программой, можно дистанционно включить микрофон или веб-камеру. Таким образом, полиция способна прослушать и увидеть то, что происходит в помещении, где находится компьютер. Кроме того, программа позволяет фиксировать всё, что печатается на клавиатуре, и даже просматривать файлы на жестком диске.

Полученные данные, включая записи, сделанные с помощью микрофона и видеокамеры, могут быть сохранены на служебном компьютере, с которого была загружена программа типа «троянский конь». Разработка аналога такой программы и его использование в деле борьбы с компьютеризированной преступностью позволили бы существенно упростить раскрытие и расследование многих преступлений, а также обеспечить суд уникальной возможностью воочию увидеть преступников «за работой».

Полученная с компьютеров правонарушителей информация в ходе расследования может быть перепроверена целым комплексом экспертных исследований. Так, файлы, скриншоты, аудио- и видеозаписи могут быть изучены на предмет аутентичности и возможности создания на исследуемом компьютере путем проведения компьютерно-технической экспертизы. Изображения лиц можно предъявить для опознания, а также подвергнуть криминалистической портретной экспертизе; голоса и речь фигурантов – фоноскопической экспертизе и т.д.

Вопрос о применении данной технологии для осуществления «электронного обыска» в рамках оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с телефонных каналов связи» не лишен дискуссионности. Однако нельзя отрицать, что с распространением широко доступных интернет-технологий общественная жизнь, во всех ее проявлениях, получила новое, виртуальное измерение. В интересах обеспечения общественной безопасности правоохранительные органы страны обязаны своевременно «осваивать» это новое информационное пространство, а ученые-криминалисты и теоретики ОРД – проводить в этом направлении научные изыскания. Совместные усилия практиков и теоретиков позволят сократить разрыв между преступным и законным использованием в Интернете современных компьютерных технологий, будут способствовать повышению качества раскрытия и расследования преступлений.

В связи со сказанным выше потребуются совершенствование законодательства о защите законных интересов пользователей, дополнение Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», издание необходимых подзаконных актов, детально регламентирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий в кибернетическом пространстве. На пути применения подобных

технологий в нашей стране нет непреодолимых препятствий, поскольку практика борьбы с организованной и технически хорошо вооруженной преступностью требует адекватного ответа на брошенные ею вызовы законности и правопорядку.

Развитие современных информационных технологий остановить или запретить нельзя. Поэтому российские правоохранительные органы и ученые-криминалисты должны, учитывая зарубежный опыт, заранее прогнозировать «побочные эффекты» от внедрения новых компьютерных технологий, готовиться к их появлению по всем актуальным направлениям борьбы с преступностью, в особенности организованной[5].

Учитывая всё это, нельзя не поддержать точку зрения, согласно которой следует переосмыслить некоторые аспекты доктрины прав и свобод человека и гражданина. «Необходимо перейти от доктрины индивидуализма и установления гарантий для отдельного индивида к доктрине приоритета обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, т.е. обеспечения прав большинства населения, всего Российского государства, без чего невозможно гарантировать права каждого отдельного человека. Только такой подход, реализованный на законодательном уровне и повсеместно внедренный в правоохранительную практику, позволит добиться позитивных сдвигов в сфере борьбы с преступностью»[6].

---

[5] См. подробнее: *Ищенко Е. П.* Новое законодательство и результаты правоприменительной практики // «К 10-летию ФСКН России» : новое законодательство и вопросы правоприменительной практики в борьбе с наркопреступностью : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2013. Ч. 1. С. 179–195.

[6] *Мельниченко А. Б.* Указ. соч. С. 33.

Д. В. Ким

доктор юридических наук, профессор

ВЛИЯНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ НА ПОСТАНОВКУ И РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Деятельность субъектов доказывания в уголовном процессе представляет собой сложное системное образование по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений. Эта деятельность проявляется в решении субъектом доказывания различных мыслительных задач, в творческом подходе к криминалистическим (оперативно-розыскным, следственным, экспертным, судебным и др.) ситуациям[1]. С этих позиций следует говорить о процессе расследования как о системе криминалистических задач, возникающих в уголовном судопроизводстве и требующих своего решения[2].

Общепризнано, что любая задача имеет два компонента: условие (или данные) и цель (или требование). Конечная цель может быть достигнута установлением промежуточных ее составляющих, т.е. по ходу решения происходит многократное преобразование цели и условий задачи. Уже по этой причине в процессе своего преобразования на каждом последующем этапе решения задача может так сильно видоизменяться, что нередко воспринимается как принципиально новая. Тем не менее остается ее структурная характеристика, состоящая из цели и условия, которые связаны между собой так, что от решающего требуется их преобразование. При этом, с нашей точки зрения, при решении криминалистических задач важно правильно распознать криминалистическую ситуацию, ее информационные компоненты как базовые для принятия решений по расследуемому уголовному делу. Оценивая полученную информацию, субъект доказывания выдвигает версии и определяет «программу» своей дальнейшей деятельности, содержащую полный перечень всех необходимых действий и их последовательность.

Наибольшие трудности в принятии решения по существу, как отмечено в психологии, вызывают проблемные ситуации. Учитывая данный тезис, полагаем, что при расследовании преступлений нет и не может быть непроблемных криминалистических ситуаций. Любая ситуация, с которой сталкивается следователь вплоть до окончания расследования, является проблемной. Однако ее проблемность следует рассматривать в психологическом аспекте, как факт возникновения мышления, мыслительной деятельности. Так, в повседневной жизни ситуации, в которых осуществляется деятельность человека, достаточно полно соответствуют ему, т.е. ситуации отражают ту действительность человека, в которой он действует, понимая смысл и значение элементов ситуации и своих действий с ними.

Иначе дело обстоит в ситуациях, складывающихся в процессе расследования уголовного дела. Они всегда означают некоторое несоответствие между субъектом доказывания и окружающим его миром, но предполагают деятельность по устранению этого несоответствия. Результатом такой деятельности являются новые знания, новая информация, которые в конечном счете должны привести к раскрытию преступления. Однако не любое знание вызывает проблемную ситуацию, а такое, которое связано с проблемностью познания и предположением о возможности получения новой информации для решения задач уголовного судопроизводства.

В связи с этим представляет интерес сам процесс определения следственной задачи, включающий в себя восприятие ее содержания, оценку и отбор тех элементов, которые составят ее содержание.

[1] О криминалистическом мышлении см., например: *Яблоков Н. П.* Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию науч. школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т. С. Волчецкой ; БФУ им. И. Канта. Калининград, 2012. С. 20–24 ; *Шамшиев П. А.* Роль криминалистической ситуалогии в процессе криминалистического мышления // Там же. С. 78–82 ; и др.

[2] Не случайно в криминалистике на этой основе разрабатываются алгоритмы и соответствующие программы расследования (см., например: *Полевой Н. С.* Методические и правовые основы решения криминалистических задач с использованием математических методов и вычислительной техники : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1984 ; *Шаталов А. С.* Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М., 2000. С. 124 ; и др.).

© Ким Д. В., 2014

Этот процесс протекает в определенных условиях, продиктованных сложившейся на тот или иной период времени криминалистической ситуацией и предполагает определенную мыслительную деятельность, динамика которой заключается в следующем.

В момент восприятия субъектом доказывания следственной задачи существует несоответствие между тем, что «задано» (теми элементами криминалистической характеристики преступления, которые известны), и тем, что должно быть установлено как результат решения (цель). Степень же этого несоответствия полностью зависит от индивидуальных возможностей субъекта. При решении этой проблемы следует согласиться с В. Е. Клочко, который считает, что существует диапазон соответствия человека задаче, внутри которого обеспечивается проблемность, способная придать деятельности поисковый характер. Когда человек сам обнаруживает и ставит мыслительную задачу, то это происходит потому, что он в некотором предмете отразил свои возможности познания этого предмета. Не любое несоответствие вызывает переживание возможности перехода к мышлению. Только «соответствующее несоответствие» может лечь в основу мыслительной деятельности[3].

Можно предположить, что уже в момент постановки задачи различные элементы, входящие в число фактов, определяющих как условия, так и цели, будут приобретать для воспринимающего различные значения и смыслы, потому что это является необходимым условием формирования криминалистической ситуации; элементы, не имеющие для субъекта ни смысла, ни значения, не включаются в ситуацию.

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: субъект доказывания не может сконструировать для себя ситуацию, не определив значение и смысл элементов окружающего его мира, однако определение их возможно только в конце мыслительной деятельности как ее результат, как решение следственной задачи. Несоответствие целей и условий является главным стимулом для самостоятельного целеобразования. Субъект на базе объективно заданных условий конструирует свою цель и свои условия.

Можно с уверенностью сказать, что развитие криминалистической ситуации начинается с тех элементов объективного мира

[3] См.: *Клочко В. Е.* Инициация мыслительной деятельности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. С. 264–266.

(времени, места, личности потерпевшего и т.д.), которые имеют наибольший смысл для субъекта доказывания. Только благодаря им ситуация развивается направленно, осмысленно, упорядоченно. Анализ уголовных дел, позволяющих развернуть деятельность следователя во времени и реконструировать криминалистическую ситуацию в ее динамике, показывает, что следственные действия подчинены логике, которую диктуют смыслы элементов. Поэтому не может быть единой методики расследования, так как стратегию и тактику определяют объективные обстоятельства, субъективный аспект и культура мышления следователя. С другой стороны, специфика определенных преступлений, конечно, имеется, так же как и стереотипное в них, что и позволяет говорить о тактике и методике отдельных видов и групп преступлений[4].

Таким образом, условия формируются в одном процессе с формированием цели, в которой конкретизируются познавательные противоречия, а деятельность субъектов доказывания носит ситуационный характер.

С учетом изложенного, чтобы связать воедино цель, условия и задачу, все задачи, полагаем, можно классифицировать по признаку соотнесенности целей и условий, т.е. насколько конечная цель может представить критерии оценки исходной ситуации. Применительно к методике расследования можно, на наш взгляд, выделить четыре типа задач.

Для **первого типа** задач характерно то, что субъекту доказывания известна исходная следственная ситуация ($СС_1$), а целью является достижение некоторой другой ситуации ($СС_2$), причем ее структура и элементный состав известны, т.е. *в исходной следственной ситуации ($СС_1$) присутствуют все элементы криминалистической характеристики преступления.* В данном случае цель познания ($С_1$) совпадает с целью познания конечной ситуации ($С_2$) по содержанию (ситуация развивается с учетом конечной цели, которая известна). Этот тип задач характерен чаще всего для заключительного этапа расследования, когда следователь, установив все обстоятельства преступления, выполняет действия, направленные

[4] См. подробнее: *Ким Д. В.* Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2009. С. 75–93.

на окончание расследования и направляет дело с обвинительным заключением (актом) через прокурора в суд (ст. 215–222 УПК РФ). Это так называемые простые задачи расследования, вытекающие из криминалистических ситуаций, которые решаются путем выполнения ряда заранее известных правил (алгоритмов). Следует также заметить, что данный тип задач возможен и на первоначальном этапе расследования. Но это, как правило, будут тактические задачи, решение которых требует выполнения следственного или иного действия (например, обнаружение и изъятие материальных следов, оформление протоколов следственных действий, составление справок, запросов и т.д.).

Ко **второму типу** задач можно отнести те, в которых *в исходной следственной ситуации ($СС_1$) известен один или несколько элементов криминалистической характеристики преступления, но требуется установить остальные, недостающие элементы.* В этих задачах ситуация не совпадает с конечной целью. При решении задач второго типа характерно возникновение промежуточных (тактических) целей, играющих подчиненную роль по отношению к конечной цели, но на отдельных этапах поиска имеющих самостоятельное значение. Промежуточные (тактические) цели возникают как результат развития некоторых возможностей, открывающихся в ситуации.

Решение задач второго типа осуществляется через оценку ситуации и собственных действий субъектов доказывания. Регуляция идет не только «сверху» – от конечной цели, но и «снизу» – элементов ситуации, от развития их смысла, приводящего к возникновению промежуточных (тактических) целей.

Рассмотренный тип задач характерен для первоначального и дальнейшего этапов расследования. Это сложные задачи, связанные с эвристическим подходом к их решению.

Задачи **третьего типа** характеризуются наибольшим по сравнению с двумя предыдущими типами «отрывом» целей от условий. Эти задачи отличаются тем, что *конечная цель, по крайней мере, на ранних стадиях поиска решения, не может дать прямых критериев оценки ситуации, ее элементов и действий с ними,* т.е. данных недостаточно для принятия того или иного решения. Так, при обнаружении трупа (при отсутствии других данных) можно сделать несколько предположений о характере события. Это может быть убийство, самоубийство, несчастный случай или скоропостижная смерть, и следствие может пойти по любому из этих направлений. Однако может пойти только тогда, когда следователь «увидит» возможность организации следствия по тому или иному направлению – увидит возможность организации криминалистической ситуации. Отсутствие такой возможности, во-первых, заставляет следователя искать и формировать эти возможности; во-вторых, использовать в ходе расследования возможности для формирования на их основе промежуточных (тактических) целей, берущих на себя основную регуляцию деятельности.

Задачи третьего типа – это творческие задачи. Регуляция мыслительной деятельности совершается через целеобразование, процесс постановки «собственных» задач, которые, хотя и весьма относительно, но все же направляются конечной (стратегической) целью, указанной в ст. 73 УПК РФ. Названный выше тип задач чаще всего возникает на первоначальном этапе расследования, когда информации в источниках явно недостаточно и проблемная ситуация в этом случае встает как никогда остро, при этом возможны ошибки и упущения в уяснении криминалистических ситуаций.

Задачи **четвертого типа** – смешанные, в которых сочетаются все перечисленные выше задачи. Процесс решения протекает как алгоритмическим, так и эвристическим (творческим) путем. Этот тип задач наиболее часто встречается в расследовании преступлений.

Таким образом, можно сделать вывод, что следственная задача складывается следующим образом: сталкиваясь с событием преступления, субъект доказывания встречается с рядом проблем того или иного характера, определяет и выделяет условия, характерные для данной следственной ситуации (время, место, способ и т.д.), а также ставит (образует) цель для решения этой проблемы. Деятельность же субъекта по отношению к следственной ситуации (проблеме) объясняется тем, какое значение и смысл имеют те или иные элементы ситуации для этого субъекта. В связи с этим в следственной ситуации переплетаются, переходят друг в друга как объективное противоречие (то, что задано объективным миром), так и субъект, осуществляющий расследование по уголовному делу (во всей совокупности своих потребностей, возможностей, знаний и т.д.).

При таком подходе в методике расследования, полагаем, можно наиболее полно реализовать идеи тех исследователей, которые полагают возможным в деятельности субъекта доказывания выделить несколько взаимосвязанных аспектов: информационно-познавательный, информационно-логический, доказательственный, управленческий и т.д.[5]

Изучение и оценка сложившейся криминалистической ситуации позволяет определить проблему, открывающую путь к решению задач расследования, которые могут рассматриваться в данном случае как цели. Таким образом, криминалистическая ситуация является основой всего расследования, а субъект действует с учетом той информационной структуры ситуации, которая ему известна.

Чтобы действовать, субъекту необходимо сначала получить представление о содержании и объеме криминалистической информации, содержащейся в каждом подлежащем исследованию источнике. Для этого следует установить закономерные связи между известными элементами криминалистической характеристики преступления, а через них выяснить и другие, неизвестные элементы этой системы. Эту совокупность информации вполне можно назвать признаками ситуации – сведениями, относящимися к элементам криминалистической характеристики и обстоятель-ствам, условиям расследуемого события преступления.

Так, почти в 90 % изученных уголовных дел, одновременно с установлением личности субъекта преступления, решались задачи по установлению способа преступления, мотива преступления – в 70 %, личности потерпевшего – в 30 %, орудия преступления – в 25 %, обстановки – в 35 %.

Проведенным нами исследованием установлено, что динамическим фактором развития криминалистической ситуации, определяющим ее направленность и интенсивность может выступать тот смысл, который имеет уголовно-значимая информация для

[5] См.: *Полевой Н. С.* Указ. соч. С. 26 ; *Гавло В. К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 86 ; *Крылов В. В*. Основы криминалистической теории расследования преступлений в сфере информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998 ; *Баев О. Я*. Следственные ситуации : их тактическая и методическая сущность // Роль и значение деятельности профессора Р. С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики : материалы Междунар. конф. М., 2002. С. 107–112 ; и др.

субъекта доказывания, в каждый момент времени на определенном этапе расследования. С учетом этого можно выделить два вида смысловых (личностно-значимых) образований в структуре криминалистической ситуации.

Первые – это те элементы криминалистической ситуации, которые оцениваются субъектом доказывания с точки зрения достижения тактической цели (например, обнаружение следов преступления, установление лица, подозреваемого в совершении преступления, и т.д.).

Вторые – те элементы ситуации, которые обусловливают дальнейшее целеобразование, т.е. инициируют формулирование новых тактических целей, выступающих как промежуточные цели поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания[6].

Следует также учитывать и то, что специфика деятельности субъектов доказывания в уголовном судопроизводстве требует, чтобы решение как тактических, так и стратегических задач на том или ином этапе расследования проходило параллельно. Параллельно должны проводиться и те действия, когда получение их результатов не зависит друг от друга. Например, проведение одновременно опросов и осмотра места происшествия, обысков, допросов и т.д. Это позволяет значительно увеличить объем поступающей к следователю ориентирующей информации, обеспечивает максимальный поисковый эффект, который, как известно, способствует непременному установлению и задержанию лиц, причастных к совершению преступления, а это, в свою очередь, позволяет точно определить и решить задачи дальнейших этапов расследования.

В заключение хотелось бы отметить, что трансформацию криминалистической ситуации в зависимости от этапов деятельности субъектов доказывания по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и стоящих на каждом из этапов задач, необходимо учитывать в их практической деятельности. В первую очередь это касается дальнейшей разработки компьютерного обеспечения поддержки принятия тактических решений и создания на этой основе автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС), тем более что компьютерные технологии развиваются стремительными темпами и открывают для этого безграничные возможности.

[6] См.: *Ким Д. В*. Указ. соч. С. 242.

И. М. Комаров

доктор юридических наук, профессор

ОСНОВЫ СТАНДАРТА ЗАЩИТЫ ОТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

С учетом современной интеграции России в международное сообщество государств доминирующее положение в отечественном уголовном процессе в целом и институте профессиональной защиты от уголовного преследования, в частности, отведено общепризнанным принципам и нормам международного права. Это положение определяется тем, что данные принципы и нормы задают определенный стандарт, т.е. «типовой образец по форме и качеству»[1] для развития национального процессуального законодательства.

Необходим анализ основополагающих международно-правовых актов института профессиональной защиты от уголовного преследования, с тем чтобы определить соответствующий процессуальный стандарт защиты.

Несколько лет назад В. Н. Григорьевым уже предпринималась достаточно удачная попытка определения основных положений, соблюдение которых следователем в процессе предварительного расследования в отношении подозреваемого обеспечивало ему достаточную защиту от уголовного преследования. Данную систему автор дифференцировал в зависимости от правовых гарантий, предоставляемых подозреваемому[2]. Однако эта система гарантий была обращена только к подозреваемому и ее формирование происходило до принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, поэтому ее можно лишь отчасти использовать в современных условиях.

В российском уголовном процессе уже предпринимались попытки определения стандартов по различным аспектам прав чело-

[1] *Крысин Л. П.* Толковый словарь иностранных слов. М., 1998. С. 662.

[2] См.: *Григорьев В. Н.* Задержание подозреваемого. М., 1999. С. 34–35.

© Комаров И. М., 2014

века в сфере уголовного судопроизводства[3], но стандарт защиты в аспекте известных нам исследований не определялся.

Конституция Российской Федерации провозгласила приоритет международно-правовых актов Российской Федерации над положениями национального (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) законодательства в целом и уголовно-процессуального (ч. 3 ст. 1 УПК РФ) законодательства в частности.

Ратифицированные Российской Федерацией международно-правовые акты, закрепляющие принципы и нормы уголовного судопроизводства, связанные с защитой прав граждан от уголовного преследования, были приняты авторитетными международными организациями (ООН, Советом Европы, СНГ и др.). Ознакомление с ними позволяет выделить основополагающие документы, изучение содержания которых дает возможность определить основы стандарта защиты от уголовного преследования на предварительном расследовании[4].

Анализ данных международно-правовых актов относительно регламентации защиты и права на защиту подозреваемого (обвиняемого) от уголовного преследования свидетельствуют о том, что они отчасти различны по содержанию и их различие не в полной мере отражается в российском уголовном судопроизводстве. Это обстоятельство также актуализирует попытку обоснования основных положений стандарта защиты от уголовного преследования на

[3] См.: *Ягофаров М. С.* Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005.

[4] См. подробнее: Всеобщая декларация прав человека (от 10 декабря 1948 г.) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 1992. С. 275–279 ; Международный пакт о гражданских и политических правах (от 16 декабря 1966 г.) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 1992. С. 289–304 ; Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (от 9 декабря 1988 г.) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 1992. С. 135–139 ; Конвенция Содружества независимых государств о правах и основных свободах человека (от 26 мая 1995 г.) // Международное публичное право : сб. документов : в 2 т. 1996. Т. 1. С. 548 ; Конвенция о защите прав человека и основных свобод (в редакции от 30 декабря 2001 г.) // Сборник документов Совета Европы «Защита прав человека и борьба с преступностью». 2-е изд., доп. М., 2005. С. 45–62.

предварительном расследовании. Думается, в основу его системы может быть положена структура УПК РФ, где выделены общие положения и досудебное производство. Именно в этих компонентах структуры закона должны содержаться основные положения защиты подозреваемого (обвиняемого) от уголовного преследования.

С целью определения общих положений основ стандарта защиты от уголовного преследования обратимся к содержанию приведенных выше международно-правовых актов. В преамбуле практически каждого из них находим указание на достоинство как равное право каждого человека[5]. Под достоинством, в широком толковании, подразумевается «уважение личности от других людей, признание за человеком соответствующих прав и возможностей»[6]. В этом качестве оно выступает как основа всех прав человека и гражданина конкретного общества (личных, политических, социально-экономических, культурных), как правильно отмечает В. В. Невинский[7].

По мнению современных европейских юристов, «достоинство человека… является “ключевым” понятием в отношении человека к государству»[8].

В аспекте защиты от уголовного преследования приведенное понятие подразумевают: лица, подвергнутые уголовному преследованию, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства. Данное положение нашло отражение в ч. 1 ст. 9 УПК РФ. Однако его реализация в значительной степени зависит от того, кто осуществляет непосредственное уголовное преследование (п. 55 ст. 5 УПК РФ). В содержание этого понятия закон (п. 47 ст. 5 УПК РФ) включает как должностных лиц правоохранительных органов, так и других участников предварительного расследования.

[5] См., например: Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 1992. С. 275.

[6] Словарь по этике / под ред. И. Кона. М., 1981. С. 167.

[7] См.: *Невинский В. В.* Обеспечение достоинства человека : от философской идеи к конституционному принципу российского государства // Достоинство человека : от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства : материалы межрегион. науч.-практ. семинара / под ред. В. В. Невинского. Барнаул, 1999. С. 24.

[8] *Stern K.* Das Staatrecht der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 3/1.2. Auflage. Munchen, 1988. S. 15.

Очевидно, что вторая часть, составляющая содержание стороны обвинения, представляет собой непрофессиональных участников предварительного расследования, а в этой связи малоспособных к объективному выполнению положений ч. 1 ст. 9 УПК РФ в процессе предварительного расследования. Данное обстоятельство накладывает на должностных лиц правоохранительных органов дополнительные обязанности по компенсации указанных недостатков за счет собственной компетентности (профессиональные уголовно-процессуальные знания и знания особенностей конкретного расследования).

Необходимо приблизить нормы действующего УПК РФ, в частности соответствующие положения гл. 1 и 3, к международно-правовым стандартам защиты[9], отражающим положения о том, что уголовное преследование могут осуществлять только компетентные должностные лица, уполномоченные на то законом и в строгом соответствии с ним. В особенности это касается последней части данного тезиса, что способствовало бы сокращению обращений граждан в международные правоохранительные организации. Отчасти указанные положения мотивированы тем, что уголовное преследование представляет собой специальный вид деятельности, в основании которого лежат конкретно-определенные процессуальные решения, а их правомочны принимать только должностные лица правоохранительных органов – прокурор, следователь, дознаватель. На этом основании принятие компетентного решения соответствующим должностным лицом по определению всегда понятно для стороны защиты.

Немаловажным будет упоминание и о необходимости эффективного судебного и иного контроля за принятием и реализацией указанного решения.

Определяющим положением для эффективной реализации основ стандарта защиты от уголовного преследования в российском уголовно-процессуальном законодательстве является его унифицированность, т.е. оно должно оставаться объединенным в процедурах осуществления уголовного преследования в отношении подозреваемых и обвиняемых.

[9] См. подробнее: Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 1992. С. 135–139 ; Сборник документов Совета Европы «Защита прав человека и борьба с преступностью». 2-е изд., доп. М., 2005. С. 45–62.

Общие положения основ стандарта защиты от уголовного преследования невозможно представить без конкретного законодательного закрепления в нормах УПК РФ запрета на физическое или психическое насилие в отношении подозреваемого (обвиняемого). Это важное обстоятельство имеется практически во всех международно-правовых актах[10]. Однако важно не только декларативное закрепление, но и широкое толкование содержания и форм применения данного положения в практике предварительного расследования.

Право на обжалование (в том числе и судебное) нарушений со стороны должностных лиц, определенного законом порядка уголовного преследования и рассмотрения правомочными должностными лицами в особом порядке таких обращений, неотъемлемое право защиты подозреваемого (обвиняемого).

В соответствии с проведенным анализом ***общие*** положения основ стандарта на защиту от уголовного преследования на предварительном расследовании могут быть выражены следующими тезисами:

1. Лица, подвергнутые уголовному преследованию, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства.

2. Уголовное преследование могут осуществлять только компетентные должностные лица, уполномоченные на это законом и в строгом соответствии с законом.

3. Уголовное преследование должно осуществляться в соответствии с решениями компетентных должностных лиц, уполномоченных на это законом и под эффективным судебным или иным контролем.

4. Уголовное преследование должно быть унифицированным (объединенным) в отношении всех лиц, подозреваемых и обвиняемых в преступлении.

5. Уголовное преследование не может быть связано с физическим или психическим насилием в отношении подозреваемого (обвиняемого).

[10] См., например: Статья 6 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (от 9 декабря 1988 г.) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 1992. С. 135–139 ; Статья 3 Конвенции Содружества независимых государств о правах и основных свободах человека (от 26 мая 1995 г.) // Международное публичное право : сб. документов : в 2 т. 1996. Т. 1. С. 548 ; Статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (в редакции от 30 декабря 2001 г.) // Сборник документов Совета Европы «Защита прав человека и борьба с преступностью». 2-е изд., доп. М., 2005. С. 45–62.

6. Жалобы подозреваемых (обвиняемых) на нарушение определенного законом порядка уголовного преследования должны рассматриваться правомочными должностными лицами в особом порядке, также возможно судебное обжалование.

Анализ норм УПК РФ свидетельствует о том, что оно соответствует международно-правовым актам, однако имеет достаточные резервы для внутреннего совершенствования в плане развития демократических основ защиты от уголовного преследования.

Вместе с тем для обеспечения реализации соответствующей защиты не достаточно только общих положений, отражающих принципиальные позиции данного уголовно-процессуального института. Особое значение имеют специальные положения, непосредственно затрагивающие права подозреваемого (обвиняемого) в уголовно-процессуальных ситуациях уголовного преследования в процессе предварительного расследования.

Обратимся в связи с этим к детальному рассмотрению приведенных выше международно-правовых актов, в которых отражаются данные положения[11]. Их анализ позволяет выделить важные принципы защиты прав подозреваемого (обвиняемого), которые должны быть реализованы следователем непосредственно после начала уголовного преследования. К ним следует отнести требования полной информированности этих лиц о мотивах и причине возникшего подозрения, а также сути обвинения. Международно-правовые нормы закрепляют в этих обстоятельствах право подозреваемого и обвиняемого в срочном порядке быть заслушанными в судебном или ином правомочном органе с доводами оправдания подозрения или обвинения. Это защитительное поведение может сопровождаться помощью адвоката.

Данные положения восприняты отечественным уголовно-процессуальным законодательством и соответствующим образом отражены в положениях ч. 4 ст. 46 и ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Однако их сравнительный анализ позволяет выявить некоторое несоответствие норм российского законодательства и положений междуна-

[11] См.: Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 1992. С. 275–279, 289–304, 135–139 ; Международное публичное право : сб. документов : в 2 т. 1996. Т. 1. С. 548 ; Сборник документов Совета Европы «Защита прав человека и борьба с преступностью». 2-е изд., доп. М., 2005. С. 45–62.

родно-правовых актов, регламентирующих защиту от уголовного преследования на этом этапе. В частности, международно-правовые нормы закрепляют право невозможности пребывания подозреваемого (обвиняемого) без предоставления условий эффективной возможности быть в срочном порядке заслушанным судебным или иным органом в оправдание выдвинутому подозрению или обвинению[12].

В российском уголовно-процессуальном законодательстве нормы, отражающие права подозреваемого и обвиняемого на предварительном расследовании, оставляют им право «защищаться иными средствами и способами, не запрещенными настоящим Кодексом» (п. 11 ч. 4 ст. 46 и п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

На наш взгляд, было бы уместным экстраполировать названное выше международно-правовое положение в УПК РФ в его конкретном определении. Это, безусловно, в значительной степени исключило бы иски граждан в Европейский суд по правам человека.

Важным элементом международных стандартов защиты от уголовного преследования на предварительном расследовании является процессуальный момент возникновения подозрения (обвинения), его правильное процессуальное оформление. Основные положения международно-правовых актов в этой части выражены следующими общими принципами. Их соотнесение с положениями УПК РФ свидетельствует о том, что они достаточно хорошо коррелируют между собой. Думается, каких-либо существенных расхождений положений международно-правовых актов и национального уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой части вопроса нет, тем более что значительная их часть

[12] См. об этом подробнее: Пункт 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 1992. С. 289–304 ; Принцип 4 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 1992. С. 135–139 ; Пункт 2 ст. 5 Конвенции Содружества независимых государств о правах и основных свободах человека // Международное публичное право : сб. документов : в 2 т. 1996. Т. 1. С. 548 ; Пункт 4 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Сборник документов Совета Европы «Защита прав человека и борьба с преступностью». 2-е изд., доп. М., 2005. С. 45–62.

подробно толкуется постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации[13], Обзорами практики судов субъектов Федерации[14].

Уголовно-процессуальное законодательство РФ адаптировано к особым категориям субъектов (иностранные граждане, женщины, несовершеннолетние и пр.). Отметим, что международно-правовые акты, анализ которых мы проводим с целью определения положений основ стандарта защиты от уголовного преследования, содержат достаточно норм, отражающих особенности правосубъектности лиц, указанных категорий (первоначально положение правосубъектности было закреплено в ст. 6 Всеобщей декларации прав человека[15]). Среди этих норм мы можем выделить следующие.

В случаях если подозреваемый (обвиняемый), является иностранцем, то он имеет право с помощью любых надлежащих средств связаться с: консульством (дипломатическим представительством) своего государства, или тем, которое иным образом правомочно получить такое сообщение в соответствии с международным правом, или представителем компетентной международной организации, если он является беженцем, или каким-либо иным органом, находящимся под защитой межправительственной организации.

Российское уголовно-процессуальное законодательство в отношении указанной категории участников уголовного судопроизводства достаточно лаконично. В ч. 1 ст. 3 УПК РФ отмечено, что производство по уголовным делам о преступлениях, совершаемых иностранными гражданами на территории РФ, ведется в соответствии с правилами настоящего Кодекса.

На наш взгляд, есть процессуальные особенности, связанные с осуществлением защиты подозреваемых (обвиняемых), которые необходимо учитывать в процессе уголовного преследования иностранных граждан. Эти особенности должны найти свое отражение в положениях норм отечественного Уголовно-про-

[13] О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] См., например: Обзор судебной практики по уголовным делам Белгородского областного суда за октябрь 2009 г. С. 2 ; Информационный бюллетень Белгородского областного суда. 2009. № 12. С. 5.

[15] См.: Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 1992. С. 275–279.

цессуального кодекса и соответствовать приведенным международно-правовым актам.

Наиболее разработанным в нормах УПК РФ является институт, предусматривающий возможность подозреваемого (обвиняемого) пользоваться помощью адвоката с целью защиты от уголовного преследования на предварительном расследовании. Этот институт в целом соответствует содержанию анализируемых международно-правовых актов.

Защитник является практически единственным участником уголовного судопроизводства со стороны защиты, который имеет право законного сношения с подозреваемым (обвиняемым) на протяжении всего периода производства предварительного расследования, в любом месте и без каких либо ограничений[16].

Данные обстоятельства, а также особенности уголовно-процессуальных процедур предварительного расследования исключают законную возможность подозреваемого (обвиняемого) связи с членами семьи как непосредственно, так и через переписку. Кроме того, подозреваемый (обвиняемый), находясь под стражей, не имеет процессуально определенного права связи с внешним миром, что может быть необходимым, например, в случае дачи им соответствующих распоряжений по занимаемой должности или собственности. Полагаем, что это следует отнести к упущениям российского уголовно-процессуального законодательства.

В общих положениях основ стандарта защиты от уголовного преследования на предварительном расследовании мы обращали внимание на то, что российским уголовно-процессуальным законодательством восприняты международно-правовые нормы о невозможности уголовного преследования на основе физического или психического насилия.

Данная норма требует детализации в особенных положениях, которые мы рассматриваем в отношении этих процессуальных участников. На наш взгляд, такой запрет должен быть детализирован и соответствовать требованиям принципа 21 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению

[16] По делу о проверке конституционности отдельных положений ч. 1 и 2 ст. 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича : постановление Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2003 г. № 20-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в какой бы то ни было форме[17]. Его содержание можно отразить тезисом: запрещается злоупотреблять положением подозреваемого (обвиняемого) с целью принуждения его к признанию, какому-либо иному изобличению самого себя или даче показаний против любого другого лица, ни один подозреваемый (обвиняемый) не должен подвергаться во время допроса насилию, угрозам или таким методам дознания, которые нарушают его способность принимать решения или выносить суждения.

Последняя часть приведенного тезиса связывает наш анализ с важным обстоятельством, которое определено духом уголовно-процессуального закона РФ, но никак не закреплено (даже в общей форме) в его нормах. Мы имеем в виду тот факт, что в нормах УПК РФ отсутствует какое-либо упоминание о возможности реализации подозреваемым (обвиняемым) своего права на медицинскую помощь в период пребывания под стражей.

Так, подозреваемый (обвиняемый) не должен подвергаться каким-либо медицинским опытам, которые в состоянии повредить его здоровью. Перед заключением под стражу (даже кратковременно) необходимо проведение надлежащего медицинского обследования подозреваемого (обвиняемого). Бесплатное медицинское обслуживание, обследование и лечение должно предоставляться ему всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Эти факты должны надлежащим образом фиксироваться в соответствующих (возможно процессуальных) документах и, в особых случаях, данные обстоятельства следует оценивать суду на предмет допустимости доказательств, полученных у подозреваемого (обвиняемого), лишенного на предварительном расследовании необходимой медицинской помощи.

Отсутствует в отечественном процессуальном законодательстве и право подозреваемого (обвиняемого) пользоваться информационными материалами, на разумных условиях, обеспечивающих безопасность и порядок в местах задержания и заключения.

В остальном, как нам представляется, по УПК РФ институт защиты подозреваемого (обвиняемого) от уголовного преследования на предварительном расследовании соответствует международным стандартам. В особенности отметим, что отечественное

[17] См.: Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 1992. С. 135–139.

процессуальное законодательство в полной мере восприняло международное правило относительно разумности сроков содержания обвиняемого под стражей.

На основании изложенного ***особые*** положения основ стандарта защиты от уголовного преследования на предварительном расследовании могут быть выражены следующими положениями.

1. Лицу, попавшему под подозрение, без промедления сообщается полная информация о его мотиве и причине, а обвиняемому сообщается любое предъявленное обвинение.

2. Подозреваемый (обвиняемый) не может пребывать без предоставления эффективной возможности быть в срочном порядке заслушанным судебным или иным органом.

3. При задержании подозреваемого (заключении под стражу обвиняемого) составляется подробный протокол (постановление), который должен вручаться подозреваемому (обвиняемому) непосредственно после подписания.

После приобретения соответствующего процессуального статуса подозреваемому (обвиняемому) доводятся до сведения и разъясняются права, а также возможность их реализации.

Подозреваемые (обвиняемые) граждане иностранных государств, лица без гражданства, несовершеннолетние, женщины, беременные и имеющие на иждивении несовершеннолетних детей, престарелые, больные граждане и инвалиды имеют «особый» процессуальный статус.

4. Подозреваемый (обвиняемый) имеет право самостоятельно выступать в свою защиту или пользоваться помощью защитника по выбору (назначению), а при отсутствии денежных средств бесплатно.

Условия и время отношений подозреваемого (обвиняемого) с защитником имеют разумные ограничения, исключают цезуру и реализуются на основе конфиденциальности.

5. Подозреваемый (обвиняемый) имеет право на связь с членами семьи, а также возможность сноситься с внешним миром согласно разумным условиям и ограничениям.

6. Запрещается злоупотреблять положением подозреваемого (обвиняемого) с целью принуждения его к признанию, какому-либо иному изобличению самого себя или даче показаний против любого другого лица. Ни один подозреваемый (обвиняемый) не

должен подвергаться во время допроса насилию, угрозам или таким методам дознания, которые нарушают его способность принимать решения или выносить суждения.

7. Подозреваемый (обвиняемый) не должен подвергаться каким-либо медицинским опытам, которые могут навредить его здоровью.

Он имеет право на медицинское обследование в кратчайшие сроки после его прибытия в место задержания (заключения). Ему бесплатно предоставляется медицинское обслуживание и лечение всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Результаты медицинского обследования (обслуживания, лечения) документально фиксируются.

8. Подозреваемый (обвиняемый) имеет право в судебном порядке обжаловать основания подозрения (обвинения), а также основания задержания и заключения под стражу.

9. Ущерб, причиненный подозреваемому (обвиняемому) действиями должностных лиц правоохранительных органов подлежит возмещению в соответствии с нормами об ответственности, предусмотренным внутренним законодательством.

10. Подозреваемый (обвиняемый) считается невиновным и имеет право на обращение с ним как с таковым до тех пор, пока его виновность не будет доказана согласно закону в ходе открытого судебного разбирательства, на котором он располагал всеми гарантиями, необходимыми для своей защиты.

11. Обвиняемый имеет право на судебное разбирательство в разумные сроки или на освобождение до суда.

Приведенные нами основы стандарта защиты от уголовного преследования подозреваемого (обвиняемого) на предварительном расследовании могут представлять собой базовые уголовно-процессуальные принципы для развития института защиты в отечественном уголовном процессе на стадии предварительного расследования. Эти основы не являются системой закрытого типа и могут пополняться за счет развития положений международно-правовых актов, к которым присоединится Россия.

В связи с этим важно отметить, что практическая реализация данных принципов станет значительно эффективнее на основе реализации принципа гласности предварительного расследования. «Социально-политическое значение гласности заключается в том,

что она является важным средством общественного контроля за деятельностью суда, прокуратуры, следствия, дознания, адвокатуры, а также пропаганды законов, одной из гарантий охраняемых прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Воспитательно-профилактическое значение гласности проявляется в том, что она обеспечивает выполнение задач правового, нравственного и политического воспитания граждан, а также предупреждение преступлений. Процессуальное – в том, что гласность способствует более полному, всестороннему и объективному исследованию всех обстоятельств уголовного дела и осуществлению иных принципов уголовного процесса, повышает качество и эффективность деятельности профессиональных участников уголовного судопроизводства»[18].

[18] *Макарова З. В.* Гласность предварительного расследования // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И. М. Гуткина) : сб. материалов Межвуз. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М., 2009. С. 94. См. также: *Ее же.* Гласность уголовного процесса. Челябинск, 1993. 177 с.

Е. В. Рябцева

кандидат юридических наук, доцент

ЗАЩИТА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Ежегодно в ходе расследования уголовных дел более 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей. По статистике количество защищаемых лиц в 2012 г. увеличилось в 1,5 раза по сравнению с 2011 г. и составило почти 4 тыс. человек[1]. Однако ни Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон), ни закрепление отдельных мер защиты в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации не обеспечивают эффективного механизма защиты указанных лиц. Во многом это связано с отсутствием единой согласованной системы норм, регулирующей рассматриваемую группу отношений, поскольку наблюдается определенный диссонанс между УПК РФ и Законом.

Для того чтобы выявить противоречия, следует, прежде всего, обратиться к анализу мер безопасности, закрепленных в данных нормативно-правовых актах.

Содержание института безопасности составляют две системы мер безопасности, закрепленные в УПК РФ и Законе. Поскольку Закон распространяет сферу своего действия на уголовное, гражданское, административное судопроизводства, а также на общественные отношения в других правовых направлениях, то закрепленные в нем меры можно отнести к общеправовым. УПК РФ закрепляет те меры, которые применяются только в рамках уголовно-процессуальных отношений, поэтому их можно отнести к специальным.

[1] Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы» : постановление Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792 (в ред. от 24.05.2012) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 41. Ст. 4778.

© Рябцева Е. В., 2014

В соответствии с Законом, в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности:

1) личная охрана, охрана жилища и имущества;

2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;

3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;

4) переселение на другое место жительства;

5) замена документов;

6) изменение внешности;

7) изменение места работы (службы) или учебы;

8) временное помещение в безопасное место;

9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Данный перечень не является исчерпывающим; при наличии предусмотренных законом оснований в отношении защищаемого лица могут применяться также другие меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Порядок применения общеправовых мер безопасности достаточно подробно регламентирован в Законе (ст. 18) и представлен в виде общего порядка применительно ко всем общеправовым мерам безопасности. Суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь, получив заявление (сообщение) об угрозе убийства лица, подлежащего защите, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества либо иного опасного противоправного деяния, обязаны проверить это заявление (сообщение) и в течение трех суток (а в случаях, не терпящих отлагательства, немедленно) принять решение о применении мер безопасности в отношении его или об отказе в их применении. Следователь принимает указанное решение с согласия руководителя следственного органа. О принятом решении выносится мотивированное постановление (определение), которое в день его вынесения направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, для исполнения, а также лицу, в отношении которого вынесено указанное постановление (определение). Постановление (определение) о применении мер безопасности либо об отказе в их применении может быть обжаловано в вышестоящий орган, прокурору или в суд. Жалоба подлежит рассмотрению в течение 24 часов с момента ее подачи.

Орган, осуществляющий меры безопасности, избирает необходимые меры безопасности и определяет способы их применения.

Об избранных мерах безопасности, их изменении, о дополнении и результатах применения указанных мер орган, осуществляющий меры безопасности, информирует суд (судью), начальника органа дознания, руководителя следственного органа или следователя, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело, а в случае устранения угрозы безопасности защищаемого лица ходатайствует об отмене мер безопасности.

Не совсем понятно, почему среди должностных лиц, обеспечивающих меры безопасности, не назван дознаватель. Анализ ст. 41 УПК РФ, а также других норм, регламентирующих порядок проведения дознания, позволяет сделать вывод о том, что в ходе проведения дознания возможно применение мер безопасности в отношении лиц, которые участвуют в данном производстве.

Следует обратить внимание также на то, что в соответствии с УПК РФ в качестве участника, обладающего самостоятельным правовым статусом, закреплен начальник подразделения дознания, однако в законе данный участник не назван.

В соответствии с УПК РФ к мерам обеспечения безопасности относятся:

1. Использование псевдонима.

2. Производство следственных действий в отсутствие понятых (ч. 3 ст. 170 УПК РФ устанавливает, что в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, следственные действия могут производиться без участия понятых).

3. Выделение уголовного дела в отдельное производство для завершения предварительного расследования в целях изоляции осужденного и тем самым предотвращения с его стороны воздействия на потерпевших и свидетелей иных эпизодов преступной деятельности.

4. Обвиняемому и защитнику не предъявляются постановления следователя, в которых указаны подлинные данные о лицах, участвующих в уголовном процессе под псевдонимом при ознакомлении обвиняемого и защитника по окончании предварительного расследования с материалами уголовного дела в том числе, невручение обвиняемому приложения к обвинительному заключению – списка лиц, вызываемых в суд[2].

В ходе судебного разбирательства возможны следующие меры защиты его участников.

5. Запрет председательствующим на фотографирование, видеозапись и киносъемку в судебном заседании в целях ограничения круга граждан, которым защищаемый становится известен визуально. Возможность такого запрета предусмотрена в ч. 5 ст. 241 УПК РФ в случае, если перечисленные способы фиксации судебного процесса создают для него «препятствия». Препятствием является в том числе боязнь граждан давать показания, исполнять другие уголовно-процессуальные обязанности перед объективами фото-, видео- или кинотехники. Согласно ч. 5 ст. 241 УПК РФ не допускается также проведение аудиозаписи, если она создает препятствие для судебного разбирательства.

6. Ограничение доступности сведений о потерпевшем и свидетеле фамилией, именем и отчеством в соответствии с ч. 2 ст. 278 УПК РФ, которая обязывает председательствующего перед допросом установить личность свидетеля, потерпевшего и отношение свидетеля к подсудимому и потерпевшему, но не место жительства допрашиваемого и иные сведения о нем. Естественно, это неприменимо, если, например, очевидец преступления наблюдал его совершение из окна квартиры, но удаленность ее от места происшествия обусловливает необходимость экспериментальным путем определить, была ли у свидетеля возможность правильно воспринимать обстоятельства совершенного деяния[3].

[2] Эта мера не была предусмотрена в УПК РСФСР, не указана она и в ныне действующем Федеральном законе «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», но еще в 1996 г. Президиум Верховного Суда РФ признал правомерным ее применение (как соответствующей международно-правовым и российским конституционным нормам), указал, в частности, что ее применение наряду с удалением подсудимого из зала суда на время допросов потерпевших и свидетелей содействовало получению их правдивых показаний. Соответственно, при окончании расследования в форме дознания возможны ограничения на ознакомление обвиняемого и защитника с обвинительным актом в части, содержащей сведения о месте жительства вызываемых в суд.

7. Удаление из зала суда нарушителей порядка на основании ч. 1 и ст. 3 258 УПК РФ. Следует, однако, учитывать, что такое удаление – санкция, т.е. реакция на уже высказанную угрозу и иные формы посткриминального воздействия, а не мера его предупреждения.

8. Закрытое судебное заседание при допросе отдельных лиц при открытом в целом судебном разбирательстве в соответствии с ч. 3 ст. 241 УПК РФ, где установлено, что определение суда о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании может быть вынесено «в отношении всего судебного разбирательства либо соответствующей его части» (под «соответствующей частью» судебного разбирательства следует понимать не только, например, судебное следствие в целом, но и допрос отдельного участника процесса).

9. Оглашение лишь вводной и резолютивной частей приговора в соответствии с ч. 7 ст. 241 УПК РФ, если уголовное дело рассмотрено в закрытом судебном заседании. В данном случае не оглашаются содержащиеся в мотивировочной части приговора показания свидетелей обвинения, т.е. не оглашаются и сведения о последних.

Перечисленные меры безопасности закреплены в УПК РФ не в виде четко обозначенной системы, как меры, предусмотренные Законом, а содержатся в отдельных статьях УПК РФ, которые регламентируют порядок их избрания.

Для сравнения приведем меры безопасности, применяющиеся за рубежом и получившие признание со стороны Европейского суда по правам человека как не противоречащие международно-правовым стандартам в сфере уголовного судопроизводства:

1) видеозапись показаний защищаемых граждан и воспроизведение ее в стадии судебного разбирательства без вызова в суд самих защищаемых;

2) ограничение материалов уголовного дела, предъявляемых для ознакомления обвиняемому и защитнику при окончании предварительного расследования;

[3] См.: *Чекулаев Д.* Применение мер безопасности в отношении потерпевших и других участников процесса // Законность. 2005. № 5. С. 33.

3) использование видеотрансляции для допросов в суде лиц, находящихся вне зала судебного заседания;

4) допрос в суде вместо потерпевших и свидетелей должностных лиц правоохранительных органов, которым в ходе их служебной деятельности от потерпевших и свидетелей стали известны обстоятельства совершенного преступления;

5) временное ограничение права защитника и содержащегося под стражей подзащитного на свидания[4].

Таким образом, меры безопасности могут применяться и обеспечиваться непосредственно как должностными лицами и органами, ведущими уголовное судопроизводство в рамках уголовно-процессуальных отношений, так и специализированными службами, вне уголовно-процессуальных отношений. Исходя из этого, все меры безопасности можно классифицировать в зависимости от того, какими участниками они применяются и каким нормативно-правовым актом регламентируются, на:

а) общеправовые;

б) специальные (уголовно-процессуальные).

Следует предусмотреть более прозрачную границу между нормами УПК РФ и рассматриваемого Закона, тем более что к тому имеются законодательные предпосылки. В ряде случаев Закон регламентирует порядок принятия не предусмотренных УПК РФ процессуальных решений, например, требует от суда вынесения соответствующих определений (постановлений) о дальнейшем применении мер безопасности при постановлении приговора (ч. 7 ст. 20 Закона). Представляется целесообразным закрепить в УПК РФ обязанность должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, принимать в необходимых случаях решение о применении мер безопасности, предусмотренных Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». К тому же в настоящее время разработан проект федерального закона № 173958-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве». В соответствии с данным законопроектом ст. 20 Закона предлагается дополнить ч. 8

[4] См.: *Брусницин Л. В*. Обеспечение безопасности участников процесса : возможности и перспективы развития УПК // Рос. юстиция. 2003. № 5. С. 29.

следующего содержания: «Судья (суд) при постановлении приговора по уголовному делу, а также принятии решения о применении принудительных мер воспитательного воздействия или медицинского характера выносит постановление (определение) об отмене мер безопасности либо о дальнейшем их применении. В случае если применение мер безопасности осуществлялось после постановления приговора по уголовному делу либо принятия решения о применении принудительных мер воспитательного воздействия или медицинского характера, меры безопасности при наличии оснований, предусмотренных частями 1 и 2 настоящей статьи, отменяются судьей районного или военного суда соответствующего уровня по месту нахождения органа, осуществляющего данные меры безопасности».

Для более подробной регламентации этого вопроса возможно дополнение УПК РФ главой соответствующего содержания.

Раздел VI. ИНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Глава 17.1. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства.

Статья 132 .1. Право на обеспечение безопасности.

1. Потерпевший, свидетель, а также иные лица, в случае возникновения угрозы безопасности при производстве по уголовному делу, вправе обратиться за защитой к уполномоченному органу или должностному лицу в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом.

2. Заявление (сообщение) о необходимости применения мер безопасности может быть подано следователю, дознавателю, руководителю следственного органа, начальнику подразделения дознания, суду (судье) как в устной, так и в письменной форме. Письменное заявление приобщается к материалам уголовного дела, при производстве которого возникла необходимость применения мер безопасности.

Статья 132.2. Порядок рассмотрения заявления об обеспечении мер безопасности.

1. Суд (судья), начальник подразделения дознания, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель, получив заявление (сообщение) об угрозе убийства лица, подлежащего защите, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества либо иного опасного противоправного деяния, обязаны проверить это заявление (сообщение) и в течение трех суток (а в случаях, не терпящих отлагательства, немедленно) принять решение о применении мер безопасности в отношении его либо об отказе в их применении. Следователь принимает указанное решение с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с

согласия прокурора. О принятом решении выносится мотивированное постановление (определение), которое в день его вынесения направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, для исполнения, а также лицу, в отношении которого вынесено указанное постановление (определение).

2. В постановлении (определении) должен быть указан орган, осуществляющий меры безопасности, избирает необходимые меры безопасности, предусмотренные Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а также иными законами. В постановлении (определении) также могут быть определены способы применения данных мер.

3. Об избранных мерах безопасности, их изменении, о дополнении и результатах применения указанных мер орган, осуществляющий меры безопасности, информирует суд (судью), начальника подразделения дознания, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело, а в случае устранения угрозы безопасности защищаемого лица ходатайствует об отмене мер безопасности.

4. Постановление (определение) о применении мер безопасности либо об отказе в их применении может быть обжаловано в вышестоящий орган, прокурору или в суд. Жалоба подлежит рассмотрению в течение 24 часов с момента ее подачи.

Статья 132.3. Порядок отмены мер безопасности.

1. Меры безопасности могут быть отменены или изменены органом или должностным лицом, принявшим решение об осуществлении государственной защиты, либо органом или должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело по собственной инициативе либо по письменному заявлению защищаемого лица, либо органа, осуществляющего меру безопасности при наличии оснований, предусмотренных Законом.

2. Постановление приговора не влечет одновременно отмену мер безопасности. Суд (судья) при постановлении приговора по уголовному делу выносит определение (постановление) об отмене мер безопасности либо о дальнейшем применении указанных мер.

При рассмотрении данного вопроса следует обратить внимание на то, каким критерием должен руководствоваться суд, отказывая в удовлетворении обоснованного ходатайства. В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» разъяснено: при рассмотрении судом вопроса об отмене принятых в отношении потерпевшего мер безопасности следует выяснять его мнение, с учетом которого принимать решение; однако такое разъяснение не дало ответа: что должно лежать в основе решения суда о неудовлетворении обоснованного ходатайства, заявленного в соответствии с ч. 6 ст. 278 УПК РФ. Представляется, что, разрешая ходатайство, суду следует не учитывать вышеуказанное мнение, а руководствоваться мнением человека, которому обещали защиту от преступников и потому предоставили псевдоним, т.е. данное ходатайство не должно удовлетворяться без согласия защищаемого[5].

В постановлении (определении) об отмене мер безопасности должны быть урегулированы вопросы восстановления имущественных и связанных с ними личных неимущественных прав защищаемого лица. Постановление (определение) о применении мер безопасности действует до принятия решения об их отмене. Суд (судья) при постановлении приговора по уголовному делу выносит определение (постановление) об отмене мер безопасности либо о дальнейшем применении указанных мер. При этом вопрос решается не всегда однозначно. Приведем пример из практики.

В соответствии с приговором Верховного Суда Республики Марий Эл от 29 августа 2008 г., вступившим в законную силу 10 ноября 2008 г., Б. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

На основании постановления судьи Верховного Суда Республики Марий Эл от 23 октября 2008 г. в отношении свидетеля по данному уголовному делу М. применены меры безопасности в порядке Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Постановлением судьи Верховного Суда Республики Марий Эл от 11 февраля 2009 г. по ходатайству органа, осуществлявшего защиту свидетеля, меры безопасности в отношении М. отменены.

В кассационной жалобе М. просила отменить постановление судьи и продлить меры безопасности до полного устранения обстоятельств, послуживших основанием для их применения, сообщив, что после вступления приговора в законную силу Б. стал угрожать ей расправой, пытался повредить ее имущество за то, что

[5] См.: *Быков В. М.* Защищает ли уголовно-процессуальный закон права потерпевших // Рос. юстиция. 2012. № 12. С. 47–51.

она давала показания в отношении него в суде, а 10 февраля 2009 г. повредил принадлежащий ей автомобиль, о чем она сообщила в милицию. Это, по мнению М., свидетельствует о том, что обстоятельства, послужившие основанием для применения мер безопасности, не устранены, а потому постановление судьи является незаконным и необоснованным.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 30 марта 2009 г. отменила постановление судьи по следующим основаниям.

Отменяя меры безопасности в отношении свидетеля по уголовному делу М., судья сослался в постановлении на то, что в связи со вступлением в законную силу оправдательного приговора производство по данному уголовному делу окончено и устранены основания для дальнейшего применения указанных мер.

Между тем в соответствии с п. 7 ст. 20 Федерального закона от 20 августа 2004 г. принятие итогового решения по уголовному делу не исключает возможность дальнейшего применения мер безопасности, а согласно п. 1 и 3 той же статьи отмена указанных мер в связи с устранением оснований их применения допускается только при наличии проверенных данных, свидетельствующих о том, что необходимость в государственной защите лица отпала.

Из материалов судебного производства следует, что, получив ходатайство органа, обеспечивающего государственную защиту свидетеля М., об отмене мер безопасности, судья не выяснил, устранены ли основания их применения.

Указанное ходатайство разрешено не в судебном заседании и в отсутствие представителя органа, осуществляющего защиту, а также самого защищаемого лица, которые о времени и месте рассмотрения данного вопроса не извещались, в связи с чем и не имели возможности довести свою позицию относительно всех обстоятельств дела до сведения суда, хотя это непосредственно касалось значимых прав и интересов свидетеля.

Судьей при этом не учтено, что в соответствии со ст. 5 Закона законодательство Российской Федерации о государственной защите основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из данного и других федеральных законов, а также Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, иных нормативных правовых актов и международных договоров Российской Федерации.

При отмене судом мер безопасности положения указанного Федерального закона следует рассматривать во взаимосвязи со ст. 11 УПК РФ и другими нормами уголовно-процессуального закона об охране прав и свобод в уголовном судопроизводстве, которые не содержат каких-либо изъятий в процессуальном порядке разрешения данного вопроса, когда он находится в компетенции суда.

Данный порядок, предусмотренный положениями УПК РФ, предполагает обеспечение состязательности и равноправия сторон, в том числе предоставление им достаточных процессуальных полномочий для защиты своих интересов при осуществлении всех процессуальных действий, результат которых имеет существенное значение для определения прав и обязанностей.

Учитывая, что вопрос об отмене ранее примененных судом мер безопасности исходил из уголовного дела, судебное производство по которому завершено, он подлежал разрешению в порядке ст. 396, 397, 399 УПК РФ, чего сделано не было.

При таких обстоятельствах постановление судьи об отмене мер безопасности в отношении свидетеля М. нельзя признать законным и обоснованным, оно, как вынесенное с нарушением уголовно-процессуального закона, подлежит отмене, а материалы судебного производства – передаче на новое рассмотрение в тот же суд (определение от 30 марта 2009 г. № 12-О09-8)[6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существующий порядок применения мер безопасности нуждается в совершенствовании как в плане его практического использования, так и законодательной регламентации в направлении создания единой согласованной системы применения мер безопасности.

[6] URL: http://garant-mariel.complexdoc.ru/613467.html

В. В. Седнев

доктор медицинских наук, профессор

КРИМИНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДА

Задача эффективного расследования тяжких преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности, совершенных в условиях неочевидности, невзирая на актуальность и высокую социальную значимость, не имеет подлинно действенного решения[1]. Основным подходом к результативной поимке преступника является криминалистический[2]. Научно обоснованным, дополняющим, но отнюдь не альтернативным, является психологический подход[3]. Разрабатываемый в рамках психологии деятельности[4] и представляющий собой раздел криминальной[5] психологии, он результативен[6], но недостаточно систематизирован как методологически, так и методически[7]. Суть упомянутых сложностей сформулирована[8] как отсутствие единой, удовлетворительной теории о взаимосвязи поведения (более узко – криминального поведения) и данных об оставленной лицом материальной и идеальной следовой информации с фенотипическими описаниями внешности; социально-демографическими сведениями о привычном образе жизни, деятельности, в том числе и профессиональной; психологическими паттернами поведения, эмоционального реагирования и когнитивного стиля; криминологическими указаниями о причинах, условиях и наиболее типических приемах преступного поведения etc. Также в соответствии с компетенциями выделены и описаны дедуктивно-криминологическая и индуктивно-психологическая технологии психологического профилирования неизвестного преступника, даны их дефиниции и содержательные элементы[9].

Настоящая работа посвящена дальнейшему исследованию проблемы составления психологического портрета неизвестного преступника, а именно – методу, который предлагается определить как криминально-психологическое моделирование. Основная цель данного метода – установление связей и закономерностей между многообразной следовой информацией и комплексной характеристикой неизвестного лица – считается одной из наиболее сложных задач в криминалистике[10]. Однако еще в 1979 г. Б. Ф. Водолазский указывал, что следовая информация на месте происшествия представляет собой «овеществленную психологию участников расследуемого события», которая содержит данные о потребностях преступника и способе их удовлетворения, цели и мотивах, способностях, профессиональных навыках и умениях, психическом состоянии преступника[11]. Е. Е. Центров считал, что типовые версии о мотивах преступления и преступнике могут быть разработаны на основе анализа данных места происшествия, сведений о жертве и способе причинения, не сформулированно, включая при этом в понятие способ и данные судебно-медицинского исследования[12].

В ходе исследования фрагмента объективной реальности, представляющей изучение объектов (предметов либо явлений), их

[1] См.: *Коновалова В. Е.* Теория расследования преступлений против жизни : истоки и тенденции // Коновалова В. О. Вибрані твори. Харків, 2012. С. 430–433.

[2] См.: *Ее же.* Убийство : искусство расследования. Харьков, 2001. 311 с. ; Убийство : частные методики расследования : курс лекций / под ред. А. М. Кустова. М. ; Воронеж, 2010. 880 с.

[3] См.: *Шепитько В. Ю.* Проблема использования специальных психологических знаний в следственной деятельности // Шепітько В. Ю. Вибрані твори. Харків, 2010. С. 503–506.

[4] См.: *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения : в 2 т. М., 1983. Т. II. 320 с.

[5] См.: *Коновалова В. Е.* Правовая психология. Харьков, 1997. 160 с. ; *Зелинский А. Ф.* Криминальная психология : науч.-практ. издание. Киев, 1999. 240 с.

[6] См.: *Симонян А. Ц.* Розкриття серійних вбивств у м. Маріуполі. Слідча практика України. 2003. № 3. С. 68–73.

[7] См.: Методология психологического портретирования при раскрытии и расследовании серийных насильственних преступлений : итоги и перспективы / В. В. Седнев [и др.] // Криміналістичний вісник. 2012. № 1(17). С. 6 –14.

[8] См.: Там же.

[9] См.: Там же.

[10] См.: *Грановский Г. Л.* Некоторые теоретические положения трассологической идентификации личности // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1964. Вып. 1. С. 144–151.

[11] См.: *Водолазский Б. Ф.* Психология осмотра места происшествия : учеб. пособие. Омск, 1979. 43 с.

[12] См.: *Центров Е. Е.* Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988. 160 с.

© Седнев В. В., 2014

свойств и отношений[13], исследователь выделяет некий набор значимых. Иначе говоря, реальный объект, будучи неисчерпаемым в своих свойствах и отношениях, представлен в эмпирическом познании ограниченным набором признаков. Эту абстракцию реального объекта принято обозначать как эмпирический объект[14], т.е по сути абстрактный объект, сформированный в результате изучения значимого фрагмента объективной реальности. Дальнейшее предполагает сравнительно-сопоставительный анализ эмпирических абстрактных объектов с уже существующими, сформированными на базе знаний и опыта исследователя, теоретическими объектами[15]. В результате mutatis mutandis формируется умозрительная образная модель в смысле, заложенном В. А. Штоффом, все преобразования в которой осуществляются мысленно[16]. Таким образом, мысленное моделирование является специальным содержательным типом теоретического рассуждения[17]. В ходе мысленного моделирования рассматривается взаимодействие нескольких объектов (модель процесса), содержащего несколько стадий. При этом принимается, что результат взаимодействия на каждом этапе принципиально известен. Отсюда приращение знания происходит «в результате рассмотрения взаимодействия разных элементов или совокупности этапов как целостной системы»[18].

Метод моделирования в целом можно определить как универсальную (эмпирическую и теоретическую) форму познавательной деятельности, основанную на принципе аналогии, направленную на формирование модели объективной реальности. Методическими регулятивами являются регулятив обоснованности (моделирование возможно на максимально полной эмпирической базе с учетом теоретической, как общенаучной, так и специальной, в том числе и прецедентной баз данных) и регулятив умозаключения по аналогии (максимально полное сопоставление признаков реальности и модели с учетом их значимости: основные и второстепенные, а также вектора: совпадения и различия). Ограничения использования представлены гипотетичностью метода (вероятност-ность результата моделирования) и условностью интерпретаций модели (приблизительность вывода, носящего ориентирующий исследователя характер).

[13] См.: *Уемов А. И.* Вещи, свойства и отношения. М., 1963. 184 с.

[14] См.: *Степин В. С.* История и философия науки : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М., 2011. 423 с.

[15] См.: *Седнев В. В.* Восхождение от абстрактного к конкретному как фундаментальный метод экспертного познания // Криміналіст первопечатний. 2012. № 5. С. 122–131.

[16] См.: *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М. ; Л., 1966. 302 с.

[17] См.: *Илларионов С. В.* Теория познания и философия науки. М., 2007. 535 с.

[18] Там же. С. 393.

Предлагаемый метод криминально-психологического моделирования носит междисциплинарный характер. С одной стороны, он опирается на криминалистику как науку о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств[19], с другой стороны, на криминальную психологию как науку о субъективной стороне преступления, личности и поведении преступника[20]. Такая междисциплинарность задает необходимость исследования метода моделирования как в криминалистике, так и психологии.

В криминалистике метод моделирования наиболее полно исследован в работах Р. С. Белкина, Т. С. Волчецкой, Г. А. Густова, Е. П. Ищенко, В. Е. Корноухова, И. М. Лузгина, В. А. Образцова, Н. П. Яблокова и др. Криминалистическая сущность моделирования состоит в том, что оно «позволяет исследовать и объяснять связи между фактами, в частности связь элементов состава преступления»[21]. Сходным образом характеризует «модель криминальной ситуации» Т. С. Волчецкая: «мысленное представление следователя, основанное на имеющейся информации о расследуемом событии, объясняющее общее содержание криминальной ситуации в целом, отдельных ее элементов, «вскрывающее» их взаимосвязь и объясняющее их взаимообусловленность»[22]. Г. А. Густов указывает, что «криминалистическое моделирование – это специфический

[19] См.: *Шепітько В. Ю.* Криміналістика : енціклопедічний словник (українсько-російський і російсько-український) / за ред. акад. НАН України В. Я. Тація. Харків, 2001. 560 с.

[20] См.: *Коновалова В. Е.* Правовая психология ; *Зелинский А. Ф.* Указ. соч.

[21] *Лузгин И. М.* Моделирование при расследовании преступлений. М., 1981. С. 18.

[22] *Волчецкая Т. С.* Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике. Калининград, 1997. С. 63.

метод исследования криминалистических объектов в целях их познания и управления профессиональной деятельностью участников уголовного процесса путем построения и использования моделей этих объектов»[23]. При этом подчеркивается, что криминалистическая модель – это искусственная система, воспроизводящая с той или иной степенью сходства исследуемый в сфере уголовного судопроизводства объект. Основная задача криминалистической модели – расширение имеющегося знания об оригинале в объеме, необходимом для правосудия[24]. Р. С. Белкин рассматривает моделирование двояко – как способ изучения отдельных материальных объектов и как способ изучения процессов различной сложности[25].

Для моделирования в криминалистике существенным является выдвигаемое Т. С. Волчецкой утверждение, что моделирование – это средство познания[26], т.е., исходя из сути определения средства познания, метод[27]. Это же отражено в определении Т. С. Волчецкой, согласно которому моделирование в криминалистике – «это метод, заключающийся в создании мысленной или материальной модели (обладающей необходимым для исследования сходством с находящимся в сфере уголовного судопроизводства оригиналом), а также в последующем исследовании этой модели в качестве средства получения криминалистически значимой информации, необходимой для раскрытия, расследования и предупреждения преступления»[28]. Соответственно, модель рассматривается как система (идеальная либо материальная), позволяющая получить криминально-релевантную информацию. Г. А. Густов, рассматривая личность потерпевшего, указывает, что моделирование поведения жертвы и ее взаимодействия с преступником способно дать информацию, релевантную для поимки последнего[29]. При этом имеет место перенос логических отношений с модели на прототип[30].

[23] *Густов Г. А.* Моделирование в работе следователя. Л., 1980. С. 16.

[24] См.: Там же. 188 с. ; *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М., 2001. 837 с.

[25] См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 232.

[26] См.: *Волчецкая Т. С.* Указ. соч. С. 11.

[27] См.: *Канке В. А.* Философия науки : краткий энциклопед. словарь. М., 2008. С. 139–140 ; *Лебедев С. А.* Философия науки : словарь основных терминов. М., 2004. С. 133–134.

[28] *Волчецкая Т. С.* Указ. соч. С. 12.

Метод моделирования в криминалистике не избежал расширения трактовки, связанной, на наш взгляд, исключительно с недооценкой его регулятивов и ограничений. Попытка расширенной трактовки моделирования привела к приравниванию метода, т.е. способа познания к способу описания. Оставляя в стороне критику понятия «криминалистическая характеристика преступления»[31], укажем на гносеологическую недопустимость расширения метода исследования до описания его результатов[32].

Неоднозначность трактовок понятия модели в криминалистике послужила основанием для выделения на основе аналогии как философской основы моделирования нескольких типов моделей в криминалистике:

1) модели свойств, в которых осуществляется перенос информации о признаках, релевантных для расследования свойств конкретного объекта с формированием его статического образа (в первую очередь данный тип применим при анализе материальных объектов и материализованных в материалах расследования сведений о них, преимущественно вещественных доказательствах);

2) модели отношений, выполняющие перенос информации о процессе, этапах и особенностях взаимодействия объектов и субъектов с формированием динамического образа взаимодействий (прежде всего, применим для анализа механизма происшествия);

3) смешанные (комплексные) модели, реализующие перенос информации о признаках релевантных свойств объектов и субъектов в их взаимодействии с установлением многообразных связей между следовой картиной (материальной и идеальной), характеристиками события и потерпевшего с наиболее вероятной версией о

[29] См.: *Густов Г. А.* Изучение личности погибшего по делу об убийстве : учеб. пособие. СПб., 1997. С. 4.

[30] См.: *Лузгин И. М.* Указ. соч. 1981. 152 с. ; *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М., 2006.

[31] *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня : злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. 240 с.

[32] См.: *Илларионов С. В.* Указ. соч.

виновном (в случае устойчивой упорядоченности связей и характеристик может быть обозначена как ситуалогическая модель).

Исходя из предлагаемой классификации проанализируем взгляды различных исследователей. Данный анализ необходим для обоснования в «материнских» науках – криминалистике и психологии криминально-психологического метода моделирования.

Модели свойств представлены преимущественно в виде как статических, так и динамических материальных слепков, муляжей, макетов и т.д.[33].

К моделям отношений относятся умозаключения о механизме передачи энергии, вещества, информации, типах взаимодействия как отражения механизма преступления[34].

Модели третьего типа – комплексные – представлены следующим:

• понятием криминалистической характеристики преступления[35]. При этом В. Е. Корноухов предлагает «вообще отказаться от понятия криминалистической характеристики преступления и использовать более точное – модель совершения преступления»[36], что (с учетом того, что автор относит к моделям и версии и механизм происшествия) отражает неоправданное, на наш взгляд, расширение метода до всеобъемлющего (т.е. лишенного ограничений и, отчасти, регулятивов). Критика Р. С. Белкиным данного понятия применима к конкретному преступлению[37], сам автор не исключает существования его как абстракции, как модели[38]. Исходя из положений о моделях как способах интеграции в относительно целостную систему имеющейся базы знаний данный тип моделей следует признать, с общенаучной точки зрения, моделями-конфигураторами[39], создаваемыми с познавательной целью образами объекта, объединяющими уже существующие знания о нем, т.е. моделями-описаниями;

• криминалистическим учением о версиях как о мысленной модели совершенного преступления, исходя из которой версия, это «построенное в соответствии с законами логики, обоснованном фактическими данными и подлежащее проверке в установленном законом порядке предположение о событии преступления в целом или отдельных его элементах, о пространственно-временных, причинно-следственных и иных связях между обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу»[40]. Данная модель в первую очередь отражает не столько познавательный, сколько описательный подход. Этот тип моделей отображен в общенаучном понятии конфигуратора-плана[41] как способа сведения в одно целое имеющейся информации для формирования программы дальнейших действий. Типичной представляется позиция В. Н. Левкова, который к функциям криминалистических версий отнес[42]: систематизацию имеющихся данных, выявление наиболее перспективных направлений расследования и формирование плана соответствующих действий;

[33] См.: Курс криминалистики : в 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой, А. А. Степанова. СПб., 2004. Т. 1 : Общетеоретические вопросы : криминалистическая техника, криминалистическая тактика. С. 155 ; *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М., 2006 ; Курс криминалистики : общая часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. М., 2000. 784 с. ; Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 718 с. ; Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2000. 751 с. ; *Салтевський М. В*. Криміналістика (у сучасному викладі) : підручнік. Київ, 2005. 588 с. ; Криминалистика : учебник / под ред. В. А. Образцова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 735 с. ; Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. 990 с.

[34] См.: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М., 2001. 837 с. ; Курс криминалистики : общая часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. М., 2000. С. 258 ; Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2000. 751 с. ; Криминалистика : учебник / под ред. В. А. Образцова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 735 с. ; Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. 990 с.

[35] См.: Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 718 с. ; Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. С. 687.

[36] Курс криминалистики : общая часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. М., 2000. С. 260.

[37] См.: *Белкин Р. С*. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп., М., 2001. С. 737–739.

[38] См.: Там же. С. 737.

[39] См.: *Юдин Э. Г*. Методология науки : системность, деятельность. М., 1997. С. 129.

[40] Курс криминалистики : в 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой, А. А. Степанова. СПб., 2004. Т. 1. С. 159. См. также: Курс криминалистики : общая часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. М., 2000. С. 261.

[41] См.: *Юдин Э. Г.* Указ. соч. С. 135.

[42] См.: *Левков В. М*. Криміналістичні версії : текст лекції. Харків, 1991. С. 4.

• концепцией программно-целевого метода расследования, преимущественно представленного в работах Г. А. Густова[43], который также представляет собой конфигуратор-план.

Таким образом, выделенный третий тип моделей в криминалистике – комплексный – представлен преимущественно моделями как способами описания (конфигураторами). Учитывая, что основным вектором рассмотрения моделей в данном исследовании является познавательный, такую ситуацию нельзя признать удовлетворительной. Предлагаемая классификация моделей в криминалистике должна быть дополнена за счет большего обобщения и усовершенствования. Предлагается выделение двух подтипов моделей третьего типа – комплексных: как способов описания (конфигураторов) и как способов познания. В методическом плане в основе первых, конфигуратов, лежит интеграция и конструирование[44], а вторых – аналогия.

Различия между подтипами не столько целевые, так как четко разделить описание и планирование относительно преступности в приводимых разновидностях моделей скорее невозможно. В большей мере различия состоят в степени общности характеристики преступления. Первый подтип более общий (обобщенный): описывает типовую характеристику преступления, перечень выдвигаемых версий и стандартизованный план мероприятий дальнейшего расследования. В этом смысле он ближе к методу как научному способу познания. Описывая некое обобщение, данный подтип опирается на достаточно полноценную базу данных, представляя собой в определенной мере «усреднение» сведений об общем в некоем множестве конкретных преступлений. Одновременно с формированием типического в виде криминалистической характеристики преступления этот подвид моделей отображает и наиболее эффективные (успешные) алгоритмы деятельности в той или иной типичной ситуации.

Второй подтип отражает конкретный, единичный уровень познания, будучи методически ближе к методике как способу исследования уникального и индивидуального. Представляется, что именно такое разделение позволяет в существенной мере снять описанные выше противоречия, связанные с расширением и сужением трактовок метода моделирования в криминалистике. В связи с тем что второй подтип в меньшей степени представлен в литературе, приведем некоторые его характеристики. Во-первых, как было указано выше, он отражает единично-конкретный уровень познания и в этом смысле в большей мере приближен к методике. Во-вторых, он основан на аналогии как способе получения новой информации путем установления подобия с уже известной и в этом смысле приближен к методу восхождения от абстрактного к конкретному. В-третьих, он дает возможность установления ситуативных отношений в неопределенных ситуациях, с отсечением неперспективных вариантов, формированием опровержений на базе контрпримеров и т.д. Таким образом, он относится к недедуктивным методам решения исследовательских задач. Также важно, что анализируемый подтип комплексных криминалистических моделей относится к мысленному моделированию с возможностью материализации в текстовом виде. Все указанное характеризует его как эвристический. Это обозначение будем использовать в дальнейшем.

Таким образом, приведенная классификация (модели свойств, модели отношений, комплексные модели – конфигураторы и эвристические) позволяет выделить сущностные типы криминалистических моделей и оценить необходимые для их построения технологии. Исходя из цели данной работы – разработки метода криминально-психологического моделирования, – наиболее соответствующим следует признать второй подтип третьего типа моделей – комплексные эвристические.

Далее в исследовании под методом криминалистического моделирования будем понимать формирование на основе прикладной и теоретической аналогии интеграции и конструирования мысленного образа либо материального подобия более-менее изолированного фрагмента реальности, в совокупности и взаимосвязях его свойств и отношений, релевантного для расследования правонарушения.

Наиболее существенным проявлением трансформации метода моделирования в психологии является его преимущественная

[43] См.: *Густов Г. А.* Моделирование в работе следователя ; *Его же*. Программно-целевой метод раскрытия убийств : конспект лекций. Л., 1985. 114 с. ; *Его же*. Моделирование при расследовании преступлений : методические рекомендации. 3-е изд., стереотип. Л., 1989. 16 с. ; *Его же*. Изучение личности погибшего по делу об убийстве.

[44] См.: *Юдин Э. Г.* Указ. соч. 445 с.

отнесенность к математическим методам в психологии[45]. В более поздних фундаментальных работах метод моделирования рассматривается как раздел так называемой математической психологии, представляющей собой «раздел теоретической психологии, использующий для построения теорий и моделей математический аппарат»[46]. Этот подход нашел свое отражение и в корпусе научных словарей по психологии[47]. Однако есть и исключения. Так, изданный в 1983 г. коллективом НИИ общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР[48] в соответствующей словарной статье приводил два направления применения метода моделирования в психологических исследованиях: моделирование психики как имитация психической деятельности и моделирование ситуаций для изучения поведения. Этот же подход был подтвержден практически без изменений во втором издании указанного словаря, несмотря на почти 20-летний перерыв и смену редакционной коллегии[49]. В определенной мере компромиссное решение проблемы предлагает М. И. Еникеев, который определил моделирование в психологии как «исследование психических явлений посредством системы объектов или знаков, воспроизводящих их существенные особенности»[50], далее указывая на применение с этими целями возможностей современных аналоговых и цифровых технологий. Следует отметить, что в приводимой дефиниции существенно влияние общеметодологических положений, выдвинутых В. А. Штоффом с значимым для целей

[45] См.: *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / отв. ред. Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. М., 1984. 445 с. ; *Ананьев Б. Г.* Психология и проблемы человекознания / под ред. А. А. Бодалева. М. : Воронеж, 1996. 384 с.

[46] Современная психология : справ. руководство / отв. ред. В. И. Дружинин. М., 1999. С. 591.

[47] См.: Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск, 1997. С. 303–304 ; Современный словарь по психологии / авт.-сост. В. В. Юрчук. Минск, 1998. С. 367–368 ; Общая психология : словарь / под ред. А. В. Петровского // Психологический лексикон : энциклопед. словарь : в 6 т. / ред.-сост. Л. А. Карпенко : под общ. ред. А. В. Петровского. М., 2005. С. 140.

[48] См.: Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова [и др.]. 1983. С. 194–195.

[49] См.: Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 200–201.

[50] *Еникеев М. И.* Психологический энциклопедический словарь. М., 2007. С. 243.

настоящей работы акцентированием на изучении психических явлений, совокупность которых представляет собой поведение индивида. Сам же метод моделирования в практической психологии, не считая работ, посвященных возможностям кибернетики, наиболее полно рассматривается в рамках экспериментальной психологии[51]. Следует отметить, что для целей данного исследования рассматриваемый в экспериментальной психологии метод моделирования малорелевантен, так как осуществляется в двух направлениях: искусственное конструирование психики и ее различных проявлений (моделирование психики) и создание специальных условий для проявления психики естественных объектов (психологическое моделирование)[52]. Равным образом не описываются и существенно отличающиеся от общих для наук о человеке этических и технологических пределов допустимости действий с и над человеком ограничения и регулятивы.

Наиболее перспективной и в определенной мере соответствующей ранее выдвинутым положениям о типологии моделей в криминалистике является типология моделей, описанная А. А. Смирновым применительно к психологии[53]: материальные модели, представляющие собой копии объектов; идеальные модели, к которым относятся и математические, и «словесные описания процессов… закономерности и их теоретическое обоснование, т.е. теория данных процессов»[54]; информационные модели, предназначенные для индикации и отображения происходящей ситуации. При этом А. А. Смирнов подчеркивает, что существенным в моделировании является условное либо абстрактное выявление и отображение существенно важных особенностей реальности. Нетрудно заметить, что идеальные модели по А. А. Смирнову представляют собой модели-конфигураторы Э. Г. Юдина.

Основная задача психологического исследования ничем принципиальным не отличается от любого научного – описание и

[51] См.: *Никандров В. В.* Экспериментальная психология : учеб. пособие. СПб., 2003. 480 с.

[52] См.: Там же. С. 160–180.

[53] См.: *Смирнов А. А.* Избранные психологические труды : в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 39–41.

[54] Там же. С. 40.

объяснение[55]. И, будучи научным исследованием, использует общеметодологические принципы: детерминизма (в его современной, нелапласовой трактовке), развития, системности[56]. При этом также выдвигается собственный фундаментальный принцип единства сознания и деятельности[57], под которым понимается диалектическое взаимодействие внешних и внутренних факторов в формировании поведения, а также требование изучения психической деятельности «в единстве внутренних и внешних проявлений»[58]. А. Н. Леонтьев, развивая теорию деятельности, сформулировал концепт триединства: субъект → деятельность → предмет[59], в котором каждый элемент не только связан с другим, но и репрезентирует остальные. П. Я. Гальперин, формируя понятие предмета психологии, указывал, что его составляет «деятельность субъекта по решению задач ориентировки в ситуациях на основе их психического отражения»[60], указывая далее, что именно целеполагание деятельности субъекта и ее результаты являются наиболее надежными маркерами его психической сущности, чем самоотчеты в любой форме[61]. Отсюда логичным представляется вывод о возможности анализа субъекта на основе его деятельности и ее результатов. «Отношения продуктов предметной деятельности, реализующей связи, отношения общественных индивидов, выступают для них как явления их сознания»[62], а «личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания»[63], т.е. формирует индивидуальное в результате деятельности. Это происходит в силу

[55] См.: *Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М.* Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 1999. 528 с. ; *Анастази А., Урбина С.* Психологическое тестирование. СПб., 2002. 688 с.

[56] См.: *Илларионов С. В.* Указ. соч. ; *Степин В. С.* Теоретическое знание. М., 2003. 744 с.

[57] См.: *Ломов Б. Ф.* Указ. соч. ; Современная психология : справочное руководство / отв. ред. В. И. Дружинин. М., 1999. 688 с. ; *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии : в 2 т. М., 1989. Т. 1. 488 с. ; *Леонтьев А. Н.* Указ. соч. Т. II. 320 с.

[58] *Рубинштейн С. Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 46.

[59] *Леонтьев А. Н.* Указ. соч. Т. II. С. 168.

[60] *Гальперин П. Я.* Психология как объективная наука / под ред. А. И. Подольского ; вступ. ст. А. И. Подольского. М., Воронеж, 1998. С. 198.

[61] См.: Указ. соч. Там же. С. 228.

[62] *Леонтьев А. Н.* Т. II. С. 168.

[63] Там же. С. 183.

того, что субъект, личность есть внутренний момент деятельности, а объект деятельности – внешний[64]. Проявляясь как результат, продукты «деятельности субъекта … являются исходными «единицами» психологического анализа личности»[65]. Представляется, что именно это положение легло в основу формирования такого метода исследования, как «анализ продуктов деятельности человека»[66]. Указанный метод применяется не только в психологии, но и в других науках, изучающих поведение человека (педагогике[67], социологии[68] и др.), постепенно приобретая статус междисциплинарного для наук о человеке. Именно положение о принципиальной возможности получения репрезентативных данных об индивиде на базе изучения результатов его деятельности и положено в основу формируемого метода криминально-психологического моделирования. При этом результатами и продуктами деятельности является следовая картина (материальная и идеальная) правонарушения. О закономерности связи между личностью преступника и другими элементами преступления (в первую очередь следовой картиной, объектом, орудием, способах, месте и времени посягательства, технике совершения, допреступном и послепреступном поведении etc.) в криминалистической литературе имеются обширные указания[69], емко сформулированные Н. П. Яблоковым: «Результаты каждой преступной деятельности содержат следы личности человека, ее осуществившего, и, в частности, сведения о некото-

[64] См.: Там же. С. 186.

[65] Там же. С. 201.

[66] *Никандров В. В.* Экспериментальная психология : учеб. пособие. СПб., 2003. 480 с. ; *Журавлев Д. В.* Методы психологического исследования // Журавлев Д. В. Методология и методы психолого-педагогического исследования : курс лекций. М., 2003. С. 38–61.

[67] См.: *Фридман Л. М., Кулагина И. Ю.* Психологический справочник учителя. М., 1991. 288 с.

[68] См.: *Ядов В. А.* Социологическое исследование : методология, программа, методы. Самара, 1995. 332 с.

[69] См.: *Густов Г. А.* Изучение личности погибшего по делу об убийстве ; Курс криминалистики : в 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой, А. А. Степанова. СПб., 2004. Т. 1. С. 63–64, 67 ; Курс криминалистики : общая часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. М., 2000. С. 45 ; *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 316–320 ; *Салтевський М. В.* Указ. соч. С. 41–42, 151–152 ; Криминалистика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. А. Образцова. М., 1999. С. 49–50.

рых его личностных социально-психологических свойствах и качествах, преступном опыте, специальных знаниях, поле, возрасте, особенностях взаимоотношений с жертвой преступления и т.п.»[70]. М. В. Салтевский особо подчеркивает уникальность следовой картины преступления за счет неповторимости деятельности конкретного человека[71].

Вразрез с остальными идет позиция Л. Г. Горшенина, Н. А. Селиванова и А. А. Топоркова о том, что исключительность следовой картины преступления присуща акцентуированным лицам как отражение психических аномалий в деятельности[72]. Указанное мнение, которого придерживается Г. М. Мухин, служит основанием для утверждения, что «объектом криминалистического моделирования выступает не всякое, а лишь то преступное поведение, которое имеет отличающиеся от “нормы” особенности»[73]. Оставим в стороне вопрос о смешении понятия «норма» в его социально-философском, криминологическом и клиническом смыслах, что отчетливо просматривается на страницах цитируемого пособия. Кроме того, поскольку это не является предметом данной работы, только констатируем наличие определенных противоречий учению о следообразовании и его механизмах, а также базовым постулатам теории деятельности. Укажем лишь, что продолжая логику данного подхода, следует признать, что если преступление совершено лицом без психических отклонений, то оно не обладает никакой уникальностью. И, следовательно, вне собственного признания виновного, не обладающего психическими аномалиями, не может быть раскрыто. Именно поэтому далее будем расценивать данную точку зрения как казуистическую, в противовес приведенному выше эксквизитному мнению большинства авторов.

Подводя итоги, отметим, что разрабатываемый метод криминально-психологического моделирования основан на общенаучном понимании познавательной сущности принципа аналогии в

[70] Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1999. С. 44.

[71] См.: *Салтевський М. В*. Указ. соч. С. 151, 449.

[72] См.: Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2000. С. 450–465, 470.

[73] *Мухин Г. Н., Каразей О. Г., Исюткин-Федотков Д. В*. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения : науч.-практ. пособие / под общ. ред. Г. Н. Мухина. М., 2012. С. 72.

моделировании. Его криминалистической основой является учение о следообразовании, а психологической – концепция деятельности как проявления индивидуальности. Так, сформулируем рабочее определение: криминально-психологическое моделирование – это метод мысленного ретроспективного формирования целостных релевантных для расследования преступления характеристик личности правонарушителя на основе всестороннего, системного рассмотрения материальной и идеальной следовой информации преступления.

Таким образом, в работе рассмотрены обоснование и теоретическая сущность метода криминально-психологического моделирования. Дальнейшее направление исследований заключается в формировании прикладного содержания метода.

В. В. Тищенко

доктор юридических наук, профессор

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Основное предназначение методики расследования преступлений, интегрирующей все криминалистические знания и использующей знания других наук, состоит в разработке эффективных научных рекомендаций по быстрому и полному раскрытию и расследованию преступлений различных категорий. Вместе с тем криминалистическая методика в названных целях создает собственную теоретическую базу, на которой формируются, углубляются и уточняются научные знания о предмете ее исследования, задачах, структуре, общих принципах построения отдельных методик расследования и содержании последних.

Концептуальной позицией в разработке теоретических и методологических основ методики расследования является, по нашему мнению, использование деятельностного, системного и функционального подходов. Указанные подходы позволяют существенно повысить эффективность криминалистических рекомендаций, направленных на оптимизацию расследования преступлений в целом, а также отдельных их видов и групп.

Важно отметить, что криминалистическая методика исследует такие специфические объекты действительности, как преступление (преступная деятельность) и расследование (деятельность по раскрытию и предупреждению преступлений). Выявление и исследование криминалистически значимых закономерностей в процессе названных видов деятельности, их взаимосвязи, механизмов образования следов, способов получения и использования информации в процессе доказывания по уголовному делу составляет предмет общих теоретических положений методики расследования преступлений как раздела криминалистики. На базе этих положений разрабатываются научные рекомендации соответствующего

© Тищенко В. В., 2014

содержания по оптимальной организации и проведению расследования отдельных категорий (видов, групп) преступлений.

Основная цель теоретических и методологических основ криминалистической методики расследования видится в создании системы научных подходов и принципов разработки отдельных методик расследования и условий их использования в расследовании конкретных преступлений. Данная цель может быть разделена на следующие задачи:

1) разработка общей теории создания частных методик;

2) разработка рекомендаций по применению имеющихся частных методик применительно к расследованию конкретного преступления;

3) разработка рекомендаций по построению методики расследования конкретного преступления при отсутствии научной методики расследования соответствующей категории преступлений.

Названные задачи могут быть решены путем создания соответствующей системы принципов разработки и построения криминалистической методики расследования[1]. Начинать необходимо с изучения объектов методики расследования: преступления и расследования.

С позиций деятельностного подхода преступление характеризуется определенной более или менее сложной системой действий, психофизиологических актов, поступков, которые совершаются для достижения поставленной цели с предвиденным или непредвиденным результатом (последнее более характерно для преступлений, совершаемых по неосторожности). В структуре современной преступности все больше места занимают не единичные преступления, а совокупности преступлений определенной направленности отдельных лиц, а чаще организованной группы лиц, что приобретает характер криминального промысла, т.е. преступной деятельности. В наиболее развитой форме преступная деятельность представляет собой заранее планируемую и корректируемую систему действий по подготовке, совершению и сокрытию серии преступлений, осуществляемую для достижения постоянных пре-

[1] См., например: *Тіщенко В. В.* Наукові засади розробки методики розслідування // Актуальні проблеми держави і права. Одеса, 2007. Вип. 32. С. 17–22 ; *Его же*. Теоретичні і практичні основи методики розслідування злочинів. Одеса, 2007. С. 115–124.

ступных результатов и рассчитанную на достаточно продолжительный период[2]. В связи с этим в криминалистической методике расследования преступлений в зависимости от степени их сложности и масштабности должно содержаться не только описание и анализ способов совершения отдельного преступления, но и данные, ставшие итогом изучения механизма преступлений, а затем и исследования технологий преступной деятельности[3].

Рассмотрение деятельности по совершению преступления или многоэпизодной преступной деятельности как системы позволяет выделить следующие элементы: субъект деятельности, мотив и цель, объект, способы, средства и обстановка (условия), результат и последствия деятельности. Анализ и обобщение данных по названным элементам конкретных видов и групп преступлений, по взаимосвязям и взаимозависимостям этих элементов позволяет правильно определить структуру криминалистической характеристики преступлений.

Хотелось бы обратить внимание на значение изучения последствий преступной деятельности. Понятие последствий такой деятельности включает в себя все изменения в материальной обстановке, на отдельных объектах и в сознании людей, которые произошли вследствие действий и поведения преступника, его взаимодействия с другими участниками события на стадиях подготовки, совершения и сокрытия преступления. Такие изменения обусловливают возникновение следов-отражений как материальных, так и идеальных, соответствующих информационных источников и создают объективные предпосылки познания преступного события и его обстоятельств.

Важная роль в разработке и применении методик расследования на практике принадлежит криминалистической классификации преступлений. Она способствует полной и вместе с тем дифференцированной их криминалистической характеристике, пониманию генезиса криминальных и следственных ситуаций, по-

[2] См.: *Тіщенко В. В.* Злочинна діяльність як об'єкт криміналістики // Актуальні проблеми держави і права. Одеса, 2006. Вип. 27. С. 143.

[3] См., например: *Возгрин И. А.* Введение в криминалистику. СПб., 2003. С. 34–35 ; *Волобуєв А. Ф., Смелік В. Б.* Технологія злочинної діяльності як об'єкт криміналістичного дослідження // Теорія і практика судової експертизи і криміналістики. Харків, 2003. Вип. 3. С. 148–152.

становке криминалистических задач и разработке методик расследования различного уровня: межвидовых (комплексных), видовых, подвидовых (групповых), а также вневидовых. Криминалистический анализ и обобщение криминалистически значимых данных о преступлениях определенной категории образуют ее криминалистическую характеристику. Синтез таких данных создает возможность построения информационной модели исследуемой категории преступлений, что позволяет, в свою очередь, правильно подобрать познавательные средства и методы в расследовании. Криминалистическая характеристика преступлений способствует на начальном этапе расследования, который отличается нередко резким дефицитом информации, использованию ее данных для построения общих и частных версий, нахождению правильного направления расследования, определению наиболее вероятных мест нахождения следов и других носителей доказательственной информации. Подлежат дальнейшему углубленному исследованию корреляционные зависимости между элементами криминалистической характеристики, что способствует разработке типовых версий[4].

Другим объектом исследования в криминалистической методике расследования является деятельность по расследованию преступлений (следственная деятельность). Расследование представляет собой системную деятельность, которая осуществляется надлежащим субъектом во взаимодействии с другими официальными лицами и общественностью в рамках уголовно-процессуального закона и направлена на раскрытие, пресечение и предупреждение преступлений и привлечение всех виновных лиц к ответственности.

Система следственной деятельности противостоит системе преступной деятельности, выполняя не только защитные, «оборонительные» функции, но и функции активно-наступательные, направленные на ликвидацию, прекращение существования каждой выявленной и процессуально зафиксированной криминальной деятельности. В свою очередь, система преступной деятельности при-

[4] См., например: *Синчук О. В.* Розслідування вбивств : шляхи вдосконалення. Харків, 2005 ; *Его же. В.* Типові версії в структурі криміналістичної методики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харків, 2010.

меняет разнообразные способы противодействия расследованию, что вызывает необходимость разработки средств и методов его преодоления.

Задачи и функции методики расследования обусловливают анализ следственной деятельности как специфического процесса познания расследуемого события. Такое познание осуществляется путем поиска носителей информации и их последующего использования в качестве источников доказательств. Наряду с этим сложная система следственной деятельности требует умелой организации и эффективного управления. Вот почему в теории криминалистической методики важно выделять и исследовать такие аспекты следственной деятельности, как познавательный, информационный и организационно-управленческий[5].

Базируясь на изложенном, криминалистическую методику в качестве раздела криминалистики можно определить как систему научных положений и рекомендаций, направленных на изучение закономерностей механизма совершения преступлений различных категорий и разработку методов и технологий их выявления, раскрытия и расследования.

По своему содержанию криминалистическая методика расследования состоит из двух частей:

1) общие (теоретические, науковедческие и методологические) положения;

2) отдельные методики расследования конкретных категорий преступлений.

К первой части следует отнести определения объектов и предмета методики расследования, источников формирования, ее задач, принципы научной разработки отдельных методик расследования, определение их структуры, проблемы классификации таких методик для более эффективного использования в практической деятельности.

Необходимо отметить тесную зависимость между принципами разработки частных методик и определением структуры последних, что не всегда учитывается в литературе. Вопрос о структуре методик расследования отдельных видов и групп преступлений остается дискуссионным.

[5] См.: *Тіщенко В. В.* Теоретичні і практичні основи методики розслідування злочинів. Одеса, 2007. С. 89–114.

Так, одни авторы (А. Н. Васильев, И. Ф. Герасимов, Н. А. Селиванов и др.) включают в структуру методики криминалистическую характеристику рассматриваемой группы преступлений[6]; другие же не включают либо потому, что отрицается ее методическое значение (А. В. Дулов, Р. С. Белкин)[7], либо потому, что она рассматривается как основа разработки частных методик, но не в качестве элемента последних (В. П. Бахин, А. В. Шмонин)[8].

Неоднозначна и позиция ученых по отношению к такому элементу структуры частной методики, как обстоятельства, подлежащие доказыванию. В частности, высказывается мнение (Н. П. Яблоков, В. Ю. Шепитько, А.Г. Филиппов и др.) о необходимости рассмотрения названных обстоятельств в частных методиках наряду с криминалистической характеристикой преступлений[9]; как главенствующих в структуре методик расследования и исключающих необходимость включения в нее такой характеристики (С. Н. Чурилов)[10]; как ненужных в связи с включением в структуру частных методик криминалистической характеристики (И. А. Возгрин, Е. Р. Россинская)[11].

В структуру частных методик расследования традиционно включались этапы расследования, отражающие специфику следственной деятельности, в зависимости от решаемых задач того или иного периода расследования. Однако в последнее время В. Е. Корноуховым было высказано мнение о нецелесообразности выделения этапов расследования, поскольку понятие «этап» довольно

[6] См. подробнее: *Васильев А. Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 2002. С. 32 ; Криминалистика / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М., 2000. С. 344, 121.

[7] См. подробнее: Криминалистика / под ред. А. В. Дулова. Минск, 1996. С. 72–73 ; *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. М., 2001. С. 738–739.

[8] См. подробнее: *Бахин В. П.* Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. М., 2000. Вып. 1. С. 184–185 ; *Шмонин А. В.* Методология криминалистической методики. М., 2010. С. 99.

[9] См. подробнее: Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М., 2005. С. 546 ; Криміналістика / за ред. В. Ю. Шепітька. Харків, 2008. С. 270 ; Криминалистика / под ред. А. Г. Филиппова. М., 2004. С. 441.

[10] См.: *Чурилов С. Н.* Методика расследования преступлений : общие положения. М., 2009. С. 29.

[11] См.: *Возгрин И. А.* Указ. соч. С. 294 ; *Россинская Е. Р.* Криминалистика : курс лекций. М., 2006. С. 256.

размытое, не имеет своего содержания и не раскрывает закономерностей расследования преступлений[12]. С этим нельзя согласиться, поскольку этапность в расследовании – важный принцип постановки и решения различного типа задач, возникающих в процессе деятельности по раскрытию преступлений.

С. Ю. Косарев в структуре частных методик выделяет три блока ее элементов:

1) криминалистическая характеристика как информационная основа типичных частных методик;

2) особенности этапов расследования;

3) особенности содержания работы следователя (тактики следственных действий и тактических операций)[13].

Думается, что выделенные блоки не отражают в достаточной степени информационно-познавательную и организационно управленческую сущность расследования, требуют конкретизации и уточнения.

Предлагается также включать в качестве самостоятельных элементов структуры отдельной методики криминалистическую классификацию рассматриваемой группы преступлений, особенности доследственной проверки, вопросы использования специальных познаний, организацию взаимодействия следователя с общественностью, тактические особенности производства отдельных следственных действий и тактических операций, а также некоторые другие.

Многочисленные предложения по формированию структуры методик расследования отдельных категорий преступлений не получают должного обоснования. В их основу кладутся различные принципы образования такой структуры. Поиск подобных принципов приводит иногда к выводам, что единой структуры частных методик быть не может[14]. В другом случае утверждается, что существуют две структуры частных методик:

1) функциональная (пространственная), которая включает такие элементы, как следственная ситуация, планирование расследования, тактические комплексы, предмет доказывания;

[12] См.: *Корноухов В. Е.* Методика расследования преступлений : теоретические основы. М., 2008. С. 138–139.

[13] См.: *Косарев С. Ю.* История и теория криминалистических методик расследования преступлений. СПб., 2008. С. 270–336.

[14] См.: *Корноухов В. Е.* Указ. соч. С. 140.

2) временная, включающая три этапа расследования: первоначальный, последующий и заключительный[15].

С приведенными точками зрения нельзя согласиться. Методика расследования преступлений отдельных категорий преступлений является системным образованием, имеющим общую структуру для всех ее видовых и подвидовых разновидностей, поскольку она должна отражать закономерности поисково-познавательной деятельности. Различно лишь содержание составляющих ее элементов, т.к. оно отражает специфику такой деятельности в зависимости от характера, вида и других свойств преступлений. Вряд ли целесообразно в частных методиках выделять две структуры, это только усложняет и без того непростую проблему.

Представляется, что структура частных методик расследования должна соответствовать принципам построения последних. К ним нужно отнести:

1. Разработку методических рекомендаций с учетом криминалистической классификации преступлений, что позволит выявить и исследовать особенности соответствующей классификационной группы и создать методики различного уровня и характера: межвидовую (комплексную), видовую, подвидовую или вневидовую.

2. Разработку методик расследования на основе криминалистического анализа соответствующей категории преступлений и созданной их информационно-познавательной модели – криминалистической характеристики исследуемых преступлений.

3. Определение круга обстоятельств, подлежащих установлению по конкретной категории преступлений, для проведения целенаправленного, полного и всестороннего расследования.

4. Определение направления и задач расследования с учетом специфики следственной деятельности на разных этапах расследования: начальном, последующем и завершающем.

5. Разработку типовых версий и криминалистических алгоритмов их проверки и решения тактических задач на основе информационно-ситуационной оценки состояния расследования.

6. Рассмотрение и разработку специфических тактических и технических приемов и правил проведения следственных действий и тактических операций с учетом исследуемой категории преступлений.

[15] См.: *Шмонин А. В.* Указ. соч. С. 98–110.

Изложенные принципы построения частных методик расследования позволяют в их структуру включить следующие элементы:

1) криминалистический анализ соответствующей категории преступлений (их криминалистическая классификация и характеристика);

2) обстоятельства, подлежащие выяснению и установлению;

3) анализ и оценка исходных ситуаций на проверочном этапе расследования;

4) типовые следственные ситуации, типовые версии, задачи и средства их проверки и решения (криминалистические программы) на проверочном и начальном этапах расследования;

5) следственные ситуации, задачи и программы их решения на последующем и заключительном этапах расследования;

6) тактические и организационные особенности проведения следственных действий и тактических операций.

Названные элементы детализируются и наполняются соответствующим содержанием по каждой конкретной методике расследования.

В настоящее время пришло понимание того, что отдельные методики расследования должны формироваться на основе научно разработанных общих принципов, ведущих не только к единообразному подходу к структуре частной методики, но и к правильному ее выбору и применению на практике с учетом всего разнообразия преступлений и обстоятельств их совершения.

Наблюдаются различные подходы по осуществлению названной идеи. Так, С. Н. Чурилов предлагает совершенствование научных положений криминалистической методики осуществлять на основе разработки частного учения об общем методе расследования, представляющем собой единую систему отдельных теоретических построений и частных теорий, содержащихся в криминалистической методике[16]. Предлагаемый общий метод расследования включает три части:

1) криминалистический анализ исходной информации о преступлении и условиях его расследования;

2) индивидуализация криминалистических частнометодических рекомендаций, т.е. их адаптация к особенностям и условиям расследования по уголовному делу;

[16] См.: *Чурилов С. Н.* Указ. соч. С. 40.

3) реализация ситуационно обусловленной программы расследования, сопровождаемая контролем за изменением следственной ситуации со стороны следователя[17].

Как видим, структура общего метода расследования указывает лишь на общий подход к выбору направления и технологии расследования по конкретному уголовному делу, но не раскрывает его методологического содержания. Частная же методика расследования должна указывать на систему конкретных методов и средств, применяемых комплексно и в определенной последовательности в форме криминалистических алгоритмов, используемых для раскрытия соответствующих видов преступлений, что и является основной задачей криминалистической методики. Таким образом, идея формирования частных методик с помощью учения об общем методе расследования выглядит весьма абстрактной, сложной и недостаточно четкой теоретической конструкцией.

А. В. Шмонин различает принципы общих положений методики расследования и принципы построения частных криминалистических методик. В первую группу принципов он включает такие, которые обеспечивают в ходе расследования строгий учет всего методически существующего материала: требование соблюдения законности в процессе расследования, плановость, быстрота, оперативность и эффективность его ведения. Вторая группа принципов, по его мнению, состоит из общенаучных (принципы историзма, объективности и системности) и специальных принципов. Последние используются при построении частных методик. К ним ученый относит учет особенностей данного вида преступлений, степени типичности следственных ситуаций, специфики планирования по данной категории дел[18]. При этом не обосновывается, почему именно данные принципы существенны и специфичны при разработке криминалистических методик.

Ю. П. Гармаев и А. Ф. Лубин полагают, что создание конкретных (частных) методик расследования не будет достаточно эффективным без предварительного создания наукой общей (универсальной) методики или общей (базовой) модели деятельности по выявлению и расследованию преступлений[19]. Иначе говоря, ос-

[17] См.: *Тіщенко В. В.* Наукові засади розробки методики розслідування // Актуальні проблеми держави і права. Одеса, 2007. Вип. 32. С. 53.

[18] См.: *Шмонин А. В.* Указ. соч. С. 79.

[19] См.: *Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф.* Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений : теория и практика. СПб., 2006. С. 53, 79.

новным принципом формирования частных методик является использование базовой модели методики, структурно включающей такие элементы: четыре этапа расследования (проверочный, версионный, этап планирования, этап реализации плана проверки версий); задачи, соответствующие каждому из них; рекомендованные для решения этих задач мероприятия. Так, на проверочном этапе ставятся задачи по выявлению признаков готовящегося, совершаемого или совершенного преступления; по установлению следов расследуемого события, по анализу и проверке исходной информации. На версионном этапе (этапе формирования и разработки версий) разрабатываются задачи по формированию версий о предполагаемых субъектах и способах совершения деяний, а также по выведению следствий из этих версий. На этапе планирования расследования (проверки версий) возникают задачи по формулированию вопросов, подлежащих установлению и доказыванию; по подбору мероприятий, исполнителей, по последовательности выполнения мероприятий, сроков. Наконец, по отношению к этапу реализации плана проверки версий должны быть даны рекомендации по выполнению плана расследования, а также по выбору и использованию тактических, технических и иных средств[20].

Поясняя назначение названной структуры базовой методики, авторы пишут: «Криминалист-разработчик должен знать, по какой исследовательской программе формировать новую конкретную методику или модернизировать старую. Криминалист-практик вправе иметь перед глазами достаточно простой, понятный, а при визуальной форме представления – наглядный алгоритм действий»[21].

Представляется, что в данном случае идет речь именно о создании общей программы расследования, которая является структурной моделью расследования и в то же время образует элементный состав структуры частной методики расследования, хотя и не бесспорной. Так, строить все структурные элементы методики расследования только вокруг выдвижения и проверки версий, на наш взгляд, означает упущение из вида многих других существенных ее компонентов, в частности, определения предмета доказывания, уяснения следственной ситуации, постановки тактических задач и средств их решения. Комментарий авторов предлагаемой структуры базовой методики свидетельствует и о том, что они не видят различий в принципах теоретического формирования частных методик и в принципах применения или построения (в случае отсутствия ее научной разработки) на практике.

[20] См.: *Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф.* Указ. соч. С. 98–99.

[21] Там же. С. 98.

В. Е. Корноухов видит основной принцип разработки методики расследования преступлений в учете закономерностей поисково-познавательных процессов, зависимости содержания методики от степени противоречивости исходных ситуаций с предметом доказывания, что обусловливает соответствующую систему тактических задач и операций[22]. В целом с высказанным мнением можно согласиться, хотя оно и выражено в довольно общей форме. Однако данный принцип имеет непосредственное приложение скорее к практической, а не теоретической деятельности.

Исходя из анализа содержания монографии С. Ю. Косарева, мы пришли к выводу, что основные проблемы в разработке криминалистических методик расследования он видит в их систематизации и классификации и создании общей криминалистической методики[23], что сближает его взгляды в этом вопросе с упомянутой позицией Ю. П. Гармаева и А. Ф. Лубина.

Заслуживает внимания обращение ряда криминалистов к использованию технологического подхода в анализе следственной деятельности, деятельности по подготовке, совершению и сокрытию преступлений (преступной деятельности), а также в разработке методики расследования преступлений[24].

Рассмотрим соотношение понятий «методика расследования преступлений» и «технологии расследования». А. В. Шмонин под технологией расследования понимает «функционально обусловленную упорядоченную совокупность действий (деятельность) субъекта расследования, обеспеченных необходимыми ресурсами, реализуемых им в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений»[25]. По его мнению, понятие технологии рассле-

[22] См.: *Корноухов В. Е.* Указ. соч. С. 137–138.

[23] См.: *Косарев С. Ю.* Указ. соч. С. 238–269.

[24] См. подробнее: *Возгрин И. А.* Указ. соч. С. 34, 102–103 ; *Шмонин А. В.* Указ. соч. С. 350–376 ; *Журавель В. А.* Окрема криміналістична методика розслідування злочинів: форма, структура, зміст // Теорія і практика судової експертизи і криміналістики : зб. наук. пр. Харків, 2007. Вип. 7. С. 9 ; *Бахин В. П.* Указ. соч. С. 18–24.

[25] *Шмонин А. В.* Указ. соч. С. 350.

дования включает в себя не только криминалистическую методику (частные криминалистические методики), но и другие элементы, к которым он относит организационные мероприятия, криминалистическую технику и тактические комплексы[26]. Поэтому четвертый раздел криминалистики он считает целесообразно переименовать в «технологию расследования преступлений», включив в него совокупность типовых технологий расследования преступлений[27].

На наш взгляд, соотношение понятий «методика расследования преступлений» и «технология расследования» раскрывается автором неточно и противоречиво. Если в методике расследования можно использовать технологический подход, рассматривать ее с технологических позиций[28], т.е. выделять один из ее аспектов, то непонятно, почему технология становится более широким понятием, чем методика? Что касается организационных, тактических и технико-криминалистических аспектов, то методика расследования как раздел криминалистики их органически включает и в систему научных рекомендаций, и в структуру практической деятельности по расследованию отдельных видов (групп) преступлений.

А. В. Шмонин полагает, что методика расследования преступлений как совокупность методов проявляется в технологии расследования преступлений в форме целенаправленной деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, от следственной ситуации к предмету доказывания. В то же время следственная ситуация не включается в технологию расследования, так как она носит внешний характер[29]. Также говорится, что методика расследования выступает идеальной моделью технологии расследования. Кроме того, вопросы, связанные с технологией расследования, рассматривает в рамках криминалистической методики, о чем свидетельствует название, структура и содержание его работы.

Нельзя найти ясного ответа по данному вопросу и в работах В. А. Образцова. Так, в одном случае он пишет о том, что задача методики расследования состоит в том, чтобы дать систематизированное описание механизма, технологии деятельности следователя при

[26] См.: *Шмонин А. В*. Указ. соч. С. 410, 413–414.
[27] См.: Там же. С. 400, 411.
[28] См.: Там же. С. 400.
[29] См.: Там же. С. 414.

решении какой-либо задачи или всего комплекса поисково-познавательных задач предварительного расследования[30]. Следовательно, в методике расследования можно выделить технологический аспект следственной деятельности. В этой же работе исследователь обращается к отдельным методикам расследования различного уровня, но называет их моделями технологий расследования. Иначе говоря, понятие методики заменяется понятием технологии. В другой работе В. А. Образцов говорит о том, что понятие технологии расследования шире понятия методики, так как включает в себя не только методы, но и описание знаний, применение в комплексе и определенной последовательности различных методов, принципов, правил, информационных и технических систем, как на тактическом уровне, так и на стратегическом уровне[31].

Безусловно, данная проблема заслуживает дальнейшего научного исследования. Думается, что в деятельности по расследованию преступлений действительно можно выделить методические и технологические аспекты, которые образуют синтез процессуальных, организационных, оперативно-розыскных действий, познавательных методов и приемов, средств решения стратегических и тактических задач расследования. Методика указывает на направления, пути, зависимости в выборе и применении способов осуществления поисково-познавательной деятельности в типовых следственных ситуациях и на соответствующих этапах расследования. Технология позволяет оптимально осуществлять деятельность по расследованию преступлений благодаря организации и координации всех необходимых действий и мероприятий, выполняемых в соответствии с комплексной программой расследования по последовательному и поэтапному решению поставленных задач[32].

В криминалистической методике расследования можно выделить и другие весьма существенные проблемы, требующие своего разрешения. Их дальнейшее исследование послужит развитию как теории криминалистики, так и практики расследования и предупреждения преступлений.

[30] См.: *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 278.
[31] См.: *Шмонин А. В*. Указ. соч. С. 64.
[32] См.: *Тіщенко В. В., Барцицька А. А*. Теоретичні засади формування технологічного підходу в криміналістиці / співав. А. А. Барцицька. Одеса, 2012. С. 138–167.

А. В. Хмелёва

кандидат юридических наук, полковник юстиции

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ЭКСПЕРТНЫХ СЛУЖБ (НА ПРИМЕРЕ СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ) И ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКСПЕРТНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ

Геннадий Федорович Горский в своих трудах уделял особое внимание вопросам научной организации труда следователей, совершенствования взаимодействия следственных и экспертных подразделений (например, в работе «Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР»).

В современных условиях, совершения значительного количества тяжких и особо тяжких преступлений (только в 2012 г. на территории Воронежской области зарегистрировано 210 умышленных убийств и преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, 136 изнасилований и фактов совершения насильственных действий сексуального характера), существенно возрастает роль специальных экспертных знаний в доказывании по уголовным делам, объективизации процесса расследования. При этом в уголовном судопроизводстве активно используются достижения как новых, развивающихся областей науки и техники, так и усовершенствованные экспертные методы, давно применяемые экспертами. Во многом благодаря экспертному труду достигнута раскрываемость указанных преступлений, превышающая среднероссийский показатель: на 01.01.2013 она составила 90,3 % для убийств, почти 90 % – по фактам причинения тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом; раскрываемость изнасилований составила 93,5 %.

Организация взаимодействия с экспертными учреждениями – одно из основных направлений в работе отдела криминалистики

© Хмелёва А. В., 2014

Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Воронежской области[1]. Традиционно оно включает в себя оказание организационной, консультативно-методической и практической помощи следователям при назначении судебных экспертиз; отслеживание проблемных вопросов по этому направлению и оперативное принятие мер к их разрешению; изучение положительной и негативной практики взаимодействия с экспертами; оказание помощи в подборе экспертов-внештатников; подготовку информационных писем и методических рекомендаций; и др.

Работая в составе следственно-оперативных групп (СОГ), сотрудники отдела криминалистики обеспечивают своевременный выезд специалистов на место происшествия, координируют взаимодействие СОГ с экспертными службами, обеспечивают полноту и минимальные сроки расследования, прежде всего по особо тяжким резонансным преступлениям, например, при раскрытии насильственных действий сексуального характера в отношении малолетнего Раздымалина в Железнодорожном районе г. Воронежа, убийства Абанина в Таловском районе, Высотиной – в Новоусманском районе, Рыжковой – в Левобережном районе г. Воронежа, Ушаковой – в Верхнемамонском районе, Веретяк – в Бобровском районе, Зленко – в Хохольском районе; изнасилования Зыковой в Железнодорожном районе г. Воронежа, Галиной – в Таловском районе и др. При расследовании преступлений сексуальной направленности ведется значительная работа по формированию базы данных ДНК заподозренных лиц, назначению судебных генотипоскопических экспертиз и исследований в судебно-экспертных учреждениях (СЭУ) г. Москвы и г. Белгорода, а также в Воронежском областном Бюро судебно-медицинской экспертизы (СМЭ), аналогичная работа проводится по убийствам, возбужденным по фактам безвестного исчезновения лиц, а также в ходе процессуальных проверок по сообщениям о безвестном исчезновении.

Всего в 2012 г. следователями СУ было назначено 4549 судебных экспертиз, что превышает показатель предыдущего года. Подавляющее большинство экспертиз выполнено в судебно-экспертных учреждениях Министерства здравоохранения РФ, пре-

[1] Членом квалификационной комиссии Экспертно-криминалистического центра ГУ МВД РФ по Воронежской области является заместитель руководителя отдела криминалистики А. В. Хмелёва.

жде всего в Бюро СМЭ – около 2404 экспертиз (53 %). В целом количество выполненных экспертиз возросло в первую очередь за счет судебно-биологических и генотипоскопических экспертиз (Бюро СМЭ), возросло количество автотехнических, почерковедческих экспертиз, исследований волокнистых материалов (Воронежский региональный центр судебной экспертизы, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД РФ по Воронежской области).

В Воронежской области сложилась практика выезда на место происшествия (в том числе в районы области) по резонансным делам руководства Бюро СМЭ, экспертов-биологов, цитологов. Они участвуют в осмотрах мест происшествий и вещественных доказательств, проводят экспресс-исследования биологических объектов, что способствует уже на первоначальном этапе расследования: выдвижению обоснованных версий относительно лиц, совершивших преступление, орудия преступления, механизма действий преступника на месте; планированию и проведению следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий по «горячим следам». Подчас работа судебных медиков и членов следственно-оперативных групп проходит в круглосуточном режиме.

По выявленным недостаткам в работе экспертов своевременно информируются руководители СЭУ, в их адрес направляется информация с критическими замечаниями. Так, в 2012 г. имели место три повторные судебно-медицинские экспертизы в отношении вопроса о причине смерти лиц с противоположными выводами, а также одна лингвистическая, выполненная негосударственными экспертами. Ошибочные выводы, в свою очередь, повлекли принятие незаконных решений о возбуждении уголовного дела, применении к обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу – в двух случаях, а в остальных – незаконный отказ в возбуждении уголовного дела. По информации руководства Следственного управления (далее – СУ), начальником Бюро СМЭ проведена проверка и приняты дополнительные меры по недопущению подобных негативных фактов.

Руководители отдела криминалистики – обязательные участники итоговых совещаний в экспертных учреждениях, на которых по инициативе СУ поощряются эксперты, внесшие существенный вклад в раскрытие и расследование преступлений.

В соответствии с планом работы отдела криминалистики ежемесячно проводятся (с выездом в СЭУ г. Воронежа) проверка и анализ взаимодействия следствия и экспертов на предмет: своевременности назначения судебных экспертиз и доставки объектов исследования экспертам, правильности постановки вопросов, своевременности получения заключений экспертиз и актов исследования, вещественных доказательств; присутствия следователей на вскрытии трупов; выявляются недостатки по упаковке и хранению представленных вещественных доказательств и др. Выявленные случаи волокиты и другие недостатки работы следователей при назначении экспертиз, вопросы экспертного взаимодействия, требующие единого подхода, а также разъяснение новелл законодательства в данной области находят отражение в Информационных письмах отдела криминалистики (за 2012 г. подготовлено 9 таких писем, за 6 месяцев 2013 г. – 6). Они публикуются в обязательном порядке в ежеквартальном выпуске «Вестника Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Воронежской области». При наличии у следователей систематических упущений при взаимодействии с экспертами отделом криминалистики инициируется вопрос об их привлечении к материальной или дисциплинарной ответственности (в 2013 г. 5 следователей были привлечены к материальной ответственности).

В то же время изучается и пропагандируется положительный опыт использования специальных знаний при расследовании преступлений. Так, подготовлено письмо «О положительном опыте использования ДНК-профилей в раскрытии и расследовании особо тяжких преступлений», которое опубликовано в «Вестнике Следственного комитета Российской Федерации» (2012, № 2). Ежегодно по результатам уходящего года обобщается положительный опыт назначения судебных экспертиз и использования заключений экспертов в формировании и расширении доказательственной базы по уголовным делам, результаты анализа отражаются в Информационных письмах отдела.

Следственным управлением предпринимаются меры к сокращению сроков исследований и экспертиз. Однако Правила производства судебно-медицинских экспертиз (п. 51) предусматривают, что доставку материала для специальных исследований (например, гистологических) обеспечивает эксперт, проводивший вскрытие

трупа, потому отдел криминалистики снабдил все межрайонные следственные отделы мини-холодильниками, в том числе автомобильными, для скорейшей доставки объектов в специальные лаборатории Бюро СМЭ из районов области.

Руководством Бюро СМЭ подписан приказ «О сроках проведения исследований (экспертиз) трупов в случаях невозможности установления признаков рода смерти (криминальной или иной причины) без наличия результатов лабораторных исследований». Установлен порядок, согласно которому, как правило, акт исследования трупа с выводами о причине смерти, должен быть готов в течение 3-х суток. В случае затруднения в определении причины смерти срок исследования продлевается до 30 суток.

В новых Правилах производства судебно-медицинских экспертиз, отраженных в приказе министра здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н, в п. 15 отмечено, что срок экспертизы устанавливает следователь, назначающий экспертизу, или суд, вынесший соответствующее определение. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ и Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» такого положения нет. Может, эту более позднюю новеллу следует внести в данные нормативные документы? Например, в Арбитражном процессуальном кодексе РФ в ст. 107 говорится, что в определении о назначении экспертизы должен быть решен вопрос о сроке ее проведения. Представляется, что в таких случаях следователь, проконсультировавшись с руководством экспертного учреждения (с учетом технологических сроков исследования, нагрузки экспертов и др.), устанавливает срок производства экспертизы в постановлении о назначении экспертизы (например, максимальный, в пределах которого должна быть выполнена экспертиза). Данный вопрос был рассмотрен на межведомственном совещании при руководителе СУ с участием руководителей СЭУ области. 7 сентября 2012 г. руководителями СУ, прокуратуры и ГУВД области, Воронежского областного Бюро СМЭ подписан совместный приказ «Об организации межведомственного взаимодействия по раскрытию и расследованию тяжких и особо тяжких преступлений против личности», в котором регламентированы обязанности руководителей территориальных следственных отделов, работников СУ СК РФ и ГУ МВД РФ по Воронежской области, руководителя и экспертов Воронежского областного Бюро СМЭ, в том числе при взаимодействии по вопросам использования специальных знаний экспертов и специалистов при расследовании особо тяжких преступлений. Так, п. 1.11 и 3.3 приказа устанавливают:

«По каждому преступлению против личности в пятидневный срок обеспечивать назначение комплекса экспертных исследований всех вещественных доказательств и следов, изъятых при проведении осмотра места происшествия и неотложных следственно-оперативных мероприятий. Требовать присутствия одного из членов СОГ при исследовании трупа.

При направлении объектов (трупов, живых лиц, вещественных доказательств, материалов дел) на экспертизу (исследование) в Воронежское областное бюро СМЭ и экспертно-криминалистические подразделения полиции, в постановлении (направлении) о назначении экспертизы (исследования) определять и указывать срок окончания экспертизы (исследования) и изготовления заключения (акта), в срок, не превышающий 3-х дней со времени выполнения всех необходимых исследований (в т.ч. лабораторных).

Руководителям структурных подразделений бюро СМЭ при приеме объектов на экспертизу (исследование) немедленно в форме распоряжения поручать их производство конкретным экспертам с составлением временного графика их проведения, установлением даты составления выводов (заключений) и изготовления документов – заключений (актов) исходя из трудоемкости, технологических возможностей, квалификации экспертов и потребностей правоохранительных органов, в пределах, не превышающих срока, установленного следователем (дознавателем). Временной график и дата окончания экспертиз (исследований) с изготовлением документов – заключений (актов) являются обязательными для судебно-медицинских экспертов. Информировать органы следствия о назначенной дате окончания экспертизы (исследования) в целях оптимизации планирования расследования».

Волокита при назначении судебных экспертиз, объективность ссылок на длительные сроки исследований проверяются сотрудниками отдела криминалистики и отдела процессуального кон-

троля СУ при изучении уголовных дел, при подготовке к оперативным совещаниям по нераскрытым преступлениям, при продлении сроков следствия.

Известно, что законом предусмотрена возможность назначения судебных экспертиз в негосударственные судебно-экспертные учреждения. Обычно следователи обращаются к экспертам-внештатникам или в соответствующие организации в случаях, когда эксперты требуемых специальностей в штате государственных СЭУ отсутствуют (товароведы, гидрологи, специалисты по оценке ювелирных изделий, энтомологи, психологи, лингвисты и др.). Так, в 2012 г. негосударственными СЭУ выполнено около 45 экспертиз, что не превышает 1 % от общего количества назначенных экспертиз. Отделами криминалистики и процессуального контроля контролируется обоснованность назначения экспертиз в негосударственные СЭУ или экспертам-внештатникам и сумма договора. В 2012 г. оплата экспертиз, выполненных негосударственными экспертами, составила 2 млн 289 тыс. рублей (оплачено 45 экспертиз и 75 участий сведущих лиц в работе комиссий экспертов).

Правоохранительные органы области крайне заинтересованы в расширении компетенции государственных СЭУ, увеличении специальностей экспертов, например, проведении ими новых видов исследований: лингвистических (по оскорблению, клевете, высказываниям и призывам экстремистского характера) и психологических (решение экспертами-психологами не только традиционных вопросов об аффекте, индивидуальных особенностях подэкспертного и т.д. в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы, но и иных вопросов судебной психологии: установление формальных и неформальных лидеров в преступных сообществах, свободно ли или под давлением давал показания обвиняемый при проведении следственного действия, например, проверки показаний на месте). Подобные экспертизы активно назначаются следователями первого отдела по расследованию особо важных дел под руководством М. С. Цуроева (они проводятся на платной основе преподавателями Воронежской педагогической академии). Решение такого вопроса, как определение скорости движения транспортных средств по выявленным повреждениям на них, проведение товароведческих и некоторых технических экспертиз, к сожалению, штатными экспертами в настоящее время в государственных СЭУ области не проводятся.

Неоднократно СУ обращалось к руководству ГУВД с предложением принять меры по укреплению кадрового состава ЭКЦ, сокращению сроков производства фоноскопических, компьютерных экспертиз, освоению исследований биологических объектов ДНК-методом и исследований запаховых следов. Эти вопросы последовательно, по мере предоставляемых возможностей, находят свое разрешение. В частности, из полученного ответа начальника ГУВД следовало, что такие исследования будут освоены экспертами ЭКЦ в 2012 г., а в 4-м квартале 2013 г. генотипоскопическое отделение ЭКЦ начнет работу.

Еще один острый вопрос – это дефицит кадров судебных медиков. В некоторых районах области их не хватает, в других – просто нет. Это не позволяет выполнять требования уголовно-процессуального законодательства об обязательном участии судебного медика в осмотре трупа, его эксгумации. Приглашенные в таких случаях врачи не обладают необходимыми знаниями и навыками в области судебной медицины и не могут оказать помощь следователю в описании имеющихся повреждений на трупе, констатировать и зафиксировать посмертные признаки.

По этим вопросам, а также в связи с явно недостаточным материально-техническим обеспечением экспертной деятельности, что отрицательно сказывается на сроках производства экспертиз, выполняемых судебными медиками, руководство СУ обратилось к губернатору области, руководству Департамента здравоохранения правительства области.

Позитивным моментом во взаимодействии следствия и судебных экспертов явилось начало работы с 2007 г. отделения генетической экспертизы в областном Бюро СМЭ. Это направление дает огромную перспективу развития судебной медицины, результативности предварительного следствия. Если в 2007 г. следователями была назначена 51 такая экспертиза, то в 2012 г. – свыше 350. Однако весь потенциал данного вида экспертизы не используется ввиду недостаточного материально-технического оснащения Бюро СМЭ в этой части, что уже отмечалось.

Как положительный момент следует отметить начало практического исполнения положений Федерального закона от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». Отдел криминалистики заинтересован

в развитии подобных исследований и на базе ЭКЦ ГУВД области. Сейчас специалисты-биологи данного учреждения проводят исследования крови, слюны, пота, волос на уровне установления группы крови. Однако проведение генных исследований в этом учреждении избавило бы следствие от необходимости обращаться для выделения ДНК-профилей и постановки их на региональный учет в ЭКЦ другой, Белгородской области.

Совместно с руководством и экспертами областного Бюро СМЭ формируется местный архив ДНК-профилей преступников, совершивших особо тяжкие преступления против жизни и половой неприкосновенности граждан, а также проводится работа по выявлению и исследованию биологических объектов по уголовным делам, что должно обеспечить раскрытие преступлений прошлых лет, выявление их серийности, а также положительно сказаться на работе по безвестно исчезнувшим гражданам, идентификации неопознанных трупов.

Подготовлено и направлено на места Информационное письмо № 213/07-10 «Об использовании геномной информации при расследовании преступлений, связанных с идентификацией личности и исследованием биологического материала».

Эта работа уже приносит результаты. Так, были раскрыты изнасилования «прошлых» лет: несовершеннолетней Иванчиковой, совершенное в Борисоглебском районе в 2005 г., и изнасилование Добросоцкой, совершенное в 2006 г. в Железнодорожном районе г. Воронежа. В 2012 г. проверкой по базе ДНК-профилей ЭКЦ ГУ МВД РФ по Белгородской области было установлено лицо, совершившее сексуальные преступления в отношении Елагиной в Левобережном районе г. Воронежа.

В соответствии с указаниями отдела криминалистики по уголовным делам прошлых лет назначено значительное количество молекулярно-генетических экспертиз по объектам биологической природы. Отдел криминалистики обращался к руководителям межрайонного следственного отдела (МСО) и следственного отдела (СО), а также в Воронежское Бюро СМЭ с тем, чтобы были проведены «ревизии» вещественных доказательств по уголовным делам «прошлых лет», которые ранее не исследовались высокотехнологичными методами, по многим объектам выделен ДНК-профиль, который поставлен на учет.

В связи с заданием, содержащимся в Информационном письме СК № 246/17765-10 от 19 июля 2010 г., в Главное управление криминалистики Следственного комитета РФ (далее – СК РФ) по мере получения судебных биологических экспертиз с количеством 9 и более локусов ДНК-профиля, копии заключений направлялись в отдел биологических исследований Главного управления криминалистики для формирования федеральной базы данных. Практика следственного управления области, уровень взаимодействия отдела криминалистики с экспертными учреждениями по этому направлению положительно оценены в Информационных письмах и обзорах СК РФ (№ 211-30554-10 и № 214/1-2340-11 от 2 февраля 2011 г.).

Отдельные проблемы во взаимодействии с экспертами не удается разрешить на протяжении нескольких лет, и характерны они не только для Воронежской области. Прежде всего, это нерешенность вопроса об охране отделения Воронежского областного клинического психоневрологического диспансера для лиц, находящихся под стражей, и в отношении которых назначены стационарные судебно-психиатрические экспертизы. Проект закона предполагалось рассмотреть в первом чтении в октябре 2013 г. Пока же СУ обратилось к руководству Воронежского областного психоневрологического диспансера с ходатайством о расширении комиссии, проводящей амбулаторные экспертизы, укреплении ее ведущими специалистами с тем, чтобы максимально снизить количество назначений стационарных экспертиз в тех случаях, когда комиссия, проводившая амбулаторную экспертизу, не смогла ответить на по-ставленные вопросы. Стоит отметить, что количество назначений в Курский региональный центр для производства стационарной экспертизы снизилось с 27 в 2007 г. до 15–17 в последние годы.

Назрела настоятельная необходимость внесения дополнений и изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, а также принятия отдельного закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, в котором должны регулироваться вопросы производства экспертиз и исследований как государственными судебными экспертами, так и негосударственными (юридическими и физическими лицами), а также деятельность такого участника уголовного процесса, обладающего специальными знаниями, как специалист.

В 2011 г. в штат отдела криминалистики введена должность эксперта, выполняющего финансово-экономические, прежде всего налоговые, экспертизы. Им подготовлены методические рекомендации по назначению таких экспертиз и вопросам взаимодействия следователя с оперативно-розыскными и налоговыми службами при расследовании налоговых преступлений; проведены занятия со следователями с выездом в следственные подразделения. Реальную помощь следствию оказывает эксперт-полиграфолог отдела криминалистики, проводящий психофизиологические исследования, результаты которых оформляются в виде заключений специалиста. Анализ работы полиграфолога показывает, что эффективность психофизиологических исследований возросла. Так, в 2012 г. его заключения сыграли решающую роль в раскрытии и расследовании убийства Жукова (СО по Коминтерновскому району г. Воронежа), убийства Никулиной (Бобровский МСО), убийства Рыжковой (СО по Железнодорожному району г. Воронежа), убийства Тяглова (Бобровский МСО), убийства Геминиевского (Павловский МСО), др. Экспертом-полиграфологом подготовлены методические рекомендации следователям о подготовке, назначению психофизиологических исследований и ошибках, допускаемых при этом, которые помещены в «Вестник Следственного управления...».

Руководству СЭУ регулярно направлялась информация по процессуальным вопросам использования специальных знаний при расследовании преступлений, письма с критическими замечаниями по качеству и срокам экспертиз, их оплате и др. Начальнику Воронежского Регионального центра судебной экспертизы направлено обращение по поводу производства судебно-баллистических экспертиз (в отчетном году их в РЦСЭ выполнено 61), так как следователи столкнулись с организационными трудностями при их назначении.

Ежемесячно заместителем руководителя отдела криминалистики оформлялись договоры об участии врачей Воронежской областной клинической больницы № 1 и Воронежского ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Воронежской области» (областной санэпидстанции) в комплексных комиссионных экспертизах спиртосодержащей жидкости. В практике правоохранительных органов производства этой экспертизы на договорной основе к работе комиссии экспертов ЭКЦ ГУ МВД РФ по Воронежской области

привлекаются данные специалисты для решения вопроса о последствиях потребления жидкости с выявленными экспертами ЭКЦ посторонними включениями, формулируется общий вывод в контексте диспозиции ст. 238 УК РФ (о том, что исследуемая жидкость не отвечает требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей).

Большая работа проведена отделом криминалистики по организации производства комиссионных экспертиз по определению половой зрелости несовершеннолетних в связи с изменением уголовного законодательства 01.03.2012. Для производства данных экспертиз в комиссию экспертов привлекаются детский гинеколог и детский уролог, исследования проводятся на платной основе (для привлеченных в комиссию специалистов).

Отделом криминалистики своевременно были проинформированы эксперты Воронежского областного психоневрологического диспансера об изменениях в ст. 196 УПК РФ и установлении (п. 3–1) обязательности выяснения экспертным путем наличия у подозреваемого (обвиняемого), совершившего сексуальные преступления в отношении малолетних детей, расстройства сексуального предпочтения (педофилии). Этот вопрос ставится на разрешение комиссионной комплексной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы.

Во исполнение Указания Председателя СК РФ от 11 августа 2011 г. № 8/208 «О совершенствовании организации использования запаховых следов человека при расследовании преступлений» и аналогичного Указания руководителя СУ СК РФ по Воронежской области от 2 сентября 2011 г. № 144/206 отделом криминалистики принимаются меры к более активному использованию следователями запаховых следов в расследовании преступлений. Вопросы назначения ольфакторных экспертиз в обязательном порядке рассматриваются на семинарах и стажировках следователей. В 2012 г. назначено 4 экспертизы запаховых следов человека, в том числе, по убийству Буряк в Каширском районе, совершенном в 2012 г.

Отделом криминалистики неоднократно оказывалась помощь, в том числе путем обращения в управление организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики СК РФ, в назначении сложных судебных экспертиз, производство которых в СЭУ нашей области не осуществляется

(уголовное дело № 11118047, уголовное дело № 118019 – СО по Железнодорожному району г. Воронежа, № 12808028 – 2-й отдел по расследованию особо важных дел СУ), а также консультативная и практическая помощь по назначению судебных экспертиз в центральные СЭУ (г. Москва). Неоднократно следователи СУ назначали судебно-медицинские молекулярно-генетические экспертизы и исследования экспертам отдела медико-биологических исследований Главного управления криминалистики СК РФ. Проверкой по базе данных было установлено лицо, совершившее изнасилование несовершеннолетней Иванчиковой (2005 г.), в дальнейшем генотипоскопическая экспертиза, выполненная экспертами данного отдела, подтвердила данный вывод. Эффективная помощь неоднократно оказывалась сотрудниками 2-го отдела криминалистического сопровождения следствия: при их выездах в СУ по ряду уголовных дел проводилась гипнорепродукция памяти свидетелей и потерпевших, составлялись композиционные портреты преступников. Полученные результаты, в том числе, способствовали раскрытию ряда преступлений, например, убийства матери и сына Кузнецовых, совершения насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетней Пермяковой, и др.

Следственным управлением был изучен распространенный СК РФ опыт СУ г. Санкт-Петербурга по созданию межведомственного центра психологической поддержки несовершеннолетних, использованию специалистов центра для проведения психологических исследований, экспертиз, участию специалистов-психологов в следственных действиях, проводимых с малолетними и несовершеннолетними. В Воронежской области предлагается создать такой центр на базе ГБУ «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж), проект соглашения о взаимодействии с данным учреждением направлен следственным управлением губернатору области.

В соответствии с письмом от 23 мая 2013 г. № 218/2-18340-13/11 заместителя Председателя СК РФ и во исполнение п. 5 решения коллегии СК РФ от 28 ноября 2012 г. № 11 «О практике взаимодействия с подразделениями МВД России, государственными органами и иными организациями, средствами массовой информации при выявлении и расследовании преступлений, связанных с безвестным исчезновением несовершеннолетних (малолетних)

граждан» по инициативе отдела криминалистики были заключены (поквартально) договоры с детскими психологами Воронежского областного психоневрологического диспансера для обеспечения психологического сопровождения следствия по уголовным делам по преступлениям, совершенным в отношении несовершеннолетних или несовершеннолетними.

Данные специалисты участвуют в уголовном процессе как на этапе доследственной проверки, так и во время проведения с детьми следственных действий, что позволяет получать более достоверную и полную информацию о совершенном преступлении, оказывать ребенку психологическую поддержку, устанавливать с ним психологический контакт.

Оборудован кабинет для работы с потерпевшими несовершеннолетними (малолетними), а также несовершеннолетними лицами, совершившими преступления. Он представляет собой две смежные комнаты, оснащенные стеклом односторонней видимости: помещение для работы с детьми и служебный кабинет следователя и специалиста.

Тесное сотрудничество осуществляется с экспертными учреждениями в подготовке для следователей методических материалов, учебе молодых следователей; отделом криминалистики организуются выступления экспертов ЭКЦ ГУВД, Воронежского РЦСЭ, Воронежского областного психоневрологического диспансера. В «Вестнике Следственного управления Следственного комитета РФ по Воронежской области» опубликованы методические рекомендации по назначению компьютерно-технических экспертиз, предоставленные ЭКЦ ГУ МВД РФ по Воронежской области и по назначению фоноскопических экспертиз, разработанные ГУК СК России.

Вопросы назначения судебных экспертиз и знание их следователями проверяются при сдаче зачетов во время следственных стажировок, освещаются на семинарах следователей.

О. Ю. Цурлуй

кандидат юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства по уголовному делу, с одной стороны, не является новым понятием для науки криминалистики[1], с другой – не является понятием достаточно исследованным. Обусловлено это прежде всего тем, что «криминалистика долгое время рассматривалась как техническая, прикладная наука относительно уголовного процесса»[2], создавалась как «наука для предварительного следствия, судебное разбирательство традиционно оставалось вне поля зрения большинства ученых-криминалистов»[3].

[1] См., например: *Ароцкер Л. Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964. 232 с. ; *Гарин К.* Криминалистику – на службу судебному следствию // Социалистическая законность. 1955. № 9. С. 13–15 ; *Кореневский Ю. В*. Криминалистика и судебное следствие // Советское государство и право. 1987. № 4. С. 56–64 ; *Егоров К. С*. Проблемы криминалистического обеспечения судебного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 232 с. ; *Кисленко С. Л*. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 217 с. ; *Кобылинская С. В*. Криминалистические проблемы организации судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 175 с. ; *Корчагин А. Ю*. Криминалистические проблемы судебного разбирательства уголовных дел // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. М., 2007. Вып. 1 (21). С. 27 ; *Сычёва О. А*. Тактика судебного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. 219 с. ; *Айрапетян А. Г*. О необходимости интеграции криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения судебных стадий уголовного судопроизводства // Криминалистика и судебная экспертиза : наука, обучение, практика / под общ. ред. С. П. Кушниренко. СПб., 2012. С. 457–460.

[2] *Баев О. Я.* К дискуссии об объекте, предмете и субъектной системе современной криминалистики // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2013. Вып. 15. С. 21 ; и др.

[3] *Корчагин А. А*. К вопросу о понятии криминалистической характеристики судебного следствия по делам об убийствах и ее значении // Рос. следователь. 2011. № 1. С. 17.

© Цурлуй О. Ю., 2014

По мере формирования и изменения определения понятия «криминалистика» менялся и предмет данной науки. Первоначально в него входили «наиболее целесообразные способы и приемы применения методов естественных наук и технических знаний к исследованию преступлений и установлению личности преступника»[4]. Однако в процессе развития и становления криминалистики ее предмет, ввиду объективных причин, был существенно расширен, в настоящее время он включает в себя: 1) закономерности механизма преступлений, возникновения информации о преступлении и его участниках, а также закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств; 2) специальные средства и методы судебного исследования доказательств и предотвращения преступлений, разрабатываемые в криминалистике[5].

Исследование предмета криминалистики не является целью данной статьи, однако без указания на него не представляется возможным проанализировать понятие криминалистического обеспечения судебного разбирательства.

В связи с расширением предмета науки криминалистики необходимо говорить и об активизации исследования проблем применения криминалистических знаний в процессе судебного разбирательства уголовных дел.

Процессуальная деятельность в рамках судебного разбирательства не менее многогранна, сложна и существенна для реализации назначения уголовного судопроизводства, чем предварительное расследование. В рамках судебного разбирательства задействованы равноправные стороны и независимый судья (суд), который на-

[4] *Жижина М. В., Ищенко Е. П.* История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2012. № 3. С. 15.

[5] Подробнее о предмете криминалистики см.: *Баев О. Я*. К дискуссии об объекте, предмете и субъектной системе современной криминалистики // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2013. Вып. 15. С. 25–338 ; *Жижина М. В., Ищенко Е. П*. История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2012. № 3. С. 14–26 ; *Карагодин В. Н*. Формирование и развитие современных представлений об объекте и предмете криминалистики // Там же. С. 47–58 ; *Кустов А. М*. Научный взгляд на предмет и объекты российской криминалистики // Там же. С. 59–63 ; *Смахтин Е. В*. Предмет криминалистики : соотношение с материальными процессуальным уголовным правом // Рос. следователь. 2009. № 1. С. 2–4 ; и др.

делен действующим уголовно-процессуальным законодательством достаточными полномочиями, в том числе по осуществлению доказывания. Судья, отмечает С. А. Ялышев, принимающий дело к своему производству, «должен произвести анализ собранных по делу материалов, организовать судебное следствие, провести его, а затем оценить полученные результаты. Знания в области криминалистики и рекомендации криминалистов для него не менее значимы, чем знания в области уголовного права и процесса»[6].

Более того, «тактика проведения судебных действий следственного характера в судебном заседании отличается от предварительного следствия. Необходимым условием объективного познания события преступления в суде является знание тактики проведения следственных действий, умение планировать проведение как отдельных следственных действий, так и тактику поддержания государственного обвинения и защиты в целом, методов, направленных на всестороннее исследование обстоятельств преступления»[7].

Изложенное выше позволяет констатировать необходимость и важность исследования криминалистического обеспечения судебного разбирательства и в первую очередь определения данного понятия.

Прежде всего, отметим, что под определением обычно понимается логический прием, позволяющий: а) отличать, отыскивать, строить интересующий нас предмет; б) уточнять значение уже введенного в науке термина, а также формировать значение вновь выведенного термина[8]. Для нашего исследования мы используем первую часть данного логического приема.

Кроме того, определение должно быть грамотно составлено (быть ясным, без фигуральных и метафизических выражений) и отвечать правилам логичности (быть однозначным, непротиворечивым).

С учетом научно-практического предназначения искомого определения оно должно отвечать на вопрос: что определяется (т.е. является реальным), указывать на объект, описанный через его существенные признаки (быть семантическим), отражать, что определяется и посредством чего определяется (быть явным) и создаваться в сфере научно-теоретического познания (т.е. быть теоретическим).

[6] *Ялышев С. А.* О некоторых нерешенных проблемах современной российской криминалистики // Рос. следователь. 2012. № 12. С. 14–16.

[7] *Корчагин А. А.* К вопросу о понятии криминалистической характеристики судебного следствия по делам об убийствах и ее значении // Рос. следователь. 2011. № 1. С. 18.

[8] См., например: *Войшвилло Е. К.* Понятие. М., 1967. С. 115–117 ; *Горский Д. П.* Определение. М., 1974. С. 87–89 ; *Строгович М. С.* Логика. М., 1949. С. 62–64.

Начать следует с выяснения того, что представляет собой понятие «обеспечение» в широком смысле. Толковые словари русского языка определяют его как снабжение чем-либо в нужном количестве, создание всех необходимых условий для осуществления чего-либо, придание чему-либо возможного, действительного, реального выполнения, гарантирование надежности, прочности, сохранности чего-либо[9].

В экономике под обеспечением понимается совокупность мер и средств, создание условий, способствующих нормальному протеканию экономических процессов, реализации намеченных планов, программ, проектов, поддержанию стабильного функционирования экономической системы и ее объектов, предотвращению сбоев, нарушений законов, нормативных установок, контрактов[10].

Социальное обеспечение представляет собой мероприятия, фонды по оказанию материальной помощи и обслуживанию населения, социальные гарантии по реализации социальных прав членами общества[11].

Психологическое обеспечение включает комплекс мероприятий, направленных на оценку характера и выраженности определяющих профессиональную пригодность и работоспособность профессионально значимых психологических и психофизиологических качеств, в той мере, в которой они такими качествами определяются, на поддержание необходимого уровня этих качеств в процессе профессиональной деятельности, коррекцию возникающих психофизиологических нарушений, предотвращение расстройств психического и соматического здоровья[12].

[9] См. подробнее: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 666 ; *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 4-е, доп. М., 1997. С. 427 ; Толково-энциклопедический словарь. СПб., 2006. С. 1212.

[10] См.: *Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. 2-е изд. М., 2006. С. 287.

[11] См.: *Фролов С. С.* Словарь ключевых социологических терминов. М., 1999. С. 256.

[12] См.: Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М., 2003. С. 398–399.

Математическое обеспечение осуществляется посредством совокупности математических методов, моделей и алгоритмов обработки информации, используемых при решении функциональных задач и в процессе автоматизации проектировочных работ БИС[13].

Программное обеспечение это совокупности программ и программных комплексов, посредством которых происходит преобразование алгоритмов программы пользователя, записанных на алгоритмических языках высокого уровня, в последовательность команд, понимаемых электроникой ЭВМ, организуется автоматическое прохождение задач пользователем на ЭВМ, обеспечивается эффективное использование оборудования ЭВМ[14].

Следует отметить, что понятие «обеспечение» встречается в различных отраслях российского права. Например, в гражданском и арбитражном процессах предусмотрен институт обеспечения доказательств, который представляет собой закрепление и сохранение для судебного разбирательства сведений, имеющих значение для дела; обеспечение иска, т.е. принятие судом мер, которые гарантируют возможность реализации исковых требований в случае удовлетворения иска; обеспечение исполнения обязательств – система средств, предоставляющих кредитору дополнительные гарантии получения им либо надлежащего исполнения обязательства, либо возмещения убытков[15].

Анализ данных определений позволяет констатировать, что обеспечение в каждом из указанных институтов представляет собой важные гарантии защиты прав и интересов граждан и юридических лиц, предусмотренных законодательством.

Обобщив изложенное, можем сделать вывод, что обеспечение представляет собой совокупность средств и условий, создающих реальную возможность осуществления какого-либо процесса, гарантирующего его надежность и эффективность. Данные средства, методы и условия вырабатываются именно в рамках науки, которая обеспечивает тот или иной процесс, а также разрабатывает наиболее эффективные способы использования указанных средств и методов.

[13] См.: *Прохоров Ю. В*. Математический энциклопедический словарь. М., 1988. С. 398–399.

[14] См.: *Саймон Р*. Энциклопедия программиста. СПб., 2004. С. 603–604.

[15] См., например: Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 613 ; Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2001. С. 635.

Вторым элементом понятия «криминалистическое обеспечение» выступает его определяющий признак – криминалистический, позволяющий употреблять термин «обеспечение» именно в рамках криминалистической деятельности.

Понятие «криминалистика» произошло от латинского слова «criminalis» (относящийся к преступлению) и трактуется в энциклопедии как наука, разрабатывающая систему специальных приемов, методов и средств собирания, фиксации, исследования и использования судебных доказательств[16]. Криминалистика является областью научных знаний о преступной деятельности и деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, установлению истины в процессе судопроизводства[17].

В специальной литературе она определяется как «наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений»[18]. В рамках криминалистики исследуются «уголовно-релевантные закономерности преступной деятельности, возникновения и существования информации в результате совершения преступлений, ее собирания, исследования, использования и оценки и основанные на познании этих закономерностей средства и методы информационно-познавательной деятельности дознавателя, следователя, специалиста, эксперта, прокурора и адвоката, каждым в соответствии со своей процессуальной функцией и полномочиями»[19].

Содержание криминалистической науки составляют криминалистические знания. Они «представляют собой результат познания ею закономерностей, составляющих предмет криминалистики, и

[16] См.: Там же. С. 479.

[17] См.: Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М., 2001. С. 472.

[18] См., например: *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 42 ; Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2011. С.12 ; *Смахтин Е. В., Толстолужинская Е. М*. Криминалистика : учеб. пособие. Тюмень, 2012. С. 28.

[19] *Баев М. О., Баев О. Я*. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него : прокурорская тактика, адвокатская тактика : науч.-практ. пособие. М., 2005. С. 57.

материализации этого результата в виде предлагаемых практике средств, методов и рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений»[20].

Следует также привести сформулированное в исследованиях понятие «криминалистического обеспечения», но в отношении расследования преступления, деятельности органов предварительного расследования. Анализ указанного понятия будет способствовать формированию отличительных признаков криминалистического обеспечения судебного разбирательства, что позволит сформулировать его определение.

Обобщив приведенные в научной литературе определения, приходим к выводу, что под криминалистическим обеспечением расследования преступлений понимается «система формирования совершенствования и использования криминалистических знаний должностными лицами, осуществляющими предварительное расследование и разработанных на их основе криминалистических средств в целях повышения эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений»[21].

Учитывая изложенное, а также имеющиеся на сегодняшний день исследования, посвященные криминалистическому обеспечению рассмотрения дела судом первой инстанции, отметим следующее.

Деятельность, осуществляемая в рамках судебного разбирательства уголовного дела, является специфической, что вызывает необходимость разработки наукой криминалистикой специальных средств и методов ее осуществления участниками рассмотрения уголовного дела в суде.

В данном случае имеет важное значение складывающаяся здесь новая познавательная ситуация. Это зависит «от правовых форм

[20] *Ефимова С. А.* Информационно-криминалистическое обеспечение в системе криминалистического обеспечения предварительного расследования // Рос. следователь. 2010. № 16. С. 12.

[21] См. об этом: *Девятьяров М. В.* К вопросу о понятии криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Рос. следователь. 2010. № 22. С. 5 ; *Попова Е. И.* О понятии «криминалистическое обеспечение расследования» // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной и экономической направленности : сб. матерериалов 52-х криминалистических чтений : в 2-х ч. М., 2011. Ч. 2. С. 294–295 ; *Романова Е. С.* К вопросу о понятии криминалистического обеспечения расследования преступлений // Рос. юридический журнал. 2010. № 6. С. 95.

доказывания на стадии судебного разбирательства, от особых познавательных задач, предмета исследования, характера ожидаемой информации, особых процессуальных условий и способов использования криминалистических средств и методов»[22].

В рамках судебного следствия криминалистические знания применяются при исследовании складывающихся следственных ситуаций; построении следственных версий и планировании судебного следствия; использовании тактических приемов проведения судебных действий следственного характера; в рамках взаимодействия участников судебного следствия.

Как отмечают М. В. Беляев и С. Ю. Якушин, «криминалистическое обеспечение судебного следствия в целом представляет собой систему криминалистических знаний, основанных на них навыков и умений производящих судебное разбирательство лиц использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии в целях успешного решения задач уголовного судопроизводства»[23].

Однако, на наш взгляд, криминалистическое обеспечение судебного разбирательства возможно определить как совокупность криминалистических средств, методов, приемов и рекомендаций, используемых стороной защиты и стороной обвинения, а также судом в ходе судебного разбирательства в целях реализации назначения уголовного судопроизводства. Качество судебного разбирательства зависит от эффективной деятельности защиты, а также поддержания государственного обвинения, что не представляется возможным без применения сторонами криминалистических знаний. Вместе с тем и деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовного дела, принятию итогового решения по делу немыслима без использования научно обоснованных знаний науки криминалистики.

Проведенный анализ исследований, посвященных использованию криминалистических знаний в рамках судебного разбирательства, позволяет сделать вывод о целесообразности и необходимости исследования деятельности по рассмотрению уголовного дела в суде наукой криминалистикой.

[22] *Егоров К. С.* Проблемы криминалистического обеспечения судебного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.

[23] *Беляев М. В., Якушин С. Ю.* Тактические задачи и средства их решения при исследовании доказательств в суде // Рос. судья. 2011. № 11. С. 9.

Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства как совокупность средств, методов и приемов, разработанных в рамках криминалистики, используется участниками рассмотрения уголовного дела в суде для осуществления наиболее эффективной деятельности по поддержанию государственного обвинения, деятельности стороны защиты, а также деятельности суда по организации, планированию и проведению судебного разбирательства. Невозможно, на наш взгляд, вынесение итогового решения по уголовному делу без криминалистического исследования признаков преступления, механизма его совершения, без использования технических и тактических средств собирания, исследования, оценки и использования доказательств сторонами и судом при рассмотрении уголовного дела по существу. Таким образом, криминалистические знания в ходе судебного разбирательства должны применяться каждым из профессиональных участников процесса, что позволит реализовать назначение уголовного судопроизводства и гарантирует эффективность правосудия.

Безусловно, наши выводы не бесспорны, однако они отражают авторскую позицию по рассмотренному вопросу и основаны на анализе теоретических исследований и судебной практики.

В. Ю. Шепитько

доктор юридических наук, профессор

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Процесс расследования – это познавательная деятельность по установлению факта наличия или отсутствия преступления. Расследование направлено на познание преступления (события). В любом случае расследование преступления может быть представлено в виде схемы: цели – средства – результат. Г. Гросс в свое время справедливо указывал, что предварительное следствие обязано не только найти, но и использовать все данные реального свойства – вот почему особенно важны деятельность судебного следователя и его профессиональная подготовка, и как только криминалистика достигнет высшей ступени своего развития, то и судебный следователь, и его труд обретут первенствующее значение во всем процессе[1].

Цель деятельности – это определенный ориентир. В психологическом понимании цель – осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека[2]. При этом деятельность управляется целью как регулятором активности. При определении целей расследования необходимо исходить из того, что следственная деятельность является лишь частным случаем одного из видов познания.

В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует указание на цель расследования. В УПК Украины определены задачи уголовного производства[3]. В ст. 2 УПК Украины регламентировано, что задачами уголовного производства является охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства, а также обеспечение быстрого, полного и непредвзятого

[1] См.: *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002. С. XII.

[2] См.: Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985. С. 388.

[3] Термин «уголовное производство» нужно понимать как «уголовное судопроизводство».

© Шепитько В. Ю., 2014

расследования и судебного рассмотрения, с тем чтобы каждый совершивший уголовное правонарушение был привлечен к ответственности в меру своей вины, ни один невиновный не был обвинен или осужден, ни одно лицо не было подвергнуто необоснованному процессуальному принуждению, и чтобы к каждому участнику уголовного производства была применена надлежащая правовая процедура. Определение задач уголовного судопроизводства и установление целей расследования – не одно и то же, хотя и должны соотноситься как общее и частное. В данном же случае перечисленное сложно отнести и к задачам уголовного судопроизводства, поскольку речь идет об определенном симбиозе некоторых функций и принципов деятельности.

В специальных литературных источниках предпринимались попытки исследования и определения цели расследования. Некоторые ученые-криминалисты и процессуалисты прямо указывают, что цель расследования состоит в «установлении истины по всем обстоятельствам предмета доказывания и привлечения на этой основе всех виновных лиц к ответственности и возмещению ущерба»[4]. Г. А. Печников указывает: «цель уголовного процесса должна состоять в установлении фактических обстоятельств дела в полном и точном соответствии с действительностью, т.е. установление по делу объективной истины»[5]. В. С. Бурданова пишет, что «процесс познания истины в уголовном деле включает в себя мыслительную работу и конкретные действия следователя, предусмотренные уголовно-процессуальным законом»[6].

В связи с демократизацией уголовного процесса, стремлением внедрить состязательный процесс в стадию досудебного производства изменяется функциональное предназначение следователя, ограничивая его лишь обвинительной функцией. Фактически предложена формула «следователь – обвинитель». В соответствии с УПК Украины (гл. 3, § 2) органы досудебного расследования отнесены к стороне обвинения. Статья 22 УПК Украины предусматривает, что «уголовное производство осуществляется на основе

[4] *Самыгин Л. Д.* Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. С. 31.

[5] *Печников Г. А.* Диалектические проблемы истины в уголовном процессе : монография. М., 2010. С. 102.

[6] *Бурданова В. С.* Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 42.

состязательности, предполагающей самостоятельное отстаивание стороной обвинения и стороной защиты их правовых позиций, прав, свобод и законных интересов, предусмотренных этим Кодексом».

В состязательном процессе важным является «размежевание функций участников на: функции обвинения, защиты и разрешения дела по сути». На этапе досудебного расследования такую конструкцию нельзя признать идеальной. Необходимо также отметить наличие и такой функции, как функция расследования преступлений. А. Р. Белкин ставит резонный вопрос: «могут ли вообще на досудебных этапах движения уголовного дела быть обеспечены равноправие и состязательность сторон?». И дает ответ, что «без радикального изменения существующей модели досудебного следствия равноправие и состязательность сторон на этих этапах уголовного дела – фактически лишь юридические фикции»[7]. Е. Е. Центров отмечает, что нынешний УПК РФ отбросил термин «истина» и противопоставил ему принцип состязательности уголовного процесса. С точки зрения представлений нынешних процессуалистов, проектировавших данный уголовно-процессуальный закон, получается, что в уголовном судопроизводстве не устанавливается истина, а побеждает тот, кто окажется более убедительным в процессе этой самой состязательности, основанной на противоборстве сторон и вовсе не обязательно опирающейся на всесторонность, объективность и полноту собирания и надлежащего исследования доказательств. Иными словами, принцип состязательности сводится не к установлению истины, а к победе в этом состязательном процессе той стороны, которая окажется более изворотливой, изощренной[8]. Кроме того, Е. Е. Центров категорически заявляет о том, что по настоянию процессуалистов в уголовно-процессуальный закон – ч. 2 ст. 15 УПК РФ – было введено неверное положение: «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное

[7] *Белкин А. Р.* УПК РФ : конструктивная критика и возможные улучшения. Ч. 1: Общие положения и принципы уголовного судопроизводства. Изд. 2-е, доп. М., 2010. С. 39.

[8] См.: *Центров Е. Е.* Дидактика криминалистики в свете ее дифференциации и интеграции с уголовным процессом // Криминалистъ первопечатный. 2014. № 8. С. 14.

лицо». Этот исходный принцип явно не соответствует другим процессуальным положениям УПК РФ[9].

Возникают вопросы: к чему должно стремиться расследование преступления и каковы его конечные цели? Л. Д. Самыгин подчеркивает, что «во всяком случае теоретически допустимо при анализе системы расследования «цель» и «результат» деятельности рассматривать как взаимозависимые понятия, ибо в уголовно-процессуальной деятельности результат должен соответствовать поставленной государством цели»[10]. Г. А. Печников указывает, что «без истины как цели уголовный процесс становится системой, «замкнутой на себя». По-своему это «порочный круг», где средства становятся целью. Всё упрощается. Практика опускается до уровня «голого практицизма». Без объективной истины уголовно-процессуальная система девальвирует, снижает свою объективно-необходимую значимость. Искажается и само представление о системе ценностей, сущности правовых институтов и принципов в уголовном процессе»[11].

В философском понимании процесс расследования должен быть направлен на отыскание и восстановление справедливости. Справедливость означает наличие «порядка» в государстве. Государство с «хорошим устройством» – это то государство, в котором существует «справедливое устройство». Между справедливостью «человека» и «справедливостью государства» нет отличий. Справедливость – это «мудрость», «рассудительность». Она состоит в том, чтобы «каждый имел свое собственное и делал также свое (Аристотель)»[12]. Н. А. Подольный подчеркивает, что «нравственный аспект категории «справедливость» в уголовном процессе есть не что иное, как акцент общества при оценке конкретного процессуального решения или уголовного судопроизводства в целом на вполне определенной нравственной ценности, которая принимается в качестве оценки меры справедливости»[13]. Справедливость расследования не может быть обеспечена без установления (доказывания) фактов, отражающих объективные обстоятельства события, что является предметом расследования. Поиск истины является противоположностью так называемого «обвинительного уклона»[14]. З. Д. Еникеев пишет: принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела имеет значение для установления истины по делу, для его правильного расследования и разрешения, защиты прав и законных интересов участвующих в деле лиц[15]. Новый УПК Украины не содержит данного принципа, а формулирует основы уголовного производства (гл. 2). Причем к таким основам отнесены: «верховенство права», «законность», «равенство перед законом и судом», «уважение к человеческому достоинству», «тайна общения», «доступ к правосудию и обязательность судебных решений», «диспозитивность», «гласность и открытость судебного производства», «разумные сроки» и др. Этот перечень демонстрирует противоположные подходы в построении основ уголовного производства, определенную эклектику предложенных категорий, взаимоисключающие принципы, не соответствие указанных идей последующему содержанию норм процессуального закона.

Определение целей уголовного судопроизводства (или целей расследования как частных) находится в границах глобальной проблемы соотношения свободы и безопасности. Классическое изречение «свобода умирает вместе с безопасностью» подтверждает некоторые тенденции в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Очевидным становится «деформализация уголовного процесса». Полиция давно проникла в уголовный процесс, говорят об «ополицаивании уголовного процесса», которое

[9] См.: *Центров Е. Е.* Указ соч. С. 16.

[10] *Самыгин Л. Д.* Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. С. 27.

[11] *Печников Г. А.* Диалектические проблемы истины в уголовном процессе : монография. М., 2010. С. 8.

[12] См.: *Головатий С.* Верховенство права : монографія : у 3-х кн. Київ, 2006. Кн. 1: Верхавенство права : від ідеї – до доктрини. С. 117.

[13] *Подольный Н. А.* Справедливость – нравственная ценность уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста : науч. журнал. 2013. № 3 (8). С. 178.

[14] *Трухачев В. В., Федорин В. Е.* Объективное и полное исследование обстоятельств дела как принцип уголовного судопроизводства // Юридические записки. Вып. 18 : Современный этап развития Российского государства : на пути к «сильному» или правовому государству? Воронеж, 2005. С. 357.

[15] См.: *Еникеев З. Д.* Пробелы нового УПК Российской Федерации // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае : материалы регион. ежегод. науч.-практ. конф. (21–22 марта 2002 г.) / под ред. В. К. Гавло. Барнаул, 2003. С. 69.

начинается не только с отмены принципа законности, а уже с границ полицейского права правового государства[16].

С момента введения в действие нового УПК Украины прошло более года, и это означает, что уже можно оценить эффективность (или неэффективность) реализации отдельных процессуальных механизмов. Бесспорно, новацией УПК Украины является отказ от стадии возбуждения уголовного дела, где «поводы и основания служили определенным фильтром разграничения действий преступного характера от иных правонарушений»[17]. Р. С. Белкин указывает, что решение о начале расследования – не чисто технический акт, это процессуальное решение; следует допустить в принципе и возможность его обжалования, следовательно, оно должно быть вынесено в форме некоего постановления, которое в силу принципа законности должно быть обоснованным и мотивированным[18].

Существует и другое, противоположное мнение. И. С. Дикарев пишет: «в новых условиях стадия возбуждения уголовного дела утратила былое значение, ее правозащитный потенциал ничтожен в сравнении с оперативным судебным контролем. Она более не выполняет тех задач, ради которых была введена в уголовный процесс[19]».

Проблемы стадийности расследования возникают не только в связи с отменой стадии возбуждения уголовного дела. Попытки «перенесения» части расследования на судебное следствие, внедрение новой процессуальной фигуры следственного судьи с соответствующими контрольными функциями, исключение обвиняемого из досудебного расследования и «перемещение его в суд» безусловно повлияли и на традиционные этапы расследования (первоначальный и последующий). Такая градация стала бессмысленной в плане разработки и предложения криминалистических рекомендаций.

В настоящее время необходимо констатировать многосубъектность в осуществлении следственной деятельности, поскольку к

[16] См.: *Альбрехт П.-А.* Забытая свобода. Принципы уголовного права в европейской дискуссии о безопасности / пер. с нем. и предисл. Г. Г. Мошака. Одесса, 2006. С. 76, 77.

[17] *Журавель В. А.* Новый уголовный процессуальный кодекс Украины : взгляд криминалиста // Криминалистъ первопечатный. 2014. № 8. С. 57.

[18] См.: *Белкин А. Р.* Возбуждение уголовного дела в Украине и России // Криминалистъ первопечатный. 2014. № 8. С. 45.

[19] Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела : монография. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. И. С. Дикарев. М., 2012. С. 367.

расследованию преступлений «причастны» не только следователь, но и руководитель органа досудебного расследования (п. 8 ч. 1 ст. 3 УПК Украины), оперативные подразделения (ст. 41 УПК Украины), прокурор (п. 15 ч. 1 ст. 3 УПК Украины), следственный судья (п. 18 ч. 1 ст. 3 УПК Украины). Такое положение в следственной практике предполагает внесение определенных изменений в тактику проведения отдельных следственных действий и их систем[20].

В расследовании преступлений важное значение имеют средства познания преступного события. Преступление для следователя, прокурора, судьи является всегда событием прошлого (познание обращено к прошлому). Эти лица не могут непосредственно воспринимать процесс совершения конкретного преступления, которое необходимо исследовать, установить его признаки[21]. Р. С. Белкин справедливо отмечает, что «информация о преступлении и его участниках, содержащаяся в изменениях среды, пройдя горнило процессуальных процедур в ходе ее собирания, исследования и оценки приобретает статус судебных доказательств… Познание отражения и по нему преступления как отражаемого объекта не исчерпывает собой целей и содержания доказывания. Помимо механизма преступления – его функциональной стороны – в процессе доказывания должны быть установлены и некоторые другие обстоятельства…»[22]. В. С. Бурданова пишет, что в процессе доказывания большое значение имеет умственная логическая деятельность. Коротко алгоритм этой деятельности можно выразить так: наблюдение – оценка воспринятого – построение модели события – проверка модели – суждения[23].

Уголовно-процессуальный закон определяет средства, с помощью которых собираются и исследуются доказательства по уголовному делу. В новом УПК Украины предусмотрена гл. 20 «Следственные (розыскные) действия» и гл. 21 «Негласные

[20] См.: *Шепитько В. Ю.* Система следственных действий в структуре уголовно-процессуального закона и криминалистической тактики // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики : зб. наук. праць. Харків, 2013. Вип. 13. С. 6.

[21] См.: *Коновалова В. Е., Шепитько В. Ю.* Основы юридической психологии : учебник. Харьков, 2005. С. 137.

[22] *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 58.

[23] См.: *Бурданова В. С.* Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 15.

следственные (розыскные) действия». К следственным (розыскным) действиям отнесены: допрос, предъявление лица для опознания, предъявление вещей для опознания, предъявление трупа для опознания, проникновение в жилище или иное владение лица, обыск, осмотр, осмотр трупа, следственный эксперимент, освидетельствование лица, привлечение эксперта, получение образцов для экспертизы. При этом ряд традиционных следственных действий остался за рамками процесса. Законодатель по неизвестным причинам отказался от таких действий, как проверка показаний на месте, очная ставка, выемка, назначение судебных экспертиз. Отсутствуют аргументы о том, каким образом данные действия «скомпрометировали» себя до такой степени, чтобы от них отказались: низкая эффективность, неразработанность тактики, отсутствие тактических приемов? В этом плане как раз всё наоборот.

В УПК Украины недостаточно внимания уделено использованию специальных знаний. В гл. 20 «Следственные (розыскные) действия» только четыре статьи посвящены непосредственно возможностям экспертного исследования: основания проведения экспертизы (ст. 242); порядок привлечения эксперта (ст. 243); рассмотрение следственным судьей ходатайства о привлечении эксперта (ст. 244); получение образцов для экспертизы (ст. 245). В первую очередь необходимо обратить внимание на терминологию. В гл. 20 УПК Украины законодатель избегает использования термина «назначение экспертизы», а обращается к словосочетанию «привлечение эксперта», хотя в других главах УПК Украины используется и термин «назначение экспертизы» (ч. 7 ст. 69; ч. 1 ст. 245; ч. 3 ст. 358; ст. 486). В новом УПК Украины отсутствует порядок назначения и проведения комиссионных и комплексных экспертиз, основных и дополнительных, первичных и повторных. Все эти процедурные вопросы должны быть отражены в процессуальном законодательстве, а отсутствие их регламентации может быть квалифицировано как его пробелы.

Еще более сложным является вопрос о введении института «негласных следственных (розыскных) действий». В новом УПК Украины предложен достаточно широкий их перечень: аудио- и видеоконтроль лица, наложение ареста на корреспонденцию, осмотр и выемка корреспонденции, снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей, снятие информации с

электронных информационных систем, обследование публично недоступных мест, жилища или иного владения лица, установление местонахождения радиоэлектронного средства, наблюдение за лицом, вещью или местом, аудио-, видеоконтроль места, контроль за совершением преступления, выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации, негласное получение образцов, необходимых для сравнительного исследования, использование конфиденциального сотрудничества. Фактически вся оперативно-розыскная деятельность перенесена в уголовный процесс. При этом в ст. 246 УПК Украины указано, что негласные следственные (розыскные) действия – это разновидность следственных (розыскных) действий, сведения о фактах и методах которых не подлежат разглашению... Думается, что тайна досудебного следствия (расследования) распространяется и на «гласные» следственные действия. Приведенный перечень негласных следственных (розыскных) действий весьма широк и требует размежевания с оперативно-розыскной деятельностью. Закрепление «негласных» действий в уголовно-процессуальном законе означает «опроцессуаливание» тайной розыскной деятельности, признание результатов их проведения – доказательствами. Представляется неудачным использование и самого термина «негласные следственные (розыскные) действия» – получается, что есть еще и «гласные» (доступные, открытые, проводимые «при народе»).

В уголовно-процессуальных законах иных государств более удачно использован термин «специальные следственные действия». А. Н. Соколов пишет, что новый институт – специальные следственные действия – нуждается в научном осмыслении. Нововведение в УПК РФ направлено не против мелкого воришки, а против организованных мощных преступных синдикатов, всеохватывающей коррупции, против международного терроризма, развязывающего широкомасштабную войну против России[24]. Еще более категоричны в своих суждениях латвийские криминалисты В. Н. Терехович и Э. В. Ниманде. По мнению ученых, «терминология «специальных следственных действий» ограничивается

[24] См.: *Соколов А. Н.* Устранить дубляж следователем результатов работы розыска при расследовании возбужденного уголовного дела // Криминалистъ первопечатный. 2012. № 4. С. 84–93.

словами контроль, наблюдение, слежка, провокация и т.п. Только полицейское миропонимание допускает подчинение всех неограниченной власти небольшой кучки людей и осуществление полного контроля всех сторон жизни общества и отдельного человека с помощью наблюдения, слежки и провокаций. Если Латвия не стремится быть полицейским государством, а желает строить правовое демократическое государство, то политикам и юристам следует избрать другое решение повышения уголовного правоприменения и демонстративно отмежеваться от идей, имеющих полицейские корни»[25].

Стремление перестроить следственную деятельность предполагает получение ответов на такие вопросы: кто является субъектом этой деятельности, какие органы могут ее осуществлять, каковы ее цели и результат, какие средства возможно задействовать и на каком этапе? Постановка данных вопросов особенно важна на современном этапе трансформации уголовно-процессуальной деятельности. Законодательные предложения о «сокращенном следствии», о «соглашениях с правосудием» противоречат познавательному процессу и поиску истины. Аргументы в пользу «экономии процессуальных средств» проигрывают целям расследования. Необходимо помнить, что уголовно-процессуальное законодательство должно предусматривать такой порядок, который позволит объективно и своевременно собрать доказательственную информацию, установить виновных лиц, восстановить справедливость. Функциональная модель расследования должна быть работающей, позволяющей осуществлять познание преступления (события), устанавливать истину – то, что произошло в действительности, – через его отражения. В основе модели расследования находится процесс доказывания, осуществляемый по законам формальной логики и положениям уголовного процессуального закона.

[25] *Терехович В. Н., Ниманде Э. В.* Ценностные ориентации основ современного уголовного правоприменения Латвии // Криминалистъ первопечатный. 2012. № 5. С. 62, 63.

Раздел 4

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ*

(Извлечения)

ГЛАВА VI

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ В СВЕТЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

§ 1. Значение использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве

Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXIV съезду КПСС отметил, что «...решительное ускорение научно-технического прогресса остается одной из главных задач»[1].

XXV съезд КПСС в качестве важнейшей поставил задачу «всемерно развивать исследования по проблемам научно-технической революции...»[2]. «Мы, коммунисты,– говорил в Отчетном докладе XXV съезду КПСС тов. Л. И. Брежнев,– исходим из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной – построено коммунистическое общество»[3]. Это относится ко всем сферам жизни современного общества. Не составляет исключения и уголовное судопроизводство.

Судопроизводство не может осуществляться в отрыве от всех процессов социально-экономического, политического, культурного и научно-технического развития общества. Наоборот, оно предполагает широкое использование достижений научно-технического прогресса в практике уголовно-процессуального доказывания, применение новых приборов и средств; в ходе доказывания, в его современной научной организации[4].

---

* Первая публикация данной работы: *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1978. 304 с.

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 55.

[2] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 214.

[3] Там же, с. 47.

[4] См.: Основы применения кибернетики в правоведении. Под ред.

Современные следователи, судьи, прокуроры уже не являются больше традиционными гуманитариями, они должны знать возможности использования в работе по доказыванию достижений целого ряда гуманитарных, естественных и технических наук. В этом заключается одна из необходимых предпосылок интеграции наук в практической профессиональной деятельности следователя, в современной профессиональной подготовке и научном образовании специалистов-юристов.

В теории доказательств и практике доказывания по конкретным уголовным делам необходимо оценивать положение о применении новейших научных достижений не с позиций вчерашнего дня, а исходя из требований завтрашнего. Следственная и судебная деятельность требует постоянного умения использовать новые достижения науки и техники.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка» от 10 декабря 1965 г. и в ряде других партийных документов[5] отмечается, что внедрение достижений науки и техники должно быть быстрым и эффективным, что работники судебно-следственных и прокурорских органов должны быть профессионально и квалифицированно подготовлены для осуществления в практике доказывания того нового, прогрессивного, что дает научно-техническая революция.

Судебный и следственный аппараты имеют такие возможности и необходимые кадры. Сейчас, отмечает Б. А. Викторов, «...на смену следователю-протоколисту пришел следователь-специалист, хорошо ориентирующийся в использовании современных возможностей науки и техники»[6].

Н. С. Полевого и Н. В. Витрука. М., 1977, с. 224–269; Э л ь к и н д П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976, с. 105–142; Ш и к а н о в В. И. Научно-технический прогресс и некоторые проблемы уголовного судопроизводства. – В кн.: Проблемы советского государства и права. Вып. 3. Иркутск, 1972; Г о р с к и й Г. Ф. Научно-технический прогресс и совершенствование деятельности следственного аппарата. – В кн.: Проблемы предварительного следствия. Волгоград, 1972; А р о ц к е р Л. Е. Применение научно-технических средств в суде. – В кн.: Настольная книга судьи. М., 1972, с. 454–464.

[5] См.: Советская прокуратура. Сборник важнейших документов. М., 1972, с. 343–349, 351–356, 380–381.

[6] В и к т о р о в Б. А. Наука на службе следствия. – «Наука и жизнь», 1969, № 6, с. 65.

Эффект от внедрения достижений науки и техники испытывает на себе оперативная, следственная, судебная и экспертная деятельность. И каждая из указанных областей процессуальной и внепроцессуальной деятельности оказывает прямое или опосредствованное влияние на сердцевину уголовного процесса – практику доказывания.

Достижения научно-технической революции дали новые опоры в теорию и практику доказывания, обусловили новый облик всей теории доказательств, методов доказывания, его организации, научно-технического переоснащения аппарата уголовного судопроизводства и особенно его структуры – следственного аппарата. В свою очередь, это оказывает существенное влияние на структуру, форму использования доказательств по конкретным уголовным делам.

Расширение применения современных достижений научно-технического прогресса является объективной традицией развития советского уголовного процесса. Как правильно пишет А. И. Випберг: «Развитие техники, применяемой в уголовном процессе, обусловливается не только его внутренними закономерностями и собственными открытиями и достижениями, но и основывается на общих закономерностях развития технического прогресса»[7].

В сфере доказывания, практически в каждой ее области применяются достижения современной науки и техники. И сегодня принципиально важное значение в юридической науке и практике имеет осмысливание указанных процессов в рамках теории уголовно-процессуального права, разработка методологических проблем теории доказательств и отдельных теоретических вопросов производства следственных действий. В уголовном судопроизводстве, в науке уголовного процесса и криминалистике так же, как и в других сферах научной деятельности и общественной практики, немыслимы застой и догматизм.

Но в отличие от всех других сфер деятельности в уголовном судопроизводстве в целом, в деятельности следственного аппарата и конкретно в доказательственной деятельности по расследованию уголовных дел процессы использования научно-технических достижений невозможны без правового регулирования. Игнорирование правового регулирования здесь просто недопустимо, ибо это касается весьма сложной и острой области человеческих отношений.

В следственной и судебной практике уже сложились на основе применения уголовно-процессуального закона и криминалистиче-

[7] В и н б е р г А. И. Техника и уголовное судопроизводство. – «Советское государство и право», 1970, № 7, с. 91.

ских тактических рекомендаций устойчивые формы деятельности по осуществлению доказывания. Однако современная научно-техническая революция вызвала такие серьезные изменения в содержании профессиональной деятельности юристов, работающих в аппаратах, осуществляющих уголовное судопроизводство, что требуется переосмысливание этих процессов для урегулирования их на правовом уровне. Это – объективный процесс и практически важный. Он обеспечивает в уголовном судопроизводстве реализацию указаний В. И. Ленина, «...чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой... чтобы ...действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»[8].

Одной из актуальных задач современной уголовно-процессуальной науки является создание цельной процессуальной теории использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве и практике уголовно-процессуального доказывания как фундаментальной основы дальнейшего развития советского уголовного процесса.

§ 2. Требования, предъявляемые к научно-техническим средствам, используемым в уголовном судопроизводстве

Все более широкое и всестороннее использование достижений научно-технического прогресса в доказательственной сфере – процесс закономерный и объективный. Их применение расширяет и углубляет возможности доказательственного познания, в максимальной мере объективизирует собираемый по уголовным делам доказательственный материал, предупреждает односторонность и тенденциозность, оказывает влияние на быстроту и эффективность раскрытия преступлений. Этот процесс непосредственно воздействует на оперативность и интенсификацию доказывания, расширяет круг используемых при расследовании доказательственных фактов, обеспечивает участие в производстве следственных действий различных специалистов и на этой основе делает само следственное производство все более и более коллективным; в свою очередь, это приводит к расширению пределов информационного обеспечения расследования, к усилению творческих элементов и в целом творческих возможностей следователей, экспертов при осуществлении доказывания по уголовным делам. Современная техника делает сам процесс доказывания и его результаты не только более документально-объективными, но и

[8] Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 391.

более выразительными для восприятия в пространстве и времени, в объективном существовании, в причинно-следственной связи.

С позиций теории уголовно-процессуального права при внедрении достижений науки и техники в практику уголовного судопроизводства необходимо решить, по крайней мере, три принципиально важных вопроса:

– создать процессуальные гарантии использования достижений современной науки и техники в уголовном судопроизводстве для успешного решения его задач;

– разработать процессуально-правовую регламентацию такого использования;

– обеспечить неуклонное соблюдение социалистической законности при внедрении науки и техники в уголовное судопроизводство.

Что бы новое ни появилось в ходе научно-технической революции, как бы, на первый взгляд, эффективно оно ни помогало уголовному судопроизводству выполнить его задачи, без решения этих трех основных уголовно-процессуальных требований применение этого нового недопустимо.

Конкретная жизнь, практика деятельности судебно-следственного и прокурорского аппаратов заставляют юристов быть заинтересованными в быстром внедрении новейших достижений науки и техники в уголовное судопроизводство в целом, в практику доказывания и рассмотрения процессуального признания и процессуальной регламентации использования технических средств. Естественно, что правовая регламентация требует известной осторожности.

Однако необходимую осторожность нельзя путать с бытующим еще консерватизмом и догматизмом. Он недопустим прежде всего как барьер и антипод научно-технического прогресса вообще. К сожалению, в практике мы часто встречаемся со случаями боязни применения новых методов, прямого недоверия к ним, с отставанием правовой регламентации от уровня современного развития науки, техники и потребностей уголовного судопроизводства. На это обратил внимание А. И. Винберг. «В области процессуального права, законодательства, – писал он, – характерным является крайняя осторожность и медлительность введения в следственную и судебную практику различных технических новшеств, рожденных современным научно-техническим прогрессом. Повышенная осторожность вызвана таким принципиальным положением советского уголовного процесса, как неуклонное соблюдение гарантии достоверности в получении доказательств с помощью технических средств... Следует также иметь

в виду, что далеко не все, что технически возможно для установления исконных фактов, и даже не все, что создает гарантию достоверности в получении доказательств, является в то же время допустимым с точки зрения требований социалистической законности. Это положение также носит принципиальный характер при рассмотрении вопроса о внедрении в расследование новейших достижений»[9].

В оперативно-розыскной и следственной работе основа успехов в раскрытии и расследовании преступлений заложена в получении правдивой, объективной информации. Процессуальные выводы должны базироваться только на доказательственной, доведенной до критерия объективной истины по делу информации. Об этом сегодня следует говорить еще и потому, что происходит принципиально новая перестройка информационных систем (АСУ прокуратуры, АСУ органов МВД, АСУ органов юстиции и т. п.). И весьма важно, чтобы в структуре информационных систем, предназначенных для обеспечения различных функций деятельности судебно-следственного аппарата, строго организационно разграничивалась информация, добытая с помощью различных источников и методов, и информация, полученная с помощью доказательств в процессе доказывания. Это должно контролироваться особенно тщательно, чтобы исключить информацию о необоснованных подозрениях. Поэтому в ответах на запросы следственных органов в информационные центры следует указывать источники информированности.

§ 3. Научно-технические средства, используемые в уголовно-процессуальном доказывании

Классификация научно-технических средств, используемых в доказательственной сфере деятельности судебно-следственного аппарата, носит многогранный и многоцелевой характер. Она должна отражать те объективные тенденции, которые происходят в практической деятельности судей, следователей в результате внедрения достижений научно-технического прогресса.

Современная наука и техника обогатили буквально все традиционные разделы криминалистической техники новыми методами обнаружения, исследования, фиксации, документирования и использования доказательств, расширили возможности предварительного и судебного следствия (новые полимерные средства фиксации следов; приборы физического, химического, биологического исследования, поисковые приборы; искатели по немагнитным металлам, приборы

[9] Винберг А. И. Указ. соч., с. 94–95.

микроскопического исследования, спектрального и рентгеноструктурного анализа; способы идентификации современных материалов, синтетических волокон и пластмасс).

Появились принципиально новые разделы криминалистической техники (одорология) и новые подходы к экспертизе веществ и материалов (экспертология).

Действующее уголовно-процессуальное законодательство расширило сферу применения технических средств при производстве отдельных следственных действий и особенно при производстве осмотров мест происшествий и иных следственных осмотров, допросов, опознаний, экспериментов, обысков, что существенным образом повлияло на изменение и совершенствование тактики, усиление общей информированности, доказательственной отдачи, объективности и наглядности каждого следственного действия. Можно сказать, повысился коэффициент их полезного действия.

Нужна скрупулезная теоретическая разработка тактики такого действия, как опознание. Уже сегодня проводится не только личное опознание или опознание по фотографиям, но и опознание по киноленте, видеомагнитофону, телевидению, фотороботом. Использование и широкое внедрение указанных средств не может не сказаться на изменении тактики производства следственных действий и осуществлении оперативных мероприятий.

Значительные коррективы должны быть внесены в практику фиксации доказательств в ходе производства отдельных следственных действий с помощью кино, видеомагнитофонов и т.п., а это ставит новые проблемы взаимодействия следователя со специалистами и штатного обеспечения следственного аппарата специалистами соответствующих научно-технических профилей.

Внедрение достижений науки и техники делает более совершенной и эффективной оперативную работу. Ее информационная отдача и раньше была достаточно высокой. Сейчас же особенно важно в теории доказательственного права и в практике доказывания найти критерии и методы трансформации добытой оперативным путем информации в доказательственный материал.

Современная наука и техника внесла коренные изменения в методику расследования отдельных категорий преступлений и организацию расследования. Во-первых, появились абсолютно новые методики расследования катастроф, кораблекрушений, преступлений, связанных с использованием информации, заложенной в компьютере. Во-вторых, значительные коррективы внесены в ранее сущест-

вовавшие методики расследования. Это касается прежде всего учета мобильности обстановки и поведения преступника, направлений доказывания, выдвижения версий, поиска доказательственной информации, системы документооборота.

Криминалисты должны быстро и остро реагировать на новые методы совершения преступлений, немедленно и упреждающе противопоставлять технические, тактические контрметоды раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Научно-технический прогресс внес много нового в предупредительную деятельность уголовного судопроизводства. Создание мощных по кадрам и технически оснащенных оперативных дежурных частей, систем информации, оповещения и связи в сочетании с профессиональным опытом кадров аппарата, осуществляющего уголовное судопроизводство, уже заложили хорошие основы криминалистической профилактики.

Не только технические новшества современной науки должны внедряться в практику уголовного судопроизводства. Логика оказала огромное влияние на анализ и систему доказательств при расследовании и рассмотрении уголовных дел, создание моделей доказывания, на характеристику эвристического мышления следователей, форму проверки документов и эффективность используемых методов доказывания.

Теория информации помогла построить на современном уровне криминалистическое учение о способах совершения преступления и создать соответствующие системы поиска к типизации действий следователя, систему информационного обеспечения следственно-оперативного аппарата.

Применение методов математики и ЭВМ во многом предопределило возникновение и практическое использование в доказательственной деятельности более совершенной системы квалификации преступлений, модели доказывания, систем анализа ошибок расследования и их предупреждения, возможностей количественной характеристики эффективности производства отдельных следственных действий и используемых моделей расследования. Мы уже не говорим о том, что математические методы и средства электронно-вычислительной техники широко внедрены и успешно применяются в новейших методиках экспертной деятельности (судебное почерковедение, трасология, баллистика, профилограмма и т. д.).

Наступила пора создать более стройную систему классификации научно-технических средств, используемых в уголовном судопроизводстве и в доказывании.

§ 4. Научно-технический прогресс и проблемы научной организации труда субъектов уголовно-процессуального доказывания

Научная организация труда базируется на предметном знании технико-экономического потенциала аппарата уголовного судопроизводства. Это особенно важно потому, что использование достижений научно-технического прогресса привлекает к работе по доказыванию значительный отряд как специалистов-криминалистов, так и специалистов других областей знаний, делает расследование и судебное разбирательство коллективным. А это, в свою очередь, влечет за собой дополнительные требования к организации труда по доказыванию.

Исходя из задач современного периода научно-технической революции, в следственном аппарате важно укрепить службу специалистов и экспертные органы, прежде всего, для целей улучшения производительности труда следователей, ибо, по замечанию К. Маркса, производительные силы любого труда в числе ряда других обстоятельств определяются «...уровнем развития науки и степенью ее технологического применения...»[10]. В условиях узкой специализации это единственно верный путь. Но он не означает отказа от всестороннего научного обучения самих следователей с учетом новейших достижений науки и техники. В условиях научно-технической революции в творческих профессиях, к каковым относится и профессия следователя, возрастает роль профессионалов развитых и всесторонне образованных, умеющих подойти к проблеме расследования системно, объективно.

Учет этих обстоятельств потребовал и новых организационных решений. В органах внутренних дел, где расследуется в настоящее время большинство уголовных дел, одним из таких организационных нововведений было создание мощных и хорошо технически оснащенных оперативных дежурных частей. В результате возникли предпосылки эффективной организации раскрытия и расследования преступлений по горячим следам. Уже на первых порах, когда еще комплексно не были решены вопросы процессуальной деятельности таких частей, их создание привело к повышению раскрываемости преступлений, почти к полному раскрытию уличных преступлений, некоторому сокращению уличной преступности. Указанное организационное новшество оценено общественным мнением, отметившим, прежде всего, быструю реакцию мобильного и квалифицированно-

[10] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 48.

го аппарата органов внутренних дел на поступающую информацию о фактах совершенных преступлений, их объективный учет и регистрацию. Оперативные дежурные части создают новые пути раскрытия и расследования преступления, новые формы взаимодействия между следователями, оперативными работниками, экспертами, новые формы организации доказывания по уголовным делам.

В этой связи нужно внести необходимые изменения и дополнения в современную теорию и практику доказывания. Дежурные группы в составе следователя, оперативных инспекторов, техника-криминалиста и специалистов других областей знаний должны в современных условиях стать основным рабочим органом раскрытия и расследования преступлений по линии уголовного розыска и нести всю полноту профессиональной и процессуальной ответственности за результативность расследования. Этот вопрос необходимо урегулировать процессуальным законодательством и ведомственными инструкциями и положениями.

Внедрение достижений научно-технического прогресса **в** практику деятельности следственного аппарата предъявила более высокие требования к научной и профессиональной компетенции всех звеньев следственных кадров и особенно кадров руководящих работников расследования.

Следственные работники должны квалифицированно разбираться не только в чисто профессиональных проблемах. Доказательственная деятельность следователя требует точного знания возможностей экспертного дела, организации специфики и техники оперативно-розыскной работы, информационного обеспечения процесса доказывания.

Научно-техническая революция предъявляет все новые и новые требования к интеллектуализации современного следственного труда во всем его многообразии, во всех сферах и проявлениях; к следственной интуиции, логике и системе следственного мышления, к культуре следователя и профессиональной этике его поведения. «Интеллектуализация труда (и физического, и умственного),– отмечает профессор К. Е. Тарасов, – сопряжена не столько с увеличением доли напряженности и возрастанием социального значения простой умственной деятельности во всех видах труда, сколько с превращением ее в научную, творческую, высококвалифицированную. Она требует сочетания узкой специализации с широким общим культурным кругозором, с освоением ряда смежных специальностей. Интеллектуализация труда представляет собой не только подлинно интеллигентную,

разумную, рационализированную, но и эмоционально насыщенную деятельность»[11].

В современных условиях каждому следователю необходима комплексная научно-профессиональная подготовка. Этого требует характер его сложной профессии и политико-государственной миссии, которую он исполняет в обществе и государстве. Ч. П. Сноу полагает, что в государственном аппарате и администрации должно быть достаточно разбирающихся в науке работников[12]. В сфере доказывания следственный аппарат занимается непосредственным приложением и применением самых новейших достижений ряда наук и *в* этом плане не может составлять исключение. Наоборот, его научная подготовка должна быть усилена до уровня каждодневного, обыденного использования научных достижений в непосредственной практике расследования.

Научно-технический прогресс внес серьезные коррективы в систему руководства следственным аппаратом, практику расследования сложных, многоэпизодных дел. Это касается организации совместных действий всех участников расследования и органов, его осуществляющих, умения ориентироваться в комплексе доказательственных проблем, оперировать доказательственной информацией на современном уровне; личной профессиональной компетентности в области расследования, новых организационно-тактических форм взаимодействия с оперативным аппаратом, центрами информационного обеспечения, экспертными учреждениями, новых возможностей технической интенсификации процесса доказывания и принятия на этой основе процессуальных решений.

Усложнение процессов следственной деятельности, процессов оперирования доказательственной информацией при расследовании преступления требует всестороннего проигрывания и моделирования исследуемых фактов, событий, ситуаций и использования эффективных и динамичных форм организации расследования, производства следственных действий, закрепления и процессуальной фиксации результатов.

Современные условия работы по-новому ставят проблему специализации работы следователя и интеграции усилий при расследовании дел. Специализация требует точного знания конкретной области

[11] Тарасов К. Е. Научно-техническая революция и проблемы всестороннего развития личности. – В кн.: Научно-техническая революция и строительство коммунизма. М., 1976, с. 124.

[12] Сноу Ч. П. Две культуры. М., 1974, с. 40.

расследования, ювелирно отточенных конкретных знаний. Интеграция обязана обеспечить системный подход к расследованию преступлений, полноту, всесторонность, объективность доказывания, а в руководстве следственным аппаратом – эффективность и полноту выполнения всех поставленных перед ним задач. Именно в этом направлении должна осуществляться подготовка и переподготовка кадров следственного аппарата на основе учета профессионально-правовых аспектов деятельности, рационализации и организации труда, действия эмоциональных компонентов и этического облика работников.

Правильное понимание каждым работником юстиции влияния научно-технической революции на борьбу с антиобщественным поведением имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как от него зависит внедрение научных основ в организацию борьбы с преступностью и правонарушениями.

§ 5. Перспективы дальнейшего совершенствования использования научно-технических средств в уголовно-процессуальном доказывании

Перспективы дальнейшего совершенствования использования достижений научно-технического прогресса в борьбе с преступностью в целом и в уголовно-процессуальном доказывании в частности можно определить лишь с помощью системного подхода. Эти перспективы будут зависеть от умения учесть в комплексном криминологическом прогнозе тенденции и закономерности преступности, ее структуру, виды и группы отдельных преступлений и на этой основе создать прогноз системы аппарата юстиции. Учет факторов и последствий научно-технической революции позволяет выработать и создать долгосрочную концепцию и комплексную программу использования ее достижений.

На указанных прогнозах, программах и концепциях должна быть основана доктрина по борьбе с преступностью, логически упорядоченная система научных идей, принципов, отражающих социально-политические, экономические, правовые, научно-технические и организационные закономерности функционирования органов, осуществляющих борьбу с преступностью.

В свою очередь, на основе разработанной доктрины должен строиться государственный план по борьбе с преступностью, включающий в себя общую программу – концепцию на значительный период, пятилетние планы совершенствования деятельности по борьбе с преступностью и установочные директивы на каждый год, с прак-

тическим учетом происходящих изменений в структуре, состоянии и тенденциях преступности и технико-организационной и криминалистической вооруженности аппарата, осуществляющего борьбу с преступностью.

Только на основе системного подхода можно сделать объективный анализ тенденций, направлений и конкретных путей использования достижений научно-технического прогресса в процессуальной и внепроцессуальной сфере, в технике, тактике, методике расследования.

Системный подход позволит осуществить программно-целевое управление отраслями юридической науки (уголовный процесс, криминалистика, криминология, уголовное право; прикладные науки юридического цикла, такие, как правовая кибернетика, психология, профессиональная этика и т.д.), что поможет предметно познать технико-криминалистический потенциал будущего, пути внедрения достижений науки и техники, основные тенденции и направления внедрения, а также технологию использования достижений науки и техники на основе строжайшего уголовно-процессуального регулирования.

В социалистическом обществе в период научно-технического прогресса создаются все условия для наиболее справедливого, гуманного решения вопросов взаимоотношений личности и общества, общества и природы, человека и машины. Но это не исключает отдельных преступных проявлений.

Расследование нарушений правил техники безопасности, катастроф, транспортных происшествий, компьютерных преступлений, нарушений в области охраны природы, в использовании ЭВМ потребует применения следователями, экспертами знаний в области теории информации, кибернетики, экологии, бионики, оптики и лазерной техники, фармакогенетики, инженерной криминалистики, эргономики, отраслевой технологии. Пока даже трудно представить себе спектр научно-технических достижений, которые будут применяться в доказывании.

Все более активно используются в криминалистическом исследовании доказательств дефектография по всем минералам, спектрография и газовая хроматография, электронноскопирующая техника для исследования структуры микровеществ, профилография и ЭВМ. В криминалистике и в практической работе информационных центров все большее значение придается проблемам систематики (информационные картотеки и коллекции оружия, боеприпасов, запирающих

устройств, орудий преступлений, новых материалов и веществ, способов совершения преступлений и т. д.).

Новый технико-криминалистический парк, несомненно, объективно потребует обновления и теории доказательственного права (разработка проблем теории потока криминалистической доказательственной информации, стадий и модели доказывания по различным категориям преступлений, теории новых методов идентификации как основания доказывания и т. п.).

Представляется, что указанные тенденции приведут к усилению роли экспертизы в процессе доказывания, к созданию и внедрению новых комплексных следственных действий.

Раскрытие тенденций и структуры будущей профессиональной деятельности следователей, а также прокуроров, судей в связи с внедрением достижений науки и техники еще только начато в специальной юридической литературе.

Указанное направление научного исследования представляется важным и перспективным, особенно в части целенаправленной подготовки кадров судебно-следственного аппарата.

В. А. Панюшкин

кандидат юридических наук, профессор

Д. В. Зотов

кандидат юридических наук, доцент

«КУЗНИЦА ПРОГРЕССА»: ВЛИЯНИЕ ВЗГЛЯДОВ ПРОФЕССОРА Г. Ф. ГОРСКОГО НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ УЧЕНЫХ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

70-е гг. XIX в. в развитии советской юридической науки ознаменованы широким и углубленным изучением правовых проблем научно-технического прогресса. Исследования подобного рода имели место и раньше, однако они носили, как правило, эпизодический характер, касаясь отдельных сравнительно узких правовых аспектов развития науки и техники в рамках всего лишь нескольких отраслей юридической науки.

Перелом такого положения обусловил качественный скачок во всех областях жизни, связанный с лавинообразным процессом разработки и внедрения инноваций. В основу технических изобретений, технологий и производства легли научные идеи. Проникновение науки в мир техники породило стремительные, динамичные изменения в социально-правовой структуре общества. Корни этого качественного скачка, его причины и последствия стали обозначаться понятием «научно-техническая революция», впоследствии уступившим место понятию «научно-технический прогресс».

Системное и всестороннее осмысление этих процессов привело доктора юридических наук, профессора Воронежского государственного университета Геннадия Федоровича Горского к выводу: «Судопроизводство не может осуществляться в отрыве от всех процессов социально-экономического, политического, культурного и научно-технического развития общества. Наоборот, оно предполагает широкое использование достижений научно-технического прогресса в практике уголовно-процессуального доказы-

© Панюшкин В. А., Зотов Д. В., 2014

вания, применение новых приборов и средств в ходе доказывания, в его современной научной организации»[1].

Эти идеи на монографическом уровне были изложены Г. Ф. Горским в 1978 г. в коллективном труде «Проблемы доказательств в советском уголовном процессе» (совместно с П. С. Элькинд и Л. Д. Кокоревым). Работа содержит отдельную главу V, названную «Некоторые проблемы уголовно-процессуального доказывания в свете научно-технического прогресса», где автор рассматривает суть исследуемого явления. Г. Ф. Горский пишет о значении НТП в борьбе с преступностью; о научно-технических средствах, применяемых в доказывании; научной организации труда субъектов уголовно-процессуальной деятельности; перспективах дальнейшего совершенствования использования научно-технических средств в уголовном судопроизводстве; требованиях, которым должно соответствовать применение научно-технических средств в уголовном судопроизводстве.

Значение подобного исследования трудно переоценить. Г. Ф. Горский не рассматривает детальные проблемы применения тех или иных научно-технических достижений, его работа – это «объективный анализ тенденций, направлений и конкретных путей использования достижений научно-технического прогресса в процессуальной и непроцессуальной сфере»[2].

Опубликованные программные взгляды послужили ориентиром для дальнейшего исследования проблем НТП в уголовном судопроизводстве учеными Воронежского государственного университета. При этом такие исследования развиваются в двух основных направлениях (как и предвидел Г. Ф. Горский): с одной стороны, это «непроцессуальная сфера, в технике, в тактике и методике расследования», т.е. криминалистическая составляющая. В университете она представлена признанной воронежской школой криминалистики под научным руководством заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора О. Я. Баева.

С другой стороны, это чисто процессуальная составляющая названных проблем в рамках действующей системы правоотношений. К исследованиям такого плана следует в первую очередь отнести ра-

[1] *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 254.

[2] Там же. С. 266.

боты заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Л. Д. Кокорева[3], под научным руководством которого в 1980 г. в ЛГУ В. А. Панюшкин защитил кандидатскую диссертацию «Правовые основы использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве». А уже под руководством профессора В. А. Панюшкина в Воронежском университете защитили диссертации на соискание кандидатской степени в 2003 г. Д. В. Зотов («Теоретические проблемы научно-технических достижений, применяемых в уголовно-процессуальном доказывании») и в 2012 г. В. Г. Болычев («Применение научно-технических средств в процессуально-тактической деятельности следователя»). Кандидатские диссертации В. А. Панюшкина и Д. В. Зотова легли в основу соответствующих монографий[4].

Научный интерес Л. Д. Кокорева к проблемам научно-технических достижений был продиктован разрабатываемой им концепцией оптимального соотношения общественных и личных интересов в уголовном судопроизводстве. Из надлежащего соотношения таких интересов проистекала потребность в установлении определенной процессуальной формы использования таких достижений. В связи с этим внимание ученого привлекали следующие вопросы:

– общие условия допустимости использования достижений НТП в судопроизводстве;

– процессуальные условия применения конкретных технических средств;

– процессуальное положение лиц, привлекаемых к работе с достижениями НТП.

[3] См.: *Кокорев Л. Д.* Процессуальные проблемы использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве // Вопросы уголовного процесса. Саратов, 1977. Вып. 1. С. 3–16 ; *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1985 (§ 14 главы II «Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство») ; Интересное исследование актуальных проблем уголовного судопроизводства и криминалистики // Виктимология и профилактика правонарушений. Иркутск, 1979 [Рец. на кн. : Шиканов В. И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978. 190 с. (В соавт. с О. Я. Баевым, В. А. Панюшкиным)].

[4] См.: *Панюшкин В. А.* Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство (правовые аспекты). Воронеж, 1985. 151 с. ; *Зотов Д. В.* Уголовно-процессуальное доказывание и научно-технические достижения : теоретические проблемы. Воронеж, 2005. 200 с.

В качестве общих условий допустимости использования научно-технических средств Л. Д. Кокорев называл:

а) их научную достоверность;

б) соответствие целям и задачам судопроизводства;

в) законность применения;

г) соответствие нравственным принципам;

д) безвредность для здоровья и жизни человека.

Исследуя проблемы процессуальных условий применения новых научных достижений, Л. Д. Кокорев включается в оживленную дискуссию 1970-х гг. о роли электронно-вычислительной техники в области права. В условиях зарождения информатизации он указывает на потребность отдельной нормы УПК, определяющей возможность применения ЭВМ в уголовном судопроизводстве в целях анализа доказательств и квалификации преступлений. Результаты работы машины оформляются заключением оператора, которое суд и другие участники процесса оценивают с учетом всех материалов дела.

Идея обеспечения прав личности в судопроизводстве определяла отрицательное отношение ученого к возможностям использования гипноза, полиграфа, одорологии. Важно отметить, что данная позиция продиктована не идеологическим отрицанием буржуазных достижений, а последовательным анализом научной сущности предлагаемых «новинок». При этом объяснения Л. Д. Кокорева корректны и убедительны. Так, например, «развитие научных достижений в области гипноза, возможно, и приведет к тому, что с его помощью будет легче познать те или иные обстоятельства по делу, но его применение по отношению к подозреваемым, обвиняемым и другим участникам судопроизводства недопустимо, поскольку связано с проникновением в сознание и мысли человека помимо его воли, что противоречит правилам и законным интересам личности».

Л. Д. Кокорев обоснованно считал, что НТП повышает требования к лицам, осуществляющим судопроизводство. Они должны знать новые возможности науки и техники, направления использования соответствующих достижений в целях судопроизводства. Ведущая роль в этом должна принадлежать специалистам, а не функционерам процесса.

В свою очередь Г. Ф. Горский, исследуя вопросы применения научно-технических достижений в уголовном судопроизводстве, предвидел необходимость разработки их методологических проблем[5]. Впервые в теории уголовного процесса попытка изложить в определенной системе методологию изучения правовых проблем НТП в уголовном судопроизводстве была предпринята В. А. Панюшкиным. К числу ведущих методологических положений были отнесены:

1) уяснение содержания и соотношения понятий «научно-технический прогресс» и «научно-техническая революция»;

2) правильное понимание механизма взаимодействия НТП и уголовно-процессуального права;

3) учет особенностей положения личности в сфере уголовного судопроизводства;

4) связи теории и практики;

5) использование конкретно-исторического подхода;

6) комплексность проводимого анализа;

7) системный подход в исследовании;

8) использование сравнительного метода;

9) проведение социологических исследований;

10) социально-правовое экспериментирование.

Методологически оправданным представлялся вопрос о социальных причинах, обусловивших необходимость использования достижений науки и техники. Уяснение таких причин – гарантия успешного решения многих проблем, возникающих в уголовном судопроизводстве в связи с НТП. Система этих причин, по мнению В. А. Панюшкина, включает:

– особенности функционирования отдельных моментов процесса труда работников правоохранительных органов;

– возрастание социальной значимости борьбы с преступностью;

– значительное расширение спектра научно-технических достижений, которые могут применяться в деле борьбы с преступностью;

– наличие кадров, которые могут квалифицированно использовать достижения НТП;

– потребность в использовании достижений НТП участниками судопроизводства, не причастными к осуществлению функций расследования и рассмотрения уголовных дел (адвокат, эксперт, специалист);

[5] См.: *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С.* Указ. соч. С. 256.

– использование в уголовном судопроизводстве материалов, ознакомление с которыми требует применения научных знаний и технических средств;

– невозможность совершенствования деятельности следственных и судебных органов экстенсивными методами, что вызывает переход к методам интенсивным, которые предполагают использование достижений НТП.

Следует отметить, что большинство исследований процессуальных проблем использования достижений НТП содержат предложения их законодательной регламентации. В. А. Панюшкин сформулировал следующие требования к регламентации:

1) полнота (распространенность на все виды достижений НТП);

2) связь с практикой;

3) стабильность (прогностичность);

4) динамичность;

5) учет положения личности в уголовном процессе;

6) оптимальное сочетание общих правовых предписаний с конкретными дозволениями и обязанностями в использовании научно-технических достижений.

Существенными следствиями научно-технического прогресса, по мнению Г. Ф. Горского, выступают *специализация работы следователя и интеграция усилий при расследовании уголовных дел*[6]. В этом плане использование научно-технических достижений в уголовно-процессуальном доказывании – проблема комплексная, включающая вопросы процессуального, криминалистического, этического, психологического и организационного характера. Вместе с тем каждая из отраслей знаний имеет свой предмет исследования. Процессуальный аспект исследования научно-технических достижений, применяемых в доказывании по уголовным делам, с точки зрения Д. В. Зотова, определяется следующими составляющими:

1) решение задач: а) по совершенствованию формы и структуры норм доказательственного права, регламентирующих применение научно-технических достижений; б) упорядочению доказательственных правоотношений, возникающих между участниками уголовного процесса в ходе собирания, проверки и оценки доказательств в связи с использованием научно-технических достижений; в) оптимизации доказательственной деятельности субъектов доказывания с применением научно-технических достижений;

[6] См.: *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С.* Указ. соч. С. 265.

2) исследование тех научно-технических достижений, которые уже используются либо могут быть успешно реализованы в процессе собирания, проверки и оценки доказательств в соответствии с их прямой либо общей предусмотренностью уголовно-процессуальным законом (рассматриваются процессуальные форма и содержание правоотношений по применению научно-технических возможностей в процессе доказывания);

3) разработка предложений по совершенствованию законодательства в части использования научных знаний и технических средств в доказывании по уголовным делам.

Задачи применения научно-технических достижений в уголовно-процессуальном доказывании Д. В. Зотов видит в объективизации и оптимизации процесса доказывания. Под объективизацией следует понимать вовлечение в уголовный процесс доказательств и способов их собирания, проверки и оценки, которые в меньшей степени подвержены воздействию субъективных факторов. Оптимизация представляет собой организацию доказывания, осуществляемую рациональными и целесообразными способами на основе широкого применения научно-технических возможностей.

Основной формой применения научно-технических достижений в уголовно-процессуальном доказывании выступает возможность их использования в качестве средств доказывания (доказательств) и способов доказывания (система приемов и операций, направленная на собирание, проверку и оценку доказательств и реализуемая в предусмотренных процессуальным законом действиях следователя, суда и других управомоченных на то лиц и органов).

Возможность применения научно-технических достижений в качестве средств доказывания обладает рядом особенностей. В одних случаях научно-технические достижения могут выступать в качестве источников доказательств, хотя и сведения, получаемые из этих источников, могут быть научно обоснованными (заключение и показания эксперта, некоторые вещественные доказательства и иные документы). Вместе с тем научно-технические достижения не могут существовать в форме источников иных доказательств – протоколов следственных и судебных действий, показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего, хотя све-

дения, полученные из названных источников, могут быть научно обоснованными и иметь важное значение для доказывания, в первую очередь для определения достоверности доказательств.

Научный интерес В. Г. Болычева определен тем, что использование научно-технических средств в процессуальной деятельности следователя обусловлено, с одной стороны, новыми возможностями науки и техники, бурно развивающимися в условиях научно-технического прогресса, а с другой – значительным числом преступлений, совершаемых, в том числе, с применением современных научно-технических средств. Существует объективная закономерность отставания правового регулирования использования данных средств в доказывании от научно-технического прогресса, который постоянно предлагает новые, более совершенные научно-технические средства для борьбы с преступностью. Практический взгляд позволил автору прийти к следующим выводам:

– при наличии общей нормы законодатель отдельно указывает на применение научно-технических средств при выполнении конкретных следственных действий, в частности осмотре трупа, освидетельствовании, контроле и записи переговоров, допросе, предъявлении для опознания, лишь подчеркивая важность и сложность таких действий. Однако это не исключает правомерности их использования следователем при осуществлении иных следственных действий;

– располагая достаточными правами по применению научно-технических средств для фиксации доказательственной информации, следователь не всегда является инициатором их применения. Так, по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- и (или) видеозапись. Следовательно, инициатива применения научно-технических средств при допросе может принадлежать любому допрашиваемому лицу;

– определены преимущества фиксации доказательственной информации с помощью научно-технических средств: закрепление фактических данных (объективно, оперативно) в определенном их состоянии, на определенный момент; материальное (объективное) закрепление признаков объекта различными научно-техническими средствами на момент его обнаружения при невозможности изъятия объекта в натуре; перевод информации из менее устойчивой в более устойчивую; обеспечение достоверности и адекватности

отображения воспроизводимых данных; обеспечение сохранности (консервация) в неизменном виде свойств и признаков объекта, имеющих значение для уголовного дела; обеспечение возможности многократного использования зафиксированной с помощью научно-технических средств информации адресатом доказывания и иными участниками процесса и др.

Общей тенденцией представленных работ воронежских ученых является последовательное сужение предмета исследования. Объясняется это опять же одним из следствий НТП – дифференциацией и специализацией научного знания. Если Г. Ф. Горский рассматривал проблемы НТП в процессуально-криминалистическом аспекте, то интерес Л. Д. Кокорева лежит в контексте уголовно-процессуальной деятельности и правоотношений. В работе В. А. Панюшкина уголовно-процессуальные проблемы НТП рассматриваются применительно ко всем стадиям и субъектам уголовного процесса, всем видам процессуальной деятельности и используемых в уголовном судопроизводстве научно-технических достижений. Сфера интересов Д. В. Зотова сужается до доказывания, составляющего основное содержание уголовно-процессуальной деятельности. В. Г. Болычев сосредотачивается на вопросах применения научно-технических средств только таким субъектом процесса, как следователь.

Выделение так называемой «чистой» процессуальной составляющей проблем НТП в судопроизводстве представляется оправданным и актуальным. В первую очередь это необходимо для отграничения от криминалистического предмета исследования. Как известно, криминалистика возникла и развивалась как наука, достижения которой использовались в большей степени для оснащения техническими средствами, а впоследствии – тактическими приемами лиц, осуществляющих расследование преступлений. Если обратиться к ее современным трактовкам, то не сложно заметить, что большинство авторов включают в ее содержание в том или ином виде вопрос об использовании достижений науки и техники в деле борьбы с преступностью. Вместе с тем проблема применения научных знаний и научно-технических средств стоит и перед теорией уголовного процесса.

Несомненно, что взаимное проникновение положений наук не только не вредит каждой из них, а напротив, обогащает их и во-

оружает новыми знаниями. Однако комплексность исследования, тенденция к интеграции при решении наиболее сложных вопросов той или иной области познания не отменяют предметности изучения объективной действительности. Этот процесс часто приводит к смешению предметов и методов разных наук в решении какой-либо комплексной задачи, и поэтому особенно актуальным является более строгое разграничение наук.

Польза от четкого определения научного предмета исследования прослеживается в дискуссиях процессуалистов и криминалистов по тем или иным проблемам НТД в уголовном судопроизводстве. Примером могут служить вопросы об определении научно-технического средства и использовании результатов применения полиграфа.

Проблема «широкого – узкого» толкования научно-технических средств состоит в том, что некоторые авторы не учитывают современного понимания научно-технических средств и способов их применения, а воспринимают рассматриваемый термин только в узком смысле как материализованное воплощение научных знаний.

Так, Р. С. Белкин предлагает вообще отказаться от термина «научно-техническое средство» в криминалистических исследованиях и практической деятельности, полностью заменив его понятием «технико-криминалистическое средство», поскольку первый термин не отражает специфических, криминалистических целей применения средств и в целом излишне претенциозен, ибо ряд технико-криминалистических средств не может быть назван научным (например, щуп, молоток, валик и т. п.)[7]. Близка к приведенной позиции точка зрения О. Я. Баева, полагающего, что «не все технико-криминалистические средства есть средства научно-технические. К примеру, в криминалистической практике часто используются щупы. Щуп – это обычная тонкая заостренная металлическая палка, применяемая для прокалывания, например, подушек, обоев, участков земли в поисках тайников, документов и т. п. Большой науки в его создании видимо нет»[8].

Указанные мнения подверглись критическому осмыслению. Обращаясь к взглядам о роли «большой науки» в создании и приме-

[7] См.: *Белкин Р. С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. С. 73–74.

[8] *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. М., 2001. С. 157.

нении технико-криминалистических средств, следует учитывать, что «любое техническое средство может быть признано научно-техническим при условии воплощения в нем хоть небольшой толики научного знания», как отмечает В. А. Панюшкин. «Все средства криминалистической техники являются научно-техническими. Такой вывод логично вытекает из приведенного ранее определения понятия технико-криминалистических средств. К ним, как известно, были отнесены лишь те технические средства, которые изготовлены либо приспособлены специально для целей борьбы с преступностью. А сделать это без научных знаний (прежде всего криминалистических) практически невозможно»[9].

Вместе с тем такая дискуссия не имеет принципиального значения, так как происходит сужение определения «научно-техническое средство» до уровня исследования научности отдельного элемента этого понятия – технического средства, а это вряд ли целесообразно. Вместе с тем даже те ученые, которые определяют научно-технические средства как совокупность технических средств и методов их применения, при дальнейшем раскрытии проблем общего термина усекают их до технических средств. Методу (способу) применения таких средств не уделяется должного внимания, в то время как он является направляющим элементом рассматриваемого понятия. В силу того, что метод всегда является научным способом применения как технико-криминалистических, так и общетехнических средств, следует признать научно-техническими средствами любые технические средства. Определяющее значение метода как научного способа деятельности можно проиллюстрировать следующим примером. Несмотря на то, что щуп как элементарное техническое средство не содержит в себе «большой науки», этот инструмент будет научно-техническим средством, поскольку имеются общенаучные методы работы щупом, в криминалистике разработаны соответствующие рекомендации и приемы по его использованию при производстве отдельных следственных действий (обыск, осмотр), наука и практика считают необходимым его включение в современные комплекты средств криминалистики и т.п.

Обоснование принципа научности уголовного процесса по-прежнему (несмотря на значительные усилия криминалистов) оставляет уязвимой проблему использования полиграфа в уголовном

[9] *Панюшкин В. А.* Указ. соч. С. 71.

судопроизводстве. По мнению сторонников внедрения полиграфа, на успех тестирования влияют:

1) технические характеристики прибора и методика работы с ним (принцип работы прибора и интерпретация полученных результатов);

2) субъективные характеристики обследуемого;

3) профессионализм полиграфолога и создаваемые им условия.

Научно-техническая обоснованность полиграфа не вызывает сомнений, так как он представляет собой многофункциональный осциллограф. «Прибор не бывает ненаучным, – справедливо отмечает А. Р. Ратинов, – он или работает или не работает»[10]. Проблема полиграфа состоит не в его технических характеристиках, а в интерпретации результатов, полученных с использованием этого прибора. Сегодня среди сторонников использования «лай-детектора» бытует мнение, что в основе этих исследований лежит психофизиологический феномен, авторство которого приписывается Ю. И. Холодному[11]. Суть этого открытия сводится к следующему – «внешний стимул, несущий человеку информацию о событии, запечатленном в его памяти, устойчиво вызывает психофизиологическую реакцию, превышающую реакции на аналогичные стимулы, предъявляемые в тех же условиях»[12].

Указанный феномен действительно существует, однако его автором является не Ю. И. Холодный, а основоположник классического бихевиоризма[13] Д. Б. Уотсон. В случае с полиграфом основные положения, разработанные Уотсоном, были перенесены в сферу метода «детекции лжи», аналогия прослеживается даже на

[10] *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей. М., 2001. С. 257.

[11] См.: *Коровин В. В.* Соотношение психологического и технического в вопросе о достоверности результатов «детекции лжи» // Материалы круглого стола на тему «Технические и методологические аспекты «детекции лжи». URL: http://www.poligraf.sp.ru/kor.html

[12] См.: *Митричев В., Холодный Ю.* Полиграф как средство получения ориентирующей криминалистической информации // Записки криминалистов. М., 1993. Вып. 1. С. 176.

[13] Бихевиоризм является не совсем научным направлением психологической науки. Он скорее выглядит наукообразным и подражает естественным наукам. Многие его положения ограничиваются прогнозом и контролем поведения человека, не касаясь на этом основании сущности человека. Ошибочность исходных методологических посылок бихевиоризма состоит в отрицании сознания как особой формы регуляции поведения, сведении поведения к внешним приспособительным актам, отождествлении принципов жизнедеятельности человека и животных.

уровне терминологии. С точки зрения бихевиоризма, подлинным предметом психологии является не сознание человека, а объективно фиксируемые характеристики поведения, в том числе и изменения в физиологических процессах (перепады давления, изменение двигательной активности, частоты дыхания, повышенное потоотделение и т. п.). Бихевиористы полагают: мышление есть поведение, двигательная активность, определенное мускульное усилие, такие, какими мы пользуемся при разговоре. Таким образом, человек – подобие машины, отвечающей автоматическими реакциями на стимульные команды.

«Превышения реакции на аналогичные стимулы», указанные Ю. И. Холодным, в психологии объясняются тем, что «здесь активное действие “соскальзывает” в то русло, которое ему “предлагается” стимулом. Образно говоря, стимул “соблазняет” спонтанное действие стать реакцией на себя»[14]. П. Я. Гальперин назвал это «известной бихевиористической гипотезой о работе мозга по принципу переключения более слабых нервных процессов на пути одновременно протекающих более сильных процессов»[15].

Первоначально возникает впечатление об отличии сути «психофизиологического метода детекции лжи» от бихевиористических положений, так как основной принцип детекции, по мнению Ю. И. Холодного, «заключается в том, чтобы соединить скрытые и недоступные прямому наблюдению процессы, происходящие в психике человека, с одновременно протекающим, доступным для непосредственного наблюдения физиологическим процессом»[16]. Однако в этом случае не ясно, как ученый собирается соединять объективно фиксируемые физиологические реакции с недоступными психическими процессами. Человеческое сознание работает по определенным четким принципам, но механизм его функционирования современной наукой не выявлен, следовательно, не представляется объективной возможности говорить об использовании в научных целях чего-либо «скрытого и недоступного». Всё остальное – не что иное, как паранаучные гипотезы. Таким образом, отпадает возможность исследования психических процессов на-

[14] *Яновский М. И.* Старый конь борозды не портит... (опять о бихевиоризме). URL: http://www.etel.dn.ua/~psychology/stat/UchSvet/OldHorse.htm

[15] *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М., 1976. С. 19.

[16] Цит. по: *Жеглов А.* Детектор правды // Итоги. 2001. 23 окт.

прямую, и мы опять возвращаемся к тезисам бихевиоризма о сведении сознания к поведению и гипотезе об его отражении через мануальные, вербальные и висцеральные реакции.

Теперь предстоит выяснить, какие именно стимулы вызывают соответствующую реакцию «лжи» или «правды». Анализ различных исследований дает довольно-таки широкий спектр чувств и эмоций, свидетельствующих о значимости предъявленной лицу информации. Соответствующую реакцию могут вызвать страх, различные опасения, волнение, тревога, обеспокоенность, возбуждение, угроза (внешняя и внутренняя), провокация на повтор переживаний, настроение, смех, кашель, применение лекарственных средств, обстановка, склад характера, темперамент и др. Аргументированной представляется позиция Н. Н. Полянского. Он к факторам, влияющим на психофизиологическое состояние испытуемого, относит также мировоззрение лица: «От социальной принадлежности подозреваемого или обвиняемого зависит, доверяет ли он суду, следователю или прокурору, верит ли он в то, что этим органам в самом деле ничего, кроме правды, не нужно, или он подозревает, что в действительности они стремятся только к осуждению допрашиваемого, к получению от него таких ответов, которые давали бы возможность (хотя и необоснованную) возложить на него ответственность»[17]. Таким образом, налицо универсальный характер реакции. Он проявляется не только на создаваемые стимулы в связи с задаваемыми вопросами. Следовательно, отсутствуют достаточные оснований для утверждения, чем вызвана реакция обследуемого – ложью или утаиванием информации.

В исследованиях по проблеме полиграфа отмечается, что для испытаний подходит нормальный, уравновешенный человек, который адекватно реагирует на то, что с ним происходит[18]. Однако критерии психологической нормы и адекватности установить не так просто, так как «каждый тип человека отличается особым поведением – прагматик поведет себя совсем не так, как романтик, пессимист – не так, как оптимист»[19]. Для того чтобы снять эти

[17] *Полянский Н. Н.* Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946. С. 68–76.

[18] См.: О детекторе лжи : полиграф. URL: http://www.nsk.su/~psiholog/lit.htm#met1

[19] *Разливин И.* Детектор лжи в поисках истины. Как работает полиграф. URL: http://www.pl–computers.ru

дестабилизирующие факторы, в тестировании принимает участие полиграфолог. Он на сегодняшний день играет ключевую роль в психофизиологических исследованиях «детекции лжи».

И. Разливин, рассматривая способы приведения обследуемого в «нормальное» состояние, указывает: «Постепенно определяя тип личности, экспериментатор задает самые обыденные вопросы и по реакции на них человека определяет его индивидуальные особенности, “калибруя” по мере надобности шкалу вопросов-ответов. После фиксации того момента, когда человек успокоился и готов к настоящей проверке, к нейтральным вопросам незаметно добавляются и проверочные, ради которых собственно и проводится испытание»[20]. Однако и это положение вызывает сомнения. Если часть ранее указанных явлений, определяющих реакцию испытуемого, полиграфолог может снять или хотя бы нейтрализовать, то остаются такие обстоятельства, в борьбе с которыми специалист практически бессилен. Например, общая эмоциональная возбудимость или «уплощенность» личности, которые скорее останутся неизмененными даже при неоднократном воздействии стимула. Правильно определив тип личности, такую его составляющую, как темперамент, и установив соответствующий уровень адекватности реакций, полиграфолог не в состоянии дать достоверные выводы по предмету тестирования. Это происходит вследствие того, что чаще встречаются люди, сочетающие черты двух или трех темпераментов, причем одни признаки выражены ярче, другие – слабее, и проявляются они по-разному в жизненных ситуациях.

Указанные рассуждения о характере достаточной обоснованности данных, сделанных по результатам опроса с использованием полиграфа, не свидетельствуют в пользу достоверности таких исследований. Выводы полиграфолога носят во многом умозрительный характер, в их основе лежит не подлинная научность, а скорее околонаучные предположения.

[20] См.: Там же.

Г. К. Авдеева

кандидат юридических наук, доцент

С. М. Бобрицкий

кандидат технических наук, директор

ИННОВАЦИИ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Глобальная компьютеризация общества, развитие современных информационных технологий[1] и телекоммуникационных систем приводят к появлению новых средств и методов преступной деятельности. Это, в свою очередь, требует использования адекватных средств противодействия преступлениям, интенсивного внедрения инноваций в работу правоохранительных органов для своевременного выявления, квалифицированного расследования и профилактики преступлений в сфере использования информационных технологий.

Инновационными принято считать не любые нововведения, а лишь такие средства и методы, совокупность которых существенно повышает эффективность определенной деятельности.

Преступления в сфере использования электронно-вычислительных средств, телекоммуникационных систем и компьютерных сетей (раздел 16, ст. 361–363 УК Украины) подразделяются на следующие виды:

– несанкционированный доступ в работу электронно-вычислительных машин (компьютеров), автоматизированных систем, компьютерных сетей, баз данных;

[1] В Законе Украины «О Национальной программе информатизации» указано, что «информационной технологией (IT) является целенаправленная организованная совокупность информационных процессов с использованием средств вычислительной техники, обеспечивающих высокую скорость обработки данных, быстрый поиск информации, доступ к информации независимо от места ее расположения». См.: Про Національну програму інформатизації. Закон України // ВВР. 1998. № 27–28. Ст. 181 с изм., внесенными в соответствии с Законом № 2684-III от 13.09.2001 (ВВР. 2002. № 1. Ст. 3).

© Авдеева Г. К., Бобрицкий С. М., 2014

– создание с целью использования, распространения или сбыта вредоносных программных продуктов или технических средств, а также их распространение или сбыт;

– несанкционированные сбыт или распространение информации с ограниченным доступом, которая хранится в электронно-вычислительных машинах (компьютерах), автоматизированных системах, компьютерных сетях или на носителях такой информации;

– преступления, совершенные путем использования компьютерной системы как средства достижения преступной цели и др.

Одним из способов совершения преступления в сфере компьютерных технологий является использование вредоносных программных продуктов. Зараженные «компьютеры-жертвы» помимо воли их владельцев становятся участниками botnet-сетей[2]. Кража личных персональных и коммерческих авторизационных данных пользователей, конфиденциальной информации, содержания ключей защиты, использование аппаратного ресурса «компьютера-жертвы» с последующей возможностью проведения DDoS-атак[3], несанкционированной рассылки сообщений и выполнения ложных транзакций[4] – вот далеко не полный перечень правонарушений, зафиксированных в банковской сфере Украины. Сегодня во всем мире количество преступлений с использованием телекоммуникационных сетей и сетевых технологий (киберпреступность) составляет 30–40 % от общего количества преступлений, и их количество с каждым годом растет. Мотивация роста таких правонарушений проста – большие деньги, противозаконное получение которых не нуждается в непосредственном участии пра-

[2] *Botnet* – это компьютерная сеть, состоящая из некоторого количества хостов (как правило, компьютеров или устройств, поддерживающих сервис «клиент-сервер»), с запущенными ботами – программным обеспечением, работающим автономно. Скрытно установленный бот на компьютере жертвы позволяет злоумышленнику выполнять определенные действия с использованием ресурсов зараженного компьютера.

[3] *DDoS-атака* (атака типа «отказ в обслуживании»; от *англ.* Distributed Denial of Service) – атака одновременно с большого числа компьютеров на вычислительную систему с целью довести ее до отказа, т.е. создание таких условий, при которых легальные пользователи системы не могут получить доступа к предоставляемым системным ресурсам (серверам) либо этот доступ затруднен (см.: *Дремлюга Р. И.* Интернет-преступность : монография. Владивосток, 2008. С. 23.

[4] *Транзакция* – банковская операция, состоящая в переводе денежных средств с одного счета на другой (см.: Финансовый словарь. URL: http://finance.sci-lib.com).

вонарушителя. Так, по прогнозам известной российской компании LETA Group (в состав которой входят известные фирмы Group-IB, ESET)[5], оборот на рынке киберпреступности в 2013 г. может составить 7,5 млрд долларов (в 2010 г. – 2,5 млрд долларов).

Сегодня в сети Интернет размещены предложения хакеров[6] по осуществлению DDoS-атак и уже существуют определенные расценки на этот вид «услуг». 12 января 2013 г. в Киеве задержан хакер, который совершал такие атаки на сайты украинских и зарубежных коммерческих структур по заказу конкурентов. В целях конспирации хакер общался с заказчиками через анонимные интернет-пейджеры, а денежные средства получал с помощью виртуальных платежных систем, зарегистрированных на подставных лиц.

Термин «преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий» охватывает все действия, предполагающие использование достижений этих технологий, а также те, которые посягают на компьютерную информацию. В криминалистическом аспекте такое определение позволило разработать инновационные типовые приемы, средства и методы обнаружения, фиксации и исследования компьютерной информации.

Одним из важнейших определяющих факторов в борьбе с данными преступлениями является область их совершения – киберпространство. Киберпространством называют сферу существования компьютерной информации, которая образована совокупностью средств компьютерной техники[7]. Компьютерная информация[8] в зависимости от характера преступных деяний выступает как предмет посягательства и как область возможного сохранения следов преступной деятельности.

[5] «Русский» рынок компьютерных преступлений в 2010 году : состояние и тенденции» : аналитический отчет. URL: http://www.group-ib.ru

[6] *Хакер* (от англ. hacker, to hack – рубить, прорубить) – компьютерный взломщик – тот, кто с помощью своего компьютера проникает в информационные сети банков, финансовых, промышленных и других организаций с целью получения необходимой информации, заражения этих сетей вирусом и т.п. (см.: *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008. 944 с.).

[7] См.: *Мещеряков В. А.* Преступления в сфере компьютерной информации : основы теории и практики расследования. Воронеж, 2002. С. 41.

[8] Компьютерной информацией является информация в электронном (цифровом) виде, которая может быть зафиксирована на определенном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), в телекоммуникационной системе или сети ЭВМ.

Специфические свойства компьютерной информации:

– отсутствие неразрывной связи с материальным носителем;

– динамичность, возможность мгновенного переноса в пространстве (в том числе из одной части земного шара в другую);

– возможность изменения и уничтожения информации любого объема за короткие промежутки времени (в том числе при помощи удаленного доступа)[9];

– сложность в расследовании киберпреступлений традиционными методами.

Кроме того, все копии компьютерной информации (независимо от вида носителя) идентичны оригиналу.

Компьютерная информация является новым объектом криминалистического исследования, а компьютерная техника (технико-криминалистическое средство для работы с компьютерной информацией) придает этой информации значение источника доказательства.

Сегодня разработано значительное количество эффективных современных средств поиска (восстановления) уничтоженной электронной информации. Судебными экспертами Украины используются такие программные продукты, как X-Ways Forensics, EnCase Forensics, FTK, AccessData Forensic Toolkit, Forensic Disk Decryptor, MailPro, FileLister и др.

Практика показывает, что наиболее полно доказательную базу можно сформировать, привлекая специалистов в области информационных технологий, использующих постоянно обновляющиеся программные средства. Например, к осмотру средств компьютерной техники и поиску необходимой цифровой информации привлекаются специалисты в области компьютерной техники, программных продуктов, телекоммуникационных сетей и средств.

Следы преступлений в сфере использования информационных технологий образуются в результате внешнего воздействия на компьютерную информацию и представляют собой любые изменения

[9] Криминалистика : учебник / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб., 2001. С. 370.

компьютерной информации, связанные с событием преступления. Такими изменениями могут быть следы уничтожения, модификации, копирования информации, блокирования информационной системы. Следы изменений остаются на машинных носителях информации и отражают изменения в информации, которая в них хранится (по сравнению с исходным состоянием). Часто преступниками осуществляются модификации баз данных, программ, текстовых файлов, находящихся на стационарных и сменных носителях информации, предназначенных для многократной ее перезаписи. Информация может сохранить следы ее частичного уничтожения или модификации (удаления из каталогов имен файлов, удаления или добавления отдельных записей, физического разрушения или размагничивания носителей). Информационными следами являются также результаты работы антивирусных и тестовых программ. Данные следы могут быть обнаружены при экспертном исследовании компьютерного оборудования, протоколов работы операционных систем, приложений, антивирусных программ, программного кода и др.

Следы неправомерного доступа к информации можно обнаружить в сети Интернет, а затем, исходя из их признаков, установить исходное подключение и техническое средство, с которого совершалось данное правонарушение. Наименование и адрес интернет-провайдера[10], при помощи которого правонарушитель подключен к сети Интернет, можно получить через специальную службу Whois (в сети Интернет). В общедоступном сервисе по адресу www.ripe.net указывается электронный адрес (IP) атакующего компьютера. Время работы пользователя в сети можно установить по специальному log-файлу (журналу). Дополнительные сведения о виде, порядке и времени подключений пользователя к сети Интернет и совпадение этих данных с log-файлом провайдера могут служить весомым доказательством несанкционированного доступа в компьютерную систему.

Определенную информационную ценность имеют SMS-сообщения[11], которые автоматически фиксируются и накапливаются на

[10] *Интернет-прова́йдер* (иногда просто провайдер; от *англ*. internet service provider, сокр. ISP – поставщик интернет-услуги) – организация, предоставляющая услуги доступа к сети Интернет и иные связанные с Интернетом услуги.

[11] SMS (от *англ*. Short Messaging Service – служба коротких сообщений) – технология, позволяющая осуществлять прием и передачу коротких текстовых сообщений с помощью мобильного телефона (см.: Англо-русский словарь по вы-

сервере мобильного оператора. Можно получить у оператора мобильной связи распечатку перечня телефонных звонков и текстов SMS-сообщений.

В 2002 г. изучение и анализ SMS-сообщений позволили обезвредить организованную преступную группу, которая в Харькове, Киеве, Запорожье и других городах Украины при помощи различных мошеннических действий и «театральных» представлений шантажировала состоятельных людей и в течение нескольких лет получала огромные суммы денежных средств. Данная преступная группа имитировала дорожно-транспортные происшествия, убийства по неосторожности, тяжкие телесные повреждения и др. Одни члены группы исполняли роль «трупов», другие – сотрудников правоохранительных органов. Организация каждого нового преступления сопровождалась сменой номеров мобильных телефонов каждого члена преступной группы. Членам данной группы было разрешено звонить с «рабочего» телефона только жертве преступления или друг другу и запрещено звонить родным и близким, однако однажды один из таких «артистов» позвонил своей супруге. Этот звонок, информацию о котором сотрудники правоохранительных органов получили от оператора мобильной связи, послужил отправной точкой к расследованию серии преступлений, совершенных по всей территории Украины.

Важную информацию можно получить при изучении данных электронной переписки и сервисов обмена мгновенными сообщениями. Во многих случаях именно эти следы позволяют установить организационные схемы преступлений. Так, в 2010 г. анализ электронных сообщений и переписки на территории Харькова и других городов Украины позволил установить каналы поставки сырья для изготовления курительных смесей и энергетиков, основой которых служило синтетическое вещество «JWH» (при употреблении вызывает эффект, сравнимый с действием марихуаны), а также рекомендации по их производству, упаковке, особенностям реализации. Правоохранительными органами Украины была пресечена преступная деятельность широкой сети реализации данной продукции. Лишь в Харькове сотрудниками

числительной технике и программированию –The English-Russian Dictionary of Computer Science : около 55 тыс. статей. – 8-е изд., испр. и доп. Электронная версия. URL: http://slovari/yandex.ru).

правоохранительных органов выявлялось по 50–60 торговых точек в месяц, наибольшее количество которых находилось вблизи начальных школ.

Следы несанкционированного доступа к информации содержатся в журналах операционных систем и отдельных приложений, которые могут создавать резервные копии файлов и файлы-отчеты, хранят информацию о последних проведенных операциях и выполненных программах, а также содержат иную информацию, имеющую значение для расследования. Следами, указывающими на посторонний доступ к информации, могут быть: переименование каталогов и файлов, изменение размеров и содержимого файлов, их атрибутов, появление новых каталогов, файлов, изменение времени последнего доступа к информации, ее модификация и др.

В последние 2–3 года наблюдается рост правонарушений в системах дистанционного банковского обслуживания (ДБО). ДБО – это комплекс сервисов удаленного доступа клиентов к банковским услугам. При этом клиент удаленно (без визита в банк) передает необходимые распоряжения, используя информационные технологии.

Системы ДБО на Украине разделяются на такие виды: система «Клиент-Банк» (PC-banking, remote banking, direct banking, home banking), интернет-банкинг, мобильный банкинг. Мошенническая схема хищения денежных средств состоит из трех основных этапов: получение конфиденциальной информации для осуществления неправомерного доступа в систему ДБО, проведение мошеннической операции от имени пользователя с использованием его авторизационных данных и содержания ключей электронных средств защиты, обналичивание денежных средств.

Для хищения персональных (авторизационных) данных пользователя системы ДБО (логина, пароля и ключей подписи) правонарушители используют специальное вредоносное программное обеспечение. Чаще всего это модификации хорошо известных троянских программ с дополнительными функциями[12], позволяющие безвозвратно удалить троянскую программу без возможности ее восстановления.

[12] Комплексное расследование мошенничества в системах интернет-банкинга. URL: http://www.group-ib.ru/images/media/Group-IB_AntiFraud.pdf

Условиями, способствующими хищению персональных (авторизационных) данных, являются:

– несоблюдение субъектами предпринимательской деятельности, государственными учреждениями требований по нераспространению конфиденциальных данных (авторизационных данных пользователей интернет-банкинга, содержания ключей электронных средств защиты), доступ посторонних лиц к конфиденциальной информации предприятия. Так, например, судебные эксперты в большинстве случаев при исследовании компьютерного средства легко отыскивают содержание авторизационных данных для подключения к системе интернет-банкинга, содержание закрытого ключа, которым подписывается документ (выполняется транзакция) пользователем;

– недостаточная защита компьютерно-технических средств, которые работают в системах ДБО, от внешней интернет-среды локальной сети учреждения. Это дает возможность правонарушителям получать контроль над информацией и соединениями на интернет-ресурсах финансовых учреждений, манипулировать аппаратными возможностями компьютерно-технических средств с целью объединения их в botnet-сети для распространения спама[13] или организации DDoS-атак. Так, в ряде случаев из анализа журналов операционной системы, журналов программ защиты операционной системы компьютера, фактического наличия вирусных и троянских кодов и программ становится понятным, что предпосылкой преступления (например, ошибочной транзакции) является то, что преступники при подготовке к правонарушению изучают время и технические возможности работы компьютерной системы потенциальной жертвы, блокируют ее работу в сети и «заражают» информацию пользователя с целью получения дистанционного контроля над определенными технологическими процессами. Самостоятельно пользователь, а это, как правило, сотрудник бухгалтерии, не в состоянии оценить опасность неожиданных задержек в работе компьютера и телекоммуникационных средств, а также загрузки неоригинальной web-страницы[14] ресурса банковского учреждения;

[13] *Спам* (от *англ.* spam) — рассылка коммерческой и иной рекламы или других видов сообщений лицам, не выражавшим желания их получать.

[14] *Веб-страница* (от *англ.* Web page) – документ или информационный ресурс сети Интернет.

– использование субъектами предпринимательской деятельности, государственными учреждениями нелицензионного программного обеспечения (в особенности операционных систем, программ защиты информации), «заражение» информации компьютера пользователями локальной сети организации.

Сегодня для решения проблем борьбы с компьютерными преступлениями криминалистами исследуется технический характер их осуществления. Особое внимание уделено разработке новейших технических средств и приемов обнаружения, изъятия, фиксации и исследования следов преступлений с использованием компьютерных технологий.

Борьба с компьютерной преступностью не ограничивается установлением уголовной ответственности за конкретное совершенное преступление. Сегодня активно осуществляется построение международной системы борьбы с данными видами преступлений, объединяются необходимые кадры, разрабатываются методики, уточняются процедуры взаимодействия с международными структурами и правоохранительными органами других стран (в том числе – при помощи телекоммуникационных средств и систем).

В. Ю. Агибалов

кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПОИСКА И ОБНАРУЖЕНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ СЛЕДОВ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА И ВЫЕМКИ

В начале формирования российского уголовно-процессуального законодательства обыск рассматривался как деятельность по сбору доказательств, от результатов которой зависел способ суда над подсудимым. По Судебникам 1497 и 1555 гг. обыск и пытка являлись основными методами ведения уголовного процесса, причем всё уголовное судопроизводство того времени именовалось обыском[1].

Соборное уложение 1649 г. (глава X «О суде») более детально регламентировало порядок уголовного судопроизводства, однако обыск по-прежнему рассматривался в качестве процесса доказывания вины лица[2].

К XIX в. сформировалось понятие обыска как процессуального действия и как одного из средств доказывания. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. впервые появилась норма об обязательном присутствии понятых при обыске. В этот период обыск из всеобъемлющего способа сбора доказательств по делу превратился в конкретное следственное действие[3].

В послереволюционный период в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве (начиная с УПК РСФСР 1922 г. и вплоть до УПК РСФСР 1961 г.) по-прежнему были закреплены нормы, устанавливающие, что при проведении обыска необходимо специальное постановление и ордер на производство обыска, а также присутствие при его производстве понятых и лица, у которого производится обыск.

---

[1] См.: *Петрухин И. Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 127–128.

[2] См.: История государства и права России. Источники права. Юридические памятники XI–XX вв. М., 1995. С. 62.

[3] См.: Там же. С. 121.

© Агибалов В. Ю., 2014

УПК РФ 2001 г. существенно конкретизировал и расширил нормы, регулирующие особенности производства обыска. Однако в правоприменительной практике этих норм оказалось недостаточно. В настоящее время УПК РФ в том виде, в котором он был принят, фактически не существует, поскольку в него внесены изменения более чем ста двадцатью федеральными законами, однако представление о сущности обыска как следственного действия существенных изменений не претерпело.

Исходя из сути ст. 182 УПК РФ обыск – это самостоятельное следственное действие, содержанием которого является принудительное обследование помещений, сооружений, участков местности и транспортных средств, отдельных граждан в целях отыскания и изъятия скрываемых доказательств преступления: орудий преступления, предметов, документов, ценностей, а также розыска лиц, трупов. Данное положение остается в основном справедливым и при расследовании преступлений, связанных с использованием компьютерной информации. При этом в большинстве случаев обыск и выемка по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации являются неотложными следственными действиями и требуют тщательной подготовки[4].

В соответствии с устоявшимися представлениями задачами обыска[5] при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации являются отыскание и изъятие:

1) орудий, используемых для совершения преступления в сфере компьютерной информации, в том числе носителей информации, примененных для копирования похищенной информации или содержащих программы «взлома» защиты компьютера, вредоносные программы, иные программы и файлы данных (например, библиотеки паролей и имен), использованные при совершении преступления;

[4] См.: *Шурухнов Н. Г., Левченко И. П., Лучин И. Н.* Специфика проведения обыска при изъятии компьютерной информации // Актуальные проблемы совершенствования деятельности ОВД в новых экономических и социальных условиях. М., 1997. С. 208–216.

[5] О тактических особенностях обыска по преступлениям в сфере компьютерной информации см.: *Шурухнов Н. Г., Левченко И. П., Лучин И. Н.* Указ. соч ; *Шурухнов Н. Г., Лучин И. Н.* Методические рекомендации по изъятию компьютерной информации при проведении обыска // Информационный бюллетень Следственного комитета МВД РФ. М., 1996. № 4 (89). С. 22–28.

2) компьютерной информации;

3) специальной литературы, посвященной вопросам компьютерной безопасности, эксплуатации ЭВМ, создания вредоносных программ, неправомерного доступа к компьютерной информации, принципов и алгоритмов организации компьютерных сетей, программного обеспечения и др.;

4) иных вещественных доказательств и документов, имеющих значение для дела;

5) разыскиваемого лица.

Учитывая особенности приведенных задач, специфику мест проведения обыска, а также сущность виртуальных следов как компьютерной информации, имеющей отношение к расследуемому уголовному делу, необходимо отметить, что проведение рассматриваемого следственного действия требует серьезной и всесторонней подготовки.

Интегрально, по мнению целого ряда криминалистов, занимавшихся изучением расследования преступлений в сфере компьютерной информации и «традиционных» преступлений, сопряженных с использованием компьютерной техники, в процессе подготовки к проведению обыска (до выезда на место проведения) необходимо:

1) определить режим и вид технических систем охраны помещений, средств вычислительной техники и категорию обрабатываемой информации (в случае обработки конфиденциальной информации установить, к какому виду тайны она относится);

2) выяснить, какие компьютерные системы имеются в помещениях, где планируется проведение обыска, оценить ее количество и особенности комплектации;

3) установить, используются ли в комплекте с вычислительной техникой устройства автономного или бесперебойного питания и к чему может привести отключение электроэнергии;

4) выявить наличие локальной сети и выхода в другие сети с помощью модема, радиомодема или выделенных линий;

5) найти используемое прикладное программное обеспечение;

6) выявить наличие систем защиты информации и шифрования, их типы и особенности функционирования;

7) оценить возможности использования средства экстренного уничтожения компьютерной информации;

8) определить круг специалистов по компьютерным системам, необходимых для проведения следственного действия;

9) проинструктировать оперативных сотрудников и видеооператора, привлекаемых к участию в обыске, о специфике проводимого следственного действия;

10) подготовить соответствующую компьютерную технику, которая будет использована для считывания и хранения изъятой информации;

11) изучить личность владельца компьютера, его профессиональные навыки по владению компьютерной техникой, а также особенности организации обработки информации в организации или учреждении, где планируется проведение следственного действия;

12) определить дату, время, границы поиска и меры, обеспечивающие конфиденциальность обыска;

13) пригласить понятых, обладающих общими знаниями в сфере компьютерной информации (на уровне квалифицированного пользователя);

14) спрогнозировать характер вероятной информации, находящейся в компьютере[6].

Приведенные рекомендации верно отражают специфику подготовки к рассматриваемому следственному действию и положительно зарекомендовали себя на практике в течение последних 5–10 лет. Вместе с тем время не стоит на месте, и сегодня для создания локальных вычислительных сетей, подключения цифровых устройств различного назначения (Web-камер, радиомикрофонов, TV-тюнеров и т.п.), организации точки подключения отдельных компьютеров к широкополосному каналу доступа в Интернет активно используются радиоканалы (radio-Ethernet, Bluetooth, Wi-Fi, WiMax и т.п.).

В связи с этим значительное место в процессе подготовки к проведению следственного действия должны занимать мероприятия по выяснению топологии сетей, использующих подключение по радиоканалу, мест расположения коммутационного и сервер-

[6] См.: *Мещеряков В. А.* Преступления в сфере компьютерной информации : основы теории и практики расследования. Воронеж, 2002. С. 233 ; Преступления в сфере компьютерной информации : квалификация и доказывание : учеб. пособие / под ред. Ю. В. Гаврилина. М., 2003. С. 142–143 ; *Вехов В. Б., Попова В. В., Илюшин Д. А.* Тактические особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации : науч.-практ. пособие. М., 2004. С. 79–80.

ного оборудования. При этом в зависимости от сложности стоящей задачи подобные вопросы могут решаться как подручными стандартными средствами (например, с помощью смартфона, способного подключаться к каналам Bluetooth и Wi-Fi, можно грубо определить уровни соответствующих сигналов в различных точках пространства и на их основе – предположительные места точек доступа), так и профессиональными комплексами компьютерной и радиотехнической разведки.

Следует помнить, что необходимость более тщательной предварительной подготовки к проведению следственного действия, а также ряд необходимых вспомогательных мероприятий (например, измерение характеристик радиосигналов сетевых соединений в различных точках здания и помещений, где планируется проведение обыска), которые могут проводиться только в рамках оперативно-розыскной деятельности, ни в коем случае не должны повлиять на внезапность проведения обыска. Важность и значимость внезапности для результатов проводимого следственного действия, а также всего хода расследования уголовного дела неоднократно отмечалась различными учеными-криминалистами[7].

Еще одной принципиальной особенностью рассматриваемого следственного действия при расследовании преступлений, связанных с использованием средств компьютерной техники, является то, что основной его целью является отыскание и изъятие компьютерной информации. Несмотря на то, что компьютерная информация существует на материальных объектах, она по своей сути нематериальна и может быть скопирована без потери своего смыслового уголовно-релевантного содержания на другие цифровые носители.

Таким образом, мы сталкиваемся уже не с традиционным обыском, а с иным, хотя и во многом схожим с ним по процессуальному режиму самостоятельным следственным действием – копированием компьютерной информации. Факторов, подтверждающих обоснованность подобного вывода, можно привести достаточно много.

Во-первых, следственное действие происходит в весьма специфической среде – кибернетическом пространстве, имеющем соб-

[7] См.: *Мещеряков В. А.* Указ. соч. С. 34 ; *Вехов В. Б., Попова В. В., Илюшин Д. А.* Указ. соч. С. 12.

ственную топологию, зачастую принципиально отличающуюся от того, что реально наблюдает следователь в помещении (например, компьютер, находящийся в исследуемом помещении, может работать с информационными массивами, хранящимися в других компьютерах, размещенных в соседнем здании, другом городе или даже на ином континенте).

Во-вторых, объемы компьютерной информации, с которыми приходится сталкиваться следователю, неизмеримо больше тех, с которыми он традиционно работает в рамках подобного следственного действия. В связи с этим в рамках данного следственного действия следователь не может осмотреть и воспринять увиденную компьютерную информацию, что существенно отличает это действие от традиционного осмотра и обыска. В данном случае возможно лишь обнаружить компьютерную информацию с заданными свойствами и скопировать ее на цифровые носители для последующего тщательного исследования. При этом объем копируемых фрагментов существенного значения не имеет и может быть весьма внушительным.

В-третьих, при производстве копирования компьютерной информации она не исчезает из места своего исходного нахождения, что существенно отличает это следственное действие от выемки. В связи с этим подобное действие требует дополнительных технологических и процессуальных механизмов обеспечения соответствия получаемых копий компьютерной информации ее оригиналу.

В-четвертых, копирование компьютерной информации невозможно без применения специальных технических и программных средств, устройство которых и алгоритмы работы далеко не очевидны не только для понятых и лиц, участвующих в проведении следственного действия, но и для самого следователя, а также привлекаемого им специалиста. Исходя из этого, считаем оправданным документировать в рамках данного следственного действия не только вид используемых технических и программных средств, но и режимы их запуска, а также основные этапы работы. При этом результаты подобного документирования ввиду их возможного значительного объема могут быть зафиксированы в электронном виде на носителе цифровой информации однократной записи или ином с обязательным использованием средств контроля ее неизменности (электронной цифровой подписи или хэш-суммирования).

В-пятых, при производстве копирования компьютерной информации, как правило, осуществляется вторжение в личную жизнь гражданина, ознакомление с информацией, содержащей сведения, образующие одну из охраняемых законом тайн (банковская, врачебная, личной переписки и др.). В настоящее время человек значительную часть своей продуктивной деятельности осуществляет с использованием компьютерной или иной цифровой техники (мобильного телефона, плеера, цифрового фотоаппарата и др.), и, по мнению ряда исследователей, в ней уже отражается и воспроизводится часть человеческой личности. Это список контактов в телефонной книжке и электронной почте, содержание sms-сообщений или сообщений в интернет-пейджерах (ICQ, MIRC и т.п.), последовательность и продолжительность звонков определенным абонентам, наиболее часто набираемые номера и адресаты электронных коммуникаций. Даже установленные рингтоны для звонков определенных абонентов в мобильном телефоне и для определенных событий в компьютерной системе, используемые экранные заставки уже позволяют судить об эмоциональном отношении владельца или пользователя компьютерной системы к тем или иным субъектам и явлениям.

В связи с изложенным копирование компьютерной информации, на наш взгляд, должно производиться в процессуальном режиме, сходном с проведением обыска, и только по судебному решению.

Еще один не менее важный вопрос подготовки проведения обыска при расследовании преступлений, сопряженных с использованием компьютерной информации и исследованием виртуальных следов, связан с определением состава его участников. Различными исследователями по данному поводу высказываются абсолютно противоположные точки зрения: от единоличного проведения этого действия подготовленным в сфере информационных технологий следователем до участия в нем целой оперативно-следственной группы. При этом наиболее развернутую характеристику привлекаемой следственно-оперативной группы предложил В. Б. Вехов, указав на необходимость участия в данном следственном действии до 14 различных лиц, вплоть до инспектора-кинолога с собакой для розыска и задержания преступника «по горячим следам» [8].

[8] См.: *Вехов В. Б., Попова В. В., Илюшин Д. А.* Указ. соч. С. 52–53.

Представляется, что присутствие инспектора-кинолога при обнаружении, фиксации и изъятии виртуальных следов малоэффективно, а вот участие специалиста, по нашему мнению, является обязательным. Иные участники уголовного процесса к проведению следственного действия привлекаются по усмотрению следователя.

Участие специалиста обусловливается спецификой среды, в которой осуществляется следственное действие, сложностью используемых технических и программных средств, а также неочевидностью технологических приемов их использования для обнаружения, фиксации и копирования виртуальных следов.

Весьма важным элементом проведения рассматриваемого следственного действия является подготовка специального технического оборудования и программного обеспечения, забираемого на место его проведения. Этот вопрос был предметом внимательного рассмотрения в специальной криминалистической литературе[9]. Основываясь на позиции большинства исследователей, мы пришли к выводу, что в распоряжении следователя и привлекаемого им специалиста при проведении следственного действия должны быть:

– малогабаритный переносной компьютер с устройствами записи информации на внешние носители и специальным программным обеспечением;

– комплект соединительных кабелей и специализированных аппаратных средств для подключения к отдельным компьютерам и компьютерной сети (в том числе по радиоканалу);

– загрузочные цифровые носители (винчестеры, флешки, компакт-диски) со специализированным программным обеспечением;

– цифровые носители для копирования компьютерной информации (преимущественно с возможностью однократной записи) большой емкости;

– цифровые фото- и видеокамеры (или фотоаппарат с возможностью фиксации видеосюжетов), портативный принтер;

[9] Об этом см.: *Быстряков Е. Л., Иванов А. Н., Климов В. А*. Особенности производства отдельных следственных действий при исследовании средств компьютерной техники // Следователь сегодня : материалы науч.-практ. конф. (8 декабря 1999 г.). Саратов, 2000. С. 64–65 ; *Их же*. Проблемы технологизации расследования компьютерных преступлений // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы : межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 160–162.

– устройство клонирования (точного копирования цифровых носителей информации без подключения к компьютеру);

– комплект инструментов, обеспечивающих очистку (малогабаритные и маломощные пылесосы, специальные салфетки) и разборку корпусов компьютерной техники (отвертки, «фасонные ключи» с различными наконечниками, специальные плоскогубцы, зажимы и т.п.), а также демонтаж их соединений в локальные вычислительные сети;

– комплект аппаратных устройств, обеспечивающих возможность регистрации и измерения характеристик электрических и магнитных полей (авометры, осциллографы и т.п.), с набором средств их подключения к стандартным портам компьютерной системы.

Резюмируя все изложенное, предлагаем включить в действующий УПК Российской Федерации следующие положения.

1. Часть 2 ст. 29 «Полномочия суда» дополнить п. 13 «О производстве копирования компьютерной информации в электронно-вычислительной машине, системе ЭВМ или их сети».

2. Часть 3 ст. 165 «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия» дополнить пунктом 3.2 следующего содержания: «3.2. При рассмотрении ходатайств о производстве следственных действий в компьютерных системах и сетях в судебном заседании вправе участвовать специалист».

3. Дополнить действующий УПК Российской Федерации ст. 183^1 следующего содержания:

«Статья 183^1. **Основания и порядок производства копирования компьютерной информации**

1. При получении компьютерной информации, имеющей значение для уголовного дела, производится ее копирование.

2. Копирование компьютерной информации производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 настоящего Кодекса. Следователь предъявляет судебное решение, разрешающее производство данного следственного действия до начала его проведения.

3. До начала проведения следственного действия следователь предлагает предоставить ему возможность изготовить копию компьютерной информации, подлежащей копированию, а в случае отказа производит копирование принудительно.

4. Следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе проводимого следственного действия сведения, составляющие охраняемую законом тайну.

5. Следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится копирование компьютерной информации, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания следственного действия.

6. При производстве копирования компьютерной информации участвует специалист, а также вправе присутствовать защитник или адвокат того лица, в помещении которого производится следственное действие.

7. При производстве копирования компьютерной информации составляется протокол в соответствии со ст. 166 и 167 настоящего Кодекса, который содержит перечень физических носителей, на которые были записаны изготовленные копии компьютерной информации, а также представленные в электронной форме записи хода и результатов работы специальных технических и программных средств, использованных при производстве копирования компьютерной информации.

8. Полученные в результате следственного действия копии компьютерной информации, а также представленные в электронной форме записи хода и результатов работы специальных технических и программных средств, использованных при производстве копирования компьютерной информации, подлежат фиксации на носителе цифровой информации однократной записи или многократной записи с обязательным использованием средств контроля ее неизменности (электронной цифровой подписи или хэш-суммирования).

9. Физические носители, на которые были записаны изготовленные копии компьютерной информации, предъявляются понятым и другим лицам, присутствующим при проведении следственного действия, и в случае необходимости упаковываются и опечатываются на месте обыска, что удостоверяется подписями указанных лиц.

10. В протоколе должно быть указано, предоставлена ли возможность производства копирования компьютерной информации свободно или следователем предприняты меры для принудительного проведения следственного действия.

11. Если в ходе копирования компьютерной информации были предприняты попытки ее уничтожить или спрятать соответствующие носители, содержащие компьютерную информацию, подлежащую копированию, то в протоколе делается соответствующая запись об этом и указываются принятые меры.

12. Копия протокола вручается лицу, в помещении которого был произведен обыск, либо совершеннолетнему члену его семьи. Если обыск производился в помещении организации, то копия протокола вручается под расписку представителю администрации соответствующей организации».

В. В. Белоус

кандидат юридических наук, доцент

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИННОВАЦИОННОЕ СРЕДСТВО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИДАКТИКИ

Эффективность борьбы с преступностью в наиболее изощренных и социально опасных ее формах непосредственно зависит от неуклонного развития науки криминалистики, повышения качества профессиональной подготовки и практической деятельности следователей, прокуроров, адвокатов и судей, принимающих активное участие в уголовном судопроизводстве и владеющих последними достижениями научно-технического прогресса, адаптированными или специально созданными для достижения целей правоохранительной, правоприменительной и правозащитной деятельности. Результативность этих видов деятельности напрямую зависит от скорости и качества генерирования и продвижения криминалистических знаний по каналу наука – обучение – практика.

Подводя итоги развития криминалистики в XX в. и очерчивая круг задач, актуальность которых будет неоспоримой и в будущем, Р. С. Белкин определил криминалистическое образование как интегрированную в соответствии с социальными функциями и структурированную адекватно параметрам моделей специалистов систему обучения применению методов и средств криминалистики в практической деятельности и привития необходимых для такого применения умений и навыков[1]. «В современных условиях, – отмечает В. Ю. Шепитько, – важным является не только содержание учебных предметов, но и сущность их преподавания, внедрение новых дидактических подходов»[2].

Дидактика (др.-греч. διδακτικός – поучительный) – отрасль педагогики, исследующая теоретические основы образования и

[1] Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под. ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997. С. 66.

[2] *Шепитько В. Ю.* Криминалистика XXI века : предмет познания, задачи и тенденции в новых условиях // Современное состояние и развитие криминалистики : сб. науч. тр. / под ред. Н. П. Яблокова и В. Ю. Шепитько. Харьков, 2012. С. 54.

© Белоус В. В., 2014

обучения, закономерности усвоения знаний, умений и навыков и формирования убеждений, определяющая объем и структуру содержания образования, совершенствующая методы и организационные формы обучения, воспитывающее воздействие учебного процесса на учащихся[3]. Структура педагогического процесса в высшей школе остается неизменной на протяжении столетий: Цель – Принципы – Содержание – Методы – Средства – Формы. Самостоятельными разделами дидактики являются методы и средства обучения, входящие в категориальный аппарат педагогики высшей школы как наиболее важные структурные элементы.

Под дидактическими методами принято понимать способы совместной теоретической и практической деятельности преподавателей и студентов по достижению дидактических целей и задач. В свою очередь каждый дидактический метод состоит из приемов – отдельных элементов, которые в своей совокупности помогают решению познавательных задач и характеризуют либо деятельность преподавателя, либо деятельность обучаемых. А дидактические средства – это все элементы учебной среды, которые педагог сознательно использует для целенаправленного учебно-воспитательного процесса, для более плодотворного взаимодействия с обучаемыми.

Методы, используемые в учебно-воспитательном процессе, принято подразделять на пять групп: 1) теоретико-информационные – устное логически целостное изложение учебного материала (устное целостное изложение), диалогически построенное устное изложение (беседа), рассказ, объяснение, дискуссия, бригадный метод, консультирование, аудиовидеодемонстрация, демонстрация; 2) практико-операционные – упражнения, алгоритм, «делай так, как я», решение задач, опыт, эксперимент, педагогическая игра (познавательная или деловая); 3) поисково-творческие – наблюдение, опыт, эксперимент, сократовская беседа, лабиринт, «мозговой штурм», «аквариум», «думай, слушай, предлагай», бригадный метод, творческий диалог, анализ конкретных ситуаций (проблемных, обычных, нетипичных); 4) методы самостоятельной работы обучаемых – чтение (работа с учебником и другими учебно-методическими пособиями), видеолента, экспертиза, слушание, конспектирование, упражнения, решение задач и проблемных

[3] См.: Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М., 2009. С. 255.

ситуаций, опыт, эксперимент; 5) контрольно-оценочные методы – предварительный экзамен, «ромашка», устное выступление, ответ с места (во время лекции), контрольная работа, опыт, упражнения, устный опрос, тестирование, программированный контроль[4].

Дидактические средства как материальные и идеальные объекты, предназначенные для организации и осуществления педагогического процесса, в зависимости от нарастания возможности заменять с их помощью действия преподавателя или автоматизировать действия обучающихся, могут быть классифицированы на простые и сложные. К простым средствам относятся: 1) словесные (учебники, учебно-методические пособия, справочники, словари и другие литературные источники) и 2) простые визуальные средства (реальные предметы, наглядные пособия, модели, рисунки, планы, схемы, карты, чертежи и др.). Среди сложных дидактических средств выделяют: 1) механические визуальные приборы (диаскопы, микроскопы, кодоскопы и прочее лабораторное оборудование); 2) аудиальные средства (проигрыватели, магнитофоны, радиоприемники); 3) аудиовизуальные средства (кино-, видеопроекторы, телевизоры, видеомагнитофоны, проигрыватели компакт-диск); 4) средства, автоматизирующие процесс обучения (лингвистические кабинеты, компьютеры, информационные системы, телекоммуникационные сети, компьютерные тренажеры, компьютерные классы).

Проблемы криминалистической дидактики неоднократно становились объектом пристального внимания ученых-криминалистов. Мо мнению Н. И. Порубова, методика преподавания криминалистики состоит из 3 составляющих: 1) что преподавать, 2) кому преподавать и 3) кто преподает[5]. Полагаем, что этот перечень необходимо дополнить и 4-й составляющей – когда и как преподавать. Ведь исследуя проблемы преподавания криминалистики, профессор Г. Маннс еще в 1921 г. подчеркивал необходимость акцентирования внимания на следующих частных вопросах: Кто должен ее преподавать? Кому ее следует преподавать? Когда и как ее преподавать?[6]

[4] Дидактические методы и средства. URL : http://www.prepodi.ru/praktika-pedagoga/didaktika/1166-didaktika-metod?start=1

[5] *Порубов Н. И.* Наш опыт преподавания криминалистики // Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 марта 2011 г.) : в 2 т. / отв. ред. И. М. Комаров. Белгород, 2011. Т. I. С. 98.

[6] *Маннс Г.* Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Криминалистъ первопечатный. 2011. № 3. С. 93.

Трансформация постиндустриального общества в информационное, влекущая за собой кардинальные изменения во всех сферах жизнедеятельности социума и обуславливающая возникновение новых видов, форм, средств и технологий преступной деятельности, а также давно назревшая необходимость усовершенствования существующих и разработки новых методов и средств борьбы с преступностью и профессиональной подготовки специалистов, владеющих умениями и навыками эффективного применения последних, требует дальнейшего продолжения начатого нами[7] поиска ответов на ключевые вопросы криминалистической дидактики.

Образование как одна из важнейших сфер человеческой деятельности обеспечивает формирование интеллектуального потенциала общества. По этой причине в системе образования все чаще используются современные информационные и коммуникационные технологии, развитие которых ставит перед преподавателем задачу совершенствования образовательных методик с целью эффективного использования возможностей новых технических средств. Появление систем мультимедиа вызвало инновационные изменения во всех областях образования, науки и техники. Наличие обратной связи и живая среда общения систем обучения на базе мультимедиа позволяют значительно повысить эффективность и мотивацию обучения[8].

Новые информационные технологии ориентированы на реализацию психолого-педагогических целей учебно-воспитательного процесса по следующим направлениям:

– совершенствование механизмов управления системой образования на основе использования автоматизированных банков данных научно-педагогической информации, информационно-методических материалов, а также коммуникационных сетей;

[7] *Белоус В. В.* Информационные технологии – инновационное средство развития криминалистики // Современная криминалистика : проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р. С. Белкина) : сб. материалов 53-х криминалистических чтений : в 3 ч. М., 2012. Ч. 1. С. 105–111 ; *Білоус В. В.* Про запровадження інформаційних і комунікаційних технологій у навчальний процес з криміналістики // Проблеми законності : акад. зб. наук. пр. / відп. ред. В. Я. Тацій. Харків, 2012. Вип. 118. С.166–175.

[8] *Короткевич А. В., Короткевич А. В., Сологуб Л. В., Пасынков А. А.* Современные информационные технологии при преподавании физических дисциплин. URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-9661.html

– совершенствование методологии и стратегии отбора содержания, методов и организационных форм обучения, воспитания, соответствующих задачам развития личности обучающегося в условиях информатизации общества;

– создание методических систем обучения, ориентированных на развитие интеллектуального потенциала обучающегося, формирование умений самостоятельно приобретать знания, осуществлять информационно-учебную, экспериментально-исследовательскую деятельность, разнообразные виды самостоятельной деятельности и обработки информации;

– создание и использование компьютерных тестирующих, диагностирующих методик контроля и оценки уровня знаний обучающихся.

Информатизация образования как процесс интеллектуализации деятельности обучающего и обучающегося, развивающийся на основе реализации возможностей средств новых информационных технологий, поддерживает интеграционные тенденции процесса познания закономерностей предметных областей и окружающей среды (социальной, экологической, информационной и др.), сочетая их с преимуществами индивидуализации и дифференциации обучения, обеспечивая тем самым синергизм педагогического воздействия.

Нельзя не согласиться с Н. П. Яблоковым, что на пороге XXI в. арсенал средств криминалистики, тактических приемов и методов расследования обновился и стал более совершенным. Начали разрабатывать и накапливать информационные криминалистические технологии работы не только с уголовно-процессуальной и иной криминалистически значимой информацией, но и с возможностью их практического использования в иных сферах правоприменения. В криминалистике нашли широкое применение методы фактологического анализа, информационного моделирования, криминалистического матрицирования, алгоритмирования, а также ситуационно-деятельностного подхода[9]. В связи с этим, по нашему мнению, дидактическое наполнение учебного курса по криминалистике не должно строиться только на развитии у обучаемых навыков ситуационно обусловленного применения уже апробированных судебно-следственной практикой информационных технологий. Криминалистическая дидактика должна формировать в сознании обучаемых алгоритмы бесконфликтного овладения навыками использования и перспективных разработок, изобретение и внедрение которых прогнозируется в ближайшем и отдаленном будущем, а также алгоритмы активного приспосабливания к решению задач криминалистики достижений научно-технического прогресса, которые уже сегодня могут быть заимствованы из других отраслей науки и практики.

[9] *Яблоков Н. П.* Основные тенденции развития криминалистики как науки и учебной дисциплины в современной России // Современное состояние и развитие криминалистики... С. 55, 57.

«Не боясь патетики, – отмечал Р. С. Белкин, – можно сказать: криминалистика – наука, а ее применение на практике – профессиональное мастерство, своеобразное искусство, которым должен владеть каждый следователь, каждый оперативный сотрудник милиции, если он не унылый ремесленник, а подлинный мастер своего дела»[10]. В основе профессионального мастерства – мыслительные процессы, свойственные действиям следователя в ходе расследования. Именно должное их осуществление и делает деятельность следователя высокопрофессиональной, а мышление – криминалистическим[11].

Поэтому главенствующая конечная цель обучения и ключевое направление развития криминалистической дидактики усматриваются нами в формировании у обучаемых «криминалистического мышления» или «криминалистического мировоззрения», которое, по определению Н. П. Яблокова, должно основываться не только на знании приемов логики, психологии и чувственно-рациональных методов, но и на широком творческом использовании современных данных таких наук, как информатика, кибернетика, эвристика, теория игр (в том числе рефлексивных) и др.[12] В этой связи, например, коллектив кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России к числу приоритетов относит: 1) формирование у обучаемых криминалистического стиля мышления; 2) обучение

[10] *Белкин Р. С.* Ведется следствие. М., 1976.

[11] *Яблоков Н. П.* Об особенностях мыслительной деятельности следователя // Современная криминалистика : проблемы, тенденции, имена... Ч. 1. С. 279.

[12] *Яблоков Н. П.* Основные тенденции развития криминалистики как науки и учебной дисциплины в современной России. С. 63–64. (Этапы формирования навыков такого мышления см. *Журавлев С. Ю.* Основы формирования криминалистического мышления субъекта расследования преступлений // Современная криминалистика : проблемы, тенденции, имена... Ч. 1. С. 153–158).

криминалистическому анализу исходной информации; 3) привитие навыка составления криминалистических обоснований принятия как следственных, так и оперативно-технических решений. Опыт дидактических поисков подтвердил, что данный выбор не случаен. Он позволяет, во-первых, объединить конкретные методические разработки «сквозной» учебной задачей, во-вторых, развивать современную педагогическую технологию с ориентацией на последующую практическую деятельность обучаемого[13]. Профессионалу, овладевшему навыками криминалистического мышления, свойственна способность активно добывать и творчески обрабатывать информацию, а не пассивно принимать готовые образы и суждения об окружающем мире без критического их осмысления.

Бесспорно, приобретение умений и навыков по криминалистике предполагает наличие смешанного характера обучения: чтение лекций, проведение практических занятий, выполнение лабораторных работ. Поэтому презюмируется необходимость лабораторной базы, компьютерных классов, криминалистического полигона, музея криминалистики. Лекции по курсу криминалистики теперь невозможно представить без демонстрации наглядного материала, современной видеотехники, мультимедийных средств, которыми должны быть оснащены лекционные залы и аудитории. Позитивный эффект имеют аудиовизуальные лекции, лекции в форме бинома, проблемные лекции и лекции-дискуссии[14].

По мнению Е. Р. Россинской, выработке у будущих юристов навыков и умений собирания (обнаружения, фиксации и изъятия) вещественных доказательств с использованием современных средств криминалистической техники при изучении криминалистической техники будет способствовать подход, при котором упор следует делать на практические занятия с натурными объектами, а также на использование специально разработанных компьютерных тренажеров, оснащенных программным обеспечением для моделирования сцен, включающих трехмерные объекты. При изучении криминалистической тактики и методики расследования отдельных видов преступлений акцент должен быть сделан на использование компьютерных тренажеров для отработки навыков и умений производства таких следственных действий, как осмотр

[13] *Журавлев С. Ю.* Основы формирования криминалистического мышления субъекта расследования преступлений. С. 154.

[14] *Шепитько В. Ю.* Указ. соч. С. 53–54.

места происшествия, обыск, следственный эксперимент, проверка показаний на месте. Использование этих средств позволяет, с одной стороны, работать с каждым студентом индивидуально, а с другой – осуществлять групповые занятия, наделяя студентов ролевыми функциями. Другая форма, еще недостаточно используемая в учебном процессе, – комплексные деловые игры по нескольким дисциплинам: расследование преступлений различных видов – компьютерные деловые игры по уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике, теории и практике судебной экспертизы; судебные заседания по уголовным и гражданским делам (гражданский и арбитражный (хозяйственный) процесс, криминалистика, теория и практика судебной экспертизы); рассмотрение дел об административных правонарушениях (административное право, криминалистика, теория и практика судебной экспертизы)[15].

С помощью деловой игры обучающиеся имеют возможность развивать и совершенствовать одновременно несколько деловых качеств. Во-первых, умение воспринимать и анализировать признаки преступления, использовать их для планирования соответствующих оперативно-розыскных и следственных действий. Во-вторых, приобрести психологическую готовность к действиям в конкретных условиях практики выявления и расследования преступлений[16]. Проводить групповые практические занятия с элементами деловой (ситуационно-ролевой) игры предлагается на базе криминалистических полигонов[17].

Главная цель практических занятий по криминалистике состоит в отработке соответствующих умений, приобретении практического опыта. Усвоение материала студентами во многом зависит от правильной организации занятия. Поддерживая вышеизложенные предложения по дидактическому обеспечению процесса обучения криминалистике, помимо деловых и ролевых игр, В. Ю. Шепитько рекомендует использовать такие специфические формы, как:

[15] *Россинская Е. Р.* Современные проблемы криминалистической дидактики // Криміналістика XXI століття : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (25–26 листоп. 2010 р.). Харків, 2010. С. 798–800.

[16] *Скулиш Є. Д.* Особливості викладання криміналістики в Національній академії Служби безпеки України // Там же. С. 803.

[17] *Аминев Ф. Г.* О некоторых особенностях подготовки и проведения практических занятий на криминалистических полигонах // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 3 (35). М., 2010. С. 73.

экспресс-тесты, постановка проблемных задач, использование возможностей эксперимента, сопровождение вербальной информации мультимедийной презентацией[18].

Однако, несмотря на все перечисленные неоспоримые преимущества практических занятий, в некоторых высших учебных заведениях России, осуществляющих подготовку профессиональных юристов, в учебном плане по криминалистике совершенно неоправданно не предусмотрено ни одного практического занятия[19]. По нашему мнению, это является недопустимым, так как переносит отработку соответствующих умений и приобретение профессионального опыта со стадии обучения на стадию практической деятельности, где неумелые, ошибочные действия чреваты серьезными негативными последствиями как для самого их исполнителя, так и для тех лиц, которым они адресованы.

Практические занятия, в свою очередь, отличаются своеобразием и возможностями использования криминалистического полигона, инсценированных помещений, музея криминалистики. Проведение практических занятий невозможно без использования материалов дел уголовного производства, экспертных заключений, типовых справочных альбомов, современной криминалистической техники, специального оборудования[20].

Криминалистический полигон – это участок местности, здание или помещение, специально оборудованное для проведения учебных занятий по криминалистике, с имитацией обстановки, приближенной к обстановке места происшествия. На таких полигонах в обстановке, максимально сходной с реальной, приобретаются навыки работы с доказательствами, практического использования полученных ранее теоретических знаний. Особенности использования инноваций и предложения по технической подготовке натурных криминалистических полигонов сформулированы на примере кафедры криминалистки Уфимского юридического института МВД России[21].

[18] *Шепитько В. Ю.* Указ. соч. С. 54.

[19] *Букаев Н. М.* Криминалистика : вчера, сегодня и завтра… // Правовые проблемы противодействия преступлениям и иным правонарушениям : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (26 апреля 2013 г.) / под ред. Г. В. Патраковой. Сургут, 2013. С. 31.

[20] *Шепитько В. Ю.* Указ. соч. С. 54.

[21] *Аминев Ф. Г.* Указ. соч. С. 72–76.

Следует отметить, что современная криминалистическая дидактика немыслима без инновационного подхода. В связи с этим заслуживает поддержки позиция Г. К. Авдеевой, согласно которой инновационными являются не любые нововведения, а лишь такие средства и методы, которые существенно повышают эффективность определенной (в данном случае учебной) деятельности[22].

С учетом прикладного характера учебной деятельности для получения и закрепления теоретических знаний по криминалистике и в большей степени для приобретения практических навыков по реализации профессиональных задач необходимы не только отдельные (видовые) криминалистические полигоны, но и специализированная полигонная база (криминалистический полигонный комплекс), располагающая видовыми полигонами, оборудованными современными технико-криминалистическими и мультимедийными средствами, копировальной техникой, программными продуктами, макетами, позволяющими комплексно, в обстановке, максимально приближенной к реальной, отрабатывать задачи, возложенные на органы внутренних дел, достигая при этом гарантированных результатов[23].

По меткому определению Т. С. Волчецкой, криминалистика является своеобразными адаптационными «воротами» для применения в уголовном судопроизводстве последних достижений научной и технической мысли[24]. Современные средства и методы осуществления информационных процессов, в особенности Интернет, по утверждению Е. П. Ищенко, создают своего рода особую виртуальную реальность, представляя специфическую картину реальной действительности путем передачи сообщений, изображений,

[22] *Авдеева Г. К.* Инновационные приемы противодействия преступлениям в сфере использования информационных технологий // Проблемы законодательного регулирования интернет-ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов интернет-сообщества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине» (г. Белгород, 19 апр. 2013 г.) / отв. ред. И. М. Комаров. Белгород, 2013. С. 7.

[23] *Амельчаков И. Ф., Чинёнов Е. В.* Возможности использования криминалистических полигонных комплексов в образовательной деятельности учебных заведений системы МВД России (на примере Белгородского юридического института) // Современная криминалистика : проблемы, тенденции, имена... Ч. 2. С. 187–188.

[24] *Волчецкая Т. С.* Перспективы и пути развития современной криминалистики // Современное состояние и развитие криминалистики... С. 6.

текстов и т.п. Насыщение современной жизни компьютерными системами, телекоммуникациями, виртуальной реальностью не только существенно видоизменяет преступность, но и открывает новые возможности борьбы с ней. Эти возможности необходимо как можно быстрее и полнее интегрировать в отечественную криминалистику[25].

В современном глобализованном мире виртуальное пространство стало ареной борьбы за распределение информационных ресурсов и контроль над знанием. Использование высоких информационных технологий в виде создания единого виртуального информационного пространства участниками 8-й (внеочередной) Международной научно-практической конференции «Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика», состоявшейся 18–19 июня 2012 г. на юридическом факультете СПбГУ (г. Санкт-Петербург), было признано одним из наиболее востребованных способов решения актуальных задач криминалистики[26].

Целиком и полностью поддерживая приведенные предложения, считаем необходимым отметить, что упомянутые выше понятия «виртуальная реальность» и «виртуальность» применительно к нашему объекту исследования нуждаются в некоторых уточнениях. В частности, следует отметить, что впервые понятие «виртуальная (мнимая) реальность» (англ. virtual reality, VR) как придуманный в воображении человека мир, создаваемый аудио- и видеосистемами, было применено Я. Ланьером в 1984 г. Действительную реальность изменить нельзя, так как время необратимо. Виртуальную же реальность человек создает самостоятельно, и так же самостоятельно может ее изменять. Виртуальная (искусственная, электронная) реальность, или компьютерная модель реальности – это созданный техническими средствами мир (объекты и субъекты), передаваемый человеку через зрительные, слуховые, обонятельные осязательные и тактильные ощущения последнего, имитирующий как воздействие, так и реакции на воздействие. Для создания убедительного комплекса ощущений ре-

[25] *Ищенко Е. П.* Криминалистика. Стандарт третьего поколения : учеб. пособие. СПб., 2013. С. 56.

[26] Меморандум (Учредительная декларация) // Криминалистъ первопечатный. 2012. № 5. С. 183.

альности компьютерный синтез свойств и реакций виртуальной реальности производится в реальном времени. Особенностью виртуального мира является то, что он осознается человеком не как иллюзорный, а как действительный. Исходя из этого, виртуальность определяется как осознанное воспроизведение иллюзий реально существующих объектов.

Среди наиболее значимых для учебного процесса можно выделить следующие позитивные свойства виртуальной реальности: 1) виртуальные объекты могут быть весьма разнообразными, что позволяет удовлетворять самые разные потребности (обеспечить практически неисчерпаемое количество вариантов изменения параметров различных событий и объектов); 2) виртуальный мир предоставляет большие возможности для воплощения творческих идей; 3) в отличие от объектов реального мира, каждый из которых является уникальным и имеющим один-единственный «жизненный цикл», виртуальные объекты могут воспроизводиться, изменяться и уничтожаться бесчисленное количество раз (что является неоценимым при производстве экспериментов); 4) виртуальный мир характеризуется безопасностью и личной защищенностью; 5) через виртуальный мир человек может приобретать новый опыт, не рискуя своим здоровьем, временем, денежными средствами и т.п.[27] С минимальными ресурсными затратами это позволяет формировать виртуальную аудиторию – множество удаленных друг от друга рабочих мест, объединенных каналами передачи данных и используемых в рамках технологии дистанционного обучения для выполнения одинаковых в содержательном отношении учебных процедур при возможности интерактивного взаимодействия друг с другом и преподавателем[28].

Активное внедрение виртуальных средств информатизации в учебный процесс на современном этапе является сопутствующим, поддерживающим классические формы обучения аспектом учебной деятельности, создающим очень хорошие предпосылки для успешного решения основного вопроса высшего образования. Создание виртуального обучающего пространства, разумно дополняющего классические формы обучения и контроля, осуществляется

[27] Большая компьютерная энциклопедия. М., 2007. С. 52.

[28] Современные информационные технологии в образовании. URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-33068.html?page=5#1398447

путем внедрения компьютерной дидактики (Computerdidaktik) и дидактики Интернет (Internetdidaktik)[29].

Человечество стремительно приближается к моменту, когда человек сможет вести нормальный диалог с компьютером. Изобретение технологий, позволяющих заменить преподавателя человекоподобным компьютером, ожидается уже через пару десятилетий, что предвещает открытие безграничных возможностей перед каждым обучающимся[30]. Но уже сейчас Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению «Юриспруденция» требует вместо традиционных форм обучения реализации «компетентностного подхода», что предусматривает в частности использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков будущих юристов[31], так как использование компьютерных технологий в настоящее время еще сопряжено с рядом нерешенных проблем[32]. «Цифровое» поколение обучаемых, сформированное на совершенно отличной от классической парадигме поиска, обработки и использования информации, для того чтобы быть услышанным, требует от преподавателя доступного разъяснения мотивации к активной образовательной деятельности и коренной модернизации применяемых последним средств и методов обучения профессиональному мастерству.

За последнее десятилетие в области освоения виртуальной криминалистической реальности учеными-криминалистами во взаимо-

[29] См.: *Молчанова Л. В.* Дидактические принципы работы с виртуальными средствами информации в университете. URL: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/lin/2001-02/lin0102_15.pdf

[30] В Apple прогнозируют, что вскоре компьютеры заменят учителей // День. Kiev.ua. URL: http://www.day.kiev.ua/ru/news/310513-v-apple-prognoziruyut-chto-vskore-kompyutery-zamenyat-uchiteley

[31] См.: *Астахова А. В., Шамонова Т. Н.* Использование компьютерной программы в вузе при изучении криминалистической методики расследования убийств // Кримінальне провадження : новації процесуальної теорії та криміналістичної практики : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (18–19 квітня 2013 р., м. Сімферополь, Алушта) / відпов. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко. Сімферополь, 2013. С. 7.

[32] См.: *Кислицина И. Н.* О проблемах использования компьютерных технологий в криминалистических подразделениях МВД России // Проблемы законодательного регулирования интернет-ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов интернет-сообщества... С. 90–96.

действии с правоприменителями, а также ИТ-специалистами уже достигнуты серьезные результаты. Так, в целях повышения профессионального уровня следователей и следователей-криминалистов Главным управлением криминалистики Следственного комитета Российской Федерации была разработана инновационная компьютерная программа «Виртуальный осмотр места происшествия: учебно-методический комплекс», предназначенная для создания интерактивных трехмерных моделей различных мест происшествий, а также для проведения виртуального осмотра места происшествия. Ее возможности позволяют создавать неограниченное количество криминалистических полигонов различного уровня сложности для одновременного индивидуального, в том числе самостоятельного, и коллективного обучения[33]. А на примере криминалистической методики расследования убийств А. В. Астахова и Т. Н. Шамонова демонстрируют эффективность виртуализации не только отдельных следственных действий, но и расследования преступления в целом[34].

Однако следует помнить, что в новых условиях криминалистика вынуждена перейти от изучения традиционных материально-фиксированных следов к исследованию звуковых (акустических), электронных и геномных следов. Изменяются также способы, приемы и методы работы с такими следами, порядок их сбора и фиксации. В современных условиях революционные научно-технические изменения приводят к тому, что традиционные криминалистические методы уже не удовлетворяют потребности судебно-следственной практики в полном объеме. С учетом вышеизложенного можно утверждать, что технологической методологией современной криминалистики являются многофункциональные системы анализа и обработки изображений и сигналов разной физической природы[35]. А система подготовки специалистов нуждается в новом подходе[36].

[33] См.: *Ашимов Ф. М., Елинский В. Е.* Виртуальный осмотр места происшествия – инновационный метод повышения квалификации следователей и преподавания криминалистики // Кримінальне провадження : новації процесуальної теорії та криміналістичної практики... С. 58–60.

[34] См.: *Астахова А. В., Шамонова Т. Н.* Указ. соч. С. 7–10.

[35] Інтеграція права та інформатики: прикладний і змістовний аспекти : монографія / В. Г. Іванов, В. Ю. Шепітько, М. Г. Любарський та ін., за заг. ред. В. Г. Іванова, В. Ю. Шепітька, В. В. Красюка. Харків, 2012. С. 26–27.

[36] *Лагуточкин А. В.* Некоторые особенности использования информационного пространства сети интернет в борьбе с преступностью // Проблемы законодательного регулирования интернет-ресурсов и правового разрешения конфликтов с участием субъектов Интернет-сообщества... С. 126.

Кроме того, в положениях Уголовного процессуального кодекса Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI нашло свое воплощение позитивное восприятие законодателем технологизации жизнедеятельности информационного общества вообще и процессуальной деятельности в частости. Так, наряду с расширением нормативно определенного перечня носителей доказательственной информации за счет электронных носителей данных, обновлением перечня научно-технических средств, предназначенных для объективной фиксации вещественных доказательств, процесса и результатов следственных (судебных) действий, внедрением электронных средств фиксации, копирования, связи, контроля и обеспечения защиты лиц нашла свое законодательное закрепление возможность дистанционного производства отдельных процессуальных действий в ранее не известных отечественному уголовному процессу режимах аудио- и телеприсутствия: видео- и телефонной конференции (ст. 232, 336); признана возможность использования технологий при производстве экспертиз (ст. 518). Получил свою законодательную регламентацию целый ряд негласных следственных (розыскных) действий, обусловленных внедрением информационных и телекоммуникационных технологий: аудио-, видеоконтроль лица; снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей; снятие информации с электронных информационных систем; обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения лица; установление места нахождения радиоэлектронного средства; наблюдение за лицом, вещью или местом; аудио-, видеоконтроль места (ст. 260, 263, 264, 267–270 УПК Украины). Своеобразным краеугольным камнем новой парадигмы уголовного судопроизводства и важной информационной технологией, внедрение которой, по замыслу законодателя, должно повлечь позитивные изменения в уголовном процессе, стал предусмотренный ст. 214 УПК Украины Единый реестр досудебных расследований.

Признавая высокую теоретическую ценность и прикладную значимость вышеперечисленных разработок ученых, все же считаем не в полной мере охваченным ими диапазон потребностей профессиональной подготовки современных юристов и реализованным потенциал современных информационных и телекоммуникационных технологий как средств криминалистической

дидактики. Ведь помимо отработки навыков выявления, исследования, фиксации и изъятия традиционных материально-фиксированных следов в настоящее время необходимо прививать обучаемым следующие умения и навыки:

1) работы с электронными носителями информации и электронными средствами фиксации, копирования, связи, контроля и обеспечения защиты лиц; радиоэлектронными средствами; транспортными телекоммуникационными сетями и электронными информационными системами;

2) производства следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий, обусловленных внедрением информационных и телекоммуникационных технологий;

3) производства отдельных процессуальных действий в дистанционных режимах видео- и телефонных конференций.

В этой связи чрезвычайно важным считаем обратить внимание криминалистов на стремительно развивающийся в настоящее время сегмент дополненной (расширенной, улучшенной, обогащенной) реальности (*англ.* augmented reality, AR), которая совмещает виртуальное и реальное, взаимодействует в реальном времени и функционирует в формате 3D. Ее суть состоит в дополнении действительной реальности любыми виртуальными элементами из числа необходимых для разрешения текущих и перспективных задач, добавлении к поступающим из реального мира ощущениям мнимых объектов, как правило, информационно-вспомогательного свойства. Разграничению понятий «виртуальная» и «дополненная реальность» служит тот факт, что виртуальная реальность конструирует новый искусственный мир, а дополненная – лишь вносит отдельные искусственные элементы в восприятие мира реального. В свою очередь, дополненная реальность является составляющей частью смешанной реальности (*англ.* mixed reality, MR), включающей в себя и «дополненную виртуальность», предполагающую интеграцию реальных объектов в виртуальную среду.

Вышеизложенные положения характеризуются концептуальной значимостью для расширения современных средств криминалистической дидактики за счет упомянутых технологий с учетом того, что, по убеждению А. А. Балаева, учебный процесс должен: 1) быть имитацией той среды, в которой работают слушатели;

2) содержать конкретные цели, задачи и проблемы общественной и профессиональной деятельности обучаемых; 3) обеспечивать формирование у слушателей способностей решать практические задачи[37]. Заслуживает одобрения позиция Е. Д. Скулыш, согласно которой принцип непосредственности участия, являющийся основой активного обучения, обязывает преподавателя вовлечь каждого курсанта (студента, слушателя) в учебный процесс, сделать его действующим лицом, ищущим пути и способы разрешения проблем, рассматриваемых в учебном курсе[38].

Международной научно-практической конференцией «Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине» (25–26 марта 2011 г., г. Белгород) рекомендовано расширять практику подготовки и применения в учебном процессе высших учебных заведений учебников, учебных и учебно-методических пособий на электронных носителях, дидактических материалов на мультимедийной основе, пригодных для использования, в том числе, и в целях повышения квалификации сотрудников следственных и экспертных подразделений[39].

По справедливому замечанию В. Ю. Шепитько, современная криминалистика не может ограничиваться решением задач, поставленных на ее разрешение в XX в. В новых условиях актуальными заданиями криминалистики являются взаимопроникновение криминалистики и практики правоприменительных органов, внедрение инноваций в практическую правоприменительную деятельность, разработка современного «продукта» криминалистики для практики, унификация научных криминалистических рекомендаций и их адаптация для практики применения, создание совместных научно-практических коллективов для разработки криминалистических рекомендаций или осуществления совместной деятельности. Современные задания криминалистики обусловлены необходимостью системного криминалистического обеспечения соответствующих органов правоприменения, направленного на оптимизацию процесса раскрытия и расследования преступлений, установления истины по делу, восстановления справедливости[40].

[37] См.: *Балаев А. А.* Активные методы обучения. М., 1986. С. 15.

[38] См.: *Скулиш Є. Д.* Указ. соч. С. 803.

[39] См.: Рекомендации Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине» (25–26 марта 2011 г.). Белгород, 2011. 10 с.

Отсутствие единого информационного научного и образовательного пространства некогда близких государств в настоящее время снижает способность последних адекватно противостоять вызовам современности, зачастую имеющим экстерриториальный характер. Необходимость оперирования колоссальными объемами информации в условиях «информационного взрыва»[41] и «революции потребностей», а также несовершенство традиционных поисковых механизмов обуславливают актуальность создания принципиально новых информационных ресурсов и поисковых систем. Решение этих и других не менее весомых задач представляется возможным путем реализации совместных научных и образовательных проектов, определения перспективных направлений научного поиска и унификации подходов к решению основных проблем криминалистики и связанных с нею отраслей науки, например, в рамках «Конгресса криминалистов», в том числе посредством краудсорсинга[42] на основе современных информационных технологий[43].

Повышению качества образовательной деятельности, технологическому перевооружению учебного процесса, углублению международной интеграции науки, образования и практики на инновационных началах будет способствовать организация еди-

[40] См.: *Шепітько В. Ю.* Криміналістика в сучасних умовах : деякі тенденції та постановка нових завдань // Актуальні проблеми кримінального процесу, криміналістики, судової експертизи та оперативно-розшукової діяльності : матеріали III Міжнар. наук.-практ. конф. «Актуальні проблеми кримінального права, процесу та криміналістики», присвяченої 10-річчю Міжнародного гуманітарного університету (м. Одеса, 28 жовтня 2011 року). Одеса, 2011. С. 397.

[41] См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 13–18.

[42] См.: *Хау Дж.* Краудсорсинг : коллективный разум как инструмент развития бизнеса : пер. с англ. М., 2012. 288 с.

[43] Примером успешного создания социальной интернет-платформы для общей работы над научными исследованиями может служить стартап «ResearchGate», представляющий собой некий хаб (сетевой концентратор) для ученых, позволяющий исследователям презентовать свои работы широкой общественности и формировать вокруг них группы для дальнейших исследований в обозначенной сфере по аналогии с работой программистов над открытым программным обеспечением (см.: Билл Гейтс вложит миллионы долларов в соцсеть для ученых. URL: http://korrespondent.net/business/web/1567800-bill-gejts-vlozhit-milliony-dollarov-v-socset-dlya-uchenyh)

ной международной информационной научной и профессиональной образовательной среды путем совместного определения методологии и методики создания принципиально нового учебного ресурса, основанного на использовании информационных и коммуникационных технологий и ориентированного на потребителей интеллектуального продукта новой формации – представителей «цифрового» поколения, – дидактического обучающего комплекса как целостной дидактической системы, представляющей собой постоянно развивающуюся базу знаний в определенной предметной области и обладающей следующими характеристиками: 1) дидактический обучающий комплекс является целостной системой программных средств, интегрированных с целью сбора, организации, хранения, обработки, передачи и представления учебной и другого рода информации как обучаемым, так и преподавателю в соответствии с применяемой им технологией обучения; 2) все элементы комплекса взаимосвязаны между собой, имеют единую информационную основу и разрабатываются не только в соответствии с замыслом реализуемой с их помощью технологией обучения, но и в целях единой концепции профессиональной подготовки будущих профессионалов; 3) изначально при проектировании дидактического комплекса предусматривается возможность его использования как в локальных и распределенных компьютерных сетях вуза, так и при дистанционной форме обучения; 4) проектирование и конструирование дидактического комплекса осуществляется в соответствии с требованиями иерархии и модульности и в программном, и в технологическом смысле.

Создание дидактического обучающего комплекса по криминалистике требует:

– разработки и внедрения в учебный процесс мультимедийных электронных учебников, обеспечивающих максимальную наглядность их содержания;

– записи на электронные носители информации и размещения на web-портале видео- и аудиофонда лекций ведущих ученых-криминалистов и практических деятелей;

– обновления фильмотек учебных видеофильмов и дополнения их лентами, созданными по ранее не охваченным темам учебного курса;

– учреждения электронного научно-практического издания в целях обеспечения соответствующего требованиям современности «цифрового присутствия» в информационном пространстве и достижения качественно нового уровня полноты и оперативности удовлетворения информационных потребностей общества в знаниях, полученных в процессе научно-исследовательской, образовательной и практической деятельности. Согласно закону рассеяния Брэдфорда, «треть всех материалов определенной отрасли публикуется в специальных изданиях, треть – изданиях смешанного характера, треть – где угодно». Зачастую безрезультатные поиски необходимых источников в сети Интернет отнимают время и истощают силы, что обуславливает актуальность создания собственной профессиональной электронной информационной среды и наполнения ее высококачественным контентом;

– создания и регулярного пополнения общедоступной электронной библиотеки криминалистических изданий (World Criminalistics Library), способной обеспечить «цифровое бессмертие» нетленным трудам выдающихся криминалистов прошлого и современности. Согласно высказыванию Дерека де Солла Прайс, «от 75 до 80 % когда-либо живших ученых живы и в настоящее время». Жизнь настоящего ученого, отображенная в его библиографии, не имеет временных границ;

– создания сводного каталога статей из всех изданий, размещения его на web-портале World Criminalistics Library и обеспечения бесплатного доступа к каталогу и полным текстам статей посредством гиперссылок. Знания должны быть открыты для всех желающих овладевать ими;

– освоения смешанной реальности, виртуализации учебно-методических кабинетов (музеев криминалистики Criminalistics Museum) разных криминалистических школ разных стран и создания на их базе глобального натурно-виртуального криминалистического полигона, позволяющего, в том числе отрабатывать навыки взаимодействия в рамках оказания международной правовой помощи;

– создания электронного архива учебных материалов уголовных дел (производств);

– внедрения биномной формы чтения лекций при одновременном участии нескольких лекторов из числа ученых и практиков, в

том числе путем проведения международных телемостов и видеоконференций (интернет-конференций, вебинаров);

– наполнения учебного электронно-информационного комплекса по криминалистике элементами искусственного интеллекта, новейшими мультимедийными и интерактивными дидактическими средствами и технологиями для индивидуализации учебного процесса, в том числе в рамках дистанционного образования по примеру ведущих американских вузов – Гарвардского университета и Массачусетского технологического института, системы бесплатного дистанционного обучения «edX» которых позволяют получать образование при удаленном доступе посредством сети Интернет с помощью видеоуроков, виртуальных консультаций и даже лабораторных работ в онлайн-режиме[44], или дюжины ведущих высших учебных заведений Европы и США, присоединившихся к проекту «Coursera»[45], или отечественных пионеров «Университетов онлайн»[46], с учетом того, что органами правоприменения востребованы информационные системы не только дистанционного обучения, но и повышения квалификации[47];

– создания на основе вышеизложенного междисциплинарного учебного комплекса и интеграции его с соответствующими автоматизированными рабочими местами (АРМ) различных юридических профессий (следователя, прокурора, судьи, адвоката) в целях привить криминалистическое мышление, научить умению критически и свободно мыслить и синтезировать, а не максимально точно воспроизводить выученную информацию;

– формулирования рекомендаций по замене устаревших дидактических средств на компьютерную технику и программные средства учебного назначения, способные поддерживать актуальные информационные и коммуникационные технологии обеспечения учебного процесса, с их регулярной последующей модернизацией;

[44] Полевые учения // Корреспондент. 2012. № 18. С. 8.

[45] Іще 12 провідних світових вишів безкоштовно навчатимуть в онлайні. URL: http://life.pravda.com.ua/society/2012/07/17/106878/

[46] Університет Шевченка запустив безкоштовні курси онлайн. URL: http://life.pravda.com.ua/technology/2013/07/2/132540/

[47] У Пшонки замовили дистанційне навчання прокурорів за 2,5 мільйони. URL: http://www.pravda.com.ua/news/2013/06/25/6992923/

– организации подготовки и регулярного повышения квалификации научно-педагогических работников для работы с программными средствами учебного, а практических работников – прикладного назначения, информационными и коммуникационными технологиями, соответствующими современному уровню развития науки и техники.

По содержанию задачи криминалистической дидактики, решаемые с использованием специализированных компьютерных программ, могут оказаться шире отдельных задач следственной и экспертной практики[48]. При преподавании вышеописанные мультимедийные средства дают возможность «свободной» навигации по сложному учебному материалу и объяснения происходящих процессов в динамике.

Разработка мультимедийных программ и обучающих комплексов является инновацией в образовании, позволяющей осуществить серьезные изменения в технологии обучения: 1) значительно расширить возможности предоставления учебной информации; 2) усилить мотивацию обучения; 3) активно вовлекать студентов в учебный процесс; 4) обеспечивать гибкость управления процессом обучения.

Повсеместное внедрение и использование вышеперечисленных и подобных им информационных технологий станет качественно новым витком в развитии криминалистической дидактики, позволит гибко объединить в единую информационную среду науку, образование и практику, а также завершить в ближайшем будущем переход от классического «образования на всю жизнь» к востребованному вызовами современности «образованию на протяжении всей жизни».

[48] *Астахова А. В., Шамонова Т. Н.* Указ. соч. С. 9.

С. М. Коцюмбас

кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Преступления в сфере компьютерной информации, несмотря на их незначительный удельный вес в общей структуре преступности, представляют реальную угрозу национальной безопасности страны, поскольку все больше приобретают транснациональный организованный характер, а наносимый ими вред порой с трудом поддается подсчету.

При расследовании преступлений данной категории, помимо традиционных видов экспертиз, могут проводиться специальные судебные экспертизы – информационно-технологическая и информационно-техническая. Объединяет эти виды судебных экспертиз компьютерная информация, исследуемая, однако, с разных сторон – технологической либо технической. Различаются они и по непосредственным объектам исследования.

Проведение этих судебных экспертиз необходимо как для исследования собственно информационно-технологических процессов сбора информации и представления ее потребителю в условиях функционирования автоматизированных информационных систем и сетей, так и отдельно взятых технических и иных средств обеспечения этих процессов.

Объектом информационно-технологической экспертизы является установленный порядок обработки информации, осуществляемый по заданным алгоритмам, т.е. информационная технология, основанная на применении современной информационно-вычислительной техники, средств связи и телекоммуникаций, составляющих основу информатизации общества.

Непосредственными предметами информационно-технологической экспертизы могут быть:

– проектная документация на разработку и эксплуатацию компьютерных систем и сетей, отражающая процессы сбора, обработки, накопления, хранения, поиска и распространения информации;

© Коцюмбас С. М., 2014

– документированная информация, т.е. зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать, в том числе конфиденциальная информация;

– материалы сертификации информационных систем, технологий и средств их обеспечения и лицензирования деятельности по формированию и использованию информационных ресурсов;

– приказы и распоряжения администрации, инструкции, протоколы, договоры, положения, уставы и методики по эксплуатации компьютерных систем и сетей, отражающие порядок формирования информационных массивов и доступа к ним;

– схемы движения информации от источников к потребителю с указанием пунктов ее сбора, контроля, накопления, обработки и использования; иные эксплуатационные и сопроводительные документы (особое значение для расследования компьютерных преступлений имеют журналы и другие виды учета работы операторов, регистрации сбойных ситуаций и обращений в компьютерную систему или сеть).

Информационно-технологическая экспертиза назначается в тех случаях, когда для возникающих в ходе расследования вопросов требуются специальные познания в технологии информационных процессов.

Возможности этой экспертизы достаточно широки. С ее помощью можно определить:

– соответствие существующего технологического процесса компьютерной обработки информации проектной и эксплуатационной документации на конкретную информационную систему либо сеть;

– конкретные отклонения от установленной информационной технологии; непосредственных исполнителей, допустивших нарушение установленной информационной технологии;

– надежность организационно-технологических мер защиты компьютерной информации;

– вредные последствия, наступившие вследствие неправомерного нарушения установленной технологии компьютерной обработки информации; обстоятельства, способствовавшие пре-

ступному нарушению технологии электронной обработки информации.

При назначении информационно-технологической экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы:

– соответствуют ли процессы сбора, обработки, накопления, хранения, поиска и распространения информации установленной проектной и эксплуатационной документации информационной технологии в данной компьютерной системе или сети;

– если нет, то какие конкретно отклонения от нее допущены; кем именно нарушены технологические требования в процессе эксплуатации данной компьютерной системы или сети;

– кто из должностных лиц должен был обеспечить соблюдение установленной технологии электронной обработки данных;

– какие организационно-технологические меры защиты компьютерной системы, предусмотренные эксплуатационной документацией, были приняты;

– какие вредные последствия связаны с нарушением установленной технологии электронной обработки информации;

– является ли указанное отклонение от технологии обработки данных причиной наступивших последствий; каковы причины нарушения установленной обработки компьютерной информации, какие меры необходимо принять для их устранения.

Таким образом, в качестве объекта информационно-технической экспертизы выступает техническое обеспечение информационной безопасности компьютерных систем и сетей. Предметы информационно-технической экспертизы очень разнообразны: это инструменты, с помощью которых осуществляется доступ к информационным технологиям. Условно их можно разделить на три основные группы.

К *первой* группе относятся: компьютеры, отдельные узлы, устройства ввода и вывода информации; печатающие устройства; периферийные устройства; устройства для связи между пользователями; технические устройства и приспособления, специально разработанные для обхода средств защиты компьютерных систем и сетей от несанкционированного доступа; технические средства защиты информации и другие устройства.

Вторую группу инструментов исследуемой экспертизы составляют: накопители на жестких дисках; устройства для быстрого сохранения всей информации, находящейся на жестком диске (стримеры); оптические диски; пластиковые карты; аудио- и видеокассеты и другие носители информации, обрабатываемые компьютерами.

В *третью* группу входят программы для электронных вычислительных машин и базы данных.

Каждая из этих экспертиз имеет свои характерные особенности. Информационно-техническая экспертиза назначается в том случае, когда в ходе следствия возникает необходимость в специальных исследованиях непосредственно технической части (отдельных узлов, блоков, периферийных устройств, оборудования и т.д.).

К ее основным задачам относятся:

– определение технического состояния компьютерного оборудования и пригодности его для решения задач, предусмотренных проектной и эксплуатационной документацией на данную автоматизированную систему;

– техническое исполнение конкретных технологических информационных процессов и отдельных операций, ставших предметом предварительного следствия, установление конкретного терминала, с которого совершен несанкционированный доступ в данную компьютерную систему или сеть;

– восстановление содержания поврежденных информационных массивов, отдельных файлов на магнитных носителях;

– выявление технических причин сбойных ситуаций в работе компьютера; установление подлинности информации, записанной на машинных носителях (дисках, пластиковых картах) и внесенных в них изменений;

– выявление в программе для ЭВМ разного рода неправомерных изменений, дополнений, вставок преступного характера;

– установление вида компьютерного вируса, источника его проникновения в исследуемую систему и причиненные им вредные последствия;

– установление соответствия средств защиты информации от несанкционированного доступа и проникновения компьютерного вируса сертификационным требованиям.

Круг вопросов по двум указанным видам экспертиз не является исчерпывающим и с учетом характера каждого конкретного

преступления может быть разным в зависимости от расследуемого события и выяснения обстоятельств информационно-технологического или информационно-технического характера. Так, по делам о неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации перед информационно-технологической экспертизой могут быть поставлены более частные вопросы: режим ее обработки и охраны, организационно-административные меры защиты этой информации и т.п.

Для проведения информационно-технологической экспертизы необходимы лица, сведущие в области информатики и проектирования информационных систем и технологий, формирования банков и баз данных, а также режима их использования.

Для проведения информационно-технической экспертизы необходимы лица, сведущие в области технических средств обеспечения автоматизированных информационных систем и их технологий, т.е. научно-технической продукции, используемой при создании и эксплуатации информационных систем.

В процессе расследования преступлений в сфере компьютерной информации, помимо рассмотренных экспертиз, может возникнуть необходимость производства и других видов экспертиз. Так, при необходимости установления тождества конкретного принтера по листингу может быть назначена криминалистическая экспертиза. Необходимость в ней может возникнуть также для установления подлинности пластиковых (кредитных) карточек.

Назначению идентификационной экспертизы по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации должна предшествовать консультация со специалистом с целью определить возможности такой экспертизы, а также какие материалы, сведения и сравнительные образцы для исследования необходимо представить эксперту, с которым следует согласовать формулировку вопросов. Аналогичная идентификационная задача может быть решена с помощью комплексной компьютерно-технической и судебно-автороведческой экспертизы, позволяющей проверить, не написана ли данная компьютерная программа конкретным лицом.

Для проведения носящих комплексный характер экспертных исследований в сфере компьютерной информации приглашаются высококвалифицированные специалисты в области информатики, вычислительной техники и программирования, а также в области традиционных видов криминалистической, экономической, финансовой, бухгалтерской и товароведческой экспертиз.

В настоящей статье, с учетом ее рамок, обозначены лишь некоторые сложные вопросы, связанные с расследованием уголовных дел в сфере информационных технологий. Однако, на наш взгляд, данная проблема весьма актуальна для правоприменительной практики и требует более глубокой научной проработки.

В. А. Мещеряков

доктор юридических наук, профессор

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ КАТЕГОРИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Знакомясь с последними научными работами Г. Ф. Горского, поражаешься проницательности его выводов, связанных с ролью научно-технического прогресса в изменении преступности и криминалистической деятельности по выявлению и расследованию преступлений. Еще в 1977 г. в своей работе «XXV съезд КПСС и деятельность следственного аппарата в условиях научно-технической революции» он писал: «Расследование катастроф, нарушений правил техники безопасности, транспортных происшествий во всем спектре транспортного обеспечения, расследования *компьютерных преступлений*, нарушений в области охраны природы, *последствий от нарушений использования ЭВМ*, атомной энергии, радиологии и генетики потребуют использования следователями и экспертами в доказательственной сфере знаний из области теории информации, кибернетики, экологии, бионики, оптики и лазерной техники, фармакогенетики, инженерной криминалистики, эргономики, отраслевой технологии. Пока даже трудно представить спектр научно-технических достижений, которые будут применены в доказывании»[1].

В период, когда ЭВМ только-только начинали внедряться в производственные процессы, а массовые персональные компьютеры еще не появились (напомним, что первый массовый персональный компьютер IBM PC был выпущен только в 1981 г.), Г. Ф. Горский уже предвидел необходимость активного привлечения в сферу доказывания специальных знаний из информатики и кибернетики. При этом он всегда обращал внимание на то, что внедрение достижений науки и техники в практику уголовного судопроизводства

[1] *Горский Г. Ф.* XXV съезд КПСС и деятельность следственного аппарата в условиях научно-технической революции // Труды высшей следственной школы МВД СССР. М., 1977. Вып. 18. С. 11.

© Мещеряков В. А., 2014

должно сопровождаться обязательным выполнением, по крайней мере, трех принципиально важных условий:

– должен быть «разработан процессуально-правовой регламент внедрения достижений науки и техники в уголовный процесс;

– обеспечены процессуальные гарантии использования современных достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве;

– строго и неуклонно соблюдены требования социалистической законности при внедрении науки и техники»[2].

Важность соблюдения названных принципов нисколько не утратила своей актуальности и в настоящее время. Так, прямое заимствование результатов технической сферы и недостаточное внимание к регламентации процесса внедрения современных достижений науки и техники может привести к серьезным проблемам правоприменения и даже появлению следственных ошибок.

Сложившееся положение вещей можно проиллюстрировать на опыте применения ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, объективная сторона данного преступления выражается в неправомерном доступе к компьютерной информации. При этом следует отличать физический доступ к носителю цифровой (компьютерной) информации от доступа, о котором идет речь в данной статье. Понятно, что компьютерная информация не может существовать вне какого-либо носителя, однако посредством компьютерной техники через каналы связи может быть получен доступ к информации, которая хранится на цифровых носителях в местах, куда отсутствует физический доступ субъекта, совершающего преступления. Еще более сложные варианты доступа могут иметь место при совершении преступлений с использованием вирусных программ. В этом случае написанная и размещенная на каком-либо носителе программа может в автоматическом режиме многократно скопировать и переместить себя на иные носители информации в различных географических точках и только затем проявить себя, осуществив доступ к охраняемой законом информации.

Важнейшим и обязательным признаком объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 272 УК Российской Федерации, является наступление одного или нескольких находящихся в причинно-следственной связи общественно опасных послед-

[2] Там же. С. 5.

ствий: уничтожения, блокирования, модификации или копирования компьютерной информации.

Для правильного понимания сути обозначенных в законодательстве общественно опасных последствий (уничтожения, блокирования, модификации или копирования) требуется дополнительное пояснение сущности самой компьютерной информации и тех действий, которые вообще могут быть выполнены вычислительной техникой с информацией, представленной в цифровом виде. Реально на физическом уровне информация может быть только считана и только записана на цифровой носитель. Иного дискретная техника просто не умеет делать. Категории, использованные при формировании уголовно-правовой нормы, никак не совпадают с действиями, которые в принципе может осуществить компьютерная техника. Использованные в диспозиции ст. 272 УК РФ действия не являются простейшими, а представляют собой композицию (определенную строгую последовательность) нескольких элементарных действий, о которых следует сказать отдельно.

Компьютерная информация как предмет преступного посягательства представляет собой иерархическую структуру с тремя основными уровнями представления (физическим, логическим и семантическим), на каждом из которых можно определить исчерпывающий перечень возможных с технической точки зрения операций.

Физический уровень – уровень материальных носителей информации, где она представлена в виде конкретных характеристик вещества (намагниченность домена – для магнитных дисков, угол и дальность расположения плоскости отражения лазерного луча – для лазерных компакт-дисков) или электромагнитного поля (амплитуда, фаза, частота), отражающих, как правило, два своих состояния: «0» и «1».

На данном уровне представления информации технически возможно выполнение лишь трех действий – чтения, записи и разрушения. При этом под разрушением понимается не только физическое нарушение целостности материала цифрового носителя (например, вследствие взрыва, удара и т.п.), но и такое воздействие, при котором физически носитель остается цел, но стандартными средствами чтения информации невозможно получить какое-либо определенное значение (например, вследствие воздействия кратковременного очень мощного электромагнитного импульса). Нет ни «0» ни «1».

Таким образом, уничтожение информации на физическом уровне – это или разрушение или запись новой информации на то место ее носителя, где размещается уничтожаемая информация. Так называемые утилиты гарантированного уничтожения информации как раз удаляют ее путем многократной записи случайной последовательности данных в нужные места цифрового носителя.

Модификация информации сводится к записи новых специально подготовленных данных на то место цифрового носителя, где размещается подлежащая модификации информация. Подчеркнем необходимость специальной подготовки данных. Если для записи мы будем использовать случайные данные, то это уже будет не модификация, а уничтожение информации.

Копирование информации – чтение данных на одном участке цифрового носителя и запись их в иное место (другой участок этого же носителя информации или же другой носитель, который может быть подключен к компьютеру в любом уголке земного шара).

Такое действие, как блокирование компьютерной информации на физическом уровне, как правило, вообще невозможно, поскольку если компьютер или иное вычислительное устройство не способно выполнить операции чтения или записи данных, то оно просто технически неисправно.

Логический уровень – уровень представления более сложных информационных структур на основе комбинации элементарных компонент физического уровня. На данном уровне уже появляются блоки вспомогательной и управляющей информации, которые обеспечивают существование набора значимых данных как единого целого.

Логический уровень включает две группы правил объединения простейших элементов («0» или «1»): жесткие и гибкие.

Жесткие правила объединения диктуются физическим строением носителя цифровой информации и техническими особенностями используемых средств обработки информации. Они не могут быть быстро и произвольно изменены. Примером общих правил объединения могут служить установленные для конкретного типа цифровых носителей количество и порядок нанесения информационных дорожек, размер кластера и т.п.

Гибкие правила объединения массивов для данных размером более одного машинного слова (т.е. набор данных, обрабатываемых вычислительной системой за один такт) устанавливаются заказчиками и(или) разработчиками автоматизированных информационных систем. В качестве примера специальных правил объединения информации приведем способы объединения информационных полей в записи базы данных, записей и запросов в банках данных и т.п. Поскольку они не обусловлены жесткими техническими особенностями аппаратных средств, то они могут быть быстро изменены (даже в рамках выполнения одной программы) или же просто проигнорированы. Например, записи баз данных можно прочесть не как последовательность записей установленного формата (т.е. массив данных последовательного доступа), а как массив данных прямого доступа, состоящий из отдельных байтов.

Смысл модификации и копирования информации на логическом уровне ее представления не отличается от того, что мы обсуждали для физического уровня.

Иное дело с уничтожением. Уничтожение на логическом уровне фактически совпадает с понятием модификации на физическом уровне представления информации. Причины такого явления кроются в особенностях хранения информации на магнитном носителе, наглядно представленных на рисунке.

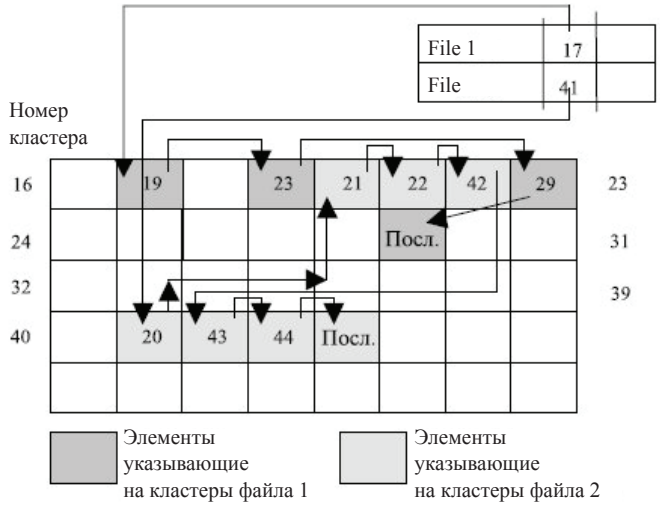


Рисунок. Схема размещения файлов на цифровом носителе информации

Для размещения большого информационного файла практически во всех операционных системах используется подход, при котором весь объем данных разбивается на небольшие одинаковые блоки (кластеры), которые реально записываются на любые свободные в данный момент времени участки носителя информации. В итоге получается, что кластеры могут быть записаны в очень причудливой последовательности. Кластер, содержащий конец информационного массива, может оказаться записанным в самом начале магнитного диска, а кластер с информацией из начала файла будет записан в середине носителя. Для того чтобы восстановить логическую последовательность информации из размещенных таким образом кластеров, используются адресные указатели. Так, каждый кластер информации содержит указатель, в котором записан физический адрес размещения на магнитном носителе следующего информационного блока. Последний кластер содержит адресный указатель со специальным значением, обозначающим конец цепочки (eof – end of file). Указатели на адреса первых кластеров всех хранящихся на одном магнитном носителе информации информационных массивов (файлов) размещаются в одном стандартном для каждой операционной системы месте, называемом FAT (File Allocation Table).

Таким образом, пользователь автоматизированной информационной системы, выполнив операцию удаления информационного файла (например, запустив стандартную команду операционной системы DELETE), уничтожил информацию только на логическом уровне представления. В реальности (на физическом уровне) был изменен только первый символ имени удаляемого информационного файла в области FAT магнитного носителя, а весь информационный массив остался неизменным. Внесенная пометка в первом символе имени файла означает, что операционная система может использовать места, в которых находились кластеры «удаленного» информационного файла для записи другой информации в дальнейшем.

Сущность блокирования информации на логическом уровне также во многом совпадает с понятием модификации информации и отличается лишь тем, что модификации подвергается не значимая (смысловая), а управляющая (служебная) информация. Например, для блокирования доступа легального пользователя к базам

данных достаточно изменить значение кода доступа этого пользователя в системных файлах администратора безопасности, не изменяя содержания самой базы данных.

Семантический уровень – уровень смыслового представления информации. Только на данном уровне можно говорить о содержательной части компьютерной информации, представленной единством двух предыдущих видов. Это тот уровень представления, где проявляются ее полезные потребительские свойства, используемые в информационных системах. Семантический уровень позволяет оперировать в большей степени не компьютерной информацией, а категориями из предметной области конкретной автоматизированной информационной системы. Например, здесь мы можем поставить в соответствие некому фиксированному набору данных определенную сумму денежных средств в российских рублях, а иному набору данных – другую сумму денежных средств в американских долларах и т.п.

Копирование информации на данном уровне представления подразумевает ее чтение в одном месте цифрового носителя и запись в другое место как значимой, так и управляющей (вспомогательной информации). Выполнение операции копирования на данном уровне подразумевает осуществление копирования как на логическом, так и на физическом уровнях.

Модификация информации на семантическом уровне совпадает с понятием модификации значимой информации на логическом уровне.

Блокирование на семантическом уровне подразумевает выполнение операций модификации для логического уровня, причем как вспомогательной (служебной), так и смысловой (значимой) информации, которая в свою очередь представляет собой операцию записи заданной информации в определенное место цифрового носителя. При этом разница между блокированием и уничтожением заключается, как правило, в содержании записываемой информации. Для осуществления блокирования необходим определенный набор данных, обладающий специальными свойствами, в то время как для уничтожения достаточно использования случайной последовательности данных.

Н. В. Олиндер

кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ И СИСТЕМ

Расследование любого преступления подразумевает проведение ряда процессуальных действий, одно из которых направлено на получение дополнительной информации о преступлении и обстоятельствах его совершения от лиц, обладающих такими сведениями. Речь идет о допросе. Допрос – это процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела (ст. 187–192 УПК РФ). Значимость допроса состоит в том, что получаемая из показаний информация для следователя является источником доказательств по расследуемому делу, следовательно, ее количество и содержание влияет на полноту доказательственной базы, полученной в ходе расследования.

Тактика допроса является самостоятельным, устоявшимся подразделом криминалистической тактики, имеет сложившийся понятийный аппарат, классификаторы, порядок подготовки и проведения допроса и т.д. Однако расследование преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем, имеет ряд особенностей, что накладывает отпечаток на процесс проведения всех следственных действий, включая допрос. К таким особенностям можно отнести: особенности допроса членов преступной группировки (так как часто в схему совершения преступления вовлечены несколько лиц, чья деятельность четко разграничена: сбор информации об электронных кошельках, взлом кошельков, обналичивание денег и т.д.), особенности привлечения к допросу специалиста и непосредственно допрос самого специалиста.

Как уже было отмечено, по делам рассматриваемой категории одной из особенностей является то, что к участию в допросе зачастую необходимо привлекать специалиста, это обусловлено следующими факторами.

© Олиндер Н. В., 2014

Во-первых, допрос обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля сопровождается употреблением этими лицами большого количества жаргонизмов, связанных с использованием компьютерной техники, иных аппаратных средств, а также действия самих платежных систем, следовательно, необходимо привлечение специалиста по компьютерной технике, который может осуществить «качественный перевод» на процессуальный язык. Привлечение специалиста по электронным расчетам необходимо для уточнения информации относительно порядка осуществления транзакций с целью своевременного выявления ложной информации.

Во-вторых, существуют специфичные в техническом аспекте способы совершения преступлений с использованием электронных платежных средств и систем, элементы которых с большой вероятностью могут обсуждаться в ходе допроса, для лучшего уяснения таковых схем необходим специалист, который может понять и объяснить их.

В-третьих, подготовка следователя к допросу включает подготовку опросного листа, содержание которого также специфично в силу использования в процессе совершения преступления и (или) подготовки к нему компьютерной техники и иных аппаратных средств.

В связи с этим, приступая к допросам при расследовании преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем, следователю необходимо в первую очередь определиться относительно возможной роли и требуемой информированности у лиц, попавших в его поле зрения.

Приняв решение о проведении допроса, ему необходимо провести ряд основных, определенных мероприятий: изучить все имеющиеся на данный момент материалы дела, изучить личность допрашиваемого (для определения подходящего круга вопросов), подготовить материалы, которые можно использовать при проведении допроса (в частности, заготовить глубокие вопросы, которые могут показать допрашиваемому уровень владения следователем технической стороной процесса использования электронных платежных средств и систем), составить план допроса и определить его ключевые моменты.

По делам рассматриваемой категории при допросе обвиняемых выясняются следующие обстоятельства: каким образом произошло проникновение в электронную платежную систему – путем непосредственного доступа (через компьютер (аппаратное средство) потерпевшего) или путем подключения по сети; от кого и каким образом получена информация об электронных кошельках владельца(-ев); каким образом была преодолена программная и техническая защита электронной платежной системы или конкретного электронного кошелька; была ли осуществлена регистрация электронных кошельков, если «да», то каким образом; использовались ли при этом какие-либо документы, удостоверяющие личность; кому передавались сведения, полученные путем доступа к электронной платежной системе или электронным кошелькам; как осуществлялось уничтожение следов неправомерного доступа к электронным кошелькам или электронной платежной системе; как часто осуществлялся доступ к электронным кошелькам или электронной платежной системе; известны ли обвиняемому лица, занимающиеся подобной деятельностью; входит ли в круг функциональных обязанностей обвиняемого работа с информацией об электронных кошельках или электронных платежных системах и т.д.

При допросе свидетелей, как правило, выясняются следующие вопросы: при каких обстоятельствах свидетель наблюдал преступников (процесс совершения преступления); какую роль выполнял каждый из соучастников преступления; знает ли свидетель, какую цель преследовал обвиняемый, совершая неправомерный доступ к электронному кошельку или электронной платежной системе; имели ли место подобные проявления ранее и т.д.

Для определения всего круга вопросов следователю также может понадобиться привлечь специалиста для разъяснения и грамотного составления вопросов.

По делам рассматриваемой категории допрос специалиста, эксперта имеет следующие особенности.

Допрос специалиста может производиться для разъяснения следователю вопросов, связанных с техническими, организационными, правовыми аспектами работы электронной платежной системы; особенностей функционирования локальной сети; особенностей подключения к сети Интернет; иных вопросов. Особенность таких допросов в том, что специалист не только дает пояснения следователю по поставленным вопросам, но и выпол-

няет как бы «перевод» сказанного иными субъектами расследования (обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим, свидетелем) с технического, насыщенного жаргоном языка этих лиц на язык, понятный всем участникам судопроизводства (адвокату, прокурору, судье и т.д.).

Допрос эксперта производится, как правило, для разъяснения данного им заключения. В этом случае функция допроса заключается не только в раскрытии существенных деталей, не отраженных в выводах эксперта или исследовательской части экспертного заключения, но и «переводе» написанного техническим языком на язык, понятный всем участникам судопроизводства. Допрос эксперта и специалиста должен проводиться непосредственно после завершения определенного следственного действия (осмотра, обыска, выемки и т.д.), пока в памяти специалиста все детали и особенности проведенного мероприятия свежи.

Ю. Г. Просвирнин

доктор юридических наук, профессор

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Защита персональных данных является одной из самых актуальных проблем информационного общества. Это связано с обеспечением прав на неприкосновенность частной жизни; возрастающей интенсивностью обработки персональной информации с помощью автоматизированных информационных систем; необходимостью повышения эффективности борьбы государства против лиц, незаконно собирающих, обрабатывающих и распространяющих указанную информацию, в первую очередь на коммерческой основе; трансграничным перемещением информации и, как следствие, необходимостью соотнесения института защиты персональных данных в России с существующими международно-правовыми стандартами в этой области.

Значение персональных данных обусловило развитие законодательства, которое стало регулировать этот институт с 90-х гг. прошлого века, а также появление многочисленных исследований по данной проблематике[1], в том числе диссертационного характера[2]. По вопросам защиты персональных данных в уголовно-пра-

[1] См.: *Волчинская Е. К., Дятленко В. В*. Законодательство о защите персональных данных : проблемы и решения // Информационное право. 2006. № 1 (4). С. 11–16 ; *Лебедева М. М*. Актуальные вопросы защиты персональных данных // Право : теория и практика. 2008. № 4 (105). С. 18–20 ; *Минаев С. А., Пилипенко С. Г., Молчанов С*. Необходимость защиты персональных данных в электронных источниках информации // Право и жизнь : независимый правовой журнал. 2005. № 82. С. 168–194 ; *Федосин А. С*. К вопросу о реализации права на защиту персональных данных при их обработке в электронной форме // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 213–215 ; *Подольская О. Н*. Защита персональных данных // Юрид. науки. 2004. № 2. С. 71–75 ; *Садикова И. С*. Конституционно-правовые основы защиты персональных данных // Закон и право. 2009. № 12. С. 50–51 ; *Цадыкова Э. А*. Гарантии охраны и защиты персональных данных человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 14. С. 15–18, и др.

[2] См.: *Вельдер И. А*. Система правовой защиты персональных данных в Европейском союзе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 27 с. ; *Белгород-*

© Просвирнин Ю. Г., 2014

вовой сфере публикаций крайне мало[3], хотя эта проблема имеет актуальный характер.

Для понимания особенностей защиты персональных данных в уголовно-правовой сфере необходимо рассмотреть некоторые общие вопросы, имеющие концептуальный характер.

Впервые данный институт был предусмотрен ст. 23 и 24 Конституции РФ, в которых закреплялось право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Эти общие правила действуют в границах пользования правами и свободами, установленными ч. 3 ст. 55 Конституции[4]. В случае нарушения этих основных прав заинтересованное лицо вправе обратиться за защитой в судебные органы.

Самое общее определение персональных данных было дано в Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». В нем под информацией о гражданах (персональных данных) подразумевались сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность; персональные данные были отнесены к категории конфиденциальной информации. В новом Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об

цева Н. Г. Теоретико-правовые аспекты защиты персональных данных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 25 с. ; *Дворецкий А. В.* Защита персональных данных работника по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2005. 22 с. ; *Маркевич А. С.* Организационно-правовая защита персональных данных в служебных и трудовых отношениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 24 с. ; *Просветова О. Б.* Защита персональных данных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 22 с.

[3] См., например: *Пономарева Л. В.* Защита персональных данных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве // Проблемы безопасности личности в современной России : сб. ст. Саратов. 2010. С. 178–183 ; *Руденко Г. В.* Правовые основы защиты персональных данных в ходе сотрудничества государств в уголовно-правовой сфере в рамках Европейского союза // Актуальные проблемы международно-правового сотрудничества в сфере борьбы с преступностью : сб. науч. ст. Саратов. 2010. С. 163–166.

[4] В соответствии с этой конституционной нормой не требуется согласия лица на обработку информации персонального характера при проведении следствия, дознания, оперативно-розыскных мероприятий.

информации, информационных технологиях и о защите информации»[5] данное понятие было исключено, а неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия отнесены к принципам правового регулирования отношений в информационной сфере.

С принятием 8 июля 2006 г. специального закона[6] содержание этого понятия расширилось. Под персональными данными понимались уже не только сведения, позволяющие идентифицировать личность, но любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных): фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы и др.

Вопросы правового регулирования работы с персональными данными содержатся и в других законодательных актах[7], в том числе международно-правового характера. Одним из таких документов является Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, которая была принята Советом Европы 28 января 1981 г. и вступила в силу с 1 октября 1985 г.[8] Конкретный предмет своей защиты, т.е. персональные данные, Конвенция определяет как любую «информацию, касающуюся конкретного или могущего быть идентифицированным лица (субъекта данных)» (ст. 2).

[5] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

[6] См.: О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 23.07.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451 ; 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4038.

[7] К ним относятся 5 кодексов (Трудовой, Воздушный, Налоговый (часть первая), Таможенный Таможенного союза, КоАП) и свыше 40 федеральных законов, в том числе «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О судебных приставах», «Об оперативно-розыскной деятельности», «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», «Об исполнительном производстве», «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации».

[8] Россия присоединилась к ней в 2001 г. См.: О подписании Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных : распоряжение Президента РФ от 10 июля 2001 г. № 366-рп // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 29. Ст. 3011.

Приведенные дефиниции наглядно демонстрируют тот факт, что законодательство о защите персональных данных практически нигде еще не достигло своей зрелости даже на терминологическом уровне: круг сведений, составляющих «любую информацию» достаточно широк и не очень четко определен. Это, в свою очередь, порождает проблемы, связанные по отношению к конкретной персоне, с раскрытием тех или иных данных, возможностью установления лиц по собранным сведениям и т.п.

При определении персональных данных следует исходить из того, что они должны относиться к конкретному человеку и позволить идентифицировать его прямо или косвенно по нескольким признакам в зависимости от цели идентификации. К таким признакам, в частности, можно отнести ссылку на идентификационный номер, один или несколько факторов, специфичных для его физической, физиологической, психологической, ментальной, политической, экономической, культурной или социальной идентичности и т.п.

Исходя из этих критериев, к персональным данным могут относиться биографические и опознавательные данные, личные характеристики, сведения о семейном положении, социальном положении, образовании, навыках, профессии, служебном положении, финансовом положении, состоянии здоровья и пр. Такими категориями персональных данных являются сведения, раскрывающие расовое или этническое происхождение субъекта, его политические взгляды, религиозные или философские убеждения, а также сведения, касающиеся состояния здоровья, сексуальных наклонностей, судимости. Абсолютно индивидуальными являются идентификационный номер, реквизиты любых удостоверений личности, пол, признаки внешности, возраст, адрес места жительства, номера телефонов, почерк, папиллярные рисунки пальцев рук. Сравнительно недавно появились технологии, позволяющие осуществлять идентификацию по сведениям, которые характеризуют физиологические особенности личности (биометрические показатели): основные параметры лица, рисунки сосудов глазного дна, радужная оболочка глаза, особенности геометрии частей тела, особенности голоса, динамика воспроизведения рукописной подписи, клавиатурный почерк, особенности генетического кода личности и др.

Действия с этими персональными данными без должных гарантий обеспечения прав субъекта могут нанести ему повышенный ущерб, тем более при автоматизированной обработке и использовании информационно-коммуникационных технологий[9].

Содержащаяся на материальном носителе[10] персональная информация может быть подвергнута специальной обработке, под которой в различных актах подразумевается «сбор, хранение, использование и распространение»[11], «получение, хранение, комбинирование, передача или любое другое использование»[12], «накопление данных, проведение логических и(или) арифметических операций с такими данными, их изменение, стирание, восстановление или распространение»[13], «любая операция или набор операций, которые осуществляются с персональными данными, независимо от использования автоматических средств, такие как сбор, запись, организация, хранение, адаптация или изменение, извлечение, консультирование, использование, раскрытие путем передачи, распространения или иное предоставление доступа, группировка или объединение, блокирование, стирание или уничтожение»[14]. Федеральный закон «О персональных данных» под их обработкой понимает любое действие (операцию) или совокупность действий (операций), совершаемых с использованием средств автоматиза-

[9] На рассмотрении Государственной Думы находится проект федерального закона «О государственном регистре населения». Этот регистр (ГРН) представляет собой государственный информационный ресурс, содержащий информацию о гражданах РФ, зарегистрированных по месту жительства и по месту пребывания. В состав персональной информации ГРН предусматривается включение не только обычных данных (фамилия, имя и отчество; дата и место рождения; пол; гражданство; адрес места жительства; вид и реквизиты удостоверяющего документа), но и сведения о родителях, супруге, детях (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, гражданство), дата регистрации по месту жительства и снятия с регистрационного учета и некоторые другие.

[10] Машиночитаемый носитель информации (в том числе магнитный и электронный), на котором осуществляются запись и хранение сведений, характеризующих особенности человека и на основе которых можно установить его личность.

[11] Статья 24 Конституции РФ, ст. 11 Закона № 149-ФЗ, ст. 13.11 КоАП РФ и др.

[12] Статья 85 Трудового кодекса РФ.

[13] Статья 2 п. «с» Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных.

[14] Директива 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета от 24 октября 1995 г. о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и свободном движении таких данных.

ции или без использования таких средств, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение (ст. 3).

С целью корректной, конфиденциальной и безопасной обработки персональные данные должны отвечать следующим требованиям: быть помечены и обработаны добросовестным и законным образом; собираться для точно определенных, объявленных и законных целей; быть адекватными целям, для которых они собирались, и неизбыточными в отношении этих целей; быть точными и, в случае необходимости, обновляться; храниться не дольше, чем этого требуют цели их сбора, и уничтожаться по достижении целей или минованию надобности в них; не объединяться в единый массив персональных данных, собранных обладателями в принципиально разных целях.

Эти задачи достигаются путем исключения несанкционированного, в том числе случайного, доступа к персональным данным, результатом которого может стать уничтожение, изменение, блокирование, копирование, распространение персональных данных, а также иных несанкционированных действий.

На решение этих вопросов направлено Положение об обеспечении безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных[15]. В нем установлены требования к обеспечению безопасности персональных данных, а также информационным технологиям и техническим средствам, позволяющим осуществлять обработку таких персональных данных с использованием средств автоматизации (информационных систем). Безопасность персональных данных при их обработке в информационных системах обеспечивается, во-первых, системой защиты, включающей организационные меры, и средствами защиты, в том числе шифровальными, криптографическими: предотвращение несанкционированного доступа, утечки информации по техническим каналам, программно-технических воздействий на технические средства обработки; во-вторых, используемыми информационными технологиями. При этом осу-

[15] Утв. постановлением Правительства РФ от 17 ноября 2007 г. № 781// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 48 (ч. 2). Ст. 6001.

ществляется защита информации – речевой, обрабатываемой техническими средствами, а также представленной в виде информативных электрических сигналов, физических полей и носителей на бумажной, магнитной, магнитно-оптической, иной основе. При обработке должно быть обеспечено проведение мероприятий, направленных на предотвращение несанкционированного доступа и (или) передачи персональных данных лицам, не имеющим права доступа к такой информации; своевременное обнаружение фактов несанкционированного доступа; недопущение воздействия на технические средства автоматизированной обработки персональных данных, в результате которого может быть нарушено их функционирование; возможность незамедлительного восстановления персональных данных, модифицированных или уничтоженных вследствие несанкционированного доступа к ним; постоянный контроль за обеспечением уровня защищенности. Первоочередной проблемой становится введение определенных ограничений на обработку персональных данных с использованием телекоммуникационных средств.

Таким образом, защита персональных данных как одного из видов информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на обеспечение безопасности данных от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации; соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа; реализацию права на доступ к информации. Государственное регулирование отношений в сфере защиты информации осуществляется путем установления требований о защите информации, а также ответственности за нарушение законодательства[16].

Из общих правил защиты персональной информации имеются исключения. Сбор данных о человеке допускается и без его согласия, однако в строго определенных случаях. Это происходит, когда сбор информации представляет собой необходимую в демократическом обществе меру, направленную на обеспечение интересов безопасности государства, и должно происходить только на основании закона. Так, согласно Федеральному закону от

[16] См.: Статья 16 Закона № 149-ФЗ.

12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно; событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ (ст. 8 ч. 2). Пленум Верховного суда Российской Федерации рекомендовал всем судам общей юрисдикции принимать к своему рассмотрению материалы, подтверждающие необходимость ограничения права конкретного гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений[17].

Такое положение вписывается в международно-правовую практику. К примеру, ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) предусматривает, что осуществление права на свободное получение и распространение информации, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

[17] См.: О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1993 г. № 13 (в ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 3.

Существенными гарантиями защиты персональных данных являются возложение на их обладателя или оператора информационной системы обязанностей по предотвращению несанкционированного доступа и (или) передачи их лицам, не имеющим права на доступ; своевременное обнаружение фактов несанкционированного доступа к информации; предупреждение возможности неблагоприятных последствий нарушения порядка доступа к информации; недопущение воздействия на технические средства обработки информации, в результате которого нарушается их функционирование; возможность незамедлительного восстановления информации, модифицированной или уничтоженной вследствие несанкционированного доступа к ней; постоянный контроль за обеспечением уровня защищенности информации[18].

Особенно актуален вопрос о защите персональных данных в случае их размещения в телекоммуникационных сетях, так как доступ к такой информации имеет неограниченный круг лиц, преследующих различные цели, что хорошо показало дело Э. Дж. Сноудена. Вместе с тем в ряде законодательных актов такая публикация не просто предусмотрена как одно из прав обладателя информации, но и вменяется ему в обязанность. Так, Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[19] прямо регулирует этот вопрос, исходя из принципа гласности, закрепленного в ст. 123 Конституции РФ. В качестве основных принципов обеспечения доступа к информации о деятельности судов в данном законе установлены: открытость и доступность информации о деятельности судов, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации; достоверность информации о деятельности судов и своевременность ее предоставления; свобода поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности судов любым законным способом; соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту их чести и деловой репутации, права организаций на защиту их деловой репутации; соблюдение прав и законных интересов участников судебного процесса при предоставлении ин-

[18] См.: Статья 16 п. 4 Закона № 149-ФЗ.

[19] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217 ; 2013. № 27. Ст. 3458.

формации о деятельности судов; невмешательство в осуществление правосудия при предоставлении информации о деятельности судов (ст. 4).

Закреплены и корреспондирующие обязанностям судебных органов права пользователей информацией: получать достоверную информацию о деятельности судов; не обосновывать необходимость получения запрашиваемой информации о деятельности судов, доступ к которой не ограничен; обжаловать в установленном законом порядке действия (бездействие) должностных лиц, нарушающие право на доступ к информации о деятельности судов и установленный порядок его реализации; требовать в установленном законом порядке возмещения вреда, причиненного нарушением его права на доступ к информации о деятельности судов. Доступ к информации о деятельности судов ограничивается, если указанная информация отнесена в установленном федеральным законом порядке к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну, к информации ограниченного доступа.

Одним из способов обеспечения доступа к информации о деятельности судов является ее опубликование в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Здесь размещаются наряду с другими сведения о находящихся в суде делах: регистрационные номера дел, их наименования или предмет спора, информация о прохождении дел в суде, а также сведения о вынесении судебных актов по результатам рассмотрения дел (назначено к слушанию с указанием даты, времени и места проведения судебного заседания, рассмотрено, отложено, приостановлено, прекращено, заключено мировое соглашение, заявление оставлено без рассмотрения, иное с учетом особенностей соответствующего судопроизводства); тексты судебных актов, сведения об их обжаловании и о результатах такого обжалования; информация о внепроцессуальных обращениях, поступивших судьям по делам, находящимся в их производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по делам, находящимся в производстве суда, включая содержание внепроцессуальных обращений и сведения об их субъектах.

К особенностям размещения в сети Интернет текстов судебных актов относятся следующие.

Тексты этих актов, за исключением приговоров, размещаются после их принятия, а тексты приговоров – после их вступления в силу. Тексты судебных актов, подлежащих в соответствии с законом опубликованию, а также тексты иных судебных актов, вынесенных Конституционным Судом РФ, конституционными (уставными) судами субъектов России, арбитражными судами, размещаются в полном объеме, за исключением сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну (эти положения исключаются из текстов судебных актов). Не подлежат размещению тексты судебных актов, вынесенных по следующим делам: 1) затрагивающим безопасность государства; 2) возникающим из семейно-правовых отношений, в том числе по делам об усыновлении (удочерении) ребенка, другим делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних; 3) о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности; 4) об ограничении дееспособности гражданина или о признании его недееспособным; 5) о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар и принудительном психиатрическом освидетельствовании; 6) о внесении исправлений или изменений в запись актов гражданского состояния; 7) об установлении фактов, имеющих юридическое значение, рассматриваемых судами общей юрисдикции; 8) разрешаемым в порядке ст. 126 ГПК РФ (в связи с вынесением судебного приказа)[20].

Исходя из легального определения понятия «судебный акт»[21], размещению в сети Интернет в рамках уголовного судопроизводства подлежат приговор, постановление о прекращении уголовного дела суда первой инстанции, приговор, постановление суда апелляционной инстанции, кассационное определение, определение и постановление суда надзорной инстанции.

В случае опубликования полных текстов судебных актов раскрываются персональные данные участников судебного процесса. С целью их защиты производится обезличивание данных – действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту.

[20] Статья 15, п. 5 Закона № 262-ФЗ.

[21] Там же. Ст. 1, п. 4.

В целях обеспечения безопасности участников судебного процесса из указанных актов исключаются персональные данные, кроме фамилий и инициалов истца, ответчика, третьего лица, гражданского истца, гражданского ответчика, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, секретаря судебного заседания, рассматривавших (рассматривавшего) дело судей (судьи), а также прокурора, адвоката и представителя, если они участвовали в судебном разбирательстве. Вместо исключенных персональных данных используются инициалы, псевдонимы или другие обозначения, не позволяющие идентифицировать участников судебного процесса[22]. Данные положения развиваются в актах высших судебных инстанций и органов судейского сообщества[23].

Более подробно вопрос защиты персональных данных регулирует Регламент организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстах судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальном сайте суда общей юрисдикции, утвержденный постановлением Президиума Совета судей РФ от 27 января 2011 г. № 253.

Регламент вводит новые понятия в институт защиты персональных данных. Уточняя законодательное понятие «обезличивание», используется термин «деперсонификация судебного акта», т.е. исключение из текста судебного акта персональных данных, кроме фамилий и инициалов. Вводятся понятия «лицо, ответственное за подготовку и (или) размещение информации», к которым относят-

[22] Статья 15, п. 3. Закона № 262-ФЗ.

[23] См.: Положение о порядке размещения текстов судебных актов на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в сети Интернет, утвержденное приказом Председателя Верховного Суда РФ от 18 июня 2010 г. № 10-П ; постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 4 февраля 2010 г. № 3/2 «О Регламенте Дисциплинарного судебного присутствия» ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» ; постановление Президиума Совета судей РФ от 24 марта 2011 г. № 259 «Об утверждении изменений в Регламент организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальном сайте суда общей юрисдикции».

ся судья, работник аппарата суда, назначенный приказом председателя суда ответственным за подготовку и (или) размещение на сайте суда сведений о находящихся в суде делах и (или) текстах судебных актов; «сведения, подлежащие исключению» – персональные данные, а также сведения, доступ к которым ограничен федеральным законом[24] и некоторые другие.

На сайте суда размещаются следующие сведения о находящихся в суде делах: регистрационные номера дел, их наименования или предмет спора, информация о прохождении дел в суде, а также сведения о вынесении судебных актов по результатам рассмотрения дел (назначено к рассмотрению с указанием даты, времени и места проведения судебного заседания; рассмотрено, отложено, приостановлено, прекращено, заключено мировое соглашение, заявление оставлено без рассмотрения, иное с учетом особенностей соответствующего судопроизводства). Размещаются тексты судебных актов, вынесенные по существу рассматриваемого дела. Промежуточные судебные акты (постановления о назначении судебных заседаний, проведении предварительных слушаний, приостановлении производства по делу, отказе в удовлетворении надзорных жалоб, представлений и т.п.), направленные на вынесение судом итогового судебного акта, не размещаются или могут размещаться по усмотрению суда. В полном объеме размещаются тексты судебных актов, подлежащих в соответствии с законом опубликованию, в том числе вступивших в законную силу судебных актов, вынесенных по делам, рассмотренным в порядке ч. 3 ст.136 УПК РФ. Размещение текстов частных определений суда ос-

[24] Регламент относит к данным сведениям: 1) сведения конфиденциального характера, утв. Указом Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 (в ред. от 23.09.2005), а также персональные данные, за исключением сведений, подлежащих распространению в СМИ в установленных законами случаях; сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них; информация, предоставляемая организациям (гражданам), осуществляющим производство и выпуск СМИ; информация, ставшая известной работникам учреждений социального обслуживания при оказании социальных услуг; сведения о населении, содержащиеся в переписных листах; 2) сведения, отнесенные к охраняемой государством тайне: государственной, налоговой, коммерческой, служебной, банковской, врачебной, нотариальной, адвокатской, аудиторской, страхования, ломбарда, связи, переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений, завещания, усыновления, следствия, судопроизводства, о защищаемых лицах, исповеди.

тается на усмотрение судьи, вынесшего конкретное частное определение. Размещение сведений о нерассмотренных делах, включая сведения о судье, в чьем производстве находится данное дело, осуществляется по решению председателя суда или его заместителя при условии, что размещение такой информации не повлияет на безопасность судьи и других участников процесса.

В целях безопасности участников судебного разбирательства, соблюдения прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, соблюдения прав и законных интересов участников судебного процесса, достоверности текстов судебных актов предусматривается сложная процедура размещения на сайте каждого судебного акта.

Предварительное решение о размещении (неразмещении) текста судебного акта или извлечения из него принимает судья, рассмотревший дело. Для подготовки размещения судья – председательствующий по делу или судья – докладчик по делу загружает текст судебного акта в подсистему «Судебное делопроизводство и статистика» Государственной автоматизированной системы «Правосудие» для выгрузки в «Банк судебных решений (судебная практика)» или загружает в банк непосредственно из текстового редактора Microsoft Office. С помощью Web-модуля подсистемы «Банк судебных решений (судебная практика)» ответственный работник суда осуществляет загрузку разрешенных к публикации судебных актов на сайт суда. Судья извещает лицо, ответственное за деперсонификацию судебных актов, о реквизитах нового документа для последующей обработки. Ответственность за принятие решения о передаче текста конкретного судебного акта для деперсонификации возлагается на судью – председательствующего по делу, а в случае коллегиального рассмотрения – докладчика по делу. Все тексты судебных актов, разрешенные для размещения на сайте суда, передаются лицу, ответственному за размещение информации.

Регламентом установлен примерный перечень персональных данных участников судебного процесса, подлежащих исключению из объема сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов, размещаемых на сайте суда (п. 5.3):

– любые фамилии (псевдонимы), имена, отчества, персональные данные, кроме фамилий и инициалов истца, ответчика,

третьего лица, гражданского истца, гражданского ответчика, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, секретаря судебного заседания, рассматривавших (рассматривавшего) дело судей (судьи), а также прокурора, адвоката и представителя, если они участвовали в судебном разбирательстве;

– фамилии (псевдонимы), имена, отчества, персональные данные гражданского истца, который одновременно проходит в качестве потерпевшего по одному и тому же делу, обвиняемого, который одновременно является потерпевшим;

– дата и место рождения, место жительства или пребывания, номера телефонов, реквизиты паспорта или иного документа, удостоверяющего личность, идентификационный номер налогоплательщика, государственный регистрационный номер индивидуального предпринимателя, сведения о транспортных средствах (государственные регистрационные номера и др.);

– все адреса, включая адрес места совершения преступления (если адрес является местом жительства или пребывания участников процесса);

– сведения о физическом и психическом здоровье;

– сведения о гражданстве, семейном, социальном, имущественном положении (доходах) участников процесса (финансовое положение, владение собственностью, обязательства имущественного характера, если эти сведения не относятся к существу дела);

– место нахождения недвижимости: земельного участка, здания (сооружения), жилого дома (квартиры), иная информация об имуществе участников процесса или иных лиц, упомянутых в судебном акте (о наличии в собственности квартир, жилых домов, земельных участков и т.д.), в случае если эти сведения не относятся к существу дела;

– другие сведения.

Установлен также усложненный порядок деперсонификации судебных актов и сведений о находящихся в суде делах, а также подготовка к размещению на сайте суда. Решение об отнесении положений текста судебного акта к персональным данным и (или) сведениям ограниченного доступа принимает судья или лицо, ответственное за деперсонификацию судебного акта, с учетом действующего законодательства. Решение об исключении из объема све-

дений о находящихся в суде делах положений, которые содержат персональные данные и (или) сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, принимает руководитель структурного подразделения суда или ответственный работник аппарата суда по согласованию с судьей.

Для деперсонификации судебных актов и исключения из них сведений ограниченного доступа используется следующий алгоритм действий. После появления текста судебного акта в базе данных подсистемы «Банк судебных решений (судебная практика)» ответственный работник аппарата суда в соответствии с требованиями законодательства и существующей компьютерной технологией проводит деперсонификацию текстов судебных актов и (или) исключение из них сведений ограниченного доступа. Перед размещением на сайте суда текста судебного акта уполномоченное лицо осуществляет следующие действия по его деперсонификации: формирует список замены подлежащих деперсонификации персональных данных, позволяющих отличить одного участника судебного процесса от другого, с помощью определенных символов (обозначений) (например, Потерпевший 1, 2, 3..., Свидетель 1, 2, 3... или инициалы участника судебного процесса); указывает фразу анонимизации для адреса, даты, а также для иных сведений; проводит первоначальную автоматическую обработку текста судебного акта, при которой выделяются персональные данные; с помощью специального программного редактора в подсистеме «Банк судебных решений (судебная практика)» проводит ручную повторную корректировку текста судебного акта, в ходе которой выделяются персональные данные, пропущенные при автоматической деперсонификации; с помощью программного функционала сохраняет все предварительно выделенные данные для их автоматической замены при размещении текста судебного акта; устанавливает в системе предварительное разрешение на размещение обезличенного текста судебного акта и извещает об этом судью, принявшего данный судебный акт; выводит предварительно обработанный текст судебного акта на бумажный носитель для передачи на контроль за полнотой и правильностью его деперсонификации; передает для проверки судье, вынесшему соответствующий судебный акт.

Судья, получивший текст судебного акта, осуществляет его проверку на правильность сокрытия персональный данных и сведений

ограниченного доступа и в случае отсутствия ошибок вносит краткое описание по документу (номер дела) и разрешает выгрузку документа на официальный сайт суда. В случае выявления сведений, подлежащих исключению, судья делает соответствующие правки и возвращает текст на этап деперсонификации текста судебного акта. После проверки текста судебного акта на бумажном носителе (если никаких замечаний по тексту не выявлено) судья проставляет слева в конце текста (после последнего слова последнего абзаца) реквизит «СОГЛАСОВАНО», визу (с указанием должности, фамилии и инициалов) и передает документ лицу, ответственному за размещение текстов судебных актов на сайте суда.

Таким образом, процедура по обезличиванию персональных данных подробно прописана в нормативном акте и достаточно сложна, с наличием многоступенчатого контроля, чтобы исключить возможные ошибки при опубликовании.

Вместе с тем, по мнению ряда авторов, деперсонализация зачастую делает тексты нечитаемыми; из них устраняется важная информация, а потому понять содержание становится невозможно, не говоря уже о систематизации судебной практики. По сути, в результате деперсонализации, отмечают авторы данной позиции, происходит обессмысливание значительной части информации, изложенной в судебных актах, которые представлены на сайтах судов. Удаление персональных данных создает еще одну проблему, повышая временные затраты на размещение судебных актов в Интернете. Районные суды не справляются с объемом работы и выкладывают судебные акты нерегулярно и неполно. В результате получается, что из-за введения деперсонализации воплощение принципа открытости правосудия пришло к абсурду, а силы и средства тратятся неэффективно[25]. Делается общий вывод, что деперсонификация судебных актов приводит к нарушению принципа гласности как в судебном процессе, так и в судебном делопроизводстве, а получаемый в результате обезличивания судебный акт «основательно урезает возможность

[25] См.: *Поздняков М.* Абсурдность и юридическая несостоятельность деперсонализации судебных актов. URL: http://pravo.ru/review/view/66359 (дата обращения: 29.09.2013) ; *Его же*. Реализация принципа публичности (гласности) при оглашении судебного акта. URL: http://www.zasudili.ru/news/?ID=1671 (дата обращения: 26.09.2013).

получения достоверной информации по рассмотренным и рассматриваемым делам»[26].

Следует отметить, что в п. 5.4 Регламента организации размещения сведений о находящихся в суде делах и текстов судебных актов в информационно-телекоммуникационной системе Интернет прямо запрещено указывать «Копия» или «Версия для печати». Следуя этому разъяснению, некоторые суды, в первую очередь районного уровня, во многих случаях удаляют номер судебного акта, а отдельные – и дату судебного акта. «В результате такого подхода отсутствует возможность поиска нужного документа. Но главное – теряется смысл всей деятельности по размещению судебных актов на сайте. Получается, что публикуется не официальный документ, а некие “сведения о проделанной работе”. Невозможно установить, был ли отменен или изменен этот судебный акт, а также ряд других вопросов»[27].

Имеются и другие мнения, например о сокращении числа размещаемых в сети Интернет судебных актов. Так, по мнению В. И. Решетняка, «большинство судебных актов оказываются невостребованными, поскольку вынесены они по существу дела, рассмотренного в порядке осуществления гражданского, административного или уголовного судопроизводства в первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях, не представляющих интереса для широкой общественности, не имеющих значения для формирования судебной практики. Представляется, что законодателю следует пересмотреть подходы к размещению судебных актов на официальных сайтах судов: определить категории судебных актов, подлежащих обязательному опубликованию, предоставить судам право размещать иные судебные акты по своему усмотрению»[28].

Помимо отсутствия четких стандартов раскрытия такой судебной информации есть и дополнительные, достаточно серьезные

[26] *Поворова Е. А.* Персональные данные в судебных актах vs. публичность, открытость судов общей юрисдикции // Транспарентность правосудия и права журналистов : сб. материалов / ред.-сост. С. Л. Чижков. М., 2010. С. 101–114.

[27] *Ячменев Г. Г.* Правовое регулирование размещения судебных актов в сети Интернет. URL: http://kak.znate.ru/docs/index-38816.html (дата обращения: 24.04.2013).

[28] *Решетняк В. И.* К вопросу об электронном правосудии в арбитражном и гражданском судопроизводстве // Юрист. 2011. № 9. С. 35.

аргументы против широкого опубликования судебных решений. Например, высказываются опасения, что это послужит распространению способов и приемов совершения преступлений, недобросовестного пользования правами. Судебные акты могут анализироваться и с точки зрения наличия в них сведений, раскрывающих методы и практику работы органов уголовного преследования. Кроме того, судебные акты предоставляют информацию о судье, вынесшем решение, что в отдельных случаях может вызвать в отношении его личности определенного рода негативные последствия.

Таким образом, вопрос о размещении персональных данных в сети Интернет остается дискуссионным. На наш взгляд, при его решении следует исходить из законодательных установлений с приведением подзаконных актов в соответствие с их содержанием, взяв за основу, прежде всего, интересы прав личности, усиление их гарантий.

Важной гарантией защиты персональной информации является учреждение ответственности за ее несанкционированное разглашение. В отдельные законы включены бланкетные нормы, а в кодексы – охранительные[29].

В российском законодательстве впервые с 30 декабря 2001 г. установлена административная ответственность в этой сфере. Ст. 13.11 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных).

Уголовная ответственность за аналогичные деяния, введенная с 1 января 1997 г., предусматривает в качестве объективной стороны преступления (ст. 137) незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информа-

[29] См., например, ст. 24 Федерального закона «О персональных данных» и ст. 17 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ (в ред. от 31.12.2002) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 14. Ст. 1401 ; Ст. 90 Трудового кодекса РФ.

ции, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности и причинили вред правам и законным интересам граждан. Ст. 140 УК предусматривает ответственность за неправомерный отказ должностного лица в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан. Кроме того, УК РФ предусматривает уголовную ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (ст. 272).

Практика показала, что многие рассмотренные правовые гарантии являются недостаточно эффективными, и даже учреждение административно- и уголовно-правовой ответственности мало способствуют снижению деяний, связанных с незаконным распространением персональной информации. Особенно ярко это проявляется в условиях широкой информатизации и рыночных отношений. Данные в подавляющем большинстве стали представляться и обрабатываться в электронном виде и легко комбинироваться, причем браться из разных баз данных (источников). Возросшее быстродействие компьютеров позволяет производить любую необходимую обработку информации, содержащей персональные данные, а стоимость хранения данных и доступа к их массивам резко снизилась. Персональные компьютеры превратились в общедоступное средство, а Интернет завершил формирование среды информационного обмена, связанного с персональными данными. На стихийных рынках стало появляться значительное число магнитных, а позже и оптических носителей, содержащих персональную информацию из закрытых источников (базы данных ГАИ, налоговых и телефонных служб, паспортно-визовых органов, органов по регистрации прав на недвижимость и сделок с ней и др.).

Вот почему при разработке нормативных установлений следует учитывать положения теории права, в соответствии с которыми правовой акт должен содержать нормы, которые устанавливали бы объект правового регулирования, субъекты рассматриваемых правоотношений, права и обязанности этих субъектов, а также гаран-

тии соблюдения прав и ответственность за нарушение этих прав. Только наличие всех названных компонентов гарантирует ему реальную жизнь и не позволяет остаться «бумажным» законом. К сожалению, многие из действующих законодательных актов, призванных регулировать вопросы защиты персональных данных, остаются низкоэффективными из-за того, что в них не нашли отражения вопросы определения обязанностей должностных лиц и граждан по неразглашению персональных данных, гарантий реализации права личности на сохранность информации о ней, ответственности в случае нарушения этого права.

Таким образом, не все вопросы защиты персональных данных в современных условиях до конца урегулированы. Вот почему в области правового регулирования отношений, связанных со сбором, использованием и передачей персональной информации (данных), в первую очередь необходимо решить следующие проблемы:

– утверждение четких процедур отнесения информации к персональной;

– установление системы информационных массивов различного уровня и назначения, в которых может накапливаться персональная информация, а также органов, ответственных за формирование, хранение, использование и защиту этих массивов;

– регламентация деятельности, связанной со сбором, использованием и передачей персональных данных;

– определение прав, обязанностей, гарантий и ответственности субъектов отношений, которые возникают в процессе сбора, использования и передачи персональных данных, в том числе создание системы защиты прав личности, особенно при их автоматизированной обработке.

При этом следует учитывать специфические особенности технической защиты информации в средствах вычислительной техники. Это связано с определением необходимого комплекса средств технической защиты информации от несанкционированного доступа и нарушения ее целостности (модификации и уничтожения), построением целостной системы такой защиты, а также необходимостью постоянного контроля эффективности работы этой системы. Иными словами, проблемы информационной безопасности, методы и способы ее обеспечения могут существенно влиять на

содержание организационных мероприятий[30] и разработку законодательных актов.

Кроме того, несмотря на значительное количество нормативно-правовых актов в современном российском законодательстве по вопросам защиты прав и интересов граждан в сфере частной жизни, не все они связаны в единую систему, имеются определенные противоречия между отдельными актами, что не способствует созданию устойчивой правоприменительной практики, в том числе судебной. В связи с этим представляется необходимым принятие комплексных мер, направленных на выработку единого общегосударственного подхода к определению стандартов раскрытия персональных данных, пределов доступности такой информации, совершенствования законодательной техники, механизма раскрытия персональной информации и некоторым другим. Решение этих вопросов позволит определить и реализовать оптимальную модель защиты персональных данных в уголовно-правовой сфере.

[30] Таких как уточнение списка лиц, допускаемых к сбору, использованию и передаче персональных данных; определение конкретного объема сведений, составляющих эти данные для конкретного информационного массива; порядок регистрации сведений; установление контроля за выполнением требований законодательства в области защиты персональных данных и др.

В. В. Степанов

кандидат юридических наук, профессор

М. А. Бабакова

кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СИСТЕМ СОТОВОЙ СВЯЗИ СТАНДАРТА GSM

Появление телефона – огромный прогресс, однако человечество не остановилось на этом. Сейчас наряду с проводными получили широкое распространение мобильные телефоны (сухопутная подвижная радиосвязь общего пользования – СПР-ОП)[1]. Изначально являясь лишь средством связи, с течением времени сотовые телефоны модифицируются, приобретают все больше новых функций, и многие современные модели представляют собой по сути ЭВМ. Обладая, с одной стороны, возможностями практически полноценной ЭВМ, а с другой – мобильностью, сотовые телефоны не могли не привлечь к себе внимания современных преступников. Возможны два варианта использования мобильных телефонов преступными элементами:

– преступник совершил преступление непосредственно в сфере мобильных телекоммуникаций – фрод[2], или «сотовое мошенничество», «мошенничество в сетях сотовой связи»[3];

– преступник совершил иное преступление, но использовал при этом сотовый телефон до, во время его совершения или после.

Так или иначе во всех случаях у следователя появляется дополнительная возможность получения информации о преступни-

[1] Сети СПР-ОП являются частью взаимоувязанной сети связи Российской Федерации. В настоящее время на территории РФ действуют федеральные СПР-ОП на основе стандартов GSM-900 NMT-450.

[2] См.: фрод (от *англ.* fraud – мошенничество) – мошенничество с контрактами и счетами за услуги сотовой связи, хищение и клонирование сотовых телефонов, различные способы обмана сотовых компаний. URL: http:// www/bb2.ru/lexicon/189/html (дата обращения: 23.11.2009).

[3] См.: *Семенов Г. В., Бирюков П. Н.* Ответственность за «мошенничество» в сетях сотовой связи : учеб. пособие. Воронеж, 2002. С. 41.

© Степанов В. В., Бабакова М. А., 2014

ке и установления местонахождения предметов и лиц. Одним из средств, используемых для этого, являются системы сотовой связи, и 87 % проанкетированных сотрудников правоохранительных органов практикуют взаимодействие с операторами сотовой связи для получения информации о мобильной активности конкретного абонента. Возможность эффективного использования средств сотовой связи при установлении местонахождения предметов и лиц обуславливается следующими обстоятельствами:

– доступность и широкое распространение средств мобильной связи;

– разыскиваемое лицо не предполагает, что с помощью сотовой связи можно установить его местонахождение;

– разыскиваемому лицу необходимо поддерживать связь с соучастниками, родственниками, знакомыми.

Технические возможности организации сетей сотовой связи позволяют использовать ее в интересах розыска, в том числе для установления местонахождения искомых объектов. На операторов связи законодательством возлагается обязанность предоставлять уполномоченным государственным органам информацию о пользователях услуг связи и об оказанных им услугах связи, а также иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных федеральными законами[4]. Более подробно указанные вопросы урегулированы в Правилах взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность[5].

Органы федеральной службы безопасности обязаны осуществлять взаимодействие с операторами связи при проведении оперативно-розыскных мероприятий, связанных с использованием технических средств. Вместо органов федеральной службы без-

[4] См.: О связи : федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (с изм. и доп. от 29.12.2006 № 245-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895; 2006. № 6. Ст. 636.

[5] См.: Об утверждении правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность : постановление Правительства Российской Федерации от 27 августа 2005 г. № 538 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 36. Ст. 3704 ; Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств : указ Президента РФ от 1 сентября 1995 г. № 891 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 24. Ст. 2954.

опасности могут выступать органы внутренних дел в случае отсутствия у первых необходимых оперативно-технических возможностей для проведения оперативно-розыскных мероприятий (п. 2 Правил).

«Сети и средства связи, используемые оператором связи, должны соответствовать требованиям, предъявляемым к ним для проведения оперативно-розыскных мероприятий и устанавливаемым Министерством информационных технологий и связи Российской Федерации по согласованию с ФСБ РФ»[6]. Из этого можно сделать вывод, что разработкой требований к техническому обеспечению деятельности операторов связи занимается также орган ФСБ РФ, осуществляющий оперативно-розыскные мероприятия в этой сфере, в том числе и в интересах других органов. С каждым оператором связи взаимодействует уполномоченное подразделение органа ФСБ РФ, которое совместно с оператором связи разрабатывает план мероприятий по внедрению технических средств.

Таким образом, можно контролировать переписку клиентов любого провайдера (свободно читать и перехватывать всю электронную почту), регистрировать посещаемые сайты, а при необходимости перехватывать весь трафик (передаваемые по сети данные). Поскольку предусмотрены прокладка канала электросвязи непосредственно от провайдера до территориального органа ФСБ и оборудование пульта управления для снятия информации без обращения к оператору связи согласно техническим требованиям[7] к средствам проведения оперативно-розыскных меропри-

[6] Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность» (п. 4) ; Об утверждении типовых Требований к плану мероприятий по внедрению технических средств для проведения оперативно-разыскных мероприятий : приказ Министерства информационных технологий и связи РФ и ФСБ РФ от 15 января 2008 г. № 5/8 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 8.

[7] См.: Соглашение между Министерством связи Российской Федерации и Федеральной службой безопасности Российской Федерации по вопросу внедрения технических средств системы оперативно-розыскных мероприятий на сетях электросвязи России : утв. ФСБ РФ 20 января 1997 г., Минсвязи РФ 22 января 1997 г. // СвязьИнформ. 1997. № 2 ; О технических требованиях к системе технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий на сетях электросвязи Российской Федерации : приказ Госкомсвязи РФ от 20 апреля 1999 г. № 70 // СвязьИнформ. 1999. № 6 ; О технических требованиях к каналам обмена

тий в Интернете, то минимизируется возможность независимого контроля правомерности подобного снятия информации.

Нерешенным остается вопрос о том, требуется ли получение решения суда и какого именно для проведения ОРМ, если элементы соединенных компьютерных систем выходят за пределы, ограничивающие территорию конкретного места или государства[8]. ФЗ «О связи» предусматривает представление определенных процессуальных актов, а это может означать, что за то время, пока они будут вынесены, доставлены к месту нахождения удаленного компьютера, разыскиваемая информация может быть уничтожена. Однако даже после получения судебного решения возникает еще одна трудность: как выделить из общего потока сообщений информацию, связанную с конкретным лицом, поскольку в глобальных сетях пользователи часто совместно используют различные ресурсы, каналы связи и т.п. Полагаем, что в данном случае необходимо детально описывать требования к проведению ОРМ, чтобы в минимальной степени нарушить права иных участников сеансов связи.

При вынесении постановления и применении автоматизированных средств анализа используются данные, предоставляемые абонентом оператору для получения услуг связи и накапливаемые оператором в процессе предоставления таких услуг. На основе детального анализа зафиксированной в базе данных оператора связи информации о соединениях и предоставленных дополнительных услугах (SMS, MMS, почтового ящика, переадресации вызова и др.) следователь может определить лицо, фактически использующее телефон. В качестве исходных данных анализа используются время и телефонные номера известных абонентов, а также место нахождения абонента в момент использования услуги[9].

Как показывают результаты проведенного анкетирования, наиболее часто взаимодействие правоохранительных органов с операторами связи осуществляется посредством запроса о входящих и исходящих звонках с мобильного телефона – 69 %, в 56 % случаев

информацией между СОРМ и ПУ в транкинговых системах подвижной радиотелефонной связи : приказ Минсвязи РФ от 29 ноября 1999 г. № 2 // СвязьИнформ. 2000. № 1.

[8] См.: *Волеводз А. Г.* Следы преступлений, совершенных в компьютерных сетях // Рос. следователь. 2002. № 1. С. 10.

[9] См.: *Трофимов О. И., Горев А. И.* О правовой охране баз данных // Государство и право. 2008. № 6. С. 84.

абоненты сами берут выписку о входящих и исходящих звонках с мобильного телефона, в 31 % случаев осуществляется позиционирование мобильного абонента. Эта и иная информация об абоненте и оказанных ему услугах содержится в базе данных оператора связи:

– «фамилия, имя, отчество, место жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность;

– наименование (фирменное наименование) юридического лица, его место нахождения, а также список лиц, использующих оборудование юридического лица, заверенный уполномоченным представителем юридического лица, в котором указаны их фамилии, имена, отчества, места жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность;

– сведения баз данных о расчетах за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонентов»[10].

Указанная информация составляет персональные данные, и операторы связи должны предпринимать действия по защите и охране этих сведений.

Сведения, содержащие персональные данные, предоставляются правоохранительным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в случаях, установленных законом. Порядок предоставления этой и иной информации определен в Требованиях к сетям электросвязи для проведения оперативно-розыскных мероприятий[11].

Следователь путем анализа предоставленных абоненту услуг собирает о нем конфиденциальную информацию. Наиболее значимой является персональная биллинговая и коммуникационная информация. Первая содержит сведения о количестве и длитель-

[10] Требования к сетям электросвязи для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Ч. I : Общие требования // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 3 марта 2008 г. № 9 (п. 14).

[11] См.: Об утверждении Требований к сетям электросвязи для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Ч. I : Общие требования : приказ Министерства информационных технологий и связи РФ от 16 января 2008 г. № 6 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 9 ; Об утверждении Требований к сетям электросвязи для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Ч. II : Требования к сетям передачи данных : приказ Минкомсвязи РФ от 27 мая 2010 г. № 73 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 30.

ности местных и междугородных звонков, что позволяет судить об интенсивности и широте круга общения владельца мобильного телефона. Вторая содержит данные о входящих и исходящих звонках с аппарата, а также номер абонента, дату и время начала соединения, его длительность и др.[12] Продолжительное хранение данной информации оператором связи предоставляет возможность получения следователем расширенных данных об абоненте: установление его окружения, сотрудники по работе, друзья, круг личного общения, характер профессиональной деятельности. В каждом конкретном случае объем информации, необходимой для получения данных о субъекте преступления, будет индивидуальным. Это зависит от многих факторов, к числу которых относятся:

– вид информации, собираемой в базе данных;

– интенсивность пользования услугой, информация о предоставлении которой фиксируется в базе данных;

– случайности или периодичности процесса (периодичность телефонных звонков и иных услуг связи);

– индивидуальные особенности субъекта[13].

Тем не менее, как показал опрос, следователи не располагают достаточными знаниями о возможностях сетей сотовой связи[14] и не используют их в полной мере для решения задач расследования. В настоящий момент на практике такое использование ограничивается получением распечатки звонков (как входящих, так и исходящих) за интересующий следователя период и редко – позиционированием абонента.

Говоря о современных возможностях сетей мобильной связи, в частности об определении местоположения абонента, необходимо рассмотреть несколько технических вопросов. Прежде всего следует уяснить себе принцип построения сетей сотовой связи, ко-

[12] См.: *Жуланов В., Ищенко Е.* Анализ информации из электронных баз данных в следственной группе // Законность. 2007. № 4. С. 26.

[13] См.: *Трофимов О. И., Горев А. И.* Указ. соч. С. 84.

[14] С течением времени и развитием новых технологий появляются и новые возможности. Федеральная комиссия по связи США (FCC) приступила к реализации плана, предусматривающего внедрение технологии определения местоположения абонента во все телефоны в соответствии со спецификацией E911. Это позволит находить абонента сотовой связи с помощью спутниковой навигационной системы GPS. Европейские и российские компании мобильной связи тоже планируют введение соответствующих сервисов. См.: URL: www.sotovik.ru (дата обращения: 09.02.2010).

торым обеспечивается их огромная пропускная способность. При функционировании сотовой сети сочетаются две отдельные технологии. Первая технология – сотовая структура построения. Каждая отдельная зона обслуживания, в которой присутствует устойчивый радиосигнал базовой станции, именуется сотой. Следует отметить также наличие теневых зон, где мобильный телефон не будет работать, следовательно, невозможно будет определить и местонахождение искомого объекта[15].

В каждой соте находится базовая станция, которая постоянно использует служебные сигналы, например, для идентификации (определения местонахождения телефона), что и гарантирует возможность определения местонахождения искомого объекта. Из этого следует, что местонахождение любого включенного сотового телефона (не обязательно того, по которому ведется разговор) при необходимости может быть определено с точностью до нескольких метров в городе и нескольких километров в сельской местности[16].

Вторая технология – цифровая передача сигналов с применением методов уплотнения. Она позволяет в рамках одного канала передать больший объем информации[17]. Интересующий нас аспект связан с особенностью локализации (определения местоположения) и идентификации конкретного телефонного аппарата. При включении мобильный телефон должен зарегистрироваться, для этого он передает свои персональные данные на базовую станцию[18]. Оператор запускает процесс идентификации, ограничивающий несанкционированный доступ к сетям связи[19]. Каждый владелец мобильного телефона при подключении к сотовым линиям связи получает сим-карту, которая, в свою очередь, содержит сведения, необходимые для подтверждения подлинности абонента. Таким образом, телефон – устройство, позволяющее персонализировать лицо, на которое он зарегистрирован.

[15] См.: *Гелль П.* Мобильные телефоны и ПК / пер. с фр. М., 2002. С. 27.

[16] См.: *Трофимов О. И.* Некоторые аспекты правового регулирования оборота баз данных // Государство и право. 2008. № 10. С. 64.

[17] См.: *Гелль П.* Мобильные телефоны и ПК. С. 10.

[18] См.: *Его же.* Чип-карты : устройство и применение в практических конструкциях. М., 2000. С. 28.

[19] См.: *Крайнов И. В.* Некоторые актуальные вопросы деятельности по обнаружению и выявлению преступлений, связанных с хищением средств сотовой связи // Следователь. № 21. С. 28.

Следует отметить, что операторы, работающие на территории Российской Федерации, в отличие от европейских операторов связи, уделяют недостаточное внимание проверке подлинности передаваемого телефоном при идентификации IMEI. В настоящее время в Интернете в свободном доступе достаточно сайтов, позволяющих пользователю, не имеющему специальных навыков, исказить идентификационный номер мобильного телефона (IMEI). Лицо, обладающее специальными знаниями в области высоких технологий, может исказить IMEI таким образом, что каждый раз при идентификации телефона будет передаваться на базовую станцию разный идентификационный номер мобильного телефона либо неидентифицируемый набор информации (так называемая «матричная оболочка»), воспринимаемые базовой станцией как идентификационный номер мобильного телефона. Когда телефон передает на базовую станцию постоянно один и тот же искаженный IMEI, установить местонахождение телефона и идентифицировать его возможно после проведения ряда проверочных действий. В том же случае, когда на базовую станцию передается разный идентификационный номер мобильного телефона либо неидентифицируемый набор информации, идентификация тоже возможна, но с привлечением специалиста. Подлинный IMEI имеет большое значение для следствия, так как на основе его определения можно получить сведения об абоненте и его переговорах либо соединениях (детализация – протокол соединений абонента), данные о месте совершения телефонных переговоров между абонентами (детализация с указанием сот)[20].

Труп гражданки К. находился в подсобном помещении примерно 1 месяц, что не позволило судебно-медицинской экспертизе точно определить момент смерти. В ходе осмотра места происшествия было установлено, что пропал телефон убитой. По результатам позиционирования было установлено, что телефоном пользуется гражданин М. М., который дал показания о том, что приобрел телефон у неизвестного лица, указал место, точный день и помог в составлении фоторобота. По фотороботу в течение суток был задержан гражданин А., проведено опознание и установлен убийца[21].

[20] См.: *Иванов А. Н., Кошелева И. С.* Использование при расследовании преступлений информации, полученной у операторов связи : методические рекомендации для следователей и надзирающих прокуроров. Саратов, 2008. С. 8.

[21] См.: Материалы уголовного дела № 134* СУ СК при прокуратуре Ленинского района г. Саратова.

Информацию об абоненте получают, зная абонентский номер или код идентификации. Определив абонентский номер и код идентификации, можно узнать персональные данные абонента. Это дает возможность получить необходимую информацию об оказанных услугах связи по абонентскому номеру и коду идентификации, а также по иным признакам, указанным в запросе пункта управления ОРМ[22], и определить место нахождения мобильного телефона либо SIM-карты в случае, если она вставлена в другой телефонный аппарат, и телефона в случае замены SIM-карты. Одновременное изменение IMEI и замена SIM-карты приведут к усложнению идентификации. Место нахождения мобильного телефона и абонента, пользующегося им, определяется с точностью до нескольких метров[23].

При определении места нахождения телефона также определяется местонахождение лица. Таким образом, возможно использовать этот метод поиска при розыске лиц, в том числе и лиц без вести пропавших, похищенных и др.

Г. В. Семенов предлагал отнести этот метод к разновидности электронного оперативного наблюдения и включал его в понятие «системы позиционирования мобильных абонентов», под которыми понимал совокупность средств радиомониторинга (оператор мобильной связи, специализированные подразделения правоохранительных органов и т.д.), определение пространственного положения, координат и характеристик динамики движения излучающего объекта в пределах зоны покрытия мобильной связи с целью идентификации мобильного телефона на местности, определения его местонахождения и зоны миграции[24]. Данное определение включает, на наш взгляд, все основные моменты, характеризующие идентификацию мобильного телефона.

Вышеперечисленные системы могут быть также применены правоохранительными органами в целях розыска.

[22] См.: П. 3, 7, 8 Требований к сетям электросвязи для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Ч. I : Общие требования.

[23] См.: «Большой брат» на колесах // Аргументы и факты. 2008. № 50.

[24] См.: *Семенов Г. В.* Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций. М., 2006. С. 231–232.

Получение информации о местонахождении абонента затрагивает конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни, а УПК не регулирует порядок получения данной информации. Правовым основанием для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами является ст. 186.1 УПК, которая предусматривает, что для проведения данных действий необходимо решение суда, но вопросы позиционирования мобильных абонентов в данной статье не урегулированы. В ч. 5 ст. 186.1 ПК говорится о возможности получения путем проведения данного следственного действия информации, которая, по мнению следователя, имеет отношение к уголовному делу (дата, время, продолжительность соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами, номера абонентов и другие данные).

Позиционирование мобильных абонентов нельзя относить к наблюдению как виду оперативно-розыскного мероприятия, так как наблюдение представляет «тайное, направленное, систематическое внимание за лицами, подозреваемыми в преступной деятельности, используемыми ими транспортными средствами, местами их нахождения с целью получения информации о признаках преступной деятельности, возможных соучастниках, местах хранения орудий совершения преступления и похищенного имущества»[25]. Наблюдение всегда осуществляется за событиями и процессами, происходящими в настоящее время. Позиционирование позволяет получить информацию и за уже прошедший промежуток времени. Мы считаем, что позиционирование мобильного абонента имеет гораздо больше общего с таким ОРМ, как снятие информации с технических каналов связи (ст. 6 ФЗ «Об ОРД»), и для его проведения санкция суда необходима (ст. 8 ФЗ «Об ОРД»). Этот вывод вытекает и из анализа Определения Конституционного суда от 2 октября 2003 г.[26].

[25] *Царенко П. П.* Наблюдение как метод собирания, исследования и оценки доказательств / под ред. В. В. Степанова. Саратов, 2004. С. 37.

[26] В нем отмечено, что право каждого на тайну телефонных переговоров по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления. Исходя из этого, информацией, составляющей охраняемую законами тайну телефонных переговоров, считаются любые

Некоторые ученые[27] не разделяют эту точку зрения и считают, что требование о необходимости получения санкции суда для получения информации об оказанных абоненту услугах связи представляет собой необоснованное расширение нормы ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, в которой говорится только о телефонных переговорах. Свою позицию они мотивируют тем, что в ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» речь идет о необходимости получения судебного разрешения только для прослушивания телефонных переговоров, но не наведения справок о них. Эта норма вступает в противоречие с Постановлением Конституционного Суда РФ. Судья Чернушинского районного суда Пермской области А. Богдановский отмечает, что «электронные соединения не могут быть такой же тайной, как содержание телефонных переговоров. Ведь содержание переговоров невозможно узнать, пока не прослушаешь или не запишешь их, а электронные соединения автоматически фиксируются на магнитных носителях и могут быть в любой момент распечатаны и выданы тому, кому это положено»[28]. По его мнению, получение сведений о телефонных переговорах должно осуществляться в ином правовом режиме, не требующем санкции суда.

Для определения места нахождения звонившего лица в определенный промежуток времени (уже прошедший) следователю сначала необходимо получить информацию о номере абонента, в отношении которого будет осуществляться позиционирование, желательно также знать его фамилию, имя и отчество. Зная номер абонента, можно узнать фамилию, имя и отчество лица, на которое

сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи. Для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо получение судебного решения (см.: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 г. об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 г. «О связи» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1. С. 52).

[27] См.: *Чечетин А.* Ограничение тайны связи // Законность. 2005. № 7. С. 40 ; *Винокурова Т. В., Астафьев Ю. В.* Проблема получения сведений о телефонных соединениях при производстве ОРД // Рос. юстиция. 2008. № 1. С. 55.

[28] *Богдановский А.* Может ли ошибаться Конституционный Суд? // Законность. 2006. № 8. С. 34.

он зарегистрирован, путем направления запроса оператору связи. И наоборот[29], зная фамилию, имя и отчество лица, можно путем направления запроса оператору связи узнать зарегистрированный на него номер телефона. Получение информации о пользователе, идентификационном номере (IMEI) телефонного аппарата, номере абонента не ограничивает права граждан и не нарушает тайну телефонных переговоров, а соответственно и не требует никакого специального разрешения и проводится на основании запроса следователя. Именно так действуют практические работники г. Орла, г. Новокузнецка, Республики Калмыкия. Запрос может быть направлен как непосредственно от следователя оператору связи (г. Орел), так и через отдел «К» (Республика Калмыкия) или специализированный отдел, занимающийся борьбой с хищениями сотовых телефонов (г. Новокузнецк)[30].

В тексте запроса обязательно указывается номер уголовного дела, статья УК, по которой оно возбуждено, данные о пользователе и о телефоне, а также период времени, за который необходимо предоставить информацию. По общим правилам при производстве по уголовному делу такого рода запрос исполняется в срок не более 10 дней. На основании данных, полученных по запросу, следователь направляет в суд ходатайство о производстве позиционирования. Кроме ходатайства, 38 % проанкетированных сотрудников правоохранительных органов прилагают к нему рапорт оперативного работника, а 25 % – протокол допроса, 6 % – иные документы, подтверждающие необходимость проведения данного следственного действия.

Использование детализации возможно при расследовании всех видов преступлений, так как ограничения законом не предусмотрены. В отличие от контроля и записи переговоров, детализация позволяет лишь получить информацию о самом факте наличия переговоров в определенный промежуток времени между мобильными абонентами. Никакой информации о содержании самих переговоров она не несет.

[29] Получая информацию о том, на кого зарегистрирован номер, одновременно следователь исключает принадлежность его к лицам, обладающим неприкосновенностью, так как для производства в отношении них следственных действий требуется соблюдение особой процедуры (см.: Об утверждении Требований к сетям электросвязи для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Ч. 1: Общие требования : приказ Министерства информационных технологий и связи РФ от 16 января 2008 г. № 6).

[30] См.: Кто как истребует сведения об абонентах. URL: http://www.polise-russia/ru/showthread.php?t=19123

А. Богдановский предлагал получать данные о детализации телефонных переговоров путем истребования[31]. Как отмечается в литературе, требование «в рамках уголовного процесса представляет собой обязательное для выполнения основанное на законе предписание прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя осуществить определенные действия, представить документы и другие материальные объекты»[32]. Оно реализуется в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК – «требования, поручения и запросы прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами». Большинство практических работников такую позицию поддерживают и считают, что санкция суда для получения детализации телефонных переговоров не обязательна. Ее получение существенно затягивает расследование, затрудняет розыск по горячим следам и зачастую носит чисто формальный характер[33].

Получив указанную выше информацию, следователь направляет в суд ходатайство об определении местонахождения в определенное время, которое рассматривается дежурным судьей в течение 1 суток. На практике имели место случаи, когда следователь направлял в суд ходатайство об определении местонахождения в определенное время в определенном месте неизвестного круга лиц[34].

Около пруда в пригороде г. Саратова был обнаружен труп мужчины с признаками насильственной смерти. Следователь обра-

[31] *Богдановский А*. Указ. соч.

[32] *Степанов В. В*. Расширение перечня средств собирания доказательств // Уголовный процесс. 2007. № 2. С. 56.

[33] См.: Нужно ли судебное решение для истребования детализации. URL: http://www.polise-russia/ ru/ showthread.php?t=14502 (дата обращения: 12.11.2009).

[34] В данном случае были прямо противоположные решения судей. Имели место как получение санкции суда, так и отказы, поскольку нарушались права и законные интересы неопределенного круга лиц, среди которых были и те, кто не причастен к совершению преступления. Между тем в тех случаях, когда суд давал санкцию на проведение данного ОРМ, полученная информация способствовала расследованию преступления.

тился в суд с ходатайством о позиционировании неопределенного круга лиц, находившихся на определенной местности в определенное время и выходивших в эфир (была сделана привязка на местности в районе четырех близлежащих домов). На основании информации, полученной от оператора связи, было проверено 7 подозреваемых и установлен обвиняемый, который на допросе дал признательные показания[35].

Получив постановление о разрешении производства оперативно-розыскного мероприятия, следователь дает письменное поручение УСТМ или оперативному работнику, который дает задание УСТМ и отвечает за его исполнение. Таким образом, осуществляется КТКСМ (контроль технических каналов связи местности) и КТКСЛ (контроль технических каналов связи лица)[36]. Подобное мероприятие осуществляется УСТМ в течение не менее 1 месяца. Ответ на поручение направляется с сопроводительным письмом, к которому может быть приложен рапорт оперуполномоченного или справка по усмотрению исполнителя.

В тех случаях, когда у следователя возникает необходимость установления места нахождения абонента на предстоящий промежуток времени, проводится контроль и запись телефонных переговоров. Решение суда также обязательно. Это следственное действие по поручению следователя также осуществляет УСТМ.

Полученные путем проведения оперативно-розыскных мероприятий с соблюдением всех требований закона сведения в дальнейшем используются в качестве доказательств по уголовному делу.

[35] По материалам уголовного дела № 125 СУ при СК прокуратуры Ленинского района г. Саратова.

[36] Если известен номер абонента, то УСТМ взаимодействует с определенным оператором связи. Когда речь идет о необходимости определения всех лиц, звонивших в определенном месте в определенное время, то взаимодействие осуществляется со всеми операторами, оказывающими услуги связи в данном регионе.

С. Ф. Шумилин

доктор юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Применение технических средств в уголовном судопроизводстве детерминировано необходимостью достижения целей, поставленных в уголовно-процессуальном законодательстве перед государственными органами и должностными лицами, уполномоченными на возбуждение уголовных дел, производство предварительного расследования и осуществление правосудия. Не вдаваясь в обсуждение дискуссионного вопроса о целях, достигаемых в уголовном судопроизводстве, отметим лишь тот факт, что в ст. 85 УПК РФ достаточно четко определены цели доказывания – установление обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, а также способы их достижения – собирание, проверка и оценка доказательств. В свою очередь, цели доказывания конкретизируются в ст. 73 УПК РФ, а способы доказывания – в ст. 86–88 УПК.

Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ способами собирания доказательств является производство следственных и иных процессуальных действий. Исчерпывающий перечень следственных и иных процессуальных действий, являющихся способами собирания доказательств, содержится в ч. 1 ст. 144, главах 24–27 и 37 УПК РФ.

Производство следственных и процессуальных действий базируется главным образом на способности дознавателя, следователя и суда воспринимать информацию, обнаруживать искомые объекты, проверять и оценивать полученную информацию. Между тем на способности этих должностных лиц в полной мере распространяются выводы специалистов в области физиологии, психологии, психофизиологии и других естественных наук о том, что человеческие возможности далеко не беспредельны. В сфере уголовного судопроизводства это может привести к неполному восприятию или потере информации, имеющей значение для правильного разрешения уголовного дела. При этом нельзя не согласиться с высказанным в литературе, хотя и небесспорным, но в целом правильным

© Шумилин С. Ф., 2014

суждением о том, что «рассчитывать на какое-либо совершенствование функций органов чувств за счет морфологических преобразований не приходится, ибо историческое развитие человека свидетельствует о том, что его чисто биологическая эволюция замирает»[1].

В. А. Панюшкин, рассматривая данный аспект человеческой деятельности применительно к сфере уголовного судопроизводства, на основе результатов исследований деятельности человека, полученных специалистами в области психологии, психофизиологии и других естественных наук (Б. Ф. Ломов, Дж. Кимбл, Н. Джармези, К. В. Бардин, Ю. М. Забродин, А. Н. Лебедев и др.), задает риторический вопрос: как разрешить противоречие, объективно существующее между потребностью в получении возможно более полной информации об обстоятельствах преступления и ограниченными возможностями сенсорной системы человека к ее восприятию?[2] Отвечая на поставленный вопрос, автор вновь обращается к данным естественных наук и в результате их теоретического осмысления приходит к выводу о том, что «и физические, и духовные возможности лиц, осуществляющих расследование и рассмотрение уголовных дел, объективно нуждаются в усилении за счет использования различных технических средств»[3].

Подтверждением справедливости приведенных выше суждений является генезис и развитие мировой практики применения технических средств в уголовном судопроизводстве. В частности, иллюстрацией может послужить история создания и деятельности Сюртэ – криминальной полиции Франции, которую возглавил бывший заключенный Эжен Франсуа Видок[4].

Обладая феноменальной памятью, Видок подбирал себе сотрудников из числа бывших заключенных, которые систематически посещали тюрьмы и приказывали водить вокруг себя арестантов,

[1] *Льюис Дж*. Человек и эволюция / пер. с англ. С. И. Аллилуевой. М, 1964. С. 57.

[2] См.: *Панюшкин В. А*. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство : (правовые аспекты). Воронеж, 1985. С. 42–43.

[3] Там же. С. 44.

[4] Это вовсе не означает, что именно создание Сюртэ положило начало использованию технических средств в уголовном судопроизводстве. Судя по дошедшим до нашего времени сведениям, задолго до этого для исследования поддельных документов применялись технические средства в виде увеличительных стекол.

чтобы развить у себя память на лица с тем, чтобы опознавать заключенных, имевших ранее судимости, или идентифицировать разыскиваемых преступников. Наряду с этим на преступников, а затем и на иностранцев, селившихся в отелях и гостиницах Парижа, были заведены карточки, в которых помимо данных о личности содержалось описание внешности. В архиве Видока насчитывалось около пяти миллионов таких карточек.

В 40-х гг. XIX столетия в одной из брюссельских тюрем стали фотографировать заключенных. Этот новый метод регистрации и идентификации преступников использовался и в Сюртэ.

Рост преступности и одновременное повышение уровня развития преступников существенно снизили эффективность идентификации, основанной на запоминании и сличении арестованных с фотографиями ранее судимых.

Вот как описывал кризис этих способов идентификации немецкий публицист Юрген Торвальд: «Феноменальная память на лица преступников, которой обладал Видок, была единственной в своем роде. Но теперь не хватало бы и ста Видоков, чтобы запомнить лица бесчисленного множества преступников всех рангов, всплывших на поверхность болота преступлений в 80-х годах XIX столетия… Фотографии тоже мало помогали в работе: при наличии 80 000 фотографий было нелегко сличить вновь арестованных с фотографиями ранее судимых. В отдельных важных случаях инспектора и писари целыми днями рылись в этих фотографиях, чтобы разыскать одного-единственного преступника, имевшего ранее судимость»[5].

Одной из первых попыток преодолеть возникший кризис, судя по литературе, было предложение писаря Сюртэ Альфонса Бертильона применять с целью идентификации антропометрический метод, основанный на применении технических средств в виде измерительных приборов[6]. Перипетии, сопровождавшие внедрение данного метода идентификации, в названной выше работе Ю. Тор-

[5] *Торвальд Ю*. Сто лет криминалистики (пути развития криминалистики) / пер. с нем. М. Б. Колдаевой ; под ред. Н. С. Алексеева. М., 1974. С. 21–22.

[6] Почти в это же время (1877–1879 гг.) служащий британской компании в Индии Вильям Хершель и шотландский врач Генри Фулдс, работавший в Японии, независимо друг от друга предложили применять дактилоскопический метод идентификации, который начал внедряться лишь в начале 90-х гг. XIX столетия после того, как были исчерпаны возможности антропометрического метода (подробнее см.: *Торвальд Ю*. Сто лет криминалистики. С. 25–31, 57–62).

вальда описаны в разделе под названием «Впервые наука приходит в уголовную полицию, но не находит поддержки».

Проблемы внедрения в уголовное судопроизводство технических средств и достижений естественных наук возникали и в последующем. На первых порах это были проблемы административно-организационного характера, порождаемые недоверием к применению технических средств, инертностью мышления правоприменителей, нежеланием менять сложившуюся практику расследования преступлений и т.д. Упоминаниями о такого рода проблемах буквально пронизана как уже упоминавшаяся, так и другие работы Ю. Торвальда[7].

Примечательно в этом отношении то, что в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве до введения в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. не было норм, в которых упоминалось бы о применении технических средств в уголовном судопроизводстве. Первой такой нормой была, закрепленная в ст. 318 Устава, согласно которой при производстве осмотров и освидетельствований судебный следователь в случае надобности мог делать «*надлежащие измерения*, а если возможно, то и *чертежи* (выделено нами. – *С. Ш.*) осмотренных мест и предметов»[8]. Реализация данного полномочия судебного следователя предполагала применение, по крайней мере, измерительных приборов.

В УПК РСФСР 1923 г.[9] также были закреплены нормы, содержание которых свидетельствовало о допустимости применения в уголовном судопроизводстве некоторых технических средств.

Так, из содержания ч. 3 ст. 67 УПК, согласно которой «вещественные доказательства, не могущие храниться в камере суда или следователя, опечатываются, по возможности, фотографируются…», следовал вывод о возможности применения фотоаппарата, а закрепленное в ст. 180 УПК полномочие следователю при производстве обыска «открывать запертые помещения и хранилища, в случае отказа владельца добровольно открыть таковые» предполагало

[7] См.: *Торвальд Ю.* Криминалистика сегодня. Развитие судебной серологии : пер. с нем. М., 1980 ; *Его же*. Следы в пыли. Развитие судебной химии и биологии : пер. с нем. М., 1982.

[8] Устав уголовного судопроизводства // Свод законов Российской Империи. Т. 16. Ч. 1. 1892. С. 415.

[9] Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

применение любых необходимых для достижения указанной цели технических средств.

В первой редакции УПК РСФСР 1960 г.[10] предусматривалось применение вышеназванных технических средств, а также технических средств, необходимых для изготовления слепков и оттисков следов (ч. 3 ст. 141, ч. 3 ст. 179 УПК). Кроме того, применение фотоаппарата было распространено на производство осмотра (ч. 3 ст. 179 УПК) и следственного эксперимента (ч. 1 ст. 184 УПК).

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г.[11] в УПК РСФСР были внесены изменения и дополнения, которыми несколько расширялся арсенал технических средств, допустимых к применению в уголовном судопроизводстве: разрешалось применение кинокамеры при производстве осмотра и следственного эксперимента, а также звукозаписывающей аппаратуры при производстве допроса (ст. 141[1] УПК), очной ставки (ч. 3 ст. 163 УПК), при ознакомлении участников уголовного процесса с материалами уголовного дела (ст. 200–201 УПК), в судебном разбирательстве (ч. 2 ст. 264, ч. 1 и 3 ст. 281, ч. 1 и 3 ст. 286 УПК).

Из этих общеизвестных положений можно сделать два вывода. Во-первых, в уголовном судопроизводстве существует тенденция к расширению сферы применения технических средств. Во-вторых, на законодательном уровне регламентируется применение только технических средств, которые являются средствами фиксации доказательств.

В действующем УПК РФ 2001 г. эта тенденция нашла свое отражение в нормах, предусматривающих применение в уголовном судопроизводстве, помимо вышеперечисленных технических средств, видеокамеры и системы видео-конференц-связи (ч. 6 ст. 179, ч. 4 ст. 189, ч. 4 ст. 240, ч. 2 ст. 389[12] УПК РФ и др.). При этом вопрос о применении других технических средств решен путем закрепления правила, согласно которому «при производстве следственных действий могут применяться технические средства (ч. 6 ст. 164 УПК).

Тенденция к расширению сферы применения технических средств в уголовном судопроизводстве является подтверждением справедливости одного из суждений, высказанного Г. Ф. Горским

[10] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

[11] Там же. 1966. № 36. Ст. 1018.

еще в 1978 г. Рассматривая вопрос о проблемах уголовно-процессуального доказывания в свете научно-технического прогресса, писал: «В теории доказательств и практике доказывания по конкретным уголовным делам необходимо оценивать положение о применении новейших научных достижений не с позиций вчерашнего дня, а исходя из требований завтрашнего»[12]. Особую актуальность приведенное суждение приобретает в связи с дополнением УПК РФ нормами, допускающими применение в уголовном судопроизводстве систем видео-конференц-связи.

В настоящее время системы видео-конференц-связи могут применяться судом для допроса свидетелей и потерпевших (ч. 4 ст. 240 и ст. 278[1] УПК РФ); для обеспечения участия осужденного, содержащегося под стражей, в судебном заседании при рассмотрении жалобы или представления на приговор судом апелляционной и кассационной инстанции (ч. 2 ст. 389[12] и ч. 2 ст. 401[13] УПК РФ), обеспечения осужденному возможности изложить свою позицию при рассмотрении судов вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора (ч. 2 ст. 399 УПК РФ).

Правомерность применения судами систем видео-конференц-связи в настоящее время практически общепризнана. Даже Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) не усматривает нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в том, что при рассмотрении судами (в том числе и судами Российской Федерации) уголовных дел осужденные принимают участие в судебных заседаниях посредством систем видеосвязи[13].

[12] *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С.* Некоторые проблемы уголовно-процессуального доказывания в свете научно-технического прогресса // Проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 255.

[13] Постановление Европейского суда по правам человека от 26 июня 2008 г. по делу «Шулепов (Shulepov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2009. № 6. С. 77–84 ; Постановление Европейского суда по правам человека от 9 апреля 2009 г. по делу «Григорьевских (Grigoryevskikh) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 2. С. 103–117 ; Постановление Европейского суда по правам человека от 22 апреля 2010 г. по делу «Севастьянов (Sevastyanov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 11. С. 37–49 ; Постановление Европейского суда по правам человека от 22 июля 2010 г. по делу «Самошенков и Строков (Samoshenkov and Strokov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 7. С. 92–102.

Вместе с тем в приведенных и других постановлениях по делам, в которых одной из сторон выступала Российская Федерация, ЕСПЧ обращал внимание российских властей на то, что право на защиту с помощью адвоката приобретает еще большее значение, когда подсудимый или осужденный не присутствует в зале суда лично, а его участие в заседании обеспечивается с помощью видеосвязи.

Российские правоприменители и ученые позицию ЕСПЧ разделяют, однако едва ли не главным препятствием на пути обеспечения участия защитника при рассмотрении судами уголовных дел с применением средств видеосвязи считают отсутствие в УПК РФ четких указаний относительно того, где должен находиться защитник – в зале судебного заседания или в одном помещении с подзащитным, и как защитник должен общаться с подзащитным в том случае, если защитник находится в зале судебного заседания, а подсудимый (осужденный) в следственном изоляторе. В связи с этим в литературе высказано мнение о том, что защитник может оказывать юридическую помощь как по месту нахождения осужденного, так и находясь в зале судебного заседания путем дистанционного общения. Остается лишь решить вопрос о том, в какой момент предоставлять защитнику такую возможность: до начала судебного заседания или делать с этой целью перерыв в ходе судебного заседания? Кроме того, необходимо обеспечить соответствующие условия для такого общения: должно быть предоставлено время и защищенный канал связи[14].

Ориентиром в решении данного вопроса может послужить постановление ЕСПЧ от 2 ноября 2010 г. по делу «Сахновский (Sakhnovskiy) против Российской Федерации»[15].

Сахновский был осужден Новосибирским областным судом 20 декабря 2001 г. за совершение убийства при отягчающих обстоятельствах и обжаловал приговор в Верховный Суд РФ, однако приговор был оставлен без изменения, а кассационная жалоба – без удовлетворения.

[14] *Сильнов М. А., Герман А. С.* Практика применения видео-конференц-связи в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 9. С. 58

[15] Постановление ЕСПЧ от 2 ноября 2010 г. «Дело «Сахновский (Sakhnovskiy) против Российской Федерации» (жалоба № 21272/03). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сахновский обжаловал решение кассационной инстанции, однако 2 июля 2003 г. судья Верховного Суда РФ отказал в удовлетворении его надзорной жалобы. Данное решение Сахновский обжаловал в ЕСПЧ, который 26 марта 2007 г. коммуницировал жалобу властям Российской Федерации. 4 июля 2007 г. Президиум Верховного Суда РФ удовлетворил надзорное представление заместителя Генерального прокурора и отменил определение Верховного Суда от 31 октября 2002 г., вынесенное по кассационной жалобе. Президиум установил, что в суде кассационной инстанции было нарушено право заявителя на юридическую помощь, и направил дело на новое рассмотрение в суд кассационной инстанции.

Сахновский просил разрешения принять участие в заседании кассационной инстанции лично, однако судебный состав 10 августа 2007 г. принял решение об обеспечении участия осужденного путем использования систем видео-конференц-связи. Для этого Сахновский из места отбывания наказания был доставлен в следственный изолятор г. Новосибирска. 20 августа 2007 г. Сахновский, как указано в постановлении ЕСПЧ, подал новую кассационную жалобу, в которой вновь просил разрешить присутствовать на заседании лично, а не посредством видеосвязи.

По жалобе Сахновского 29 ноября 2007 г. суд, как указано в постановлении ЕСПЧ, «отклонил ходатайство заявителя о личном присутствии, найдя, что видеосвязи будет достаточно для того, чтобы обеспечить заявителю возможность участвовать в слушании и выдвигать возражения или другие доводы, и что эта форма участия будет не менее эффективной, чем его личное присутствие в зале суда. Верховный Суд затем представил заявителя его новому адвокату А., которая присутствовала в Верховном Суде, а впоследствии предоставил им 15 минут конфиденциальной беседы посредством видеосвязи до начала слушаний. Все лица, и в зале суда, и в изоляторе, покинули на это время соответствующие помещения».

Сахновский отказался от услуг А. на том основании, что ему необходимо встретиться с ней лично, однако суд отклонил его возражение против назначения адвоката и, рассмотрев уголовное дело, оставил приговор Новосибирского областного суда в силе.

Принятое Верховным Судом РФ решение Сахновский вновь обжаловал в ЕСПЧ, полагая, что в судебном разбирательстве

29 ноября 2007 г. его права не были восстановлены: «в частности, он не был доставлен в зал судебного заседания, несмотря на его ходатайство, *и он был лишен эффективного взаимодействия с назначенным судом адвокатом* (выделено нами. – *С. Ш.*), что является, по мнению Сахновского, нарушением п. 1 и подп. «с» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Оценивая эффективность юридической помощи по рассматриваемому делу, ЕСПЧ отметил, что участие в судебном разбирательстве посредством видеосвязи является приемлемой формой участия. Между тем по поводу участия адвоката по данному делу ЕСПЧ согласился с доводами заявителя, что он не имел каких-либо возражений против А. лично, хотя и не был знаком с ней ранее, но «*они были лишены возможности установить даже подобие содержательных рабочих отношений защитника и клиента* (выделено нами. – *С. Ш.*)». В связи с этим ЕСПЧ отметил следующее: «*…учитывая обстановку, в которой он был вынужден разговаривать со своим защитником, заявитель не чувствовал, что он может откровенно и открыто беседовать с ней* (выделено нами. – *С. Ш.*). Сравнение Европейским судом этих мер с такими альтернативами, как телефонная связь, защищенная от любой попытки перехвата (…Постановление Европейского суда по делу “Марчелло Виола против Италии”, § 41)[16], указывало на то, что чувства заявителя вполне можно было понять».

[16] Попытки найти в справочно-правовых системах полный текст данного постановления на русском языке оказались безуспешными. В информации о постановлении ЕСПЧ от 5 октября 2006 г. по делу «Марчелло Виола против Италии (Marcello Viola v. Italy) (№ 45106/04)», размещенной в СПС «КонсультантПлюс», по поводу соблюдения требований статьи 6 Конвенции содержится следующая констатация: «Участие заявителя в разбирательстве посредством аудиовизуальной связи преследовало законные цели, предусмотренные Конвенцией, а именно защиты общественного порядка, предупреждения преступлений, защиты прав на жизнь, свободу и безопасность свидетелей и жертв преступлений, а также соблюдения требований «разумного срока» судебного разбирательства. Организация и проведение апелляционного разбирательства обеспечивали соблюдение прав защиты по настоящему делу. Заявитель был соединен с залом судебных заседаний посредством видео-конференц-связи, позволявшей ему видеть присутствующих и слышать то, что говорилось в зале. Другие лица, судья и свидетели могли видеть и слышать заявителя. Он имел возможность делать заявления перед судом, и его право на конфиденциальные консультации с адвокатом не было нарушено», и вывод о том, что «по делу требования пункта 1 статьи 6 Конвенции нарушены не были».

В разделе 4 постановления ЕСПЧ, который называется «Получил ли заявитель достаточную юридическую помощь в заседании 29 ноября 2007 г.», содержатся следующие констатации.

Во-первых, видеосвязь как форма участия в судебном заседании «не является неприемлемой в соответствии с понятием справедливого и публичного разбирательства, но должна гарантировать возможность для заявителя участвовать в процессе и быть выслушанным без технических препятствий, а также обеспечивать эффективное общение с адвокатом без свидетелей (п. 98).

Во-вторых, вопрос об обеспечении достаточного уровня конфиденциальности по данному делу является спорным, поскольку в отличие от заявителя по делу «Марчелло Виола против Италии», который мог разговаривать со своим защитником посредством телефонной линии, защищенной от любых попыток перехвата, Сахновский «*был вынужден использовать систему для видеоконференций, установленную и управляемую государством* (выделено нами. – *С. Ш.*), а потому мог испытывать дискомфорт при обсуждении дела с А.» (п. 104).

Особый интерес представляет содержание п. 105 и 106 данного постановления. В связи с тем, что в них сформулирован ряд принципиальных положений, которые должны быть, по нашему мнению, учтены в ходе совершенствования практики использования видео-конференц-связи в российском уголовном судопроизводстве, целесообразно привести их полностью.

«105. Кроме того, в упоминавшемся выше деле «Марчелло Виола против Италии» *защитник обвиняемого мог направить заменяющего адвоката в комнату видеоконференции или, наоборот, лично посетить своего клиента и поручить адвокату, заменяющему его, защиту клиента в суде* (выделено нами. – *С. Ш.*). Аналогичный вывод был сделан в упоминавшемся выше деле Голубева[17], где Европейский суд не усмотрел нарушения статьи 6 Конвенции в связи с проведением заседания посредством видеосвязи, поскольку, в частности, “два защитника заявителя присутствовали на заседании суда кассационной инстанции (в зале суда) и могли поддерживать или развивать доводы защиты... Заявитель

[17] Речь идет о Решении ЕСПЧ от 9 ноября 2006 г. по делу «Голубев против Российской Федерации». К сожалению, текст данного решения отсутствует в известных нам справочно-правовых системах.

мог консультироваться со своим защитником до заседания. Кроме того, поскольку *у заявителя было два защитника, он мог избрать одного из них для оказания ему помощи в следственном изоляторе во время заседания суда и консультироваться с ним наедине* (выделено нами. – *С. Ш.*)”. Заявитель по настоящему делу не располагал ни одной из описанных выше возможностей. Напротив, заявителю оставалось либо принять услуги защитника, который был ему только что представлен, либо обходиться в дальнейшем без защитника.

106. Европейский суд отмечает, что власти Российской Федерации не пояснили, почему отсутствовала возможность по-другому организовать юридическую помощь заявителю. Он признает, что транспортировка заявителя из Новосибирска в Москву для встречи с защитником была бы длительным и дорогостоящим мероприятием (см. § 26 настоящего Постановления). Подчеркивая основополагающую важность эффективной юридической помощи, Европейский суд должен рассмотреть вопрос о том, приняло ли государство-ответчик меры с учетом данного географического препятствия, которые в достаточной степени компенсировали ограничения прав заявителя. Европейский суд отмечает в этом отношении, что ничто не препятствовало властям в организации как минимум телефонного разговора между заявителем и А. за больший промежуток времени до заседания. *Ничто не препятствовало им назначить адвоката из Новосибирска, который мог посетить заявителя в следственном изоляторе и находиться с ним во время заседания* (выделено нами. – *С. Ш.*). Кроме того, не ясно, почему Верховный Суд не поручил представление интересов заявителя адвокату, которые уже защищал его в суде первой инстанции и подготовил первоначальную кассационную жалобу. Наконец, Верховный Суд мог отложить заседание по собственной инициативе, чтобы предоставить заявителю достаточное время для обсуждения дела с А.».

Приведенные положения позволяют высказать некоторые соображения относительно направлений совершенствования практики участия защитника (адвоката) при рассмотрении судами уголовных дел с использованием систем видео-конференц-связи.

Предпочтительной представляется такая организация судебного разбирательства с использованием систем видео-конференц-связи, при которой защитник (адвокат) находится по месту

нахождения доверителя (подсудимого, осужденного, свидетеля, потерпевшего). Практика участия защитника (адвоката) в форме непосредственного участия в судебном заседании в данной ситуации выглядит несколько странно, особенно при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной и кассационной инстанции.

По логике вещей защитник (адвокат) до судебного разбирательства должен ознакомиться со всеми материалами уголовного дела, а значит его личное присутствие в судебном заседании не так уж и необходимо. Гораздо важнее, по нашему мнению, оперативное консультирование доверителя по тем вопросам, которые у него могут возникать в ходе судебного заседания. Впрочем, это мнение может и не совпадать с мнением лиц, осуществляющих профессиональную защиту и юридическое представительство. Поэтому желательно, чтобы практикующие адвокаты и прежде всего те, кто уже имеет опыт участия в судебном разбирательстве с использованием систем видео-конференц-связи, высказали свою точку зрения по обсуждаемому вопросу.

Предложенный вариант решения рассматриваемого вопроса, разумеется, не исключает участия двух защитников, один из которых находится в зале судебного заседания, другой – вместе с подсудимым (осужденным). Вопрос только в том, должно ли такое участие обеспечивать государство или это зависит от финансовых возможностей доверителя. В данном случае целесообразно взвесить все «за» и «против», положив на одну чашу весов – денежные средства, которые могут быть выплачены защитникам, а на другую – возможные издержки, обусловленные рассмотрением дел в ЕСПЧ.

В п. 104 анализируемого постановления ЕСПЧ подчеркивается, что заявитель по делу «Марчелло Виола против Италии» в отличие от Сахновского «мог разговаривать со своим защитником посредством телефонной линии, защищенной от любых попыток перехвата». В этой части постановления нашла свое отражение существующая в ряде иностранных государств форма получения показаний путем допроса по телефону. В частности, на постсоветском пространстве допрос по телефону предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством Латвии (ст. 140 Уголовно-процессуального закона Латвийской Республики), Эстонии (п. 2 ч. 2 ст. 59 УПК Эстонской Республики) и Украины (ст. 367 УПК Украины).

На наш взгляд, такая форма получения показаний ничуть не хуже допроса с использованием систем видео-конференц-связи. Это объясняется тем, что для допроса главное не видеть, а слышать допрашиваемого. К тому же российскому законодателю рано или поздно придется решать вопрос о введении в российское уголовное судопроизводство допроса по телефону. Фактором, детерминирующим необходимость введения данной формы допроса, является то, что Российская Федерация ратифицировала Конвенцию против транснациональной организованной преступности и Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции, в которых (соответственно ст. 24 и 32) определены меры защиты свидетелей, экспертов и потерпевших, в том числе принятие правил доказывания, позволяющих давать показания таким образом, который обеспечивает безопасность данных лиц, например разрешение давать показания «с помощью средств связи, таких как видеосвязь *или другие надлежащие средства* (выделено нами. – *С. Ш.*)»[18].

Представляется, что к «другим надлежащим средствам» относятся и средства телефонной связи, а допрос по телефону может быть равноценной альтернативой допросу с использованием систем видео-конференц-связи особенно тогда, когда меры защиты необходимо применить в отношении свидетелей, экспертов и потерпевших, вызов которых в органы предварительного расследования и суд нежелательно или невозможно.

Актуальность применения в российском уголовном судопроизводстве дистанционного допроса путем использования систем видео-конференц-связи или телефонной связи, и прежде всего расширения сферы их применения, детерминируют и такие факторы, как рост количества преступлений, совершаемых ежегодно на территории России иностранцами и в отношении иностранных граждан. Если обратиться к статистическим данным, опубликованным на сайте МВД РФ, которые вряд ли отражают истинное положение вещей, то оказывается, что количество таких преступлений исчисляется десятками тысяч. Вряд ли кто-то может сказать, сколько

[18] Конвенция против транснациональной организованной преступности : принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Конвенция вступила в силу для России 25.06.2004 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 40. Ст. 388 ; Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г.) : ратифицирована 8 марта 2006 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780 ; № 12. Ст. 1231.

иностранцев и граждан РФ, которые могли бы дать показания путем дистанционного допроса, находятся в настоящее время за рубежом.

Кроме того, Российская Федерация, как уже было сказано, является участницей ряда международных соглашений, исполнение которых предполагает расширение сферы использования видеоконференц-связи как в национальном уголовном судопроизводстве, так и в сфере оказания международно-правовой помощи по уголовным делам.

Прежде всего, следует отметить, что Россия является одной из договаривающихся сторон в Рекомендациях группы старших экспертов «восьмерки» от 12 апреля 1996 г. В п. 15 данного международно-правового документа сформулировано положение, согласно которому в целях эффективной борьбы с международной организованной преступностью «государства должны предусмотреть возможность принятия соответствующих мер по обеспечению защиты свидетелей в ходе расследования уголовных дел» и «должны включать такие методы, как дача показаний по техническим каналам связи или ограничение разглашения сведений об адресе и установочных данных свидетелей». Здесь же рекомендуется «изучить возможность применения современных технологий, таких как видеосвязь, для преодоления имеющихся в настоящее время трудностей с получением показаний от свидетелей, находящихся за пределами государств, проводящих расследование»[19].

До настоящего времени в России выполнена лишь одна рекомендация – об ограничении разглашения сведений (ч. 3 ст. 11, ч. 6 ст. 166, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Вопрос о реализации остальной части названной рекомендации остается открытым.

Определенные обязательства для Российской Федерации в части использования систем видео-конференц-связи вытекают из п. 17 Приложения к Рекомендации № R (2005) Комитета министров Совета Европы, в котором сформулировано положение, согласно которому странам, вступившим в Совет Европы, необходимо рассмотреть ряд мер, направленных на предотвращение идентификации свидетелей *и лиц, сотрудничающих с правосудием*. Одной из таких мер является использование видеоконференций[20].

[19] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (Международные правовые акты).

Таким образом, из положения, закрепленного в п. 17 Приложения, следует вывод о том, что в российском законодательстве должно быть проведено разграничение свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием.

При этом, исходя из дефинитивной нормы, закрепленной в разделе 1 Приложения, «лицо, сотрудничающее с правосудием» означает любое лицо, которому предъявлено уголовное обвинение или которое было осуждено за участие в преступном сообществе или другой преступной организации любого рода или за совершение преступлений, но которое соглашается сотрудничать с органами уголовного судопроизводства, в частности давая свидетельские показания о преступном сообществе или организации или о любом правонарушении, связанном с организованной преступностью, или другими тяжкими преступлениями.

Таким образом, институт досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренный главой 40^1 УПК РФ, а конкретно ст. 317^4 УПК РФ, в которой установлен порядок проведения предварительного следствия в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, нуждается в дополнении нормой, устанавливающей порядок временного перевода таких подозреваемых или обвиняемых в категорию свидетелей и последующего их допроса с использованием систем видео-конференц-связи.

Кроме того, положения п. 17 рассматриваемого Приложения обязывают разрешить давно назревшую проблему допроса лиц, сотрудничающих с правосудием, как в досудебном производстве, так и судебных стадиях уголовного судопроизводства.

В п. 32 этого же Приложения, который относится к сфере международного сотрудничества, предлагается рассмотреть «более широкое и эффективное использование современных средств телекоммуникации, например видеосвязи, и повышение их безопасности при соблюдении прав сторон»[21].

[20] Россия вступила в Совет Европы 28 февраля 1996 г. См.: О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы : федер. закон от 23 февраля 1996 г. № 19-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1966. № 9. Ст. 774.

[21] Рекомендация № R (2005) Комитета министров Совета Европы государствам-членам о защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием (20 апреля 2005 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Возможность проведения слушания с помощью средств видеосвязи, если личное присутствие соответствующего лица на территории запрашивающего государства невозможно или нежелательно, предусматривается также Конвенцией против транснациональной организованной преступности (ст. 18) и Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции (п. 18 ст. 46).

Особо следует отметить закрепленное в Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Кишиневе 7 октября 2002 г. положение, в соответствии с которым «договаривающиеся стороны оказывают взаимную правовую помощь путем … *предъявления для опознания, в том числе с использованием видеосвязи* (выделено нами. – *С. Ш.*), видеозаписи и иных технических средств» (статья 6)[22].

Конвенция не вступила в силу для России на 7 декабря 2012 г., однако это не дезавуирует необходимость проведения работы по приведению российского уголовно-процессуального законодательства в соответствие с названным и другими закрепленными в ней положениями. При этом особую озабоченность у российского законодателя должен вызывать такой вид правовой помощи, как предъявление для опознания с использованием видеосвязи. Внедрение такого опознания представляется проблемным по причинам главным образом технического характера. Если при предъявлении для опознания будет применяться такая же система видео-конференц-связи, как и в судах, достоверность полученных результатов будет весьма и весьма сомнительной из-за существенных искажений при передаче цвета, невозможности рассмотреть мелкие приметы и особенности. Вместе с тем это не означает, что следует отказаться от предъявления для опознания с использованием видео-конференц-связи. Однако для этого необходимо, прежде всего, решить технические вопросы ее использования применительно к специфике данного следственного действия.

В заключение заметим, что высказанные соображения не претендуют ни на бесспорность, ни на исчерпывающий анализ проблем применения технических средств в уголовном судопроизводстве, а являются приглашением к их всестороннему обсуждению.

[22] Содружество : информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 2002. № 2 (41). С. 82–130.

Раздел 5

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ЮРИСТА

Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов

СУДЕБНАЯ ЭТИКА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА*

(Извлечения)

Глава I

§ 1. ПОНЯТИЕ СУДЕБНОЙ ЭТИКИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

1. Мораль (нравственность) всегда занимала видное место в жизни общества, влияя на его развитие и совершенствование. Наряду с правом и другими формами регулирования общественных отношений она призвана регламентировать поступки человека, направлять его деятельность в любой сфере общественной жизни. Являясь результатом исторической необходимости согласовывать личные интересы с интересами других лиц, коллектива, общества, мораль определяет взаимосвязь человека и общества, способствует преодолению возможных между ними противоречий.

От других форм регулирования поведения людей ее отличает способ воздействия на общественные отношения. Мораль обеспечивает определенное поведение человека, во-первых, силой общественного мнения, властью общепризнанной и поддерживаемой всеми дисциплины и, во-вторых, самосознанием личности, ее убеждениями, чувствами и т. д.

Как общественный институт, призванный направлять поведение человека, мораль слагается из нравственных норм и принципов, нравственных поступков и отношений, нравственного сознания. Ее содержание и критерий определяются социальной действительностью, условиями общественной жизни. Ф. Энгельс писал: «...люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т.е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен» [13, 95]. С развитием общественных отношений меняются содержание и критерий нравственности.

---

* Первая публикация данной работы: *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика : некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1973. 272 с.

Мораль – классовое понятие; она всегда отражала интересы определенного класса. В речи на III съезде комсомола В. И. Ленин говорил: «...для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата» [30, 310].

Социалистическая революция, разрушившая старую мораль, означала и переход к новой, более высокой, коммунистической морали. Основные принципы коммунистической нравственности сформулированы в Программе Коммунистической партии Советского Союза [87, 410–411].

Исторический, классовый характер морали не исключает ее некоторой преемственности для всех исторических эпох. Это касается прежде всего элементарных форм взаимоотношений людей и таких, в которых выражается нравственный прогресс человечества. Программа КПСС предусматривает, что «коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками» [87, 410].

Исторический процесс нравственного развития состоит в том, что человечество становится гуманнее. Высшим этапом нравственного прогресса является утверждение коммунистической морали, перерастание ее из классовой в общенародную. Как высоконравственную, гуманистическую идею Коммунистическая партия Советского Союза провозгласила: «Все во имя человека, для блага человека» [87, 322].

С проблемами морали (нравственности) связано понятие этики. Нередко мораль и этику отождествляют и говорят, например, о моральных или этических нормах, принципах, о нравственных или этических отношениях и т.д. Для подобного отождествления нет оснований. Этику следует рассматривать как научную теорию морали.

Этика – это наука о происхождении, сущности, законах развития и общественных функциях морали, а не само нравственное сознание общества. Этические категории представляют собой научное объяснение нравственных понятий. Этика призвана изучать нравственные нормы и нравственное сознание, нравственную деятельность и отношения и на основе этого разрабатывать рекомендации по дальнейшему совершенствованию моральных представлений и принципов, содействуя тем самым воспитанию людей. Но назначение этики не подменять моральную пропаганду и не ограничиваться разъяснением моральных требований, а служить научно-теоретической основой этому.

2. Совершенствование производственных отношений, а также развитие морали и этики способствовали возникновению профессиональной морали и профессиональной этики.

Всеобщий характер коммунистической морали не исключает необходимости учитывать ее специфические требования *к* тем или иным видам профессиональной деятельности. Это приобретает наибольшее значение для тех профессий, объектом деятельности которых является человек, например для профессии врача, педагога, юриста и т.д. Возможность «вторжения» во внутренний мир человека обусловливает необходимость определения для подобных профессий таких норм морали, которые, с одной стороны, содействовали бы успешному осуществлению профессиональных функций, а с другой – обеспечивали охрану интересов личности. К представителям таких профессий общество предъявляет особые нравственные требования.

Это и ряд других факторов определяют содержание профессиональной морали, имеющей свои специфические особенности в сравнении с любой другой профессиональной моралью. Однако содержание всякой профессиональной морали вытекает из общих принципов коммунистической нравственности. Нормы профессиональной морали непременно имеют соответствующий аналог в Моральном кодексе строителя коммунизма [660, 82].

В настоящее время многие специалисты в области этики, исходя из объективных условий развития профессиональной нравственности, предлагают создать кодексы профессиональной морали. Это обусловливается потребностями коммунистического воспитания идифференциацией подхода к представителям различных социальных и профессиональных слоев, особенно профессий, имеющих дело с воспитанием людей [165, 117]; необходимостью целенаправленной работы по нравственной подготовке к отдельным видам профессиональной деятельности [660, 78].

Общество оценивает поведение специалиста с точки зрения требований, предъявляемых им ко всей профессиональной группе в целом. К некоторым профессиональным группам (к их числу относится профессия юриста) общество, государство предъявляют повышенные нравственные требования. В этих случаях профессиональная корпорация берет на себя функции контроля за выполнением профессионально-нравственного долга перед обществом и каждым его членом. Это также вызывает необходимость развития профессиональной морали [883, 109].

Профессиональная мораль выполняет очень важные задачи социального управления, так как обеспечивает реализацию требований общеморальных принципов в условиях профессиональной деятельности, помогает человеку успешнее осуществлять свои профессиональные обязанности, правильно выбирать линию поведения в различных ситуациях своей трудовой деятельности.

Все это свидетельствует не только о значении профессиональной морали, но и о необходимости кодификации в определенных случаях норм профессиональной морали.

Интересный опыт в этом направлении имеют юристы Польской Народной Республики, где в 1966–1967 гг. проходила дискуссия по проблемам профессиональной морали, а возможностях и путях ее кодификации. Еще в 1961 г. Верховный адвокатский Совет ПНР принял «Положение о принципах адвокатской этики и о достоинстве профессии». С января 1970 г. в ПНР действует новое «Собрание принципов адвокатской этики и профессионального достоинства» [567, 75–77].

3. Одним из видов профессиональной этики является судебная этика. В специальной юридической литературе очень распространено представление о ней, как об этике юриста в широком смысле этого слова; кроме того, ее, как правило, отождествляют с нравственными началами профессиональной деятельности юриста. От подобных отождествлений, вероятно, следует отказаться.

Судебную этику как научное знание необходимо отличать от профессиональной морали юриста и рассматривать ее лишь как науку о нравственных началах судебной и связанной с нею деятельности, а не любой юридической работы. Специалистам в области права и этики предстоит еще многое сделать для уточнения таких понятий, как профессиональная мораль юриста, этика юриста, судебная этика, следственная этика и т. д.

Юридическая профессия имеет довольно длительную историю. Ее нравственные профессиональные традиции формировались под влиянием прогрессивных идей и культуры продолжительное время и поэтому представляют особую ценность. К изучению их обращались сами юристы, теоретики и практики, а также философы, педагоги, социологи, государственные и общественные деятели, писатели и публицисты.

Исследование каждой проблемы в социальной жизни представляет значительную сложность. Профессиональная мораль не составляет исключения. Но это исследование диктуется острейшей практической необходимостью, ибо главная социальная функ-

ция любой профессиональной морали, в том числе и в юридической деятельности, заключается в том, чтобы способствовать успешному выполнению задач профессии, преодолению ошибок, а также вредных последствий профессиональной деформации. Профессиональная мораль выступает как своеобразный инструмент воспитания профессиональных качеств и профессионального совершенствования.

Сфера юридической деятельности открывает очень широкие возможности для моральных оценок как самой работы органов расследования, прокуратуры, суда (включая собственную оценку и оценку общественного мнения), так и действий других лиц, находящихся в орбите деятельности этих органов. Именно поэтому нравственные аспекты юридической деятельности имеют важное значение и должны интенсивно изучаться.

Многое для развития судебной этики сделал А. Ф. Кони. Он был убежден, что нравственным началам принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголовного процесса, и полагал, что внимание юристов должно обратиться на изучение нравственных начал судопроизводства. А. Ф. Кони считал необходимым исследование не только судебной техники и судебной практики, но и судебной этики как учения о приложении общих понятий о нравственности к специальной деятельности. Он объясняет причину такой оценки роли этики в уголовном судопроизводстве тем, что, как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых, недобросовестных руках. В этих случаях самый совершенный, справедливый, всесторонне обдуманный закон превращается в ничто. Поскольку формы судопроизводства более или менее прочно установились, нравственным началам, полагал он, принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании уголовного процесса и «центр тяжести учения о судопроизводстве переносится с хода процесса на этическую и общественно-правовую деятельность судьи во всех ее разветвлениях» [437, 33–34].

Разумеется, А. Ф. Кони имел в виду формы буржуазного судопроизводства и основы буржуазной культуры и нравственности в уголовном процессе, поэтому некоторые его суждения не соответствуют принципам социалистического уголовного процесса. Так, например, он идеализировал институт присяжных заседателей, принципы несменяемости судей и их абсолютной независимости. В полную силу своего таланта писателя и юриста А. Ф. Кони обосновывал значение этих принципов как высоконравственных начал судопроизводства. Однако на деле

эти и некоторые другие начала буржуазного правосудия превращали суд в чуждый народу орган, который, по очень меткой характеристике В. И. Ленина, лишь «изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка» [77, 270].

Однако мысль А. Ф. Кони о необходимости изучать судебную этику, воспитывать у судей и других участников судопроизводства высокую нравственность, а также сформулированные им многочисленные положения судебной этики, несомненно, имеют актуальное значение и сейчас.

В последние годы советские юристы стали уделять большое внимание вопросам нравственности как в своих монографических работах, научных статьях, выступлениях на конференциях, так и в периодической печати. Это обусловлено расширением сферы действия морального фактора в жизни советского общества, о чем прямо указывается в Программе КПСС [87, 410].

ЦК КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев вопрос о мерах по дальнейшему улучшению работы судебных и прокурорских органов, потребовали всемерно повышать культуру в их работе [90].

На необходимость всегда следовать нравственным началам и повышать культуру судебной деятельности неоднократно обращали внимание судей Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР. Этому посвящены постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности» [95, 30–38], постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения судами РСФСР» [97, 94–98].

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» указал на то, что все вопросы, подлежащие разрешению при осуществлении правосудия, судьи должны решать «на основе закона, в соответствии с социалистическим правосознанием и высокими принципами коммунистической морали...» [95, 518–519]. Из всего этого вытекает настоятельное требование повысить внимание к расширению нравственных начал судопроизводства, развивать судебную этику как науку и учебную дисциплину.

Успешное решение задач, стоящих перед судебной этикой, во многом зависит от понимания ее сущности, сущности нравственных начал профессиональной деятельности юриста.

В юридической литературе наметились разные подходы к толкованию судебной этики. Так, М. С. Строгович пишет, что «судебная этика изучает применение общих норм нравственности в специфических условиях судебной и следственной деятельности, а вовсе не создает каких-либо особых нравственных норм для судей, прокуроров, следователей адвокатов» [1831, 91].

Высказано и другое мнение: судебную этику не следует сводить лишь к распространению общих закономерностей коммунистической морали на этику судей, следователей, прокуроров, адвокатов [154, 31]; для нее характерны и свои, свойственные лишь ей нравственные нормы, которые могут даже ограничивать действие общих моральных принципов [719,35].

Разногласия в этом споре иногда видят в том, что одни авторы подчеркивают наличие в профессиональной морали специфических нравственных норм, а другие находят в ней лишь специфическое преломление общих нравственных принципов [204, 174–175]. Но суть спора, как видно, не в том, существуют или не существуют в каждой профессиональной морали свои специфические нормы. Их существование очевидно. Спор в другом: каково содержание этих норм; являются ли они результатом применения общих нравственных принципов с учетом специфики профессиональной деятельности, или это особые нравственные нормы, которые не вытекают из общих принципов, а дополняют и даже ограничивают их действие?

Полагая, что профессиональную мораль нельзя сводить лишь к специфическому преломлению общих норм нравственности в той или иной деятельности, А. Д. Бойков определяет профессиональную этику как «учение о специфике действия общеэтических норм (идеалов, понятий, чувств, убеждений, рекомендаций и т.п.) в той или иной сфере общественного производства и об особых нормах, дополняющих и развивающих моральный кодекс строителя коммунизма» [204, 179]. Но что это за «особые» нормы, дополняющие и развивающие общие принципы коммунистической морали? Если они вытекают из этих принципов, конкретизируют их с учетом специфики той или иной профессии, то, видно, во второй части определения, предложенного автором, отпадает необходимость. А если это «особые» нормы, которые не соответствуют общим нравственным принципам или ограничивают их действие, то именно поэтому они не могут стать нормами профессиональной морали, – их применение противоречило бы общим принципам морали. Прав А. Д. Бойков в другом случае, когда, рассматривая особенности профессиональной морали, пи-

шет: «Однако эти особенности не могут ни отменять, ни ограничивать действие принципов коммунистической морали и единого для нашего общества критерия нравственного» [206, 31].

В любой профессиональной морали не может быть каких-то своих особых нравственных норм, которые не вытекали бы из общих нравственных принципов, не соответствовали, противоречили и тем более ограничивали действие принципов коммунистической морали. Такие нормы были бы лишены нравственного содержания с точки зрения общих нравственных принципов. Особенностью каждой профессиональной морали является то, что в различных сферах профессиональной деятельности применение, выражение и преломление общих нравственных норм имеют свои специфические черты и формы

Следует заметить, что еще А. Ф. Кони рассматривал судебную этику как приложение общих понятий о нравственности к той или другой отрасли, специальной судебной деятельности [437, 59]

В качестве специфических норм морали юриста часто приводят правила о недопустимости разглашения данных предварительного следствия, об адвокатской тайне и т. п., которые якобы составляют исключение из общих моральных принципов правдивости, искренности. Следует прежде всего заметить, что эти правила являются правовыми нормами (ст. ст. 72, 139 УПК РСФСР)[1] В нравственном же их содержании, и именно с точки зрения общих моральных принципов, вряд ли можно сомневаться.

Правдивость и искренность как нравственные принципы нельзя рассматривать в отрыве от гражданского долга, а иногда и правовой обязанности не разглашать определенные сведения. Это касается государственной, военной, служебной тайны, а также и определенной тайны при осуществлении правосудия. Все это вытекает из общих принципов морали, а не является исключением из них.

Те или иные конкретные специфические нормы любой профессиональной морали необходимо рассматривать с точки зрения всей системы принципов коммунистической нравственности, а не выводить из одного какого-либо принципа.

В уголовном судопроизводстве любая моральная норма, если она действительно является таковой, непременно вытекает из общих нравственных принципов и служит задачам правосудия, борьбе с преступностью, защите прав и законных интересов личности, и тем самым целям коммунистического строительства. Нравственные начала уголовного судопроизводства определяются всеми принципами

[1] В дальнейшем — УПК.

морального кодекса строителя коммунизма, сформулированными в Программе КПСС.

Из понимания сущности профессиональной морали вытекает решение вопросов о направлении развития судебной этики, о расширении нравственных начал в уголовном судопроизводстве.

Развитие судебной этики, как представляется, должно идти не в направлении поисков особых профессиональных нравственных норм, не связанных с принципами коммунистической морали и тем более ограничивающих их действие, а по пути внедрения общих нравственных принципов в уголовное судопроизводство с учетом его особенностей. Это будет содействовать борьбе с преступностью, защите прав и законных интересов личности.

4. Судебной этике, как развивающейся науке, еще предстоит определить свой предмет и систему. Одним из первых попытался сделать это Л. Е. Ароцкер. Он считает, что судебная этика «есть учение *о* нравственных основах профессиональной деятельности работников юстиции и экспертов и ее можно представить в следующем виде: общее учение об этике и профессиональной этике; этика судей, прокуроров, следователей, адвокатов и судебных экспертов; этические нормы деятельности по расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел, осуществлению обвинения и защиты, производству судебных экспертиз. По мнению Л. Е. Ароцкера, к судебной этике также относятся этические нормы (этика) производства отдельных следственных и судебных действий (осмотра, допроса, очной ставки, предъявления для опознания и др.) [158, 13].

На наш взгляд, автор несколько сужает границы науки судебной этики, определяя ее как учение лишь о нравственных основах профессиональной деятельности. Правы А. Ратинов и Ю. Зархин, включающие в предмет судебной этики не только нравственные нормы служебной деятельности, но и нормы внеслужебного поведения профессиональных участников судопроизводства [719, 35]. Такой подход представляется наиболее верным, ибо ничто не приносит большего вреда, как декларация конкретным лицом моральных принципов в силу своих служебных обязанностей и аморальное личное поведение. Личная репутация судьи, прокурора, следователя, адвоката, их стремление укреплять престиж органов юстиции и своим внеслужебным поведением являются необходимыми условиями эффективной деятельности по осуществлению правосудия. Это, несомненно, должно входить в задачу исследований судебной этики.

Судебную этику нельзя ограничивать лишь рамками уголовного и гражданского процессов, в нее необходимо включать и этику исправительно-трудовой (пенитенциарной) деятельности, этику воспитателей ИТУ.

Кроме того, судебная этика должна изучать проблемы нравственного воспитания в советском уголовном и гражданском процессах и в ходе исправительно-трудового воздействия в ИТУ, а также вопросы нравственного воспитания судей, прокуроров, следователей, адвокатов и других лиц, деятельность которых связана с осуществлением правосудия.

Чтобы знать, против каких аморальных явлений бороться и на что опираться в ходе нравственного воспитания и перевоспитания, необходимо изучать не только общие вопросы отклонений в нравственном сознании, но и «мораль» определенных групп преступников [881], так как этот вопрос теснейшим образом связан со своеобразными моральными «тормозами» и «барьерами» перед совершением того или иного вида преступлений. Так, например, вор-карманник с точки зрения своей «морали» считает скверным совершить убийство; расхититель же социалистической собственности считает «ниже своего достоинства» залезть в карман гражданина и т.д.

Судебная этика должна исследовать и вопросы культуры судопроизводства, исправительно-трудовой деятельности.

Итак, систему судебной этики можно представить, следующим образом. Прежде всего в ней необходимо выделить общую и особенную части [831, 95]. В общей части должны рассматриваться: общие положения об этике и профессиональной этике, предмет, методы, система и задачи судебной этики, общее значение и специфика нравственных отношений в судопроизводстве и исправительно-трудовой деятельности, критика буржуазной судебной этики. В особенную часть должны быть включены такие вопросы: особенности нравственных начал предварительного расследования и этика следователя; особенности нравственных начал судебного разбирательства и этика судьи; особенности нравственных начал прокурорской деятельности и этика прокурора; особенности нравственных начал адвокатской деятельности и этика адвоката; особенности нравственных начал экспертного исследования и этика эксперта; особенности нравственных начал исправительно-трудовой деятельности и этика воспитателя ИТУ; нравственное воспитание и самовоспитание следователей, судей, прокуроров, адвокатов, экспертов и воспитателей ИТУ; особенности нравственного воспитания, исправления и перевоспитания в советском уголовном и гражданском процессах; нравственное исправление и перевоспитание в ходе исправительно-трудового воздействия; культура судопроизводства и исправительно-трудовой деятельности; нравственные начала отдельных следственных и судебных действий (допроса, очной ставки, осмотра, предъявления для опознания, следственного эксперимента и т.д.), а также режима труда, политико-воспитательной работы, общеобразовательного и профессионально-технического обучения в ИТУ.

Судебную этику нельзя, конечно, понимать как неизменный свод нравственных заповедей, обязательных для юристов. Она постоянно развивается под влиянием нравственных воззрений общества.

Советская судебная этика глубоко научна, так как ее теоретической основой является марксистско-ленинская философия, правильно отражающая объективные законы развития природы, общества и мышления. По своему существу это последовательно партийная наука, выражающая интересы трудящихся в их борьбе за построение коммунизма. Поэтому в задачи судебной этики входит разоблачение реакционной сущности как буржуазной морали в целом, так и морали представителей буржуазной юстиции, а также разоблачение современных буржуазных этико-правовых концепций. Советская судебная этика призвана бороться с пережитками капитализма, с остатками частнособственнической психологии и морали у определенной части советских людей. Она не может не вести решительной борьбы против проникновения чуждых нам этических взглядов и идей.

Судебная этика как научная дисциплина имеет свои методы исследования, опирающиеся на те методологические основания, которые дают марксистская гносеология и материалистическое понимание истории. К ним следует отнести интервью, анкетирование, изучение различных документов и статистических материалов, частично эксперимент и пр.

В научных исследованиях этических проблем, как правило, должно предприниматься комплексное изучение с применением различных методов, дополняющих и контролирующих друг друга. При этом, как справедливо замечает А. Ф. Шишкин, «у исследователя этических проблем связь с «объектом исследования» должна быть особенно тесной. Он сам должен принимать личное участие в коммунистическом воспитании масс» [957, 50] и не может уйти «в логико-этический монастырь для чисто теоретической работы». Этические исследования призваны содействовать правильному решению нравственных проблем, которые ставит жизнь, эффективнее влиять на формирование нового человека [955, 25–26].

5. Как уже отмечалось, теоретической основой советской судебной этики служит диалектический и исторический материализм. Будучи неразрывно связанной с общей теорией нравственности, судебная этика в конечном итоге представляет собой часть философского знания. Но она не растворяется полностью ни в диалектическом, ни в историческом материализме, так как имеет свой предмет исследования.

Судебная этика связана и с другими составными частями марксизма-ленинизма: политической экономией и теорией научного коммунизма, поскольку основанием морали в конечном итоге являются экономические отношения. Отсюда изучение морали невозможно без глубокого знания экономических и иных закономерностей развития каждой формации, и прежде всего социализма, его перерастания в коммунистическое общество.

Этика, в том числе и судебная, тесно связана с социологией, изучающей социальные механизмы регулирования человеческой деятельности. Одним из таких механизмов как раз и служит мораль. На стыках социологии и этики возникли и развиваются социология морали и дескриптивная этика, занимающаяся конкретно-социологическим и историческим анализом морали того или иного общества.

Нравственные проблемы, и прежде всего проблемы нравственного воспитания, исследуются не только этикой, но и педагогикой и психологией. Поэтому судебная этика не может быть оторвана от этих наук, и в первую очередь от общей педагогики, педагогики уголовного и гражданского судопроизводства, исправительно-трудовой педагогики, от общей, социальной, педагогической и судебной психологии. Следует учитывать, что, с одной стороны, педагогика решает практические задачи нравственного воспитания, исходя из закономерностей, изучаемых этикой; это и создает предпосылки подлинно научного решения данных задач. С другой же стороны, связь этики с педагогикой ограждает первую от схоластических общих рассуждений и тем самым способствует повышению теоретического уровня этических исследований.

Сказанное целиком относится и к связи судебной этики с психологическими науками. Судебная этика и психологические науки тесно соприкасаются между собой при изучении человеческого поведения, его мотивов, свойств и качеств человеческой личности, социальных групп и т. д. Но, в отличие от психологических наук, этика, в том числе судебная, рассматривает поведение и внутренний мир человека лишь в плане их детерминированности социально-историческими законами нрав-

ственности, изучает их постольку, поскольку они соответствуют или не соответствуют моральным требованиям, имеют или не имеют нравственное значение. Судебная этика призвана разъяснять нравственное значение тех или иных действий, мотивов, характерологических качеств следователей, судей, прокуроров, адвокатов и других участников процесса, а психология, прежде всего судебная, – психическую природу и процессы формирования данных нравственных явлений.

Судебная этика теснейшим образом связана с юридическими дисциплинами: уголовным и гражданским процессом, уголовным, гражданским и исправительно-трудовым правом, криминологией и т.д. Судебная этика связана не только с наукой процессуального права; не меньшее значение она имеет и для материально-правовых наук, так как от решения многих вопросов материального права зависит нравственное обоснование и нравственные пути применения уголовно-процессуальных норм [831, 95].

6. Перед судебной этикой в области уголовного судопроизводства стоят большие задачи. Они определяются тем несомненным значением, которое имеют нравственные начала в советском уголовном процессе.

Нравственные принципы определяют моральный характер процессуальных действий, процессуальных отношений, моральное сознание всех участников уголовного судопроизводства. Они касаются всех сфер уголовно-процессуальной деятельности, пронизывают собой все уголовно-процессуальные отношения.

Полное соответствие процессуальной деятельности и процессуальных отношений не только правовым, но и нравственным нормам обеспечивает успешное решение задач правосудия. Последовательное проведение нравственных начал в судопроизводстве содействует всестороннему, полному, объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, установлению объективной истины, справедливому осуждению лиц, виновных в совершении преступлений, оправданию невиновных.

Учитывая все это, к задачам судебной этики в области уголовного судопроизводства можно отнести следующее:

а) Решение проблем, связанных с необходимостью полного, широкого внедрения общих принципов морали в уголовное судопроизводство; разработка проблем регулирования профессиональной деятельности следователей, судей, прокуроров, адвокатов, экспертов и управления ею в соответствии с принципами морального кодекса строителя коммунизма и нравственными основами судопроизводства; выявление и определение нравственных принципов де-

ятельности юриста; создание учения о его профессиональном долге [206, 34–36].

б) Всестороннее раскрытие нравственной сущности советского уголовно-процессуального закона; содействие дальнейшему совершенствованию процессуальных норм.

Развитие процессуального законодательства в прошлом, появление новых процессуальных норм не раз было связано с правовым закреплением тех или иных нравственных установок. Судебная этика должна и впредь, причем более эффективно, влиять на совершенствование процессуальных норм и институтов с точки зрения их нравственного содержания.

Нравственными соображениями в определенной степени продиктованы *многие* высказанные в юридической литературе предложения, направленные на совершенствование процессуального законодательства. Например, о необходимости устранить различие в процессуальном положении следователя и лица, производящего дознание; предоставить потерпевшему и его представителю право участвовать в судебных прениях по всем делам; расширить основания для свидетельского иммунитета и др.

в) Исследование роли нравственных начал в обеспечении социалистической законности в уголовном процессе; раскрытие высоконравственного смысла принципа социалистической законности в деятельности всех участников процесса.

Судебная этика должна всесторонне обосновать положение о том, что любое отступление от требований процессуального закона является и нарушением нравственного долга; она призвана содействовать нравственному воспитанию должностных лиц, осуществляющих судопроизводство.

Задача судебной этики – исследование вопроса о роли нравственных начал в соблюдении процессуальных норм, в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, особенно тех из них, неисполнение которых не влечет каких-либо правовых последствий для лица, уклоняющегося от выполнения предписания процессуальной нормы; например, требований процессуального закона о представлении образцов для сравнительного исследования (ст. 186 УПК), об освидетельствовании (ст. 181 УПК) и т. д.

г) Исследование нравственных отношений участников судопроизводства, взаимосвязи правовых и нравственных отношений; определение должных взаимоотношений между всеми участниками уголовного процесса с точки зрения моральных принципов; изучение

моральных норм как основы нравственных отношений в уголовном судопроизводстве.

д) Разработка требований, которым должно соответствовать нравственное сознание следователя, прокурора, судьи, адвоката; содействие формированию необходимых для данной профессии нравственных черт, предупреждению и искоренению деформационных качеств, появляющихся в результате длительного выполнения профессиональных функций, а также вследствие невысокой общей и правовой культуры отдельных лиц.

е) Изучение проблем, связанных с повышением эффективности нравственного воспитания в уголовном судопроизводстве.

Культура уголовного процесса, его нравственные начала призваны содействовать воспитательной задаче судопроизводства, которое должно осуществляться в полном соответствии с высокими нравственными принципами. Только при этом условии оно будет способствовать коммунистическому воспитанию.

ж) Исследование проблемы взаимоотношений общественных и личных интересов в уголовном судопроизводстве.

Нравственные принципы, определяющие отношения участников уголовного судопроизводства, несомненно, являются существенной гарантией субъективных прав личности (обвиняемого, потерпевшего). Уголовное судопроизводство касается самого дорогого для человека – его чести и достоинства, свободы, а иногда и жизни. Одним этим уже обусловливается значение нравственных начал уголовного процесса в решении судьбы человека.

Единство общественных и личных интересов, единство общественных интересов борьбы с преступностью и интересов личности, прежде всего обвиняемого, требуют последовательного проведения в уголовном судопроизводстве принципов коммунистической морали: справедливости, гуманизма, равенства всех перед законом и судом и др.

В уголовном судопроизводстве порой возникают и острые конфликтные ситуации между общественными и личными интересами. В разрешении их большая роль принадлежит нравственным началам. Судебная этика должна исследовать проблемы взаимоотношений общественных и личных интересов в уголовном судопроизводстве, значение нравственных начал в защите прав и законных интересов личности.

Рассматривая задачи судебной этики, необходимо отметить, что к ним в определенной мере относится решение нравственной стороны проблемы «рассуди, машина».

Бурное развитие кибернетики ставит вопрос о применении ее в сфере правовых отношений, в том числе в уголовном судопроизводстве. В этом направлении немало сделано в области теоретических исследований. Скромнее выглядит практическое использование кибернетики в праве. И трудно пока представить, какие перспективы в этом отношении откроются в будущем. Но уже сейчас встают общие вопросы о возможном применении машин в судопроизводстве и о нравственной стороне этой проблемы [637, 102–105].

Безусловно, машина должна помочь человеку в его благородном и сложном деле – осуществлении правосудия. Используя машину, юрист сможет лучше ориентироваться в действующем законодательстве, быстрее находить нужную норму, систематизировать и анализировать доказательства по конкретному делу, решать вопросы юридической квалификации тех или иных действий и т.д. А судить, решать вопросы вины и наказания? Доступно ли это машине? С точки зрения технической, возможно, хотя и на это есть разные взгляды. «Большая слабость машины, – пишет Н. Винер, – слабость, которая пока еще спасает нас от ее господства над нами, – состоит в том, что она не может пока учесть ту огромную область вероятности, которая характеризует человеческую ситуацию» [237, 185]. Но если это только «пока»?

Во всяком случае, рассматривая нравственную сторону этой проблемы, следует иметь в виду, что вряд ли возможно правосудие без человеческих чувств и «судейской совести», а ведь машина не обладает ими. В деятельности юриста сливаются воедино правовые и нравственные требования. С правовыми требованиями машина, может быть, и справится, а с нравственными?

М. С. Строгович считает неверной в своей основе попытку «переложить на машину то, что составляет живое существо деятельности судей и что может быть выполнено и решено только живыми людьми на основе их правосознания, убеждения, совести» [827, 70].

Другое дело, если бы машина стала «объективнее и справедливее» человека. Но станет ли она такой и какие гарантии этому она может дать, кроме человеческой оценки справедливости машины.

А как сам человек будет воспринимать то, что его судят не люди, а машины. Смирится ли он с этим? Укладывается ли это в нравственные понятия и соответствует ли нравственному представлению об общественной оценке поведения человека?

«Горе нам, – писал Н. Винер, – если мы позволим ей [машине] решать вопросы нашего поведения, прежде чем исследуем законы

ее действия и не будем полностью уверены, что ее поведение будет осуществляться на преемлемых для нас принципах» [237, 189]. Рассматривая машины в качестве помощников человека, он отмечал: «Помочь они нам могут, но при условии, что наши честь и разум будут удовлетворять требованиям самой высокой морали» [238, 80].

Видно, опасаться или надеяться, что в судопроизводстве машина заменит следователя или судью, вряд ли есть серьезные основания. Машина должна остаться помощником человека. Как сказал Н. Винер, «отдайте же человеку – человеческое, а вычислительной машине – машинное» [238, 82–83].

Перед судебной этикой стоит ответственная задача: содействовать подготовке высококвалифицированных кадров в области права, активно влиять на воспитание и обучение молодых специалистов.

В. И. Ленин говорил: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали» [30, 309]. Несомненно, этому содействовало бы изучение судебной этики как обязательной учебной дисциплины во всех юридических учебных заведениях. Необходимо повысить внимание к ней и других юридических дисциплин, раскрывая в каждой из них высоконравственное содержание советского права, его роль в нравственном воспитании и т.д.

В некоторых учебных дисциплинах вопросам судебной этики следует уделять особое внимание. Нравственные начала должны быть предметом специального изучения в таких учебных дисциплинах, как уголовный процесс, криминалистика, судебная психология, гражданский процесс, организация суда и прокуратуры в СССР, прокурорский надзор в СССР, административное право, трудовое право, исправительно-трудовое право, гражданское и семейное право.

Прав был А. Ф. Кони, много лет тому назад настаивавший на изучении в уголовном процессе судебной этики, которая составляла бы «живое и богатое по своему содержанию дополнение к истории и догме процесса» [437, 69]. Он считал, что высшая школа должна воспитывать у своих питомцев высокие нравственные идеалы, с которыми, «как с прочным вооружением, как **с** верным компасом, надо войти в жизнь. <...> И если иной, уже давно зрелый судебный деятель в минуту колебания перед тем, какого образа действия надо держаться в том или другом вопросе, вспомнит нравственные указания, слышанные им с кафедры, и, устыдясь ржавчины незаметно, подкравшейся рутины, воспрянет духом – преподавание судебной этики найдет себе житейское оправдание...» [437, 68–69].

Глава II

§ 3. НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

1. Профессия следователя является одной из самых ответственных и трудных. Она требует от лиц, выбравших ее, максимального напряжения духовных и физических сил. Настоящий следователь, по замечанию А. М. Ларина, видит в своей работе исполнение общественного долга и «каждое следственное действие для него – не просто «оформление материала», но акт осуществления государственной власти, с присущим такому акту скрупулезным соблюдением процедуры и – не побоимся этого слова – торжественностью» [503, 38–39]. Именно такое отношение к работе служит источником энергии, энтузиазма и гуманизма следователя, помогает ему преодолевать трудности и невзгоды в его профессии.

Роль следователя в обеспечении нравственных принципов уголовного судопроизводства, естественно, ярче всего проявляется во взаимоотношениях с другими участниками предварительного расследования и оперативными работниками МВД. Общие нравственные принципы этих взаимоотношений те же, что и взаимоотношения прокурора, адвоката и судей с другими участниками уголовного процесса. Но существует специфика как в круге лиц, с которыми взаимодействует следователь, так и в условиях такого взаимодействия, что определяется порядком предварительного расследования.

Современное следственное производство в процессе доказывания использует достижения и данные самых различных областей знаний. Все чаще и разнообразнее проводятся экспертные исследования, все больше сами следователи прибегают к консультациям специалистов при производстве расследования. Следствие сейчас – это сложнейший коллективный труд, и поэтому нравственная сторона взаимоотношений его участников в немалой степени определяет успех расследования. Современного следователя должно характеризовать уважительное отношение к науке и ее представителям на следствии – экспертам и специалистам. При этом важно не допустить слепого преклонения перед авторитетом экспертизы, не оказаться «в плену» ее заключения.

Целый ряд нравственных правил существует во взаимоотношениях следователя и защитника, следователя и оперативного работника, следователя и прокурора, осуществляющего надзор за

расследованием, руководителя следственной бригады и работников, включенных в нее.

Следователь призван обеспечить право на защиту. Это не только его обязанность, но и моральный долг. Но он не может допускать такого положения, чтобы защита превращалась в оправдание преступления. Он должен оказывать этой тенденции необходимое противодействие. Конечно, такое противодействие не может принимать формы неприязни к защитникам. К сожалению, есть еще следователи, которые считают, что участие защитника на предварительном следствии является простой формальностью или даже обременительной обузой, затягивающей и мешающей следствию. Такая недооценка защиты говорит о плохом понимании не только закона, но и гуманистического, высоконравственного характера советского предварительного расследования.

Современный следователь, как правило, работает в тесном контакте с оперативными работниками. Для них поручения и указания следователя обязательны. Это не значит, что следователь может переложить большую часть работы на плечи этих лиц. Такое поведение было бы нарушением и норм УПК, и норм морали. Однако опасна и утрата следователем роли организатора расследования, что принижает его морально и отрицательно сказывается на работе. Как справедливо отмечает А. М. Ларин, к сожалению, еще не изжиты случаи, когда следователи, особенно молодые, уходят как бы «на задний план» при планировании следственно-розыскных действий или когда они, прибыв на место происшествия с оперативными работниками, теряются, позволяют себя оттеснить и всем происходящим начинают руководить оперативные работники, которые практически не отвечают за осмотр места происшествия [503, 39].

Необходимо отметить, что в среде следователей еще бытуют представления, согласно которым отдельные права и обязанности прокурора якобы только мешают быстроте и оперативности в их работе. Так, обоснованный отказ прокурора от дачи санкции на заключение под стражу подозреваемого или обвиняемого некоторые следователи воспринимают чуть ли не как личное оскорбление, получение письменных указаний от прокурора – как посягательство на свою самостоятельность и независимость и т.д. Но в то же время в подавляющем большинстве случаев они не обжалуют эти действия вышестоящему прокурору, часто из-за нежелания или даже боязни испортить отношения с прокурором, непосредственно надзирающим за их деятельностью. Такие взаимоотношения между прокурором и

следователем являются беспринципными и явно противоречат положениям профессиональной морали юриста. Если следователь убежден, что прокурор в чем-то не прав, он обязан обжаловать указание или иные действия прокурора, воспользовавшись правами, предоставленными ему ст. 127 УПК. Именно в этом состоит принципиальность следователя. Однако такое обжалование будет по-настоящему принципиальным лишь тогда, когда следователь уверен в своей правоте и убеждение это основано на всестороннем, полном и объективном анализе материалов уголовного дела.

Много интересных нравственных проблем возникает во взаимоотношениях руководителя и членов следственной бригады, расследующей какое-либо сложное уголовное дело, а также во взаимоотношениях членов бригады.

2. Актуальной задачей следственной этики является анализ и уяснение нравственных оснований применения конкретных правовых норм материального и процессуального права и тактических приемов при осуществлении расследования по конкретным уголовным делам. Высоконравственный подход к указанным проблемам в немалой мере исключает правовой нигилизм, противопоставление целесообразности (часто весьма сомнительной по своему существу и основаниям) законности, обеспечивает сознательную правовую и процессуальную дисциплину.

Много споров в литературе и практической деятельности следователя (а частично суда, прокурора и адвоката) вызывает вопрос о допустимости методов и средств, используемых в процессе расследования, в частности вопрос о так называемых «следственных хитростях».

Для советской теории и практики следственной деятельности характерно отрицание иезуитского принципа «цель оправдывает средства». Это полностью соответствует требованию коммунистической морали: благородные цели не могут быть достигнуты аморальными средствами. В нашем обществе, успешно строящем коммунизм, высоконравственные, благородные цели предварительного расследования и всего уголовного судопроизводства должны достигаться лишь дозволенными, гуманными и глубоко моральными методами и средствами. Любое отступление от этого принципа делает следственную деятельность безнравственной и наносит непоправимый вред делу осуществления правосудия, а в конечном итоге – делу коммунистического воспитания, делу формирования нового человека.

Следует полностью согласиться с А. Р. Ратиновым в том, что допустимость методов и средств, используемых в процессе расследования,

должна определяться: 1) точным соответствием духу и букве закона; 2) познавательной эффективностью, направленностью каждого приема к выявлению истины; 3) избирательностью действия; 4) соответствием принципам и нормам судебной морали [721, 166–171]. Рассмотрим более подробно два последних условия.

Любые приемы, методы и средства, связанные с психическим воздействием, должны соответствовать принципу индивидуальности. В каждом конкретном случае следует тщательно учитывать индивидуальные особенности психики лиц, на которых оказывается воздействие. Но наряду с принципом индивидуальности, следователю, применяющему психическое воздействие, необходимо руководствоваться и принципом избирательности, заключающимся в том, что воздействие должно давать положительный эффект в отношении лица, к которому оно обращено, и быть безвредным для других лиц.

Нравственные критерии допустимости различных методов, средств и приемов имеют чрезвычайное значение в деятельности следователя, поскольку она протекает, как правило, в конфликтных ситуациях, носит характер борьбы. С точки зрения нравственного критерия в советском уголовном процессе недопустимы такие средства, как ложь, обман, игра на низменных свойствах и страстях, использование невежества, суеверий и предрассудков, гипноз, наркоз и другие, применяемые в буржуазном дознании. Естественно, это относится и к таким средствам, как насилие, издевательства, угрозы и т.д., прямо запрещенным законом (ст. 20 УПК).

Недопустимо не только физическое, но и психическое насилие, т.е. такое психическое воздействие, которое ограничивает или вообще лишает определенное лицо (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и т.д.) возможности выбора собственной позиции, собственной линии поведения. Типичным психическим насилием является домогательство показаний угрозой ухудшить положение допрашиваемого, например, заключением под стражу и т.д. Насилием следует признать и обещание каких-либо улучшений положения допрашиваемого, например, освобождение из-под стражи в случае дачи нужных следствию показаний и т. д. При этом угроза или обещание могут выражаться не только в словесной форме, но и мимикой, жестами и всем поведением следователя.

Невосполнимый ущерб приносят следствию ложь и обман. Они подрывают авторитет органов следствия и органов правосудия в целом, сводят на нет их воспитательное воздействие. Поэтому принци-

пиальной основой применения всех следственных средств и методов должна являться полная недопустимость лжи. Нельзя играть на низменных чувствах (месть, стяжательство и т.д.) того или иного лица, а также использовать невежество, суеверия и предрассудки (например, лгущего верующего заставлять дать клятву перед иконой в том, что он говорит правду, и т.д.). Поучительный пример безнравственного поведения приводит А. М. Ларин. В своей книге он повествует о следователе, который, пользуясь невежеством старой женщины, выдавал эпидиаскоп за «прибор для определения правды» и угрожал его применить, если она не даст правдивых показаний. В результате такого использования невежества и психологического насилия старая женщина оговорила себя. Следователь обманул не только допрашиваемую, но и самого себя, а в конечном итоге – государство и общество, доверивших ему высокий пост [503, 48].

Итак, ложь, обман и другие перечисленные выше приемы безнравственны и недопустимы в нашем уголовном процессе. А возможно ли применение так называемых «следственных хитростей»? Если понимать под хитростью следование к цели обманными путями, то, естественно, ни о каком допуске таких приемов не может быть и речи. Но, если под хитростью понимать изобретательность, высокое умение в чем-нибудь, то такая хитрость не только допустима, но и обязательна в деятельности следователя. Сущность следственной хитрости, как правильно пишет А. М. Ларин, состоит в маневрировании информацией, благодаря чему попытки преступника и иных заинтересованных лиц использовать в своих целях информацию о материалах и планах расследования не достигают цели, а, напротив, служат на пользу раскрытию преступления. Следователю не может быть поставлено в упрек как обман или ложь то обстоятельство, что заинтересованные лица при применении следственных хитростей ошибаются, поскольку исходящая от следователя информация была правдива [503, 48–56]. Подобную точку зрения поддерживает подавляющее большинство советских криминалистов.

Для того чтобы осуществить «следственную хитрость», следователь должен превосходить преступника в рефлексии. Под рефлексией в психологии в настоящее время понимают размышление, связанное с анализом собственных выводов на основе имитации мыслей и действий другого человека. В целом, как указывает А. В. Дулов, применение рефлексии необходимо следователю, чтобы: 1) строить предположения о поведении различных участников познаваемого преступления; 2) планировать собственную познавательную

деятельность; 3) разрабатывать систему воздействий на обвиняемых, подозреваемых и других лиц в целях получения необходимой информации; 4) разрабатывать систему воздействий в целях воспитания и перевоспитания различных лиц, попавших в сферу действия следователя [339, 55–56].

На основе рефлексии, позволяющей следователю не только предвидеть поведение заинтересованных лиц, но и регулировать свое поведение и влиять на поведение этих лиц, А. Р. Ратинов предлагает группу методов, применяемых в типичных ситуациях [721, 159–160]. Разберем эти методы с точки зрения их нравственной допустимости.

В целом в интерпретации А. Р. Ратинова они при гуманном отношении к подозреваемому, обвиняемому и иным лицам, заинтересованным в исходе дела, а также при весьма осторожном применении их почти все могут быть признаны нравственно допустимыми в деятельности советского следователя. Однако применение многих из них, особенно неумелое, стоит на грани допустимости, так как таит в себе множество «подводных камней», которые сразу же могут превратить деятельность следователя в безнравственную. Покажем эти «подводные камни», анализируя методы:

1) Формирование у заинтересованного лица истинного представления об обстановке и условиях, в которых ему придется действовать, путем передачи информации о реальных обстоятельствах, способных повлиять на него нужным для следователя образом (например, сообщение подследственному, находящемуся на свободе, об аресте соучастников с целью побудить его к отказу от преступной деятельности). При неумелом применении данного метода очень легко можно дойти до психического насилия, т.е. лишить подследственного свободы выбора не в вопросе прекращения преступной деятельности, а например, в вопросе дачи показаний. Поэтому при его применении следователь должен быть очень осторожным.

2) Формирование у лица ошибочного представления о тех обстоятельствах, знание которых могло бы привести к нежелательным для следователя решениям и действиям (например, оставление в неведении относительно имеющихся у следователя доказательств либо, наоборот, создание преувеличенного представления об их объеме и пр.). Если оставление в неведении подследственного в отношении имеющихся у следователя доказательств (естественно, до выполнения требований ст. 201 УПК и ознакомления обвиняемого с заключением экспертизы в порядке ст. 193 УПК) следует признать вполне допустимым, то при создании преувеличенного представления об

объеме отдельных доказательств следователь всегда неизбежно стоит на грани лжи. Это всегда необходимо учитывать.

3) Формирование у лица целей, которые, в определенной степени совпадая с целями следствия, побуждают к компромиссным решениям и действиям (например, побуждение к добровольному возмещению ущерба). Этот метод не вызывает возражений, если само формирование указанных целей идет нравственными средствами.

4) Формирование у лица целей, попытка достижения которых поставит его в невыгодное положение. Метод имеет характер «психологической ловушки» (например, следователь косвенным путем формирует у обвиняемого или подозреваемого намерение, могущее разоблачить его). А. Н. Васильев прямо указывает, что «психологические ловушки» следует считать стоящими за пределами допустимого, прежде всего вследствие их сомнительности и неизбежности нарушения контакта между следователем и допрашиваемым, который, естественно, почувствует себя обманутым и перестанет верить следователю [228, 151]. Против такого мнения трудно что-либо возразить. Почти не спасает положения и пример, приведенный А. Р. Ратиновым в качестве иллюстрации метода: следователь косвенным путем формирует у виновного желание передать сообщение соучастнику, что приводит к выдаче связи с ним. Подобное поведение следователя находится на грани провокации, если вообще не превращается в таковую. К тому же этот метод даже при очень точном соблюдении всех нравственных принципов, что весьма затруднительно ввиду самой его структуры, скорее будет относиться не к следственным, а к оперативно-розыскным. Поэтому данный метод, как и другие «психологические ловушки», следует признать недопустимым с моральной точки зрения.

5) Побуждение лица к желательному для следователя образу действий (например, следователь как бы сознательно «попадается» на определенные уловки обвиняемого, в результате чего последний на некоторое время закрепляет удавшийся образ действия, а следователь в решающий момент использует это). Прием при правильном его применении так, чтобы он не превратился в провокацию, может быть признан допустимым.

6) Формирование у лица ошибочного представления о целях отдельных действий следователя, благодаря чему подлинная цель, не вызывая противодействия, достигается без помех. В целом метод допустим. Однако его нельзя применить при первых допросах лиц в качестве подозреваемого или обвиняемого, так как им должно

быть известно, в чем они обвиняются или подозреваются (ст. ст. 123, 148–150 УПК), т.е. скрывать цель данных следственных действий недопустимо.

7) Создание препятствий для правильной оценки заинтересованными лицами подлинных действий следователя (например, отыскивая важный для дела документ, следователь осматривает и изымает большое количество различной документации). Метод во многом похож на предшествующий. Представляется, что производство таких выемок основано на весьма расширенном толковании понятия предметов и документов, имеющих значение для дела, изымаемых при производстве этого действия (ст. 167 УПК), ибо изъятое вместе с нужным документом большое количество «маскирующей» документации значения для дела не имеет ввиду того, что согласно ст. ст. 69, 83 и 88 УПК оно не является доказательством.

8) Формирование у заинтересованных лиц ошибочного представления о неосведомленности следователя относительно подлинных целей, которые они преследуют (например, зная об инсценировке кражи со взломом, следователь делает вид, что ни в чем не подозревает материально ответственное лицо и принимает его попытки направить расследование по ложному пути за искреннюю помощь).

9) Формирование у обвиняемого или подозреваемого ошибочного представления о неосведомленности следователя относительно ложности выдвинутых объяснений и представленных доказательств, что побуждает виновного не прибегать к другим ухищрениям.

10) Формирование у подследственного намерения воспользоваться невыгодными средствами противодействия расследованию (например, следователь не препятствует попыткам подследственного создать себе мнимое алиби, а потом использует этот факт в подходящий момент).

Последние три метода могут быть признаны допустимыми при условии, если их применение не выливается в провокацию.

Некоторые критические замечания, высказанные нами по поводу методов, предложенных А. Р. Ратиневым, естественно, не означают, что мы вообще отрицаем подобные методы. Они необходимы в следственной практике, поскольку следователю, как правило, противостоят и противодействуют заинтересованные лица. Для того чтобы успешно преодолевать противодействие преступников и иных лиц, заинтересованных в исходе дела, следователь должен владеть техникой борьбы с такими лицами. Технику борьбы в общем виде формулирует праксеология – наука, изучающая общую теорию эффективной

(«исправной») организации деятельности, основанная Тадеушем Котарбиньским.

А. Р. Ратинов на основе праксеологических выводов сформулировал применительно к следственной практике следующие методы борьбы:

1) сосредоточение сил и обеспечение средств для решающего столкновения (например, накопление доказательств, аргументов и контрдоводов для решающего допроса);

2) раздробление сил и средств «противника» (например, «разжигание конфликта» между соучастниками преступления);

3) создание условий, затрудняющих достижение целей «противнику» и облегчающих реализацию собственных планов (например, отстранение обвиняемого от должности);

4) использование сил и средств «противника» в своих целях. (например, использование аргументации обвиняемого в своих целях и т.д.);

5) нанесение «удара» в наиболее уязвимое или наиболее важное место (например, установление ложности и опровержение основного аргумента в защите обвиняемого и т.д.);

6) создание резервов для замены выбывших из строя сил и средств (например, оставление в запасе определенных доказательств);

7) предвосхищение событий (например, лучше своевременно перекрыть каналы сбыта похищенного имущества, чем потом разыскивать его при реализации);

8) уклонение от столкновения в невыгодных условиях, при неблагоприятном соотношении сил и средств (например, иногда следует отложить производство какого-либо следственного действия до более удобного момента и т. д.);

9) побуждение «противника» к действиям в затруднительной обстановке при ослабленных силах (например, лишая разыскиваемого преступника надежного убежища, следователь вынуждает его скрываться без документов, в ненадежных укрытиях);

10) предупреждение «противника» об угрозе нежелательных для него действий (например, предупреждение обвиняемого или подозреваемого о применении мер процессуального принуждения);

11) собирание информации о силах, средствах и планах «противника», а также сокрытие информации и дезинформация, приводящие его к практическим ошибкам;

12) использование фактора внезапности и неподготовленности «противника» к обороне (например, неожиданность следственных

действий или предъявления доказательств и т.д., что приводит к дезорганизации психических процессов заинтересованных лиц и вызывает нецелесообразные с их точки зрения поступки);

13) применение неизвестных противной стороне методов и средств (например, подследственный часто теряется перед незнакомыми ему методами, научно-техническими средствами);

14) синхронизация действий, одновременные «удары» по нескольким направлениям (например, групповые обыски и задержания и т. д.);

15) воздействие на нравственную и эмоциональную сферы противника, вызывающее невыгодный для него эффект, склоняющее к отказу или прекращению нежелательных для следователя действий, побуждающее к должному поведению [721,161–163].

Прежде чем сделать нравственный анализ допустимости в следственной тактике указанных методов борьбы, необходимо отметить следующее. Т. Котарбиньский в использованной А. Р. Ратиновым работе рассматривает технику борьбы обобщенно, не акцентируя внимания на нравственной стороне ее применения. Он прямо указывает, что «техника борьбы, как и любая техника, может применяться с пользой для людей либо использоваться им во зло» [451, 867]. Моральные проблемы борьбы Т. Котарбиньский исследует в других своих работах. Например, частично он это делает в опубликованном на русском языке «Курсе логики для юристов», где, рассматривая нелояльные приемы эвристики (искусства ведения спора), совершенно верно отмечает, что «применение в споре общих методов борьбы нередко приводит к морально нечистоплотным приемам» [450, 758]. Ни в коей мере не отрицая в целом значения техники борьбы в следственной (да и в судебной) тактике, попытаемся показать некоторые опасности нравственного порядка при использовании ее методов, опираясь при этом на примеры, приведенные А. Р. Ратиновым.

Так, метод предупреждения противника об угрозе нежелательных для него действий выступает как безнравственный, если предупреждение о применении мер процессуального принуждения будет сделано обвиняемому или подозреваемому в связи с тем, что он, например, не дает правдивых показаний. Такое предупреждение является психологическим насилием. Весьма условно следует понимать термин «дезинформация» при применении этих методов. В следственной тактике «дезинформация» не может основываться на лжи и обмане, вероломстве или злоупотреблении доверием. Воздействие на нравственную и эмоциональную сферы не должно превращаться в игру на

суевериях, невежестве или низменных чувствах. Представляется явно неудачным с моральной точки зрения выражение «разжигание конфликта» во втором методе.

Более подробно остановимся на нравственной допустимости метода, предусматривающего использование фактора внезапности. Применение этого фактора в следственной тактике исследовалось многими авторами. Ему даже посвящены отдельные работы [220]. В последнее время использование фактора внезапности в следственной тактике, и прежде всего в допросе обвиняемого (подозреваемого), вызывает критическое, а иногда и прямо отрицательное отношение со стороны некоторых ученых, считающих этот метод или вообще недопустимым с моральной точки зрения или стоящим на грани допустимости. Так, А. Н. Васильев полагает, что обвиняемый на неожиданный вопрос «Как вы отправили похищенную мануфактуру?» может ответить: «Почтовыми посылками», хотя ранее и утверждал, что ничего о хищении не знает. Однако результат будет положительным только в том случае, если обвиняемый действительно виновен и подобного рода ответ приведет к психологическому перелому. Если же перелома не произойдет, то ответ ничего не даст следователю – обвиняемый легко может отказаться от своего ответа и не подтвердит его подписью, сославшись, например, на то, что не понял вопроса. Невиновным же такой прием будет понят как обман и может вызвать недоверие к следователю [228, 118].

Надо признать, что мнение А. Н. Васильева во многом заслуживает внимания. Действительно, если в основе внезапного вопроса следователя нет никаких доказательств, то такой вопрос может привести только к отрицательным результатам, даже если в отношении обвиняемого или подозреваемого собрано достаточное количество улик. Внезапный вопрос должен всегда опираться не на «голую» следственную интуицию, не на оперативные данные, не закрепленные процессуальным путем, а на какие-либо доказательства. Тогда в любом случае следователь не попадет в неудобное положение, и обвиняемый, если он в будущем и окажется невиновным, не будет считать, что к нему относятся с предубеждением. Даже если внезапный вопрос «не прошел», следователь всегда может объяснить обвиняемому, почему этот вопрос был задан, сославшись на доказательства, которые лежали в основе вопроса. Поэтому метод внезапности всегда должен опираться на создание резервов.

Необходимо отметить, что иногда для следователя, использующего метод внезапности, представляет интерес сама реакция на

заданный вопрос или неожиданно предъявленное доказательство, так как по ответной реакции можно судить о значимости этого вопроса или доказательства.

М. С. Строгович выступает не только против применения метода внезапности, но и против других «следственных хитростей» [831, 91], и в частности против психологических приемов допроса подсудимого, приведенных в книге Л. Е. Ароцкера [158, 43–44].

Попытаемся проанализировать эти приемы, предложенные Л. Б. Филоновым и В. И. Давыдовым [874] для допроса обвиняемого и интерпретированные Л. Е. Ароцкером для допроса подсудимого, с точки зрения их нравственной допустимости.

1) «Внезапность». Применение этого приема анализировалось выше.

2) «Последовательность». Прием заключается в последовательном и систематическом предъявлении доказательств, что создает у обвиняемого с самого начала допроса впечатление неизбежности точного установления всех обстоятельств дела. Данный прием довольно широко применяется в следственной практике и вполне допустим с нравственной точки зрения.

3) «Создание напряжения» происходит путем предъявления множества доказательств. В результате напряжения рассказ обвиняемого становится более быстрым, на обдумывание остается меньше времени, в такой обстановке ему труднее лгать. Создавая напряжение, следователь всегда учитывает тот факт, что оно должно оставаться в пределах естественности и не переходить грани, за которой стоит психическое насилие (например, беспрерывный многочасовой допрос). При такой оговорке этот прием представляется нравственно допустимым.

4) «Снятие напряжения» нужно, когда обвиняемый на допросе излишне напряжен. Успешное снятие напряжения (например, воздействуя голосом, интонациями, отдельными фразами) нередко влечет за собой откровенное признание, вызывает у допрашиваемого стремление «излиться в беседе», «поговорить по душам». На наш взгляд, этот прием нравственно допустим. Иногда целесообразно, объединяя приемы, сперва создать напряжение, а затем снять его. Однако создание напряжения не должно происходить за счет грубости или иного психологического насилия со стороны следователя. Лишь при таком условии объединение приемов будет отвечать принципам судебной этики.

5) «Использование положительных свойств. личности». Этот прием вполне нравственно оправдан.

6) «Использование «слабых мест» в психике обвиняемого». Данный прием вызывает некоторые сомнения, поскольку авторы предлагают, например, использовать такие «слабые места», как вспыльчивость и склонность к гневу, считая, что в гневе и запальчивости обвиняемый расскажет то, чего не высказал бы в обычном состоянии. Такой прием будет нравственным только в том случае, если обвиняемый вспылит и прогневается на себя, на совершенное им преступление и т. д., а не на следователя, который вызвал гнев специально своим недостойным поведением. Авторы здесь прямо указывают, что этика следователя запрещает ему обращаться к низменным качествам допрашиваемого. Учитывая высказанное замечание, прием в целом следует считать нравственно допустимым.

7) «Допущение легенды». Используя этот прием, следователь дает возможность обвиняемому беспрепятственно создавать свою лживую легенду. Не видя сопротивления со стороны следователя, который его выслушивает и фиксирует сказанное, обвиняемый начинает «усердствовать» и так или иначе давать нужную следователю информацию, хотя бы негативного плана. В данном случае авторы не говорят ни о каком «косвенном поощрении» лжи, они только рекомендуют предоставить возможность обвиняемому свободно выговориться.

Такой совет не противоречит закону, который гласит: «Следователь выслушивает показания обвиняемого, а затем в случае необходимости задает обвиняемому вопросы» (ст. 150 УПК). Более того, Л. Б. Филонов и В. И. Давыдов даже не связывают «допущение легенды» с единовременным изобличением обвиняемого во лжи. Поэтому прием следует признать допустимым при отсутствии провокации лжи.

8) «Пресечение лжи». Прием, противоположный предыдущему. Он вполне нравственно оправдан и не вызывает каких-либо возражений.

9) «Форсированный темп допроса». Прием допустим, если не связан с психическим насилием.

10) «Замедленный темп» способствует тому, чтобы обвиняемый не уходил в сторону от прямых вопросов. Прием широко применяем в следственной практике, так как наилучшим образом обеспечивает обстоятельность и точность допроса. Он не вызывает каких-либо возражений.

11) «Инерция». Искусство следователя сводится здесь к умению незаметно переводить допрос из одной сферы в другую, из сферы постороннего разговора в сферу разговора по существу дела. Такие

переходы должны делаться довольно часто, чтобы обвиняемый мог «по инерции» проговориться. При этом очень важно правильно определить момент, когда следует коснуться существа дела. Данный прием можно признать нравственным, ибо опора здесь делается не на случайную оговорку, а на проговорку об обстоятельствах, как правило, известных только лицу, причастному к преступлению.

12) «Отвлечение внимания». Данный прием близок к разобранному выше методу формирования у лица ошибочного представления о целях отдельных действий следователя и может быть принят с учетом условия, указанного выше.

13) «Повторность допроса». Этот прием широко применяем в практике и является нравственным.

14) «Выжидание». Прием состоит в том, что между отдельными допросами, а также и между различными эпизодами одного и того же допроса делаются перерывы для того, чтобы за время перерыва в психике обвиняемого произошли определенные изменения (борьба мотивов в пользу раскаяния, «перегорела» ложная версия и т.д.). Этот прием нравственно вполне допустим. Он не содержит ни обмана, ни психического насилия.

15) Создание впечатления хорошей осведомленности следователя. Данный прием может быть применен при исключении обмана, на что прямо указывают Л. Б. Филонов и В. И. Давыдов.

16) Создание «заполненности». Прием состоит в том, что следователь, опираясь на ряд фактов, показывает «незаполненные» (невыясненные) места в деле. Эт» незаполненные места и неясности, подчеркнутые следователем, вызывают у допрашиваемого беспокойство и естественную потребность привести все сказанное в соответствие с логикой. Данный прием нравственно приемлем.

17) «Вызов». Назначение этого приема в том, чтобы создать у обвиняемого стремление вести логические рассуждения. Сперва следователь умышленно выдает ряд слабых мест в обвинении, разбить которые обвиняемому совсем несложно, что он и делает. Но, втянувшись в спор, обвиняемый уже сам не хочет от него отказываться. Полагая, что сумеет успешно «разбить» логику следователя (как делал перед этим), он пытается справиться и с более существенными, «сильными» моментами обвинения, которые обеспечены доказательствами, но это оказывается для него невозможным. Следователь же из логических посылок обвиняемого получает необходимую информацию в самом разговоре. Прием полностью допустим с моральной точки зрения.

18) «Настройка». Следователь на основе предыдущего изучения как бы входит в жизнь обвиняемого, настраивается на одну волну с ним и познает его. «Настройка» служит для «налаживания» контакта. Прием не имеет никаких безнравственных моментов.

Таким образам, описанные приемы допроса обвиняемого и подсудимого при умелом и осторожном их использовании не несут в себе ни психического насилия, ни лжи, ни обмана, а поэтому представляются вполне допустимыми в деятельности следователя и суда. Однако в недобросовестных руках они могут привести к нарушению нравственных принципов. Поэтому задача судебной этики состоит в том, чтобы развивать нравственные критерии тактики допроса.

3. Большой интерес вызывает вопрос о нравственных началах отдельных следственных действий. Можно выделить определенную совокупность нравственных норм, характерных для всех следственных действий, для всей следственной тактики. В первом приближении в эту совокупность необходимо включить следующий нравственные требования: непримиримое отношение к любым нарушениям буквы и духа процессуального закона, регламентирующего следственные действия; строжайшее соблюдение требований культуры уголовного судопроизводства; объективность, принципиальность; отсутствие тенденциозности, предвзятости, недоверия, подозрительности, обвинительного уклона; стремление не причинять вреда отдельным лицам и коллективам при проведении любых следственных действий. Некоторые из этих общих нравственных требований прямо закреплены в нормах УПК, другие же вытекают из основных принципов и нравственных начал советского уголовного процесса. Все они находят свое выражение и конкретизируются в нравственных требованиях, предъявляемых к отдельным следственным действиям.

Применительно к группе следственных действий, прямо или косвенно связанных с опросом различных лиц (допрос, очная ставка, воспроизведение показаний на месте, следственный эксперимент и т.д.), будут характерны и такие нравственные требования, как постановка вопроса в спокойном тоне; запрещение задавать наводящие, «улавливающие» и безнравственные вопросы; запрещение в ходе следственного действия оценивать и комментировать вслух ответы опрашиваемого.

Опасность и аморальность наводящих вопросов заключается в том, что они действуют внушающе на опрашиваемого, ибо уже в своей формулировке содержат желательный для следователя ответ и тем самым представляют серьезную опасность для процесса установления истины по делу. Особенно опасны они при опросе несовершеннолетних, ввиду повышенной внушаемости последних. К сожалению, на практике наводящие вопросы ставятся следователями очень часто. Например, задаются такие вопросы: «Преступление совершил Иванов?» (вместо – «Кто совершил преступление?»); «Обвиняемый побежал в квартиру Петрова?» (вместо – «Куда побежал обвиняемый?») и т.д.

Наводящие вопросы прямо запрещены ст. 158 УПК, регламентирующей порядок допроса свидетеля. Однако подобные вопросы представляют не меньшую опасность и при проведении допросов других лиц, очных ставок и иных следственных действий, связанных с опросом. К чему, например, может привести при проведении опознания следующий наводящий вопрос: «Избивший Вас мужчина сидит крайним слева?» А ведь по своей семантической конструкции это вопрос такого же типа, как и: «Обвиняемый побежал в квартиру Петрова?», т. е. вопрос, который нередко задают следователи на допросах. Отсюда представляется целесообразным официальное запрещение наводящих вопросов не только в ходе допроса свидетелей, но и при проведении любых следственных действий.

«Улавливающие» вопросы являются одним из видов «психологических ловушек», рассчитанных на то, чтобы поймать допрашиваемого на случайной оговорке, на слове, на недопонимании скрытого смысла ответа. Такие вопросы, как и наводящие, содержат внушаемый допрашиваемому (прежде всего подозреваемому или обвиняемому) ответ, иногда даже внешне приемлемый, но фактически такой, который может быть интерпретирован против него. Более того, часто «улавливающие» вопросы сконструированы таким образом, что и отрицательные ответы на них будут свидетельствовать против допрашиваемого. Примером может служить вопрос: «Вы до сих пор занимаетесь воровством?» Ответ «Нет» (а здесь, как правило, допрашиваемого ограничивают только альтернативой «да» или «нет») можно истолковать как подтверждение того, что допрашиваемый в прошлом все-таки занимался воровством. «Улавливающие» вопросы всегда направлены на запутывание допрашиваемых, а в конечном итоге – на получение нужных следствию показаний, независимо от того, соответствуют ли они действительности или нет. Подобные вопросы широко используются в буржуазном дознании. Естественно, что в советском уголовном процессе они недопустимы ввиду глубокой безнравственности и фактического противоречия требованиям ст. 20 УПК.

Сложнее с моральной точки зрения обстоит дело с возможностью применения косвенных вопросов, т.е. таких вопросов, об истинной направленности которых допрашиваемый не осведомлен. Здесь в формулировке вопроса содержатся фактически два вопроса – маскирующий, стоящий на первом плане, и главный, замаскированный. Прямой ответ на маскирующий вопрос косвенно будет означать ответ на главный вопрос. В советской юридической литературе по поводу допустимости применения косвенных вопросов нет единого мнения. Так, по одним и тем же конкретным делам А. Р. Ратинов считает допустимым применение косвенных вопросов [721, 167, 170–171], а А. Н. Васильев придерживается противоположной точки зрения [228, 149–150]. Представляется, что в данном случае прав А. Н. Васильев, так как при расследовании обоих дел фактически произошло не столько сокрытие цели вопроса, сколько сокрытие цели допроса, а это нравственно недопустимо.

В целом же следует отметить, что допрос с помощью косвенных вопросов необходимо вести очень осторожно, поскольку эта форма вопросов весьма близка к «психологическим ловушкам», к «улавливающим» вопросам, хотя косвенные вопросы рассчитаны на проговорку, а последние, как правило, лишь на оговорку. Кроме того, допрашиваемый всегда может, считая себя обманутым, сразу же отказаться от своих показаний, полученных с помощью косвенных вопросов, а это неизбежно приведет к потере контакта между ним и следователем и почти никакой дополнительной информации следователю не даст.

Иногда в следственной практике применяются так называемые условные вопросы. Допрашиваемого спрашивают, чтобы он ответил, если бы ему стало известно, например, о том, что какой-то гражданин признался в совершении преступления и указал на допрашиваемого как на своего соучастника. Как правило, такие вопросы недопустимы. Если за этим вопросом у следователя нет никаких веских доказательств действительного участия допрашиваемого в совершении преступления, то вопрос является не столько диагностическим, сколько «улавливающим», к тому же основанным на обмане, оскорбляющем допрашиваемого. В советском уголовном процессе это не только глубоко аморально, но и незаконно (ст. 20 УПК). Если же за таким вопросом стоит совокупность веских доказательств вины допрашиваемого, то исчезает сам смысл его применения, ибо склонить к правдивым показаниям, пробудить у допрашиваемого чувство стыда и совести, чувство раскаяния можно и менее «хитрыми» методами.

В ходе различных следственных действий с нравственной точки зрения недопустимо применять оскорбительные вопросы. Нельзя, например, спрашивать подозреваемого или обвиняемого, отрицающего свою вину: «Расскажите, как Вы все- таки совершили убийство?».

Неэтично оценивать вслух показания допрашиваемого. Следует вообще избегать поспешных суждений о ложности или правдивости показаний как с нравственной точки зрения, так и с тактической. Опровергать показания допрашиваемого можно только при наличии достаточной совокупности достоверных доказательств ложности этих показаний. В противном случае следователь фактически нарушает гуманный и глубоко нравственный принцип советского уголовного процесса – принцип презумпции невиновности и вытекающее из него положение о том, что всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого.

Поспешный, необоснованный и к тому же оскорбляющий допрашиваемого вывод следователя может привести к психической травме. Неправильное, неэтичное отношение к показаниям допрашиваемого может быть выражено не только словами, но и всем поведением следователя. Естественно, после этого между следователем и допрашиваемым неизбежно возникнет морально-психологический барьер, приводящий к потере контакта.

По этим же причинам нельзя без достаточных оснований верить, объяснениям и доводам одного из допрашиваемых на очной ставке, открыто вставать на его сторону или, наоборот, требовать от него подтверждения показаний другого допрашиваемого. В этом случае даже добросовестному участнику очной ставки легко внушить, что он не прав, и толкнуть его на ложный путь. Внушение на очной ставке, как и на допросе, следователем своего понимания того или иного события допрашиваемым нравственно недопустимо и является психическим насилием. В то же время следователь не должен допускать, чтобы на очной ставке внушение исходило от одного из ее участников на другого.

Недопустимо с нравственной точки зрения начинать повторный допрос любого лица или очную ставку с вопроса: «Вы подтверждаете ранее данные Вами показания?». Такая тактика допроса фактически представляет собой психическое насилие. Добросовестно заблуждавшееся лицо она лишает возможности изменить свои показания, да и лгущего связывает ранее данными показаниями. Вот почему следует признать высоконравственным требование ст. 163 УПК о том, что оглашение показаний участников очной ставки, содержащихся в прото-

колах предыдущих допросов, а также воспроизведение звукозаписи этих показаний допускается лишь после дачи ими показаний на очной ставке и записи их в протокол.

Общим для всей следственной тактики является нравственное требование не причинять вреда отдельным лицам и коллективам при проведении следственных действий. Однако иногда следователь вынужден наносить вред некоторым лицам. Но, как уже отмечалось, такой вред может быть причинен только в том случае, когда без него практически нельзя обойтись.

Многие статьи УПК, регламентирующие производство отдельных следственных действий, прямо содержат требования, запрещающие следователю причинять различным лицам определенный вред. Начнем с анализа норм, запрещающих наносить моральный вред.

Статья 170 УПК обязывает следователя принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске и выемке обстоятельства интимной жизни лица, занимающего данное помещение, или других лиц. Моральный вред при указанных следственных действиях должен быть сведен до минимума. Обыски следует производить только в случае, когда действительно нельзя обойтись без этого. И прежде чем производить обыск, следователь обязан попытаться убедить то или иное лицо добровольно выдать разыскиваемые предметы, документы или ценности. Естественно, следователь должен учитывать,. что иногда обвиняемый, подозреваемый или другое лицо может выдать не все предметы, имеющие значение для дела, например не все ценности, добытые преступным путем, и т.д. Но здесь вопрос упирается в конкретную ситуацию по уголовному делу и давать какие-нибудь общие рекомендации, годные для всех случаев, невозможно.

Пример успешного убеждения в указанном плане приводит А. М. Ларин. В его производстве находилось уголовное дело по обвинению в крупных хищениях Кисловой, которая была арестована. Перед арестом Кислова передала большую сумму денег своему 18-летнему сыну Николаю, больному туберкулезом, и сумела внушить ему, что находящиеся в ее распоряжении крупные средства получены из законных источников. На допросе Николай отрицал факт получения денег, по-видимому, стыдясь признаться, что хранил похищенное. Он понимал, что деньги послужат уликой против матери. У следователя, естественно, возникла мысль об обыске (производство которого полностью соответствовало ст. 168 УПК). Однако он оценил возможные последствия подобного шага. Николай был студентом

I курса и жил в общежитии. Следователь представил себе, каким моральным ударом мог оказаться для Николая обыск в общежитии, на глазах у товарищей. Дело ведь здесь касалось не взрослого закаленного человека, а больного, нравственно травмированного юноши. Поэтому следователь не стал производить обыск и, потратив значительно больше времени, сумел в ходе допроса убедить Николая выдать деньги добровольно [503, 43].

Следовало бы требование ст. 170 УПК распространить и на проведение осмотра, очной ставки, эксперимента и других следственных действий, в ходе которых часто выясняются обстоятельства интимной жизни того или иного лица. Целесообразно также прямо оговорить в тексте ст. 174 УПК требование о том, что при производстве ареста и выемки почтово-телеграфной корреспонденции недопустимо разглашение обстоятельств интимной жизни участников переписки и вообще содержание последней. Такое дополнение текста данной статьи представляется необходимым ввиду того, что тайна переписки, как и неприкосновенность жилища граждан, прямо охраняются ст. 128 Конституции СССР.

В советском уголовном процессе при освидетельствовании не допускаются действия, унижающие достоинство человека. Когда это следственное действие сопровождается обнажением лица, то освидетельствование производится в присутствии понятых того же пола. Сам следователь не присутствует при освидетельствовании лиц другого пола, если освидетельствование сопровождается обнажением этого лица; в последнем случае оно производится врачом в присутствии понятых (ст. 181 УПК). Производство следственного эксперимента допускается только при условии, если при этом не унижается достоинство и честь участвующих в нем лиц и окружающих (ст. 183 УПК). Личный обыск может производиться только лицом одного пола с обыскиваемым и в присутствии понятых того же пола (ст. 172 УПК).

Все эти процессуальные нормы отражают нравственное требование причинять как можно меньший моральный вред при производстве отдельных следственных действий, уважать честь и достоинство граждан. Думается, было бы правильным внести требование об охране чести и достоинства личности и в статьи, регламентирующие производство всех других следственных действий. Например, такое требование необходимо внести в ст. 186 УПК, регламентирующую получение образцов для сравнительного исследования.

В ст. 183 УПК содержится высокогуманное требование о том, что производство следственного эксперимента допускается при условии,

если не создается опасности для здоровья участвующих в нем лиц и окружающих. Этому нравственному требованию должны соответствовать и все другие следственные действия. Целесообразно ввести это требование и в ст. 186 УПК, предусматривающую получение образцов для сравнительного исследования.

В ходе своей процессуальной деятельности следователь иногда вынужден причинять материальный ущерб некоторым гражданам и организациям, предприятиям, учреждениям. Здесь также нравственным является требование о причинении как можно меньшего вреда. Это прямо закреплено в ст. 170 УПК, которая гласит, что при производстве обыска и выемке следователь вправе вскрывать помещения и хранилища, если владелец отказывается добровольно открыть их, но при этом следователь должен избегать не вызываемого необходимостью повреждения запоров, дверей и других предметов. Требование о том, что следователь должен избегать не вызываемого необходимостью повреждения различных предметов, целесообразно было бы внести и в другие статьи УПК, например, в ст. 183 УПК, регламентирующую следственный эксперимент, ст. 179 УПК, регламентирующую порядок производства осмотра, и т. д.

4. Несомненный интерес с точки зрения судебной этики представляет проблема убежденности следователя в виновности лица в момент предъявления ему обвинения.

Исходя из теории и практики следственной деятельности, необходимо признать, что в момент предъявления обвинения знания следователя об обстоятельствах, указанных в ст. 15 Основ уголовного судопроизводства (ст. 68 УПК), могут иметь как достоверный, так в определенной части и вероятный характер, поскольку процесс доказывания в этот момент, как правило, не завершен. Означает ли данное положение, что следователь может предъявлять обвинение, не будучи убежденным в виновности лица, привлекаемого в качестве обвиняемого? Многие процессуалисты так и полагают. Однако это противоречит правовым и нравственным принципам советского уголовного процесса, что весьма убедительно доказали Н. С. Алексеев и В. З. Лукашевич [125, 72–104].

С этической точки зрения нравственным может быть признан только тот поступок, который совершен на основе внутреннего убеждения, твердой уверенности, глубокой веры в правильность этого поступка. Убеждение и только убеждение является рациональной основой нравственной деятельности личности, позволяющей ей совершить тот или иной поступок сознательно, с разумным пониманием необходимости и целесообразности определенного поведения. Поэтому в момент привлечения того или иного лица в качестве обвиняемого следователь должен быть всегда убежден в его виновности, иначе у него нет морального права предъявлять обвинение. Это высоконравственное положение вытекает из закона. Так, статья 30 Основ уголовного судопроизводства (ст. 127 УПК) предоставляет следователю право в случае его несогласия с указаниями прокурора о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, не выполняя этих указаний, передать дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений. При этом вышестоящий прокурор не может обязать следователя выполнить указания нижестоящего прокурора, а имеет лишь право или отменить данные указания или поручить производство следствия по делу другому следователю.

Это правило необходимо распространить и на деятельность органов дознания по делам, производство предварительного следствия по которым необязательно, ибо несоблюдение данного правила фактически означает отступление от требования оценки доказательств, положенных в основу предъявленного обвинения, по внутреннему убеждению лица, производящего дознание (ст. 71 УПК)

В свете этого представляется весьма значительным вопрос о возможности формирования внутреннего убеждения на базе не достоверности, а вероятности. В литературе, например, высказывалось следующее мнение: уверенность в том, что сложившаяся оценка определенного события является правильной и полной, может быть субъективной стороной достоверности. Вероятность же всегда субъективно выражается в неуверенности в конечных выводах, в признании неполноты знаний об этом событии [502, 82]. Подобное мнение следует признать слишком категоричным и не соответствующим как общечеловеческой, так и следственной практике. Достоверному знанию, действительно, всегда соответствует убеждение в его истинности, но убеждение, в свою очередь, ни в коей мере не определяет достоверности и истинности знания. Практика, к сожалению, знает убежденность заблуждающихся людей, которая бывает столь же категоричной, как и убежденность лиц, сделавших правильный вывод. Такое убеждение следователя является источником серьезных и опасных нарушений закона.

Доводы, положенные следователем в подтверждение своего убеждения в виновности конкретного лица, всегда должны иметь в своей основе объективные данные, полученные только процессу-

альными средствами. При этом мера уверенности следователя определяется мерой обоснованности вывода, профессиональным и жизненным опытом следователя, его объективностью, отсутствием обвинительного уклона, непредвзятостью, умением всесторонне анализировать фактические данные, сознанием ответственности за порученное дело и т.д.

Таким образом, в момент предъявления обвинения следователь должен быть всегда уверен в виновности лица. И поэтому необходимо признать не только незаконным, но и глубоко безнравственным предъявление обвинения, когда следователь не уверен в виновности того или иного лица. Такие случаи, к сожалению, иногда еще встречаются в следственной практике. Например, следователь предъявляет обвинение подозреваемому, в отношении которого избрана мера пресечения, не потому, что он уверен в его виновности, а вследствие лишь того, что истек десятидневный срок, указанный в ст. 90 УПК, а отменять меру пресечения следователь по каким-либо основаниям не желает. Подобные случаи предъявления обвинения в советском уголовном процессе недопустимы.

ГЛАВА III

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. ПОНЯТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

1. Советское уголовное судопроизводство призвано способствовать воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Статья 3 Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик, говоря о задачах суда, прямо указывает, что «всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития».

Проблема воспитания в советском уголовном процессе имеет огромное значение для успешной борьбы с преступностью. С одной стороны, воспитательное воздействие предварительного расследования и суда – это начало процесса исправления и перевоспитания преступника, и очень важное начало, так как ошибки, допущенные в этом процессе лицом, производящим дознание, следователем или судом, исправляются в ходе исполнения наказания, как правило, с большим трудом, ввиду того, что у осужденного уже сложилось предубеждение к работникам всей системы правосудия. С другой стороны, воздействие предварительного расследования и суда имеет большое профилактическое значение, воспитывает свидетелей, потерпевших и других участников процесса, а также и всех граждан в духе коммунистической идейности, высокой нравственности и нетерпимости к преступлениям.

Лицо, осуществляющее производство по делу, всегда является проводником партийной, правовой политики, а в деятельности самой партии, как неоднократно указывал В. И. Ленин, всегда есть и будет известный элемент педагогики [49, 357].

Все задачи, стоящие перед следователем, прокурором и судом – раскрытие преступления, изобличение виновного, назначение справедливого наказания, – подчинены цели воспитания граждан, исправления, перевоспитания правонарушителя и возвращения его в общество полноправным гражданином.

В своей воспитательной деятельности органы следствия, прокуратуры, суда, адвокатуры руководствуются общими принципами коммунистического воспитания, нашедшими свое закрепление в решениях XXIV съезда КПСС и других партийных документах. Однако здесь имеются и свои специфические особенности, характерные только для педагогического воздействия в рамках уголовного процесса. Наиболее ярко эти особенности проявляются в педагогическом процессе исправления и перевоспитания подозреваемых, обвиняемых, подсудимых в советском уголовном судопроизводстве. Для этого процесса характерны следующие основные объективные и субъективные черты:

— строгая регламентация педагогического процесса нормами уголовно-процессуального права;

— применение педагогических методов убеждения и принуждения в рамках государственного принуждения;

— ограничение времени воспитательного воздействия сроками предварительного расследования и судебного разбирательства;

– субъективные особенности личности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого,

Если подозреваемый, обвиняемый или подсудимый находится под стражей, то на воспитательный процесс будут влиять и такие обстоятельства, как изоляция их от общества, трудовых коллективов, семьи и другие факторы, связанные с лишением свободы.

2. Успех воспитания со стороны органов следствия, прокуратуры, суда, адвокатуры определяется прежде всего кадрами этих учреждений. Как юристы они должны уметь в совершенстве исполнять свои процессуальные функции, а как воспитатели – оказывать влияние на воспитание, исправление и перевоспитание людей. Разумеется, без глубокого знания обстоятельств дела, обстановки, мотивов, целей, причин совершенного преступления, без установления правильных взаимоотношений между следователем, прокурором, судьей, адвокатом и обвиняемым, а также другими участниками процесса, без использования опыта прошлых лет, знания целей воспитания невозможно выполнить эффективно эту сложную задачу. Но многое здесь зависит и от личных качеств следователя, прокурора, судьи, адвоката как воспитателей. Особенности педагогического процесса в уголовном судопроизводстве предъявляют к этим лицам специфические требования.

Лица, осуществляющие производство по делу, должны отличаться психолого-педагогической наблюдательностью, которая позволяет из различных фактов отбирать то, что необходимо в работе с воспитуемыми, за каждым их поступком и действием видеть педагогическую ситуацию, требующую тщательного анализа. Такая наблюдательность является незаменимым качеством, например, для определения по небольшим, на первый взгляд незаметным признакам тенденций изменения личности подозреваемого, обвиняемого или подсудимого; для понимания по деталям поведения психического состояния воспитуемых; для определения основных пробелов в мировоззрении и нравственном опыте и для направления усилий этих лиц на их ликвидацию. Психолого-педагогическая наблюдательность позволяет лицам, осуществляющим производство по делу, подметить даже незаметные положительные качества в личности подозреваемого, обвиняемого или подсудимого и максимально использовать их в процессе исправления и перевоспитания; выявить их интересы, склонности, привязанности и т. д.

Следователю, прокурору, судье, адвокату как воспитателям необходимо обладать хорошо распределяемым вниманием, высокой

готовностью памяти и педагогически направленным воображением. Последнее помогает предвидеть результаты воспитательного воздействия, прогнозировать изменения в личности воспитуемого. Воспитательная деятельность в уголовном судопроизводстве, безусловно, предполагает у воспитателей самостоятельность и критичность мысли, глубокую систему педагогических, психологических и правовых знаний, умение анализировать педагогическую ситуацию и выбирать единственно верные в каждом случае средства. Большое значение здесь имеют высокая культура речи, хорошая дикция, эмоциональное, четкое построение фраз, немногословность. Именно прежде всего через речь следователь, прокурор, судья и адвокат оказывают необходимое воспитательное воздействие. При этом используются как монолог (речи прокурора, адвоката, реплики, выступления), так и диалог (беседа, допрос и т.д.). Речь воспитателя должна быть правильной с точки зрения словарного состава, звуковой стороны, стиля, построения фраз, ударений в словах. Она предполагает не только правильность, но и содержательность, четкость, доступность понимания для различных лиц, возможность воздействовать с ее помощью на их разум и чувства.

Для того чтобы эффективно осуществлять процесс воспитания, исправления и перевоспитания, лицам, осуществляющим производство по делу, необходимо обладать большой общей культурой, знать главные достижения человеческой мысли в области науки, техники, литературы, искусства.

Эти лица должны обладать определенными волевыми чертами, в частности твердостью воли, терпением, сдержанностью, настойчивостью и т.д. На основе морально-политических и волевых качеств формируется педагогическое мастерство и авторитет лица, осуществляющего производство по делу, как воспитателя. Мастерство работника юстиции как воспитателя выражается в готовности творчески использовать свои знания, навыки, умение и опыт в организации педагогического процесса. Оно характеризуется всесторонним и глубоким знанием условий работы, знанием педагогики и психологии, умением проникать в психику воспитуемых, что позволяет наиболее эффективно и творчески строить процессы воспитания, исправления и перевоспитания.

Основными условиями завоевания авторитета являются естественность поведения и поступков, недопустимость расхождений между словами и делом, глубокое знание своего дела, бескомпромиссная требовательность к себе, увлеченность своей работой и т.д. Для лиц,

осуществляющих производство по делу, важно также умение установить правильные, принципиальные отношения как с воспитуемым, так и с другими участниками процесса. При этом нельзя допускать в отношениях с воспитуемым, например с обвиняемым, как панибратства, так и формализма и отчужденности.

Следователи, прокуроры, судьи и адвокаты как воспитатели должны обладать психолого-педагогической направленностью личности. Первостепенное значение принадлежит развитию специфических интересов и склонностей воспитателя, в свою очередь, тесно связанных с его идеалами и мировоззрением. Большую роль в формировании психолого-педагогической направленности воспитателя играет его педагогический оптимизм, источниками которого являются любовь к своей профессии, вера в возможность воспитания, исправления и перевоспитания человека, уверенность в своих силах и возможностях. Не меньшее значение имеет и заинтересованность в судьбе воспитуемого. Это качество тесно связано с такими чертами, как гуманизм, забота о человеке и «педагогическая» любовь к воспитуемым.

Воспитатель должен развивать в себе справедливость, требовательность, настойчивость, последовательность, тактичность, внимательность, доброжелательность, выдержку, сдержанность, гибкость в решениях и, наконец, постоянный жизнерадостный настрой характера. Важно умение сочетать внешне противоположные черты характера – требовательность и доброжелательность, решимость и сдержанность, быстроту реакции и обдуманность действий и т. д.

Для подлинного овладения мастерством воспитателя следователям, прокурорам, судьям и адвокатам необходимы как общие, так и специальные педагогические способности.

3. Общественное воспитание в период развернутого строительства коммунизма охватывает широкий круг вопросов. Именно в этот период решается сложнейшая задача «воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» [87, 411]. Составной частью единого процесса общественного воспитания (наряду с политическим, идеологическим, трудовым, эстетическим, физическим и т.д.) является нравственное воспитание. Нравственное воспитание, по мнению большинства исследователей, включает формирование у людей нравственных убеждений, склонностей, чувств, привычек, устойчивых моральных качеств. Соответственно этому и в едином процессе воспитания в уголовном судопроизводстве наряду, например, с идейно-политическим, правовым следует выделить нравственное воспитание.

Под нравственным воспитанием в уголовном судопроизводстве понимается процесс искоренения у отдельных лиц отрицательных нравственных качеств (чувств, убеждений, привычек и черт характера) и формирования у всех граждан нравственных качеств, соответствующих требованиям коммунистической морали. Таким образом, содержание нравственного воспитания в советском уголовном процессе составляет формирование и укрепление в сознании граждан принципов морального кодекса строителя коммунизма, закрепление их в чертах человеческой личности, преодоление отрицательных, аморальных черт характера, чувств, убеждений и привычек.

Нравственное воспитание в советском уголовном судопроизводстве теснейшим образом связано с другими элементами единого коммунистического воспитания. Так, нравственное воспитание невозможно без идейно-политического воспитания как системы воспитательных воздействий, направленных на повышение сознательности, развитие творческой активности, искоренение в сознании отдельных граждан ошибочных, антиобщественных и формирование у них правильных убеждений и взглядов на окружающий мир и общество. В процессе идейно-политического, как и нравственного, воспитания развенчивается ложный героизм, уголовная «романтика», воровские «законы» и «традиции», ликвидируются различные пороки и отрицательные черты личности и т.д.

Нравственное воспитание в советском уголовном судопроизводстве теснейшим образом связано с правовым воспитанием, т.е. с формированием и развитием у граждан правильного понимания законов и других правовых актов, формированием убеждения в недопустимости их нарушения, привычки поведения в точном соответствии с предписаниями законов. Правовое воспитание помогает также преодолению воровских, «взглядов» и «традиций», неуважительного отношения к закону, формирует нетерпимость к нарушителям социалистического правопорядка, помогает усвоить нормы морального кодекса как обязательные и привычные нормы повседневного поведения. Нравственное воспитание в уголовном судопроизводстве связано с воспитанием дисциплинированности, с трудовым, антирелигиозным воспитанием и т. д.

Подлинно партийное, целеустремленное нравственное воспитание невозможно без постоянной, бескомпромиссной борьбы с пережитками прошлого. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии указано: «Не может быть победы коммунистической морали без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стяжатель-

ство, взяточничество, тунеядство, клевета, анонимки, пьянство и т. п. Борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании и поступках людей, – это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил нашего общества» [88, 84].

Нравственные дефекты личности имеют прямое отношение к непосредственным субъективным причинам совершения конкретных преступлений. Преступление – это всегда не только противоправное, но и аморальное явление. Бóльшая или меньшая степень аморальности характеризует всех преступников, в том числе и лиц, совершивших неосторожные преступления, в частности нарушивших свой профессиональный долг, нормы профессиональной морали. Поэтому нравственное воспитание в советском уголовном процессе, призванное искоренять аморальные черты личности, приобретает первостепенное значение в педагогической деятельности органов расследования, суда, прокуратуры и адвокатуры.

Нравственное воспитание в уголовном судопроизводстве всегда есть единый и целостный процесс формирования личности, а не воспитания отдельных, обособленных друг от друга ее моральных качеств. Более того, в этот процесс одновременно входит как формирование положительных, так и искоренение отрицательных нравственных качеств. Однако принципы коммунистической целеустремленности, единства и целостности педагогического процесса обязательно предполагают, что следователи, прокуроры, судьи и адвокаты должны учитывать особенности каждого направления в нравственном воспитании, следить за каждым из них и контролировать успешность формирования у воспитуемых нравственных убеждений, чувств, склонностей, опыта нравственного поведения и нравственных черт личности.

Нравственные убеждения, как и любые другие убеждения, теснейшим образом связаны со всеми качествами личности, и в первую очередь с моральными. Именно поэтому выработку убеждений у воспитуемых в ходе уголовного судопроизводства следует вести параллельно и одновременно с развитием всех остальных нравственных сторон их личности и нельзя сводить к формальному овладению правилами коммунистической морали, к объяснению, что именно хорошо и что плохо, что есть добро и что есть зло. Подобный интеллектуалистический подход, практически сводя всю работу по нравственному воспитанию к механическому заучиванию норм нравственности, создает условия для разрыва между сознанием и поведением, мыслью

и поступком, словом и делом, что в конечном итоге часто приводит к лицемерию и приспособленчеству. Однако в ходе нравственного воспитания в советском уголовном процессе нельзя игнорировать и знания теории морали, нельзя полностью становиться на позиции так называемого поведенческого подхода к воспитанию, когда главное внимание обращается на выработку нравственных навыков и привычек поведения, накопление нравственного опыта жизни в той или иной социальной группе. Такой подход вводит в жизнь воспитуемых излишнюю регламентацию, и поведение их, как правило, находится в зависимости от ситуации, а не от нравственных убеждений.

Таким образом, ни чисто интеллектуалистический, ни чисто поведенческий подход к нравственному воспитанию в уголовном процессе не действенны. Нужны комплексные мероприятия.

Преступники в целом знают общепринятые нормы морали, понимают, что совершение преступлений аморально, но это знание не удерживает их от преступления, так как оно не стало для них убеждением, оно не оказывает влияния на формирование их нравственных чувств, не стимулирует стремлений к нравственному поведению.

Процесс воспитания нравственных чувств предполагает искоренение аморальных и формирование высоконравственных чувств у воспитуемых, и в первую очередь у лиц, совершивших преступления. В ходе нравственного воспитания в уголовном судопроизводстве у них должны вырабатываться такие нравственные чувства, как патриотизм, интернационализм, коллективизм, чувство долга (гражданского, профессионального, сыновьего, родительского), чувство дружбы и товарищества, собственного достоинства и чести и т. д.

Большое значение имеет формирование чувства совести. Именно совесть, как внутренний судья, одобряющий или осуждающий поведение человека, побуждает его поступать нравственно. Такой человек испытывает чувство стыда, «муки совести», когда его поведение не соответствует нормам морали. Совесть, как выражение нравственного самосознания личности, способности осуществлять моральный самоконтроль, сознавать свой долг и ответственность перед обществом, во многом определяет поведение людей. Человеку, воспитанному на определенных моральных принципах, совесть не позволяет поступать вопреки им. Но совесть влияет не только на выбор поступка, она служит средством оценки поступков, их исправления, выступая как сознание неправильности совершенного поступка, как чувство стыда за него, а «стыд – это своего рода гнев, только обращенный вовнутрь» [10, 371]. Поэтому одной из проблем нравственного воспитания, кото-

рой в известной степени должны быть подчинены предварительное расследование, судебное разбирательство, является пробуждение совести у обвиняемого (подсудимого), а порой и у других лиц (потерпевшего, свидетеля и т. д.).

Если предварительное расследование и судебное разбирательство повлияли на пробуждение совести у осужденного, на появление у него чувства стыда за совершенное преступление, то следует считать, что воспитательная задача следствия и суда была решена наилучшим образом.

Очень часто подозреваемые, обвиняемые и подсудимые признают себя виновными, дают подробные, правдивые показания, но это еще не означает, что заговорила их совесть. Это всего лишь благоприятные условия для ее пробуждения, и следователю, суду, прокурору и адвокату многое еще нужно сделать в этом направлении. Лишь чистосердечное раскаяние этих лиц свидетельствует об их нравственном перерождении и является необходимым условием их исправления и перевоспитания в дальнейшем.

Разъяснить обвиняемому (подсудимому) гуманный смысл закона, а именно то, что чистосердечное раскаяние служит обстоятельством, смягчающим ответственность, – обязанность следствия и суда. Но проблема эта имеет и другую сторону. Пробуждать совесть, рассчитывать на чистосердечное раскаяние можно лишь в отношении лица, действительно совершившего преступление, а не каждого обвиняемого (подсудимого). Поэтому решать эту проблему необходимо исходя из презумпции невиновности и только законными средствами, с соблюдением нравственных принципов. Иногда можно наблюдать, как в ходе предварительного расследования или в суде воспитывают подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, «взывают» к его совести, «убеждают» чистосердечно раскаяться, неоднократно напоминая, что это смягчит его ответственность. А он не виновен, и ему, естественно, не в чем раскаиваться. Разъяснение обвиняемому содержания ст. 38 УК РСФСР не должно превращаться в незаконное и безнравственное воздействие на него.

Грань между разъяснением обвиняемому (подсудимому) значения чистосердечного раскаяния и незаконным понуждением его к такому раскаянию практически трудноуловима, помочь в этом следователю, прокурору и судье могут лишь нравственные принципы и их моральное сознание.

Чистосердечное раскаяние обвиняемого (подсудимого), совершившего преступление, должно возникнуть как проявление

пробудившейся у него совести или возникшего чувства стыда, оно возможно лишь как совершенно добровольная потребность лица признать свою вину, осудить свое поведение. Возникнуть оно может под влиянием всего хода предварительного расследования и судебного разбирательства. В этом одна из сторон воспитательного значения уголовного процесса.

Формирование нравственных убеждений и чувств неотделимо от воспитания нравственных качеств (патриотизма, коллективизма, правдивости, трудолюбия, дисциплинированности и т.д.), нравственного поведения, которое следует понимать не только как воздержание от безнравственных поступков, но и прежде всего как совершение активных высоконравственных поступков, проявление в них нравственных убеждений, чувств и качеств личности. К таким высоконравственным поступкам со стороны обвиняемого как раз и следует отнести раскаяние, стремление загладить причиненный преступлением вред и т. д. Такие поступки должны всемерно поощряться следователем, судом, прокурором и адвокатом.

В ходе нравственного воспитания необходимо добиваться того, чтобы исполнение правил нравственного поведения вошло в привычку воспитуемых.

Нравственным привычкам, как и любым другим, присущ определенный автоматизм. Но это не означает, что они полностью оторваны от нравственных убеждений и чувств. Именно через привычки нравственные идеи, принципы, убеждения, чувства прочно входят в повседневную жизнь человека, обретают неразрывную связь с его поведением, образом жизни.

Нравственные привычки не сводимы к механически выработанным навыкам нравственного поведения. Нравственные привычки – это и повторенный много раз нравственный эмоциональный опыт человека, и определенным образом воспитанные нравственные чувства, и слитые с нравственными убеждениями мотивы поведения. В понимаемые таким образом нравственные привычки могут превращаться не только элементарные нормы поведения, но и сложные по своему общественному значению нормы и принципы коммунистической нравственности, требующие высокого уровня осознанности поведения. Поэтому в нравственном воспитании основной упор должен делаться не на приучение человека к соблюдению, хотя бы и осознанному, нравственных норм, а, как правильно отмечает В. П. Сахаров, на возбуждение и развитие у него потребности в творческом применении исходных принципов и основных норм коммунистической мора-

ли при разрешении конкретных нравственных ситуаций, потребности в нравственном самоусовершенствовании [785, 131]. Таков в общих чертах процесс нравственного воспитания.

Возникает естественный вопрос: достижимы ли полностью цели нравственного воспитания, и в первую очередь исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, в ходе уголовного судопроизводства? Прежде чем ответить на него, необходимо выяснить, от чего зависит изменение морально-психологических свойств личности, а следовательно, и успешность воспитания, исправления и перевоспитания преступников.

Данные физиологии и психологии, передовой опыт воспитания, исправления и перевоспитания свидетельствуют о том, что морально-психологические свойства личности могут быть изменены. Возможность такого изменения обусловлена пластичностью нравственно-психологического мира человеческой личности, что, в свою очередь, детерминировано пластичностью высшей нервной деятельности человека. Однако пластичность человеческой психики, и особенно взрослого человека, это, по образному выражению А. Г. Ковалева, не пластичность воска, а пластичность стали, которая тверда и малоподатлива ко всякого рода воздействиям [421, 94]. Поэтому нравственное воспитание, исправление и перевоспитание правонарушителей требует упорной и длительной работы как со стороны воспитателей, так и со стороны самого воспитуемого.

А. Г. Ковалев совершенно правильно пишет, что успешность такой деятельности зависит от целого ряда причин и условий, и прежде всего от: а) степени криминальной зараженности личности; б) природной впечатлительности и психонервной подвижности личности, сказывающихся на степени чувствительности правонарушителя к внешним воздействиям, в том числе к воспитанию; в) эффективности методов исправления; г) обстоятельств жизни в период исправления и в последующее время; д) длительности исправительных влияний [423, 121–123].

Воспитательное воздействие как в ходе предварительного расследования, так и в период судебного разбирательства осуществляется в относительно короткий промежуток времени, поэтому нравственное воспитание в уголовном судопроизводстве в большинстве случаев не завершается полной нравственной перестройкой личности преступника. Для такой перестройки необходимо дальнейшее воспитательное воздействие в специальных исправительно-трудовых учреждениях или в коллективах трудящихся, где будет находиться лицо, осужденное к наказанию, не связанному с лишением свободы.

Однако это положение ни в коей мере не снижает значения воспитательного воздействия советского уголовного процесса. Оно предполагает, что общие цели воспитательной деятельности в уголовном судопроизводстве конкретизируются на каждой его стадии и между органами предварительного расследования, суда и исправительно-трудовыми учреждениями существуют единство, согласованность, преемственность и последовательность в воспитательных воздействиях на личность преступника. К тому же воспитательное воздействие уголовного судопроизводства направлено не только на лиц, совершивших преступления, но и на всех остальных граждан.

Как показывают исследования советских психологов, у большин-ства преступников имеются пункты колебаний между преступной склонностью и нравственными чувствами [422, 25]. Поэтому одной из основных задач нравственного исправления и перевоспитания в советском уголовном процессе как раз и будет обнаружение таких пунктов в личности преступника и воздействие именно на них прежде всего в плане пробуждения совести и чувства стыда. Такое воздействие должно опираться на систематическую поддержку и укрепление нравственно-положительного в личности преступника и расшатывание и торможение отрицательных проявлений.

Успешность нравственного воспитания в уголовном судопроизводстве зависит от эффективности его методов. Из выработанных педагогической наукой методов в процессе нравственного воспитания в уголовном судопроизводстве могут применяться убеждение, приучение, поощрение, принуждение, а также такие способы и приемы воздействия, как пример и доверие.

Основным и наиболее действенным методом здесь, как и в любом процессе воспитания, является метод убеждения, т.е. совокупность способов и приемов воздействия на психику воспитуемых, с помощью которых у них вырабатывается коммунистическое мировоззрение. Основные виды убеждения как метода воздействия – это убеждение словом и убеждение делом (на опыте). Убеждение словом в процессе нравственного воспитания в ходе уголовного судопроизводства предполагает прежде всего разъяснение воспитуемым принципов и норм коммунистической морали, правил социалистического общежития, доказывание правильности выдвигаемых положений и

опровержение неверных, ошибочных, аморальных взглядов воспитуемых. Убеждение делом – это убеждение на примере других лиц, на личном нравственно положительном опыте воспитуемого. Г. Г. Бочкарева совершенно правильно пишет, что первостепенное значение здесь имеет четкое доведение до лица, совершившего преступление, мысли о его виновности не только в юридическом, но и в моральном смысле [212, 10–11]. К сожалению, на практике еще нередки случаи, когда с правовой точки зрения вина бывает доказана, а с морально-психологической – нет, и преступник начинает себя чувствовать несправедливо наказанным.

Для эффективного применения метода убеждения необходимы хорошие знания взглядов и убеждений воспитуемых для того, чтобы заранее предусмотреть их возможные контрдоводы, умение разбираться в психических состояниях воспитуемых и т.д. Убеждение не может быть лицемерным. Следователь, судья, прокурор, адвокат как воспитатели должны быть сами глубоко убеждены в том, что они говорят.

Однако посредством убеждения и внушения словом нельзя выполнить все задачи нравственного воспитания в уголовном судопроизводстве. Здесь необходимо, чтобы воспитуемый приобрел и соответствующий опыт нравственного поведения, и положительные моральные качества. Решению этой задачи служит метод приучения. Под приучением в нравственном воспитании следует понимать руководство воспитуемым в процессе деятельности, использование ее воспитательных возможностей, содействие осмысливанию деятельности, ее усложнение по мере роста моральных качеств и закрепления положительных нравственных привычек воспитуемых, раскрытие перспектив деятельности в целях формирования высокоморальных качеств и привычек. Ввиду специфики нравственного воспитания в уголовном судопроизводстве, и прежде всего его кратковременности, применение этого метода затруднено даже в отношении обвиняемых (подозреваемых, подсудимых), хотя он и не может быть полностью исключен из арсенала методов воздействия следователя, прокурора, судьи, адвоката.

Метод поощрения заключается в выявлении воспитателем положительных качеств воспитуемого и стимулировании их дальнейшего развития. В ходе нравственного воспитания в уголовном судопроизводстве этот метод может применяться к различным группам воспитуемых. Однако поощрение за определенное поведение не должно быть заранее обещанным, так как это может привести к отрицательным последствиям.

Принуждение (наказание) как метод нравственного воспитания имеет свою специфику в уголовном судопроизводстве. Специфичность воспитательного воздействия уголовного процесса заключается как раз в том, что оно в основном осуществляется посредством применения уголовного наказания. Воспитательное воздействие как на виновных, так и на других граждан достигается обеспечением неотвратимости наказания.

Пример как способ нравственного воспитания предполагает воздействие на воспитуемого или группу воспитуемых поступками, деятельностью, образом жизни других людей, служащих образцом для подражания. Особенностью применения этого способа для нравственного исправления и перевоспитания подозреваемых, обвиняемых, подсудимых является специальный подбор фактического материала. Однако его использование требует большого такта и педагогического мастерства. Немалое значение имеет приведение фактов нравственных поступков самих воспитуемых, например раскаяние, стремление загладить причиненный преступлением ущерб и т. д. В процессе нравственного воспитания в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства не следует злоупотреблять отрицательными примерами антиобщественных поступков воспитуемых или других лиц, что может привести к подрыву уверенности подозреваемых, обвиняемых, подсудимых в возможности своего исправления и перевоспитания.

Под доверием как способом нравственного воспитания понимается предположение воспитателя (следователей, судей и т.д.) о наличии у воспитуемого определенных положительных нравственных качеств и включение его в такой вид деятельности, где эти положительные качества, по мнению воспитателя, должны полностью проявиться. Опора на лучшие качества в человеке, обращение к его совести и чувству собственного достоинства – основа всей воспитательной работы с лицами, совершившими преступления.

Успех в процессе нравственного воспитания возможен в результате применения всех методов в комплексе. По отношению к отдельному воспитуемому в каждом методе наряду с общими проявляются специфические особенности. Поэтому использование методов нравственного воспитания, перевоспитания и исправления в уголовном судопроизводстве требует творческого подхода, а также педагогического мастерства.

§ 2. ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

1. Целенаправленное нравственное воспитание в стадии предварительного расследования невозможно эффективно осуществить без хорошей организации следственного дела. Объективность, полнота, всесторонность, оперативность, высокое качество расследования по конкретным уголовным делам в сочетании с высоким уровнем культуры, деловой квалификации, юридических знаний, политической и моральной зрелости кадров следственного аппарата в значительной мере определяют воспитательную роль предварительного расследования. На эту взаимосвязь уже неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [705, 30].

На граждан оказывают очень большое нравственно-воспитательное воздействие сами факты раскрытия преступления, изобличения виновных, установления всех обстоятельств дела, обеспечения мер, исключающих для обвиняемого возможность продолжать свою преступную, аморальную деятельность и уклониться от наказания, выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступления. Все это формирует у граждан, в том числе и у лиц, совершивших преступления, конкретные подлинно нравственные представления о неизбежности и справедливости изобличения всех нарушителей советских законов.

2. Нравственное воздействие оказывает не только весь процесс предварительного расследования, но и его отдельные институты. Так, актом привлечения к уголовной ответственности следователь выражает отношение Советского государства к преступлению и преступнику, прививает гражданам высокое сознание общественного долга и нетерпимость к нарушению закона и норм морали. Акт привлечения к уголовной ответственности оказывает воспитательное воздействие как на лиц, совершивших преступления, так и на всех советских граждан, поскольку он укрепляет у них уверенность в незыблемости советских законов, убеждает в том, что всякое посягательство на закон будет решительно пресечено. Все это воспитывает чувство ответственности за соблюдение советских законов, правил социалистического общежития, нравственных норм, способствует предотвращению преступлений.

Воспитательное воздействие привлечения к уголовной ответственности будет эффективным только в том случае, когда обвинение является обоснованным и четко сформулированным. Очень

важна здесь и правильность квалификации преступления. Снижает воспитательное воздействие предъявления обвинения как неполное обвинение, когда в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого не указываются статьи закона, подлежащие применению в связи с фактическими обстоятельствами дела, так и обвинение «с запасом» квалификации. Большое воспитательное значение имеет правильное решение вопроса о мотивировке постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Привлечение к уголовной ответственности во многих случаях ведет к появлению у обвиняемого чувства глубокой нравственной ответственности за содеянное. Это чувство следователь обязан использовать в процессе нравственного воспитания, исправления и перевоспитания обвиняемого таким образом, чтобы оно перешло в глубокое и чистосердечное раскаяние.

3. Наибольшую силу педагогического, психологического, эмоционального и нравственного воздействия имеет допрос. В ходе допроса необходимо создать такую обстановку, в которой обвиняемый понял и прочувствовал бы преступный характер, неправомерность и глубокую аморальность своего поведения и необходимость исправления и перевоспитания. А. Р. Ратинов правильно отмечает, что следователь должен убедительно показать обвиняемому несоответствие его поступков общественной морали, чтобы пробудить в нем нравственные чувства чести и собственного достоинства, стыда за себя и за свои поступки, сожаления о содеянном, раскаяния и т.д. с целью влияния на дальнейшее поведение обвиняемого (720, 116].

Положительное нравственное воздействие допроса на обвиняемого не должно сводиться только к осознанию им моральной необходимости признать себя виновным и дать исчерпывающие показания. Данные факты свидетельствуют лишь о начале нравственно-психологического исправления и перевоспитания обвиняемого. Следователь обязан направить свои усилия и на ликвидацию различных аморальных, эгоистических тенденций в психике обвиняемого. Большое значение в этом плане имеет допрос обвиняемого по поводу причин и условий, которые привели его к совершению преступления, а также мотивов и целей этого преступления.

Характерной чертой психологии многих, если не большинства преступников, является скептический взгляд на свою дальнейшую жизнь, судьбу, жизненную перспективу. На эту сторону обращали внимание многие тонкие знатоки и психологи человеческих душ. «...Воришек очень трудно перевоспитывать, – писал А. М. Горький, – вследствие их безнадежного отношения к жизни, к самим себе» [299, 430]. Поэтому

важно показать человеку, совершившему преступление, его перспективы, к которым он будет стремиться.

Следует отметить, что перестройка сознания в этот период – дело особенно трудное, так как мыслительная деятельность обвиняемого на ранних стадиях расследования направлена на ближайшую перспективу, а о более дальней – своей нравственной перековке, перевоспитании – обвиняемый думает меньше. Но следователь, если он настоящий творческий работник, а не оформитель дел, в первую очередь обязан обратить внимание подследственного на дальнюю перспективу.

Воспитательное воздействие допроса должно быть направлено не только на обвиняемых и тех свидетелей, которые отказываются от дачи показаний или дают ложные показания, но и на всех допрашиваемых лиц. Например, и для добросовестного свидетеля очень важна общественная оценка его деятельности, одобрение его гражданской позиции, честного выполнения им гражданского долга. Нужно добиться того, чтобы любой свидетель или потерпевший, уходя от следователя, чувствовал себя активным участником большой работы по ликвидации отвратительного пережитка прошлого – преступности.

4. Нравственно-воспитательное воздействие имеют все решения следователя, которые он принимает в уголовном судопроизводстве: о возбуждении уголовного дела, об избрании меры пресечения, об окончании расследования и т. д.

Большое воспитательное значение, в том числе и моральное, имеет составление объективного обвинительного заключения, в точном соответствии с законом и материалами уголовного дела, поскольку по обвинительному заключению, оглашаемому в суде, граждане судят о работе следственных органов в целом. Любое нарушение закона в обвинительном заключении отрицательно влияет на воспитательную работу и следственных органов, и судов.

Немалую роль в нравственном воспитании граждан в ходе предварительного расследования играют представления следователя об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений (ст. 140 УПК). Аналогичное представление может быть вынесено и прокурором, осуществляющим надзор за предварительным расследованием. Естественно, вынесению таких представлений предшествует скрупулезное выявление всех обстоятельств, способствовавших моральному падению того или иного человека, толкнувшему его к совершению преступления. Здесь должны быть максимально полно собраны и всесторонне и объективно проанализированы данные, характеризующие личность обвиняемого и ее главные свя-

зи и отношения в различных группах, особенно неформальных. В представлениях следователь (как и прокурор) обязан требовать от компетентных должностных лиц ликвидации различных аморальных явлений (пьянства или бытового разложения отдельных лиц, равнодушия к людским судьбам и т. д.), приведших того или иного обвиняемого к преступлению. При этом должны быть приведены доказательства того, что именно эти явления способствовали совершению преступления. Нельзя просто ссылаться на пьянство, плохую культурно-массовую и нравственно-воспитательную работу и другие недостатки, еще имеющиеся в нашем обществе. Если у следователя есть основания для рекомендации конкретных мер по ликвидации тех или иных аморальных явлений, установленных в ходе следствия, он должен это сделать в своем представлении.

Роль следственных органов в нравственном воспитании нельзя сводить только к обязательному раскрытию всех преступлений и привлечению всех виновных лиц к уголовной ответственности. Для того чтобы нравственное воспитание было эффективным, следователь должен проводить специальную работу: с одной стороны, по укреплению в широких массах трудящихся глубоко нравственных убеждений, повышению уровня правосознания народа, а с другой – по нравственному исправлению и перевоспитанию обвиняемого. Эта работа может заключаться в организации широкого обсуждения и нравственного осуждения со стороны общественности преступления, совершенного членом данного коллектива; во внесении следователем предложений о поощрении граждан, отличившихся при раскрытии преступлений, розыске преступников и похищенных ими вещей, в перевоспитании преступников, переданных на поруки, т.е. тех граждан, которые честно выполняют свой нравственный долг в борьбе с преступностью.

Важным моментом нравственного воспитания граждан является усиление следователем профилактической работы. Эта работа не сводится только, например, к вынесению представлений о ликвидации причин и условий, способствующих совершению преступлений. Она предполагает специальные беседы следователя о нравственном воспитании (этические беседы), лекции и доклады на темы морали, вечера вопросов и ответов, диспуты, на которые могут специально приглашаться граждане, замеченные в совершении правонарушений, родители детей, состоящих на учете в детских комнатах милиции. Для нравственного воспитания следует использовать лекции и беседы на юридические темы, ибо нравственное воспитание теснейшим образом связано с правовым воспитанием.

Успех докладов и лекций по вопросам морали зависит от правильного выбора темы, насыщенности конкретными фактами, последовательности аргументации и т.д. При этом следователь должен использовать материалы конкретных уголовных дел и прошлой профилактической работы. Проведение бесед, лекций и докладов на этические темы не должно превращаться *в* отвлеченное морализирование. Следователю очень важно иметь такт и чувство меры. Для нравственного воспитания он должен использовать и периодическую печать, радио, телевидение.

§ 3. НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Советский уголовно-процессуальный закон, признавая огромную важность педагогического, в том числе и нравственного, влияния судебного разбирательства на отдельных граждан и коллективы трудящихся, прямо обязывает председательствующего обеспечить воспитательное воздействие судебного процесса (ст. 243 УПК).

Воспитательное воздействие судебного разбирательства теснейшим образом связано и во многом зависит от эффективности воспитательного воздействия предварительного расследования. Однако это ни в коей мере не умаляет значения воспитания в процессе судебного разбирательства, так как наиболее действенное, эффективное воспитательное воздействие оказывает не одна стадия советского уголовного процесса, а все уголовное судопроизводстве в целом. Кроме того, по сравнению с предварительным расследованием судебное разбирательство обладает значительно большими возможностями воспитательного воздействия, что объясняется прежде всего его гласностью. М. И. Калинин говорил: «Процесс суда – это лучшая, конкретная агитация. Нигде в практической жизни нельзя так хорошо агитировать, как на судебных процессах» [393, 161].

В условиях открытого гласного судебного разбирательства складывается общественное мнение в отношении подсудимого, что само по себе оказывает на него большое воспитательное, в том числе и нравственное, воздействие. Гласность судебного разбирательства выставляет на всеобщее обозрение всю аморальность как совершенного преступления, так и личности преступника. Это, как правило, заставляет преступника глубоко прочувствовать всю тяжесть общественного осуждения. Гласность судебного разбирательства побуждает граждан пересмотреть свое отношение ко многим аморальным явлениям, мимо которых они раньше проходили, не обращая достаточного внимания. Воспитательное воздействие судебного разбирательства, таким образом, во многом зависит от той гласности, которую получил процесс, от того, насколько к нему было привлечено внимание общественности [705, 37–38].

Воспитательное, в том числе и нравственное, воздействие судебного разбирательства можно подразделить на непосредственное, обращенное на участников процесса и всех лиц, присутствующих в зале судебного заседания, и опосредствованное, обращенное на общество в целом. Опосредствованное воздействие осуществляется благодаря сообщению в печати, по радио, телевидению, а также через лиц, присутствующих в зале судебного заседания, и в конечном итоге – через всех граждан, имеющих свое нравственное суждение по конкретному уголовному делу. Опосредствованное воспитательное воздействие судебного разбирательства прежде всего достигается путем гласности, в результате создания общественного мнения. Поэтому особое значение приобретает тщательная подготовка и культура проведения судебного разбирательства. Эти факторы в огромной мере способствуют тому, чтобы суд, как указывал В. И. Ленин, был «наиболее торжественный, *воспитательный* и приговор достаточно внушителен» [21, 286].

Судьи и другие участники судебного разбирательства должны использовать судебную аудиторию для пропаганды гуманизма и справедливости советского права, социалистической законности, высокой идейности и коммунистической нравственности, чтобы каждый присутствующий на судебном разбирательстве, выходя из зала, был преисполнен сознанием незыблемости правопорядка, чувством уважения к закону, нетерпимости к его нарушениям и передал эти чувства другим гражданам.

Большое нравственно-воспитательное значение имеет судебное следствие, проведенное объективно, полно и всесторонне. Оно способствует выявлению морального облика подсудимого, показу позора и безнравственности совершенного преступления и убедительно и доходчиво доносит это да присутствующих в зале. Воспитательное влияние судебного следствия должно поддерживаться правильным, высоконравственным взаимодействием суда, обвинителя и защитника. Именно в задачу прежде всего этих лиц входит выявление в ходе судебного следствия морально-политического значения рассматриваемого дела и достижение этим воспитательного воздействия.

Особо сильное нравственное воздействие как на обвиняемого, так и на других лиц должны оказывать судебные прения. В них да-

ется обобщенная, концентрированная морально-политическая оценка как самого деяния, так и личности подсудимого. Воспитательное воздействие при этом имеют речи не только прокурора и общественного обвинителя, но и адвоката и общественного защитника. Как раз в результате воздействия речей последних граждане убеждаются в реальности соблюдения гарантий прав личности в советском уголовном процессе, в реальном праве подсудимого на защиту.

В то же время необъективная, тенденциозная характеристика подсудимого, его «обеление» или «очернение» как в речах защитников, так и в речах обвинителей ведет к подрыву всего нравственно-воспитательного воздействия судебного разбирательства. Особенно пагубно, как убедительно показывает Г. Г. Бочкарева [212, 11], такое «обеление» или «очернение» влияет на несовершеннолетнего подсудимого, действительно совершившего преступление. «Обеление» преступления подростка, который прекрасно знает, что виноват, способствует возникновению у него неправильного, некритичного отношения к преступлению и как результат этого – появлению неадекватной, завышенной самооценки, что отрицательно сказывается на процессе исправления и перевоспитания.

Психологический механизм формирования такой завышенной, неадекватной самооценки был убедительно вскрыт советскими судебными психологами. Этот механизм заключается в следующем. Большое влияние на самооценку подростка оказывает оценка его личности окружающими людьми. В нашем случае такая оценка личности несовершеннолетнего преступника со стороны учителей, работников милиции, следователя и других лиц отрицательная, но адвокат в ходе судебного заседания дает иногда иную, более снисходительную оценку. И такая оценка, данная адвокатом, как правило, становится основой для образования завышенной самооценки, ибо человеку свойственна потребность в одобрении своей личности и поведения.

Не менее вредно и нарочитое «очернение» личности несовершеннолетнего подсудимого и совершенного им преступления, так как оно вызывает озлобленность против всех представителей юстиции, способствует возникновению морально-психологического барьера и утере контакта, формирует заниженную и неадекватную самооценку личности, приводящую к потере перспективы возвращения в общество, придерживающееся высоких нравственных ценностей. Все это, естественно, серьезно затрудняет процесс нравственного исправления и перевоспитания правонарушителя, не только несовершеннолетнего, но в определенной мере и взрослого.

Отсюда морально-политическая оценка деяния и личности преступника в речах защитников и обвинителей должна быть полностью лишена какой-либо тенденциозности. В то же время эта оценка, ни в коей мере не «обеляя» преступника, должна способствовать формированию у него возможной перспективы возвращения к высоконравственному образу жизни в будущем.

Необходимо, чтобы речи и обвинителей, и защитников в части морально-политической оценки самого преступления и личности преступника обязательно опирались на достоверные доказательства. Они не могут носить отвлеченного характера, напоминать собой общедоступные лекции или доклады на нравственные темы. В речи прокурора мало указать на отрицательные, аморальные качества личности подсудимого, способствовавшие совершению преступления. В воспитательных целях следует показать процесс их возникновения. Важно это делать и в речи защитника, так как, вскрывая обстоятельства, способствующие развитию аморальных качеств, защитник, с одной стороны, помогает вести борьбу с этими фактами, а с другой – убеждает суд всесторонне учесть все смягчающие ответственность обстоятельства. Морально осуждая преступление, участники судебных прений должны показать аморальность позиции тех лиц, благодаря молчаливому невмешательству которых стало возможным преступление. Высокоморальным долгом и прокурора, и адвоката является освещение в речах гражданского мужества, бдительности, принципиальности и смелости граждан, оказавших помощь в раскрытии и пресечении преступлений. Все это значительно повышает нравственно-воспитательное воздействие этих выступлений.

Огромное моральное воздействие как на подсудимого, так и на других лиц оказывает справедливый, обоснованный и убедительный приговор. Моральная сторона судебного приговора играет исключительную роль в удержании неустойчивых в нравственном отношении лиц от совершения преступлений. При этом вовсе необязательно, чтобы приговор был суровым, главное – чтобы он был справедливым и убеждал в неотвратимости наказания виновных лиц.

В. И. Ленин писал, что дела необходимо выносить на публичный суд «не столько ради строгого наказания (может быть, достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных» [17, 71]. Он указывал: «Улица интересуется не только тем, даже не столько тем, – обидой, побоями, или истязаниями будет признано данное деяние, какой род и вид наказания будет за него назначен, сколько тем, чтобы до корня вскрыть к публично осветить все общественно-политические нити преступле-

ния и его значение, чтобы вынести из суда уроки общественной морали и практической политики» [67, 407–408].

Именно такие морально-политические уроки и должны содержаться в приговоре. При этом морально-политическая оценка преступления и личности преступника должна основываться на конкретных обстоятельствах дела, а не представлять общие морально-политические декларации и отвлеченные рассуждения.

Придавая первостепенное значение воспитательному, в том числе и нравственному, воздействию приговора, Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» прямо указал, что «постановленный именем государства в условиях полного осуществления демократических основ судопроизводства приговор имеет большое воспитательное и общественно-политическое значение» [95, 517]. Ведущее место в этом плане занимает справедливость приговора, которая должна быть доведена до присутствующих в зале и всех других граждан путем убеждения их в правильности выводов конкретного приговора. Это достигается подробным анализом и оценкой доказательств, логической мотивировкой квалификации совершенного преступления и особенно назначенного наказания. В необходимых случаях в описательной части обвинительного приговора должны найти отражение обстоятельства, способствовавшие моральной деградации личности преступника и совершению им преступления, имеющие уголовно-правовое значение (влияют на ответственность, квалификацию, меру наказания и т.д.). Более того, представляется ценным предложение С. Ф. Ширинского иногда указывать в приговоре на такие высокоморальные черты советских граждан, как мужество, смелость, отвага, принципиальность, благодаря которым были предупреждены или пресечены преступления [950, 124]. Все это значительно повышает нравственное воздействие приговора.

Нравственно-воспитательное значение приговора резко возрастает, когда он доводится до сведения широкой аудитории граждан, не присутствующих в судебном заседании. Это достигается направлением вступившего в законную силу приговора в коллективы трудящихся по месту работы, учебы или жительства осужденного для его обсуждения, опубликованием приговора в печати и иными способами (ст. 359 УПК).

Большое нравственное воздействие оказывает доведение до широких трудящихся масс не только обвинительного, но и оправдательного приговора. Это будет способствовать как правовой, так и нравственной реабилитации оправданного. Кроме того, обсуждение

такого приговора в коллективах трудящихся при определенных условиях может содействовать выявлению действительных преступников, если подсудимый был оправдан за недоказанностью его участия в преступлении.

Велика роль в нравственном воспитании частных (особых) определений судов, в которых следует обращать внимание не только на причины и условия, способствующие совершению преступления, но и на нарушения нравственных принципов и норм отдельными должностными лицами, выявленные в ходе судебного разбирательства, если даже такие нарушения не явились обстоятельством, способствовавшим совершению преступления. Согласно ст. 321 УПК, суд вправе частным определением обратить внимание соответствующих должностных лиц на нарушения, допущенные при производстве дознания или предварительного следствия, а также внимание общественных организаций и коллективов трудящихся на неправильное поведение отдельных граждан на производстве или в быту или на нарушение ими общественного долга, т.е. в конечном итоге на нарушение ими принципов и норм морали. В первом случае под нарушениями, допущенными при производстве дознания и предварительного следствия, следует понимать нарушения не только норм УПК (что уже само по себе аморально), но и норм профессиональной морали. Именно по этому пути и идет судебная практика.

Нравственное воздействие оказывают только конкретные и убедительные частные определения, основанные на достоверных данных. На это прямо указывается в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 14 октября 1964 г. «О практике вынесения судами частных (особых) определений по уголовным делам»: «...частное (особое) определение является коллегиальным решением суда и как всякое судебное решение должно быть постановлено на основе полного исследования в судебном заседании обстоятельств, по поводу которых оно выносится. Суды должны учитывать, что обоснованное и законное частное (особое) определение является одним из наиболее эффективных способов предупреждения преступлений и укрепления социалистической законности» [95, 529].

В этом же постановлении имеется и еще одно очень важное разъяснение, прямо касающееся проблем нравственно-воспитательного воздействия частных определений: «Обратить внимание судов, что частное (особое) определение о недобросовестном исполнении должностным лицом своих служебных обязанностей, а также о неправильном поведении отдельных граждан на производстве, в быту,

о нарушении ими общественного долга должно преследовать цель их исправления и перевоспитания» [95, 530].

Воспитательное значение частного определения, касающегося аморального поведения того или иного лица, неизмеримо возрастает, если оно оглашается сразу же после приговора, так как в этом случае присутствующие в зале убеждаются, что суд не ограничивается только разбирательством преступления и наказанием преступника, а ставит вопрос шире, как и подобает органу правосудия. Нравственно-воспитательное воздействие судебного разбирательства усиливает и оглашение после приговора частного определения о высоконравственном, благородном поступке какого-либо гражданина, например задержавшего опасного преступника [749, 15].

Частные определения указанного характера прямо не предусмотрены ст. 321 УПК Однако практика их вынесения представляется правильной, так как перечень оснований для вынесения частных определений, предусмотренный этой статьей, нельзя признать исчерпывающим. Следовало бы дополнить ст. 321 УПК, указав в ней, что основанием для вынесения частного определения является добросовестное исполнение своего гражданского и нравственного долга отдельными гражданами.

В то же время, как правильно заметил А. Меркушев, надо признать неверной еще встречающуюся практику вынесения судом частных определений о поощрении государственного обвинителя или адвоката за добросовестное выполнение ими своего профессионального и нравственного долга [574, 7], ибо эти лица обязаны всегда поступать так и только так.

Частные определения не должны дублировать представления следователя и прокурора. Важно, чтобы суды выясняли, достаточны ли меры, принятые по представлениям следователей и прокуроров, и лишь при необходимости выносили частные определения, в которые включались бы дополнительные меры предупредительного и воспитательного характера.

Нравственно-воспитательное воздействие частного определения не ограничивается оглашением его в суде. Не меньшее воспитательное значение имеет и обсуждение этого определения в том или ином коллективе. В таких обсуждениях иногда полезно участвовать судьям и другим лицам. Например, при обсуждении частного определения по делу о преступлении несовершеннолетнего большую нравственно-воспитательную пользу принесло бы приглашение педагогов, представителей комиссий по делам несовершеннолетних и детских

комнат милиции, комсомольских работников и т. д.; при обсуждении частных определений о злоупотреблении алкоголем – врачей, психиатров, представителей милиции, административных комиссий и т. д.

2. Как уже отмечалось, воспитательное воздействие суда возможно только при широкой гласности судебного разбирательства. Осуществлению принципа гласности и максимальному усилению воспитательного воздействия судебного разбирательства как на подсудимого, так и на других граждан способствуют выездные сессии суда, т. е. рассмотрение дела по месту совершения преступления, в коллективе по месту работы подсудимого или потерпевшего.

Значение выездных сессий подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности»: «... суть выездных сессий не сводится к тому, чтобы провести судебное заседание вне стен суда и максимально строго оценить содеянное преступником. Значение выездных сессий заключается прежде всего в том, чтобы наиболее актуальное и поучительное дело заслушать в присутствии широкой аудитории, для которой рассмотрение этого дела имеет большое воспитательное значение как средство предупреждения подобных преступлений или правонарушений и устранения причин и условий, способствующих их возникновению» [95, 35].

Выездная сессия суда будет оказывать воспитательное, в том числе и нравственное, воздействие только в том случае, если она хорошо подготовлена. К сожалению, бывают случаи, когда такие сессии проводятся в тесных помещениях, куда не могут попасть все желающие, или в такое время, когда лица, которым следовало бы присутствовать в суде, заняты на работе. Иногда такие сессии проводятся без участия представителей общественности (общественных обвинителей и общественных защитников) и даже прокуроров и адвокатов. Все это резко снижает воспитательное значение выездных сессий суда.

Среди практических работников распространено ошибочное мнение, будто цель выездной сессии – строго наказать подсудимого и тем самым, показав «эффективность» борьбы с преступностью, воздействовать на аудиторию, на не устойчивых в моральном отношении лиц.

Суть выездных сессий не сводится к тому, чтобы максимально строго оценить содеянное преступником. Забывая об этом и переоценивая воспитательный «эффект» строгого наказания, судьи иногда жертвуют ради него законными интересами подсудимого, и в результате этого приговор суда бывает необоснованным и несправедливым.

Только справедливый, в том числе и оправдательный, приговор, только справедливое наказание виновного содействуют правовому и нравственному воспитанию лиц, наблюдающих судебный процесс. В каждом случае, где бы ни проходил процесс, суд должен решать не отвлеченную, общую воспитательную задачу, а судьбу конкретного человека – подсудимого – и лишь на этой основе оказывать воспитательное воздействие на лиц, присутствующих в зале судебного заседания, и на подсудимого.

Нравственно-воспитательную деятельность суда нельзя ограничивать только рамками судебных заседаний. Она осуществляется и вне судебного рассмотрения уголовных дел путем приема граждан, индивидуальных бесед с правонарушителями, их родственниками, представителями коллективов, публичных выступлений на предприятиях, обсуждения приговоров в коллективах трудящихся, контроля за поведением условно осужденных лиц и т.д. Большая работа по нравственному воспитанию должна проводиться судьями во время их отчетов перед избирателями.

В отчетном докладе значительное нравственно-воспитательное воздействие на слушателей оказывает умелое использование судьей фактов, взятых из жизни того коллектива, где проводится отчет. Давая, например, анализ конкретных правонарушений, совершенных членами этого коллектива, оценивая личность правонарушителей, судья демонстрирует на конкретных фактах не только общественную опасность преступления и личности преступника, но и их глубокую аморальность, вскрывает причины и условия, способствующие совершению преступления, в том числе и безнравственное поведение отдельных членов коллектива. Подобная наглядность и убедительность являются залогом успешности нравственного воспитания.

Большую нравственно-воспитательную работу судьи должны проводить и в ходе пропаганды советских законов, при чтении лекций, на вечерах вопросов и ответов, через печать, радио и телевидение.

Эффективность всей воспитательной работы судебных органов во многом определяется тем, как в судах организован учет и анализ этой стороны судебной деятельности. В. И. Ленин еще в 1922 г. писал: «Воспитательное значение судов громадно. Где у нас забота об этом? Где учет реальных результатов? Этого нет, а это азбука всей юридической работы» [47, 397].

Судебным работникам необходимо в каждом конкретном случае по каждому уголовному делу анализировать реальные результаты своей воспитательной деятельности, использовать это для повышения эффективности воспитательной роли правосудия.

М. В. Горский

кандидат юридических наук, преподаватель

О ВКЛАДЕ ПРОФЕССОРА Г. Ф. ГОРСКОГО В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ ЭТИКИ КАК НАУКИ

В 2013 г. исполнилось ровно 40 лет с того дня, когда вышла в свет первая отечественная монография по вопросам судебной этики, написанная учеными юридического факультета Воронежского государственного университета Геннадием Федоровичем Горским, Львом Дмитриевичем Кокоревым и Дмитрием Петровичем Котовым[1]. Данная работа вызвала большой общественный резонанс среди криминалистов и процессуалистов, о чем свидетельствуют девять опубликованных рецензий в центральной печати таких ученых, как В. Г. Беляев, А. Д. Бойков, Ю. В. Кореневский, М. С. Строгович и др.

Одним из главных достоинств данной работы является более широкий подход к содержанию предмета и системы судебной этики, нежели у других исследователей, работающих в этом направлении. Вопросы нравственных начал в уголовном судопроизводстве были предметом изучения многих ученых и научных коллективов. Одним из первых, кто попытался определить предмет и систему судебной этики, был Л. Е. Ароцкер. По его мнению, судебная этика есть учение о нравственных основах профессиональной деятельности работников юстиции и экспертов, состоит она из следующих разделов: общее учение об этике и профессиональной этике; этика судей, прокуроров, следователей, адвокатов и судебных экспертов; этические нормы деятельности по расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел, осуществлению обвинения и защиты, производству судебных экспертиз. Л. Е. Ароцкер также относит к судебной этике этические нормы (этику) производства отдельных следственных и су-

[1] *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика : некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж, 1973.

© Горский М. В., 2014

дебных действий (осмотра, допроса, очной ставки, предъявления для опознания и др.)[2].

Более широко предмет судебной этики рассматривали А. Ратинов и Ю. Зархин, которые включали в него, кроме нравственных норм служебной деятельности, нормы внеслужебного поведения профессиональных участников судопроизводства[3].

По мнению же Г. Ф. Горского, Л. Д. Кокорева и Д. П. Котова, систему судебной этики можно представить следующим образом. Прежде всего в ней следует выделить общую и особенные части. В Общей части должны рассматриваться: общие положения об этике и профессиональной этике, предмет, методы, система и задачи судебной этики, общее значение и специфика нравственных отношений в судопроизводстве и исправительно-трудовой деятельности. В Особенную часть судебной этики, помимо нравственных начал служебной и внеслужебной деятельности профессиональных участников судопроизводства, предлагалось включить: особенности нравственных начал предварительного расследования и этику следователя; особенности нравственных начал судебного разбирательства и этику судьи; особенности нравственных начал прокурорской деятельности и этику прокурора; особенности нравственных начал адвокатской деятельности и адвокатскую этику; особенности нравственных начал экспертного исследования и этику эксперта; особенности нравственных начал исправительно-трудовой деятельности и этику воспитателя ИТУ; нравственное воспитание и самовоспитание следователей, судей, прокуроров, адвокатов, экспертов и воспитателей ИТУ; особенности нравственного воспитания, исправления и перевоспитания в советском уголовном и гражданском процессах; нравственное исправление и воспитание в ходе исправительно-трудового воздействия; культура судопроизводства и исправительно-трудовой деятельности; нравственные начала отдельных следственных и судебных действий (допроса, очной ставки, осмотра, предъявления для опознания, следственного эксперимента и т.д.), а также режима труда, политико-воспитательной работы, общеобразовательного и профессионально-технического обучения в ИТУ.

[2] См.: *Ароцкер Л. Е.* Тактика и этика судебного допроса. М., 1969. С. 13.

[3] См.: *Ратинов А., Захаркин Ю.* Следственная этика // Социалистическая законность. 1970. № 10. С. 35.

В 1974 г. (меньше чем через год) вышла еще одна монография по вопросам судебной этики, написанная учеными Института государства и права Академии наук СССР под редакцией известнейшего ученого-процессуалиста М. С. Строговича. К сожалению, в ней не нашел отражения анализ монографии воронежских ученых, имеется всего одна ссылка следующего содержания: «Настоящая работа была уже закончена, когда в Воронеже вышла в свет книга: Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов. Судебная этика: Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. 1973. Мы не имели возможности в нашей работе отразить содержание этой книги и рассмотреть по существу излагаемые в ней положения. Укажем лишь следующее. Книга воронежских авторов – первое монографическое исследование по судебной этике, опубликованное в советской юридической печати, и она, по нашему мнению, в целом заслуживает положительной оценки. Вместе с тем в ней есть ряд недостатков, спорных положений. Надо полагать, что эта работа подвергнется разбору и обсуждению на страницах печати»[4].

Здесь хотелось бы отметить, что в монографии «Проблемы судебной этики» под редакцией М. С. Строговича, несмотря на ее неоценимый вклад в развитие процессуальной науки, уделяется слабое внимание общетеоретическим вопросам судебной этики, а именно ее сущности и системе. Так, во втором параграфе первой главы «Судебная этика. Понятие, содержание и система» дается понятие судебной этики, уделяется особое внимание важному положению о том, что судебная этика как любая профессиональная этика должна изучать применение общих норм нравственности в специфических условиях судебной деятельности, а вовсе не создавать каких-либо особых нравственных норм для судей, прокуроров, следователей и адвокатов. Основное содержание параграфа посвящено критике работ Л. Е. Ароцкера и других ученых о допустимости применения конкретных тактических приемов судебного допроса. Системе же судебной этики в монографии под редакцией М. С. Строговича посвящен всего один абзац, в котором указано, что вопрос о системе судебной этики, о перечне подлежащих исследованию в ней проблем не подвергался еще детальной разработке. В самом общем виде можно при-

[4] Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М., 1974. С. 13.

нять разделение судебной этики на Общую и Особенную части. В Общей части рассматриваются общие теоретические вопросы о природе этой науки, о методах, исследования судебно-этических проблем, о нравственных основах уголовно-процессуального законодательства и ряд других, а в Особенной части – этические аспекты деятельности судей, прокуроров, следователей, адвокатов[5]. Тогда как в монографии Г. Ф. Горского, Л. Д. Кокорева, Д. П. Котова определяется понятие судебной этики, подробно разработана система науки, определены стоящие перед ней задачи, научные методы, определено место и взаимосвязь судебной этики и других наук, намечены перспективы развития судебной этики как науки и учебной дисциплины.

В рассматриваемой монографии непосредственно Г. Ф. Горским написаны разделы о понятии судебной этики и ее значении в уголовном судопроизводстве, о нравственных началах предварительного расследования, о нравственном воспитании в советском уголовном судопроизводстве. Автор пишет о сущности профессиональной этики и профессиональной морали, о нравственных началах следственных действий и о нравственной стороне так называемых «следственных хитростей», о необходимых нравственных качествах и о возможной профессиональной деформации следователя. Г. Ф. Горский отмечает, что актуальной задачей судебной этики является не только рассмотрение этических требований к самим тактическим приемам, но и анализ и уяснение нравственных оснований их применения, а также нравственных оснований применения конкретных правовых норм материального и процессуального права. Особое внимание автор уделяет нравственной стороне взаимодействия следователя с защитником, специалистами, экспертами, оперативными сотрудниками, надзирающим прокурором, руководителем и членами следственной бригады (группы). Рассмотрены им и другие спорные проблемы судебной этики, правильное решение которых должно содействовать совершенствованию тактической деятельности следователя.

В работе указывается, что недопустимы такие средства, как ложь, обман, игра на низменных свойствах и страстях, использование невежества, суеверия и предрассудков, гипноз, наркоз. Конечно же, недопустимыми являются насилие, издевательства, угрозы,

[5] См.: Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. С. 21.

прямо запрещенные законом. В работе обращается особое внимание на то, что недопустимо не только физическое, но и психическое насилие, которое ограничивает или вообще лишает определенное лицо (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и т.д.) возможности выбора собственной линии поведения. Психическим насилием следует, например, считать не только угрозы ухудшить положение допрашиваемого, но и обещания улучшить его положение (например, освобождение из-под стражи в случае дачи нужных следствию показаний и т.п.).

В настоящее время вопрос о допустимости применения насилия в уголовном судопроизводстве является весьма актуальным. Так, появляются работы, в которых говорится о допустимости применения насилия при осуществлении производства по уголовному делу. В частности, А. Р. Белкин отмечает: «чем иным, как не насилием над личностью, может считаться применение любой меры пресечения, вплоть до заключения под стражу, задержание, привод, принудительное освидетельствование или получение образцов крови для сравнительного исследования?»[6]. Далее автор указывает на возможные по закону формы психологического насилия (например, понуждение к дачи показаний путем сообщения об ответственности за отказ давать показания). Нам представляется, что в данном случае автор смешивает понятия насилия и принуждения. Из общей теории государства и права всем хорошо известно, что принуждение является необходимым признаком, свойством государства, поскольку на него возложено выполнение главной задачи: защиты прав и законных интересов граждан. Система мер государственного принуждения в области уголовного судопроизводства обладает наиболее «грозной» спецификой, по сравнению с иными ее видами, поскольку уголовно-процессуальные отношения возникли из-за совершенного преступления. Именно поэтому правом применять такие меры обладают только специально уполномоченные должностные лица соответствующих государственных органов в четко определенных законом случаях. А те меры принуждения, которые связаны с ограничением конституционных прав граждан, возможно применять только по решению суда.

[6] *Белкин А. Р.* Допустимость насилия в уголовном судопроизводстве России // Криминалистъ первопечатный. 2012. № 5. С. 53.

В. Ю. Шепитько, отмечая важность разграничения понятий воздействия и насилия[7], указывает, что воздействие отличается от последнего своей позитивной направленностью, характеризуется свободой выбора той или иной позиции и не содержит в своем составе элементов принуждения[8].

По нашему мнению, следует разделять, с психологической и этической точек зрения, все три понятия: воздействие, принуждение и насилие. Воздействие является более общим, родовым понятием. К допустимым формам воздействия следует отнести убеждение, принуждение, основанное на нормах закона и морали, и внушение. Насилие – это негативная форма принуждения. Кроме того, допущение существования законных форм насилия в уголовном судопроизводстве, о которых говорит А. Р. Белкин, на наш взгляд, не улучшит и без того тяжелую ситуацию, связанную с применением незаконных методов и средств получения признательных показаний, сложившуюся в настоящее время[9].

В монографии «Судебная этика...» Г. Ф. Горский указывает на недопустимость причинения не только физического и психического насилия, но и материального и морального вреда отдельным лицам, хотя существуют случаи, когда следователь, в силу закона, вынужден причинять такой вред. Автор указывает на необходимость распространения правила, существовавшего в УПК РСФСР относительно производства обыска – о принятии мер к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска и выемки обстоятельства интимной жизни проживающих лиц, и на производство других следственных действий. Ученый констатирует, что моральный вред при указанных следственных действиях должен быть сведен к минимуму, а обыски следует проводить в самых крайних случаях, когда без них действительно нельзя обойтись. К сожалению, в

[7] К сожалению, в статье не раскрывается отличие насилия от принуждения.

[8] См.: *Шепитько В. Ю*. Воздействие в уголовном судопроизводстве : проблема правомерности и допустимости // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 15. Воронеж, 2013. С. 329.

[9] Конкретные социологические данные о применении незаконных методов принуждения к дачи показаний см.: *Баев О. Я*. Методические основы и типовые программы расследования принуждения к дачи показаний : научно-практическое пособие. М., 2013. С. 6 ; *Шепитько В. Ю.* Допустимость психологического воздействия в следственной деятельности и средства криминалистической тактики // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 12. Воронеж, 2010. С. 370.

последнее время мы все чаще видим, что по многим, особенно по «громким» коррупционным, уголовным делам представители правоохранительных органов сознательно придают огласке через СМИ данные о личной жизни фигурантов дела (демонстрируя видеозаписи производства следственных действий. Всё это, несомненно, свидетельствует о необходимости возвращения к обсуждению указанной проблемы.

Особое внимание Г. Ф. Горский уделяет проблеме допустимости так называемых «следственных хитростей». Автор указывает, что не следует под хитростью понимать обман и ложь, которые наносят невосполнимый ущерб следствию, подрывают авторитет правоохранительных органов, сводят на нет их воспитательное воздействие. Действительно, какое моральное право порицать поступки лица, совершившего, например, хищение путем обмана (мошенничество), будет иметь следователь и суд, если в ходе производства по делу применялись приемы, основанные на обмане и лжи? Г. Ф. Горский отмечает, что под «хитростью» следует понимать изобретательность, высокое умение следователя в оценке и использовании (маневрировании) информацией. Здесь хотелось бы отметить, что, по нашему мнению, не следует считать обманом сокрытие, утаивание следователем информации о ходе расследования, поскольку тайна предварительного расследования гарантируется законом.

В монографии «Судебная этика...» анализируется широкий перечень тактических приемов, относящихся к «следственным хитростям», даются конкретные рекомендации по их применению в ходе производства расследования. Г. Ф. Горский рассматривает проблему допустимости постановки «улавливающих», косвенных, условных вопросов; говорит о запрете наводящих и оскорбительных вопросов не только в ходе допроса, но и в ходе других следственных действий.

В завершение хочется отметить, что исследования воронежских ученых в области судебной этики внесли значительный вклад в становление и развитие новой отрасли науки. Высказанные ими 40 лет назад идеи не только не потеряли актуальности в нынешние дни, но, напротив, ждут новых научных подходов в их реализации.

Я. В. Комиссарова

кандидат юридических наук, доцент

ПСИХОЛОГО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРУДА ЭКСПЕРТА

В рамках деятельностного подхода специфика взаимодействия человека с окружающим миром в наиболее общем виде выражается триадой «субъект – деятельность – объект». Важнейшей особенностью подобного рода систем является то, что определяются они и функционируют целиком: любой элемент выявляется через целое и два других, даже если по ходу исследования внимание концентрируется на одном из них[1].

В ходе изучения уголовно-процессуальной деятельности наиболее подробно рассматриваются структура и содержание составляющих ее действий – оглавление учебников по уголовно-процессуальному праву – лучшее тому подтверждение. В литературе по проблемам судебно-экспертной деятельности больше места отводится анализу личности субъекта, который может быть назначен экспертом либо по должности уже является государственным судебным экспертом.

Связующим звеном уголовно-процессуальной и судебно-экспертной деятельности является деятельность эксперта. При производстве экспертизы субъект, назначенный экспертом, фокусируется на цели исследования, самостоятельно планирует и осуществляет действия и операции, направленные на получение информации, интересующей правоприменителя, представляет результаты своей работы в виде заключения. Деятельность – это движение, за которым стоит человек, что обусловливает актуальность анализа деятельности эксперта в категориях психологии.

В рамках общей и дифференциальной возрастной, социальной, юридической, клинической, инженерной психологии изучаются механизмы, обеспечивающие продуктивность деятельности личности; способности человека как залог успешного выполнения

[1] См.: *Стрелков Ю. К.* Инженерная и профессиональная психология : учеб. пособие. М., 2001. С. 35–36.

© Комиссарова Я. В., 2014

деятельности; индивидуальный стиль, являющийся формой выражения личности в деятельности; множество иных проблем развития и социальной активности личности. Однако психологи бьют тревогу: в психологических исследованиях формирования и развития личности в разных социальных системах наметилась нежелательная тенденция. В работах не раскрывается, как темп и качество развития личности в одной области социальной действительности (например, в труде) связаны с характеристиками ее развития в других сферах общественного бытия, хотя очевидно, что изучение личности должно быть междисциплинарным[2].

Подобные проблемы имеют место и в юриспруденции. Многие известные ученые (О. Я. Баев, Н. Т. Ведерников, Л. М. Володина, А. Ф. Волынский, Г. Ф. Горский, В. Н. Григорьев, В. А. Жбанков, О. А. Зайцев, Е. П. Ищенко, А. В. Дулов, Л. Л. Каневский, В. М. Корнуков, В. А. Образцов, А. Б. Соловьев, С. А. Шейфер, В. Ю. Шепитько, С. П. Щерба, Н. П. Яблоков и др.) уделяли внимание криминалистическим и процессуальным аспектам изучения личности и правового положения участников уголовного судопроизводства. В то же время, столкнувшись с необходимостью подготовки рабочей программы учебной дисциплины «Криминалистическое изучение личности» в целях наполнения вариативной части магистерской программы «Криминалистическое обеспечение уголовного преследования», автор статьи не смогла найти достаточного количества источников, в которых характеристика личности участников процесса, не имеющих материально-правового интереса в деле, была бы дана с современных научных позиций[3].

На наш взгляд, без уяснения баланса «профессионального» и «процессуального» при производстве судебной экспертизы нельзя всесторонне исследовать правовое положение носителей специальных знаний, с тем чтобы верно определить, в какой именно

[2] См.: *Куликов Л. В.* Психология личности в трудах отечественных психологов : хрестоматия. 2-е изд. СПб., 2009. С. 212–213, 235.

[3] В качестве исключения можно назвать работу Е. Е. Кискиной, посвященную криминалистическим и психологическим аспектам деятельности судебного эксперта (см.: *Кискина Е. Е.* Криминалистические и психологические аспекты деятельности судебного эксперта : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009).

корректировке оно нуждается, учитывая необходимость повышения эффективности российского правосудия.

В качестве трудовой деятельности в психологии рассматриваются некоторые социально обусловленные виды деятельности и ее общественно полезные формы. Знания о труде, человеке как субъекте труда, различных видах трудовой профессиональной деятельности обобщаются и приумножаются самостоятельной отраслью психологии – психологией труда, большой вклад в развитие которой внесли Е. А. Климов, Ю. Б. Котелова, Н. Д. Левитов, К. К. Платонов, Ю. К. Стрелков, В. Д. Шадриков и другие ученые.

В теории и на практике содержание категорий «труд» и «деятельность» нередко раскрывается путем использования целого ряда понятий: работа, трудовая и профессиональная деятельность, профессия, специальность, должность, квалификация и т.п. Поскольку нас интересует деятельность эксперта в статусе участника уголовного судопроизводства как одна из форм общественно полезной деятельности человека, попытаемся разобраться в сути и соотношении некоторых из перечисленных понятий.

Используя термин «труд», мы, вслед за Е. А. Климовым, А. К. Марковой, В. Д. Шадриковым и другими учеными[4], будем иметь в виду «деятельность», учитывая толкование этих слов в русском языке. Из пяти определений слова «труд», содержащихся в Толковом словаре русского языка, наиболее важны в приложении к целям нашего исследования первые два: «целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей»; «работа, занятие»[5].

Слово «профессия» в русском языке имеет только одно значение – основной род занятий, трудовой деятельности[6], а слово «профессиональный» является многозначным: 1) это может быть прилагательное, употребляемое в том же значении, что и существительное «профессия»; 2) полная форма – занимающийся чем-нибудь как профессией, а также являющийся профессией; 3) речь

[4] См., например: *Маркова А. К.* Психология профессионализма. М., 1996. С. 10 ; *Шадриков В. Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982. С. 22.

[5] См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 164, 814.

[6] См.: Там же. С. 626.

может идти о чем-то, что полностью отвечает требованиям данного производства, данной области деятельности[7].

Ученые рассматривают понятие профессии в различных аспектах. Так, Е. А. Климов отмечает, что сам термин может быть использован для обозначения: области приложения сил человека как субъекта труда; общности людей-профессионалов; подготовленности человека к труду; процесса реализации трудовых функций[8]. Он видит в профессии некую объективную и совершенно регламентированную организацию действий личности[9]. А. К. Маркова указывает, что профессия – это исторически возникшие нормы деятельности, необходимые обществу, для выполнения которых человек должен обладать суммой знаний и навыков, иметь соответствующие способности и профессионально важные качества[10].

Изложенное свидетельствует о том, что понятие «профессиональная деятельность» по объему у́же понятия «трудовая деятельность», т.е. не всякая трудовая деятельность человека является для него профессиональной.

Вид занятия в рамках одной профессии в науке нередко характеризуется термином «специальность»[11], в то же время в русском языке слова «специальность» и «профессия» могут употребляться в качестве синонимов; кроме того, «специальность» в одном из своих значений определяется как отдельная отрасль науки, техники, мастерства или искусства[12]. В Толковом словаре русского языка ставится знак равенства между словами «профессия», «специальность» и «квалификация», хотя «квалификация» – это и оценочная деятельность (производное существительное от глагола «квалифицировать»), и степень годности к какому-нибудь виду труда, уровень подготовленности[13]. Последнее из приведенных толкований близко к научному пониманию термина «квалификация» – сложная система специальных знаний, умений и навыков, позволя-

[7] См.: Там же.

[8] См.: *Климов Е. А.* Введение в психологию труда. М., 1988. С. 107.

[9] См.: *Климов Е. А.* Об образе мира у представителей разнотипных профессий // Психологическое обозрение. 1995. № 1. С. 26.

[10] См.: *Маркова А. К.* Психология профессионализма. С. 15.

[11] См., например: *Пряжников Н. С.* Психологический смысл труда. М. ; Воронеж, 1997. С. 35.

[12] См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. С. 755.

[13] См.: Там же. С. 271.

ющих человеку успешно решать задачи деятельности, выполнять свои функциональные обязанности[14].

Для юриспруденции, начиная со ст. 37 Конституции Российской Федерации, провозглашающей свободу труда и закрепляющей право каждого распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, получать вознаграждение за труд, характерно более широкое употребление терминов «труд», «работа» по сравнению с термином «трудовая деятельность». Например, в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) нет статьи, посвященной толкованию основных понятий, используемых в Кодексе. Однако содержащаяся в ст. 15 ТК РФ расшифровка понятия «трудовые отношения» в определенной мере отражает позицию законодателя по исследуемому нами вопросу – в качестве трудовых рассматриваются отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по определенной специальности, квалификации или должности), подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством, коллективным договором, соглашениями, трудовым договором.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) используется иная терминология. Согласно ст. 107, производственным кооперативом (артелью) признается добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности, основанной на их личном трудовом и ином участии и объединении его членами (участниками) имущественных паевых взносов. В свою очередь, в ст. 702 предусматривается, что по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

Так или иначе, закрепляя право граждан на оплату труда, законодатель акцентирует внимание на чрезвычайно важной с точки зрения юриспруденции связи трудовой деятельности с получением дохода, отражающей выработанный в психологии подход к соотношению

[14] См., например: *Енгалычев В. Ф.* Профессиональная компетентность специалиста в практической юридической психологии. М., 2004. С. 132.

понятий «деятельность» и «потребность». В свое время А. Н. Леонтьев писал, что «мы всегда имеем дело с особенными деятельностями, каждая из которых отвечает определенной потребности, угасает в результате ее удовлетворения и воспроизводится вновь»[15]. Трудовая деятельность, как любая иная «особенная деятельность», позволяет человеку удовлетворять множество потребностей, отчасти – напрямую, в процессе труда, отчасти – опосредованным образом, благодаря использованию вознаграждения за труд.

Вместе с тем понятия «занятие», «профессия», «специальность», «квалификация» правоведы зачастую трактуют не совсем так, как это принято в психологии и языковой практике. Специфика взаимодействий рабочих и служащих с объектами труда предопределила свойственное юриспруденции применение термина «профессия» исключительно в связи с трудовой деятельностью рабочего, тогда как особенности социально-правового режима труда служащего определяются квалификационной характеристикой занимаемой им должности[16]. Прослеживаются дополнительные, помимо отмеченных, различия в нормативном толковании терминов «профессия» и «занятие».

Так, в Общероссийском классификаторе занятий ОК 010-93 (далее – ОКЗ), утвержденном постановлением Госстандарта РФ от 30 декабря 1993 г. № 298, разработанном в соответствии с «Государственной программой перехода Российской Федерации на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованиями развития рыночной экономики», утвержденной Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 октября 1992 г. № 3708-1, содержится перечень видов трудовой деятельности, предназначенный для решения широкого круга задач, касающихся регулирования социально-трудовых отношений, оценки состояния и динамики изменений структуры рабочей силы, а также показателей в сфере занятости и профессионального образования[17]. Как следует из текста документа систематизация видов трудовой деятельности, принятая в ОКЗ, в основном соответствует Международной стандартной классификации заня-

[15] *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., 1977. С. 102.

[16] В русском языке «должность» – служебная обязанность, служебное место (см.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 173).

[17] Доступ из информ.-правовой системы «Гарант». URL: http://base.garant.ru/179057.htm (дата обращения: 19.03.2010).

тий: «Классификационной единицей ОКЗ является вид трудовой деятельности (занятие), основу которого составляет квалификация (профессиональное мастерство) и профессиональная специализация. В отличие от профессии, подразумевающей обязательную профессиональную подготовку, под занятием понимают любой вид деятельности, в том числе не требующий специальной подготовки, приносящий заработок или доход. Объектами классификации являются однородные, с точки зрения содержания работ, укрупненные группировки профессий рабочих и должностей служащих».

Указание на различие понятий «занятие», «профессия», «должность» содержится в Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов, принятом постановлением Госстандарта РФ от 26 декабря 1994 г. № 367 (действующим с 1 января 1996 г.)[18], также подготовленным в рамках выполнения «Государственной программы перехода Российской Федерации на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованиями развития рыночной экономики».

Дифференциация терминов «профессия» и «занятие», отражающая связь труда и обучения как самостоятельных видов человеческой деятельности, имеет важное прикладное значение. В литературе по проблемам судебной экспертизы понятие «компетентность эксперта» нередко увязывается с наличием у лица, назначаемого экспертом, высшего профессионального образования, подтвержденного дипломом государственного образца[19]. Для того чтобы определить – насколько в принципе такой подход правомерен, следует убедиться, что мы имеем дело: а) с трудовой деятельностью и б) с профессиональной деятельностью эксперта в статусе участника процесса.

Согласно ст. 13 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Россий-ской Федерации» (далее – ФЗ о ГСЭД)[20], должность эксперта в

[18] Доступ из информ.-правовой системы «Гарант» : URL: http://base.garant.ru/1548770.htm (дата обращения: 19.03.2010).

[19] См., например: *Шапиро Л. Г., Степанов В. В*. Специальные знания в уголовном судопроизводстве. М., 2008. С. 153.

[20] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации с высшим профессиональным образованием, прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее специальное экспертное образование. В соответствии со ст. 12 ФЗ о ГСЭД государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей. В УПК РФ не предусматриваются какие-либо основания для разграничения статуса лиц, вовлекаемых в уголовный процесс в качестве государственных и негосударственных судебных экспертов. Да и сам термин «государственный судебный эксперт» упоминается только в ч. 2 ст. 195 УПК РФ, где в очередной раз подчеркивается равноправие лиц, которым может быть поручено производство судебной экспертизы.

Изложенное обусловливает необходимость поиска ответов на вопросы: является ли деятельность сотрудников экспертных учреждений (государственных и негосударственных) трудовой не только по правовой форме, но и по своему психологическому содержанию; имеются ли в деятельности лиц, проводящих судебные экспертизы по долгу службы, и тех, кто эпизодически участвует в судопроизводстве, какие-либо различия; может ли с позиций психологии и юриспруденции идти речь о профессии «судебный эксперт»?

Тридцать лет назад Х. Г. Мелконян пришел к выводу, что профессию судебного эксперта, возникшую на стыке нескольких видов деятельности в результате соединения, сочетания, совмещения, интеграции различных элементов, можно считать сформировавшейся; им было предложено определение «судебно-экспертной профессии» как обусловленного потребностями следственной и судебной практики самостоятельного вида высококвалифицированной трудовой деятельности эксперта – сотрудника судебно-экспертного учреждения, основанной на применении им своих специальных знаний в науке, технике, искусстве и ремесле, в целях решения поставленных органами расследования и судами задач

путем производства судебной экспертизы[21]. Правда, констатируя, что «цельных монографических разработок, специально посвященных исследованию профессии судебного эксперта, проблемам совершенствования экспертных кадров еще не было», стесненный рамками статьи автор развернутого обоснования изложенной позиции привести не смог, сославшись на то, что в скором времени по обозначенной проблематике подготовит учебно-методическое пособие[22]. Пособие в свет так и не вышло. Поэтому вопрос о том, что скрывается за дефиницией, предложенной Х. Г. Мелконяном, – различия в деятельности сотрудников судебно-экспертных учреждений и тех, кто к таковым не относится, или же дань времени, когда подавляющее большинство экспертиз проводилось силами судебно-экспертных учреждений, остался открытым.

Чтобы сегодня ответить на все вышеперечисленные вопросы, необходимо проанализировать психологические составляющие труда эксперта.

По сути, трудовая деятельность представляет собой взаимодействие субъекта с объектом труда, что априори обусловливает необходимость развернутой характеристики:

а) собственно труда как формы общественно полезной деятельности;

б) субъекта трудовой деятельности с учетом объективных характеристик личности, социальной и профессиональной когнитивно-мотивационных структур, психологической структуры «отдельной» деятельности, эмоционально-волевой структуры субъекта труда;

в) объекта труда с его социальными характеристиками и направленностью, историей и перспективами развития определенного трудового процесса, структурой трудового процесса как такового и операционально-технической структурой труда[23].

В обозначенном ракурсе всесторонний анализ деятельности эксперта возможен исключительно в рамках психологии труда и юридической психологии. Однако общий анализ содержания трудовой деятельности эксперта в целях выявления специфики его

[21] См.: *Мелконян Х. Г.* О профессии судебного эксперта и некоторых проблемах подготовки экспертных кадров // Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы : сб. науч. тр. М., 1984. С. 80–81.

[22] См.: Там же. С. 73–74.

[23] Подробнее по данному вопросу см., например: *Иванова Е. М.* Психотехнология изучения человека в трудовой деятельности. М., 1992. С. 32–33.

статуса как участника уголовного судопроизводства представляется вполне посильной задачей.

Наиболее подробно психологическое содержание труда было проанализировано Е. А. Климовым, который рассматривал труд как социально значимую продуктивную деятельность человека, с субъективной стороны отличающуюся следующими особенностями: во-первых, сознательным предвосхищением социально полезного результата; во-вторых, сознанием обязательности достижения социально фиксированной цели; в-третьих, сознательным выбором, применением, совершенствованием или созданием орудий труда, средств деятельности; в-четвертых, осознанием межлюдских производственных зависимостей – «живых» и «овеществленных»[24].

Ученый исследовал когнитивные компоненты каждого из перечисленных психологических признаков труда, предполагающие знание и понимание основных условий и явлений, связанных с деятельностью, их аффективную составляющую, связанную с эмоциональной оценкой происходящего, раскрыл через градуальную оценку содержание каждого из компонентов. Отмечая важность изучения трудовой деятельности не только с точки зрения ее объективного содержания, но и со стороны внутренней, субъективной, Е. А. Климов неоднократно подчеркивал, что некая наблюдаемая активность человека может быть отнесена к психологическому понятию «труд» лишь тогда, когда ей присущи все четыре признака в своей совокупности[25].

Это значит, что человек может «трудиться», совершая какое-либо полезное действие, соответствующее всем вышеперечисленным признакам, даже тогда, когда не исполняет своих непосредственных обязанностей (к примеру, во время отпуска). И наоборот, если человек находится на рабочем месте, но не осознает цели своего труда и не чувствует ответственности перед коллегами, то осуществляемая им общественно полезная деятельность не является трудовой с позиций психологии, хотя может высоко оплачиваться как труд согласно закону[26].

[24] См.: *Климов Е. А.* Человек как субъект труда и проблемы психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 8.

[25] См.: *Его же*. Психология профессионала. М. ; Воронеж, 1996. С. 214–230.

[26] См.: *Пряжникова Е. Ю.* Психология труда : теория и практика : учеб. для бакалавров. М., 2012. С. 85.

Изложенное позволяет исследовать трудовую деятельность носителей специальных знаний при участии в доказывании независимо от того, кому будет поручено производство экспертизы по уголовному делу – государственному судебному эксперту или лицу, таковым не являющемуся.

Что касается первого из четырех психологических признаков труда – сознательного предвосхищения социально полезного результата, представляется очевидным, что любой человек, назначаемый экспертом, способен оценить значимость и социальную пользу своей деятельности. Данное утверждение справедливо не только по отношению к сотрудникам негосударственных и государственных судебно-экспертных учреждений (далее – ГСЭУ), но и по отношению к тем, кто эпизодически участвует в судопроизводстве.

Результаты труда эксперта высоко ценятся в обществе как минимум с формальной точки зрения. В ФЗ о ГСЭД, т.е. на самом высоком уровне нормативного регулирования экспертной деятельности, закреплены такие принципы ее осуществления, как независимость эксперта, объективность, всесторонность и полнота проведения исследований. Заключение, составленное экспертом, является доказательством. Даже если лицо, назначившее экспертизу, не согласно с теми выводами, к которым пришел эксперт, и в дальнейшем они будут опровергнуты, эксперт вправе остаться при своем мнении.

Зачастую сама атмосфера кабинета следователя или зала судебного заседания оказывает мощное психологическое воздействие на человека, далекого от юриспруденции, вовлекаемого в судопроизводство в статусе эксперта, заставляя по-новому взглянуть на собственные трудовые достижения. Этому в немалой степени способствуют средства массовой информации. Современному человеку словосочетание «по оценкам экспертов…» хорошо знакомо. Нет нужды пояснять, что речь идет о тех, кто уполномочен высказывать свое компетентное мнение или оценивать чужой труд.

Беспокойство вызывает другое – то, как сказывается специфика данного психологического признака труда эксперта на его деятельности, на эффективности использования специальных знаний в доказывании.

Еще в 1913 г. известный санитарный врач и деятель в области санитарной статистики С. М. Богословский в работе «Система

профессиональной классификации» писал, что профессия есть такая деятельность, посредством которой «лицо участвует в жизни общества и которая служит ему главным источником материальных средств к существованию», при условии, что эта деятельность «признается за профессию личным самосознанием» человека[27].

Сегодня завышенная самооценка некоторых частнопрактику-ющих специалистов, гордо именующих себя «экспертами-профессионалами», на практике создает проблемы. Растет число случаев, когда, «прикрываясь множеством надуманных регалий, вымышленными экспертными специальностями, мифическим многолетним “экспертным” стажем, “самоиздатовскими” публикациями и даже “служебными” удостоверениями руководителя “экспертного” отдела или “экспертной службы” какой-нибудь коммерческой или общественной организации, за производство экспертизы берутся некомпетентные и несведущие в данном роде судебной экспертизы лица, скрывающие под маской псевдонаукообразия своего заключения неполноту и недоброкачественность проведенной экспертизы»[28].

Возможно, поэтому следователи не спешат поручать производство экспертиз лицам, не являющимся государственными судебными экспертами (об этом сообщили 56,8 и 54,4 % участников анкетирования, опрошенных нами в 2003–2004 гг. и 2009–2010 гг.). Хотя в целом за истекшие годы они стали чаще прибегать к их помощи (вариант «часто» на первом этапе анкетирования выбрали 3,7 %, на втором – 24,6 % опрошенных; вариант «никогда» – 39,5 и 21,1 % опрошенных). Большинство опрошенных (70 % на каждом из этапов) отметили, что при поручении производства экспертизы субъектам, не входящим в число государственных судебных экспертов, они интересовались их компетентностью. Впрочем, это мало что дает.

В 98 (6 %) из изученных нами 1638 заключений эксперта и специалиста были обнаружены не являющиеся документами государственного образца «дипломы», «свидетельства» и прочие

[27] Цит. по: *Климов Е. А., Носкова О. Г.* История психологии труда в России : учеб. пособие. М., 1992. С. 161.

[28] *Галяшина Е. И., Галяшин Н. В.* К вопросу об оценке адвокатом-защитником заключения негосударственного судебного эксперта // Адвокатура. Государство. Общество : сб. материалов V ежегодной науч.-практ. конференции. 2008 г. / Федеральная палата адвокатов РФ. М., 2008. С. 255.

документы, подтверждающие «квалификацию» экспертов, оформленные с нарушением требований ГОСТ Р 6.30-2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов»[29]. Причем, если в 2001–2004 гг. это были 5 заключений (1 %) из 472, то в 2009–2012 гг. – 68 (8,7 %) из 782. В изученных заключениях, составленных по гражданским делам государственными, негосударственными экспертами, частнопрактикующими специалистами на основании определений суда, а также заключениях специалиста (актах экспертизы), составленных носителями специальных знаний на основании запросов юридических и физических лиц, документы негосударственного образца встречались значительно чаще.

Относительно осознания субъектом обязательности достижения социально фиксированной цели надо сказать, что его проявление связано с пониманием существующего порядка, режима (в том числе правового), объективности технологического процесса и, конечно же, ответственности перед определенными лицами за ход и результаты работы. Как в деятельности сотрудников экспертных учреждений, так и в деятельности тех, кто к их числу не относится, данный признак присутствует, поскольку процессуальным законодательством предусматривается обязательность разъяснения лицу, назначаемому экспертом, прав и обязанностей, предоставляемых ему в рамках того или иного юридического процесса, условий несения уголовной ответственности в случаях, оговоренных законом.

Необходимость выполнения организационных и исследовательских действий в строгом соответствии с требованиями нормативных правовых актов разного уровня для сотрудника экспертного учреждения очевидна практически с первых дней работы. В ГСЭУ в соответствии со ст. 13 ФЗ о ГСЭД и нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти реализуется достаточно жесткий порядок определения

[29] О принятии и введении в действие государственного стандарта Российской Федерации : постановление Госстандарта РФ от 03.03.2003 № 65-ст (вместе с «ГОСТ Р 6.30-2003. Государственный стандарт Российской Федерации. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уровня профессиональной подготовки экспертов, их аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы и переаттестации. В негосударственных структурах, для которых проведение экспертных исследований является одним из направлений деятельности, таких как, к примеру, Торгово-промышленная палата Российской Федерации (далее – ТПП РФ), тоже предусматривается особый порядок аттестации экспертов. Обязательным этапом при этом является изучение требований действующего законодательства, касающихся процедуры производства экспертиз по заявкам юридических и физических лиц, заданиям следственных и судебных органов. Таким образом, эксперт, осознавая объективный характер существующих условий труда, проникается ответственностью перед руководством и членами трудового коллектива за соблюдение порядка и результаты своей деятельности.

Учитывая специфику экспертной деятельности, можно заметить, что обеспокоенность ходом работы, ее результативностью и востребованностью, как правило, пробуждает в экспертах чувство долга и ответственности не только перед сослуживцами, но и перед коллегами в широком смысле этого слова. Положительная оценка его труда со стороны квалифицированных специалистов в той же области знания важна для эксперта. В определенной мере связанные с этим опасения по поводу потери статуса в конкретной социальной группе, как и сомнения относительно собственных возможностей при необходимости приспособления к изменениям условий труда, независимо от реальных результатов работы оказывают регулирующее воздействие на деятельность эксперта.

Значимость соблюдения порядка производства экспертных исследований для достижения целей проведения экспертизы и решения задач, поставленных перед экспертом, трудно переоценить. Общефилософский подход к определению соотношения таких категорий, как «содержание» и «форма», когда признается их диалектическое единство, но зачастую отмечается ведущая роль содержания, в области судопроизводства реализуется более жестко: ст. 75 УПК РФ гласит, что доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использованы для доказывания любого из обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Так, независимо от степени объективности, всесторонности и полноты проведенных исследований, одного факта переговоров эксперта без ведома следователя и суда с кем-либо из участников процесса по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы, может оказаться достаточно для исключения составленного им заключения из числа доказательств по делу. В п. 1 ч. 4 ст. 57 УПК РФ прямо сказано, что вести такого рода переговоры эксперт не вправе. Среди изученных нами приговоров по делам о преступлениях против личности и против собственности в период с 2001 по 2012 г. по указанной причине не были включены в число доказательств 7 заключений экспертов-почерковедов и 3 заключения экспертов-психиатров.

В то же время по вопросу о допустимости/недопустимости неофициального общения следователя с экспертом по поводу его версий и выводов, не нашедших отражения в заключении, практические работники занимают иную позицию. В 1994–1995 гг. 95 % опрошенных нами следователей указали, что в интересах дела такого рода общение допустимо, в 2003–2004 гг. так ответили 76,5 %, а в 2009–2010 гг. – 86,8 % опрошенных. Свыше 50 % экспертов, принимавших участие в анкетировании на каждом из этапов, мнение следователей разделяют. Возможно, поэтому 83 % из числа опрошенных в 1994–1995 гг., 55 – в 2003–2004 гг., 53,4 % – в 2009–2010 гг. приходилось отвечать на неофициальные вопросы назначавших экспертизу должностных лиц.

Число следователей, являющихся противниками сложившейся практики, за истекшие 15 лет не превысило 7 %, а вот экспертов стало значительно больше – 41,2 % (2009–2010 гг.) по сравнению с 2003–2004 гг. – 14,1 %. Аргументируя свою точку зрения, опрошенные указывали на необходимость обеспечения независимости эксперта (опасность давления на него и даже возможность «сговора» со стороной обвинения), что в условиях действия принципа состязательности сторон нам представляется правильным.

Понимание порядка достижения социально фиксированной цели тесно связано с ответственностью субъекта за совершаемые действия. Поэтому определенную роль в формировании у лиц, участвующих в судопроизводстве в статусе экспертов, чувства профессионального долга призвано было сыграть разъяснение ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за разглашение

данных предварительного расследования по ст. 307 и 310 УК РФ. С учетом особенностей человеческой психики существование «угрозы наказания» само по себе может оказывать психологическое воздействие на человека, фокусируя его внимание на необходимости добросовестного исполнения своих функциональных и процессуальных обязанностей. К сожалению, стремящаяся к нулю статистика по делам данной категории заметно снижает эффективность предупреждения эксперта об уголовной ответственности за действия, совершение которых трудно доказать.

О таком психологическом признаке труда, как сознательный выбор, применение, совершенствование или создание орудий труда (в широком смысле слова), средств экспертной деятельности (целостном, едином, несмотря на свой многоаспектный характер), на наш взгляд, с уверенностью можно говорить только в ситуациях производства экспертных исследований лицами, работающими в государственных либо негосударственных экспертных учреждениях. Там, где уделяется должное внимание проблемам оптимизации научно-методических основ производства различного рода и вида экспертиз, разработке и апробации методик проведения исследований, выбору в каждом конкретном случае той или иной методики в зависимости от подлежащих решению экспертных задач, где закупка оборудования производится с учетом профиля деятельности учреждения, т.е. непосредственно в целях формирования и совершенствования приборной базы экспертной деятельности.

Разумеется, любое лицо, назначенное экспертом в установленном законом порядке, сталкивается с необходимостью решения вопросов, связанных с выбором и использованием в ходе проведения исследования тех или иных «орудий труда» (приборов, аппаратуры, оборудования и т.п.) и «средств деятельности», к которым в первую очередь относятся методики производства разного рода экспертиз. Государственные судебные эксперты, сотрудники негосударственных экспертных учреждений, частнопрактикующие специалисты и прочие лица, участвующие в судопроизводстве в статусе эксперта, в равной мере могут владеть научно-методическим инструментарием и арсеналом самых современных технических средств, подлежащих применению при проведении судебной экспертизы. Попав в неординарную ситуацию, в силу наличия со-

ответствующих специальных знаний, многие из них вполне способны разработать новую методику исследования какого-либо объекта, усовершенствовать ранее использовавшиеся в аналогичных случаях приборы или, к примеру, подобрать принципиально иные, чем было принято до того, современные наборы химических реактивов.

Предпринятый нами анализ 607 уголовных дел и 198 обвинительных приговоров по делам о преступлениях против личности и против собственности показал, что как со стороны защиты, так и со стороны обвинения имеют место попытки поставить под сомнение обоснованность заключения эксперта из-за применения (или неприменения) им определенных методик исследования вне зависимости от того, является он или нет сотрудником ГСЭУ. В 63 случаях (7,8 %) следователи при составлении обвинительного заключения, в 219 (27,2 %) – защитники, в 35 (4,3 %) – судьи при вынесении приговора указывали на уязвимость выводов эксперта с научно-методической точки зрения. При этом в 117 (53,4 %) из 219 случаев защитники обвиняемых (подсудимых) ссылались на суждения специалистов, рецензировавших имеющиеся в деле заключения экспертов на предмет их научной обоснованности.

И все-таки говорить о том, что деятельности каждого, кто назначается экспертом, вышеуказанный психологический признак труда (сознательный выбор, применение, совершенствование или создание орудий труда) заведомо присущ в полном объеме, вряд ли корректно. Поясним изложенное на примере производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа (далее – СПФЭ). Консультируя коллег по вопросам назначения и проведения СПФЭ, рецензируя по запросам сторон в соответствии со ст. 80 УПК РФ заключения экспертов-полиграфологов, раз за разом мы наблюдаем ситуацию формального соблюдения требований действующего законодательства при полном непонимании их смысла.

Как известно, при формировании нового рода (вида) экспертизы ученые и практики сталкиваются с необходимостью использования не только методов и методик, заимствованных из материнской науки, но и разработки специфических экспертных методик, востребованных исключительно в судебно-экспертной

деятельности[30]. Соответственно при производстве СПФЭ следует различать:

1) методику(и) проведения тестирования на полиграфе, порядок использования специальных знаний их носителем при проведении исследования как такового. Наработанные мировой практикой методики данного типа общеизвестны, апробированы в России и применяются в ходе исследования независимо от того, в какой организационно-правовой форме оно проводится. Их освоение происходит в период прохождения субъектом подготовки в качестве полиграфолога[31];

2) экспертную методику производства СПФЭ как систему предписаний (категорических или альтернативных), регламентирующих выбор и порядок применения в определенной последовательности и в определенных (существующих или создаваемых) условиях способов и средств решения полиграфологом экспертных задач[32].

В 2005 г. коллектив авторов разработал «Видовую экспертную методику производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа», которая 11 ноября 2005 г. была утверждена в составе Методических рекомендаций АНО «Центр независимой комплексной экспертизы и сертификации систем и технологий»[33]. В 2006–2009 гг. эта методика прошла апробацию в ЭКЦ МВД Республики Татарстан и в настоящее время в полном объеме используется при проведении психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа в Следственном

[30] См.: Теория судебной экспертизы : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. М., 2009. С. 131.

[31] Описание Методики выявления скрываемой информации, Методики контрольных вопросов, Методики нейтральных и проверочных вопросов, а также вспомогательных приемов, используемых при проведении тестирования, см. в научно-методической литературе, например: Инструментальная «детекция лжи»: академический курс / С. И. Оглоблин, А. Ю. Молчанов. Ярославль, 2004. С. 272–318 ; *Сошников А. П., Комиссарова Я. В., Пеленицын А. Б., Федоренко В. Н.* Полиграф в практике расследования преступлений : метод. рекомендации. М., 2008. С. 25–43.

[32] Понятие экспертной методики, виды и примеры см.: Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. М., 1999. С. 222–223.

[33] См.: Инструментальная детекция лжи : реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью : материалы Междунар. науч.-практ. форума / под ред. В. Н. Хрусталева, Л. Н. Иванова. Саратов, 2006. С. 90–96.

комитете РФ и 111 Главном государственном центре судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны России.

Документом, в определенной мере синтезирующим положения обоих вышеуказанных типов методик, являются Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа, в 2008 г. подготовленные коллективом авторов в виде пособия, предназначенного для использования в деятельности специалистов-полиграфологов правоохранительных органов Российской Федерации[34].

Частнопрактикующие полиграфологи, осознавая обязательность выполнения требований п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, в своих заключениях охотно ссылаются на вышеуказанные методические документы, но при этом исследование проводят с грубыми нарушениями оговоренных в них положений[35]. Механическое соблюдение закона без понимания сущности и значения осуществляемых действий не позволяет рассматривать их деятельность в качестве трудовой с точки зрения психологии.

Анализируя деятельность эксперта на предмет выявления четвертого из числа выделенных Е. А. Климовым психологических признаков труда, под которым ученый понимал осознание межлюдских производственных зависимостей – «живых» и «овеществленных», надо сказать, что данный признак, как и предыдущий, заведомо обнаруживает себя исключительно в деятельности сотрудников государственных и негосударственных экспертных учреждений.

[34] Единые требования были подготовлены в ходе научно-исследовательской работы, выполненной сотрудниками Академии управления МВД России по заявке БСТМ МВД России (п. 5.3.1 Плана научного обеспечения деятельности ОВД и ВВ МВД России на 2008 г.). В разработке пособия и экспертной оценке промежуточных результатов исследования участвовали опытные специалисты по использованию полиграфа в оперативно-розыскной деятельности, судопроизводстве и регулировании трудовых отношений. В рабочую группу экспертов вошли сотрудники (действующие или находящиеся в запасе) МВД, ФСБ, МО, СВР, ФСКН, ФСИН Минюста России, а также преподаватели ведущих государственных образовательных учреждений страны (см.: Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа : практ. пособие / Б. Н. Мирошников [и др.]. М., 2008).

[35] Подробно см.: *Комиссарова Я. В*. Ошибки при производстве судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // Судебная экспертиза : типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2012. С. 226–241.

Одно дело – узнать о целях и задачах проведения экспертизы из уст следователя, прокурора, судьи, из заявления юридического или физического лица, и совсем другое – иметь достаточно четкое представление о специфике деятельности лиц и органов, инициирующих производство экспертизы. Одна ситуация, когда эксперт в соответствии с общенаучными канонами оперирует известными ему знаниями из той области, в которой является специалистом, и принципиально иная – когда речь идет о применении научно-методических рекомендаций, специально разработанных для нужд экспертной деятельности вполне конкретным коллективом исследователей. Один вариант – персонифицированное бремя ответственности за результаты своей и только своей работы, и другой – ответственность за эффективность собственной деятельности как значимого элемента в единой цепи взаимодействий субъектов труда в рамках определенной сферы жизни общества. Как писал Е. А. Климов, «область труда – это не просто полезные изделия, техника, мастерство», это люди, «сделавшие вклад в созидаемую ценность, а также те, для которых она предназначена, и конечно, товарищи по работе – производственный коллектив»[36].

Впрочем, абсолютизировать имеющиеся различия не стоит, поскольку человек представляет собой целостную индивидуальность. Со стороны одинаково воспринимаемые проявления психического могут иметь единый источник происхождения, а могут служить индикаторами разноплановых явлений и процессов. Само по себе присутствие в человеческой активности каких-либо элементов, свойственных феномену трудовой деятельности, еще не повод для того, чтобы данная активность могла рассматриваться в рамках категории «труд», независимо от того, идет ли речь о государственных судебных экспертах либо о частнопрактикующих специалистах. Выделяемые в психологии признаки труда не просто должны быть фрагментарно проявлены в деятельности человека, они должны быть ей имманентно присущи, поскольку каждый психологический признак – отнюдь не набор элементов, а (до известного предела) самостоятельное системное образование.

Результаты анализа трудовой деятельности эксперта с позиций психологии свидетельствуют о том, что профессионализм субъекта, назначаемого экспертом, является главной гарантией объектив-

[36] *Климов Е. А*. Психология профессионала. С. 229.

ности, всесторонности и полноты проводимых им исследований. Данный тезис тем более важен, что содержащиеся в заключении эксперта выводы – суть умозаключения, сделанные им по результатам исследований на основе выявленных или предоставленных сведений об исследуемом объекте и общего научного положения соответствующей отрасли знаний, форма проявления убеждения эксперта, отражение результата его познавательной деятельности, неконтролируемой законом[37].

Проблемам формирования внутреннего убеждения эксперта – многогранного понятия, охватывающего гносеологический, логический, психологический, нравственный аспекты, видные специалисты в области криминалистики, теории и практики судебной экспертизы (Л. Е. Ароцкер, В. Д. Арсеньев, Р. С. Белкин, Н. Л. Гранат, В. Е. Коновалова, Ю. К. Орлов, Ю. Н. Погибко, З. М. Соколовский, А. Р. Шляхов, Я. М. Яковлев и др.) всегда уделяли пристальное внимание. Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, заслуживающему самостоятельного изучения, хотелось бы подчеркнуть лишь один, наиболее важный в контексте изложенного факт.

Среди оснований внутреннего убеждения эксперта огромное значение имеют его профессиональные знания, «включая специальные научные знания, мировоззренческие принципы, психологические установки, знание коллективной экспертной практики в данной области, навыки применения необходимых методов исследования, знание критериев и путей проверки полученных результатов, личный экспертный опыт, осведомленность в научных разработках в смежных областях, систематическое изучение новой литературы и знакомство с последними достижениями в данной отрасли науки»[38], т.е. элементы, так или иначе отражающие психологическое содержание труда эксперта.

[37] Подробно см.: *Орлов Ю. К.* Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 128–129.

[38] Теория судебной экспертизы... С. 298.

А. И. Резникова

аспирант

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТАЙН В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В условиях информационной глобализации и существующей борьбы за информацию возникает проблема обеспечения информационной безопасности человека. Сказанное, в частности, касается информации с ограниченным доступом, которая охраняется от незаконного разглашения и использования уголовно-правовыми и уголовными процессуальными нормами, поскольку владение тайной или конфиденциальной информацией предоставляет значительные преимущества лицам в различных сферах общественной деятельности. В Уголовном кодексе Украины[1] предусмотрен

[1] Статьи: 111 – «Государственная измена»; 114 – «Шпионаж»; 132 «Разглашение сведений о проведении медицинского обследования на выявление заражения вирусом иммунодефицита человека либо иной неизлечимой инфекционной болезни»; 145 – «Незаконное разглашение врачебной тайны»; 159 – «Нарушение тайны голосования»; 163 – «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфной либо иной корреспонденции, передаваемых средствами связи или через компьютер»; 168 – «Разглашение тайны усыновления (удочерения)»; 182 – «Нарушение неприкосновенности частной жизни»; 231 – «Незаконное собирание с целью использования или использование сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну»; 232-1 – «Незаконное использование инсайдерской информации»; 232 – «Разглашение коммерческой или банковской тайны»; 328 – «Разглашение государственной тайны»; 329 – «Утрата документов, содержащих государственную тайну»; 330 – «Передача или собирание сведений, составляющих конфиденциальную информацию, которая находится во владении государства»; 361-2 – «Несанкционированные сбыт или распространение информации с ограниченным доступом, которая сохраняется в электронно-вычислительных машинах (компьютерах), автоматизированных системах, компьютерных сетях или на носителях такой информации»; 363 – «Нарушение правил эксплуатации электронно-вычислительных машин (компьютеров), автоматизированных систем, компьютерных сетей или сетей электросвязи или порядка или правил защиты информации, которая в них обрабатывается»; 381 – «Разглашение сведений о мерах безопасности в отношении лица, взятого под защиту»; 387 – «Разглашение данных оперативно-розыскной деятельности, предварительного расследования»; 422 – «Разглашение сведений военного характера, составляющих государственную тайну, или утрата документов либо материалов, содержащих такие сведения».

© Резникова А. И., 2014

ряд составов, обеспечивающих защиту информации с ограниченным доступом от незаконного ее использования и разглашения.

Действующим законодательством Украины предусмотрены определенные виды тайн. При этом существование одних тайн предусмотрено отдельными законами (например, государственная тайна), а о других существует лишь одно упоминание, без каких-либо объяснений и дефиниций (например, тайна исповеди)[2]. Рассмотрение тайны как явления правовой действительности возможно в трех аспектах: 1) как конкретной информации ограниченного доступа, в отношении которой существуют определенные правоотношения; 2) как совокупность правовых норм, которые регулируют определенные отношения в информационной сфере (правовой институт); 3) как вид правового режима информации[3]. Итак, тайна – это сведения, которые отражают чрезвычайно важные интересы ограниченного круга субъектов (лиц, организаций, государства), конфиденциальность которой защищается с целью ликвидации реальной или потенциальной опасности причинения вреда указанным интересам[4]. Действительно, сохранность определенной информации в тайне обеспечивает защиту информационной среды в конкретной сфере человеческой деятельности. В связи с этим определенные сферы профессиональной деятельности налагают на их исполнителей дополнительные обязательства и ограничения, которые обусловлены, по мнению И. Г. Субботиной, спецификой объекта – человеческим фактором, возможностью (а в ряде случаев – необходимостью) вторжения в частную жизнь гражданина[5]. Возможность «вторжения» во внутренний мир человека, утверждал Г. Ф. Горский, обусловливает необходимость определения для подобных профессий таких норм морали, которые, с одной

[2] См.: *Ємельянов С. Л.* Методика та результати оцінки якості законодавчого забезпечення правового інституту таємниць в Україні // Вісник Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля. 2011. № 7 (161). Ч. 1. С. 57.

[3] См.: *Огородов Д. В.* Правовые отношения в информационной сфере : дис. … канд. юрид. наук / науч. рук. И. Л. Бачило ; Российская академия наук, Институт государства и права. М., 2002. С. 132.

[4] См.: *Маслов А. Е.* Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Воронеж гос. ун-т. Воронеж, 2001. С. 10–11.

[5] См.: *Субботина И. Г.* Нравственные начала предварительного расследования. М., 2002. С. 94.

стороны, содействовали бы успешному осуществлению профессиональных функций, а с другой – обеспечивали охрану интересов личности[6]. Потому справедливо, что нравственные проблемы, писал Л. Е. Ароцкер, которые возникают в сфере профессиональной деятельности, охватываются понятием «профессиональная этика». В каждой профессии находят свое выражение не только общие этические нормы, своеобразно преломленные в ней, но и особенные нравственные стороны, присущие именно данной профессии[7]. Указанными обстоятельствами определяется сущность профессиональной этики, например, врача, журналиста, юриста (судьи, следователя, адвоката, нотариуса и др.)[8].

Этика как одна из философских наук – наука о морали, нравственности – выражает и опосредует определенные общественные отношения, связи людей. Являясь социальным институтом, выполняющим функцию регулирования поведения человека, формой общественного сознания, совокупностью принципов, правил, норм, которыми люди руководствуются в своем поведении, мораль служит необходимым критерием допустимости применения криминалистических рекомендаций в практике[9]. Речь, в частности, идет о криминалистических и этических вопросах организации расследования преступлений, посягающих на профессиональные тайны, а также иных преступлений, с целью расследования которых органы следствия вынуждены взаимодействовать с представителями иных профессий, нравственным требованием которых является хранение профессиональной тайны.

Неоспоримым правилом профессиональной этики представителей так называемых «человеческих профессий» является обязанность сохранения в конфиденциальности определенной информации. Конфиденциальность (от лат. *confidentio*, «доверие») – моральная заповедь этих профессий. Передавая информацию, мы доверяем носителю определенные данные, надеясь на то, что нам известна мера их сохранности и круг лиц, которые имеют возможность получить

[6] См.: *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика. Воронеж, 1973. С. 9.

[7] См.: *Ароцкер Л. Е.* Судебная этика // Соц. законность. 1969. № 9. С. 31.

[8] См.: *Субботина И. Г.* Указ. соч. С. 94.

[9] См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 91–92.

к ней доступ[10]. Доверительный характер специальности, утверждает Ю. С. Пилипенко, допускает собственную, специфичную систему норм профессиональной этики. Это касается тех случаев, когда соответствующие отношения регулируются специальными правовыми нормами, которые возникают в силу уникальности и высокой социальной значимости определенных профессий. Этические и культурные нормы в таких случаях определяют характер правовых норм[11]. В связи с этим многие процессуальные нормы могут быть оценены с позиции морали, поскольку они выражают единство правовых и моральных требований[12], не являются исключением и нормы уголовного процессуального права, регулирующие деятельность участников уголовного судопроизводства.

Уголовные процессуальные нормы тесно связаны с нормами морали. Отражение моральных норм в конкретных процедурах следствия принято называть его нравственными началами. Только сочетание общих нравственных принципов социума с нормами профессиональной судебной этики, пишет Р. С. Белкин, позволяет говорить о нравственных началах раскрытия и расследования преступлений. В их основе лежат такие нравственные ценности, как справедливость, честь и достоинство личности, ее неприкосновенность, охватывающая и частную жизнь, имущество, личную и семейную тайну[13]. То есть во главу этических начал уголовно-процессуальной деятельности, по мнению И. Г. Субботиной, поставлены неприкосновенность личности, ее законные права и свободы. Соответственно, нравственные начала являются основой многих процессуальных запретов и предписаний. Например, нельзя принуждать к разглашению тайны исповеди или адвокатской тайны. С целью же обеспечения интересов следствия и его участников следователь обязан принять меры, чтобы не допустить разглашения данных предварительного следствия[14]. Таким образом, целесообразность существования судебной этики как специальной

[10] См.: *Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А.* Информационное право / под ред. Б. Н. Топорнина. СПб., 2001. С. 535–539.

[11] См.: *Пилипенко Ю. С.* Общее теоретические аспекты института тайны // Государство и право. 2009. № 7. С. 19–24.

[12] См.: *Ароцкер Л. Е.* Указ. соч. С. 31.

[13] См.: *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 95.

[14] См.: Руководство для следователей / под. ред. Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова. М., 1997. С. 14.

отрасли этической науки, изучающей нормы поведения участников уголовного судопроизводства, сегодня не вызывает сомнений. При этом исследование проблем судебной этики, писал Л. Е. Ароцкер, может быть лишь тогда продуктивным, когда распространение общих закономерностей морали на этику судей, следователей, прокуроров, адвокатов, судебных экспертов будет сочетаться с поисками, выявлением специфических нравственных начал, присущих именно этим профессиям[15].

Содержание судебной этики понимается учеными неодинаково. Проанализировав существующие научные позиции касательно содержания понятия «судебная этика» Р. С. Белкин представил их в определенных группах. По мнению первой группы ученых, судебная этика есть частное проявление общей морали, осуществление общеобязательных принципов и норм в специфических условиях следственной и судебной деятельности[16]. М. С. Строгович утверждал, что судебная этика изучает применение общих норм нравственности в специфических условиях судебной и следственной деятельности, а вовсе не создает каких-либо особых нравственных норм для судей, прокуроров, следователей, адвокатов[17], что нет таких норм для юристов, как нет их и для любой другой профессии[18]. Другая группа ученых утверждает, что специфические нормы профессиональной морали существуют, но представляют собой лишь результат применения общих нравственных принципов с учетом особенностей профессиональной деятельности[19]. Так, Г. Ф. Горский отмечает, что содержание всякой профессиональной морали вытекает из общих принципов нравственности[20]. Следующая группа ученых считает, что судебная этика включает не только общие, но и специфические нравственные начала, присущие деятельности следователя, судьи, адвоката, дополняющие общие моральные принципы, а в некоторых случаях и ограничивающие их[21]. Пред-

[15] См.: *Ароцкер Л. Е.* Указ. соч. С. 32.

[16] См.: *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 93.

[17] См.: *Строгович М. С.* Судебная этика, ее предмет и сущность // Сов. государство и право. 1971. № 12. С. 21.

[18] *Его же*. Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 15.

[19] См.: *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 93–94.

[20] См.: *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Указ. соч. С. 9.

[21] См.: *Ратинов А. Р., Зархин Ю. М.* Следственная этика // Соц. законность. 1970. № 10. С. 35.

ставляется, пишет Р. С. Белкин, что профессиональная мораль, включая все общие нравственные принципы, обогащает их специфическими моральными нормами, которыми руководствуются лишь представители данной профессии. Профессиональная мораль выступает в качестве комплекса нравственных правил, более обязывающих, более детальных, чем общие нравственные принципы[22]. Высказанная позиция, по нашему мнению, является наиболее справедливой.

Сегодня факт разглашения профессиональных тайн не только нарушение действующего законодательства, но и нарушение норм профессиональной этики. Вместе с тем установления для определенных профессий только морального запрета разглашать сведения, составляющие профессиональную тайну, недостаточно, необходимы также и юридические меры сохранности таких тайн. Все это и обусловливает, по мнению Л. О. Красавчиковой, необходимость использования юридических мер сохранности профессиональной тайны, в том числе сведений о личной жизни гражданина, полученных в процессе исполнения специалистом своих профессиональных обязанностей[23]. Бесспорно, сказанное касается и сферы уголовно-процессуальной деятельности, в которой специфично проявляется взаимодействие специалистов разных профессий.

Уголовное судопроизводство, будучи особой сферой человеческой деятельности, предполагает всестороннее взаимодействие его участников представителей различных профессий. Взаимодействие в раскрытии и расследовании преступлений заключается в наиболее целесообразном выборе и реализации организационных и тактических средств, направленных на создание оптимальных условий для решения задач борьбы с преступностью при помощи совершения упорядоченных и взаимосвязанных действий двух или больше субъектов[24]. Попадая в орбиту уголовного судопроизводства, профессиональная тайна лица, независимо от того, является ли такое лицо адвокатом, врачом, священником или судебным

[22] См.: *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 94.

[23] См.: *Красавчикова Л. О.* Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983. С. 118.

[24] См.: *Кузмічова Є. В.* Взаємодія слідчого та лікаря при збереженні лікарської таємниці // Вісник Львівського державного університету внутрішніх справ імені Е. О. Дідоренка. 2011. Спец. вип. № 3. С. 240.

экспертом, служит целям установления истины в уголовном производстве. При этом в уголовной процессуальной деятельности, утверждает И. В. Смолькова, существуют тайна досудебного расследования и тайна совещания судей. Сюда же относится так называемая тайна источника доказательств, которая в связи с проблемами обеспечения безопасности свидетеля и потерпевшего широко дискутируется в уголовно-процессуальной науке. Особенное место в этой системе занимают адвокатская тайна и тайна судебного представительства[25]. В связи с этим необходимо помнить, отмечают А. Р. Ратинов и Ю. М. Зархин, что каждая профессия налагает на своих представителей специальные нравственные обязанности, которые дополняют общие моральные принципы, а в некоторых случаях – ограничивают их действие. Так, требования правдивости, искренности предполагают известные исключения, когда речь идет о сведениях, составляющих следственную тайну[26].

Сегодня ученые используют разные термины, отображающие сущность следственной тайны: «тайна следствия», «тайна досудебного следствия», «тайна предварительного расследования», «тайна данных дознания или досудебного следствия». Вопреки этому действующий Уголовный кодекс Украины предусматривает ответственность за разглашение не «следственной тайны», а «данных оперативно-розыскной деятельности, досудебного расследования» (ст. 387 УК Украины). Уголовный процессуальный кодекс Украины запрещает разглашение «ведомостей досудебного расследования» (ст. 222 УПК Украины). Но такое положение дел никак не препятствует употреблению категории «следственная тайна», ибо она имеет условный и обобщающий характер. При этом, пишет Б. В. Щур, эти термины используются как синонимы[27].

Проблемы сохранности следственной тайны тесно взаимосвязаны с принципом гласности в уголовном судопроизводстве. Гласность, пишет И. В. Смолькова, – это нормативное требование доступности хода и результатов расследования, а также рас-

[25] См.: *Смолькова И. В.* Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 10.

[26] См.: *Ратинов А. Р., Зархин Ю. М.* Указ. соч. С. 35.

[27] См.: *Щур Б. В.* Тактика нейтралізації протидії розслідуванню злочинів, вчинених організованими групами : монографія. Харків, 2005. С. 101.

смотрения уголовных дел для общественного ознакомления и обсуждения в целях воспитательно-предупредительного воздействия уголовного процесса[28]. Действие принципа гласности уголовного судопроизводства, утверждает А. Е. Маслов, с определенными ограничениями распространяется и на стадию предварительного следствия. Действие принципа гласности не противоречит существованию и функционированию института тайны предварительного расследования, так как интересы правосудия при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел требуют сохранения в тайне определенной конфиденциальной информации, полученной в ходе расследования[29]. При этом установление правовых ограничений гласности уголовного процесса, по мнению З. В. Макаровой, весьма необходимо, так как только правовой режим «секретности» уголовного производства по делу обеспечивает подлинную открытость всего того, что не охвачено этим режимом. То есть в целях ограждения законных и нравственных интересов личности, определенных государственных интересов, а также принятия справедливых и объективных решений некоторые обстоятельства дела не подлежат разглашению, не становятся и не могут становиться известными широкому кругу лиц. Более того, в отдельных случаях суд и следователь обязаны принимать меры к тому, чтобы тайное производство по делу не стало явным, т.е. обеспечение тайны в уголовном процессе необходимо[30]. При этом необходимо помнить, пишет А. Е. Маслов, что на стадии предварительного расследования может быть обнародована информация о факте совершения преступления, кроме случаев, когда сам факт преступления указывает на лицо, его совершившее. Конкретизируя свою позицию, ученый подчеркивает, что мнение следствия о виновности лица в определенных преступлениях, выраженное, например, в обвинительном акте, не должно относиться к секретной информации[31]. Таким образом, институт следственной

[28] См.: *Смолькова И. В*. Гласность и тайна в уголовном процессе // Законность. 1998. № 7. С. 40.

[29] См.: *Маслов А. Е*. Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию. С. 11.

[30] См.: *Макарова З. В*. Гласность уголовного процесса : монография. Челябинск, 1993. С. 130.

[31] См.: *Маслов А. Е.* Тайна предварительного расследования и право граждан на получение информации // Юрид. записки / под ред. В. В. Ячевского. Воронеж, 2002.

тайны является гарантией защиты конфиденциальной и тайной информации о гражданах, раскрытие которой способно нанести вред их авторитету в обществе, т.е. обладает глубоким нравственным содержанием, а деятельность по обеспечению следственной тайны соответствует всем требованиям профессиональной этики следователя. С этической точки зрения принцип неразглашения данных предварительного следствия весьма существен. Дело не только в том, что огласка доказательственного материала и замыслов следователя может сделать бесплодными его усилия. Существует и другая опасность. Решения и выводы, которые носят предварительный характер, могут быть восприняты гражданами как бесспорно установленные факты. В результате наносится ущерб репутации людей, возникает риск внушающего влияния таких сведений на формирование свидетельских показаний и общественного мнения[32]. Примером служат последние резонансные уголовные дела по обвинению группы лиц в изнасиловании, которые имели место в г. Николаеве и Николаевской области. Так, по мнению В. Пшонки, «причинами неудовлетворительной работы правоохранителей является низкий профессиональный уровень ряда работников, отсутствие обостренного чувства ответственности за порученное дело, неготовность вести равный диалог, неумение или нежелание общаться со средствами массовой информации и общественными организациями»[33]. В связи с этим, справедливо отмечают А. Р. Ратинов и Ю. М. Зархин, каждое мало-мальски заметное дело образует сложную общественно-психологическую атмосферу, которая оказывает ощутимое влияние на участвующих в деле лиц и на ход расследования. Одно из первых мест среди причин следственных и судебных ошибок принадлежит общественным страстям, закипающим вокруг сенсационных дел и захватывающим всех участников расследования. Сегодня разглашение тайны следствия является одной из форм противодействия расследованию преступлений. Противодействие заинтересованных лиц – отличительная черта расследования. Она придает следственной работе характер борьбы,

Вып. 15 : Теоретические и исторические проблемы юридической науки. С. 148.

[32] См.: *Ратинов А. Р., Зархин Ю. М*. Указ. соч. С. 38.

[33] Дії правоохоронців Миколаївщини отримали жорстку та принципову оцінку. URL: http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/732868 (дата обращения: 02.11.2013).

принимающей иногда очень острые формы[34]. В указанном аспекте особый интерес для криминальных структур, отмечает А. Е. Маслов, представляют сведения, составляющие тайну предварительного расследования. По наблюдениям ученого, сегодня попытки преступников получить такую информацию становятся все более активными и агрессивными. Распространение получили случаи целенаправленных «вербовочных подходов» криминальных структур к следователям и оперативным работникам, представляющим различные правоохранительные ведомства[35]. Полученная таким способом информация служит инструментом влияния на ход уголовного производства, результаты проведения следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий, а также на смену позиции потерпевших, свидетелей, что приводит к негативным последствиям для отдельного уголовного производства.

Разглашение следственной тайны не всегда является формой противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц. Так, справедливо отмечают А. Р. Ратинов и Ю. М. Зархин, угодливость, стремление выслужиться любой ценой, отличиться на каком-нибудь громком деле, раздув такое дело, создав себе рекламу, приобретают огромную опасность для правосудия. Интересы дела и судьбы людей тогда подвигаются на задний план, ведущим мотивом деятельности становятся эгоистичные, карьеристские соображения, что неизбежно приводит к забвению общественных интересов. Как бы ни льстило самолюбию следователя «громкое» дело, нужно быть принципиальным противником всяких уголовных сенсаций. Профессионализм и заостренное чувство справедливости, наряду с глубоким осознанием своего долга, должны найти отражение не только в документах (в кодексе о профессиональной этике или отдельном законе), но и в сознании работников правоохранительных органов. Справедливости ради необходимо отметить, что сегодня весьма популярны частные

[34] См.: *Ратинов А. Р., Зархин Ю. М.* Указ. соч. С. 38–39.

[35] А. Е. Маслов поясняет, что одна из основных целей склонения работников правоохранительных органов к предательству интересов службы заключается в получении «информатора» криминальных структур. В числе наиболее распространенных способов противодействия расследованию – склонение работников следствия к предательству. По результатам авторского анкетирования такой способ противодействия составляет 34,6 % (См.: *Маслов А. Е.* Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию... 21 с.)

(собственные) расследования СМИ. При этом информация, которая зачастую поступает гражданам, не проверяется на предмет ее достоверности. Но даже проверяя достоверность никто не учитывает в погоне за рейтингом ни интересов органов следствия, ни прав и интересов отдельных участников уголовного судопроизводства. Подобного рода «освещения» резонансных уголовных производств зачастую приводят лишь к оказанию давления на органы следствия и утверждают предубежденность населения по отношению к участникам уголовного судопроизводства. Справедливо отмечают А. Р. Ратинов и Ю. М. Зархин, что большую остроту и сложность приобретает положение следователя при освещении того или иного дела в печати. Особенно опасно, когда средства массовой информации как бы выносят свой приговор, создавая у населения преждевременную уверенность в том или ином положении. Обязанный противостоять этой уверенности, следователь подвергается очень тяжелому испытанию[36].

Но это вовсе не означает, что необходимо полностью отказаться от взаимодействия органов следствия с представителями СМИ, которое, кстати, может иметь весьма разнообразные направления. Например правомерное психологическое влияние на участников ОПГ, подозреваемых или обвиняемых по конкретному уголовному производству; активизация с помощью сообщений СМИ волевых качеств законопослушных граждан, владеющих важной для следствия информацией, но в силу определенных причин не предоставляющих ее; создание информационного «шума» с целью дезинформации членов ОПГ о ближайших планах следствия[37]. Справедливо отмечает Н. П. Яблоков, что хорошо продуманная и должным образом организованная «утечка» выгодных для следствия сведений в СМИ является одним из психологических способов регулирования сложных ситуаций расследования преступлений[38]. При этом необходимо помнить, что сокрытие факта возбуждения уголовного дела органами расследования, и

[36] См.: *Ратинов А. Р., Зархин Ю. М.* Указ. соч. С. 37–38.

[37] См.: *Старченко О. В.* Тактичні прийоми взаємодії слідчих ОВС із засобами масової інформації у розкритті і розслідуванні злочинів // Науковий вісник Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ. 2010. № 4. С. 346–352.

[38] См.: *Яблоков Н. П.* Расследование организованной преступной деятельности. М., 2002. С. 142.

тем более отнесение этого акта к следственной тайне, приводит к утрате общественного контроля за органами следствия, превращает следователя в некую тайную фигуру. В связи с этим не могут составлять следственную тайну результаты следственных либо процессуальных действий, связанные с выдвижением обвинения против конкретных лиц. К таким действиям относятся задержание, применение мер пресечения, предъявление обвинения. Более того, в свете принятия Закона «О защите персональных данных» на Украине, защищающего от незаконного использования, а также разглашения персональных данных о лице, предание огласке сведений в СМИ с указанием фамилий, имен и других идентифицирующих признаков должно иметь место лишь с согласия лиц, к которым применена мера пресечения, предъявлено обвинение[39].

Таким образом, для достижения целей уголовного судопроизводства необходимо взаимодействие следственных и судебных органов с представителями разных сфер общественной деятельности, например с представителями СМИ, адвокатами, банковскими работниками, врачами, нотариусами, судебными экспертами, которые являются хранителями профессиональных тайн. То есть указанное взаимодействие существенно как в расследовании преступлений, разглашающих профессиональные тайны, так и для установления фактических обстоятельств совершения иных преступлений. Одним из проблемных аспектов указанного взаимодействия является сохранность профессиональных тайн при производстве отдельных следственных (розыскных) и негласных (следственных) действий. Современные научные исследования отдельных аспектов сохранности профессиональных тайн утверждают о необходимости расширения предмета последних путем включения в него также информации о самом факте обращения лица к определенному специалисту. Примером может служить профессиональная тайна адвоката, при детальном исследовании которой С. Л. Савицкая пришла к выводу о целесообразности отнесения к предмету адвокатской тайны факта обращения лица к адвокату[40]. Это, в свою очередь, требует от органов следствия и

[39] См.: *Маслов А. Е.* Тайна предварительного расследования и право граждан на получение информации... С. 141.

[40] См.: *Савицкая С. Л.* Кримінально-процесуальні гарантії діяльності адвоката : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2013. С. 9.

суда принятия соответствующих организационных и правовых мер, с тем чтобы информация, которая охраняется профессиональной тайной определенного специалиста, не была придана огласке.

Новый Уголовный процессуальный кодекс Украины гарантирует тайну общения, а также неприкосновенность частной (личной и семейной) жизни в уголовном судопроизводстве. Так, ст. 14 «Тайна общения» УПК предусматривает, что в ходе уголовного производства каждому гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфной и другой корреспонденции, а также других форм общения. Вмешательство же в тайну общения возможно только на основании судебного решения в случаях, предусмотренных Кодексом, с целью выявления и предотвращения тяжкого или особо тяжкого преступления, установления его обстоятельств, лица, совершившего преступление, если другим способом невозможно достичь этой цели. Под вмешательством в частное общение понимается доступ к его содержанию при условиях, что участники общения имеют достаточные основания считать его частным. В случаях возникновения необходимости вмешательства в частное общение прокурор или следователь по согласованию с прокурором обязаны обратиться к следственному судье с ходатайством на разрешение вмешательства в частное общение в порядке, предусмотренном ст. 246, 248, 249 УПК, если какое-либо следственное (розыскное) действие будет включать такое вмешательство. Таким образом, при необходимости вмешательства в частное общение следует применять должную правовую процедуру, в противном случае доказательства, содержащие сведения, полученные в результате нарушения порядка, установленного УПК, должны быть признаны недопустимыми. Информация, полученная в результате вмешательства в общение, не может быть использована иначе как для решения задач уголовного судопроизводства. Положения ст. 14 УПК Украины не могут быть сведены только к обеспечению личной или семейной тайны. Они в равной степени относятся и к сфере служебных, деловых и иных общественных отношений. Так, частное общение между адвокатом и клиентом защищается профессиональной тайной адвоката (адвокатской тайной). Вмешательство же в частное общение защитника, священнослужителя с подозреваемым, обвиняемым, осужденным, оправданным категорически запрещено (ч. 5 ст. 258 УПК). Запре-

щается использовать такие разновидности вмешательства в частное общение указанных выше лиц, как аудио- и видеоконтроль (ст. 260 УПК); арест, осмотр и выемка корреспонденции (ст. 261, 262 УПК); снятие информации с транспортных и телекоммуникационных сетей (ст. 263 УПК); снятие информации с электронных информационных систем (ст. 264 УПК)[41]. Так, ст. 162 УПК Украины содержит перечень документов, которые содержат охраняемую законом тайну: 1) информация, находящаяся во владении средства массовой информации или журналиста и предоставленная им при условии неразглашения авторства и источников информации; 2) ведомости, содержащие врачебную тайну; 3) ведомости, которые могут составлять тайну совершения нотариальных действий; 4) конфиденциальная информация, в том числе такая, которая содержит коммерческую тайну; 5) ведомости, которые могут составлять банковскую тайну; 6) личная переписка лица и другие записи личного характера; 7) информация, находящаяся у операторов и провайдеров телекоммуникаций, о связи, абоненте, предоставлении телекоммуникационных услуг, в том числе получении услуг, их продолжительности, содержании, маршрутах передачи и др.; 8) персональные данные лица, находящиеся в личном владении или базе персональных данных, которая находится у владельца персональных данных; 9) государственная тайна. Таким образом, законодатель устанавливает определенные запреты и ограничения на действия, связанные с незаконным разглашением и использованием охраняемых законом тайн, в том числе профессиональных. Весьма интересными являются нормы ст. 161 УПК Украины, содержащие гарантии конфиденциальности деятельности адвоката, которыми установлен запрет на доступ к переписке или иной форме обмена информацией между защитником и его клиентом или лицом, которое представляет его клиента, в связи с предоставлением правовой помощи; объектам, которые приложены к такой переписке или другим формам обмена информации. Профессиональная деятельность адвоката защищена от неправомерного вмешательства и доступа в частное общение адвоката с клиентом, т.е. от разглашения адвокатской тайны.

[41] См.: Кримінальний процесуальний кодекс України : наук.-практ. коментар : у 2 т. / Національна академія правових наук України ; ред.: В. Я. Тація, В. П. Пшонки. Харків, 2012. Т. 1. С. 40–42.

Одним из проблемных вопросов в расследовании разглашений профессиональных тайн или их использовании в уголовном судопроизводстве является конфиденциальное сотрудничество. Во время проведения негласных следственных (розыскных) действий следователь имеет право использовать информацию, полученную вследствие конфиденциального сотрудничества с другими лицами, или привлекать этих лиц к проведению негласных следственных (розыскных) действий в случаях, предусмотренных УПК (ст. 275). При этом запрещается привлекать к конфиденциальному сотрудничеству во время проведения негласных следственных действий адвокатов, нотариусов, медицинских работников, священнослужителей, журналистов, если такое сотрудничество будет связано с раскрытием конфиденциальной информации профессионального характера. Таким образом, законодатель защищает от незаконного использования и разглашения профессиональной тайны указанных лиц. При этом сегодня учеными высказывается мнение о целесообразности установления абсолютного запрета привлечения, например, адвоката к конфиденциальному сотрудничеству, а не только связанного с раскрытием конфиденциальной информации профессионального характера.

Немаловажным в процессе раскрытия и расследования преступлений является ограничение доступа следственных органов к помещению, в котором непосредственно совершает свою профессиональную деятельность лицо с целью получения информации. Так, установлен запрет на проникновение в помещение, в котором адвокат совершает адвокатскую деятельность, его жилища или другого владения с целью установления технических средств аудио-, видеоконтроля лица (ч. 4, 5 ст. 258, п. 5 ч. 1 ст. 267 УПК Украины). При этом С. Л. Савицкая утверждает о необходимости дополнения действующего законодательства нормой, которая бы запрещала проведение тайного осмотра помещения, в котором адвокат совершает адвокатскую деятельность, его жилища или иного владения[42]. Сегодня при проведении обыска или осмотра жилища либо другого владения адвоката, помещений, в которых он совершает адвокатскую деятельность, необходимым является обеспечение присутствия представителя совета адвокатов.

[42] См.: *Савицкая С. Л.* Указ. соч. С. 8–9.

В современных условиях динамичного развития правоотношений и соответственно норм, которые их регулируют, даже самая подробная и жесткая регламентация профессиональной деятельности судей, следователей и прокуроров, адвокатов, судебных экспертов не может охватить всю их деятельность полностью. Остается сфера возможного, когда из нескольких вариантов судья, прокурор выбирает наиболее подходящий с его точки зрения[43]. Основой такого выбора, по нашему мнению, являются положения и принципы профессиональной этики представителей разного рода профессий. При этом, бесспорно, сфера общественной деятельности конкретного профессионала определенным образом «окрашивает» те или иные нравственные нормы и принципы, придавая деятельности лица свою специфику. Именно поэтому криминалистика и теория оперативно-розыскной деятельности, разрабатывая рекомендации по борьбе с преступностью, должны обеспечить их соответствие не только общим нравственным принципам, но и требованиям профессиональных моральных норм, отражающих нравственный аспект как судопроизводства, так и оперативно-розыскной деятельности. Это обязывает учитывать условия деятельности конкретного адресата их рекомендаций[44]. Таким образом, эффективность и законность привлечения в качестве участников уголовного судопроизводства представителей определенных профессий требует учитывать существующие нормы их профессиональной этики, с тем чтобы ни сам профессионал, ни его клиент не оказались в сложной конфликтной ситуации и не были дискредитированы в глазах общества.

[43] См.: *Ароцкер Л. Е.* Указ. соч. С. 33–34.
[44] См.: *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 95.

Раздел 6

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г. Ф. Горский, В. С. Основин

ПЕРСПЕКТИВЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР*

В резолюции XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу ЦК партии записано: «Съезд считает важнейшей задачей дальнейшее совершенствование всей системы образования в соответствии с потребностями развития экономики, науки, культуры, научно-технической революции»[1].

В свете этих указаний особенно актуален вопрос о дальнейшем совершенствовании юридического образования в стране. Одним из важных его аспектов является проблема перспективы обучения юристов. Суть ее сводится к следующему.

Научно-техническая революция обусловила резкое возрастание потоков информации. Получаемые студентами знания устаревают в среднем на 10–20 % в год[2]. Между тем сегодняшние студенты юридических вузов станут настоящими высококвалифицированными специалистами лишь через 5–10 лет. Минимум на этот срок и необходимо поэтому «заглядывать вперед» при подготовке юриста в вузе.

Поскольку учебный процесс в высших учебных заведениях регулируется учебными планами, перспективное развитие юридического образования, видимо, предполагает прежде всего совершенствование учебных планов.

Происходящий сейчас процесс интеграции наук требует от специалистов с высшим образованием умения ориентироваться в смежных отраслях знаний. Как правильно заметил В. Н. Столетов, «специалистом высшей квалификации в наше время является лишь тот, кто, глубоко зная один узкий раздел науки, в то же время способен выходить за рамки своего участка и вести творческий диалог со специалистами смежных профессий»[3].

Этим определяется необходимость предусматривать в учебных планах все новые дисциплины. Только за последние годы учебные планы юридических вузов «пополнились» такими обязательными дисциплинами, как «Основы научного коммунизма», «Прокурорский надзор», «Криминология», «Общая и судебная психология». Некото-

---

* Первая публикация данной работы : Изв. вузов. Правоведение. 1971. № 4. С. 104–110.

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 206.

[2] См.: Г. М. Добров. Наука о науке. Киев, 1966, стр. 14.

[3] В. Н. Столетов. Образование и время. В сб.: «Наука сегодня». М., Изд. «Молодая гвардия», 1969, стр. 135.

рые юридические вузы включили в учебные планы в качестве обязательных следующие курсы: «Основы науки управления», «Правовая кибернетика», «Методика социологических исследований», «Нормативная техника», «Делопроизводство в советских учреждениях» и др. Естественно, что этот перечень будет неизбежно расширяться.

Возникает вопрос: насколько приемлемое дальнейшем совершенствование учебного плана в этом направлении?

Сейчас вузы вынуждены выходить из положения за счет известного перераспределения времени, отведенного на специальные предметы. Однако возможности такого перераспределения весьма ограничены и не позволяют предусмотреть в плане все необходимые дисциплины. Подобная практика ведет, кроме того, к уменьшению часов, предназначенных на изучение профилирующих дисциплин.

Остается другой путь – открыть в юридических вузах и на юридических факультетах особые отделения, готовящие юристов для работы в органах суда, прокуратуры, следствия; в системе хозяйственных органов; в аппарате Советов депутатов трудящихся[4]. Не все, правда, согласны с подобным преобразованием. Например, В. Воробьев пишет: «Узкая специальность – это узость мышления»[5].

Так ли это? Научно-техническая революция обусловливает не только интеграцию наук, но и их дифференциацию: возрастание объема научной информации ведет к отпочкованию все новых наук. Ученые считают, что число публикаций в научных периодических журналах в мире ежегодно увеличивается примерно на 500 тыс.[6] Век универсализма в науке давно прошел. Ранее существовавшие «комплексные» специальности распадаются на более узкие. Сейчас нет, к примеру, специальности врача вообще, а есть терапевты, хирурги, стоматологи, педиатры и др. Нет инженеров вообще, а есть инженеры – механики, теплотехники, технологи и др.

Никого уже не удивляет поэтому, что на некоторых факультетах и в некоторых институтах открываются самостоятельные отделения: на филологических факультетах – отделения журналистики, на экономических – финансовых работников и бухгалтерского, учета.

А теперь посмотрим на подготовку юристов.

[4] На этот путь указывали некоторые участники дискуссии на тему: «Как готовить юристов?», проведенной журналом «Социалистическая законность» (см., например: «Социалистическая законность», 1970, № 2, стр. 49–50).

[5] См.: «Социалистическая законность», 1970, № 6, стр. 53.

[6] См.: С. Владимиров, М. Карев. Информация и мы. М., Изд. «Знание», 1970, стр. 36.

В стране усиленно развивается нормотворческая деятельность государственных органов. Уже сейчас действует несколько миллионов нормативных актов, причем их количество, видимо, будет расти. Подготовить «универсального» юриста, который знал бы все законы и одинаково уверенно мог работать и в судебно-следственно-прокурорских органах, и в аппарате Советов, и в хозяйственном аппарате, в настоящее время невозможно.

С другой стороны, едва ли есть надобность специально доказывать, что работа юрисконсульта весьма отлична от работы следователя, а последнего – от работы инструктора организационно-инструкторского отдела исполкома. Одному нужны серьезные знания по таким профилирующим дисциплинам, как криминалистика, уголовный процесс; другому – по гражданскому и хозяйственному праву; третьему – по экономике отраслей народного хозяйства, организаторской работе, советскому строительству.

Предполагаемая перестройка[7], конечно, не означает, что, например, на отделении советского строительства не нужно совсем изучать уголовный процесс или криминалистику. Речь идет лишь о том, чтобы изучать их не в том объеме, в каком на отделении, готовящем следственно-прокурорских и судебных работников.

Специализация усиленно внедряется во всех сферах государственно-правовой деятельности. Она резко повышает квалификацию работников, расширяет возможности применения современных научно-технических средств в специальной, профессиональной и управленческой работе. Специализация существенным образом может влиять на типовую структуру и организацию управления. Это – объективный процесс, и его повсеместное внедрение диктуется самой жизнью.

Разумеется, специализация должна осуществляться на основе фундаментальной подготовки по профилирующим дисциплинам, она предполагает и хорошо поставленную работу по методологии и методике самостоятельного изучения актуальных проблем в профессиональной сфере и смежных науках. Иначе университеты могут превратиться в конвейер массовой подготовки «усредненных специалистов».

Развитие юридического образования требует также совершенствования видов учебных занятий, прежде всего закрепления в учеб-

[7] Такого рода «специализация», кстати говоря, уже имеет место в зарубежных социалистических государствах, в частности в Германской Демократической Республике.

ных планах в качестве общеобязательных новых видов занятий и дальнейшей разработки методики существующих видов.

Основные виды учебных занятий в вузах определены в Положении о высших учебных заведениях СССР, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 22 января 1969 г.[8] Это: лекции, лабораторные и практические занятия, семинары, учебная и производственная практика, курсовое проектирование (курсовые работы), дипломное проектирование (дипломная работа), консультации, контрольные работы, самостоятельные занятия студентов.

Указанные виды занятий проверены многолетней практикой. Однако уже в ближайшем будущем данный перечень должен быть расширен. В частности, в настоящее время деятельность юриста все в большей степени приобретает характер научной работы. Сбор и анализ конкретных фактов, их обобщение, построение и проверка гипотез, проведение конкретно-социологических исследований начинают играть важную роль и в деятельности юриста-практика. Вот почему так важно привить студентам навыки научной работы.

Сейчас занятия научной работой зависят от желания студентов. Кафедры, чтобы как-то привлечь студентов в научные кружки, вынуждены засчитывать их доклады на заседаниях кружка в качестве курсовой работы. В начале года в студенческие научные кружки обычно записывается по 25–30 человек, а регулярно посещают их заседания 7–10 человек.

Правильна ли такая постановка вопроса? Не пора ли занятия студентов научной работой предусмотреть в учебных планах в качестве вида учебных занятий, общеобязательных для всех студентов?

Это позволило бы привить навыки научной работы всем студентам, выявить лиц, имеющих к ней склонность, привлечь больше талантливой молодежи к преподавательской деятельности. Нелишне заметить, что отдельные технические вузы уже пытаются сделать занятия научной работой общеобязательными для всех студентов[9].

Важнейшая задача вузов – научить студентов рационально работать с книгой. Умение ориентироваться в потоке литературы, критически осмысливать ее является одним из решающих условий успеха будущей практической деятельности юриста,

К сожалению, существующая методика обучения студентов еще недостаточно учитывает это. Например, методические указания, которые в централизованном порядке рассылаются студентам-заочникам Всесоюзным юридическим заочным институтом, как правило, рассчитаны лишь на то, чтобы студент, прочитав определенный минимум литературы и нормативного материала, пересказал их. Поэтому и получается, что многие контрольные и курсовые работы студентов-заочников выполнены не на основе анализа и критического осмысления прочитанного, а представляют собой пересказ рекомендованных по избранной теме брошюр и статей. В результате на экзаменах бывает немало курьезных случаев, когда студент, писавший на ту или иную тему курсовую или контрольную работу, не в состоянии ответить по этой теме на самые элементарные вопросы.

[8] См.: СП СССР, 1969, № 4, ст. 24.

[9] См.: Советский студент. «Известия», 1970, 15 ноября.

Вот почему необходимо совершенствовать методически систему заданий для курсовых и контрольных работ. В частности, на юридическом факультете Воронежского университета накоплен в этом отношении заслуживающий внимания опыт.

Кафедры факультета в качестве заданий для самостоятельной работы, подготовки к заседаниям студенческих научных кружков, контрольных работ стали поручать студентам реферирование и рецензирование книг и журналов, составление обзоров литературы, иногда – реферирование статей, опубликованных в иностранных журналах. Так, например, выглядит один из вариантов контрольной работы по международному праву. Студенту предлагается выбрать книгу, брошюру или ряд статей в журнале «Советское государство и право», «Правоведение», «Международная жизнь», «Мировая экономика и международные отношения» и, прочитав их, подготовить краткую рецензию, в которой указать, что составляет основное содержание работы; что, по его мнению, является в ней положительным, важным и интересным; что показалось сложным и непонятным, какие иные недостатки он подметил в прочитанной книге или статье, и т.п. В другом варианте задания студенту предлагается начертить схему или диаграмму одной из международных организаций или органов внешних сношений какой-либо из стран по материалам монографической литературы и журнальных статей и приложить к схеме краткое объяснение.

Для студентов первого курса организован библиографический семинар, имеющий целью оказать им помощь в отыскании необходимой литературы.

Уже эти небольшие эксперименты показали, что при таком подходе значительно сокращается количество работ, некритически выполненных, а тем более списанных. Студенты сами признали, что готовить работу стало труднее, но зато повысился интерес к ней. Ка-

бинеты кафедр пополнились очень неплохими наглядными пособиями, представленными студентами в качестве контрольных работ.

Квалифицированный юрист должен иметь твердые навыки обобщения и анализа практики деятельности соответствующих органов. Поэтому по инициативе преподавателей все большее число студентов привлекаются к обобщению отдельных категорий дел в судах; некоторые студенты занимаются обобщением практики прокурорского надзора за соблюдением тех или иных законов, работы депутатских групп, комитетов, народного контроля, постоянных комиссий местных Советов и других органов. Многие студенты на общественных началах работают в органах прокуратуры, милиции, исполкомах местных Советов.

В практику высшей школы нужно шире внедрять индивидуальные формы обучения студентов. К ним относятся коллоквиумы, особенно по тем дисциплинам, по которым учебными планами не предусмотрены практические занятия; индивидуальное обязательное консультирование.

Большое значение имеет и факультативная подготовка студентов по естественным и техническим наукам. В условиях научно-технической революции студенты-юристы должны знать практические возможности использования кибернетики, ЭВМ, быть в курсе современной проблематики теории информации, социального прогнозирования.

В традиционных правовых курсах следует больше внимания уделять методу сравнительного правоведения, значение которого подчеркивали К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин[10]. Это позволит обнаружить наиболее оптимальные формы правового регулирования общественных отношений, углубит экспериментальную работу в области права, создаст дополнительные возможности для организационного и процессуального совершенствования деятельности государственного аппарата и т.п.

Жизнь, практика диктуют острую необходимость преподавания курса профессиональной этики, ибо, как указывал еще К. Маркс, каждый класс и каждая профессия имеют собственную мораль и психологию[11]. Изучение этого курса особенно важно сейчас, когда идет процесс активного внедрения научной организации труда и управления, повышения правовой культуры, всего общества и каждого работника.

[10] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 142; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 167.

[11] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 365; см. также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 192.

В учебных планах юридических вузов важно предусмотреть изучение профессиональной педагогики.

Деятельность юриста всегда связана с общественным и индивидуальным воспитанием.

Подготовка юриста – процесс сложный, состоящий как бы из двух компонентов: а) получение студентом известного минимума теоретических знаний и навыков научного исследования; б) приобретение им технических навыков в сфере практической деятельности.

Высшее учебное заведение в состоянии привить своему воспитаннику такие практические навыки, как умение правильно применять соответствующие нормативные акты в той или иной ситуации; анализировать и обобщать практику суда, прокуратуры, исполкомов местных Советов. Едва ли верно, однако, считать, что в вузах студент должен усвоить все тонкости работы на той или иной юридической должности. Конкретные профессиональные навыки приобретаются не на вузовской скамье, а в процессе практической работы, т.е. непосредственно в органах суда, прокуратуры, милиции.

Задача состоит в том, чтобы повысить ответственность и высших учебных заведений, и органов, для которых они готовят кадры, за подготовку высококвалифицированных специалистов. Добиться этого можно путем установления определенных договорных отношений между вузами и органами суда, прокуратуры, милиции.

В настоящее время вузы не знают, сколько выпускников они должны будут направить через год, два года, пять лет в органы прокуратуры, суда, милиции, исполкомы местных Советов и др. Даже в тех случаях, когда соответствующие органы извещают их о нужном им количестве специалистов и своевременно ставят об этом в известность Госплан и Министерство высшего и среднего специального образования, у вуза нет гарантии, что именно данное количество выпускников будет для него предусмотрено планом государственного распределения молодых специалистов. Например, в 1969–1970 учебном году исполкомы Курского и Белгородского областных Советов просили юридический факультет Воронежского университета направить на работу в их аппарат 10 выпускников, о чем они послали ходатайство в плановые органы и Министерство высшего и среднего специального образования. Факультет подобрал кандидатуры студентов, которые хорошо зарекомендовали себя на практике в Советах, имели склонность к этой работе, организовал для них чтение спецкурсов. Когда же пришел план

распределения, то оказалось, что ни одного места в аппарат исполкомов местных Советов им не предусмотрено.

Вот почему вузы все настойчивее ставят вопрос о переходе на прямые договорные отношения с теми органами в областях, краях и районах, для которых они готовят кадры. Зная заранее, сколько и в какие органы обслуживаемых данным вузом областей в следующем году потребуется послать специалистов, вуз сможет организовать практику студентов именно там, где им предстоит работать. А коллектив соответствующего органа будет стремиться внимательнее подходить к организации его практики, тщательнее изучать этого студента, присматриваться к нему. Такая постановка дела повысит и ответственность студентов за подготовку к предстоящей деятельности.

Через пять – десять лет в органах суда, прокуратуры, милиции, исполкомах местных Советов прочно внедрится самая разнообразная управленческая техника – от диктофонов и радиосвязи до компактных настольных электронно-вычислительных машин. С каждым днем совершенствуются технические средства, которыми располагают органы следствия и милиции.

Необходимо уже сейчас подготовить студентов к овладению этой техникой. Видимо, настало время подумать и о создании специальных учебных курсов, посвященных новой криминалистической и организационной технике, об оснащении кабинетов юридических вузов образцами такой техники. Большую помощь в этом могли бы оказать высшим учебным заведениям Министерство внутренних дел и Прокуратура СССР.

Говоря о перспективах юридического образования, нужно уделить внимание и подготовке преподавательских кадров.

До последнего времени должности преподавателей в юридических вузах занимали в основном лица, окончившие аспирантуру. Однако все чаще преподавательские должности замещаются практическими работниками, получившими ученые степени путем соискательства. Например, на юридическом факультете Воронежского университета из 40 штатных преподавателей 21 работает сейчас над диссертациями либо получили ученую степень в порядке соискательства.

Если аспиранты в соответствии с Положением об аспирантуре в какой-то мере изучают литературу по методике преподавательской и научной работы, то соискатели только пишут диссертацию. В вопросах педагогики высшей школы они обычно разбираются слабо, что сказывается и на качестве их подготовки. Следует поэтому нормативно закрепить положение об обязанности соискателей изучать определенный минимум литературы по педагогике высшей школы и методике научных исследований.

Уже сейчас ощущается недостаток преподавателей по некоторым специальностям, в частности, по истории политических учений, государственному праву зарубежных социалистических государств, государственному праву буржуазных стран. Во-первых, мал прием в аспирантуру по этим специальностям. Во-вторых, весьма незначителен объем часов, отводимых учебными планами на указанные курсы. Преподаватели этих дисциплин, чтобы выполнить минимум педагогической нагрузки, вынуждены вести еще какую-либо дисциплину. В результате они оказываются не в состоянии следить за колоссальным, всё возрастающим потоком информации по нескольким предметам, что неизбежно сказывается на качестве преподавания. В конечном счете страдает студент. Кстати, следовало бы вообще подумать над тем, чтобы преподаватель вел не более одного курса.

Включение в учебный план все новых дисциплин ставит вопрос и о подготовке преподавателей по этим дисциплинам. Не секрет, что по таким предметам, как «Основы науки управления», «Общая и судебная психология», «Ораторское искусство», «Методика социологических исследований», специалистов пока нет.

Уже назрела потребность в централизованной подготовке преподавателей новых дисциплин. Может быть, на первых порах целесообразно на факультете повышения квалификации преподавателей организовать цикл лекций. Стоит подумать и над периодическим проведением семинаров, где преподаватели новых курсов могли бы обмениваться опытом. Формы их подготовки, видимо, могут быть различными, но во всех случаях подготовка должна быть централизованной.

Г. Ф. Горский, В. С. Основин

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Система высшего юридического образования в СССР в основном: обеспечивает государственный аппарат и хозяйственные органы квалифицированными кадрами юристов. Только институтами и юридическими факультетами РСФСР за годы девятой пятилетки подготовлено более 22 тыс. специалистов, которые пополнили ряды работников правового фронта.

Однако решение задач коммунистического строительства требует дальнейшего укрепления законности и правопорядка. А это обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования системы высшего юридического образования с учетом возрастающих требований, которые жизнь предъявляет сегодня к юристам. В заключительном слове на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Мы поступим правильно, поступим по-ленински, если, отдавая должное достигнутому, сосредоточим внимание на недостатках, которые у нас еще есть, на нерешенных задачах»[1].

Основа всякой социальной системы – кадры, призванные осуществлять ответственные задачи, которые ставятся перед ними. Поэтому важнейшей проблемой совершенствования системы юридического образования в стране является проблема кадров. Один из основных ее аспектов – обеспечение вузов профессорско-преподавательским составом. Факты свидетельствуют, что на сегодняшний день задача эта решена неудовлетворительно. Хотя за последнее пятилетие здесь и наблюдался известный рост, преподавателей, имеющих ученые степени, еще не хватает. Так, если в 1971 г. доктора юридических наук от общего числа преподавателей юридических вузов страны составляли 8,8 %, а кандидаты наук – 52,6 %, то в 1975 г. число докторов наук возросло до 10 %, а кандидатов – до 56 %[2]. Количество юридических научных работников по отношению к общему количеству научных работников значительно меньше, чем в других общественных науках: юридические научные работники – 0,9 %, историки – 3,3 %, философы – 3,1 %, филологи – 10,8 %, искусствоведы –2,6 %. Из них доктора юридических наук составляли 2,3 %, историки – 5,8 %, философы – 3,3 %,

* Первая публикация данной работы : Правоведение. 1976. № 3.

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 91.

[2] См.: Научно-педагогические кадры. М., 1975. С. 7.

филологи – 4,8 %. Удельный вес кандидатов юридических наук равен 1,3 %, в то время как историков – 5,1 %, философов – 4,2 %, филологов – 5,9 %[3].

Между тем сфера применения юридических кадров неуклонно расширяется. Возрастает потребность в квалифицированных юристах а различных областях народного хозяйства, в аппарате министерств, ведомств и местных Советов, в районах Севера и Востока страны. Все это обусловливает необходимость расширения сети юридических вузов. Многое в этом направлении уже сделано. В частности, только в РСФСР за последние десять лет начали действовать юридические факультеты в Барнауле, Иванове, Красноярске, Калининграде, Калинине, Краснодаре, Куйбышеве, Омске, Ярославле, а также в Удмуртском и Северо-Осетинском государственных университетах. Вместе с тем к началу десятой пятилетки многие юридические факультеты испытывали острый недостаток в квалифицированных преподавателях. Так, на юридических факультетах Алтайского, Ивановского, Северо-Осетинского, Кемеровского и Омского университетов нет ни одного доктора наук. На многих факультетах значительный объем педагогической нагрузки по чтению сложных курсов выполняется почасовиками и ассистентами, не имеющими ученых степеней и достаточного опыта педагогической работы. Более 53 % кафедр юридических вузов РСФСР возглавляется не докторами наук.

Основная форма подготовки научных кадров для юридических вузов – аспирантура. Однако положение с ней вызывает известную тревогу. Число аспирантов-юристов имеет значительно меньший удельный вес, чем число аспирантов по другим общественным наукам: аспиранты-юристы – 1 %, историки – 3,1 %, философы – 2,6 %, филологи – 2,9 %[4]. В то же время прием в аспирантуру по юридическим дисциплинам весьма ограничен, а в ряде ведущих вузов страны он за последние годы сокращен. Поэтому уже сейчас по некоторым дисциплинам, например, теории и истории государства и права, финансовому праву, государственному праву буржуазных государств, истории политических учений, международному праву ощущается острая нехватка квалифицированных преподавателей.

Все еще недостаточна эффективность аспирантуры, ибо значительное число оканчивающих ее не защищает диссертации в срок. По юридическим вузам РСФСР эта цифра составляет 34 %. За последние годы уменьшается приток в аспирантуру практических работников.

[3] См. там же. С. 6–7.

[4] См.: Там же.

Очная аспирантура начинает комплектоваться в основном за счет лиц, оканчивающих вузы и проявивших склонность к научной работе. Но поступающий в аспирантуру со студенческой скамьи не в состоянии в условиях все возрастающих требований к качеству аспирантской подготовки за три года сдать экзамены кандидатского минимума, овладеть педагогическими навыками, подготовить несколько публикаций по теме диссертации, оформить диссертацию к защите. Вот почему необходимы специальные меры, направленные на создание аспирантам условий, обеспечивающих возможность защиты диссертации в срок. В частности, следует оказывать необходимое содействие в опубликовании работ аспирантов в юридических журналах, целесообразно проведение внутривузовских, межвузовских аспирантских конференций и т.п.

За последние годы уменьшился приток на преподавательскую работу в юридические вузы практических работников. Это в определенной мере связано с увеличением интенсивности их труда, а также с тем, что ставка преподавателя вуза в отдельных случаях ниже заработной платы квалифицированных работников государственного аппарата. Такое положение отрицательно сказывается на качестве подготовки юристов, ибо проведение практических занятий работниками суда, прокуратуры, органов внутренних дел дает ощутимый эффект. Поэтому одна из насущных задач – привлечение на работу в юридические вузы страны высококвалифицированных практических работников. Возможно, следует обсудить вопрос о сохранении за специалистами-практиками, перешедшими на преподавательскую работу, заработной платы, которую они получали по прежнему месту работы.

Нуждается в специальном рассмотрении вопрос о стимулировании научной работы преподавателей вузов. Сейчас в вузах страны сосредоточено более 50 % ученых-юристов, которые вносят существенный вклад в развитие отечественной науки. Однако основная задача вузов – подготовка высококвалифицированных специалистов. Поэтому научная работа в вузе в значительной мере должна быть направлена на решение этой задачи. Преподаватель должен на высоком идейном и научном уровне вести учебную и методическую работу; осуществлять идейно-политическое воспитание студентов; оказывать помощь в организации самостоятельных занятий и руководить научно-исследовательской работой студентов; систематически совершенствовать свое педагогическое мастерство[5], т.е. выполнять те

[5] См.: СП СССР. 1969. № 4. Ст. 24.

виды работы, которые не свойственны работникам научно-исследовательских учреждений. Часть времени преподавателя затрачивается на подготовку лекций, руководство курсовыми и дипломными работами, разработку методических указаний, консультации, экзамены и другие виды преподавательской деятельности. Научной работой он занимается во второй половине рабочего дня, тогда как работник научно-исследовательского института занимается ею полный рабочий день. Однако материальное стимулирование научной работы того и другого осуществляется одинаково; и преподаватель, и работник научного учреждения, выполняющие плановую тему, не получают за это гонорара, ибо принято считать, что и та и другая темы финансируются из бюджета. Но ведь условия для выполнения работы в этих случаях разные. Очевидно, и оплата труда в том и другом случаях должна быть различной.

Следует упорядочить нагрузку преподавателей. На большинстве юридических факультетов преподавателями, ведущим курсы по истории политических учений, государственному праву зарубежных социалистических государств, государственному праву буржуазных государств, указанные дисциплины не обеспечивают полной педагогической нагрузки в соответствии с нормами, установленными министерством. В результате они вынуждены вести еще одну дисциплину. Если в прошлом с этим можно было как-то мириться, то сейчас, когда объем научной информации неуклонно возрастает, такое положение нельзя признать нормальным. Преподаватель, ведущий несколько дисциплин, фактически не в состоянии следить за всей выходящей литературой, успешно заниматься научной работой. А это неизбежно сказывается и на качестве преподавания. Вот почему необходимо решить проблему таким образом, чтобы каждый преподаватель вел только одну дисциплину.

Целесообразно поставить вопрос о предоставлении Ученым советам вузов права на введение коэффициента при выполнении различных видов нагрузки, в частности, при чтении лекций по новым или «редким» спецкурсам, при проведении некоторых спецсеминаров, руководстве отдельными дипломными работами, а также работами аспирантов (например, написанными с использованием иностранных источников).

Важная проблема совершенствования системы высшего юридического образования – улучшение порядка формирования студенческого контингента. В настоящее время юридические институты, юридические факультеты и Высшие школы МВД в основном готовят

практических работников государственного аппарата: следователей, судей, адвокатов, юрисконсультов и т.п. Однако порядок формирования юридических вузов студенческим контингентом различен. Абитуриенты, поступающие в юридические институты и Высшие школы милиции, принимаются на учебу по направлениям соответствующих партийных и комсомольских органов. Абитуриенты, поступающие на юридические факультеты, – без таких направлений.

Сложившийся порядок не соответствует роли, которую играют сейчас университеты. В современном мире, отмечалось на VI генеральной конференции Международной ассоциации университетов, деятельность университетов становится все более значимой в экономической и социальной жизни каждой страны. Они осуществляют подготовку высококвалифицированных специалистов для всех отраслей материального производства и духовной жизни, вносят весомый вклад в развитие научно-технической революции.

Ведь юрист – не просто специалист. Он призван активно бороться за укрепление законности и правопорядка, должен быть умелым воспитателем и организатором.

Вот почему порядок подбора абитуриентов в юридические вузы вообще и на юридические факультеты в частности нуждается в совершенствовании. К сожалению, у нас отсутствуют научно обоснованные методики подбора абитуриентов. Нет пока и научно обоснованных методик выработки в процессе обучения качеств, необходимых юристам определенной специализации. Разработка таких методик – одна из актуальных задач. При подготовке юристов узкой специализации, в том числе для органов управления и народного хозяйства, необходимо, чтобы распределение выпускников осуществлялось на 3 курсе. Это даст возможность более целесообразно и своевременно осуществлять подготовку в соответствии с будущей специализацией.

Важная проблема совершенствования системы высшего юридического образования – улучшение учебного процесса. «В современных условиях, когда объем необходимых для человека знаний резко и быстро возрастает, – отмечалось на XXV съезде КПСС, – уже невозможно делать главную ставку на усвоение определенной суммы фактов. Важно прививать умение самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в стремительном потоке научной и политической информации. Тут нас ждет большая работа»[6].

Эти замечания имеют прямое отношение и к системе высшего юридического образования. Для совершенствования учебного процесса прежде всего необходимы научно обоснованные планы, составленные на основе тщательно разработанных профессиограмм юридических специальностей, ибо действующие планы далеко не совершенны. Например, трудно объяснить, почему студенты первого курса дневного отделения юридических факультетов в первом семестре сдают три экзамена, а во втором – пять? Почему советское государственное право на дневном отделении изучается во втором семестре, а на вечернем и заочном – в третьем? Почему, например, учебная практика на дневном отделении планируется в июле – в самый разгар отпускного периода, когда трудно обеспечить квалифицированное руководство ею и со стороны соответствующих органов, и со стороны учебных заведений? Это, а также многое другое, свидетельствует о том, что действующие учебные планы далеки от совершенства.

[6] Материалы XXV съезда КПСС. С. 77.

Очевидно, что в век научно-технической революции, когда знания, полученные в вузе, быстро устаревают, учебные планы должны быть устремлены в будущее, нацелены на овладение современными методами социологических исследований, использование сложной техники, в том числе и вычислительной.

Возникает необходимость и в более внимательном и научно обоснованном решении вопроса о структуре дисциплин, включаемых в учебные планы, «перечне» различных видов учебных занятий в зависимости от специализации, перечне письменных работ, выполняемый студентами, и т. п. Уже сейчас имеются реальные возможности для того, чтобы из многочисленных вариантов учебного плана с помощью ЭВМ выбрать наиболее рациональный для тех условий, которые будут существовать в юридической практике через пять – десять лет, когда сегодняшние студенты станут зрелыми специалистами.

В разработке таких планов, видимо, должны принимать участие не только юристы и работники методического управления Министерства высшего и среднего специального образования СССР, но и работники учреждений, куда направляются выпускники юридических вузов, психологи, представители педагогической науки, прогнозисты, математики-программисты, физиологи и другие специалисты. Толька совместными усилиями представителей разных специальностей возможно создать учебные планы, отвечающие современным требованиям.

Одна из проблем улучшения системы высшего юридического образования – совершенствование средств обучения. В частности, назрела необходимость пересмотра требований, предъявляемых к современному вузовскому учебнику. Его задача в современных ус-

ловиях не столько в том, чтобы давать студентам минимум необходимой информации, сколько в том, чтобы нацеливать на то, каким путем и какую информацию им следует получить для уяснения того или иного вопроса. Иначе говоря, он должен быть руководством для самостоятельного изучения научной дисциплины.

Важная сложная проблема – внедрение в учебный процесс современных технических средств обучения. Пока ни один юридический вуз страны не может констатировать, что ему удалось решить данную проблему. Эффективное использование в учебном процессе телевизионной и сложной счетно-вычислительной техники, создание магнитотек лекций и консультаций виднейших советских ученых, широкое внедрение в учебный процесс по всем дисциплинам кино- и видеозаписи, а также машинных средств обучения и контроля знаний – все это в ближайшем будущем должно найти широкое применение, но пока осуществляется различными вузами без достаточного теоретического обоснования и научных методик. Это приводит к нерациональной трате государственных средств и не дает должного эффекта. Вот почему необходимы определенные организационные меры, направленные на решение данной проблемы. Видимо, решать ее нужно в централизованном порядке.

Нуждаются в совершенствовании и такие традиционные средства обучения и воспитания, как лекции и семинарские занятия. В современный период лекция все больше и больше должна выполнять роль «путеводителя» по курсу. В ней основной акцент должен делаться на объяснение социальной, политической, хозяйственной значимости соответствующих проблем, путей и средств их решения. В лекциях по всем юридическим дисциплинам значительно большее внимание следует уделять критике буржуазных правовых теорий.

Целесообразна разработка более совершенных методических пособий для семинарских занятий, планы которых сейчас составляются каждым вузом самостоятельно. В результате и объем рекомендуемой к семинару литературы, и темы занятий существенным образом отличаются друг от друга. Настало время создавать межвузовские методические разработки к семинарским занятиям. Это обеспечит единство требований к студентам, позволит установить одинаковый методический подход к проведению семинаров.

Необходимы решительные меры по обеспечению юридических вузов достаточным количеством кодексов, нормативных материалов, которых на большинстве юридических факультетов не хватает. Давно назрел вопрос о первоочередном централизованном снабжении

юридических вузов средствами криминалистической техники и обеспечении их штатами учебно-вспомогательного персонала, без которого эта техника останется мертвым капиталом.

Важная проблема совершенствования учебного процесса – повышение эффективности контроля за самовоспитанием студентов. Процесс обучения – это управляемый процесс. А всякий управляемый процесс предполагает постоянное циркулирование информации от субъекта управления к объекту и от него – к субъекту. Преподаватель, сообщая студентам определенное количество информации, нацеливая вместе с тем на самостоятельное ее получение и изучение, должен иметь представление об эффективности данных им указаний, т.е. о том, как выполнены его указания, насколько хорошо усвоена необходимая информация.

В средней школе это достигается путем ежедневного опроса, в вузе – путем семинаров и практических занятий. Но, во-первых, такие занятия проводятся далеко не по всем предметам; во-вторых, делается это не ежедневно, что приводит к неритмичности работы студентов, следствие чего – непрочные знания. В целях решения указанной проблемы различными вузами предпринимаются попытки к нормированию ежедневного труда студентов путем составления графиков самостоятельной работы, промежуточных собеседований по отдельным разделам и темам курсов и т. п. Однако считать ее решенной нельзя. Нужны систематически проводимые межвузовские научно-методические конференции, а также иные меры распространения передового опыта в организации контроля.

Одна из серьезных проблем – совершенствование критериев эффективности учебного процесса. По установившейся традиции показателями эффективности учебного процесса принято считать оценки, полученные студентами в период экзаменационной сессии, а также процент отсева. Но жизнь показывает, что эти критерии не могут объективно характеризовать качество учебно-воспитательного процесса, ибо, во-первых, они зависят от многих субъективных факторов (квалификации и требовательности преподавательского состава, дисциплинарной практики администрации вуза); во-вторых, не позволяют проверить знания на уровне умения, а также выявить наличие у студентов навыков и качеств, необходимых специалисту определенного профиля.

Возведение названных показателей в ранг критериев эффективности может привести даже к нежелательным последствиям: снижению требовательности в оценке знаний студентов на экзаменах и

зачетах, ибо кафедры и преподаватели, взыскательно оценивающие знания студентов, оказываются в худшем положении по сравнению с теми, которые проявляют неоправданный либерализм. Включение в число критериев эффективности учебного процесса такого показателя, как процент отсева обусловливает определенную робость в отчислении тех студентов, которые не выполняют установленную Основами законодательства СССР и союзных республик о народном образовании обязанность «систематически и глубоко овладевать знаниями и практическими навыками, посещать учебные занятия, в установленные сроки выполнять задания, предусмотренные учебным планом и программами, повышать свой идейный и культурный уровень, участвовать в общественно-полезном труде…»[7].

Необходимо выработать объективные критерии эффективности учебного процесса. Ими могли бы, например, стать: количество лиц из числа окончивших вуз, приступивших к работе по специальности, там, куда их направила Государственная комиссия по распределению молодых специалистов; количество выпускников прошлых выпусков, продвинувшихся по службе или наоборот, уволенных со службы ввиду несоответствия занимаемой должности; количество выпускников вуза, отмеченных поощрениями по службе, и другие показатели, характеризующие не то, как студент запомнил полученную в вузе информацию, а свидетельствующие о том, что он за время обучения приобрел необходимые навыки и практически умеет применить полученные знания. Ведь задача вуза не только в том, чтобы дать своим воспитанникам определенный объем знаний. Их цель, как это указывается в Положении о вузе, состоит в подготовке «высококвалифицированных специалистов с глубокими теоретическими и необходимыми практическими знаниями по специальности, владеющих марксистско-ленинской теорией, новейшими достижениями отечественной и зарубежной науки и техники, воспитанных в духе высокой коммунистической сознательности, советского патриотизма, дружбы народов и пролетарского интернационализма, обладающих навыками организации массово-политической и воспитательной работы»[8]. Проверить, приобрел ли студент за время обучения указанные качества, возможно только в процессе его практической работы.

Выработка объективных критериев не только будет способствовать повышению ответственности вузов за качество подготовки

[7] Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 30. Ст. 328.

[8] СП СССР. 1969. № 4. Ст. 24.

специалистов, но и явится стимулом к усилению связей вузов с государственными органами.

Насущная задача – укрепление материальной базы юридических вузов. В настоящее время лишь факультеты Ленинградского и Литовского университетов, Саратовский, Харьковский институты находятся в удовлетворительных условиях. Без решения этой задачи дальнейшее развитие юридического образования, обеспечение народного хозяйства, органов юстиции, прокуратуры и МВД юридическими кадрами будет затруднено. Ведь в настоящее время запросы органов управления и отраслей народного хозяйства на юристов высшей квалификации удовлетворены недостаточно[9].

Наконец, важная проблема дальнейшего совершенствования системы высшего юридического образования – изменение соотношения между численностью студентов дневного, вечернего и заочного обучения. Задача эта решается, но медленно. Сейчас доля студентов дневного обучения в юридических институтах и на факультетах составляет примерно 28 % от общего количества студентов, хотя именно данная форма обучения экономически более выгодна[10] и обеспечивает более высокий уровень подготовки специалистов. На это обращалось внимание в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 сентября 1966 г. «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием». В нем указывалось: «Учитывая, что подготовка специалистов с высшим и средним образованием при дневном обучении с отрывом от работы, как показала практика, имеет коренные преимущества как по качеству подготовки специалистов, так и по экономическим соображениям, Госплану СССР, Министерству высшего и среднего специального образования СССР, Советам министров союзных республик, министерствам и ведомствам СССР, имеющим учебные заведения, при разработке планов подготовки специалистов предусмотреть дальнейшее преимущественное развитие дневного обучения в высших и средних специальных учебных заведениях»[11].

Указание это актуально и сегодня, ибо лица, заканчивающие дневные отделения институтов и факультетов, составляют абсолют-

[9] См.: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Вопросы дальнейшего совершенствования юридического образования в стране в свете решений XXIV съезда КПСС». М., 1973.

[10] См.: Р е м е н н и к о в Б. М. Экономические проблемы высшего образования в СССР. М., 1968. С. 100.

[11] СП СССР. 1966. № 20. Ст. 176.

ное большинство тех, кто по направлениям Государственных комиссий пополняет кадры специалистов-юристов во всех уголках страны. Например, в РСФСР потребность в специалистах с высшим юридическим образованием на 80 % удовлетворяется за счет выпускников дневных отделений и лишь на 20 % за счет выпускников вечерних и заочных отделений, хотя доля их выпускников в общем количестве тех, кто окончил факультет (и институты) составляет около 70 %.

Высшая юридическая школа дает специалистам базовое фундаментальное образование. Но этого запаса знаний не хватит на всю профессиональную жизнь выпускника. Сейчас важно разработать систему переподготовки юридических кадров, работающих во всех сферах народного хозяйства и государственного управления. Это потребует от высшей школы серьезной перестройки базового образования, усиления связи с ведомствами, куда направляются выпускники, создания новых форм и методов послевузовского обучения специалистов.

Мы полагаем, что вопросы содержания современного юридического образования, создание моделей специалистов-юристов и паспортов юридических специальностей, организационных форм и педагогических методов послевузовского профессионального обучения юристов, внедрение результатов научных исследований в право и итогов прогностического исследования отдельных правовых аспектов в учебный процесс, условия правовой специализации, соотношение в учебном процессе форм и методов коллективного и индивидуального обучения, проблемного и прогностического обучения, вопросы политического воспитания специалиста-юриста на основе разработанных комплексных программ воспитательной работы на весь период обучения должны быть предметом обсуждения Головного совета по высшему юридическому образованию при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР, Ученых советов вузов, Всесоюзного совещания по проблемам юридического образования, необходимость созыва которого диктуется жизнью.

Т. М. Сыщикова

кандидат юридических наук, доцент

П. Н. Шабанов

кандидат юридических наук

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ: ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА Г. Ф. ГОРСКОГО ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О юридическом образовании, его проблемах и реформировании – говорят часто. Дискуссию ведут ученые-юристы, представители различных юридических профессий, общественные и политические деятели, юристами не являющиеся, но обеспокоенные настоящим положением и судьбой юридического образования в России. Ведь эта проблема не узкопрофессиональная, имеет большое общественное и государственное значение ввиду важности наличия квалифицированных юристов для утверждения правового государства, установления законности и правопорядка, нормального функционирования институтов гражданского общества, а также профессиональной работы большого числа государственных органов.

Недаром вопросам качества юридического образования уделяют значительное внимание и высшие должностные лица в Российской Федерации – президент и премьер-министр, что свидетельствует о понимании проблемы на самом высоком уровне. Об этом говорит и принятый в 2009 г. Указ Президента РФ № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации», в котором прописаны первоочередные меры по совершенствованию юридического образования.

Одновременно было принято и поручение Президента Правительству РФ, достаточно большое по объему и более широкое по содержанию. Например, в первом пункте этого поручения речь идет о том, чтобы утвердить перечень профильных и непрофильных вузов. Практически сразу стали появляться различные трактовки данного документа: «На рынке образовательных услуг

© Сыщикова Т. М., Шабанов П. Н., 2014

необходимо создать определенные ограничения для тех вузов, где юридическое образование является непрофильным. В таких вузах не должно быть бюджетных мест для подготовки юристов»[1].

Когда говорят о недостатках и, как следствие, о совершенствовании юридического образования, зачастую, мы слышим об инновациях в образовании, современных методах и формах обучения, использовании высоких технологий и ориентации на передовой опыт в юридическом образовании зарубежных стран. Как правило, делается акцент на то, что проблемы юридического образования возникли в последние 15–20 лет и решать их нужно на основе современных рекомендаций[2].

Со всем этим можно согласиться, но не следует забывать, что многие проблемы существуют, в том или ином виде, уже достаточно давно. Необходимо посмотреть назад и внимательно изучить рекомендации, выработанные юридической научной мыслью прошлого, не такого, впрочем, и далекого, касающиеся решения насущных проблем юридического образования. Тем более что имеется достаточное количество работ известных ученых-юристов, посвященных данной проблематике.

Одними из актуальнейших являются научные работы двух ярких представителей воронежской школы права – профессоров, докторов юридических наук Геннадия Федоровича Горского и Виктора Степановича Основина «Перспективы юридического образования в СССР»[3] и «Проблемы совершенствования высшего юридического образования»[4]. (Здесь и кроется ответ на, возможно, уже возникший у читателя вопрос: Какое отношение имеет данная статья к труду, посвященному памяти проф. Г. Ф. Горского?) Работы, написанные в соавторстве двумя блестящими учеными – мэтрами юридической науки, талантливыми организаторами, имеющими богатый опыт в управлениями образовательными процес-

[1] Проблемы качества юридического образования : интернет-конференция Шахрая Сергея Михайловича. URL:// http://www.garant.ru/action/conference/10208/

[2] См.: *Кутузов В. И., Гриб В. В*. Новая волна модернизации юридического образования // Юридическое образование и наука. 2010. № 1. С. 15–20.

[3] См.: *Основин В. С., Горский Г. Ф*. Перспективы юридического образования в СССР // Правоведение. 1971. № 4. С. 104–110.

[4] См.: *Горский Г. Ф., Основин В. С.* Проблемы совершенствования высшего юридического образования // Правоведение. 1976. № 3. С. 15–22.

сами[5], – не должны оставаться невостребованными и могут дать обширную пищу для размышлений современным реформаторам юридического образования. В статьях содержится тщательный анализ имеющихся (на тот период времени) проблем юридического образования, большинство из которых актуальны до сегодняшнего дня, и, самое главное, предложены пути решения этих проблем. Причем проработка конкретных рекомендаций настолько профессиональная, глубокая и всесторонняя, что остается в большинстве случаев огорчиться отсутствию подобного подхода в настоящее время.

Внимательно изучив каждую статью Геннадия Федоровича и Виктора Степановича, невольно для себя отмечаешь, что ее нужно лишь немного откорректировать, привести в соответствие с современными реалиями и хоть завтра – в печать. Уверены: они вызвали бы немалый отклик, и были бы названы своевременными и актуальными, и это несмотря на то, что им уже около 40 лет. Это и есть свойство настоящего ученого, когда его мысль не теряет новизны и злободневности даже по прошествии длительного времени.

Какие же проблемы обозначили два известных профессора в своих работах? Какие предложили решения? И как сейчас выглядят те слабые места в юридическом образовании, которые отметили Г. Ф. Горский и В. С. Основин? Об этом и пойдет речь далее.

Первая проблема, о которой говорят, по меткому выражению профессора В. А. Панюшкина, «отцы-основатели» факультета, – это кадры. В первую очередь, о недостатке преподавателей, имеющих ученую степень. Мы не проводили всеобъемлющего анализа по России, в отличие от Геннадия Федоровича и Виктора Степановича, но на основе общедоступных данных, взятых с интернет-сайтов ряда государственных юридических вузов и факультетов государственных университетов, можно сказать об отсутствии данной проблемы в настоящий момент. А вот в другом аспекте кадровой проблемы: «на юридических факультетах …(ряда)… университетов нет ни одного доктора наук»[6] – можно говорить и сейчас. Проанализировав профессорско-преподавательский состав

[5] Проф. Г. Ф. Горский был заведующим кафедрой, проректором ВГУ, а также председателем Головного Совета Минвуза РСФСР по экономике и планированию высшего образования; проф. В. С. Основин был заведующим кафедрой, деканом юридического факультета ВГУ.

[6] *Горский Г. Ф., Основин В. С.* Проблемы совершенствования высшего юридического образования. С. 16.

ряда юридических факультетов государственных университетов, с сожалением констатируем наличие на факультете одного-двух докторов наук, да и то, зачастую, историков или медиков. Профессор, доктор наук – это сила и гордость факультета. И в их фактическом отсутствии сразу возникает вопрос и о качестве образования, и о ведущейся на юридическом факультете научной работе. Хочется отметить, что юридический факультет ВГУ находится среди лучших по данному показателю, а это, в свою очередь, несомненно свидетельствует о его научной и образовательной мощи.

Профессор Г. Ф. Горский и профессор В. С. Основин не могли не уделить внимание проблемам подготовки кадров для преподавательской и научной работы. Актуально звучат такие слова: «Основная форма подготовки научных кадров для юридических вузов – аспирантура. Однако положение с ней вызывает известную тревогу… прием в аспирантуру по юридическим дисциплинам весьма ограничен, а в ряде ведущих вузов страны он за последние годы сокращен»[7]. Прошло 40 лет, а проблемы те же. И если в середине 70-х гг. XX в. проблемой было просто небольшое количество мест в аспирантуре, то в 2000-х – это малое количество мест с финансированием из федерального бюджета. К сожалению, их количество постоянно уменьшается не только в аспирантуре, где их почти уже нет, но и по программе подготовки бакалавров. Лишь в магистратуре наметился небольшой рост, но только в 2014 г.

Отсутствие «бюджетных» мест в аспирантуре создает определенные препятствия в подготовке квалифицированных кадров для юридических вузов и факультетов. Как вузам готовить кадры, если талантливый, занимающийся наукой студент не имеет достаточных денежных средств, чтобы оплатить свое обучение в аспирантуре. Пусть у студентов менее драматичная ситуация. Но и на первом, и на втором уровнях высшего образования такие же по сути проблемы. Представляется, что в данной сфере образовательные кредиты, как и соискательство, не выход. Г. Ф. Горский и В. С. Основин, говоря о соискателях, совершенно справедливо отмечали, что «в вопросах педагогики высшей школы они обычно разбираются слабо»[8], т.е. являются учеными, но не преподавателями.

[7] *Горский Г. Ф., Основин В. С.* Проблемы совершенствования высшего юридического образования. С. 16.

[8] *Основин В. С., Горский Г. Ф.* Перспективы юридического образования в СССР. С. 110.

Получается, вузы должны черпать новые кадровые ресурсы не из числа талантливой молодежи, достойной продолжить образование в аспирантуре, а из числа тех, кто может позволить себе учиться в аспирантуре на договорной основе. Думается, что со сформированной на таких принципах новой «интеллектуальной элитой» о преломлении негативных тенденций, совершенствовании и модернизации российского юридического образования придется забыть надолго, если не навсегда.

По-прежнему актуален «вопрос о стимулировании научной работы преподавателей вузов»[9] и оплате труда преподавателей. Абсолютное большинство профессорско-преподавательского состава – разносторонне одаренные, стремящиеся реализовать себя люди, желающие быть успешными и в научной, и в преподавательской деятельности. Качественная подготовка к лекциям, практическим занятиям и лабораторным работам требует большого количества времени, знания последней монографической литературы и периодики. Научная работа также весьма «времязатратное» дело. Но, учитывая реальность, вопрос о «хлебе насущном» возникает почти у всех, в той или иной степени. К тому же уровень доходов не последний показатель успешности, а талантливый ученый, преподающий в вузе, должен быть успешным во всех смыслах. Поэтому большая часть профессорско-преподавательского состава встает перед проблемой распределения своих сил и времени. А дальше возможны различные варианты: например, изматывающая работа в нескольких вузах на 2–2,5 ставки, либо практическая деятельность, которая, безусловно обогащая преподавателя новыми знаниями, почти всегда требует все больше времени и приобретает, из-за материального аспекта преобладающее значение. Учебные занятия же и научная деятельность уходят на второй план. Безусловно, многие преподаватели блестяще сочетают науку, преподавание и практику, но есть и другие примеры.

Вопрос оплаты труда преподавателей, думается, «смог решить только М. В. Ломоносов, который просил Екатерину II дать профессору оклад, равный окладу капитана русской армии»[10]. Сегодняшнюю ситуацию, когда профессор, доктор юридических наук

[9] *Горский Г. Ф., Основин В. С.* Проблемы совершенствования высшего юридического образования. С. 17.

[10] *Кутузов В. И., Гриб В. В.* Новая волна модернизации юридического образования // Юридическое образование и наука. 2010. № 1. С. 19.

зарабатывает меньше лейтенанта полиции или Российской армии, вряд ли можно признать нормальной. В настоящее время в Воронежском государственном университете должностной оклад профессора, доктора наук, при этом заведующего кафедрой, не превышает 30 тысяч рублей. Сравнить эту сумму с заработной платой офицеров-силовиков можете сами, и это при разнице в пенсионном обеспечении, а также отсутствии других материальных и социальных льгот.

Определенные меры предпринимаются Правительством РФ и отраслевым министерством. В частности, существуют планы довести среднюю заработную плату профессорско-преподавательского состава вузов до размера двух средних заработных плат в экономике соответствующего региона России, но их явно недостаточно. Тем более непонятно, как эти планы будут выполняться в условиях сложившейся экономической и политической ситуации.

Конечно, многие ученые продолжат заниматься наукой и, несмотря ни на что, будут преданы любимому делу, и такие ученые-альтруисты будут появляться и дальше. Но проблема прихода в науку новых кадров, их воспитания стоит достаточно остро.

Еще одна проблема, поднимаемая Геннадием Федоровичем и Виктором Степановичем в статьях – улучшение учебного процесса, совершенствование учебных планов[11]. Крайне актуально звучат их слова о необходимости научного обоснования содержания учебных планов. Вызывает огромное уважение их подлинно научный подход к разработке таких планов. Совершенно обоснованно Г. Ф. Горский и В. С. Основин говорят о том, что помимо юристов в данном процессе должны принимать участие «работники учреждений, куда направляются выпускники юридических вузов, психологи, представители педагогической науки, прогнозисты, математики-программисты, физиологи и другие специалисты. Только совместными усилиями представителей разных специальностей, возможно, создать учебные планы, отвечающие современным требованиям»[12]. Сейчас о таком комплексном подходе остается только мечтать.

Да и о какой сбалансированности в учебных планах может идти речь, если на юридических факультетах и в юридических вузах еще не состоялось ни одного выпуска бакалавров, а уже грядут новые изменения, обусловленные появлением академических и прикладных бакалавров.

[11] См.: *Основин В. С., Горский Г. Ф.* Перспективы юридического образования в СССР. С. 104–108 ; *Его же*. Проблемы совершенствования высшего юридического образования. С. 18–20.

[12] *Горский Г. Ф., Основин В. С.* Проблемы совершенствования высшего юридического образования. С. 19.

Весьма разумными выглядят рекомендации профессоров Г. Ф. Горского и В. С. Основина по составлению учебных планов с учетом требований к будущим специалистам со стороны конкретных работодателей, а также с привлечением их к этой работе. К тому же будущему работодателю лучше всех известно, что нужно дипломированному специалисту для успешной работы. Такая практика уже существует, и в Воронежском государственном университете есть удачные примеры взаимодействия с крупными работодателями и, как следствие, подготовки специалистов, которые однозначно будут востребованы. А что еще, если не трудоустройство выпускника, работа его по специальности говорит о высоком качестве образования в вузе?

Именно об этом как одном из критериев эффективного учебного процесса говорят Геннадий Федорович и Виктор Степанович. Они критикуют в своей статье использование оценок, полученных студентами в период экзаменационной сессии, и количество отчисленных студентов в качестве критериев эффективности учебного процесса. И предлагают собственные критерии, среди которых: «количество лиц из числа окончивших вуз, приступивших к работе по специальности там, куда их направила Государственная комиссия по распределению молодых специалистов; количество выпускников прошлых выпусков, продвинувшихся по службе или наоборот, уволенных со службы ввиду несоответствия занимаемой должности; количество выпускников вуза, отмеченных поощрениями по службе, и другие показатели, характеризующие не то, как студент запомнил полученную в вузе информацию, а свидетельствующие о том, что он за время обучения приобрел, необходимые навыки и практически умеет применить полученные знания»[13]. Представляется уместным провести аналогию, говоря о дне сегодняшнем, с процентом работающих по специальности выпускников. Это уже учитывается в самых разных рейтингах, наряду со средним размером заработной платы и востребованностью выпускников на рынках труда региона местонахождения вуза и г. Москвы.

[13] *Горский Г. Ф., Основин В. С.* Проблемы совершенствования высшего юридического образования. С. 21.

Для того, чтобы вчерашние студенты были более приспособлены решать реальные задачи по правоприменению и, тем самым, получать преимущество при трудоустройстве, они должны иметь больше времени на различные виды практик: ознакомительные, учебные, производственные, преддипломные и т.д. «Конкретные профессиональные навыки приобретаются не на вузовской скамье, а в процессе практической работы», – подчеркивали Г. Ф. Горский и В. С. Основин[14]. Студент должен уже с первого курса приобщаться к реальной юридической работе. Это укрепит его знания, поможет ему в освоении новых знаний и выборе своей будущей юридической профессии, а следовательно, и профиля обучения, количество которых может быть увеличено (финансово-правовой, информационно-правовой, эколого-правовой и т.д.) К тому же сегодня учебные планы позволяют вводить рассредоточенную практику, которой может быть посвящен один день в неделю. Именно систематичность в применении знаний – один из ключей к успеху в формировании юриста, отвечающего потребностям рынка труда. Теория и практика должны идти рядом.

Нельзя не сказать и о пророческих словах профессоров Г. Ф. Горского и В. С. Основина о внедрении в учебный процесс современных технических средств обучения, среди которых они выделяли «создание магнитотек лекций и консультаций виднейших советских ученых, широкое внедрение в учебный процесс по всем дисциплинам кино- и видеозаписи, я также машинных средств обучения и контроля знаний»[15]. Вам это ничего не напоминает? В голову сразу приходит электронный учебно-методический комплекс с его аудио-, видео- лекциями, блогами, конференциями и т.д. Работа по созданию ЭУМК в Воронежском университете началась не так давно (Положение об электронных учебно-методических комплексах Воронежского государственного университета введено впервые в 2013 г.), а Геннадий Федорович и Виктор Степанович говорили об этом в конце 1970-х!

Еще одна крайне актуальная мысль ученых касается студентов очно-заочной и заочной форм обучения, точнее приоритета очной формы обучения. Профессора указывали и на экономические

[14] См.: *Основин В. С., Горский Г. Ф.* Перспективы юридического образования в СССР. С. 108.

[15] *Горский Г. Ф., Основин В. С.* Проблемы совершенствования высшего юридического образования. С. 19.

причины, и на более высокий уровень подготовки. Конечно, об упразднении очно-заочной и заочной форм обучения сегодня речь не идет, во всяком случае в рамках высшего юридического образования (хотя по другим специальностям и направлениям подготовки такой вариант уже давно обсуждается). Разумным компромиссом видится установление ограничений в профессии: невозможность занимать определенные должности или заниматься определенными видами юридической деятельности либо прием на заочную форму обучения лиц, имеющих юридическое среднее профессиональное образование или иное высшее профессиональное образование. Последний вариант, лишь немного отличающийся от озвученных выше предложений, уже давно реализуется на юридическом факультете ВГУ, где существует возможность получения высшего юридического образования в сокращенные сроки именно такими студентами. Г. Ф. Горский и В. С. Основин высказывали предложения о необходимости «совершенствовать методически систему заданий для курсовых и контрольных работ», выполняемых студентами-заочниками[16].

Геннадий Федорович и Виктор Степанович говорили еще о многом: и о всегда актуальной проблеме укрепления материальной базы, и о новых учебниках, адаптированных к современным профессиональным требованиям, и о разработке новых подходов к проведению лекций и семинарских занятий, и о системе переподготовки юридических кадров, и даже о решенной, благодаря современным информационным технологиям, сегодня задаче по обеспечению юридических вузов и факультетов достаточным количеством нормативных материалов, и о многом другом.

Это лишь некоторые запасы из того кладезя знаний, что оставили нам они – «отцы-основатели». Как ими воспользоваться – решать уже нам. От нас зависит, какой будет новая система высшего юридического образования, с его двумя уровнями «бакалавр» – «магистр». Они – профессора Горский Геннадий Федорович и Основин Виктор Степанович, – развивая и совершенствуя юридическое образование, сделали все что могли; работали не жалея сил и оставили всем нам богатое наследство. Не растерять его, а приумножить – вот достойная цель и наш долг как учеников перед Учителями!

Вечная им память…

[16] *Основин В. С., Горский Г. Ф.* Перспективы юридического образования в СССР. С. 107.

Е. Р. Россинская

доктор юридических наук, профессор

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЮРИСТА ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Осуществляемая в Российской Федерации правовая реформа, направленная на гуманизацию уголовного процесса, обеспечение защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, с одной стороны, и рост преступности, видоизменение ее структуры, усиление противодействия расследованию организованных преступных групп, с другой стороны, являются объективными предпосылками повышения значимости вещественных доказательств, их всестороннего и полного использования в судопроизводстве. В этой связи в производстве по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях существенно возрастает роль специальных знаний, основной процессуальной формой применения которых является судебная экспертиза.

Судебная экспертиза представляет собой устоявшийся институт процессуального права. Многие годы возможности судебных экспертиз и особенности их назначения и использования результатов в доказывании изучались в курсе криминалистики. Однако внимание уделялось в основном криминалистическим экспертизам в уголовном судопроизводстве. Но в современных социально-экономических условиях роль специальных знаний существенно возрастает именно в гражданском и арбитражном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях. Это связано, во-первых, с необходимостью объективизации процесса доказывания, обеспечения защиты имущественных и неимущественных прав и законных интересов личности, во-вторых, интеграция и дифференциация научного знания обусловливает возможность использования в доказывании все новых и новых достижений современной науки. Количество судебных экспертиз, назначаемых по гражданским делам, возрастает с каждым годом. Если в середине прошлого века основную часть экспертиз составляли криминалистические, то сейчас это далеко не так, существует множество других родов и видов судебных экспертиз. Судебной экспертизе давно уже тесно в рамках криминалистической науки. В учебниках по криминалистике практически не освещается современное состояние большинства классов судебных экспертиз.

© Россинская Е. Р., 2014

В результате выпускники юридических вузов часто не имеют никакого представления о современных возможностях таких весьма актуальных родов судебных экспертиз, как судебно-экономические, компьютерно-технические, экологические, инженерно-технические, лингвистические и др.; не знают, как оценить компетенцию эксперта, не могут правильно сформулировать вопросы на его разрешение, не говоря уже о вдумчивой и квалифицированной оценке экспертного заключения.

Другой процессуальной формой использования специальных знаний в судопроизводстве является консультация специалиста (показания, заключение). При преподавании процессуальных дисциплин вопросы, связанные с процессуальным статусом специалиста затрагиваются, но содержательно-информативная сторона этих консультаций (показаний, заключений), особенности следственных и судебных ситуаций, когда помощь специалиста необходима следователю, сторонам и суду, не получают достаточного освещения.

Как следует из п. 4.1 Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 030900 – Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)[1], область профессиональной деятельности бакалавров включает, в том числе, обеспечение законности и правопорядка. Бакалавр по направлению подготовки 030900 готовится к правоприменительной и правоохранительной профессиональной деятельности (п. 4.3 ФГОС ВПО).

Формирование ряда профессиональных компетенций юриста, таких как:

− реализация в своей профессиональной деятельности норм материального и процессуального права;

[1] Утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 4 мая 2010 г. № 464 с изм. и доп. от 31 мая 2011 г.

– владение навыками подготовки юридических документов;

– выполнение должностных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества, государства;

– способности выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления и иные правонарушения, а также выявлять и давать оценку коррупциогенным факторам в нормативных актах и иной документации, – невозможно без изучения современных возможностей использования специальных знаний.

Если более детально рассмотреть структуру базовой части профессионального цикла бакалавра юриспруденции, можно заключить, что обучающийся должен:

иметь представление:

– о правовых статусах субъектов, использующих специальные знания в гражданском, арбитражном и уголовном процессах, производстве по делам об административных правонарушениях;

– задачах применения специальных знаний по различным категориям гражданских и уголовных дел, дел об административных правонарушениях;

уметь:

– правильно ставить вопросы, подлежащие разрешению, при назначении судебных экспертиз;

– анализировать и правильно оценивать содержание заключений и показаний эксперта;

– использовать результаты судебных экспертиз в процессе доказывания по делам различных категорий;

– пользоваться помощью специалиста в процессуальной и непроцессуальной форме в различных видах судопроизводства.

В связи с вышеизложенным в вариативную часть основной образовательной программы подготовки бакалавров по направлению «Юриспруденция» в Московском государственном юридическом университете им. О. Е. Кутафина (МГЮА) по нашему предложению введена дисциплина «Экспертиза в судопроизводстве». Опыт преподавания похожей дисциплины в Университете им. О. Е. Кутафина есть, поскольку ранее для уголовно-правовой специализации при подготовке специалистов читался спецкурс «Теория и практика судебной экспертизы». Кроме того, в ряде вузов студентам читаются учебные курсы, связанные с использованием специальных знаний в судопроизводстве, например на юридическом факультете Балтийского федерального университета им. И. Канта, в Уральской государственной юридической академии, Саратовской государственной юридической академии и др.

Целевое значение курса «Экспертиза в судопроизводстве» состоит в формировании у студентов-юристов целостного представления:

– об особенностях использования специальных знаний в различных видах судопроизводства;

– современных возможностях судебных экспертиз в решении разнообразных вопросов, возникающих при расследовании и судебном разбирательстве;

– особенностях назначения экспертиз и критериях оценки заключений экспертов;

– особенностях использования специальных знаний специалиста при расследовании преступлений, судебном рассмотрении уголовных и гражданских дел как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах.

Задачи курса:

– формирование у студентов системы знаний о предмете, задачах и объектах судебной экспертизы;

– изучение классификации судебных экспертиз и решаемых задач основ экспертных технологий, заключения эксперта и особенностей его оценки;

– изучение возможностей основных классов судебных экспертиз;

– формирование у студентов навыков постановки вопросов перед экспертами разных специальностей и умений в определении направлений использования заключения эксперта;

– формирование навыков использования помощи специалиста в уголовном, гражданском и арбитражном процессе.

Основное внимание при изучении данного курса уделяется следующим темам:

– специальные знания и их использование в гражданском и уголовном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях;

– предмет, задачи и объекты судебной экспертизы;

– субъекты судебно-экспертной деятельности, их процессуальный статус и компетенция;

– производство экспертизы в экспертном учреждении и вне экспертного учреждения. Система и функции судебно-экспертных учреждений России;

– классификация судебных экспертиз, задачи, решаемые основными классами судебных экспертиз;

– особенности назначения судебных экспертиз в гражданском, арбитражном и уголовном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях;

– заключение судебного эксперта, его оценка и использование следователем и судом;

– допрос эксперта и консультации специалиста;

– типичные ошибки судебных экспертиз и пути их выявления.

Лекционные занятия по курсу проводятся в интерактивной форме с демонстрацией презентаций и фрагментов видеороликов о современных возможностях судебных экспертиз, новых экспертных технологиях и методиках экспертного исследования.

Однако основу обучения составляют практические занятия, при проведении которых активно используется кейсовый метод.

Примером такого практического занятия может быть кейс по назначению судебной экспертизы в гражданском процессе, оглашение заключения, дача экспертом показаний по заключению и оценка заключения с выявлением допущенных ошибок. Материалы кейса составляют судебные ситуации, разрешение которых требует назначения экспертизы, и заранее подготовленные заключения судебных экспертиз, соответствующие этим ситуациям.

Студенты разбиваются на малые группы, в которые входят судья, истец и ответчик, эксперт и специалист. Судья в группе является модератором и выбирается группой. Все малые группы работают одновременно над одним и тем же разделом кейса, конкурируя между собой в поиске наиболее оптимального решения. В результате первой части занятия должны быть созданы определения суда о назначении экспертиз. Во второй части происходит оценка заранее подготовленного заключения эксперта, получение показаний экспертов, консультаций специалистов и выявление экспертных ошибок.

Итогом занятия является обсуждение вопроса о признании или непризнании данного заключения допустимым доказательством.

Отработка описанных выше профессиональных навыков и умений может также происходить в «Юридической клинике» при консультировании населения по вопросам использования различных специальных знаний.

Второе направление формирования профессиональных компетенций юриста по использованию специальных знаний в судопроизводстве – это магистерские программы, целью которых является фундаментальная подготовка магистрантов права, обладающих углубленной комплексной компетенцией в области юриспруденции и какого-то отдельного вида специальных знаний. Освоение подобных магистерских программ позволяет магистрантам сформировать экспертно ориентированное мышление юриста (правоведа), что необходимо как в законодательной, так и правоприменительной или правозащитной деятельности. Контроль качества обучения предполагает проведение тестирований, коллоквиумов, подготовку рефератов и компьютерных презентаций.

В ходе обучения применяются современные практически ориентированных методики с использованием деловых игр и мастер-классов ведущих специалистов и экспертов в области теории и практики судебной экспертизы, а также с применением кейс-метода на базе автоматизированных рабочих мест судебного эксперта, имеющихся в Университете им. О. Е. Кутафина.

По нашему мнению, в настоящее время наиболее актуальны следующие магистерские программы этого направления.

1. «Правовая лингвистика» с усилением лингвистической составляющей в решении задач, связанных с правовым регулированием и разрешением документационных и информационных споров и конфликтов, защитой прав интеллектуальной собственности, разрешением информационно-правовых коллизий в деятельности СМИ и шоу-бизнесе.

2. «Экономические экспертизы в судопроизводстве» с усилением экономической составляющей в целях подготовки юристов, способных осуществлять экспертную и правовую оценку всех сторон экономической деятельности юридических лиц. Программа включает овладение комплексом междисциплинарных юридических и финансово-экономических знаний, необходимых для эффективной работы в различных областях управленческой и аналитической деятельности, в том числе комплексные правовые и

экономические подходы к исследованию финансово-хозяйственных операций, оценочной, консалтинговой и аналитической деятельности.

3. «Судебная экспертиза документов» – подготовка магистрантов права, обладающих углубленной двойной компетенцией в области юриспруденции и судебно-экспертного исследования документов, способных как производить исследования документов, так и оказывать помощь субъектам правоприменительной деятельности по вопросам назначения и производства судебных экспертиз документов и консультации по современным возможностям исследования реквизитов и материалов документов, вовлекаемых в сферу судопроизводства в качестве документов, вещественных доказательств, а также иных материалов дела.

Для оказания содействия Учебно-методическому объединению по юридическому образованию высших учебных заведений Российской Федерации в учебно-методическом обеспечении вузов, выполняющих подготовку бакалавров, специалистов и магистров юриспруденции, в которых осуществляется преподавание дисциплин, связанных с использованием специальных знаний (судебных экспертиз), в рамках УМО образована Учебно-методическая комиссия по направлению подготовки «Юриспруденция» в области судебной экспертизы (УМК-УМО)[2], являющаяся структурным подразделением УМО.

Задачи УМК-УМО:

• координация деятельности вузов и судебно-экспертных учреждений в обеспечении качества и развития содержания высшего, послевузовского и дополнительного профессионального образования;

• определение перечней и содержания магистерских программ по различным, в том числе новым и формирующимся, родам и видам судебных экспертиз; перечней и содержания программ учебных дисциплин подготовки бакалавров юриспруденции, связанных с изучением проблем использования специальных знаний в судопроизводстве;

• содействие обеспечению учебных заведений нормативно-методической документацией по подготовке бакалавров, специалистов и магистров юриспруденции по судебной экспертизе;

[2] Председателем УМК-УМО решением Совета УМО избрана автор данной статьи.

• подготовка и экспертиза проектов документов по вопросам развития высшего, послевузовского и дополнительного профессионального образования по направлению подготовки «Юриспруденция» в области судебной экспертизы;

• разработка программ повышения квалификации и переподготовки профессорско-преподавательского состава, осуществляющего обучение бакалавров, специалистов и магистров юриспруденции в сфере судебно-экспертной деятельности.

• проведение конкурсов по созданию учебной и методической литературы, аудиовизуальных средств по проблемам судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности, а также экспертизы подготовленных к изданию рукописей учебников, учебных пособий и учебно-методической литературы для бакалавров, специалистов и магистров юриспруденции в сфере судебно-экспертной деятельности и др.

В состав комиссии по Положению входят представители образовательных учреждений, реализующих образовательные программы по направлению подготовки «Юриспруденция» в области судебной экспертизы и преподающих дисциплины судебно-экспертного профиля. В УМК-УМО от каждого вуза, где есть кафедра судебных экспертиз или ведется преподавательская деятельность в области судебной экспертизы, делегируется один представитель (как правило, заведующий кафедрой судебных экспертиз или иных кафедр, осуществляющих преподавание дисциплин экспертной направленности).

Уважаемые коллеги, если вас заинтересует работа УМК-УМО, приглашаем к сотрудничеству.

А. С. Фомина

кандидат юридических наук, доцент

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Научное наследие Г. Ф. Горского чрезвычайно многогранно. В частности, в работе «Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР» он обращал внимание на вопросы правового воспитания и обучения. Г. Ф. Горский писал: «Успех воспитательных функций следствия определяется прежде всего кадрами следователей. Следователь как личность – фигура многогранная. В профессиональном плане как специалист-юрист он должен уметь раскрывать, расследовать совершенные преступления, предупреждать новые, готовящиеся, а как воспитатель – оказывать влияние на перевоспитание человека»[1]. По справедливому утверждению Г. Ф. Горского, «основа всякой социальной системы – кадры, призванные осуществлять ответственные задачи, которые ставятся перед ними. Поэтому важнейшей проблемой совершенствования системы юридического образования в стране является проблема кадров»[2]. Качество работы будущих правоприменителей во многом обусловлено надлежащей методикой и учетом особенностей преподавания им различных юридических дисциплин, в частности криминалистики, умелым сочетанием при этом исторического, сравнительно-правового, формально-догматического методов, системно-структурного подхода.

Ряд утверждений Г. Ф. Горского не утратил актуальности и в наши дни: «Научно-техническая революция обусловила резкое возрастание потоков информации. Получаемые студентами знания устаревают в среднем на 10–20 % в год. Между тем сегодняшние студенты юридических вузов станут настоящими вы-

[1] *Горский Г. Ф.* Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж, 1970. С. 202.

[2] *Горский Г. Ф., Основин В. С.* Проблемы совершенствования высшего юридического образования // Правоведение. 1976. № 3. С. 15.

© Фомина А. С., 2014

сококвалифицированными специалистами лишь через 5–10 лет. Минимум на этот срок и необходимо поэтому “заглядывать вперед” при подготовке юриста в вузе»[3]. В российской юридической науке в последние десятилетия идет активная дискуссия по поводу методики преподавания криминалистики как на юридических факультетах университетов и иных юридических вузов общего профиля, так и в специализированных учебных заведениях. Наряду с разнообразием имеющихся взглядов, отметим общий момент: криминалистика относится к числу обязательных юридических дисциплин, предусмотренных государственным образовательным стандартом для изучения в высших учебных заведениях, и с этим фактом нельзя не считаться.

Нами поставлена задача – на основе анализа преподавания отдельных аспектов криминалистики предложить свое видение совершенствования этого процесса. Прежде чем мы коснемся конкретных вопросов, связанных с преподаванием учебной дисциплины «Криминалистика», следует вспомнить базовые положения дидактики. Дидактика – это область педагогики, исследующая закономерности процесса обучения, теория обучения. Дидактика исследует общие закономерности познавательной деятельности человека, происходящей как под руководством преподавателя, так и самостоятельно, путем самообразования. Слово «дидактика» происходит от греческого «дидактикос», что означает «обучающий». Считается, что этот термин ввел немецкий педагог В. Ратке (1571–1635). Под дидактикой он понимал научную дисциплину, которая занимается исследованием теоретических и методических основ обучения. Фундаментальную научную разработку дидактики впервые осуществил Я. А. Коменский. В 1632 г. он написал на чешском языке «Великую дидактику». Под дидактикой Коменский понимал «всеобщее искусство учить всех всему»[4].

Дидактика отвечает на вопросы: для чего учить? чему учить? как учить? где учить? в каких организационных формах? Иными словами, она дает научное обоснование целям, отбору содержания образования, выбору средств и методов обучения, определяет

[3] *Горский Г. Ф., Основин В. С.* Перспективы юридического образования в СССР // Правоведение. 1971. № 4. С. 104.

[4] Педагогика : Большая современная энциклопедия / сост. Е. С. Рапацевич. Минск, 2005. С. 134.

формы организации обучения[5]. Отметим, что, исходя из общих положений дидактики, аналогичными вопросами задавался применительно к изучению криминалистики в начале XX в. профессор Г. Маннс: «Рассматривая вопрос о преподавании криминалистики, необходимо остановить свое внимание на следующих частных вопросах: кто должен ее преподавать? кому ее следует преподавать? когда и как ее преподавать?»[6].

Дидактика как общая теория обучения рассматривает общие положения и закономерности, свойственные обучению всем предметам. Эти закономерности получают отражение в преподавании каждой конкретной учебной дисциплины. Вместе с тем преподавание каждого предмета имеет свою специфику, определяемую целью его изучения, содержанием и особенностями усвоения учащимися. Эта специфика учитывается и получает отражение в предметных методиках или частных дидактиках – отраслях педагогической науки, изучающих закономерности преподавания и изучения конкретных учебных дисциплин[7].

Дидактика и методика находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости: дидактика опирается на практику преподавания конкретных учебных дисциплин, беря оттуда факты, примеры и материалы, дающие основание для обобщений, вскрытия закономерностей. Вместе с тем познанные дидактикой закономерности, выводы и рекомендации должны браться на вооружение предметными методиками и использоваться для дальнейшего совершенствования процесса преподавания и изучения каждой учебной дисциплины[8]. Дидактика является тем общенаучным ядром, которое объединяет все предметные методики и обеспечивает единство в подходах и принципах преподавания и организации познавательной деятельности учащихся[9].

Основополагающие требования к практической организации учебного процесса в педагогике принято называть дидактическими принципами. К наиболее важным из них относятся следующие:

[5] См.: Педагогика : Большая современная энциклопедия. С. 134.

[6] *Маннс Г.* Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Криминалистъ первопечатный. 2011. № 3. С. 93.

[7] См.: Педагогика: Большая современная энциклопедия. С. 134.

[8] См.: Там же. С. 134.

[9] См.: Там же.

1) принцип направленности обучения на решение во взаимосвязи задач обучения, воспитания и общего развития обучаемых;

2) научности обучения;

3) связи обучения с жизнью, практикой государственного строительства;

4) систематичности и последовательности в обучении;

5) доступности;

6) сознательности и активности учащихся в обучении при руководящей роли преподавателя;

7) наглядности обучения;

8) сочетания различных методов и средств обучения в зависимости от задач и содержания;

9) сочетания различных форм организации обучения в зависимости от задач, содержания и методов обучения;

10) создания необходимых условий для обучения;

11) прочности, осознанности и действенности результатов обучения, воспитания и развития.

Только совокупность принципов обеспечивает успешное определение задач, выбор содержания, методов, средств и форм обучения. Недопустима гиперболизация того или иного принципа, так как это оборачивается снижением эффективности решения одних образовательных задач за счет других. Точно так же недооценка отдельных принципов будет вести к снижению эффективности обучения. Только целостное применение дидактических принципов позволит успешно решить задачи современной высшей школы[10].

Структура учебного курса криминалистики, основываясь на системе науки, включает в себя 4 раздела: общая теория (методология) криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика и криминалистическая методика.

Изучение вопросов общей теории криминалистики необходимо начинать с исторического компонента. Отсутствие у студентов познаний о природе науки криминалистики ведет в дальнейшем к непониманию ими концептуальных основ современной криминалистической науки. Студенты могут и должны иметь представление об истоках криминалистики (первые попытки формирования криминалистических знаний и умений в Древнем Риме, Китае,

[10] Подробнее об этом см.: *Бабанский Ю. К.* Оптимизация процесса обучения : общедидактический аспект. М., 1977.

Индии, на Руси), об особенностях собирания и использования доказательственной информации в Средневековье, в рамках инквизиционного процесса, и наиболее полные знания – о развитии криминалистики в XIX в., когда криминалистика сформировалась и оформилась как самостоятельная наука. Важно, чтобы студенты понимали научные основы бертильонажа, дактилоскопии, криминалистической фотографии как основополагающих методов отождествления и регистрации преступников. Наряду с заслугами зарубежных криминалистов (А. Бертильона, Г. Фулдса, Э. Генри, Ф. Гальтона, Ж. Вучетича и др.), акцент в преподавании должен быть сделан на достижения пионеров российской криминалистики (Е. Ф. Буринского, В. И. Молчанова, И. В. Скопина, Ф. А. Чистовича, С. Н. Трегубова и др.). История советской (российской) криминалистики подлежит изложению в рамках нескольких периодов:

– 1918–1940 гг.;
– 1945–1960 гг.;
– 1960–1990 гг.;
– 1990 г. – по наши дни.

Студенты должны иметь представление о специфике каждого из этапов (особенностях формирования и развития криминалистической науки), о вкладе наиболее известных ученых в процесс «самоидентификации криминалистики как науки» (воспользуемся выражением О. Я. Баева)[11]. В рамках общей теории студенты должны на основе изучения и обобщения многочисленных литературных источников сформировать представление о современных воззрениях на предмет криминалистики, существующей дискуссии по этому вопросу. Студенты, изучая систему криминалистики, состоящую из 4 подсистем, должны знать и особенности формирования именно такой структуры современной криминалистики, длительную дискуссию, предшествующую подобному пониманию системы науки. Для расширения профессионального (впрочем, как и общего) кругозора студенты должны иметь представление о современных тенденциях развития науки криминалистики, в частности применительно к системе, о формировании пятого раздела – криминалистической стратегии.

Принципиально важно с гносеологических позиций именно в рамках общей теории криминалистики сформировать у студентов

[11] См.: *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. М., 2009. С. 44.

понимание важнейшей криминалистической категории – следа (и всего, что с ним связано: видов следов, возможностей криминалистического исследования отдельных видов следов, в том числе наряду с материальными и идеальными, виртуальных следов). Изучая теорию криминалистического распознавания, студенты должны четко уяснить отграничение криминалистической диагностики от идентификации, а также знать о возможностях нетрадиционной диагностики, в частности о применении полиграфа, построении психологического портрета (профиля) преступника, психодиагностики почерка. В рамках общей теории криминалистики представляется необходимым раскрыть тему «Криминалистические версии и планирование процессуального исследования преступлений». Студентам необходимо иметь представление о природе криминалистической версии, ее современном понимании, о классификации версий. Для будущей успешной практической деятельности студентам немаловажно уяснить принципы (логические и фактические) выдвижения (построения) и проверки криминалистических версий и следствий, вытекающих из них. Студенты должны понимать как саму сущность планирования процессуального исследования преступлений, так и знать виды планов, иметь представление о том, как они составляются. Для успешного освоения общей теории криминалистики знания, полученные в рамках лекций и изучения криминалистической литературы, подкрепляются активным вовлечением студентов в процесс работы на семинар-ских занятиях. При изучении данного раздела криминалистической науки студенты на семинарских занятиях готовят доклады и сообщения (по заданию преподавателя), участвуют в научных дискуссиях (как в рамках семинара, так и НСК по криминалистике). В ходе решения задач по фабулам, предложенным преподавателем, студенты должны сформировать навыки выдвижения и проверки следственных версий, умение создавать различные планы расследования (календарный, совместный следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, отдельного сложного след-ственного действия).

При изучении раздела «Криминалистическая техника» целесообразно его разделение на Общую и Особенную части. В рамках Общей части студенты получают представление о понятии и системе криминалистической техники, основных технико-криминалисти-

ческих средствах (ТКС) и методах, критериях их допустимости, а также изучают дискуссионные проблемы криминалистической техники (в частности, проблемы использования полиграфа в доказывании, одорологии, применения метода гипнорепродукции и др.). При проведении практических занятий преподаватель подкрепляет изучение теоретических положений наглядной демонстрацией содержимого следственного (криминалистического) чемодана, краткой характеристикой технических средств, содержащихся в нем, и возможностей их использования. Таким образом, студенты получают представление о возможностях «полевой» криминалистики. В рамках взаимодействия с экспертно-криминалистическими учреждениями для закрепления материала осуществляется экскурсия в экспертное учреждение с наглядным показом имеющихся технических средств и объяснением возможностей экспертных исследований, демонстрируются передвижная криминалистическая лаборатория и существующие методики проведения экспресс-исследований. При изучении Особенной части большое значение приобретают практические занятия, в рамках которых под руководством преподавателя студенты получают навыки криминалистической фотографии (например, частных приемов фотографирования в ходе осмотра места происшествия и производства иных следственных действий); работы со следами (выявления, закрепления и изъятия слабо видимых и невидимых поверхностных следов рук и видимых объемных следов обуви); исследования документов (выявления подлога, его разновидности и применения ТКС для их обнаружения). Для этого используются возможности криминалистической лаборатории, созданной на базе кафедры. При изучении дискуссионных проблем криминалистической техники важно, чтобы преподаватель в ходе обсуждения таковых заострил внимание на их соответствии (несоответствии) требованиям (критериям) допустимости, предъявляемым к техническим средствам в криминалистике. В обязательном порядке студентами выполняются процессуальные акты: фототаблица (приложение к протоколу осмотра места происшествия) и габитологическое описание, процессуально оформленное в виде протокола допроса.

При изучении раздела «Криминалистическая тактика» также целесообразно его разделение на Общую и Особенную части. В рамках Общей части студенты получают представление о системе тактико-криминалистических средств (тактических приемах, тактических комбинациях и тактических операциях), а также требованиях, предъявляемых к ним; о теории следственных ситуаций. Подробно изучаются отдельные виды тактических операций, в частности «задержание с поличным», «проверка алиби», «проверка показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления», «защита доказательств» и др. В рамках Особенной части студенты изучают тактику производства отдельных следственных действий (следственного осмотра, обыска, допроса, предъявления для опознания, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, назначения и производства экспертиз). Отдельные темы необходимо посвятить особенностям тактики государственного обвинения и тактики профессиональной защиты по уголовным делам. При проведении практических занятий по криминалистической тактике целесообразно использовать возможности деловых игр, в частности, по таким темам, как тактика осмотра места происшествия, тактика допроса, тактика предъявления для опознания. Студенты могут выступить в роли следователя, работника органов дознания, эксперта-криминалиста, адвоката и, соответственно, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего. По итогам занятий студенты обязательно выполняют три процессуальных акта: протокол осмотра места происшествия, протокол допроса и протокол предъявления для опознания. Это способствует надлежащему закреплению процессуально-тактических основ производства отдельных следственных действий, а также лучшему пониманию сущности отдельных тактических приемов, комбинаций и операций.

При изучении раздела «Криминалистическая методика» студенты вначале осваивают Общую, а затем Особенную части. В рамках Общей части изучаются понятие криминалистической методики, сущность научных и методических основ расследования отдельных видов и категорий преступлений, а также принципы построения и структура частных криминалистических методик. В рамках Особенной части студенты должны освоить методику расследования отдельных видов и групп преступлений: насильственных, экономических и должностных. Закреплению навыков способствуют решение задач по фабулам, предлагаемым преподавателем, а также изучение материалов архивных уголовных дел. В

рамках творческого сотрудничества с правоохранительными органами целесообразно приглашение на семинарские занятия по криминалистической методике наиболее опытных следователей для получения и закрепления практических навыков будущей работы.

На наш взгляд, в ходе практических занятий целесообразно рациональное сочетание использования средств компьютерной техники (например, программы проведения виртуального осмотра места происшествия, криминалистических тестов по пройденному материалу) и живого общения, развития речевых и психодиагностических навыков у студентов. Профессия юриста относится к системе «человек – человек», а потому излишняя технизация ее влечет за собой утрату навыков и способностей установления психологического контакта, умения работать в команде, что крайне важно для будущих следователей и представителей других юридических специальностей.

Построение подобным образом структуры обучения криминалистике в полной мере соответствует всем принципам и требованиям дидактики, формирует у студентов живой интерес к данной юридической дисциплине, способствует формированию их профессиональных навыков.

.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Галина Константиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого».

Агибалов Владимир Юрьевич – кандидат юридических наук, заместитель руководителя государственно-правового управления – начальник отдела по работе с органами государственной власти и местного самоуправления аппарата Воронежской областной Думы.

Арыстанбеков Марат Акытович – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ правовых и сравнительных исследований Карагандинского университета «Болашак» (Республика Казахстан).

Астафьев Юрий Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса Воронежского государственного университета.

Бабакова Мария Алексеевна – кандидат юридических наук, помощник судьи Саратовского областного судьи.

Баев Олег Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Воронежского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН.

Баранов Максим Викторович – кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории и истории государства и права Тульского государственного университета.

Белкин Анатолий Рафаилович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Московского государственного университета приборостроения и информатики, академик РАЕН.

Белоус Василий Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», старший научный сотрудник НИИ изучения проблем преступности имени академика В. В. Сташиса Национальной академии правовых наук Украины.

Бобрицкий Сергей Михайлович – кандидат технических наук, директор Харьковского научно-исследовательского, проектно-конструкторского и технологического института микрографии.

Гармаев Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор.

Головин Александр Юрьевич **–** доктор юридических наук, декан юридического факультета Тульского государственного университета.

Горский Вадим Вадимович **–** кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Горский Максим Вадимович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Жбанков Виктор Андреевич **–** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии, заслуженный юрист Российской Федерации.

Зеленский Владимир Дмитриевич **–** доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Кубани, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Зотов Денис Валентинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

Ищенко Евгений Петрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Ким Дмитрий Владимирович **–** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России.

Кокорев Лев Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Комаров Игорь Михайлович **–** доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета.

Комиссарова Ярослава Владимировна **–** кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Корж Валентина Павловна **–** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел.

Коцюмбас Сергей Михайлович **–** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики НИУ «Белгородский государственный университет», судья Белгородского областного суда.

Листенгартен Владимир Семёнович **–** кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного университета.

Мещеряков Владимир Алексеевич **–** доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Михайлов Виктор Александрович – доктор юридических наук, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный редактор журнала «Публичное и частное право».

Олиндер Нина Владимировна – кандидат юридических наук, заведующая криминалистической лабораторией кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета.

Панюшкин Валентин Анатольевич – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации судебной власти и правоохранительной деятельности, декан юридического факультета Воронежского государственного университета.

Подкопаева Ирина Владимировна **–** главный библиограф Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета.

Просвирнин Юрий Георгиевич **–** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права России и зарубежных стран Воронежского государственного университета.

Резникова Анна Игоревна – аспирант лаборатории «Использования современных достижений науки и техники в борьбе с преступностью» НИИ изучения проблем преступности имени академика В. В. Сташиса НАПрН (г. Харьков).

Резникова Елена Игоревна – аспирант лаборатории «Использования современных достижений науки и техники в борьбе с преступностью» НИИ изучения проблем преступности имени академика В. В. Сташиса НАПрН (г. Харьков).

Россинская Елена Рафаиловна **–** доктор юридических наук, профессор, директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки

Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик РАЕН, действительный член Международной ассоциации по идентификации (IAI USA), Президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», Председатель Учебно-методической комиссии по направлению подготовки «Юриспруденция» в области судебной экспертизы УМО по юридическому образованию вузов Российской Федерации.

Рябцева Екатерина Владимировна **–** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права ЦФ ГОУ ВПО «Российская академия правосудия», адвокат АК ВОКА «Бородин и партнеры».

Самороковский Василий Михайлович **–** кандидат юридических наук, доцент.

Седнев Владислав Владимирович **–** доктор медицинских наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Донецкого национального университета.

Сизов Александр Александрович **–** кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Регионального открытого социального института (г. Курск).

Степанов Владимир Васильевич **–** кандидат юридических наук, профессор кафедры криминалистического обеспечения расследования преступлений Саратовской государственной юридической академии.

Стояновский Максим Валерьевич **–** кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Сыщикова Тамара Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

Тищенко Валерий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Национального университета «Одесская юридическая академия», член-корреспондент НАПрН Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины.

Фомина Анна Станиславовна **–** кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

Хмелёва Алла Владимировна – кандидат юридических наук, полковник юстиции, Следственное управление Следственного комитета РФ по Воронежской области.

Цурлуй Олеся Юрьевна **–** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Воронежского экономико-правового института.

Шабанов Павел Николаевич – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета.

Шепитько Валерий Юрьевич **–** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», заслуженный деятель науки и техники Украины, академик правовых наук Украины, иностранный член РАЕН.

Шумилин Сергей Федорович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса НИУ «Белгородский государственный университет».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

РАЗДЕЛ 1. Профессор Геннадий Федорович Горский: ученый, педагог, общественный деятель 7

Кокорев Л. Д. Геннадий Федорович Горский: краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности 9

Листенгартен В. С. Вклад профессора Г. Ф. Горского в разработку проблем педагогики высшей школы 18

Михайлов В. А. Память о Геннадии Федоровиче Горском 26

Подкопаева И. В. Г. Ф. Горский и книги 32

Самороковский В. М. Таких людей не забывают 40

Основные даты жизни и деятельности профессора Г. Ф. Горского 45

Библиографический указатель трудов Г. Ф. Горского. 47

РАЗДЕЛ 2. Выявление и изучение причин преступности и проблемы криминалистической профилактики 55

Горский Г. Ф. Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования. (Извлечения) 57

Баев О. Я. Основные направления специальной превенции принуждения к даче показаний 98

Корж В. П. Криминалистическая профилактика в методике расследования организованной преступной деятельности в сфере экономики 114

Резникова Е. И. Виктимологическое познание личности в целях криминалистической профилактики преступлений 122

Сизов А. А. Некоторые проблемы предупреждения и расследования преступлений, совершенных иностранными гражданами на территории Российской Федерации 139

Стояновский М. В. Уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты изучения и установления обстоятельств, способствующих совершению преступлений 143

РАЗДЕЛ 3. Проблемы организации следственного аппарата и расследования преступлений 155

Горский Г. Ф. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. (Извлечения) 157

Горский В. В. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в трудах Г. Ф. Горского 195

Арыстанбеков М. А. Отказ от доследственной проверки в рамках ускоренного досудебного расследования 205

Астафьев Ю. В. Новые формы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела 214

Белкин А. Р. Нужна ли российскому уголовному процессу стадия возбуждения уголовного дела? 224

Гармаев Ю. П. Криминалистика как инициатор обновления парадигм наук антикриминального цикла 237

Головин А. Ю., Баранов М. В. Ситуационные задачи в структуре аналитической работы следователя 253

Жбанков В. А. О противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства 269

Зеленский В. Д. О понятии, содержании организации расследования преступлений 274

Ищенко Е. П. Современные проблемы раскрытия и расследования преступлений 284

Ким Д. В. Влияние криминалистических ситуаций на постановку и решение задач в процессе доказывания по уголовному делу 294

Комаров И. М. Основы стандарта защиты от уголовного преследования в ходе предварительного расследования 302

Рябцева Е. В. Защита участников уголовного судопроизводства: проблемы законодательной регламентации 315

Седнев В. В. Криминально-психологическое моделирование: обоснование метода 326

Тищенко В. В. Современное состояние и перспективы развития криминалистической методики расследования преступлений 342

Хмелёва А. В. Опыт организации взаимодействия следственных органов и экспертных служб (на примере Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Воронежской области) и отдельные вопросы экспертного сопровождения следствия 356

Цурлуй О. Ю. Понятие криминалистического обеспечения судебного разбирательства по уголовному делу 370

Шепитько В. Ю. Функциональная модель расследования преступлений в современных условиях 379

РАЗДЕЛ 4. Проблемы применения современных научно-технических средств и информационных технологий в процессе доказывания по уголовному делу 389

Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. (Извлечения) 391

Панюшкин В. А., Зотов Д. В. «Кузница прогресса»: влияние взглядов профессора Г. Ф. Горского на формирование идей об использовании научно-технических достижений в уголовном судопроизводстве (на примере работ ученых Воронежского государственного университета) 405

Авдеева Г. К., Бобрицкий С. М. Инновации в борьбе с преступлениями в сфере использования информационных технологий 420

Агибалов В. Ю. Особенности поиска и обнаружения виртуальных следов в ходе проведения обыска и выемки 429

Белоус В. В. Информационные технологии как инновационное средство криминалистической дидактики 440

Коцюмбас С. М. О некоторых проблемах организации расследования преступлений в сфере компьютерной информации 462

Мещеряков В. А. Сходство и различие категорий уголовно-правового регулирования и технических систем в сфере компьютерной информации 468

Олиндер Н. В. Особенности проведения допроса при расследовании преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем 475

Просвирнин Ю. Г. Защита персональных данных в уголовно-правовой сфере 479

Степанов В. В., Бабакова М. А. Особенности использования при расследовании систем сотовой связи стандарта GSM 501

Шумилин С. Ф. Проблемы применения технических средств в уголовном судопроизводстве 515

РАЗДЕЛ 5. Проблемы профессиональной этики юриста 531

Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика: некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. (Извлечения) 533

Горский М. В. О вкладе профессора Г. Ф. Горского в становление и развитие судебной этики как науки 599

Комиссарова Я. В. Психолого-правовая характеристика труда эксперта 606

Резникова А. И. Использование профессиональных тайн в уголовном производстве: криминалистические и этические проблемы 627

РАЗДЕЛ 6. Проблемы развития высшего юридического образования 643

Горский Г. Ф., Основин В. С. Перспективы юридического образования в СССР 645

Горский Г. Ф., Основин В. С. Проблемы совершенствования высшего юридического образования 654

Сыщикова Т. М., Шабанов П. Н. Взгляд сквозь время: об актуальности идей профессора Г. Ф. Горского по совершенствованию высшего юридического образования 665

Россинская Е. Р. Формирование профессиональных компетенций юриста по использованию специальных знаний в судопроизводстве 674

Фомина А. С. Вопросы совершенствования методики преподавания криминалистики в условиях современной высшей школы 682

Сведения об авторах 691

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

***Профессору
Геннадию Федоровичу Горскому
посвящается***

Под редакцией
Валентина Анатольевича Панюшкина

Ведущий редактор издательской группы *Ю. С. Гудкова*
Художественное оформление *Е. Е. Комаровой, Е. В. Черновой*
Компьютерная верстка *Е. Н. Попуга*
Корректоры *М. С. Исаева, Г. И. Старухина, М. Г. Щигрёва*

Подписано в печать 14.11.2015. Формат 60×90/16
Уч.-изд. л. 38,8. Усл. п. л. 42,0. Тираж 500 экз. Заказ 620

Издательский дом ВГУ
394000, Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394000, Воронеж, ул. Пушкинская, 3